

ЛЕЙБЪ-КАЗАКИ

1917-1920

Александр Васильевич

Ваше Императорское Высочество

8 Июля 1939

Лейбъ Казаки просят оказать имъ честь и принять
въ знакъ ихъ глубочайшей вѣрнопреданности экземпляръ № 2
изданной ими книги "Лейбъ Гвардіи Казачій Е.В. полкъ въ
годы революціи и гражданской войны"

Вашего Императорскаго Высочества
вѣрнопреданный слуга

Генералъ Маіоръ *Александр Васильевич*

2

12-го Іюля 1939 года.

Многоуважаемый

Илья Николаевичъ,

Искренно благодарю Лейбъ Казановъ за присланный экзем-
пляръ изданной ими книги: "Лейбъ Гвардіи Казачій Его Вели-
чества полкъ въ годы революціи и гражданской войны" и поз-
дравляю съ блестяще выполненной задачей, столь трудной въ
нынѣшнихъ условіяхъ, часть и слава Вамъ всѣмъ.

Искренно Вашъ,

Генераль-Маіору

И. Н. Оприць.

27

Экземпляръ № 2

Принадлежитъ

ЕГО ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЫСОЧЕСТВУ

ВЕЛИКОМУ КНЯЗЮ

АНДРЕЮ ВЛАДИМИРОВИЧУ

23 Юни 1939

Франція

И. И. ОПРИЦЪ — ЛЕЙБЪ-КАЗАКИ

Copyright 1939 by the author
Tous droits réservés.

И. Н. Оприць

Лейбъ - Гвардіи Казачій Е. В. полкъ
въ годы революціи
и гражданской войны
1917-1920

ЧЕСТЬЮ, СЛАВОЮ, ВѢРОЮ, ПРАВДОЮ И ЛЮБОВЬЮ.

3

*(Слова вышиты въ 1875 году на
полковой шапке въ память ос-
татковъ въ семь году
сраженія Лейбъ-Гвардіи Казачь-
ей Е. В. полка).*

Издание В. Сіяльскаго

ПАРИЖЪ

1939

Этой книге издано четыреста экземпляров, изъ коихъ одинъ лит. А. и сто пятьдесятъ номерованныхъ.

№ 2

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Настоящее описание дѣятельности, въ годы революціи и гражданской войны, Лейбъ Гвардіи КАЗАЧЬЯГО полка издается въ исполненіе постановленія общаго собранія г. г. офицеровъ полка, въ воздаяніе долгаго памяти жертвенно, съ оружіемъ въ рукахъ почившихъ въ борьбѣ однополчанъ, а равно и для сохраненія нужныхъ для будущаго матеріаловъ.

Предлагаемая книга отнюдь не претендуетъ дать исторію гражданской войны въ ея цѣломъ, какъ не претендуетъ на изображеніе полной картины участія въ борьбѣ всего казачества. Однако изложеніе работы полка въ связи съ общимъ ходомъ событій было бы непонятнымъ, ибо, въ условіяхъ гражданской войны, именно факторы быстро мѣнявшейся общей обстановки въ значительной степени обуславливали форму и направленіе полковой дѣятельности.

Поэтому параллельно подробному изложенію дѣятельности полка кратко излагается и общій ходъ событій, оцѣниваемыхъ исключительно съ точки зрѣнія строевого офицера фронта.

Вынужденная объемомъ книги краткость обрисовки общей обстановки побудила составителя подкрѣпить свое изложеніе ссылками на капитальные труды авторитетныхъ авторовъ, гдѣ интересующіеся и могутъ найти полное описаніе той или иной фазы событій.

Дѣятельность полка изложена строго на основаніи показаній участниковъ-однополчанъ, путемъ согласованія и тщательной свѣрки какъ съ архивными данными, такъ и съ сохранившимися полковымъ и нѣкоторыхъ сотенъ-дневниками боевыхъ дѣйствій.

Составитель настоящей полковой хроники проситъ принять глубочайшую благодарность:

Донского Атамана генерала отъ кавалеріи П. Н. Краснова, командира Донского корпуса генераль-лейтенанта Ф. Ф. Абрамова и нач. 1-ой Донской Конной дивизіи ген. В. А. Дьякова, давшихъ весьма цѣнные для полка свои комментаріи и дополненія.

Всѣхъ однополчанъ своими обширными письменными показаніями давшихъ матеріалъ для текста и своимъ жертвеннымъ порывомъ обезпечившихъ въ значительной степени денежную сторону изданія. (Особо цѣнными по ихъ обстоятельности, являются записки В. И. Фарафонова, К. Р. Поддѣва, Н. В. Номикосова, Ю. А. Черемшанскаго, Н. Г. Евфимьева, Ю. А. Агафонова.

и, по их незаурядной наблюдательности, записки Н. П. Ефремова и Ю. А. Могилевского).

Хранитель Донского Архива в Праге полковник М. А. Ковалева, любезно приславшего всё необходимые справки и копии некоторых документов Донского Архива и Ген. Штаба генерала Н. Ф. Эрнста, по поручению полка составившему в 1923 году, частично использованную здесь в начальных главах, сводку показаний ряда офицеров полка.

Издателя полковника В. П. Сидельского, вложившего в дело выпуска книги много добросовестности и своего богатого издательского опыта.

Б. П. Попова и К. Р. Поддѣва любезно выполнивших помѣщения в книгу карты и схемы и С. Ф. Ефремова, выполнившего рисунок обложки.

Апрѣль 1939.
Курбевуа — Франція.

И. О.

**СПИСОКЪ Г. Г. ОФИЦЕРОВЪ ЛЕЯБЪ-ГВАРДИИ КАЗАЧЬЯГО ПОЛКА,
Убитыхъ въ вооруженной борьбѣ съ большевиками въ 1918, 1919 и 1920 г. г.**

А. Убитые въ вооруженной борьбѣ съ большевиками.

1. Генералъ-майоръ Орловъ
Иванъ Давыдовичъ.	Командиръ Донской дивизіи, 14 февраля былъ захваченъ и убитъ большевиками, при взятіи ими гор. Новочеркасска.
2. Есаулъ Рыжовскій
Яковъ Федоровичъ.	Убитъ въ конной атакѣ подь Екатеринодаромъ 31 марта 1918 г.
3. Есаулъ Павле
Николай Павловичъ.	Убитъ въ конной атакѣ подь Екатеринодаромъ 31 марта 1918 г.
4. Подъесаулъ Кутейниковъ
Сергій Сергѣевичъ.	Убитъ въ бою подь х. Мишкинымъ 1 апрѣля 1918 г.
5. Войскоопр. Чернозубовъ
Константинъ Николаевичъ.	Убитъ въ бою подь Новочеркасскомъ 25 апрѣля 1918 г.
6. Подъесаулъ Персиадскій
Юрій Петровичъ.	Убитъ красными въ Новочеркасскѣ 13 марта 1918 г.
7. Подъесаулъ Чеботаревъ
Михаилъ Михайловичъ.	Убитъ красными въ Новочеркасскѣ 13 марта 1918 г.
8. Есаулъ Пашковъ
Александръ Тимофѣевичъ.	Убитъ въ конной атакѣ у х. Мечетнаго 19 февраля 1919 г.
9. Сотникъ Дубищевъ
Георгій Федоровичъ.	Убитъ въ конной атакѣ у х. Мечетнаго 19 февраля 1919 г.
10. Сотникъ Солтысовъ
Константинъ Константиновичъ.	Умеръ отъ пулевого раненія въ животъ, полученнаго въ пѣшей атакѣ х. Семимячнаго 19 февраля 1919 г.
11. Хорунжій Демосовъ
Борисъ Максимовичъ.	Убитъ въ конной атакѣ у д. Булахово 28 марта 1919 г.
12. Сотникъ Усачевъ
Иванъ Куприяновичъ.	Убитъ въ конной атакѣ у д. Морозовки 11 августа 1919 г.
13. Хорунжій Филатьевъ
Владиміръ Георгіевичъ.	Убитъ въ пѣшей атакѣ у с. Андреевки 10 августа 1919 г.
14. Сотникъ Авищенко
Левъ Ивановичъ.	Убитъ въ пѣшей атакѣ подь Лысками 8 сентября 1919 г.
15. Хорунжій Ивановскій
Иванъ Дмитриевичъ.	Скончался отъ сквознаго пулевого раненія въ грудь, полученнаго въ атакѣ подь Лысками 8го сентября 1919 г.
16. Сотникъ Грековъ
Борисъ Петровичъ.	Убитъ въ пѣшей атакѣ подь Морозовкой 11 августа 1919 г.
17. Войск. старш. Болдыревъ
Александръ Николаевичъ.	Умеръ отъ менингита, развившагося слѣдствіемъ полученнаго имъ раненія въ голову въ бою подь г. Бѣловодскомъ 29 мая 1919 г.
18. Есаулъ Вокровъ
Петръ Алексѣевичъ.	Убитъ въ пѣшей атакѣ подь Александровскимъ поселкомъ 22 октября 1919 г.
19. Хорунжій Поповъ
Иванъ Ивановичъ.	Убитъ въ конной атакѣ подь кол. Либешу 14 августа 1920 г.
20. Прикомандиров. къ полку шт.-кап. Романенко .	Убитъ въ разбѣдѣ при отходѣ въ Крымъ 18 октября 1920 г.

Б. Без вести пропавшие в боевой обстановке.

21. Подесауль **Турюнь**,
Владимир Иванович. Заболел в строю полка сыпным тифом, при эвакуации с фронта пропал без вести 26 октября 1919 г.
22. Вольноопределяющийся гр. **Орлов-Денисов**,
Владимир Васильевич. Заболел в строю полка сыпным тифом и будучи эвакуирован в дивизионный лазарет, при отходе на Новороссийск, вместе с лазаретом пропал без вести 13 марта 1920 г.

В. Скончавшиеся в полковом лазарете от эпидемических, на фронте, заболеваний.

23. Сотник **Чекунов З.И.**
Александр Яковлевич. Умер 7 ноября 1919 г. от сыпного тифа.
24. Хорунжий граф **Граббе**
Николай Александров. Умер 18 декабря 1919 г. от холеры.
25. Подполковник **Мещеряк**
Александр Андреевич. Умер 14 июля 1920 г. от тифа, осложнившегося крупозным воспалением легких.
26. Полк. священник,
прот. отец **Лебедев**
Сергей Михайлович. Умер 3 февраля 1920 г. от сыпного тифа.
27. Полк. врач **Виноградов**
Вениамин Александрович. Умер 4 февраля 1920 г. от сыпного тифа.

Г. Лейб-Казачи, убитые в боях вне строя полка.

28. Есаул **Карош**
Петр Николаевич. Убит 12 февраля 1918 г. при обороне подступов к Новочеркаску.
29. Подес. кн. **Радвинь**
Станислав Антонович. Убит сражаясь в составе польской армии, 6-го января 1920 г. (куда перевелся после революции).
30. Подес. **Болдырев**
Сергей Владимирович. Убит сражаясь в составе Северной Армии генерала Меллера.
31. Есаул **Соколов**
Анатолий Клавдиевич. Убит сражаясь в составе Армии адмирала Колчака.

Д. Разстрелянные большевиками отставные офицеры полка.

32. Есаул **Попов**
Евгений Николаевич. 15-го февраля 1918 года в Новочеркаске.
33. Подполковник **Красинский**
Иван Филиппович. 16 февраля в г. Новочеркаске.
34. Подполковник **Саринов**
Илья Васильевич. В январе 1920 г. при отходе на Кубань.

8

СПИСОКЪ ГГ. ОФИЦЕРОВЪ ЛЕЙБЪ-ГВАРДИИ КАЗАЧЬЯГО ПОЛКА,
раненныхъ въ бояхъ съ красными въ 1918-1920 годахъ.
(За исключеніемъ скончавшихся отъ полученныхъ раненій, кои показаны
въ спискѣ убитыхъ).

№	Чинъ и фамилія	Гдѣ раненъ	Когда раненъ	Куда раненъ
1.	Подъесаулъ В. С. Чеботаревъ	Въ пѣш. бою подѣ Александро - Гру- шевскомъ.	20 апрѣля 1918 г.	Раненъ пулей въ грудь навмѣстѣ.
2.	Есаулъ Н. В. Кононовъ	Въ Степномъ походѣ.	Въ мартѣ 1918 г.	Контузия въ голову.
3.	Хорунжій Н. Д. Лаховъ	Въ кон. атакѣ подѣ г. Ектеринодаромъ	31 марта 1919 г.	Раненъ пулей въ шею.
4.	Войск старшина Н. В. Номикосовъ	Въ пѣш. бою подѣ х. Семимочнымъ	19 февраля 1919 г.	Контузия въ голо- ву снарядомъ.
5.	Войск старшина Н. В. Номикосовъ	Тамъ же	19 февраля 1919 г.	Раненъ пулей въ ногу.
6.	Есаулъ С. П. Полковниковъ	Тамъ же	Тогда же	Раненъ пулей въ пахъ.
7.	Полковникъ В. И. Фарафоновъ	Въ кон. атакѣ подѣ х. Мечетнымъ	Тогда же	Раненъ осколкомъ гранаты въ лицо. Подмятый убитой лошадью, получить переломъ 4-хъ реберъ и ключицы.
8.	Сотникъ М. М. Роговъ	Тамъ же	Тогда же	Раненъ пулей въ руку.
9.	Полковникъ В. А. Дьяковъ	Въ пѣш. бою подѣ х. Рубежнымъ	22 февраля 1919 г.	Раненъ пулей въ руку.
10.	Хорунжій Г. А. Дубенцевъ 2-й	Тамъ же	Тогда же	Раненъ пулей въ грудь.
11.	Хорунжій Б. М. Денисовъ	Тамъ же	Тогда же	Раненъ пулей въ шею.
12.	Хорунжій О. А. Балабинъ	Тамъ же	Тогда же	Раненъ пулей въ руку.
13.	Сотникъ И. И. Какуринъ	Тамъ же	Тогда же	Раненъ пулей въ руку.
14.	Сотникъ Ю. М. Кобиевъ	Въ кон. атакѣ подѣ Великокняжеской (будучи въ приком. къ 2-му Кобардинско- му полку).	Въ мартѣ 1919 г. 20 марта	Раненъ пулей въ грудь навмѣстѣ.
15.	Войск старшина И. Г. Шаминъ	Въ пѣш. бою подѣ Иллирій	1919 г.	Раненъ пулей въ голову.
16.	Подъесаулъ В. И. Туркинъ	Тамъ же	Тогда же	Раненъ пулей въ руку.
17.	Хорунжій П. П. Прокофьевъ	Тамъ же	Тогда же	Раненъ пулей въ руку.
18.	Вольноопредѣл. А. В. Реми	Въ конной атакѣ подѣ Успенкой.	23 марта Тогда же	Раненъ пулей въ ногу.
19.	Сотникъ Ю. А. Могилжнскій	Тамъ же.	Тогда же	Раненъ пулей въ бедро.

№	Чинъ и фамилия	Гдѣ раненъ	ога раненъ	Куда раненъ
20.	Есауль Б. Ф. Дубенцевъ 1-й	Въ пѣш. бою Орѣховымъ	25 марта 1919 г.	Раненъ пулей въ ухо.
21.	Есауль Ф. Ф. Рыжовскій	Тамъ же.	Тогда же.	Раненъ пулей въ щеку и челюсть.
22.	Сотникъ Б. П. Грековъ	Тамъ же.	26 марта 1919 г.	Тяжело контуженъ снарядомъ.
23.	Сотникъ Г. А. Чекуновъ 2-й	Въ бою подь Горо- днцемъ.	28 мая 1919 г.	Оцарапано пулей горло.
24.	Есауль Б. Ф. Дубенцевъ 1-й	Въ конной атакѣ подь Луганскомъ.	4 мая 1919 г.	Раненъ пулей въ ногу.
25.	Сотникъ С. А. Чекуновъ 1й	Въ конной атакѣ подь Бѣловодскомъ.	29 мая 1919 г.	Раненъ пулей въ ногу.
26.	Войск. старшина С. Н. Красновъ	Въ конномъ бою подь Бузуриновкой.	19 июля 1919 г.	Раненъ пулей въ ногу.
27.	Войск. старшина С. Н. Красновъ	Въ конномъ бою за В-Архангельское.	20 июля 1919 г.	Раненъ пулей въ руку.
28.	Подъесауль А. А. Грековъ	Въ пѣшемъ бою за В-Архангельское.	20 июля 1919 г.	Раненъ пулей въ грудь.
29.	Войск. старшина С. П. Полковниковъ	Тамъ же.	Тогда же.	Раненъ пулей въ мышцы гѣл. ноги.
30.	Войск. старшина С. П. Полковниковъ	Тамъ же.	Тогда же.	Раненъ пулей съ раздробленіемъ подъема ноги.
31.	Сотникъ И. И. Какуринъ	Тамъ же.	Тогда же.	Раненъ пулей въ область поясницы.
32.	Сотникъ Б. П. Грековъ	Тамъ же.	Тогда же.	Раненъ пулей въ руку.
33.	Хорунжій В. Г. Филатьевъ	Тамъ же.	Тогда же.	Раненъ пулей въ руку.
34.	Воинвоопредѣл. графъ Ребиндеръ	Въ конной атакѣ подь Морозовкой.	Тогда же.	Раненъ пулей въ руку.
35.	Сотникъ В. С. Семитѣтовъ	Въ пѣшей атакѣ подь Морозовкой.	11 августа 1919 г.	Раненъ пулей въ спину съ выхо- домъ въ пахъ.
36.	Полковникъ К. Р. Поздѣвъ	Въ пѣшей атакѣ подь Морозовкой.	Тогда же.	Контуженъ тяжел. снарядомъ въ спину.
37.	Сотникъ С. А. Чекуновъ	Въ пѣшемъ бою подь Сергѣенкой	17 августа 1919 г.	Раненъ пулей въ пахъ.
38.	Подъесауль А. С. Моргуновъ	Въ пѣшей атакѣ Лисокъ.	8 сентября 1919 г.	Раненъ легко шрап- нельн. пул. въ плечо.
39.	Войск. старшина Н. П. Воронцовъ	Въ пѣш. бою подь Бабками.	11 сентября 1919 г.	Раненъ пулей. обѣ ноги.
40.	Подъесауль Н. Г. Ефимьевъ	Въ пѣш. бою подь Бабками.	Тогда же.	Раненъ въ грудь пу- лей наизлѣтъ.
41.	Подъесауль А. С. Моргуновъ	Тамъ же.	Тогда же.	Раненъ легко пулей въ руку.
42.	Хорунжій Н. М. Полковнъ	подь Гингушей. Въ пѣшемъ бою	25 сентября 1919 г.	Контуженъ въ голо- ву снарядомъ.

№	Чинъ и фамилія	Гдѣ раненъ	Когда раненъ	Куда раненъ
43.	Хорунжій Г. А. Дубещель 2-й	Въ пѣш. бою подь Макогновымъ.	4 октября 1919 г.	Раненъ пулей въ руку.
44.	Хорунжій Н. М. Поляковъ	Въ пѣш. бою подь Александровскимъ п.	21 октября 1919 г.	Раненъ снарядомъ въ въ грудь.
45.	Полковникъ К. Р. Поздѣвъ	Тамъ же.	22 октября 1919 г.	Раненъ пулей въ ногу.
46.	Полковникъ И. Н. Оприца	Въ пѣш. бою подь Александровск. пос.	24 октября 1919 г.	Контузія (внутр. ко- соданіе лѣваго глаза, пораженіе слуха и внутреннее кровоиз- ліаніе подь пр. кол.).
47.	Полковникъ И. Н. Оприца	Въ пѣшемъ бою у Таловой.	24 октября 1919 г.	Тяжело раненъ пулей въ пахъ.
48.	Сотникъ Г. А. Чекуновъ	Въ пѣш. бою подь Богучаровымъ.	2 декабря 1919 г.	Раненъ пулей въ ногу.
49.	Хорунжій И. И. Поповъ	Въ конномъ бою тамъ же.	Тогда же.	Пробита ключица пулей.
50.	Хорунжій Г. А. Дубещель 2-й	Подь Новороссійск.	12 марта 1920 г.	Раненъ тремя пулями въ ноги.
51.	52 Полковникъ К. Р. Поздѣвъ	Въ конномъ бою подь Эристовкой- Трактиромъ.	11 августа 1920 г.	Раненъ осколк. сна- ряда въ ногу и обшая повдушная контузія.
53.	Подъесаулъ П. Н. Кутейниковъ	Тамъ же.	Тогда же.	Контузія снаря- домъ въ голову.
54.	Полковникъ И. Г. Шамогъ	Въ конномъ бою у Щербаконки.	12 августа 1920 г.	Легко раненъ пулей въ ногу.
55.	Подъесаулъ М. М. Роговъ	Въ конномъ бою у Щербаконки.	Тогда же.	Конт. снар. въ бокъ.
56.	Сотникъ Л. А. Упорниковъ	Въ конной атакѣ кол. Шензее.	14 августа 1920 г.	Раненъ пулей въ шею плаваетъ.
57.	Хорунжій В. В. Обуховъ	Тамъ же.	Тогда же.	Раненъ пулей въ пахъ.
58.	Хорунжій Б. В. Ананьевъ	Въ конной атакѣ кол. Шпарзу.	22 августа 1920 г.	Раненъ пулей въ бедро.
59.	Хорунжій И. Н. Ефремовъ	Тамъ же.	Тогда же.	Раненъ пулей въ ногу.
60.	Есаулъ Г. Н. Агафоновъ	Тамъ же.	Тогда же.	Конт. снар. въ голову.
61.	Хорунжій Г. П. Мигулицъ	Тамъ же.	Тогда же.	Конт. снар. въ голову.
62.	Вольноопредѣл. Г. Ю. Ивановъ	Въ конной атакѣ у Бегимъ Чокрака.	18 августа 1920 г.	Раненъ пулей въ руку.
63.	Хорунжій А. Л. Мокропъ	Въ конной атакѣ подь Андреевкой.	9 сентября 1920 г.	Легко раненъ пулей въ поясницу.
64.	Полковникъ И. Г. Шамогъ	Въ бою подь Н. Ни- кольской.	14 сентября 1920 г.	Тремя пулями раненъ въ ноги.
65.	Подъесаулъ А. М. Жеребковъ	Въ конной атакѣ подь Покровской.	19 сентября	Раненъ пулей въ грудь.

№ Чины и фамилия	Где ранен	Когда ранен	Куда ранен
66. Есаул А. К. Анзоль	В конном бою подъ Белозерной.	17 октября 1920 г.	Ранен пулей в живот.
67. Генерал-майор К. Р. Поддубен	В конной атаке подъ Елизаветовкой.	18 октября 1920 г.	Ранен пулей в таз и в позвоночник.
68. Сотник Смеркин (прих.)	Там же.	Тогда же.	Ранен пулей в руку.
69. Хорунжий Г. П. Магулин	Там же.	Тогда же.	Ранен пулей в ногу с раздробл. кости.
70. Поддесаул А. С. Моргунов	В конной атаке у Волки.	29 октября 1920 г.	Ранен пулей в руку.
71. Хорунжий А. Д. Мокрош	Там же.	Тогда же.	Ранен пулей в поясницу.
72. Хорунжий Г. С. Фабрицкий	Там же.	Тогда же.	Ранен пулей в руку.
73. Есаул Г. Н. Агафонов	Там же.	Тогда же.	Тяжело контужен в голову снарядами.

Г Л А В А I

ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА 1917 ГОДА.

Отводъ Лейбъ Гвардіи Казачьяго Его Величества полка, въ составъ 3-ей Гв. Кав. дивизіи *)), въ январь 1917 г., изъ окоповъ въ тылъ для отправки въ Петроградъ. — Отмена отправки. — Первые извѣстія о начавшейся въ Петроградѣ революціи. — Высочайшій манифестъ и присига Временному Правительству. — Дѣятельность Правительства и начавшійся развалъ Арміи. — Офицерская работа по сохраненію боеспособности полка. — Политическая дѣятельность офицеровъ полка по казачьей линіи. — Правленіе казачьихъ Юго-Западнаго фронта, его составъ и дѣятельность. — Выдвиженіе слѣженыхъ частей полка въ окопы. — Инцидентъ съ сотникомъ В. Н. Ефремовымъ. — Поискъ развѣдчиковъ полка 21-го мая. — Дѣяствіе полка 18-го июня. — Отводъ частей къ коноводамъ и выходъ на позицію въ болѣ. — Тарнопольскій разгромъ Арміи и его слѣдствія. — Перемены въ составѣ полка за первую половину 1917-го года.

Въ январь 1917 года, Лейбъ Гвардіи Казачій Его Величества полкъ, въ составѣ 5-ти сотенъ и пулеметной команды, входитъ въ составъ 3-ей Гв. Кав. дивизіи (ген. Араповъ) и Гв. Кав. Корпуса (ген. Ханъ-Нахичеванскій). 6-ая сотня находилась въ командировкѣ при 1-омъ Гв. Корпусѣ.

Чередуюсь дивизіями, Гв. Кав. Корпусъ занималъ участки оборонительной линіи на рѣкѣ Стоходѣ, въ районѣ Вигонеза. Коноводы полка, вследствие затрудненій въ доставкѣ фуража изъ тыла, при полномъ его отсутствіи въ боевомъ районѣ, размѣщались въ 70 верстахъ отъ позиціи, по близости отъ узловой станціи Ровно.

*) 3-ья Гв. Кав. дивизія состояла изъ:

- 1) Л. Гв. Уланскаго Его Величества полка,
 - 2) Л. Гв. Гродненскаго Гусарскаго полка,
 - 3) Л. Гв. Казачьяго Его Величества полка,
 - 4) Л. Гв. Атаманскаго Е. И. В. Г. Наслѣдника Цесаревича полка,
 - 5) Л. Гв. Сводно-Казачьяго полка,
 - 6) Л. Гв. 6-ой Дон. Каз. Его Величества и Л. Гв. 3-ей Конной батареи
- и 7) изъ 8-эскадроннаго Л. Гв. 3-го Стрѣлковаго полка (состоявшаго изъ старыхъ солдатъ 3-ей Гв. пѣхотной дивизіи и извѣннаго офицерскій составъ изъ всѣхъ пяти полковъ 3-ей Гв. Кав. дивизіи).

Къ этому времени вся убыль полка за войну была покрыта частью старыми казаками, прежде служившими въ полку, частью молодыми — призванными 15-го и 16-го годовъ, кои, усиленной работой офицерскаго состава, во время пребывания полка въ окоповъ, были доведены до отличнаго, не уступающаго кадровымъ казакамъ, состоянія обученія.

Каждая сотня располагала не только полнымъ штатнымъ составомъ урядниковъ, кончившихъ учебную команду еще до войны, но еще и солиднымъ запасомъ «вицонъ» (приказныхъ, кончившихъ учебную команду и за отсутствіемъ вакансій не занимавшихъ должности урядника). Кроме того, въ каждой сотнѣ имѣлось два-три десятка приказныхъ, урядниковъ и вахмистровъ, произведенныхъ за боевыя отличія (Георгіевскіе кресты).

Одѣты и снаряжены люди были великолепно: всѣ въ построенныхъ попеченіемъ полка теплыхъ меховыхъ полушубкахъ и сѣрыхъ папахахъ. Конскій составъ былъ въ отличномъ состояніи. Строевая подготовка и внутренній порядокъ въ полку не оставили желать лучшаго.

Уже съ ноября 1916 года, въ полкахъ 3-ей Гв. Кав. дивизіи ходили слухи о предстоящемъ отправленіи на охранную службу въ Петроградъ.

7-го января 1917-го года дивизія была смѣнена въ окопахъ 13-ой Кав. дивизіей и отправлена по жел. дорогѣ, черезъ Радзивиловъ, въ городъ Ровно, для погрузки на Петроградъ.

По прибытіи въ Ровно, Уланскій Его Величества полкъ, готовый къ отбытію въ столицу, уже размѣстился въ вагонахъ. Остальные полки, въ ожиданіи погрузки, подтянули коноволовъ и свои обозы, расположились въ самомъ городѣ.

Погрузка, однако, не состоялась, и 10-го января дивизія была разведена по окрестнымъ деревнямъ.

Часть января и весь февраль дивизія простояла на мѣстѣ, числясь въ армейскомъ резервѣ Особой Арміи Юго-Западнаго фронта.

25-го января, за отсутствіемъ фуража въ районѣ Ровно, дивизія была переведена еще верста на 40 въ тылъ, гдѣ стала по деревнямъ*).

Въ этомъ глухомъ, отдаленномъ отъ позицій и жел. дороги районѣ, война совершенно не чувствовалась, и полкъ жилъ мирной жизнью.

Каждый день производились строевыя занятія. Особенное вниманіе обращалось на обученіе штыковымъ уколамъ, самоокапыванію, метанію ручныхъ гранатъ и пользованію противогазами, съ приученіемъ работать въ противогазовыхъ маскахъ. Иногда производилось пробное обкуриваніе удлинными газами. Не были забыты и конныя занятія: смѣнная ѣзда, рубка, уколы, джигитовка, барьеры, взводное и сотенное ученія чередовались другъ съ другомъ. Разъ въ недѣлю велись особыя занятія съ молодыми офицерами, вышедшими въ полкъ во время войны, и кроме того со всеми офицерами полка, знакома послѣднихъ со всеми новинками военной техники и позиціонной войны.

Офицерское собраніе функционировало при штабѣ полка въ д. Неваѣр-

*) Штабъ полка, 2-я сотня, обозъ и команда связи въ д. Неваѣрково, сотня Его Величества, 3-я сотня и пулеметная команда въ д. Липки, 4-я и 5-я сотни въ д. Волкашевъ.

ково и дивизионное въ д. Липкахъ; по воскресеньямъ бывали общіе товарищескіе завтраки съ грубачами, на которыхъ присутствовали всѣ офицеры полка, а часто и гости, офицеры сосѣднихъ полковъ и мѣстные помѣщики.

Настроение въ полку было хорошее и бодрое. Усталости отъ войны почти не чувствовалось. Хотя и издохло нѣсколько продолжительное пассивное сидѣніе въ болотахъ Стохода, но на фронтѣ всѣ видѣли и чувствовали, какъ росла мощь нашей артиллеріи, видѣли громадные запасы подвезенныхъ снарядовъ, видѣли усиленіе военно-техническихъ средствъ и обиліе людскихъ резервовъ въ тылу*). Отъ офицера до казака включительно въ полку всѣ вѣрили, что мартовское наступленіе приведетъ къ побѣдѣ и къ окончанію войны. Сытые, хорошо одѣтые, дисциплинированные казаки вѣрили своимъ офицерамъ и готовы были исполнить свой воинскій долгъ. Но Богъ судитъ иное.

26 февраля вечеромъ послѣдовалъ приказъ: полку быть готовымъ къ переходу въ г. Ровно для погрузки тамъ въ вагоны и отправки въ Петроградъ. Для этой цѣли было приказано привести сотни въ полную готовность къ выступленію, загрузить обозы и ждать дальнѣйшихъ приказаній.

Утромъ 27 февраля послѣдовало распоряженіе объ отиѣннѣ этого приказанія, и полкъ остался на мѣстѣ.

Въ началѣ марта появились первые слухи о какихъ-то событіяхъ въ Петроградѣ. По справкѣ въ штабѣ корпуса выяснилось, что, хотя штабъ и не располагаетъ исчерпывающими свѣдѣніями, но по ходу событий видно было, что они принимаютъ серьезный оборотъ, такъ какъ Государственной Думой предьявлено Государю Императору предложеніе отречься отъ престола.

Этой жуткой, какъ громомъ поразившей вѣсти, никто не хотѣлъ вѣрить. Дерзость Думы казалась слишкомъ чудовищной и потому неавторитетной. Командиръ корпуса, генералъ Ханъ Нахичеванскій, зная настроеніе частей, послалъ отъ имени Гвардейской коивоны телеграмму Государю Императору, въ которой, умоляя Его Величество не отрекаться отъ Престола, предлагала поддержку всего корпуса.

Извѣстіе о послыжкѣ этой телеграммы было принято Л. Гв. въ Казаньскѣ Е. В. полку съ большимъ удовлетвореніемъ. Настроение повысилось, ждали срочнаго вызова дивизіи въ Петроградъ, были снова составлены расчеты на эшелоны, и полкъ ждалъ приказа о погрузкѣ. Въместо желаннаго приказа — пришли Манифесты объ отреченіи Государя Императора и Великаго Князя Михаила Александровича и вѣсть о переходѣ власти Временному Правительству.

Черезъ нѣсколько дней пришелъ и отвѣтъ Государя Императора на посланную Его Величеству телеграмму: «Не сомнѣвался въ чувствахъ Гвар-

*) По свѣдѣніямъ Главнаго штаба, до 1 февраля было мобилизовано въ 1914 году 4.700.000, въ 1915-16 г. г. 9.675.000, причемъ убыль 1914-16 г. г. включилась въ 63.074 офицера и 5.975.000 солдатъ.

Справка: Военно-Учебный Архивъ, Дѣло 1073, стр. 83. «Армія въ Февральской революціи». Генеральнаго штаба генералъ-лейтенантъ Мартиновъ.

дейской Кавалерии. Прощу подчиниться Временному Правительству, Николай».

То были уже не слухи, а ужасная роковая действительность; сумрачно полки приняли ее: разум отказывался понять происшедшее, сердцем чувствовалось непоправимое несчастье, государственная катастрофа, начало печального окончания войны и второго Смутного времени. Перед полкомъ стали во всей обнаженной яркости два вопроса: съ одной стороны, полное безсилье изменить ход развернувшихся уже событий, съ другой — продолжающаяся война требовала исполнения долга по защите родной территории — полку оставалось лишь молча, затаив душевную муку, покориться последнему Манифесту своего Государя.

Въ штабѣ корпуса, послѣ самоубійства Начальника Штаба генерала барона Винкена, застрѣливагося непосредственно за получениемъ манифеста объ отреченіи Государя, напали растерянность и неразбериха.

Въ полку при прочтеніи Манифеста объ отреченіи Государя у многихъ на глазахъ стояли слезы.

Командиромъ полка было приказано немедленно построить каждаго сотню и прочесть казакамъ Манифестъ Государя. Вотъ рассказъ очевидца, ярко иллюстрирующий настроеніе въ полку:

«Вечеръ, уже совсѣмъ темнѣло, на дворѣ оттепель и моросить дождикъ. На большой площади с. Липки построена сотня Его Величества. Старые казаки, зрѣло прослужившіе не одинъ годъ своему Императору и честно носившіе Его вензеля, замѣтно волновались при приближеніи офицеровъ сотни. Подъесаулы Подковниковъ потребовали фонарь и, ставъ передъ серединой строя, стали читать подавленнымъ голосомъ. Вахмистръ сотни, подхорунжий Глуховъ, держалъ фонарь, руки его дрожали, и при слабомъ свѣтѣ были замѣтны крупныя слезы. Чтеніе кончилось. Казаки стояли, опустивъ головы, изрѣдка тробовую тишину нарушали тяжелые вздохи изъ строя. Первымъ заговорилъ вахмистръ. «Ваше высокоблагородіе, что же теперь будетъ?» спросилъ онъ подъесаула Подковникова, но тотъ только махнулъ въ отвѣтъ рукой, зарыдалъ и отошелъ въ сторону. Послѣ команды, казаки молча сумрачно начали расходиться по хатамъ, но многие остались на площади, стали обмѣливаться шѣпелями... Вопросъ: «Что теперь будетъ?» грозно стоялъ передъ каждымъ»...

МАНИФЕСТЪ ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА

Божьей милостью, Мы, Николай Второй, Императоръ Всероссийскій, Царь Польскій, Великій Князь Финляндскій и прочая, и прочая, и прочая...

Въ дни великой борьбы съ внѣшнимъ врагомъ, стремившимся почти 3 года поработить нашу Родину, Господу Богу угодно было ниспослать Россіи новое тяжкое испытаніе, и начавшіяся внутреннія народныя волненія грозятъ бѣдственно отразиться на дальнѣйшемъ веденіи упорной войны.

Судьба Россіи, честь героической Нашей арміи, благо народа, все будущее дорогого Нашего Отечества требуютъ доведенія войны во что бы то ни стало, до побѣднаго конца.

Жестокій врагъ напрягаетъ послѣднія усилія, и уже близокъ часъ, когда доблестная Армія Наша, совместно съ славными Нашими союзниками, сможетъ окончательно сломить врага.

Въ эти рѣшительные дни въ жизни Россіи почли Мы долгомъ совѣсти облегчить народу Нашему тѣсное единеніе и сплоченіе всѣхъ силъ народныхъ для скорѣйшаго достиженія побѣды и въ согласіи съ Государственной Думой признали за благо отречься отъ Престола Государства Россійскаго и сложить съ Себя Верховную власть.

Не желая разставаться съ любимымъ Сыномъ Нашимъ, Мы передаемъ наслѣдіе Наше Брату Нашему, Великому Князю Михаилу Александровичу.

Благословляя Его на вступленіе на Престоль Государства Россійскаго, заповѣдаемъ Брату Нашему править дѣлами государственными въ полномъ единеніи съ представителями народа въ законодательныхъ учрежденіяхъ, на тѣхъ началахъ, кои будутъ ими установлены, принеся въ томъ ненарушимую присягу, во имя горячо любимой Родины.

Призываемъ всѣхъ вѣрныхъ сыновъ Отечества въ исполненію своего святого долга перелы нымъ повиновеніемъ Царю въ тяжелую минуту всенародныхъ испытаній и помочь Ему вмѣстѣ съ представителями народа имѣсти Государство Россійское на пути побѣды, благоденствія и славы.

Да поможетъ Господь, Богъ Россіи.

Гор. Псковъ.

2 марта, 15 час. 1917 г.

НИКОЛАЙ.

Тяжкое бремя возложено на Меня волею Брата Моего, передавшаго Мнѣ Императорскій Всероссійскій Престоль въ годину безпрікормной войны и волненій народныхъ. Одушевленный единой со всѣмъ народомъ мыслью, что выше всего благо Родины Нашей, принялъ Я твердое рѣшеніе въ томъ лишь случаѣ воспринять Верховную власть, если такова будетъ воля Великаго народа Нашего, которому надлежитъ всенароднымъ голосованіемъ черезъ представителей своихъ въ учредительномъ собраніи, установить образъ правленія и новые основные законы Государства Россійскаго.

Посему, призывая благословеніе Божіе, прошу всѣхъ гражданъ Державы Россійской полчиниться Временному Правительству по почину Государственной Думы, возникшему и облеченному всей полнотой власти впредь до того, какъ созданное въ возможно кратчайшій срокъ на основіи всеобщаго, прямого, равнаго и тайнаго голосованія, Учредительное Собраніе своимъ рѣшеніемъ объ образѣ правленія выразитъ волю народа.

Петроградъ.

3 марта 1917 г.

МИХАИЛЬ.

Кромѣ приведенныхъ выше двухъ Манифестовъ, нѣсколько позже былъ выпущенъ приказъ Начальника Штаба Верховнаго Главнокомандующаго, отъ 8-го марта 1917 года, за № 371, въ коемъ Начальникъ Штаба доводитъ до свѣдѣнія Арміи слова прощальнаго прикѣта отречнагося Государя Императора.

По распоряженію Военнаго Министра Гучкова, приказъ этотъ дальше штабовъ фронта не пошелъ.

«Въ послѣдній разъ обращаюсь къ вамъ, горячо любимая Мною войска. Послѣ отреченія Мною за Себя и за Сына Моего отъ Престола Россійскаго, власть передана Временному Правительству, по почину Государственной Думы возникшему. Да поможетъ ему Господь вести Россію по пути славы и благоденствія. Да поможетъ Богъ и вамъ, доблестная войска, отстоять Родину Нашу отъ злого врага. Въ продолженіе двухъ съ половиною лѣтъ вы несли ежечасно тяжелую боевую службу, много продито крови, много сдѣлано усилій, и уже близокъ часъ, когда Россія, связанная со своими доблестными союзниками однимъ общимъ стремленіемъ къ побѣдѣ, сломитъ послѣднее усиліе противника.

Эта небывалая война должна быть доведена до побѣды.

Кто думаетъ теперь о мирѣ, кто желаетъ его — тотъ измѣняетъ Отечества и его предатель. Знаю, что каждый честный воинъ такъ мыслитъ. Исподволь же вашу долгу, защищайте доблестно Нашу Великую Родину, повинуйтесь Временному Правительству, слушайтесь вашихъ начальниковъ, помните, что всякое ослабленіе порядка службы только на руку врагу. Твердо вѣрю, что не угасла въ васъ безпредѣльная любовь къ Нашей Великой Родинѣ. Да благословитъ васъ Господь Богъ и да вѣдетъ васъ къ побѣдѣ. Св. Великомученикъ и Побѣдоносецъ Св. Георгій.

8 марта 1917 г.

НИКОЛАЙ.

Черезъ нѣсколько дней, въ началѣ марта, части Гвардейскаго Кав. корпуса были приведены къ присягѣ Вр. Правительству. Мрачная церемонія. Было тяжело присягать Правительству, которому никто не вѣритъ. По общему желанію офицеровъ и по приказанію командира полка, не играли трубачи. Мрачными четверугольниками стояли ряды полка. Сумрачная лица у всѣхъ. Въ центрѣ — штандартъ, и чувствовалось офицерамъ, что присягаютъ они только ему — своему штандарту, жалованному еще Императоромъ Александромъ II, въ день столѣтняго юбилея, Его орлу, Его коронѣ. Передъ каждымъ офицеромъ вставала новая задача, несмотря на трудныя почти безнадежныя условія — сохранить полкъ около своего штандарта до лучшихъ временъ... а что они наступятъ, вѣрить почти каждый... Особенно тяжело было подписывать листъ присяги Правительству, къ составу коего не было довѣрія. Настроеніе офицеровъ раздѣлялось и казаками, и слова присяги, обычно не возбуждавшія сомнѣній, обсуждались на всѣ лады. Особенное волненіе среди казаковъ возбудили слова: «обязываюсь... какъ солдатъ»; значительная часть казачковъ добавляла, расписываясь, слова: «но отъ своего казачьяго званія не отказываюсь»...

Въ первой ротѣ, передъ самой присягой, казаки черезъ взводаго урядника Благородова просили разъяснить: присягало ли само Временное Правительство Россіи?

Кончилось чтеніе текста присяги. Безъ игры трубачей, полкъ молча потоптенно разошелся по квартирамъ; сумрачная церемонія кончилась.

13

Одним из первых шагов Временного Правительства было торжественное заявление о твердом намерении продолжать войну в тесном контакте с союзниками до победного конца. Однако же — давший быт ироприятия Правительства свидетельствовали об обратном: вместо энергичного Великого Князя Николая Николаевича, популярного в армии, военного дарования которого признавались и нашими врагами — германцами, Верховным Главнокомандующим был назначен беспринципный генерал-адъютант Брусиков. Выдвинувшиеся во время войны генералы, как, например, граф Келлер, Гурко, Каделинь, Левицкий и др., были уволены из отставку. Отличь стажем для командования крупной частью армии являлась степень революционного рвения и сочувствия революционным повстанцам. Все эти смещения, а главное — «перемелы фронта» или своеобразное «самоустраивение», наражавшееся в полном прекращении руководства офицерами, многими ранже нами уважаемыми генералами, занимавшими высокие посты, — больно переживалось каждам офицером полка, чувствующим, как Армия, так и Россия немалым по шире катится в пропасть.

Вскоре вышли памятный приказ № 1 и Декларация Правь Солдата, — упразднившие все уставы Российской Армии и разрушившие все основы военного дла. Работа офицеров была поставлена в невозможные условия. Высшеупомянутыми распоряжением Временного Правительства во всех воинских единицах, во сотню включительно, проводились выборные комитеты, коллегиальные и безответственные — с неопределенной компетенцией; дисциплинарным взысканья оставались только в виде простого ареста, абсолютно неприемлемого в условиях войны, чьмь, следовательно, командный состав лишался дисциплинарной власти и, наконец, декларация правь давала солдату все политические права, чьмь Армия была брошена в разгар политических страстей.

Ко всему командному составу были приставлены комиссары, являющиеся как бы посредниками между офицерами и солдатами и контролерами с революционной точки зрения всех распоряжений начальника. Без санкции комиссара ни один приказ, даже из разряда, именуемого Временным Правительством «белыми», не являлся обязательным для исполнения. Стажем для комиссара являлось, конечно, не знание военного дла, а политическая благонадежность. Поэтому из комиссары часто попадали полунителитенты (нерько сь поремелым стажем), писаря, шоферы, телеграфисты, мало прослужившие в Армии и выдвинувшиеся своими демagogическими рвениями и поведением. Разумеется, своего первого назначения — сглаживать отношения между командным составом и солдатами, они исполнить не смогли, ибо не только не поддерживали шру вь офицеров, но часто, по необходимости, главными же образом президирливо, ее роняли.

Естественно, что при таких условиях русский солдат, сильный шрою вь своего офицера (считающийся по справедливости лучшим солдатом вь шрв, когда впереди был офицер), превратился сразу вь швра — а Армия вь безумное стадо, — когда эту швра вь солдаты позорвали. Позорили же эту швра вь офицера, вь искоро мобилизованных, почти не обученных, за отсутствием времени, и мало дисциплинированных солдатах было тьмь

легче, что офицерский состав в 1917 году, особенно в пехоте, сильно различается от кадрового офицерского состава, погибшего на полях сражений в первые годы войны. Армия была пополнена молодежью, наскоро, за 4 месяца, подученной, лишенной воинских познаний и воинского воспитания. Много было офицеров из круга мобилизованной, симпатизирующей марксизму, русской интеллигенции. Разношерстность офицерского состава Русской армии того времени не могла дать той сплоченности, которая только и могла стать защитой и опорой от демагогии и нарушения основ военного дела.

В Армию была занесена Временным Правительством политика. Началась подготовка к выборам в Учредительное собрание. Революционные партии повели общеную агитацию, из погоней за голосами, старались переубедить одна другую в количестве сулимых жизненных благ. Имья дело с неразвитой, неграмотной массой, агитаторы затрагивали самую низменную сторону человеческой природы, будя в солдате злора.

Газеты говорили о туманных «завоеваниях революции», о тех же завоеваниях и благах революции говорили солдату на всех митингах «правительственные» комиссары; агитаторы сулили окончание войны и передел земли, «декларация прав солдата» освободила его от всех обязанностей и также предоставляла ему новые права. Казалось, жизнь солдата должна была резко улучшиться. В действительности же вышло наоборот: положение солдата ухудшилось; разруха транспорта, разруха органов снабжения, расхищение и перехватывание довольствия фронта тылами сказались на ухудшении довольствия и недостатке предметов обмундирования.

Между тем, война продолжалась попрежнему и, следовательно, оставались в силе и обязанности солдата. Кто же должен был призывать солдата к исполнению своих обязанностей, кто должен был напоминать ему обь его долг перед Родиной?

Только один офицер.

Правда, о «революционном долге» изрѣка говорил и Временное Правительство; но это были только красивые фразы: Правительство отменило смертную казнь; декларацией сводились на-вѣть дисциплинарныя взыскания; из тюрьмы была выпущена масса преступников, чѣм солдату ясно вдалбливалась «революционная безответственность».

Офицер говорил о долге, требовал несения тяжелой службы. Темному человеку зтот офицер, ничего не сулящий, а только требующий службы, стал представляться тормазом к претвореню в жизнь туманных «благ». Солдаты начали волноваться, во многих частях начались самосуды надь офицерским составом.

Часть солдат ринулась в отпуски, терроризуя врачебныя комисси, ихь раздававши, часть же просто разбѣжалась, дезертируя с фронта. Побѣда брали сь боя, Распоясанная, потерявшая всякую дисциплину солдатская масса хозяйничала на станциях и внесла полную дезорганизацию вь порядок желѣзнодорожного движения.

24

Такова была общая картина развала Русской Армии, приведенная с целью указать, в какой общей обстановке приходилось нести службу Лейб-Гвардии Казачьему Его Величества полку.

В середине марта из состава Гвардейского Кавалерийского корпуса была выделена I Гв. Кавалерийская дивизия для водворения и поддержания хотя бы видимости порядка в тыловом районе. Остальные части корпуса, и в том числе II-Гв. Казачий Его Величества полк, до середины апреля простояли в полном бездействии в окрестностях Ровно.

Ровненский железнодорожный узел был захвачен потерявшей воинский вид солдатчиной, кругом шла бышева агитация против всего святого и вбродного догу. И, несмотря на бунующее кругом солдатское море, полк, именованный тогда уже, согласно приказу Временного Правительства, Лейб-Гвардии Казачьим полком, держался пока еще относительно хорошо, выходясь своей сплоченностью и дисциплиной.

Состав старых казаков, связанных боевой спайкой, еще не сбитых с толку революционной пропагандой и хорошо знавших своих офицеров, — продолжал влиять на них. Во всех комитетах казаки наравне с выборными казаками неукоснительно проводили и офицеров.

Офицерский состав полка, тщательно подобранный, сплоченный и дружно живущий, не имел в своей среде демасгогов, и поэтому работа избранных казаками офицеров вполне гармонировала с обще-офицерской работой по сохранению полка в эти трудные минуты.

Председателем первого полкового комитета был избран старший полковник Ал. Андр. Мишарев, человек безупречной честности и порядочности. Полковой комитет, им направляемый, занялся исключительно хозяйственными делами и вопросами, не вторгаясь ни в политику, ни в строевое управление полком.

Хозяйство в полку велось за все время войны безупречно, не было в полку и тени злоупотреблений: казаки были всегда хорошо одеты, лошади и люди сытно накормлены — почему в обсуждении хозяйственных дел полковым комитетом отсутствовали элемент недоверия или обиды, который, к сожалению, доминировал в некоторых других частях и часто приводил к роковым последствиям. Хотя в состав первого комитета и попали несколько крикунов — бывших артельщиков и фуражиров, отстраненных в свое время за неспособность, либо недобросовестность, и таивших обиду, но они были в меньшинстве и поэтому держались тихо и скромно, и председателю комитета полковнику Мишареву, опираясь на выбранных в комитет офицеров и разумных казаков, удавалось сглаживать шероховатости и прений направлять по желательному руслу.

Что же касается сотенных комитетов, то и в них первоначально казаки неукоснительно вместе с казаками выбирали и своих офицеров, благодаря чему удалось и эти комитеты держать в рамках чисто хозяйственных интересов, не допуская их вмешательства в общую строевую жизнь полка.

Несмотря на приказ № 1, дисциплина в полку первые месяцы революции поддерживалась в старом виде, выправка у людей мало изменилась. Изменилась внешняя сторона, как, например, установилось обращение на «ты», причем из казаков никто не обижался, если по старой привычке им говорили «ты», а бывали даже случаи, что казаки просили, чтобы офицеры по-старому говорили им на «ты». Отмена титулования «ваше высокоблагородие» и т. д., как и отмена отзача чести с остановкой во фронте всем офицерам своего полка, согласно существовавшей до революции старой полковой традиции, туго принимались, и первоначально офицерам приходилось даже делать казакам замечания. Но когда делегаты от полка начали сталкиваться на многочисленных в то время съездах и комитетах с делегатами других частей, которые учили, как делить полковые и сотенные суммы, как брать «до руки» свое начальство, — положение офицеров сильно затруднилось.

Слыша, что некоторые кавалерийские полки подбили уже полковые экономические и эскадронные суммы, полковой комитет одно время начал подбираться к полковым суммам и просил командира полка генерал-майора Грекова сообщить комитету, как ведется хозяйство полка и куда расходуются суммы. Командир полка приказал полковому комитету собраться в школе д. Волкаевы и прийти туда с делопроизводителем и всеми необходимыми книгами, сам дать ответы на все вопросы и указать, как расходуются суммы в полковом хозяйстве. Казаки впервые увидели всю сложность механизма полкового хозяйства, поняли безупречность ведения его в полку и успокоились, тем более, что командир полка решительно заявил, что не позволит делить казенную деньги. Не были разделены и сотенные суммы.

Значительно сложнее обстояло дело в вопросе фуражного довольствия: революционными порядками ж.-д. транспорт быстро стал разстраиваться, и интенданство оказалось не в состоянии подвозить полностью потребное для армии количество продовольствия и фуража.

В марте 1917 года, Временным Правительством были выпущены приказы об установлении норм довольствия людей и лошадей, причем относительно первых указывалось, что такое-то количество продуктов будет отпускаться интенданством натурой, а за недостающее до нормы будут отпускаться «деньги для раздачи на руки»; что же касалось довольствия лошадей, то здесь указывалось, что при сохранении прежней дачи в 12 фунтов зерна, лишь 7 фунтов будут выдаваться интенданством натурой, стоимость же 5 фунтов «будет выдаваться деньгами».

По точному смыслу общих норм войскового хозяйства, слова приказа, касающиеся довольствия лошадей, «выдавать деньгами», принадлежало полку.

13

мать, какъ отпустить интендантствомъ денегъ на заготовленіе фуража попоче-
ніемъ самихъ частей.

Однако, въ полосѣ фронта, и въ особенности въ мѣстахъ стоянки Гвар-
дейскаго кавалерійскаго корпуса, все возможное уже давно было полками
закуплено и съѣдено лошадьми. Полкъ ухитрился кое-что закупать, засылая
фуражиромъ на нѣсколько переходовъ глубже въ тылъ, но о полученіи ва-
гоновъ для организаціи закупки и подвоза изъ болѣе далекаго тыла невоз-
можно было и мечтать.

Казакъ, основываясь на злопозудной редакціи упомянутого выше при-
каза Временнаго Правительства, а также на томъ обстоятельстве, что слу-
жили на собственныхъ, а не на казенныхъ лошадяхъ, потребовали выдачи
денегъ за фуражный недостатокъ на руки.

Положеніе осложнялось тѣмъ, что деньги недостатка лошадей, въ силу
ряда положеній о хозяйствѣ въ войскахъ, не подлежали даже зачисленію въ
экономическія полковыя суммы (хотя бы сказать, давно достигшія предѣль-
ной для полка суммы, почему все вновь поступающее принадлежало слѣдѣ въ
казну), а подлежали показанію къ зачету при исчисленіи очередной требо-
вательной вѣдомости, т. е. уходили обратно въ казну. Казакъ не понималъ,
да, впрочемъ, не только одинъ головы рядовыхъ казаковъ не могли понять
положенія, при коемъ Временное Правительство устанавливаетъ выдачу ка-
зною денегъ, кои подлежатъ слѣдѣ обратно въ казну.

Разрѣшеніе вопроса о выдачѣ фуражныхъ денегъ на руки превосходило
компетенцію строевого начальства, на которомъ лежала бы вся матеріаль-
ная и моральная отвѣтственность за незаконную раздачу казенныхъ денегъ.

Запросы о разъясненіи приказа въ высшіи инстанціи очень долго оста-
вались безъ отвѣта, казакъ возмущались, создавалась масса осложнений и
умножились тренія команднаго состава съ полковыми и сотенными комите-
тами.

Только въ концѣ пришло довольно туманное разъясненіе интенданта на-
шей Особой Арміи, въ коемъ говорилось, что съ его стороны не встрѣчается
препятствій къ выдачѣ денегъ фуражнаго недостатка казакамъ, «если то раз-
рѣшитъ ближайшее строевое начальство». Основываясь на этомъ разъясненіи,
начальникъ дивизіи разрѣшилъ выдачу денегъ, при условіи представле-
нія казаками счетовъ за купленный фуражъ.

Командиръ полка, основываясь на приказѣ начальника дивизіи, былъ
вынужденъ также разрѣшить, обусловивъ выдачу денегъ предварительной
поѣткой казаныхъ счетовъ составомъ сотенныхъ комитетовъ.

На практикѣ разрѣшеніе выдачи фуражныхъ денегъ на руки привело къ
тому, что завѣдывающій хозяйствомъ ежедневно сталъ получать для опла-
ты, отъ каждой сотни, нѣлме токи мелочныхъ казаныхъ «счетовъ», хотя и
завѣренныхъ сотеннымъ комитетомъ, но явно фиктивныхъ.

Въ полку быстро разнеслась эпидемія игры въ карты, конскій же составъ,
еще такъ недавно бывшій въ блестящемъ состояніи, быстро сталъ приходить
въ упадокъ.

Особенно страдали лошади «бездомныя», принадлежащія казакамъ,
отсутствующимъ по раненію, болѣзни или находящимся въ отпускахъ, ибо

имъ уборщице: не давали даже фуражъ, поступающій отъ интендантства натурой, подкармливая этой недодачей собственныхъ лошадей.

Если работа сотенныхъ и полковыхъ комитетовъ первоначально ограничивалась лишь областью чисто хозяйственныхъ интересовъ, то совершенно иная картина царилъ въ высшихъ комитетахъ дивизионныхъ, корпусныхъ, армейскихъ и т. д., гдѣ главную роль играли выброшенные революціей на поверхность люди марксистскаго толка, сторонники борьбы классовъ, внушавшихъ солдату взглядъ на офицера, какъ представителя враждебнаго «буржуазнаго» класса.

Въ казачествѣ вопросы социальные и политическіе остро не имѣли и марксистскія *) теченія отсутствовали, но все же непрерывно изо дня въ день культивируемое съѣше и со стороны недоверіе къ офицеру не могло не оказывать влияния и на казаковъ.

Офицеры полка скоро поняли, что твердое исполненіе послѣдней воли отрекшагося Державнаго Шефа — продолженіе войны съ немцами до конца, а, слѣдовательно, сохраненіе полка — требуетъ энергичной работы и въ области политической, и социальной.

Хотя бы для парирования вредной агитаціи, возникла мысль, въ противоборствѣ армейской комитетской организаціи, гдѣ главенство было въ рукахъ марксистовъ, создать новую организацію по чисто казачьей линіи, связать ее съ Атаманомъ и еще пока здоровымъ донскимъ станичнымъ тыломъ.

На Дону острыхъ социальныхъ противорѣчій не существовало, и поэтому, несмотря на недовольство населенія, вызваннаго сильнымъ разореніемъ казачества тремя годами войны и относительнымъ обнищаніемъ края, революція здѣсь протекала въ болѣе спокойной формѣ.

Живая связь съ Дономъ поддерживалась въ полку отпусками, и офицеры были хорошо осведомлены о всемъ тамъ происходящемъ.

Уже въ мартѣ 1917 года, инициативой офицеровъ бригады была создана комиссія изъ офицеровъ, делегатовъ отъ Л. Гв. Казачьяго, Л. Гв. Атаманскаго и Л. Гв. Сводно-Казачьяго полковъ, для выработки обще-казачьей политической программы для фронта.

Отъ Лейбы-Казакъ въ комиссію вошли делегатами: есауль В. И. Фарафоновъ, подъесауль Я. Рыковскій и подъесауль Черемшанскій. Предсѣвателемъ комиссіи былъ избранъ Л. Гв. Своднаго Казачьяго полка (Забайкалецъ) подъесауль Самсоновъ, оказавшійся на большой высотѣ и дашній совмѣстно со своимъ братомъ (кажется, юристомъ по образованію) большую и цѣнную работу.

Въ началѣ апрѣля была выработана проектъ программы, которую, въ главныхъ чертахъ, можно свести къ нижеслѣдующимъ положеніямъ:

*) Отмѣтимъ здѣсь полную неподготовленность и неосведомленность въ вопросахъ политическихъ и социальныхъ не только простыхъ казаковъ, но почти въ равной степени и офицерскаго состава полка, сильно затруднившія борьбу съ указанной выше пропагандой.

26

1) Все казачьи земли, съ ибарами и водами, принадлежать казакамъ, какъ завоеванныя кровью предковъ.

2) Казачьи войска управляются выборными Атаманами и выборными казачьими Кругами.

3) Все разбросанныя по фронтамъ отдѣльныя казачьи части сводятся въ бригады и дивизіи съ соответствующимъ команднымъ составомъ изъ казачковъ.

4) Въ Новочеркасскѣ учреждаются Общеказачьи Артиллерійскія и Военныя училища и гражданскія высшія учебныя заведенія.

5) Все казачьи войска для взаимной помощи образуютъ Союзъ Казачьихъ Войскъ. Во главѣ союза стоитъ Верховный Кругъ изъ представителей Войсковыхъ Правительствъ всѣхъ Войскъ.

6) При высшихъ Армейскихъ Комитетахъ на фронтахъ образуются отдѣльныя казачьи фракціи, изъ выборныхъ казачьихъ делегатовъ отъ полковъ.

7) Периодически должны устраиваться съѣзды казачьихъ делегатовъ, со всѣхъ фронтовъ, для обсужденія вопросовъ, касающихся казачьихъ интересовъ и согласованія по нимъ рѣшеній.

8) По окончаніи войны все казачьи части должны вернуться въ свои края съ оружіемъ и со своей артиллеріей.

Немедленно по выработкѣ программы, съ ней были ознакомлены все казаки бригады, созданы полковые и бригадные круги изъ выборныхъ офицеровъ и казачковъ. Казаки проявили большой интересъ къ дѣлу, и программа была проработана и утверждена бригаднымъ кругомъ, а «затѣмъ и напечатана въ большомъ количествѣ экземпляровъ.

Съ разрѣшенія командировъ полковъ, «революционнымъ» порядкомъ были командированы для агитаціи, отъ каждаго полка по 4 офицера и по 50 казачковъ въ казачьи полки фронтовъ и въ Казачьи Края. Отъ Лейбъ-Казачковъ на Донъ были посланы рядовые казаки; въ казачьи полки 1-й Донской, 2-й Терской и Уссурийской дивизіи поѣхалъ подьесаулъ К. Р. Поздѣевъ; во 2-ю Сводно-Казачью и Кубанскую — сотникъ П. Кутейниковъ; на Терекъ — подьесаулъ Ю. А. Черемшанскій и на Кубань — подьесаулъ Чеботаревъ Б.

Приведу краткую выписку изъ дневника одного изъ делегатовъ — подьесаула К. Р. Поздѣева: «...Около 19 апрѣля я былъ въ 1-й Донской дивизіи, стоявшей на отдыхѣ въ городѣ Аванъевѣ Херсонской губернии. Выступая на собраніи комитетовъ дивизіи, я передалъ приѣхть отъ Гвардейской Казачьей бригады и объяснилъ подробно значеніе программы.

Вопросы программы настолько заинтересовали казачковъ, что назрѣвшіе въ дивизіи эксцессы, съ выраженіемъ недовѣрія офицерскому составу, были сорваны, и казаки занялись обсужденіемъ общеказачьей программы.

Во 2-ой Терской дивизіи успѣхъ былъ такой же.

Въ Уссурийской бригадѣ, подъ вліяніемъ социалистической агитаціи со стороны, казаки-уссурийцы, до моего приѣзда собирались, выписываться изъ рядовъ казачества, познакомившись съ нашимъ проектомъ организаціи ка-

зачести на фронтъ, рѣшили не отставать отъ всѣхъ и присоединиться къ нимъ...

Какъ сказано выше, отъ Лейбъ-Казаконъ на Дону, были посланы для агитации лишь рядовые казаки. Большого толка не получилось, ибо часть программы, касающаяся внутреннего устройства края, ничего нового здесь не представляла, часть же, касающаяся создания политической организации фронтовых частей, связанной непосредственно съ краевой властью, должного интереса не вызвала.

Причинами неудачи явились недостаточная политическая грамотность нашихъ делегатовъ, а также недооценка въ Новочеркасскѣ значенія для Края сохраненія въ фронтовыхъ частяхъ твердой анти-марксистской идеологии, требующей захвата инициативы борьбы съ вредными казачеству влияніями въ свои руки.

Отчасти причиной неудачи явилось то обстоятельство, что въ казачьихъ верхахъ главенствовали представители краевой интеллигенции, обладавшие недостаткомъ, общимъ всей русской, — страстной любовью къ фразеологич., почему даже, несмотря на появленіе въ войнѣ у власти на Дону крупнаго, честнаго и умнаго человека, коимъ былъ генералъ Калединъ, на практикѣ оказывалось слишкомъ много болтовни и слишкомъ мало дѣла.

Весьма важнымъ результатомъ почина г. г. офицеровъ Гв. Каз. бригады явилось созданіе казачьей фракціи при Армейскомъ комитетѣ Особой Арміи. Исторія образованія фракціи и ея развитія слѣдующая:

Въ составъ Собранія выборныхъ Особой Арміи, какъ именовался Армейской комитетъ, въ городѣ Луцкѣ 26 марта были командированы делегаты 3-ей Гв. Кав. дивизіи, и въ числѣ ихъ Лейбъ Гвардіи Казачьяго полка подьесаулъ Черемшанскій.

Армейскій Комитетъ въ большинствѣ состоялъ изъ солдатской нестроенины и делегатовъ техническихъ частей, рабочихъ по происхожденію.

Комитетъ весьма быстро дѣлалъ, и подьесаулъ Черемшанскій скоро убѣдился въ невозможности продуктивной работы.

По его инициативѣ, казачьи делегаты вышли изъ состава Армейскаго Комитета и образовали самостоятельную, параллельную Комитету, Казачью фракцію Особой Арміи. Вскорѣ къ фракціи привоюли казачьи депутаты сосѣдней XI-ой Арміи, и фракція приняла наименованіе «Исполнительнаго Комитета Совѣта Казаконъ Особой и XI-ой Арміи». Въ войнѣ, въ виду специфическаго значенія, кое начали уже получать слова «совѣтъ» и «комитетъ», казачій комитетъ переименовался въ «Правленіе Казаконъ Особой и XI-ой Арміи».

Предъдателемъ Правленія былъ избранъ подьесаулъ Черемшанскій, а секретаремъ — подьесаулъ Шумилинъ (отдѣльной Донской сотни).

«Фракція», «Комитетъ», а затѣмъ и «Правленіе» помѣщалось въ небольшой комнаткѣ по Шоссейной улицѣ №93. На полу этой каморки, въ рѣдкѣ отъ работы часы, снами вползлаку и предъдателемъ подьесаулъ Черемшанскій, и секретарь подьесаулъ Шумилинъ.

«Правление» развило дикорядочную работу, принесло много пользы, парализуя вредную казачью начинания Армейского Комитета и беря попадавшие в Армейский Комитет казачьи вопросы в свои руки.

Подъесаул Черемшанский, обладавший большой энергией и совершенно исключительными агитационными способностями, принес много пользы походами в казачьи полки Особой и XI-ой Армий. В случаях возникновения в них волнений, ему легко удавалось забивать нежелательных агитаторов и успешно восстанавливать нарушенный порядок.

14 июля подъесаул Черемшанский съездом делегатов в Петрограде на учредительный съезд Союза Казачьих Войск. Он возил проект разформирования Гвардейской Казачьей бригады в Гвардейскую Общеказачью дивизию, включением в ее состав Гвардейских Кубанских и Терских сотен Кошвой. Этим путем бригада хотела избавиться от опеки дикорядочного комитета 3-ей Гв. Каз. дивизии, где преобладали солдаты. Проект был 21-го июня утвержден съездом, однако осуществление его, согласно принятой резолюции, было передано на рассмотрение Ставки Верховного Главнокомандующего. Проект был похоронен Ставкой, как впоследствии было ею же проведено выдвинутое Правлением казаков Юго-Зап. фронта предложение о сохранении поста Походного Атамана, как необходимого центра связи предполагаемой единой организации казачества на фронте.

В июле, в Бердичеве, где находился штаб Юго-Зап. фронта, по инициативе Правления казаков Особой и XI-ой Армий, состоялся съезд казачьих делегатов фронта. На съезде, на общем, относительно дружном казачьем фоне, резко выдвинулась небольшая группа казаков, руководимая уральцем доктором Ружейниковым (социал-демократ, впоследствии перешедший к большевикам). Однако, группа эта успеха не имела, и съезд перед разъездом учредил постоянное Правление Юго-Западного фронта. Председателем Правления был избран Лейбь Калас, подъесаул Черемшанский, а секретарем подъесаул Шумилин. В число членов Правления были избраны: Лейбь Гвардия Казачьего полка сотник П. Кутейников; Терского войска сотник Старицкий; Сибирского войска, трубач Д. Гв. Слозно-Казачьего полка, подхорунжий Изынских; Семиреченского войска (бывший фельдшер) сотник Шатов и несколько хорошо настроенных рядовых казаков разных полков и отдельных сотен фронта.

Вновь образованное Правление казаков Юго-Западного фронта полностью приняло программу Гв. Каз. бригады и рьяно ее широко распространить.

Программа и приветственное постановление Правления особой делегацией, возглавляемой сотником Кутейниковым, были вручены генералу П. Н. Краснову, в то время командовавшему 2-ой Слозно-Казачьей дивизией.

Ген. Красновъ принять делегацию, но отъ отѣнки программы отказался. Интересно, что весьма холодный пріемъ программа встрѣтила въ лицѣ будущаго Предсѣдателя Войскового Круга В. А. Харламова, въ то время занимавшаго должность комиссара Временнаго Правительства на Кавказѣ. Последнему программа была представлена лично ѣздившимъ на Кавказъ, къ Терскому Атаману ген. Караулову, подьесауломъ Черемшанскимъ. В. А. Харламовъ нашелъ, что программа «слишкомъ схематична», «разработка конституции — дѣло войсковыхъ Правительствъ» и фронту «надлежитъ ждать», пока послѣдніе изрекуть свои решенія.

В. А. Харламовъ не умѣлъ отѣкнуть основной цѣли начинанія, заключающейся въ попыткѣ вырвать фронтовое казачество изъ стѣн солдатскихъ Армейскихъ Комитетовъ (въ коихъ верхъ брали марксисты), связавъ его непосредственно со своимъ, тогда еще здоровымъ, станичнымъ тыломъ.

На этомъ пока и остановимся. Къ дѣятельности Правленія казаковъ Юго-Западнаго фронта вернемся въ слѣдующей главѣ.

Для полноты картины политической дѣятельности офицеровъ полка, отмѣтимъ ниже, въ слѣдующей главѣ, участіе ихъ въ попыткѣ образованія Всероссийскаго Офицерскаго Союза, ликвидированнаго Керенскимъ послѣ Корниловскаго выступленія.

Отмѣтимъ также, что по убѣжденіямъ всѣ офицеры полка, безъ исключенія, были монархистами, полагая, что ині Монархія Россіи, представляющая собою конгломератъ не только народовъ но и расъ, разбросанныхъ на громадной территоріи, существовать, какъ великая держава, не смогла бы.

При этомъ, Монархія представлялась, какъ строй надклассовый, т. е. не связывалась офицерами съ какими-либо опредѣленными взаимоотношеніями классовъ и сословій, присущими въ прошломъ тому или другому царствованію, хотя бы и послѣднему.

Однако, отмѣченная выше неосвѣдомленность въ вопросахъ политическихъ и полное невѣжество въ вопросахъ социальныхъ, исключала возможность точно осознать и оформить вопросъ о Монархіи, что въ сильной степени обезоруживало офицеровъ и не дало возможности развить сколько-нибудь значительную работу въ этомъ направленіи.

Своихъ монархическихъ убѣжденій офицеры не скрывали, и не было случая, чтобы кто-либо одѣлъ красную бантъ или привѣтствовалъ бы строй, установившійся послѣ отреченія Государя.

Отмѣтимъ въ заключеніе, что на почвѣ монархическихъ убѣжденій офицеровъ за всю революцію не было ни одного случая столкновенія съ рядовыми казаками, проявивши въ этомъ вопросѣ глубокое безразличіе.

Въ началѣ апрѣля 3-ья Гвардейская Кавалерійская дивизія снова заняла свой участокъ окоповъ на Стоходѣ.

18

Приказы о выступлении свѣренныхъ частей въ окопы полка получили непосредственно послѣ Пасхи. Изъ каждой сотни пошло по 55 штыковъ, при двухъ офицерахъ. Остальное осталось при коноводахъ и обозѣ, на старыхъ квартирахъ въ районѣ д. д. Динки — Невѣрколо. Кромѣ того, на фронтѣ выступила пулеметная команда со свѣренными номерами и, для службы связи при штабѣ дивизии, были посланы одинъ взводъ въ конномъ строю (отъ 3-й сотни). Офицеры съ радостью приняли этотъ приказъ, такъ какъ съ тѣхъ отрывались отъ всякихъ комитетовъ и ихъ пагубнаго вліянія.

Утромъ 13-го апрѣля полкъ, въ конномъ строю, выступилъ изъ своей стоянки и въ тотъ же день, къ вечеру, прибылъ въ г. Ровно, откуда коноводы повели лошадей обратно, а свѣренныя части подъ командой полковника Зубковскаго, на слѣдующее утро погрузились въ эшелоны. На желѣзной дорогѣ уже царилъ полный беспорядокъ: долго не подавали состава и только послѣ долгихъ пререканій съ комиссаромъ станин эшелона, съ большимъ опозданіемъ, отошли.

На разсвѣтъ 15-го апрѣля, части полка выгрузились на ст. Рожище и двинулись походнымъ порядкомъ въ дер. Невольное, расположенную въ 5 верстахъ отъ передовой линіи окоповъ. Противникъ съ зѣйковаго дерзата заѣхнулъ движеніе полка и началъ артиллерійскій обстрѣлъ деревни, до которой полкъ еще не дошелъ и въ которой находились лишь конный взводъ подѣсаула герцога Лейхтенбергскаго и команда связи съ сотникомъ графомъ Муравьевымъ-Амурскимъ. Полкъ остановился, залегъ въ канавѣ вдоль дороги и съ наступленіемъ темноты вошелъ въ деревню. Во время обстрѣла одинъ снарядъ разрушилъ избу, во дворѣ которой стоялъ конный взводъ. Убитъ былъ казакъ Буряшевъ, контужены легко — подѣсауль герцога Лейхтенбергскій и тяжело сотникъ графъ Муравьевъ-Амурскій.

Ночью полкъ смѣнилъ пѣхотную часть, стоявшую въ резервѣ 1-й бригады въ ур. Мокрыско. Казаки и офицеры расположились въ блиндажахъ и землянкахъ, построенныхъ въ небольшомъ лѣсу. Въ этомъ районѣ полкъ простоялъ дней 10, въ полномъ бездѣйствіи, иногда только посылая по ночамъ команды для рѣзья окоповъ или ихъ исправленія на участки Л. Гв. Уланскаго полка, въ резервѣ котораго полкъ находился. Въ этотъ періодъ были командированы нѣсколько офицеровъ для реконгносцировки тыловыхъ позицій и для исправленія картъ.

Въ ночь съ 25 на 26-ое апрѣля свѣренныя части полка смѣнили уланъ въ окопахъ, на лѣво-фланговомъ участкѣ дивизіи у колоній Марьяновки. 1-я сводная сотня (1-ая и 3-ья сотни) подъ командой подѣсаула Полковникова, заняла позиціи на правомъ флангѣ полка, войдя въ связь съ Л. Гв. Атаманскимъ полкомъ, занимающимъ окопы у дер. Богущовка; затѣ расположились 2 сводная сотня (4 и 5 сотни), подъ командой подѣсаула Я. Рыковскаго, и на лѣвомъ флангѣ полка, на стыкѣ со 2 Гв. кавал. дивизіей, 2-я сотня подъ командой хорунжаго Кобіева. Штабъ полка — въ блиндажахъ въ лѣсу юго-западнѣе колоній Марьяновки. Пулеметная команда была распределена по сотнямъ.

Сооруженная больше года тому назад на Стоходском болоте оборонительная позиция состояла из окопов насыпного типа. Блиндажи, с одним или с двумя накатами тонких бревен, были скорее похожи на землянки и не являлись защитой от артиллерийского огня. Убийшиц и лисных нор не было. Окопы насыпного типа требовали большого ухода, иначе песок легко распозался. С началом революции солдаты перестали поддерживать работой исправное состояние окопов, и они быстро разрушались. Девять-Казакам пришлось занять окопы, запущенные почти двухмесячным бездействием: проволочное заграждение, хотя и тянулось в две линии, но во многих местах было проходимо; окопы частью завалились и были сильно загрязнены.

Непосредственно за окопами, за проволочным заграждением, протекала река Стоходь, вдоль которой тянулось трудно проходимое болото, шириною до 2-х верст, с небольшими островами. Позиция противника находилась на противоположном берегу, на опушке густого леса. Противник почти не тревожил. Казаки беспрепятственно ходили по надь окопами, и только если собиралась большая группа из 19-20 человек, то немцы начинали обстрель очень метко ружейным, а иногда и артиллерийским огнем. Довольно часто, ведя воздушную разведку, делали налеты неприятельские самолеты, иногда бросая бомбы по тылам и вызывая огонь наших зенитных батарей.

Служба пока носила характер сторожевого охранения. Днем выставались только наблюдатели, ночью секреты, в некоторых местах караулы и заставы. Изредка выставлялась разведка. На случай тревоги назначалась дежурная часть. Связь была хорошо налажена: каждая сотня была соединена телефоном со штабом полка, соседними участками, артиллерийскими наблюдателями и с 3-ей батареей Д. Гв. Конной Артиллерии. На случай газовых атак были приготовлены костры, наблюдатели имели колокола из ширельных стаканов, а люди снабжены противогазами.

Офицеры жили в отдельных блиндажах при каждой сводной сотне. Тут же находились телефоны, посыльные и присланные для связи. Собрание было устроено в блиндаже при штабе полка. Там же стояли походная кухня, откуда горячая пища в ведрах разносилась по окопам.

По воскресеньям и праздничным дням в ближайшем тылу в походной полковой церкви служилась Божественная Литургия.

В окопах полк простоял 10 дней, после чего отошел в район г. Тихотна.

Простояв в резерве до 16-го мая, полк снова сменил улань, заняв старая позиция на Стоходь.

Надежды офицеров на улучшение настроения казаконь, в связи с условиями боевой службы в окопах, не оправдались.

Раньше было сказано, что полк в Мокрыско сменил тихотную часть. Солдаты этой части, разболтанные, грубые, озлобленные, произвели тягостное впечатление не только на офицеров, но и на казаконь. Однако, близость деморализованных солдат оказывала вредное влияние на менее стойких людей. Кроме того благодаря содействию солдат, появились в изобилии ре-

революционная литература, в виде газет, брошюр и листовок, действующая разлагающим образом.

Если в тылу, при допашах, где казаки были заняты уборками, где производились заготовки и где они нередко помогали по хозяйству хозяевам, у которых они стояли по хатам, досуг казака быть свободным, то здесь, в окопах, на пассивном участке, свободного времени некуда было деть.

Помимо чтения революционных изданий, безгранично процветала карточная игра, с ее неизбежными последствиями: порывством, продажей казенного имущества и ссорами между собой.

Условия жизни в окопах во время революции затруднились. Ухудшилась пища, ибо продукты теперь были исключительно интендантской поставки: хлеб выдавался черствым, мясо обычно заменялось солониной, либо соленой рыбой; мало, табака, чай, сахар, выдавались очень нерегулярно, причем последний часто теперь заменялся откровенно плохого качества изюмом и черносливом.

В землянках и блиндажах, запущенных с начала революции, было тесно и грязно. Людей заедли комары, блохи и вши.

Приведем выдержку из дневника очень внимательного наблюдательного офицера, хор. Ник. Петр. Ефремова, характеризующую настроение казаков в полку: «...Поть лишнее плохих условий жизни, агитации из пещаты, бездельных действий Правительства и близкого соседства с неказачьими частями, настроение казаков в конце апреля, с переходом в окопы, изменилось к худшему. Появилась озлобленность, непреклонно к кому направленная. Враждебность к офицерам полка, однако, до случая Вас. Ефремовым, не была».

Словом, дух в полку понижился, и создавалось повстанческо-бунтарское настроение.

В конце апреля, в связи с отказом в отпуски командира полка ген. А. М. Грекова, полк Миншареву отбыть в коноводкам, а в командование сибирскими сотнями вступить есаул В. И. Фарафонов.

В этот период случился грустный инцидент, жертвою коей оказался один из хороших офицеров полка, сотник Вас. Ник. Ефремов.

Распоряжением высшего начальства в полк были присланы 2 или 3 медали, выданные французским правительством для различия отличившихся казакам.

Командирам сотен было приказано прислать соответствующий представитель к награде.

Заменивший в окопах к-ра 3-ей сотни сотник В. Ефремов сначала хотел представить к этой награде ур. Коновалова из 4-го взвода, переговорив с офицерами сотни и взамисрочив, передумав и послать представителя на другого, более достойного казака.

Уряднику Коновалову стало обь этомь извѣстно, и онь, открыто выражая свое недовольство, сталъ будировать среди казаковъ сотню противъ сотника Ефремова *)).

Вахмистръ доложилъ обь этой агитаціи сотнику Ефремову, который, назвавъ Коновалова **) въ свой блиндажъ, заявилъ ему, что право предоставления къ наградамъ принадлежитъ исключительно начальнику и обсужденію казаками не подлежитъ, почему онъ, приказываетъ вредную агитацію прекратить и болѣе къ этому вопросу не возвращаться.

На слѣдующій день сотникъ Ефремовъ вышелъ пройтись позади окопа.

Къ нему подошелъ Коноваловъ и держкимъ тономъ потребовалъ объяснить, почему его представление къ французской медали было отставлено.

Сотникъ Ефремовъ отвѣтилъ, что онъ уже говоритъ Коновалову, что право предоставления есть право начальника и разговаривать на эту тему не будетъ и не желаетъ.

«А я желаю разговаривать», дерзко отрѣзалъ Коноваловъ. Сотн. Ефре-

*) Сотникъ Вас. Ник. Ефремовъ — потомокъ славнаго донскаго рода, давшихъ полку нѣсколько поколѣній достойныхъ, коренныхъ офицеровъ, — былъ относительно молодымъ офицеромъ.

Очень горячій и, въ молодости лѣтъ, иногда недержанный, онъ былъ часто неровенъ съ казаками и, будучи по службѣ строгимъ и требовательнымъ, не пользовался въ ихъ средѣ популярностью.

**) Урядникъ Коноваловъ происходилъ изъ интеллигентной дворянской семьи и имѣлъ брата, подполковника Генеральнаго Штаба (произведеннаго впоследствии, во время гражданской войны на Дону, въ генералы).

Въ Лейбъ-Казачьемъ полку не дѣлалось различій между казаками по классовому признаку, и урядникъ Коноваловъ несъ службу, безъ какихъ бы то ни было поблажекъ, наравнѣ съ другими рядовыми казаками.

Въ 1916 году урядникъ Коноваловъ, будучи посланъ на разѣдку по закупкѣ въ тылу фуража, познакомился тамъ съ группой пѣхотныхъ солдатъ, дезертировавъ, бродившихъ по тыламъ и замышлявшихъ тамъ грабежомъ и порывствомъ. Въ одной деревнѣ эти солдаты убили и ограбили одинокую старую женщину. Спустя нѣкоторое время дезертиры-грабители были арестованы, причемъ судебнымъ слѣдствіемъ было установлено соучастіе какого-то казака. Дозваніе, произведенное въ Лейбъ-Казачьемъ полку, установило участіе урядника Коновалова. Участіе въ убійствѣ уряднику Коноваловъ категорически отрицалъ, однако, послѣ опроса судебнымъ слѣдователемъ, онъ, по обвиненію въ соучастіи, былъ преданъ суду Особой Арміи, съ оставленіемъ подъ надзоромъ въ сотнѣ.

Вышшая мать голоной перспективѣ суда угнетала Коновалова, и онъ вызвалъ въ полкъ своего брата. Заступничество прибывшаго брата не помогло: случай грабежа въ Лейбъ-Гвартіи Казачьемъ полку былъ исключеніемъ, и ни командиръ полка, ген. Грековъ, ни командиръ сотни, подвесаудъ Конововъ, не согласились замянуть дѣла.

Съ приходомъ революціи, общая картина развала и безнаказанности кругомъ возбудила въ урядникѣ Коноваловѣ надежду отвергнуться отъ суда.

Урядникъ Коноваловъ цѣплялся и къ французскую медаль въ надеждѣ, что сомнѣй фактъ предоставления къ наградамъ не то облегчитъ, не то избавитъ его отъ ответственности.

моль приказать ему идти въ окопъ, на свое мѣсто. Ур. Коноваловъ не только не пошелъ, куда было приказано, но продолжать говорить дерзости.

Сотникъ Ефремовъ, изведенный изъ себя, выхватилъ револьверъ (какъ потомъ оказалось, незаряженный) и скомандовалъ: «Направо», Коноваловъ повернулся, но поворотъ вышелъ не въ сторону окопа, «Кругомъ, — поправился сотникъ Ефремовъ, — къ окопъ — маршь!»

Ур. Коноваловъ скрылся въ окопѣ, но тамъ, отутиншись среди казаковъ 3-ей сотни, сталъ кричать, что сотн. Ефремовъ, угрозой револьвера, производитъ ему «занятіе поворотами», что «офицеры всѣхъ насъ перестрѣляютъ... ребята, берите винтовки, надо Ефремова арестовать...»

Казакъ 3-ей сотни выскочилъ изъ окопа и пошелъ съ винтовками на перенѣсъ на сотника Ефремова.

Случайно находившіеся неподалеку к-ръ 5-ой сотни подьесаулъ Я. Рыковский и ст. оф. 4-ой сотни подьесаулъ Пелев, увидя казаковъ, заряжавшихъ винтовки, кинулись къ нимъ навстрѣчу.

Подьесауду Рыковскому удалось остановить сотню. Быстро опросивъ сотн. Ефремова, онъ отправилъ его съ подьесаудомъ Пелев къ командиру съѣшенными сотнями, есауду В. Фарафонову, а затѣмъ, не безъ труда, отвелъ казаковъ въ окопъ обратно.

Возбужденіе въ сотнѣ не улеглось и черезъ нѣкоторое время къ блиндажу командира полка прибыло 5 казаковъ, заявившихъ, что они командированы сотней для ареста сотника Ефремова и отправки его для суда къ Армейскій Комитетъ.

Ес. Фарафоновъ, въ блиндажѣ котораго сидѣлъ сотн. Ефремовъ, отвелъ дальше отъ блиндажа въ дѣсь, возбужденныхъ до крайности и вооруженныхъ винтовками, казаковъ и затѣмъ приказалъ положить, въ чемъ дѣло.

Казакъ заявилъ, что сотня требуетъ ареста, ибо иначе «онъ, сотн. Ефремовъ, всѣхъ насъ перестрѣлетъ».

Ес. Фарафоновъ заявилъ, что какъ командиръ полка онъ не допуститъ ареста казаками офицера, да и кромѣ того, имъ уже сотн. Ефремовъ арестованъ впрелъ до разбора всего дѣла.

Увидѣвъ проходящаго случайно офицера 4-ой сотни, кн. Н. П. Трубенкого, ес. Фарафоновъ быстро къ нему подошелъ и тихимъ голосомъ приказалъ немедленно, скрытно отъ казаковъ, увезти сотн. Ефремова на фольваркъ, отстоявшій въ 4-хъ верстахъ, куда съ наступленіемъ ночи долженъ быть отойти въ резервъ дивизіи Л. Гв. Казачій полкъ.

Вернувшись къ «делегатамъ», онъ объяснилъ имъ несуразность ихъ опасенія и требованія и отослалъ ихъ обратно въ окопъ.

Ночью полкъ отошелъ въ резервъ къ фольварку, а на утро, переть штабомъ полка выстроились развернутымъ строемъ (составляющие 1-ую съѣшенную сводную сотню), вооруженные винтовками, казакъ 1-ой и 3-ей сотней, съ требованіемъ выйти имъ для ареста сотника Ефремова.

Есаулъ Фарафоновъ, съ нѣсколькими офицерами, бывшими въ штабѣ, вышелъ и громко поздоровался.

Сотни отѣпили по уставному.

На вопрос, почему пришли с винтовками, слышались голоса: «Не брать офицерам, они нас перестреляют...»

Ес. Фарафонов, указав на абсурдность этого замечания и обратив внимание казаков на то, что как он сам, так и офицеры вышли без оружия, объяснить, что желает, чтобы винтовки были составлены в кюль и командовать:

«Передние шеренга — кругом!»

Шеренга повернулась.

«Состав!» — Винтовки не составили.

Есауль Фарафонов и командиры сотен начали уговаривать казаков благоразумиться.

Казаки упорствовали на арест сотника Ефремова и даже разлазались, — придал, отдаление — голоса, дерзко заявлявшие, что пойдут арестовывать сами.

Уговоры тянулись больше 5-ти часов. Казаки упорствовали, не расходились, возбуждение то падало, то возрастало.

Дабы кончить тиростную и недостойную сцену, есаулу Фарафонову пришлось согласиться на арест и отправление сотника Ефремова под казачью конвою в штаб дивизии.

Здесь сотник Ефремов был немедленно освобожден и на следующий же день уволен в продолжительный отпуск.

Командующий полком полковник Мишаев с вызовом из полка сущего сфабрикователя Особой Армии.

Последний прибыл и произвел дежавю, причем большая часть казаков от дачи показания уклонилась. Казаки прибытием сфабрикователя были сильно смущены. Струсить и Коновалов, в своих показаниях валивший свою вину на других казаков и старший-я запутать всю сотню.

Сфабрикователь же, в частном разговоре с командиром полка, сообщил, что буквально завален аналогичными делами, но более серьезного характера, чем данное, по его определению, «сравнительно пустяковое» и «благополучно кончившееся».

В действиях ур. Коновалова и приказных той же 3-ей сотни — братьев Логвиновых, казаков 1-ой сотни — Серапинова и Свиная, он нашел состав преступления бунта и подстрекательства к бунту, в условиях нахождения сотни в боевой обстановке, что оправдывало угрозу револьвером сотника Ефремова.

Наряду с этим, сообщать, что бесполезно арестовывать подсудимых, так как все арестованные ими, немедленно же по прибытии в Луцк, освобождаются Армейским Комитетом, разгуливают свободно по городу и открыто грозятся его, сфабрикователя, убить.

В результате преступление казаков осталось безнаказанным. Казаки 1-ой и 3-ей сотен, хотя и присмирели, но атмосфера в полку несколько напряглась, и между офицерами и казаками были заложены прочный камень взаимного недоверия. Камень этот, имея элемент личной обиды, усложняет взаимное понимание казаков и офицеров и затрудняет работу по-сланных.

Между тем, инцидент с ур. Коноваловым отнюдь не служил доказательством полного разложения 3-ей сотни.

Достаточно будет отметить, что в дальнейшем, в трудные дни политики переворота ген. Корнилова и, в особенности, в последовавшие дни определявшейся неудачи, именно казаки 3-ей сотни несли охрану Штаба Гвардейского Кавал. Корпуса, твердо и спокойно держась своих офицеров. И только благодаря их стойкости Штаб Корпуса был предохранен от экспроприации со стороны своих солдатских команд и комитетов.

Случай с ур. Коноваловым являлся заурядным бунтом на почве разрушительных революционных законодательством всех нормальных условий быта воинской части и ряда сипления случайных внешних обстоятельств, сыгравших роль толчка по отношению к наполненному варварскими вещами скаряду.

Главными из этих внешних обстоятельств являлись испытываемая лишения в пище и условиях жизни на позиции, не компенсируемая, как то было до революции, втрой кз конечную победу, о малой вероятности коей теперь казаку говорить вилзь быстро разлагавшейся солдатской массы.

Вскоре послз инцидента вернулся со съезда при Ставке, куда базилъ делегатомъ офицеровъ полка, командиръ 3-ей сотни подьесаулъ Кононовъ.

Одновременно пришло въ полкъ предписание Штаба Особой Армии съ именемъ ур. Коновалова на судебное разбирательство дла о грабежз.

Подьесаулъ Кононовъ построилъ сотню, прочиталъ предписание, представилъ кз ур. Коновалову часовыхъ и отправилъ его въ Штабъ Армии.

Послз команды «разойтись» казаки подходили кз командиру сотни и робко и несмыло выказывали сожалзние о случившемся въ окопахъ, обвиняя всецзло одного урядника Коновалова.

Дальшйшая служба 3-ей сотни проходила въ полномъ порядкз, вплоть до прихода полка на Дюнь.

Несмотря на приведенную выше картину мрачной обстановки, офицеры полка продолжали свою безотрадную тяжелую работу по сохранению полка, проявляя незаурядной тактз и полное самоотвержение.

Только благодаря этой работз полкъ продолжалъ оставаться относительно боеспособнымъ въ бушующемъ кругомъ солдатскомъ океанз.

Перйдемъ теперь кз рассмотрзнию боевой дзятельности Л. Гв. Казачьяго полка этого периода.

Въ течение цзлаго мзсана на фронтз господствовало полное затишье. Сначала противъ боевого участка полка стояла спшсенная австро-венгерская конница, въ полонии маз ее смзнила германская пхота. Частимъ дивизии было предложено произвести поиски развздчиковъ въ расположзние противника, съ задачей захватить плзванного и выяснитъ наименованз части. Командующий полкомъ поручилъ произвести поиски сотнику Ф. Ф. Рыковско-

му, вызвав охотников со всего полка. Желавших идти на разведку оказалось больше, чем надо было.

Произведя съ 20-ю казаками предварительную разведку местности, сотник Рыковский остановил свой выбор на прилегающем къ позиции противника урочищѣ, гдѣ находился отдельный неприятельскій полевой караулъ. Къ нему были изучены всѣ подступы, какъ и расположеііе проволочныхъ загражденій.

Въ ночь съ 20-го на 21-ое мая развѣдчики, переправившись черезъ Стохоть, выступили съ расчетомъ пройти загражденія противника передъ самымъ рассвѣтомъ. Прорѣзавъ проходъ въ проволоку въ двухъ мѣстахъ, развѣдчики подошли незамѣченными къ окопу, занятому нѣмецкимъ карауломъ, бросили въ него нѣсколько гранатъ, чѣмъ обратили нѣмцевъ въ бѣгство. Въ окопѣ остался только одинъ раненый осколкомъ гранаты въ животъ германскій часовоіі, который продолжалъ сопротивляться и былъ взятъ въ плѣнъ, получивъ еще нѣсколько штыковыхъ ранъ. Между тѣмъ, германцы по всей линіи открыли ружейный и пулеметный огонь. По сигнальной ракетѣ, выпущенной сотникомъ Рыковскимъ, наша батарея открыла угрожающій огонь, и развѣдчики благополучно отошли.

Такимъ образомъ, поискъ блестяще удался: задача была выполнена почти безъ потерь, если не считать 3-хъ легко раненыхъ казаковъ, оставшихся въ строю. Доставленный тяжело раненый плѣнный германецъ назвалъ себя рядовымъ 143-го Ландвернаго полка Рихардомъ Куфельднеромъ, уроженцемъ Меца. Часа черезъ два, послѣ сдѣланной врачомъ Еуфановымъ перевязки, плѣнный скончался). Съ нимъ были взяты его винтовка, патроны, бомбы и полное снаряженіе. Въ другихъ частяхъ дивизіи поиски никакихъ результатовъ не дали.

Такое дѣло, въ нормальныхъ условіяхъ незначительное, теперь, когда русская армія, разлагаясь, быстро теряетъ свою боеспособность, оказалось достойнымъ вниманія... (По всему фронту арміи шло братаніе, и вдругъ нашлась часть, успѣшно выполнившая боевую задачу). Высшее командованіе отмітило это дѣло настолько, что дѣйствія партіи развѣдчиковъ сотника Рыковского попали въ сводку Ставки Верховнаго Главнокомандующаго всѣми Русскими Арміями отъ 25 мая. Кромѣ того, и въ приказѣ по Особой Арміи была объявлена благодарность всѣмъ участникамъ развѣдки, а также и всему полку, который ставился въ примѣръ другимъ частямъ. Сотникъ Рыковский былъ награжденъ орденомъ Св. Владиміра 4-й степени съ мечами и бантомъ, а всѣ участники-казаки получили Георгіевскіе кресты и медали.

22-го мая, на слѣдующій день послѣ поиска развѣдчиковъ, германцы, сосредоточивъ три батареи легкой и тяжелой артиллеріи, повидимому съ цѣлью наказанія, начали обстрѣлъ участка 1-й сотни, откуда вышли развѣдчики. Площадь обстрѣла была, примѣрно, въ 250 саж. въ глубину и по фронту. Люди покинули, по приказанію, всѣ блиндажи и, оставивъ только наблюдателей, по ходамъ сообщенія перешли на соседніе участки. Обстрѣлъ продол-

жался около часу. В результате — проволочное ограждение было разрушено во многих местах, завалилось несколько блиндажей и часть окопов, прервалась и телефонная связь. Убитых и раненых не было, за исключением одного телефониста, легко раненого осколком в руку.

28-го мая на рассвете, разведчики противника подходили к нашим позициям, но во время замеченные казачьими секретами, были отбиты ружейным и пулеметным огнем.

В это время коноводы стояли на старых квартирах в районе д. д. Липки — Волкашов — Невржков. Жизнь казаков и офицеров протекала в лучших условиях, казаки были заняты уборкой, на কাজাগо приходилось по несколько лошадей; политикой занимались меньше, настроение было лучше, чем на позициях, и вообще жизнь носила почти мирный характер.

В этот месяц должны были собраться в Новочеркасск большой Войсковой Круг для выбора Атамана. От Л. Гв. Казачьего полка делегатами были посланы подьесауль С. Краснов и подьесауль Я. Рыковский. На бригадном кругу были назначены кандидатами на постъ Атамана — Командующий 8-й Армией генераль А. М. Каледин и начальник 2-й Казачьей Свободной дивизии генераль П. Н. Краснов. Тогда же для делегатов полка была выработана наказъ в духе казачьей программы, о которой говорилось выше.

Командир полка генераль-майор Греков вернулся из отпуска, и полковник Мишаревъ выехал в окопы командовать спешными частями полка.

Генераль Грековъ вскоре вновь отбыл в отпуск, впредь до увольнения (по сердечной болезни) в отставку, передать полкъ уже окончательно полковнику Мишареву.

Передъ уходом генераль Грековъ оказал полку величайшую услугу срочнымъ вывозомъ изъ Петрограда въ Новочеркасскъ всѣхъ полковыхъ регалий и предметовъ богатаго полкового музея.

Этой мудрой и своевременной предусмотрительности ген. Грекова полкъ обязан сохранностью своихъ ценностей. (История и порядокъ вывоза полкового музея и регалий изложены подробно в очеркѣ И. Н. О. «Очеркъ истории музея Л. Гв. Каз. Е. В. п.»).

13-го июня срочно были названы на позицию все офицеры; при коноводахъ осталось по одному офицеру на сотню. Армия готовилась къ Тарнопольскому наступлению 18го июня.

10-го июня спешная сотня полка заняла новые позиции у д. Богушов-

ка, где прежде стояли Атаманш: 2-я, 4-я и 5-я сотни заняли окопы по берегу Стохода, вдоль дер. Богушовка, а 3-я сотня — на острове Березовомъ. Изъ всей деревни Богушовки не разрушенными оставались всего три избы — въ 1 верстѣ на югъ отъ окоповъ. Тамъ расположился штабъ полка и 1-я сотня въ резервѣ.

18-го июня Верховный Главнокомандующій приказалъ арміямъ Юго-Западнаго фронта перейти въ наступленіе, причемъ главный ударъ предполагался въ направленіи Броды — Тарнополь. На Ковельскомъ направленіи произведена должна была быть демонстрація — причемъ надежды на удачу такъ было мало даже у высшаго командованія, что не было дано особыхъ задачъ на случай развитія успѣха этой демонстраціи. Боевому участку Гв. Кавалерійской дивизіи было приказано: пѣхотѣ Стрѣжковаго полка 3 Гв. Кав. див. овладѣть позиціями противника у д. Свидники, а Л. Гв. Казачьему и Л. Гв. Атаманскому полкамъ — произвести поиски развѣдчиками за рѣку Стоходъ крупными партіями и этимъ обезпечить наступленіе эскадроновъ сѣрѣжковъ. Достигнуть передовыхъ позицій противника всѣ части должны были одновременно на разсвѣтъ 18-го июня.

Задача была задана дней за пять, и необходимо было произвести подготовительныя работы и развѣдку. Артиллерія боевого участка была усилена нѣсколькими прибывшими изъ резерва тяжелыми и легкими батареями, и съ 14-го июня началась артиллерійская подготовка. Ежедневно на воздушную развѣдку начали вылетать наши аэропланы.

Въ Л. Гв. Казачьемъ полку руководство поисками было возложено на командира 1-й сотни подесаула Поздѣва. Изъ охотниковъ всего полка была составлена партія развѣдчиковъ въ 75 казаковъ при 3-хъ офицерахъ (подесаулахъ: С. Полковниковъ, М. Чебогаревъ и Ю. Персидскомъ). Въ теченіе нѣсколькихъ ночей развѣдчиками была произведена рекогносцировка мѣстности, подступовъ, проволочныхъ загражденій и позицій противника. Мѣстомъ удара была выбрана участокъ позиціи противника, выдающийся вперед у острова Мычкова, занятый заставой противника. Передъ позиціей противника тянулось пять рядовъ проволочныхъ загражденій. Переходъ на ту сторону Стохода былъ очень тяжелъ: приходилось идти по поюсъ въ водѣ. Къ тому же ночи были лунныя, и для развѣдки нужно было пользоваться временемъ отъ захода луны (около часу ночи) до зари (которая начинала занимать около 3-хъ часовъ утра).

Въ ночь съ 17-го на 18-ое июня партія развѣдчиковъ перешла на островъ Мычковъ, куда была проведена телефонъ и гдѣ находилась на наблюдательномъ пунктѣ командиръ взвода 3-й батареи Л. Гв. Конной артиллеріи, подпоручикъ Апрельскій. Оставивъ на островѣ въ видѣ резерва 20 казаковъ, въ 12¹⁵ часовъ ночи развѣдчики двинулись впередъ и, пройдя болото, подошли къ рошицѣ, гдѣ стояла неприятельская застава. Раздѣлившись на три группы, каждая въ 15-20 казаковъ, подъ начальствомъ офицера, развѣдчики начали рѣзать проволоку. Первые два ряда проволоки (бывшей русской) были перерѣзаны минутъ въ 15. Далѣе начиналось загражденіе чисто иттенбургскаго типа: крестовины изъ желѣза, квадратная толстая проволока съ очень сложной формой плетенія. Надъ однимъ проходомъ провозились сви-

ше 15 минут. Повидному, противник услышал звонь перерываемой проволоки. Часовой пустил ракету, упавшую в резерв. Разведчики признали её землёй, а когда ракета потухла, вновь принялись за работу. Минуту через пять вновь взвилась ракета, которая упала в двух шагах впереди разведчиков. Снова пришлось всёю принадлежностью к землёй. Прорывавшись по ходу и во втором немецком ряду, разведчики подползли к последнему, но тут уже начало свистать. Германской часовой замечены казаков, выстрелили и побегали назад. Вскоре по всей линии затрещала ружейная и пулеметная стрельба. Разведчики пустили сигнальную ракету: наша артиллерия начала обстреливать заставу. По всей линии у немцев начались крики, звонки, и стрельки их начали распространяться вправо и влево. В тылу разведчикам начали бить два пулемета. По красной ракетке дущевой разведчиками, артиллерия наша сосредоточила огонь по пулеметам, и разведчики начали отходить. Немецкая артиллерия открыла заградительный огонь — появились раненые, которых казаки несли на руках: у противника появился шарь, и очень низко поднялся аэроплан. Уже совсем разсвело. Подъ огнем противника, неся своих раненых, разведчики добрались до Мычкова острова, а затём и до окопов.

Задача демонстрации была выполнена удачно. Потери полка — легко контужены подьесаулы Поздзень и Чеботарель, 2 казака — тяжело ранены и 10 легко. Все участники были представлены к наградам. Полк получил ряд благодарностей от высшего начальства.

21-го июня части полка были смьнены Л. Гв. Гродненский Гусарский полком и отошли в резерв к коноводам, которые перешли в район ст. Киверы — д. д. Озерки — Своя. Расположившись на обывательских квартирах по деревням, казаки начали приводить в порядок обмундирование и снаряжение и занялись чисткой лошадей.

Полк зажил относительно мирной жизнью. 29-го июня, а затём 5-го июля праздновались сотенные праздники 3-й и 2-й сотен. Казакам было выдано несколько бочек вина, приглашали из сосельных частей гости. Праздники прошли весело и, несмотря на царящий кругом революционный угар, отношение казаков к своим офицерам было искреннее и вполне дружественное.

7-го июля спешенные части полка вновь смьнили Л. Гв. Гродненский Гусарский полк и заняли окопы у д. Богушовки, гать на стар. Мосорь и переправу на Сосновый остров. 3-я сотня в полном составе пошла в отдал, для службы связи и охраны штаба корпуса, гать оставалась до самого конца пребывания полка на германском фронте.

В окопах части полка простояли до двадцатых чисел июля, послечего отошли к коноводам в район д. Своя.

Здсь полк получал сведения о разгроме Русской Армии под Тарнопольем и объ ея ускоренном отходе.

* Во второй половине июня и начале июля, в исполнение общего плана, при-

нятого союзниками, Керенский с Брусиловым решили произвести, до сего времени откладываемое из-за революционного развала наступление на участки нескольких армий.

Первые дни наступления, особенно на участки 7-й и 11-й армий, дали успех, и Керенский торжествовал: «Сегодняшний день, писал он, положить предель злостным клеветническим нападкам на новую организацию Армии, построенную на демократическом начале».

Однако, первоначальный успех, купленный ценою гибели подобранных путем подбора лучших элементов Армии и громадного количества убитых офицеров, в процентном отношении никогда и нигде не бывалом, быстро сменился полной катастрофой.

Армии, корпуса, дивизии и полки, несмотря на свое численное и, первый раз за всю войну, артиллерийское превосходство, бжали, не только теряя плоды успеха и бросая исходные позиции, но без боя отдавая и укрепленные позиции тыла.

Фронт был широко открыт, и немцы могли продвигаться церемониальным маршем.

Стала известной телеграмма командующего одной из Армий, генерала Корнилова, от 11-го июля, начинающаяся словами: «Армия обезумевших темных людей, не ограждаемых властью от систематического разложения, бжить...»

В своей телеграмме, Корнилов, указывая, что дисциплина была растоптана ибрами Правительства, требовал принятия рязких мер, вплоть до введения смертной казни на фронт.

Керенский и Временное Правительство, напуганные катастрофой, на этот раз сдали: на фронт была введена смертная казнь, и офицерам в бою была предоставлена полнота власти. Главное же, был убран безпринципный Верховный Главнокомандующий генерал Брусилов и замещен генералом Корниловым.

Как будто бы создались условия для перелома общей обстановки в России в сторону здравого смысла.

Строевое офицерство вздохнуло свободнее.

Однако, не надолго, ибо... так было угодно немцам:

Немцы не наступали: в их расчеты пока не входило развивать свой успех. Фронт, оторвавшись от противника, остановился, и наступило затишье.

Оправился от страха Керенский... и занял свою прежнюю позицию. За ним пошла и революционная демократия, ибо побла здравого смысла ею учитывалась, как посягательство на ее бытие. Такое же отношение проявили, было затишье, войсковые комитеты всех рангов, быстро ублажившиеся, что «есть та сила, которая могла бы претворить грозные слова в действительность».

«Курсь, было взятый на Корнилова, получить в солдатской массе значение контр-революции» *).

*) Очерки ген. Дешкина.

Положение строевого офицерства резко ухудшилось...

В рассмотренный нами период в офицерском составе полка произошли следующие перемены:

Командир полка генерал-майор А. Грековъ выбыл в отпуск впредь до увольнения в отставку по болезни сердца. В командование полкомъ вступил полковникъ А. Мишаревъ. Бывшій в командировкѣ, помощникомъ командира стрѣлковаго полка дивизіи старшій полковникъ В. Упорниковъ принял 21-й Донской Казачій полкъ. Его мѣсто, съ производствомъ в полковника, заступилъ командиръ 1-й сотни есаулъ В. Дьяковъ. Полковникъ М. Власовъ принял 7-й Донской Казачій полкъ. Должности помощникомъ командира полка приняли: по строевой части — командиръ 5-й сотни есаулъ В. Фарафоновъ, по хозяйственной части — командиръ 4-й сотни есаулъ И. Оприцъ (въ первыхъ числахъ августа оба произведены в полковники), 4-ю сотню — подесаулъ Н. Номикосовъ, 5-ую сотню — подесаулъ Я. Рыковский, 1-ю сотню — подесаулъ К. Поздѣвъ. Пулеметную команду — подесаулъ Б. Чеботаревъ.

Выбыли изъ полка: полковникъ Зубковскій, командиръ 2-й сотни есаулъ Б. Демонъ и хорунжій В. Ефремовъ. Эвакуированы по болезни в Петроградъ сотникъ Б. Дьяковъ.

Вернулся в полкъ есаулъ М. Алфераки, бывшій в командировкѣ на Дону, адъютантомъ Донскаго Атамана (вскорѣ принявшій 2-ю сотню).

Въ Ялтѣ, въ военномъ госпиталѣ застрѣлился офицеръ полка, выпуска 1915 года, сотникъ Юрій Владиміровичъ Ивановъ-Дивовъ.

Онъ былъ эвакуированъ съ фронта въ концѣ 1916 года, вслѣдствіе тяжелой контузіи, повлекшей параличъ ноги.

Революція подѣйствовала на него угнетающе. Революціонная разруха, коснувшаяся распорядковъ въ госпиталѣ, донесла остальное, и въ маѣ онъ покончилъ съ собою выстрѣломъ изъ револьвера.

ГЛАВА II

КОНЕЦЪ 1917 ГОДА.

Служба и жизнь полка въ тыловомъ районѣ. — Значеніе офицерской работы. — Ухудшеніе положенія офицерскаго состава. — Выступленіе Генерала Корнилова и его послѣдствія. — Агитация Крюкова. — Объѣзды комиссаровъ. — Переходъ полка въ районъ Дубно. — Катастрофическое положеніе фронта. — Захватъ власти большевиками. — Погрузка полка на ст. Дубно и Каменецъ. — Переездъ полка на Донъ. — Прибытіе эшелоновъ въ Таганрогъ.

Послѣ неудачнаго Тарнопольскаго наступленія и стихійнаго отхода нашей арміи на югъ, Гвардейскій Кавалерійскій корпусъ, какъ болѣе боеспособный, перебрасывается въ XI-ю армію, въ виду создавшагося тамъ угрожающаго положенія. Полкъ 3-го августа выступилъ изъ д. Слозь и перешелъ въ районъ д. Даниловки, версты на 180 къ югу. Это передвиженіе полкъ совершилъ походнымъ порядкомъ въ 10 переходовъ, пройдя станицю Киверимъ, кол. Малеванку, д. Поторьдыны, гор. Дубно, дер. Антоновы и д. Садки.

Здѣсь офицеры съ особеннымъ рвеніемъ продолжали свою работу надъ сохраненіемъ полка.

А работы было много.

Старый составъ казаковъ быстро таялъ: хотя дезертирства полкъ совершенно не зналъ, но дѣйствовали рядъ другихъ причинъ.

На первомъ мѣстѣ стояло широкое увольненіе враческими комиссіями фронта буквально всѣхъ желающихъ на поправку, по болѣзни въ отпускъ.

На основаніи распоряженія Временнаго Правительства, кромѣ увольняемыхъ по болѣзнямъ, были установлены опредѣленный процентъ отпусковъ, на срокъ въ 3 недѣли, съ возвращеніемъ конь увольнялись сабадукише, по очереди, устанавливаемой сотенными комитетами.

Концентрація делегатовъ на съѣзды, на выборы, въ составъ комитетовъ и т. д. вызвала также большой расходъ людей. Пришлось вытребовать пополненіе изъ 18-й Донской запасной сотни, стоявшей въ станицѣ Каменской.

Думалось, что съ Дона получимъ крѣпкихъ и морально здоровыхъ казаковъ.

Когда же въ сентябрѣ прибыла команда пополненія въ составѣ 300 казаковъ, то обнаружилось, что казаки пополненія разболтаны и разложены пропагандой въ большей степени, нежели наши старые казаки въ полку на

фронты. Среди прибывших были почти явные большевики, как, например, казаки станицы Митякинской — Кривушевы, чего до сего времени в полку не было. Хуже всего было то, что казаки типа Кривушева пользовались большим влиянием в среде прибывших.

Справедливость требует сказать, что в числе команды были прекрасные морально-здоровые казаки, вроде Федора Кудинова (4-й сотни), однако, последние были в меньшинстве.

Офицерами полка была сделана энергичная попытка взять прибывших казаков в свои руки, начать правильные строевые занятия с ними. Поднялся крик, шум: «Опять обучение отлаию чести, маршировка — это старый режим»... и т. д.

Молодежь была поддержана старыми казаками, так как занятия мешали использовать прибывших полностью по служебным нарядам и тем облегчить службу старых казаков.

После упорной борьбы занятия пришлось сократить, а затем и прекратить.

С переходом полка в новый район, политическая атмосфера стала сильно сгущаться.

Наступил период большевистской пропаганды на фронте, чему сильно способствовала двойственная политика Временного Правительства.

Как отмечено было выше, Временное Правительство во главе с Керенским, после Тарнопольской катастрофы не долго поддерживало спасительные начинания Корнилова и скоро снова заняло прежнюю партийную позицию, попадая все в большую зависимость от Петроградского Совета.

Последний же быстро обольшевничался.

В этих условиях отчаянные усилия Корнилова и командного состава могли лишь замедлить темп развала армии и только отдалить фатальный исход конечного поражения.

Во имя спасения государства, нужно было срочно и во что бы то ни стало вырвать Правительство из зависимости Совета и парализовать большевистский течения в стране.

Корнилов, после беседы с посланным к нему Керенским Львоным, полагая, что действует с ведома Керенского, сосредоточил под Петроградом корпус генерала Крымова, с целью распустить Совет и образовать твердое правительство (намереваясь предоставить в нем место и Керенскому).

Керенский, великой двойную игру, и на командование, и на Совет, в последнюю минуту предал Корнилова, объявив его изменником, смещенным с поста Верховного Главнокомандующего.

Генерал Крымов застрелился.

Керенский 1-го сентября арестовал генерала Корнилова, а 4-го сентября выпустил из тюрьмы ряд большевиков, во главе с Бронштейном-Троцким, работавших на немецкие деньги по заданиям немецкого командования.

Такимъ образомъ, въ жертву своимъ партийнымъ симпатіямъ, Керенскій принесъ высшіе интересы Россійскаго Государства, косвенно окончательно предавая аппаратъ власти подъ прямое вліяніе большевиковъ.

Дальнѣйшій ходъ событій не подлежалъ сомнѣнію — война съ немцами была безвозвратно проиграна. Уже въ слѣдующемъ мѣсяцѣ исчезъ съ горизонта, ненужный теперь большевикамъ, Керенскій, а дальше... партийныя симпатіи Керенскаго были оплачены Россіей потерей громадныхъ территорій и многихъ миллионъ населенія.

«Оформить» — Бронштейнъ-Трошкій въ Брестъ-Литовскѣ.

Какъ же отражались указанныя событія въ Л. Гв. Казачьемъ полку?

Недовѣрливое отношеніе офицерскаго состава къ Керенскому и лицамъ его окруженія, отмѣченное въ началѣ предыдущей главы, измѣнилось въ періодъ послѣ Гаринопольской катастрофы, въ отрицательное, вѣрнѣе — презрительное. Керенскій расцѣпывался теперь, какъ величина, близкая къ нулю, и столкновение съ нимъ Корнилова рассматривалось, какъ непосредственная борьба Корнилова съ Петроградскимъ Совдепомъ.

Въ этой борьбѣ, съ одной стороны, стоялъ генераль Корниловъ, доблестный боевой генераль, глубокой патріотъ, энергичный, смѣлый и честный человѣкъ, дѣлавшій отчаянную попытку спасти высшіе интересы Родины, съ другой же стороны стояли люди революціонной накипи, приносившіе въ жертву узкому партийному своекорыстію и низкому эгоизму судьбу не ими созданнаго Великаго Россійскаго Государства.

Ясно, что все сочувствіе офицеровъ было на сторонѣ Корнилова.

Рядовые казаки плохо разбирались въ происходящемъ, но все же, въ случаѣ побѣды Корнилова лучшая часть, въ силу здороваго инстинкта государственности, пошла бы за офицерами, другая же часть, хотя и отравленная декларацией правъ солдата, все же затихла бы и, въ короткій срокъ, работой офицеровъ, была бы приведена въ порядокъ.

Офицерскій составъ полка полностью входилъ въ Офицерскій Союзъ, образованный послѣ сѣзда при Ставкѣ Верховнаго Главнокомандующаго въ маѣ, гдѣ делегатомъ отъ полка присутствовалъ подъесауль В. Кононовъ.

Этотъ сѣздъ принялъ во имя гибнувшей Родины рядъ скромныхъ резолюцій, требовавшихъ лишь мѣръ для подъема боеспособности арміи и твердой въ этомъ отношеніи политики власти.

...«Единственная корпорація среди всѣхъ классовъ, профессій, сословій, проявившихъ общее стихійное стремленіе рвать отъ Государства, выпустившаго изъ рукъ возжи, все, что возможно въ своихъ частныхъ интересахъ — офицерство ничего не просило для себя лично»... — отмѣчаетъ участникомъ сѣзда генераль А. Деникинъ.

Съездъ разѣхался, оставивъ при Ставкѣ постоянный комитетъ Офицерскаго Союза.

Связь съ комитетомъ Союза поддерживалась черезъ особия въ каждой дивизии «пятерки», состоявшіе изъ офицеровъ полковъ дивизии.

Корниловское выступленіе, информация о коемъ шла черезъ пятерку дивизии, встрѣтило въ полку горячее сочувствіе всѣхъ офицеровъ.

3-я сотня съ командиромъ сотни есауломъ Кононовымъ, при офицерахъ: подесаулѣ Полковниковѣ и подесаулѣ герцогѣ Лейхтенбергскомъ, несла службу при штабѣ Гв. Каз. корпуса, съ задачей охранять штабъ отъ эксцессовъ со стороны превратившихся въ вооруженныя банды бывшихъ частей Россійской Арміи.

Въ день назначенный для выступленія Корнилова, — 28-го августа — подесаулъ герцогъ Лейхтенбергскій прочно и рѣшительно занялъ казаками помещеніе службы связи корпуса, гдѣ находились всѣ аппараты телефона, телеграфа и Юза. Подесаулъ Полковниковъ занялъ помещеніе беспроволочнаго телеграфа и окружилъ мелкими патрулями все помещеніе Штаба, не пропуская никого постороннихъ.

Сообщенія, идущія во вредъ ген. Корнилову, какъ и отчаянныя вопли Керенскаго: «всѣмъ, всѣмъ, всѣмъ», задерживались и никуда не пропускались. Сотня была въ боевой готовности.

День выступленія ген. Корнилова, благодаря принятымъ мѣрамъ, прошелъ спокойно, однако, въ послѣдующіе дни свѣдѣнія о неудачѣ выступленія и о смѣщеніи ген. Корнилова проникли со стороны въ комитеты частей корпуса.

Корпуснымъ комитетомъ были назначены по близости Штаба корпуса, общій митингъ, съ цѣлью принятія какихъ-то очень рѣшительныхъ и злобныхъ мѣръ противъ комсостава.

Масса солдатъ сосредоточилась въ расположеніи Штаба.

3-я Лб. Каз. сотня построилась въ полной боевой готовности.

Близость вооруженной и твердой силы безпокоила и смущала собирающуюся толпу, митингъ прошелъ вяло и относительно быстро разошелся, не принявъ никакого рѣшенія.

Съ выяснившейся неудачей отчаянной попытки генерала Корнилова проиграть войны быть несомнѣнны.

Однако, послѣ Корнилова оставался еще генералъ Калединъ, чей голосъ такъ мощно звучалъ на Московскомъ Совѣщаніи, встрѣтивъ живой откликъ въ офицерскомъ сердцѣ.

Отсюда вытекала новая задача: сохранить боеспособность полка и довести его до Дона, въ распоряженіе генерала Каледина.

Когда пришла телеграмма Керенского о ликвидации Корниловского движения, началась бешеная агитация против офицерского состава. В полк прибыл «товарищ» Михайлов, член фронтового комитета, который, собрав казаков, в чисто демагогической речи трюмил выступление генерала Корнилова, деля ударение на то, что это была «контрреволюция». Офицерам отъ выражалъ коллективно недоверіе и рекомендовалъ казакамъ слѣдить за нами.

Къ этому періоду относится и первое сильное столкновение офицеровъ полка съ казаками на почвѣ закона о демократизаціи арміи. Выдержавъ предварительныя экзаменационныя испытанія, еще въ юлѣ подали докладныя записки о производствѣ въ офицеры подхорунжіе Меркуловъ и Кузнецовъ и трубачъ Крюковъ. Общество офицеровъ ничего не имѣло противъ производства въ полкъ Меркулова и Кузнецова, но не желало видѣть въ своей средѣ Крюкова, недостойнаго во всѣхъ отношеніяхъ казака. Тогда Крюковъ повелъ среди рядовыхъ казаковъ сильную агитацию противъ офицеровъ и одновременно обратился за защитой въ высшіе революціонныя комитеты и въ Союзъ Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ. Все это создало въ полку тяжелую атмосферу, такъ какъ офицеры рѣшили поставить на своемъ и въ полку Крюкова не принимать. Командиръ полка мотивировалъ отказъ принять Крюкова отсутствіемъ офицерской въ полку вакансии, ввиду полного комплекта офицеровъ, и вопросъ временно былъ снятъ съ очереди.

3 сентября нѣсколькими переходами полкъ перешелъ въ районъ ст. Шепетовки, хут. Сульжинскій и д. Лавриновы. Штабъ полка сталъ въ госп. дв. Брикули.

Послѣ Корниловскаго выступленія по полкамъ усиленно начали разъѣзжать корпусные, армейскіе и фронтовые комиссары. Цѣлью объѣздовъ было желаніе найти «контр-революцію» и изыскать изъ полковъ тѣхъ офицеровъ, которые были причастны къ выступленію Корнилова или вызвали подозрѣніе революціонныхъ органовъ. Полковымъ комитетамъ было приказано составить списки офицерамъ, коимъ казаки выражаютъ недоверіе. Благодаря агитации трубача Крюкова, стремившагося создать себѣ вакансію, былъ составленъ списокъ офицерамъ (около 12 человекъ), которымъ казаки выражаютъ недоверіе, какъ якобы не казакамъ (это были одніи предлогъ, такъ какъ въ списокъ значились офицеры-казаки, наиболее твердые и требовательные по службѣ). Этотъ списокъ былъ протодосованъ въ комитетъ и теперь нужно было только утвержденіе комиссара. Въ полкъ прибылъ комиссаръ Макамышъ, человекъ двуличныи и неприязненно относящійся къ офицерамъ. На офицерскомъ собраніи отъ заявлялъ, что никакого доверія или недоверія казаки выражать не могутъ, и жизнь полка должна протекать по-старому. На собраніи же казаковъ, безъ офицеровъ, онъ подстрекалъ послѣднихъ быть энергичными слѣдить за офицерами и немедленно доносить ему. Конечно, послѣ такихъ собесѣдованій дѣло о непригоднѣи офицерами Крюкова не могло не обостриться, тѣмъ болѣе, что послѣдній нашелъ поддержку въ дивизионномъ и корпусномъ комитетахъ.

Подполковникъ Мишаревъ, командиръ полка, пребывавшій послѣднее время въ сильно угнетенномъ состояніи и какъ бы ушедшій въ себя, однако,

24

дѣсь нашелъ твердый тонъ и твердо заявилъ полковому комитету, что вынесеннаго части офицерамъ резолюція оны не признаетъ, если же комитетъ будетъ излагать и будетъ поддерживать корпусными и армейскими комитетами, то оны, командиры полка, въ полномъ согласіи со всеми безъ исключенія офицерами, поддѣлятъ рапортъ Донскому Атаману съ просьбой убрать весь офицерскій составъ полка въ Донской резервъ, съ высылкою новаго состава офицеровъ въ полкъ, изъ того же резерва.

Въ полковомъ комитетѣ заявление командира полка произвело большое впечатлѣніе и заставило призадуматься. Одновременно въ полкъ прибылъ комиссаръ фронтоннаго казачьяго съѣзда хорунжий Терскаго Войска Старинный, использовавшій замѣшательство комитета и окончательно убѣдившій казаковъ взять свое постановленіе о резолюціи обратно.

Трубаць Крюковъ былъ въкорѣ произведенъ въ офицеры въ 8-й казачій полкъ. Оны было затерзался отъѣздомъ до полковника Мишаревъ, авторитетъ косто прѣменно являлся въ категорической формѣ потребовать немедленнаго отбытія Крюкова къ мѣсту службы, что тотъ и исполнилъ.

Кузнецовъ и Меркуловъ были произведены въ Л. Гв. Казачій полкъ. Передъ тѣмъ какъ надѣть форму, они оба заявили, что если офицеры полка что-либо имѣютъ противъ нихъ, то они сейчасъ уже уйдутъ. Но офицеры встрѣтили ихъ такъ радушно, какъ встрѣчали всѣхъ молодыхъ офицеровъ.

Такимъ образомъ, первый и самый сильный натискъ по линіи «демократизаціи» полка (т. е. разбитія сплоченности офицерскаго состава) былъ успешно отбитъ. Однако, дѣло зтѣмъ не кончилось, и полковой комитетъ, подъ вліяніемъ постановленій дивизионнаго и корпуснаго комитетовъ, проделъ разъ испрѣяженныхъ офицерамъ мѣръ. Наиболее неприятной изъ нихъ было отобраніе въстрѣчныхъ съ полка жидень уборки 2-хъ офицерскихъ лошадей на деншиковъ.

Деншиковъ отобрать комитеты прямо не могли, ибо они представляли особую штатную категорію, послѣдняя такымаи съ Дона, и, въ отличіе отъ строевыхъ казаковъ, не имѣли собственныхъ лошадей.

Замѣна въстрѣчныхъ деншиками съ сущности, почти лишала офицера возможности пользоваться услугами послѣдняго, ибо уходъ и уборка 2-хъ лошадей отнимали все время казака.

На отношеніи казака къ офицеру стало сказываться и вліяніе прибывшихъ съ Дона на пополненіе молодыхъ казаковъ, ибо если со старыми казаками у офицера была спайка многихъ лѣтъ совместной службы и перенесенныхъ вмѣстѣ тягостей войны, то съ вновь прибывшими, въ особенности у старшихъ офицеровъ (кроме командировъ сотень) никакихъ проявахъ тѣхъъ сопрѣкосновенія не было.

Отсюда мѣняющееся и непрочное отношеніе къ тому или иному офицеру *).

*) Какъ примѣръ, укажемъ что въ списокѣ офицеровъ, коимъ было выражено недоверіе, попалъ офицеръ, незалого званнаишій должность предсѣателя полковаго комитета по выбору казаковъ всего полка.

Скажем несколько словъ объ условияхъ работы по должностямъ председателя полкового комитета, а также и должности заведывающаго хозяйствомъ въ полку.

Какъ ни раскачивался эгидией авторитета офицера, все же въ Лейбъ-Казачьемъ полку казаки неизменно выбирали председателемъ полкового комитета офицера и при томъ изъ числа старшихъ. Офицерскій составъ былъ во всемъ солидаренъ между собою, а посему мнѣнїя председателя часто расходились съ комитетомъ, и первому приходилось вести жестокую борьбу въ отстаиванїи разумныхъ рѣшенїй.

Требовались стальные нервы и желѣзное спокойствїе, почему нѣ одинъ председатель долго не выдерживалъ и складывалъ свои полномочїя. Последовательно эту должность занимали: полковникъ Мишаревъ, полковникъ Фарфоновъ, есаулъ Я. Рыковскїй, есаулъ Н. Номикосовъ.

Не меньшихъ по крѣпости нервовъ, а иногда уже чисто деревяннаго упорства требовала и должность заведывающаго хозяйствомъ, кою съ іюня неизменно занималъ полковникъ И. Н. Опринъ.

Хозяйство въ сотняхъ въ значительной степени перешло въ руки сотенныхъ комитетовъ. Главнымъ образомъ хозяйственными вопросами интересовался и полковой комитетъ. Всѣ стремленїя комитетовъ сводились къ желанїю возможно больше получить отъ полка и немедленно раздать, причемъ въ силу революціонныхъ порядковъ, все розданное немедленно же разбазаривалось (**).

Въ полку были свои большіе запасы вещей и богато наполненный цейхаузъ въ СПБ дѣрилось, что происходящее безобразіе явленїе временное, и заведывающій хозяйствомъ долженъ былъ сохранить запасы для будущаго.

Въ отношенїи денежныхъ суммъ онъ же долженъ былъ отбивать попытки раздѣла суммъ и проводить грань «полагаемаго» казакамъ отъ «неполагаемаго» — составляющаго достоянїе казны.

Указанные выше вопросы, какъ и трудный въ революціонное время вопросъ довольствїя людей и лошадей, въ условияхъ все болѣе и болѣе приходившаго въ разстройство транспорта и поэтому неисправной поставки интендантствомъ, при невозможности купить на мѣстѣ, вызвали нескончаемыя тренїя съ комитетомъ.

Только благодаря дружной поддержкѣ, оказанной заведывающему хозяйствомъ сотенными командирами, какъ и прекрасной работѣ хозяйственнаго отдѣленїя полковой канцелярїи, возглавляемой замѣнявшимъ дѣлопрони-

***) Для характеристики отношенїя къ казенному имуществу, приведемъ отношенїе къ боевымъ патронамъ при стоянкѣ въ тылу. Стрѣляли хлѣбъ рѣшительно всѣ, кто имѣлъ только винтовку, стрѣляли по кочкѣ на другомъ берегу рѣчки, стрѣляли по плавающей курочкѣ, по поробью, а больше всего — дѣло было осенью — по пролетающему стаюмъ дикихъ гусей.

По докладу заведывающаго оружіемъ, въ теченїе августа въ Л.-Гв. Казачьемъ полку было вынуждено зря 30.000 патроновъ, причемъ этимъ количествомъ патроновъ только въ одной сотнѣ было сбитъ 1 гусь. При тогдашней стоимости патр на 1 рубль, этотъ гусь, събитый нѣсколькими казакми 5-й сотни, обошелся Государству Россійскому въ 30.000 рублей.

водителя ст. писарем Тараринимъ, какъ и работѣ крѣпкого и твердаго казака, полкового каперанмуса ур. Суларкина, удалось въ полку сохранить до конца денжный ящикъ и значительную часть запасовъ, коя весьма пригодилась при формированіи и пополненіи молодого Л. Гв. Казачьяго полка въ апрѣлѣ 1918 года.

Слѣдующими по тяжести за должностями председателя полкового комитета и заведывающаго хозяйствомъ шли должности командировъ сотенъ, кои въ трудномъ, каждодневномъ «общеніи» со своими сотенными комитетами старались спасти боеспособность полка, несмотря на противодействіе и травлю, какъ снизу, такъ и со стороны.

Травля, впрочемъ, касалась не только старшихъ офицеровъ, но и младшихъ.

Были даже случаи заявленія претензій на офицеровъ, давно ушедшихъ изъ полка.

Общимъ признакомъ «претензій» была ихъ полная неосновательность*), причемъ жалобщикомъ, обычно руководило даже не желаніе свести старые счеты, а врожденная любовь къ кляузѣ, либо же примитивная корысть. Постановленіе полкового комитета читалось въ сотняхъ, и кляузнику доставляла удовольствіе мысль, что казакамъ будетъ извѣстно, какъ молъ «ловко Черниковъ пофигнитъ».

Полная безответственность и безнаказанность кляузниковъ, подрывала дисциплину, но зато «демократическое начало» торжествовало по всей линіи.

Увы, кровавый дискъ большевизма все яснѣе вырисовывался изъ горизонты его не видели только тѣ, кто видеть не хотѣлъ. Въ числѣ послѣднихъ было Временное Правительство.

2-го октября полкъ выступилъ изъ д. Лавриновымъ для перехода въ районъ Дубно, а 2 и 4 сотенъ въ районъ г. Коменна. Шли четырьмя переходами черезъ д. д. Бѣлгородка — Садки — Антоновцы — Погорѣльцы. 4-го

*) Приведемъ нѣсколько примѣровъ характерныхъ «претензій»:

1) Казакъ Черниковъ заявилъ претензію на (давно уже командовавшего 12-мъ полкомъ) полковника Е. И. Балабина за то, что тотъ до войны будучи командиромъ сотни, заставъ казака спящимъ на дневальствѣ въ конюшнѣ, соблазна его «пофигнитъ». Выяснилось, что Е. И. Балабинъ, пофигря ночью конюшъ, лишь накопалъ на спящаго дневальца и ушелъ изъ конюшни, даже не вложивъ дисциплинарнаго взысканія.

2) Тотъ же Черниковъ заявилъ претензію на сотника Воронова (въ 1917 году Вороновъ служилъ уже въ 18-й запасной сотнѣ на Дону) за то, что тотъ, обучая рубѣй въ мирное время конюшъ промахнувшемуся казаку: «ей тебе съѣмъ»...

3) Вѣстовой полковника Номинцова требовалъ черезъ полковой комитетъ какую-то фантастическую сумму денегъ за мѣднику, которую якобы потратилъ на чистку конского убора за нѣсколько лѣтъ службы.

4) Денщикъ полковника Фарафонова Астаховъ требовалъ черезъ полковой комитетъ съ полковника Фарафонова выплату денегъ за то, что въ мирное время помогать этому офицеру мыть его собаку-фокса.

октября, в день полкового праздника, отслужили скромно молебен на походе у д. Садки, откуда четный дивизион пошел на Кременець.

Штаб полка стал на окраине Дубно в госп. дворе графини Шуваловой, 1-я и 5-я сотни в чешской колонии Семядубы, остальная сотня, обоз и пулеметная команда в окружающих ближайших деревнях. Жизнь полка стала протекать тихо и однообразно. Никакой службы полку не несъ, занятия в полку не производились. Начать ощущаться в полку недостаток фуража. В командование дивизией вступил командир бригады генерал-майор П. П. Орлов.

К этому времени несъ стало ясно катастрофическое положение фронта, совершенно открытого, благодаря «братанию» съ противником, против чего ничего не могло предпринять, лишенное фактической власти начальство. Поняли опасное положение и учли его и казаки. Они замѣтно притихли и стали сторониться отъ разнузданной солдатской массы. Казачьи организации при штабе армии и фронта окрѣпли, и благоприятное влияние ихъ на казачьи части усилилось.

Въ ноябрѣ несъ положение фронта стало окончательно безнадежнымъ. Временное Правительство безславно пало въ октябрѣ. Въ Петербургѣ власть захватили большевики, гдѣ и образовали Советъ Народныхъ Комиссаровъ. Верховнымъ Главнокомандующимъ фронта былъ назначенъ прапорщикъ Кременко. Разнузданность солдатскихъ массъ достигла апогея — по всему фронту шли кровавые самосуды надъ офицерами, оставшимися по чувству долга въ строю. Къ казачьимъ частямъ, сохранившимъ относительно свой внутренней порядокъ, солдатскія массы начинаютъ относиться враждебно.

Въ Лейбъ Казачьемъ полку доминируетъ одинъ лозунгъ — «На Донь!»

Въ концѣ сентября 1917 г. въ Киевъ, на Казачій Съездъ прибыло несколько сотъ представителей казачьихъ частей съ всѣхъ фронтовъ.

Наиболѣе организованной группой на съездѣ явилась группа делегатовъ Юго-Западнаго фронта, имѣвшая свой наказъ и программу, и руководимая энергичнымъ подесауломъ Черемшанскимъ.

Въ первые же дни съездъ постановилъ образовать на всѣхъ фронтахъ казачьи правленія по образцу Юго-Западнаго фронта и учредить должности казачьихъ комиссаровъ при ставкахъ Верховнаго Главнокомандующаго, фронтовыхъ и армейскихъ.

Первая извѣстия о выступленіи большевиковъ въ Петроградѣ пришли во время засѣданія съезда. Была немедленно принята резолюція о поддержаніи Временнаго Правительства (противъ большевиковъ) съ оружіемъ въ рукахъ.

Однако, скоро пришло извѣстие о безславномъ паденіи правительства и о бѣгствѣ Керенскаго.

Съездъ постановилъ начать отправку казачьихъ частей съ фронта въ свои Края.

События в Киеве быстро развились и, после неудавшейся попытки первого большевистского восстания, власть перешла в руки Украинской Рады, сь Петлюрой в должности военного министра.

Общеказачий Съезд, при известии о начале восстания, немедленно сформировал в своем составе четыре сотни и принял горячее участие в подавлении восстания большевиков.

Главную роль в ликвидации восстания сыграла одна из этих сотен, кою, по просьбе казаков, командовал Лейбь, Казакъ подъесауль С. Красновъ. Именно этой сотней были взяты старый дворец и вблизи захвачены весь штабъ восставших во главе сь Пятаковымъ.

Украинское Правительство, принявшее власть, потребовало владчи Пятакова ему, вь обмѣнъ на согласие дать вагоны для казачьихъ эшелоновъ.

Одновременно Петлюра гарантировалъ безпрепятственный пропускъ эшелоновъ черезъ Украину, но просилъ болѣе не мѣшаться вь украинскія дѣла и по возможности переѣхать на Донь, оставивъ вь Киевѣ лишь делегацию по организации отправки казачьихъ полковъ вь свои Края.

Казачий съездъ переѣхалъ вь Новочеркасскъ, оставивъ вь Киевѣ свою делегацию, возглавленную подъесауломъ Черемшанскимъ.

Официально признаваемая украинскимъ правительствомъ, делегация начала усиленную работу по подготовкѣ отправки казачьихъ полковъ сь фронта.

Большую помощь оказывала быстро образовавшаяся сь казачьихъ комиссаровъ при высшихъ штабахъ, пользовавшаяся для сношенія между собой прямыми проводами.

Тѣмъ временемъ казачий комиссаръ при ставкѣ Верховнаго Главнокомандующаго вь Могилевѣ В. В. Шапкинъ отправился вь Новочеркасскъ, къ ген. Каледину, для доклада и за инструкціями, вызвалъ вь ставку замѣстителемъ сѣбѣ подъесаула Черемшанскаго. Постѣдняго вь Киевѣ замѣстилъ Л. Гв. Казачьяго полка есауль Н. В. Номикосовъ.

19 ноября Ставка Верховнаго была захвачена большевиками. Необходимо было дѣйствовать, и есауль Номикосовъ, вызвалъ по прямому проводу делегата, переѣхавшаго вь Новочеркасскъ фронтового сѣзда, своего однополчанина подъесаула С. Н. Краснова, поручилъ ему испросить согласие Атамана на переброску всѣхъ Донскихъ казачьихъ частей Юго-Западнаго фронта на Донь.

Получить согласие генерала Каледина, есауль Номикосовъ потребовалъ отъ украинскихъ властей эшелоновъ.

Первоначально всѣ просьбы есаула Номикосова отклонялись украинскимъ правительствомъ. Есауль Номикосовъ прибѣгъ къ угрозѣ и, добившись личнаго свиданія сь Петлюрой, заявилъ ему, что если вь теченіе 24 часовъ казакамъ не будетъ предоставлено эшелоновъ, то казачьи полки, уже давно не получающіе ни продуктовъ, ни фуража, двинутся походомъ, добывая вь пути силой пропитаніе.

Петлюра отвѣтилъ, что онъ лично ничего не имѣетъ противъ безпрепятственнаго пропуска казачьихъ частей черезъ Украину, но распоряженіе эшелонами находится вь рукахъ стачечнаго комитета желѣзнодорожниковъ, и онъ безсиленъ.

Есауль Номикосовъ проѣхалъ лично въ стачечный комитетъ и сумѣлъ просьбами и угрозами убѣдить желѣзнодорожниковъ дать вагоны. Немедленно по прямому проходу были вызваны офицеры, пріемщики казачьихъ частей, и имъ были даны распоряженія о мѣстахъ полученія эшелоновъ. Дѣло отправки полковъ на Донъ, несмотря на начинавшійся на Украинѣ хаосъ, быстро двинулось впередъ, хотя и предстояло разрѣшить задачу исключительной трудности: одно Донское Войско имѣло на фронтахъ 60 конныхъ полковъ и 72 отаѣльныхъ сотни съ соответственной артиллеріей. Считая по 5 эшелоновъ на полкъ, для перевозки однихъ только Донцовъ требовалось болѣе 400 полѣзныхъ составовъ. Задача осложнялась разрухой на жел. дорогахъ и полнымъ отсутствіемъ подготовки свыше. Если задача и была въ конечномъ счетѣ почти полностью разрѣшена, то только благодаря поразительной организационной работѣ незамѣтныхъ строевыхъ Донскихъ офицеровъ.

Вскорѣ въ Кіевъ выбрался изъ захваченной большевиками Ставки *) подѣсауль Черемшанскій. Изъ Новочеркасска прибылъ В. В. Шапкинь.

Будучи официално признаны украинцами представителями казачьихъ воинскихъ частей и имѣя полномочія ген. Каледина, они энергично взялись за работу по отправкѣ на Донъ казачьихъ эшелоновъ.

Лейбъ-Казакъ подѣсауль Черемшанскій, попутно со своей прямой работой оказывалъ широкое содѣйствіе генералу Драгомирову и Шульгину по переброскѣ на Донъ въ Алексѣевскую организацію враждебныхъ большевизму элементовъ Русской Арміи и въ первую голову офицерства. Послѣднихъ подѣсауль Черемшанскій снабжалъ документами для проѣзда, а частью отправлялъ съ казачьи эшелонами. На этой почвѣ у него создалась тѣсная связь съ Шапкинымъ, считавшимъ, что не слѣдуетъ разбрасываться.

Однако, генералъ Каледина, черезъ присланнаго въ Кіевъ изъ Новочеркасска сотника Шатова (Семирѣченскаго войска) выразилъ личную благодарность подѣсаулю Черемшанскому и приказалъ продолжать работу въ дружеской связи съ Алексѣевской организаціей.

Во второй половинѣ ноября, считаясь съ рѣзко враждебнымъ настроеніемъ солдатъ двухъ дивизій, самовольно покинувшихъ фронтъ и пришед-

*) Отметимъ, что въ Ставкѣ именно лейбъ-казакъ подѣсауль Черемшанскій вмѣстѣ съ казакомъ-сибирякомъ ес. Геосимовымъ и предсѣд. Офицерскаго союза Новогитляевымъ принялъ видное участіе въ дѣлѣ освобожденія быковскихъ узниковъ, о чемъ повѣствуетъ ген. Деникинъ на стр. 144, т. II «Очерковъ». Въ частности, именно на квартирѣ Геосимова, подѣсауломъ Черемшанскимъ, совместно съ адъютантомъ Корнилова, текинцемъ ханомъ Розакъ-Бекъ-Хаджиевымъ на бланкѣ съ печатью главной комиссіи Шибловскаго (разбирающаго дѣло Корнилова по порученію Врем. Правительства) было подготовлено предписаніе о выпускѣ ген. Корнилова и другихъ заключенныхъ, на случай, если бы ген. Духонинъ, 19-го утромъ, не отдалъ бы распоряженія объ ихъ выпускѣ, какъ и на случай, если бы послѣдняго распоряженія оказалось бы недостаточнымъ.

шихъ въ Дубно, штабъ Лейбъ Казачьяго полка перешелъ изъ города въ кол. Семидубы. Полкъ былъ сосредоточенъ въ ближайшихъ деревняхъ.

28-го ноября на станціи Дубно и Кремененъ были поданы эшелоны, и полкъ срочно и въ полномъ порядкѣ погрузился для слѣдованія на Дону. Въ тотъ же день происходила погрузка на ст. Острогъ Л. Гв. Атаманскаго полка, Л. Гв. 6-й Донской батареи и штаба дивизіи, съ генералъ-маіоромъ Орловымъ во главѣ. Путь слѣдованія бригады былъ назначенъ: станціи Злобуново — Шепетовка — Казатинъ — Волноваха — Александровскъ — Раздѣльная — Иловаяская — Таганрогъ. Въ первомъ эшелонѣ слѣдовали 1-я сотня и пулеметная команда, во второмъ — 5-я сотня и команда сваян, въ третьемъ — 2-я сотня, штабъ полка и обозъ, въ слѣдующемъ — 3-я и 4-я сотни.

Настроеніе окружающей солдатской массы было настолько враждебнымъ, что во всѣхъ эшелонахъ были приняты мѣры на случай вооруженнаго столкновенія. Особенно опасенъ былъ переѣздъ черезъ Днѣпръ у гор. Александровска. Но такъ какъ въ эшелонахъ полка были порядки и они представляли собой силу, то весь переѣздъ прошелъ благополучно, только на узловыхъ станціяхъ приходилось долго стоять въ ожиданіи полученія очереди на паровозъ. Во все время пути чувствовалось полное довѣріе казаковъ къ офицерамъ, такъ какъ только благодаря энергіи и работѣ офицеровъ эшелоны съ честью и благополучно выходили изъ груднаго положенія.

5-го и 6-го декабря эшелоны полка стали прибывать на ст. Таганрогъ, гдѣ предполагалась выгрузка для несенія въ городѣ гарнизонной службы.

Въ послѣдней четверти 1917 года въ офицерскомъ составѣ Л. Гв. Казачьяго полка произошли слѣдующія перемѣны: изъ 42-го Донскаго Казачьяго полка прибыли въ полкъ подъесаулы Нарышкинъ, Болдыревъ и Пашковъ, произведены въ хорунжіе подхорунжіе полка — Меркуловъ и Кузнецовъ, изъ Николаевскаго Кавалерійскаго Училища прибыли произведенные въ полкъ хорунжіе Грековъ, Ляховъ, Ротовъ и братья Чекуновы. Изъ Пажескаго Корпуса — хорунжій Иловаяскій.

Выбыли по собственному желанію въ резервъ чиновъ — подъесаулы Сердюковъ, С. Ивановъ-Дивовъ и С. Болдыревъ.

Г Л А В А III

ПОСЛЕДНИЙ ПЕРИОДЪ АТАМАНСТВА ГЕН. КАЛЕДИНА И ХОДЪ СОБЫТІЯ ВЪ СТ. КАМЕНСКОЙ.

Созданіе внутреннего фронта. — Прибытіе полка въ Таганрогъ. — Переброска полка въ Каменскую. — Ухудшеніе казачьихъ настроеній. — Походъ на станцію Ровеньки-Щетово. — Съѣздъ фронтовиковъ, и образованіе Военно-Революціоннаго Комитета въ станціи Каменской. — Выборы команднаго состава. — Арестъ командира полка, штаба полка и ряда офицеровъ. — Бой на ст. Лихая. — Занятіе полк. Чернецовымъ станціи Каменской. — Роспускъ казачьихъ полка по станціямъ и образованіе офицерскаго взвода. — Отправка штандарта. — Гибель отряда Чернецова. — Отходъ на Новочеркасскъ.

Въ декабрѣ 1917 года большевики уже твердою ногою стояли у власти въ Петроградѣ. Вышній боевой фронтъ, возглавляемый главноверхомъ Крыленко, развалился, но ясно обозначился первый внутренний — граница Донской Области. Еще Керенскимъ, противъ Атамана Каледина, были мобилизованы два военныхъ округа — Московскій и Казанскій, и собранный такимъ образомъ сбродъ запасныхъ частей съ прибавкою дезертировъ скопился на границахъ Области. Правильнаго и рѣшительнаго руководства этими бандами еще не было, но тенденція ихъ къ движенію на Донъ обозначилась ясно.

Предвидя эту борьбу, общеказачій фронтовой съѣздъ въ Кіевѣ постановилъ, ввиду развала вышняго фронта, организованно отправить всѣ казачьи части съ оружіемъ въ свои области.

Какъ говорилось выше, Лейбъ-Гвардіи Казачій полкъ, въ составѣ Гвардейской Казачьей бригады, прибылъ въ Таганрогъ. Вся работа по организациіи переброски съ фронта произведена была офицерами, рядовые казаки, въ предшествующее переброскѣ время притихли, и перевозка прошла въ относительномъ порядкѣ (конечно, «относительномъ» лишь для революціоннаго времени и, такъ называемой, «сознательной дисциплины»). Такъ, по пути самочинно разбивались вагоны попадавшихся интендантскихъ запасовъ, причемъ брался не только нужный фуражъ, но и ненужные для переѣзда предметы вѣкового довольствія: одинъ изъ эшелоновъ весь обулся въ валенки. Въ вагонѣ пулеметной команды была случай изнасилованія женщины всѣмъ вагономъ).

31

Въ связи съ переходомъ на Донъ, офицеры таини надежду на улучшение настроеній въ полку.

Первые же дни принесли жестокое разочарованіе.

За двѣ станиці до Таганрога командиръ полка получилъ два донесенія: первое было благоприятное — революціонно настроенная запасная солдатскія части, стоящія въ Таганрогѣ, при прибытіи 1-го эшелона на ст. Таганрогъ, въ первую же ночь, разбѣжались по домамъ.

Второе донесеніе было неблагоприятное: казаки 1-го эшелона отказались выгружаться и выслать квартирьеровъ въ Таганрогъ, требуя движенія на ст. Каменскую несмотря на то, что распоряженіе расположиться въ Таганрогѣ исходило отъ Войскового Штаба.

Въ полку было много казаковъ Донецкаго округа, желавшихъ идти въ свою окружную станицу Каменскую, гдѣ всегда формировались эшелоны для посланки на службу въ полкъ и куда прибывали эшелоны казаковъ полка, кончившихъ службу.

Казаки таини мечту о скорой демобилизаціи и разбѣздѣ по домамъ, и оставленіе въ болѣе отдаленномъ Таганрогскомъ округѣ, округѣ больше крестьянскомъ нежели казачьемъ, и потому враждебномъ, имъ не нравилось.

Прибывшій съ 3-имъ эшелономъ командиръ полка, полковникъ Мишаревъ, засталъ на станиці Таганрогъ безотраднующую картину митинга.

Станица была переполнена бѣдующей домою солдатской массой распавшагося Кавказскаго фронта, среди коей шла широкая агитація о прекращеніи войны и велись разговоры о контръ-революціонномъ заговорѣ на Дону, куда съѣзжаются со всѣхъ сторонъ, якобы «сторонники стараго режима».

Въ митингахъ казаковъ принималъ участіе и посторонній полку элементъ. Къ постановленію первой сотни по мѣрѣ прибытія, присоединялись и другіе эшелоны полка. Всѣ уговоры командира полка и офицеровъ, какъ и членовъ полковаго комитета, выполнить приказаніе Войскового Штаба, ни къ чему не привели. Среди казаковъ кто-то пустилъ дикій слухъ, что у офицеровъ имѣются дома и имѣнія въ Таганрогскомъ округѣ и что полковой комитетъ купленъ офицерами.

Командиръ полка снесся по прямому проводу съ Войсковымъ Штабомъ, просилъ доложить о создавшемся положеніи Атаману и дать инструкціи.

Въ отвѣтъ было получено повторное приказаніе выгружаться, съ обещаніемъ срочно прислать въ подтвержденіе приказа въ письменной формѣ.

Тѣмъ временемъ полковой комитетъ, видя растущее возбужденіе казаковъ и свое безсиліе, сложилъ свои полномочія. Казаки требовали посланки делегаціи къ Атаману. Подковникъ Мишаревъ отвѣтилъ, что уже говорить по прямому проводу, причемъ получить повторное приказаніе выгружаться, потому онъ, командиръ полка, не пошлетъ делегаціи, но если казаки желаютъ послать, то онъ препятствовать имъ фактически безсильнъ.

Делегация казаков *)), безъ участия хотя бы одного офицера, только что отбыла въ Новочеркасскъ, какъ командиръ полка получилъ письменное подтвержденіе повторнаго приказанія Войскового Штаба выгрузиться въ Таганрогъ.

Полковникъ Мишаревъ вышелъ къ казакамъ и, несмотря на сильное возбужденіе и даже ругательства и угрозы, брошенные изъ заднихъ рядовъ, прочелъ громко полученное подтвержденіе, добавилъ, что онъ, командиръ полка, категорически приказываетъ квартирнерамъ отъ каждой сотни выгрузиться съ разсвѣтомъ изъ вагоновъ и собраться у штаба, а сотнямъ изготovitъ къ разгрузкѣ утромъ.

Утромъ всѣ квартиреры послушно выгрузились и полъ командою офицеровъ ушли въ городъ, сотни начали подготовку къ выгрузкѣ, зашумѣла работа, митинги какъ рукой сваяло, но... пришло приказаніе изъ Новочеркаска полку, не выгружаясь, двигаться на Каменскую.

Что же случилось въ Новочеркасскѣ? Одинъ изъ штабныхъ офицеровъ рассказывалъ потомъ, что делегация нашихъ казаковъ, получивъ согласіе начальства ихъ принять, сильно сробѣла. При приѣмѣ казаки сильно подтянулись, очень стройно и отчетливо, по-уставному, отвѣтили на привѣтствіе, что, очевидно, произвело хорошее впечатлѣніе. Начальство спросило, чего они, собственно, хотятъ. Одинъ изъ казаковъ очень почтительно доложилъ, что полкъ горитъ желаніемъ защищать Область отъ вторженія большевиковъ, но проситъ разрѣшенія перейти въ Донецкій округъ, дабы прикрыть свои станицы, ибо съ Таганрогскимъ округомъ у казаковъ мало связи.

Результатомъ согласія Атамана явилось распоряженіе командиру полка объ отъѣздѣ выгрузки въ Таганрогъ.

Авторитетъ и командира полка, и офицеровъ понесъ крупный ущербъ. Полковникъ Мишаревъ, уже сильно угнетенный переживаниями на фронтѣ, былъ окончательно морально разлавленъ.

Въ Новочеркасскѣ эшелоны полка были остановлены, и на станиці полкъ встрѣтила делегация отъ Правительства и Войскового Круга.

Казаки быстро построились въ полномъ порядкѣ. Конечно, опытный глазъ стараго офицера по тысячѣ мелочей ясно видѣлъ глубокую разницу со старымъ строемъ полка, отличавшагося особой щегольской воинской выправкой, свидѣтельствовавшей о крѣпкомъ внутреннемъ порядкѣ въ полку, однако, вынѣшній строй рослыхъ, упитанныхъ и однообразно и хорошо одѣтыхъ казаковъ произвелъ впечатлѣніе на представителя Правительства, и онъ, къ удивленію и негодованію офицеровъ, вмѣсто порицанія за таганрогское

*) Для переговоровъ по прямому проводу съ Новочеркасскомъ о приѣмѣ делегации были казаками избранъ туповатый казакъ, кузнецъ пулеметной команды Мясниковъ, ибо никто изъ болѣе умныхъ казаковъ своей кандидатуры не выставилъ.

Голосу подтрунотиваго казака, однако, въ Новочеркасскѣ была придана большій вѣсъ, нежели голосу законнаго командира полка...

Увы, это было въ порядкахъ революціоннаго времени.

своеволие, произнесъ хвалебную рѣчь, благодаря за порядокъ *). Полковникъ Мишаревъ произнесъ отвѣтную рѣчь. Говорилъ онъ удивительно хорошо, началъ спокойно, чекая каждое слово, но на первыхъ же фразахъ дрогнуло въ горлѣ, и въ концѣ рѣчи звенѣли въ голосѣ слезы. Говорилъ, что нельзя судить по наружному виду, что полкъ тяжело боленъ и что при данныхъ условияхъ, если не будутъ приняты Правительствомъ общія мѣры оздоровленія строевыхъ частей, онъ, командиръ полка, не можетъ отвѣчать за казаковъ, не исполняющихъ законныхъ распоряженій.

Въ Каменскую полкъ прибылъ 10-го декабря и былъ расквартированъ въ слѣдующемъ порядкѣ: штабъ полка и обозъ въ хуторѣ Стародумовскомъ, 1-я и 5-я сотни въ хуторѣ Дименскомъ, 4-я сотня и пулеметная команда въ хуторѣ Красномъ, 3-я сотня въ хуторѣ Погорѣломъ, 2-я сотня въ хуторѣ Мосоловѣ, команда связи въ хуторѣ Рычинѣ. Нѣкоторое время спустя, штабъ полка переехалъ въ станицу Каменскую.

Состоялись выборы новаго полкового комитета, причемъ въ его составъ попали казаки, агитировавшіе противъ выгрузки въ Таганрогъ.

Работы въ полку не было никакой, если не считать взвода при офицерѣ на станицѣ Каменской для препятствованія вывозу съѣстныхъ продуктовъ, запрещеннаго Донскимъ Правительствомъ. Постѣдній нарядъ казаки несли охотно, ибо при обыскахъ перепадало и имъ не только съѣстное, но часто и алкоголь, вообще запрещенный къ продажѣ.

Были разрѣшены отпуска. Много казаковъ разѣхалось самовольно, увозя казенныя винтовки и снаряженіе.

Политическая обстановка быстро мѣнялась, ибо среди широкихъ круговъ рядового казачества начинало обозначаться стремленіе къ полному отказу отъ вооруженной борьбы съ большевиками.

Причинъ было много: сказывалась общая разоренность казачества надѣвшейся войной, притомъ проигранной, переопѣнка казаками силъ революціонной Россіи, которую они представляли въ видѣ той многомилліонной солдатской массы, среди которой были вкраплены малыми частями всѣ 4 года войны, мягкая и неопредѣленная политика Военнаго Правительства, не имѣвшая органовъ исполнительн. власти и полагавшая, что все должно образоваться само собой, силами «демократіи» на мѣстахъ, подъ вліяніемъ бумажныхъ рѣшеній центра и словопрерій не въ мѣру говорливыхъ дѣятелей Новочеркасска. Агитаторы усиленно проводили мысль, что если «трудо-

*) Произносили рѣчи и члены Крута. И эти рѣчи были не лучше. Одинъ изъ нихъ, старый, рослый и видный казакъ, повиданному, изъ служившихъ когда-то въ Гвардейской Казачьей бригадѣ, началъ словами: «Не забывайте, что мы потомки Пугачева и Разина!». Увы, для полка это вступленіе было только своеобразнымъ передерживаемъ послылой уже на фронтъ формулы, которой неизмѣнно начинали рѣчь безчисленные комиссары Временнаго Правительства, прѣбывавшіе для уговоронъ и лишь увеличивавшіе сумбуръ въ головахъ:

«Товарищи, обычно начинали они, и столько-то дѣтъ сидѣть въ тюрьмѣ или столько-то дѣтъ на каторгѣ!».

вое» казачество останется нейтральным, то большевики сто не тронуть, ибо почитают врагами лишь «нетрудовое» казачество, во главе с Атаманом Калединым, защищающее российского «буржуя» и не распускающее полки по домам.

Эта искусственная тенденция, на фоне общей утомленности и общей агитации, коя велась в России, с первых же дней революции, против всего честного и вѣрного долгу перед Родной, ютла успѣхъ.

Офицеры полка дѣлали все, что могли, дабы поддержать авторитетъ Атамана, однако, нейтральная тенденция особенно среди казаковъ, прибывшихъ на укомплектование послѣ революции, ширилась. Слишкомъ великъ былъ соблазнъ разѣхаться по домамъ, которые были къ тому же такъ близко.

Некоторые полки, приходившие съ фронта завѣдомо деморализованными, распускались по домамъ, и невольно получался абсурдъ: долгожданный отдыхъ получали въ награду самая революционно-настроенная часть.

Въ Новочеркасскѣ, а затѣмъ въ Ростовѣ начала формироваться Добровольческая Армія, а Донское Правительство приступило къ формированию партизанскихъ отрядовъ, куда записывалась молодежь.

Среди родовыхъ казаковъ шла агитация противъ этихъ отрядовъ, кои получили прозвище «кадеты». Агитаторы говорили, что наличие этихъ отрядовъ вовлечетъ «трудовое» казачество въ войну съ большевиками, почему отношеніе казачьей массы къ «кадетамъ» было враждебное.

Событія въ полку шли слѣдующимъ порядкомъ:

29 декабря командующій Каменскимъ райономъ генераль Савельевъ далъ полку боевую задачу выступить на ст. Миллерово и задержать наступающія большевистскія части.

Прибывъ на ст. Миллерово и не видя никакой активности среди большевиковъ, казаки послѣ нѣсколькихъ митинговъ вынесли категорическое постановленіе обратнаго ихъ увода въ станицу Каменскую, обѣщая при этомъ, въ случаѣ действительнаго наступленія красныхъ и угрозы неприкосновенности донскихъ границъ, немедленно всѣмъ полкомъ выступить на защиту Дона.

30 декабря утромъ полкъ вернулся въ Каменскую въ болѣе деморализованномъ видѣ, нежели при выступленіи.

Одновременно съ Германскаго фронта прибыла 6-я сотня полка, несшая всю Великую войну службу при Гвардейской пѣхотѣ.

Будучи раздѣлены на мелкія единицы, казаки 6-й сотни тѣсно соприкасались съ солдатской массой и были распропагандированы, потерявъ всякую дисциплинированность.

31 декабря всѣ офицеры полка встрѣчали Новый Годъ въ штабѣ полка въ станицѣ Каменской. Общій собраніемъ офицеровъ было постановлено

организовать истрѣчу Нового Года, наперекоръ событіямъ, по старому распорядку. Въ помѣстительной комнатѣ было богато и нарядно накрытъ столъ. Въ сосѣднемъ помѣщеніи играли трубачи. Присутствовали генераль Савельевъ и командиръ бригады генераль П. Орловъ. Подковники Мишаревъ произнесъ слово, очень мрачное, и подъ конецъ рѣчи разрыдался. Онъ говорилъ что доблестнаго полка уже нѣтъ, и впереди, кромѣ черныхъ тучъ, ничего не видно. Генераль Савельевъ утѣшалъ, какъ могъ, Александра Андреевича, сказалъ что у него расстрепались нервы, и просилъ командира бригады отпустить полковника Мишарева въ отпускъ.

На слѣдующій день Александръ Андреевичъ Мишаревъ уѣхалъ въ отпускъ, а въ командование полкомъ вступилъ полковникъ Василій Аврамьевичъ Дьяковъ.

Ушелъ скоро въ отставку командиръ бригады генераль Орловъ.

Грядущій окончательный развалъ полка не представлялъ сомнѣній. Однако уѣхать офицеры не могли, ибо въ случаѣ ихъ самовольнаго отъѣзда развалъ полка наступилъ бы быстрѣе, причемъ была бы отнесена вполнѣ ответственность на вѣкъ офицеровъ, покинувшихъ казаконъ. Офицеры вѣрили, что казачество рано или поздно опоминется и порядокъ наладится.

Поэтому рѣшено было оставаться до конца подъ своимъ штандартомъ, удерживая казаконъ хотя бы отъ враждебныхъ Новочеркасску выступлений.

8-го января (21) спѣшенные части полка подъ командой полковника Дьякова были двинуты генераломъ Савельевымъ на ст. Ровенки.

Казаки уже при остановкѣ дорогой, на какой-то станціи, вступили въ телефонные переговоры съ большевиками, занявшими ст. Колпаково. Начало не сулило ничего хорошаго.

По прибытіи въ Ровенки, нашъ передовой отрядъ, подъ командою поддесаула С. Краснова, у ст. Щегово вступилъ въ перестрѣлку съ наступающими большевиками. При первыхъ выстрѣлахъ казаки, бросивъ офицеровъ и пулеметы, поспѣшно отошли назадъ грузиться въ эшелонъ.

Поддесауль Красновъ, лично выпустивъ нѣсколько лентъ изъ пулемета, обратилъ красныхъ въ бѣгство и, выгнавши и доставивъ съ помощью офицеровъ пулеметы, еле успѣлъ ихъ погрузить въ уже начавшій трогаться эшелонъ. Подковнику Дьякову съ трудомъ удалось остановить эшелонъ на ст. Ровенки. Начался митингъ: казаки требовали отправки обратно въ Каменскую, и полковнику Дьякову съ большимъ трудомъ удалось задержать эшелонъ до утра, дабы забрать съ собою стоявшую на позиціи, бывшую съ нами, Донскую батарею. Сторожевое охраненіе ночью несли одни офицеры. На офицеровъ сыпались самыя дикія обвиненія. Наибольше гнусноты и оскорбительнымъ было выкрикъ: «Да чего съ ними воевать, каки пьяные офицеры подъ пулями ходятъ...» Нѣтъ надобности говорить, что душевное настроеніе офицеровъ и обстановка не допускала и мысли о спиртномъ, да его и не было. «Подъ пулями же ходить» поддесауль Красновъ, дабы подбодрить пулеметчиковъ и показать действительность неумѣлаго огня красныхъ бандъ.

Утромъ изъ Каменской прибылъ казакъ 1-й сотни Родимовъ, сообщивъ

ши о перевороте в Каменской и о том, что он назначен Революционным Комитетом временным, до выборов, командиром полка.

На офицеров вновь посыпались упреки в том, что они знали о перевороте, но скрыли от казаков, так как хотели пролить «братскую кровь» и втравить казаков в бой с дружественными им красными.

Погрузив орудия батареи, эшелон двинулся, под водительством казака Родинова и к вечеру пришел в Зырево. Здесь стояли три совершенно деморализованные сотни 8-го полка. Комендантом же станции оказался, увы, пресловутый Крюков, не принятый в свое время офицерами в полк.

Он потребовал ареста офицеров, как не признавших выборного начала и Революционного Комитета, и хотел отобрать оружие.

Только путем компромисса (офицеры Лейб-Казачьего полка согласились отдать оружие лишь своим казакам) удалось извернуться.

Утром 11-го арестованные офицеры с эшелоном прибыли в Каменскую.

На станции путем переговоров с казаками удалось не без труда получить обратно оружие. Арест, сам собой прекратился и сотни со своими офицерами разошлись по хуторам *).

Что же произошло в станции Каменской?

В Каменской 10-го числа должен был состояться съезд делегатов всех «фронтовиков» (т. е. казаков, прибывших с фронта Великой войны), и в ожидании съезда самочинно возник Военно-Революционный комитет, под председательством бывшего изводного урядника Гвардейской Донской батареи Федора Подтелкова.

Личность последнего нам была больше нежели хорошо известна по службе в Гвардейской бригаде. Произведенный в подхорунжие за Георгиевские кресты (заметьте, что в Гвардейской коннице, а в особенности в артиллерии, кресты рядовым казакам раздавались недопустимо широко), очень самолюбивый и честолюбивый, недалекий, с отблеском упрямой тупости, он в начале революции съездила в Петроград, связался с Советом рабочих депутатов, начался, как граммофонная пластинка, революционными терминами: «свобода», «трудящиеся», «нож в спину революции» и т. д., участвовал во всех начинаниях, направленных против офицеров, главным образом, на почве старания добиться длежа денежного ящика батареи и разбазарить ее хозяйственные запасы. (В 1915 году

*) В тот же день в Каменскую прибыл один из лучших Донских полков — славный 10-й, укомплектованный Гундоровцами, двинутый генералом Каледниным для разгона и ареста членов съезда фронтовиков. По приходе в Каменскую, на станции казаки сбились с казаками других полков, заминговали, и 10-й полк перешел на сторону Ревкома.

По иронии судьбы, именно караул 10-го полка, посланного для ареста Военно-Революционного комитета, через 4 дня арестовывал и доставлял в Луганскую тюрьму штаб и ряд офицеров Лейб-Гвардии Казачьего полка, этого Революционного Комитета не признавших.

39

быть эвакуирован на Дон и здесь долго болтался в должности заместителя команды эвакуированных Черкасского округа, после чего вернулся на фронт).

Кроме Подтелкова, в число заправил разлухи в ст. Каменской входили: фельдшер 14-го Донского казачьего полка Лагутинь (бывший председатель казачьей секции при Петроградском Совете Рабочих и Солдатских депутатов, созданной большевиками еще в период их пребывания в Смольном Институте, в качестве орудия для ликвидации контр-революционного Совета Союза Казачьих войск), Кривошляков (уже известный на Дону своими большевистскими выступлениями, произведенный во время революции из прапорщика из юнкеров Новочеркасского Училища), Стехень, Кудинов, Крикушев (казаки-большевики).

Присутствовали в дальнейшем на съезде и иногородие, при этом не только местные жители, вроде большевика портного Щаденко, но и прибывшие из Воронежа члены тамешного большевистского Ревкома, во главе с ростовским студентом большевиком Сырцовым.

Присутствовали и прибывший из Москвы, за несколько дней до съезда, товарищ Мандельштам (старый партийный борец), причем название последнего давало все основания полагать, что Подтелков и небольшая относительно горсть казаков его окружавшая являются подставными лицами большевистских верхов.

В состав первоначального Революционного Комитета вошли и делегаты, избранные Лейбь-Казакми на фронтовой съезд: казак 1-й сотни Родимов (средний казак, не пользовавшийся большим авторитетом среди казаков), казак 3-й сотни Кривошляков (из состава пополнения, полученного из 18-й запасной сотни в сентябре — явный большевик) и подхорунжий Кумсков, твердый и крепкий изводный урядник (было вошедший в состав Комитета для отстаивания идеи мирного улаживания отношений с Донским Атаманом и Правительством).

В ночь на 10 января в штаб полка пришел сохранивший привязанность к офицерам подхорунжий Кумсков и предупредил находившихся в помещении штаб-офицеров, полковников В. Фарафонов и И. Оприца, о захвате власти в станице Революционным Комитетом, о захвате почты и телеграфа и о намерении арестовать генерала Савельева и окружного атамана.

Если бы было возможно немедленно собрать полусотню крепких казаков, твердо преданных Кругу и Донскому Атаману, то легко можно было бы ликвидировать самочинный комитет, но такой полусотни нельзя было набрать не только из коноводов Лейбь-Гвардии Казачьего полка, оставшихся по уходе полка на позицию, но и из состава всех полков гарнизона станицы Каменской. Да и кроме того, даже при удаче разгона, все же оставалось налицо и даже обострилось бы главное зло: нежелание казаков бороться с большевизмом и временное массовое помешательство идеей «трудового казачества» с нейтралитетом, как средством избежать гражданской войны.

Поэтому, названным штаб-офицерам не оставалось ничего делать,

как немедленно предупредить генерала Савельева о случившемся, что и было выполнено.

Ложась спать, полковник Фарафонов аккуратно сложил, как обычно, на стул возле изголовья кровати платье и белье, а сверху, так же аккуратно, положил две ручные гранаты, поставив их на боевой взвод.

Мелочь характеризующая настроение офицеров.

10 января состоялось заседание съезда фронтовиков.

Присутствовали, главным образом, делегаты полков Донецкого округа, полки других округов почти не были представлены. Присутствовали делегации иногородних, о которых говорилось выше. Подавляющее большинство казаков-делегатов стояло за мирное улаживание отношений, как с Донским Правительством, так и с большевиками, лишь бы избежать войны.

Однако, речи большевиков, а главное — оглашение Подтелковым якобы перехваченного приказа Атамана Каледина об аресте членов съезда накалило атмосферу и съезд постановил избрать Революционный Комитет, коему и передать власть для борьбы с Новочеркасском *).

Председателем Рекома был избран Подтелков, секретарем Кривошляков, членами казачьи преимущественно большевистских воззрений (от лейб-казачьего полка попал в члены Кривошлев).

*) Антонов-Овсенко, назначенный еще 8-го (и. ст.) декабря 1918 г. Ленинским комиссаром по борьбе с контр-революцией и командовавший красным фронтом против Каледина, в своих «Записках о Гражданской войне», изд. ВВРС, 1928 г., стр. 199 и 200, пишет:

... «Под председательством Подтелкова, съезд протекал в боевом, но неопределенном настроении. Лишь небольшой горсть казаков, связанных с большевиками, пыталась направить съезд к боевым действиям».

... «Делегаты от полков стремились мирно поладить и с большевиками, и с Правительством Каледина, избегнув Гражданской войны. К большому решительности подвинуло съезд оглашение перехваченного приказа Каледина об аресте участников. Тут делегаты поняли, что от борьбы не уйти. Предложенные горсти большевиков были приняты подавляющим большинством».

... «В первые же дни обнаружилась неустойчивость этого казачьего Рекома. Связь его с большевиками вызвала открытое недовольство среди многих казаков. Делегаты 10-го полка и другие станичники требовали удаления товарищей Сырцова и других не-казачков из станицы Каменской, и товарищи принуждены были перейти на нелегальное положение. Казачий Реком, дороживший их софтами, вконец притал от казачьих масс свои сношения с большевиками».

11-го января съ фронта прибыли спешенные части полка и помещение штаба полка заполнилось офицерами. Было решено не признавать ни революционного комитета, ни выборного начала въ полку.

12-го января должны были состояться выборы ком. состава въ сотнях и командах полка.

Въ 1-ой, 5-ой сотнях и пулеметной командѣ были избраны прежние командиры есауль Поздѣвъ, есауль Я. Рыковский и подесауль С. Красновъ. Всѣ трое отказались, и вопросъ объ ихъ замѣщеніи повисъ въ воздухѣ.

Во 2-ой, 3-ей и 4-ой сотнях выборы не производились и этимъ путемъ казаки молча санкционировали оставленіе на мѣстахъ прежнихъ командировъ.

Въ обозѣ (нестроевая команда) казаки прямо просили начальника обоза хорунжаго Н. П. Ефремова не оставлять ихъ.

Во всѣхъ сотнях казаки настаивали на признаніи рев. комитета.

Въ тотъ же день въ штабѣ полка было получено «распоряженіе» назначеннаго рев. комитетомъ временнымъ командиромъ полка, казака Родимова о назначеніи на 13 января выборовъ команднаго состава путемъ митинга всего полка, причемъ всѣмъ офицерамъ и казакамъ предписывалось прибыть 13-го на поляну, что у моста ведущаго въ станцію Каменскую.

По настоянію полковника Оприца, въ Новочеркасскъ, для доклада генералу Калезину объ истинномъ настроеніи казачьихъ строевыхъ частей въ станицѣ Каменской, были срочно командированы подесауль С. Красновъ и хор. Ляховъ.

Немедленный отпускъ полковъ по домамъ, въ надеждѣ, что соприкосновеніе со своими станицами вызоветъ необходимый переломъ въ настроеніи, представлялся единственнымъ выходомъ изъ создавшагося положенія.

Офицерами, во главѣ съ командиромъ полка полковникомъ Дьяковымъ, было принято решеніе на митингъ не ходить и Революціоннаго комитета не признавать, отъ прямыхъ отвѣтовъ на этотъ послѣдній вопросъ, дабы не усиливать возбужденія казачьихъ, пока уклоняться, упирая на твердый и категорическій отказъ признать выборное начало въ командномъ отношеніи.

Разсчетъ былъ простъ и явренъ: ни Родимовъ, ни Криушевъ авторитетомъ не пользовались, и выдвигеніе ихъ казаками ясно показывало, что въ данное время въ полку нѣтъ сильнаго «главаря», и что, слѣдовательно, казаки, оставшись безъ офицеровъ, пойдутъ на переговоры.

Переговорами можно было бы выиграть время и хотя бы добиться нейтралитета въ отношении Революціоннаго Комитета, что являлось уже крупной услугой Атаману и Правительству.

Широкіе отпуски довершили бы временную ликвидацию полка.

Предположеніямъ этимъ, однако, не суждено было осуществиться.

Одновременно съ митингомъ, законный командиръ полка, полковникъ Дьяковъ, собралъ всѣхъ офицеровъ въ штабъ полка.

Командиръ 2-ой сотни есаулъ Алфераки очень хорошей строевой и боевой офицеръ полка, мягкій по характеру, исключительно попечительный о казакахъ командиръ сотни и потому пользовавшійся среди своихъ казаковъ авторитетомъ, выѣхавъ изъ расположенія сотни въ штабъ, встрѣтить казаковъ своей сотни, шедшихъ на митингъ, и не могъ отказать ихъ просьбамъ идти съ ними. Въ исполненіе приказанія Родимова, казаки шли на митингъ подъ оружіемъ, мѣсто митинга было выбрано не центральное по отношенію къ расположенію полка, а близкое къ штабу полка, что давало есаулу Алфераки основаніе полагать наличие провокаціи, и онъ рѣшилъ своимъ присутствіемъ пресѣчь возможные экспессы. Кроме есаула Алфераки на митингъ оказался хорунжий Савинъ (бывшій очень хорошей взводный урядникъ 2-й сотни, командированный въ Германскую войну въ Новочеркасское Военное Училище, по окончаніи коего былъ выпущенъ во 2-ю Донскую полкъ и командированъ въ 18-ю запасную сотню въ ст. Каменскую, гдѣ и находился).

Для сообщенія казакамъ оѣшенія офицеровъ полковникъ Дьяковъ командировалъ на митингъ полкового адъютанта сотника П. Н. Кутейникова. Сотникъ Кутейниковъ объяснилъ казакамъ, что офицеры на митингъ не придутъ, ибо не признаютъ выборнаго начала въ полку, считая его вреднымъ и пагубнымъ, и просятъ ихъ не выбирать. Препятствовать выборамъ не могутъ и не будутъ.

Часть казаковъ была въ возбужденномъ состояніи.

Послышались рѣчи на тему о непризнаніи офицерами «трудовой казачьей власти», и настроеніе стало нагрѣваться.

Офицеровъ упрекали въ томъ, что они бросаютъ казаковъ въ трудную минуту.

Есаулъ Алфераки успокоилъ, какъ могъ, возбужденіе, и было приступлено къ выборамъ.

Были выбраны: командиромъ полка — есаулъ Алфераки.

Помощниками командира полка по хозяйственной части — полковникъ Оприцъ.

Адъютантомъ — хорунжий Савинъ.

Выборы командировъ сотенъ и взводныхъ офицеровъ переданы въ сотенные комитеты.

Есаулъ Алфераки и хорунжий Савинъ выбраны какъ прибывшіе на митингъ. Полковникъ Оприцъ былъ выбранъ послѣ горячей рѣчи старшаго хо-

заявленного писаря Тарарина, избранного *) тут же дѣлопроизводителемъ.

Есаулъ Аафераки послалъ хорунжика Савина доложить командиру полка полковнику Дьякову обстановку и передать полковнику Опринцу записку съ просьбой немедленно прѣхать.

Полковникъ Дьяковъ ознакомилъ офицеровъ съ создавшимся положеніемъ. Полковникъ Опринцъ остался при рѣшеніи не принимать выборной должности, и было рѣшено, что онъ самъ передать отказъ. Было также принято рѣшеніе офицерамъ, въ случаѣ ихъ выбора, не отказываться, не соглашаться на срокъ, или съ оговорками, дабы, пользуясь новымъ положеніемъ, удержать своихъ казаковъ отъ неосторожныхъ шаговъ.

Полковникъ Опринцъ, выѣхавъ на митингъ, засталъ уже болѣе ровное настроеніе. Отказъ свой передалъ въ спокойныхъ тонахъ, мотивировавъ нежеланіе занимать выборную должность при существующихъ настроеніяхъ и броженіяхъ въ полку, когда приказаній выборнаго начальника все равно никто исполнять не будетъ.

Между тѣмъ, событія быстро измѣнились.

13/16-го въ Каменскую прибыла депутація Войскового Круга *) въ составѣ представителей П. Агѣла, членовъ Карева, Уднова и Сидлозарова для переговоровъ съ Революціоннымъ Комитетомъ.

Прибывшіе изложили проектъ переговоровъ Круга съ соблюденіемъ всѣхъ правилъ, требуемыхъ «революціонно-демократическимъ» ритуаломъ, съ предоставленіемъ избирательныхъ правъ многополчымъ, соглашались на посылку делегація для переговоровъ съ большевиками, но категорически требовали недопуска въ Область большевистскихъ бандъ и роспуска Каменскаго Ревкома.

Ясно, что договориться на указанной почвѣ съ Каменскимъ Революціоннымъ Комитетомъ не представлялось возможнымъ. Хотя большинство «товарного казачества», бродившее и митинговавшее нестройной массой, не желало вторженія въ Область большевистскихъ бандъ (считая, кстати сказать,

*) По воспоминаніямъ хор. С. Савина, присутствовавшего на митингѣ, въ данномъ случаѣ играло желаніе казаковъ сохранить въ подчиненіи полка одного изъ штабъ-офицеровъ, хорошо знакомыхъ по многолѣтней службѣ въ полку и ими, несмотря на расхожденіе по взглядахъ, уважаемыхъ.

*) Интересно мнѣніе Антонова-Овсеенко, находившагося въ контактахъ съ большевиками, командированными въ ст. Каменскую и вмѣстѣ съ ними поддерживавшаго казачій Ревкомъ, въ осуществленіе выработаннаго союза съ первыми плана (ст. 207) ... «судущія Каледниновщизны руками казаковъ»...

На стр. 201 своихъ «Записокъ» Антоновъ говоритъ: «Большинство членовъ казачьяго Ревкома весьма недружелюбно относилось къ претензіямъ иногороднихъ на общій раздѣлъ Донецкаго земли и не собиралось кончать съ казачьими привилегіями... Правительство Каледина не сумѣло использовать этихъ настроеній и, обидрующая свое безсиліе, вслѣдъ за приказомъ объ арестѣ рѣшило послать делегацію для переговоровъ...»

и свой «нейтралитет» средством вторжения избѣжать), меньшинство, объединенное въ Революціонномъ Комитетѣ и захватившее тамъ почти весь голосъ, смотрѣло иначе.

Это меньшинство состояло изъ казаковъ, либо считавшихъ приходъ российскихъ большевиковъ неизбежнымъ (Смирновъ и Голубовъ), либо изъ личнаго карьернаго соображенія этотъ приходъ желавшихъ и готовившихъ (Криношляковъ, Кришуневъ, Лагутинъ, Кудиновъ и Стехинъ).

Вместо того, чтобы на мѣстѣ выяснить, кого же представляетъ Революціонный Комитетъ, и хотя бы попытаться связаться съ казачьей массой черезъ головы Комитета, прибывшая делегация вела праздные переговоры и, что много хуже, предложила Революціонному Комитету командировать делегацию въ Новочеркасскъ.

Въ особенности скверную роль сыгралъ председатель Круга П. Агфевъ, своими рѣчами внушившій Каменскимъ казакамъ увѣренность, что делегация Революціоннаго Комитета сговорится въ Новочеркасскѣ съ Войсковымъ Кругомъ... «готовимъ идти на самыя широкія уступки»...

Этимъ, и именно въ рѣшающіе дни, была искусственно поднята въ средѣ каменской казачьей толпы авторитетъ полусамочинно возникшаго Революціоннаго Комитета.

Въ глазахъ рядового казака Подтелковъ не только была теперь признана Новочеркасскомъ, но «вырвалась» обѣщаніе въ принятіи какого-то «рѣшенія», способнаго ликвидировать вопросъ.

Положеніе офицерства, сторонниковъ Атамана Каледина, поддерживавшихъ законную власть и остерегавшихъ казаковъ противъ Подтелкова и состава Революціоннаго Комитета, стало невозможнымъ.

(Кромѣ того, Подтелковъ, прибывъ 14-го въ Новочеркасскъ, получилъ возможность на запоздалый вопросъ Атамана Каледина, кого онъ представляетъ, дать отвѣтъ съ перечисленіемъ свыше десятка полковъ и батарей, додѣржемъ коихъ фактически Революціонный Комитетъ не располагалъ, что ясно выяснилось въ слѣдующіе дни при ударѣ по Каменской станицѣ горсти партизанъ Чернецова).

14-го делегация Революціоннаго Комитета вела переговоры съ Атаманомъ и Правительствомъ. Делегация потребовала передачи всей власти Революціонному впрелѣ до организаціи «трудовой народной власти» и немедленнаго роспуска партизанскихъ отрядовъ.

Донское Правительство предложило перевыборы къ 4 февраля депутатовъ Войскового Круга при полной свободѣ выборовъ на началахъ четыреххвостки, съ одновременнымъ созывомъ съѣзда депутатовъ отъ иногородняго населенія, но настаивало на роспускѣ Революціоннаго Комитета и на своемъ намѣреніи продолжать всеобщую борьбу съ вторгающимися въ Область большевистскими отрядами.

Сговора быть мною не могло, однако еще на сутки Подтелковъ былъ задержанъ въ Новочеркасскѣ. Одновременно полковникъ Чернецовъ со своими партизанами началъ наступленіе на Зибрево-Лихую.

Революціонный Комитетъ былъ охваченъ паникой. Уже при отправкѣ делегации въ Новочеркасскъ было вынесено постановленіе объ арестѣ стар-

ших офицеров в гарнизон, как заложников, и по станции начались аресты офицеров.

15-го утром в штаб полка собрался полковой комитет под председательством казака Родимова, пришедший выяснить отношения с офицерами.

Разговоры шли в столовой, велись в спокойном тоне, но носили нудный характер: повторения все тех же вопросов и ответов о причинах испризнания офицерами «трудовой казачьей власти», «выборного начала» и т. д. Офицеры из безконечный раз объясняли несовместимость казачества с большевистской властью, неизбежной преемницы «трудовой казачьей», возглавляемой Подтелковым.

Около 12 часов в комнату вошли два солдата с винтовками: первый — волноопределяющийся Кириллов (уроженец Крыма), второй — Щаденко (ингородкой Каменской станицы), отрекомендовавшиеся комиссарами Революционного Комитета. Все выходы были заняты казаками 6-й сотни при винтовках с прижатыми штыками. Прибывшие объявили находящихся в помещении офицеров арестованными, кроме полковника Оприца, как избранного казаками. Полковник Оприца заявил о своей полной солидарности с арестованными офицерами и нежелании оставаться с «революционными» казаками полка, после чего был арестован. На требование отзвать пашку полковник Оприца сломал ее о кофлю.

Казаки полкового комитета имели смущенный вид и некоторые даже участливо помогали офицерам укладывать вещи, кои брались с собою. Кто-то из казаков смущенно предложил идти в Революционный Комитет, дабы выяснить, в чем дело, и арестованные, под конвоем казаков 6-й сотни, в сопровождении двух казаков полкового комитета, отправились в Революционный Комитет.

В Революционном Комитете царил паника и неразбериха. Циркулировали слухи, что Подтелков и делегация не задержаны, а арестованы в Новочеркасске. Как потом выяснилось, в этот момент полковник Чернецов развивал наступление на Зафрево, полки же Каменского гарнизона разсыпались — часть казаков разъехалась по домам, остальные митинговали, решая вопрос: поддержать ли им Революционный Комитет или нет.

По распоряжению кого-то из Революционного Комитета, арестованные были отведены под конвоем на станцию, где посажены в теплушку, в коей уже сидели 10 штаб- и обер-офицеров из администрации станицы, во главе с командиром 10-го полка полковником Кривякинским.

Вскоре на станцию прибыл полковой комитет, обратившийся к полковнику Оприцу с предложением остаться.

Суета на станции явно говорила о каком-то неуспехе на красном фронте. Представлялось необходимым выиграть время, почему полковник Оприца согласился, постановив условием и освобождение остальных арестованных офицеров, под предлогом необходимости сдачи или дель.

После короткой торговли и переговоров комитета с комиссарами были выпущены из теплушки ком. полка полк. Дьяков, полковники Фарафонов и Оприца и казначей подесаул Боконь.

Указанные четыре офицера вместе с полковым комитетом, уже близкой, отправились в штаб полка, где снова начались нудные разговоры о «трудовой казачьей власти», причем уже прежней утробности из своей правоты в доводах казаков не чувствовалось: прибытие на станцию Каменскую большинства банд Воронежского ревкома явно действовало несколько отрезвляюще.

К вечеру штаб полка был снова оцеплен, но на этот раз это был караул при уряднике от 10-го полка, коими распоряжался комиссар Ревкома Кириллов.

Указанные штаб-офицеры были снова арестованы, отведены в теплушку, которую вместе с вагоном караула прицепили к отходящему на Миллерово эшелону какой-то красноармейской банды, разбитой Чернеповым у Зибрево.

Таким образом, 15-го января были арестованы и увезены следующие офицеры:

Командир полка полковник В. А. Дьяков, помощники командира полка полковник Фарафонов и полковник Оприщ, адъютант есауль В. Чеботарев, казначей подесауль Боконь, командир 6-й сотни есауль М. Чеботарев, есауль Болдырев, подесаули Пашков, Агафонов, Персиадский и сотник Греков; всего 11 штаб- и обер-офицеров, представлявших собою весь штаб полка и несколько случайно бывших в помещении штаба младших офицеров.

Как сказано выше, Военно-Революционный Комитет 15-го был охвачен паникой. Чернепов, диким ударом выбил из Зибрево продвигавшиеся туда банды воронежского Ревкома, кои погрузились в эшелон и откатились на Миллерово. «Приказ» Ревкома о выступлении на фронт всех частей Каменского гарнизона был встречен казаками холодно. Большая часть разбжалась по домам, одиночным порядком, увозя с собой винтовки; меньшая часть оставалась, но митинговала. Та же картина была и в остатках Лейб-Казачьего полка. Агитация бывшего вахмистра полка Смирнова (произведенного в Германскую войну в офицеры в 8-й полк, а ныне начальника штаба командующего вооруженными силами Ревкома Герасимова) имела следствием решение оставшихся в полку казаков выступить на «фронт» 15-го утром. Однако шли казаки без подъема.

Четыре *) из оставшихся офицеров полка пошли с казаками с намерением либо удержать их от боя с партизанами, либо перейти на сторону Чернепова.

Как только на горизонте показалась рдевшая цепочка партизан, есауль Алфераки сел на лошадь и поехал навстречу наступающим, несмотря на открытый ими огонь, и, прибыв к Чернепову, объяснил сло-

*) Есауль Алфераки, подесауль герцога Лейхтенбергский, подесауль Сергей Кутейников и хорунжий Иловайский.

жившееся положеніе вещей. Тѣмъ временемъ офицерамъ удалось увлечь казакъ обратно въ станцію. Благодаря этимъ офицерамъ, Лейбъ-Казачій полкъ не произвелъ ни одного выстрѣла по партизанамъ Чернецова.

Стараніи Ревкома собрать и организовать защиту Каменской ни къ чему не привели. Полки, сотни и батареи, отъ имени коихъ позавчера Подтековъ гордо выступали изъ Новочеркасска, объявляли «нейтралитетъ» и разсыпались. Достаточно было короткаго удара горсти партизанъ, чтобы выявить истинное положеніе вещей: никакимъ довѣриемъ въ массѣ казачества Революціонный Комитетъ не пользовался.

Кое-что удалось собрать войскъ старш. Голубову изъ остатковъ 10-го, 27-го и 44-го полковъ, но и здѣсь играло роль не довѣріе къ Революціонному Комитету, а то обстоятельство, что эти полки комплектовались Гундоровцами и Луганцами — станицъ, лежавшихъ въ ближайшей полосѣ краснаго наступленія и слѣдовательно опасавшихся немедленныхъ репрессій. Крімъ того, этимъ казакамъ отчасти imponировала личность Голубова, котораго знали по прежней службѣ въ 27-мъ полку.

Однако, и собранные Голубовымъ казаки, послѣ небольшой перестрѣлки съ партизанами, быстро откатились на Глубокую, гдѣ Голубовъ образовалъ изъ нихъ «Сѣверный казачій отрядъ», силою въ нѣсколько сборныхъ сотенъ при орудіяхъ 14-ой Донской казачьей батареи.

Большевистскій главнокомъ Антоновъ-Овсенко на стр. 235 своихъ «Записокъ» говоритъ:

...«Мобилизація, проводимая Донскимъ Ревкомомъ, проходила малоуспѣшно, сказывалось нежеланіе казачества воевать...»

...Были приняты (мною) мѣры для скорѣйшаго вывода съ фронта болѣе или менѣе революціонныхъ казачьихъ частей. Но почти всѣ казачьи части сохранили во главѣ контръ-революціонное офицерство, и оно сумѣло такъ настроить фронтовые полки, что тѣ недовѣрчиво относились къ намъ и старались прорваться на Донъ, безъ предварительнаго сговора съ нами...»

17-го утромъ отрядъ полковника Чернецова вступилъ въ станцію Каменскую.

Идеи «трудового казачества», представлявшей попытку расколоть казачество по социальному признаку, были полковникомъ Чернецовымъ нанесены смертельный ударъ.

Однако, поднять казака на борьбу съ большевиками еще нельзя было, и лишь два мѣсяца господства большевиковъ на Дону дали рядовому казаку нужный для тяжелой борьбы подъемъ.

Генераль Усачевъ, назначенный командующимъ войсками Каменскаго района согласно приказу Атамана Каледина, отдалъ приказаніе распустить Каменскій гарнизонъ и въ томъ числѣ Гвардейскую казачью бригаду, впрелѣ до сформирования ея на поляхъ началахъ, причемъ штандартъ, денежный ящикъ и огнестрѣльное оружіе Лейбъ-Гвардіи Казачьяго полка должно было быть слано прежнему командному составу.

Узнавъ, что часть офицеров полка, арестованных накануне прихода партизанъ, увезена большевиками на ст. Миллерово, полковникъ Чернецовъ послалъ большевикамъ телеграмму съ требованіемъ въ указанный срокъ освободить заложниковъ, грозя разстрѣлать мѣстныхъ большевиковъ, имъ захваченныхъ. Но телеграмма успѣха не имѣла. Тогда было приказано временно вступить въ командованіе полкомъ есаулу Поздѣву. Помощникомъ по строевой части былъ назначенъ есаулъ Я. Рыковскій, по хозяйственной — есаулъ Алфераки, командирами сотенъ: 1-ой — подъесаулъ Ф. Ф. Рыковскій, 2-ой — подъесаулъ С. С. Кутейниковъ, 3-й — хорунжій И. Д. Иловайскій, 4-ой — сотникъ П. Н. Кутейниковъ, 5-ой — есаулъ Я. Рыковскій, и пулеметной командой — подъесаулъ Б. Дубенцевъ. Всѣ офицеры полка съѣхались въ ст. Каменскую, обозавая взводъ Лейбъ-Гвардіи Казачьяго полка въ составѣ 14 человекъ *). 6-я сотня, принимавшая такое дѣятельное участіе въ послѣднихъ событіяхъ въ ночь прихода партизанъ, разъѣхалась по станицамъ. Въ недѣльный срокъ всѣ оставшіеся въ полку казаки были уволены въ отпускъ съ лошадьми и оружіемъ. Все казенное имущество — цейхгаузы, обозъ и части огнестрѣльнаго оружія были сланы въ Каменскій арсеналъ, обозныя лошади въ отдѣленіе конскаго запаса. Къ офицерскимъ лошадямъ были наняты австрійско-военноплѣнные.

Подковой штандартъ и денежный ящикъ находились при 2-й сотнѣ, которая была расположена въ полосу заставъ красной арміи, дѣйствовавшей противъ отряда полковника Чернецова. Дабы избѣжать возможности захвата ихъ красными, казаки 2-й сотни объявили нейтралитетъ и приставили къ штандарту и денежному ящику караулъ. Передъ офицерами полка стояла задача спасти штандартъ и ящикъ, для чего нужно было изъять ихъ изъ рукъ 2-й сотни и доставить въ расположеніе штаба полка. Эту задачу, при содѣйствіи вѣрныхъ казаковъ, успѣшно выполнили есаулъ Поздѣвъ, есаулъ Алфераки, подъесаулъ Дубенцевъ, писарь Гладковъ. Каждый день шли бои на передовыхъ линіяхъ. 26-го января въ 10 часовъ утра четыре большевистскихъ паровоза съ платформами, на которыхъ были поставлены орудія, подошли къ станицѣ Каменской и начали обстрѣлывать станицу. Отъ партизанъ вышелъ свой паровозъ съ артиллеріей и первымъ снарядомъ подбилъ четвертый паровозъ красныхъ, послѣ чего большевики быстро удалились. Воспользовавшись этимъ моментомъ, есаулъ Поздѣвъ съ вышеуказанными офицерами, на парной повозкѣ, выѣхалъ въ расположеніе 2-й сотни. Всѣ офицеры были вооружены винтовками. Повозкой правилъ плѣнный австріецъ. Послѣ долгихъ блужданій офицеры, наконецъ, къ 11 часу вечера добрались до расположенія 2-й сотни и попали на квартиру подъесаула Кутейникова и прапорщика Меркулова, гдѣ собралось и нѣсколько старыхъ казаковъ. Тамъ не спали, и шла бесѣда подъ шамлянское вино. Офицеры были встрѣчены радушно, и очень скоро есаулу Поздѣву удалось получить денежный ящикъ. Въ присутствіи комиссіи, онъ былъ вскрытъ, и деньги пересчитаны.

*) Поздѣвъ, Алфераки, Я. Рыковскій, Плене, Лейхтенбергскій, Б. Дубенцевъ, Ф. Рыковскій 2-й, С. Чекуновъ 2-й, Б. Чеботаревъ, С. Кутейниковъ 2-й, Иловайскій, Н. П. Ефремовъ и Кутейниковъ 1-й.

После этого есауль Поздеев выдал жалованье 2-й сотне, взял все суммы, распределив их для носки между прибывшими с ним офицерами. Когда операция выема денег была закончена, пустой упряжь положили на повозку, и офицеры отправились обратно, причем повозка была отправлена по дороге, а офицеры с деньгами пошли напрямик вешком; станция Каменская была задана электричеством, и потому не трудно было ориентироваться. В 7 часов утра все благополучно вернулись к Каменскую.

Что же касается полкового штандарта, то подесауль Кутейников и казаки Черкасского округа обязались привезти его утром на следующий день в штаб полка; и действительно, в 10 часов утра на подводе прибыли подесауль Сергей Кутейников, хорунжий Савинь и подхорунжий Фарраонов, привезшие штандарт. Так как бои на фронте складывались не в пользу партизан, есауль Поздеев приказал сотнику Кутейникову с хорунжим Иловайским и подхорунжим Фарраоновым, под конвоем 16-ти казаков Черкасского округа отвезти штандарт в Новочеркасск; оттуда штандарт был вывезен в ст. Манычскую, где и поставлен в церковь.

Между тем, обстановка на фронте складывалась крайне неблагоприятно для анти-большевистских сил. В тыл отряду полковника Чернецова, действовавшего с отрядом из 120 партизан в районе станции Глубокой, начали действовать казачьи части Северного казачьего отряда войск старш. Голубова.

21 января отряд партизан с Чернецовым во главе был окружен казаками и взят в плен, причем полковник Чернецов был зарублен лично Подтелковым *).

К станции Чертоково начали подходить крупные большевистские силы.

Когда угроза окружения станции Каменской стала очевидной, генерал Усачев отдал негласный приказ оставить Каменскую и, пользуясь беспорядком в расположении частей противника, расчленившись мелкими партиями в сторону Новочеркасска. 28 января Каменская была вновь занята красными. Оставшиеся в станции офицеры полка присоединились к отряду есаула Лазарева и покинув Каменскую, через хутор Богданов,

*) Обстоятельства, при конх полковник Чернецов попал в плен, в настоящее время мало выяснены.

Некоторый свет проливает последнее письмо Чернецова, посланное им генералу Усачеву в станцию Каменскую, опубликованное в «Донской Летописи» № 2, стр. 326: «1918 г. 21 января, я, Чернецов, вместе с отрядом взят в плен. Во избежание совершенно ненужного кровопролития прошу вас не наступать. Отъ самосуда мы гарантированы словомъ всего отряда и войскового старшины Голубова, Полковникъ Чернецовъ».

Беззащитно смелый и храбрый полковник Чернецов до настоящего времени сражался лишь с красноармейскими частями, и боевая встреча с казаками ему, казаку, была тяжела. Желая избежать, повидному, лишнего междоусобного кровопролития он первый раз в жизни пошел на переговоры, подтвердил слово... и заплатил за свое благородство головой.

Мокрый Логь, Трифоновъ, Садки, Мелеховскую — прибыли 2-го февраля въ Новочеркасскъ.

Здѣсь денежный ящикъ былъ сданъ ими въ Государственный Банкъ*).

Такъ закончилось въ станицѣ Каменской существованіе стараго Лейбъ-Гвардіи Казачьяго полка, отъ коего нынѣ остался лишь составъ офицеровъ, при штандартѣ, вещи полкового пейхгауза, сложенные въ арсеналѣ станицы Каменской, полковыя регалии и предметы полкового музея, вывезенные изъ Петрограда и сложенные въ специально святомъ домикѣ въ Новочеркасскѣ.

*). Несколько исполнителю читателю слѣда денежнаго ящика въ банкъ, передъ самымъ захватомъ города большевиками.

Дѣло въ томъ, что довольствіе полка въ послѣдніе дни, за неполученіемъ денегъ отъ казны, поглотило всю денежную наличность и въ ящикѣ остались лишь росписки на хранившіяся въ банкѣ полковыя суммы. Сдача этихъ росписокъ и получение оправдательнаго документа представлялись необходимыми для поѣдки въ далекомъ будущемъ, въ наступленіи коего офицеры не сомнѣвались, правильности произведенныхъ расчетовъ.

ГЛАВА IV.

НОВОЧЕРКАССКЪ ВЪ ЯНВАРЬ И ФЕВРАЛЬ 1918 ГОДА.

Последнее воззвание и смерть генерала Каледина. — Избрание Атаманом, генерала Назарова. — Занятие города Новочеркасска красными. — Смерть генерала Назарова. — Донские партизаны и добровольцы. — Участие Лейбъ-Казакъ въ оборонѣ Новочеркасска. — Работа по спасенію реталій. — Характеристика Смирнова. — Перевозъ арестованных 11 офицеровъ изъ Каменской въ Луганскую тюрьму — пребываніе въ тюрьмѣ и переводъ въ Новочеркасскъ.

Для характеристики общаго положенія въ Донской Области и настроенія донскихъ властей къ концу января 1918 года, приведемъ полностью послѣдній по времени приказъ генерала Каледина, выпущенный за нѣсколько дней до его смерти:

«Граждане казаки... Среди постигшей Донъ разрухи, грозившей гибелью казачеству, я, нашъ Войсковой Атаманъ, обращаюсь къ вамъ съ призывомъ, быть можетъ, послѣднимъ.

Вамъ должно быть извѣстно, что на Донъ идутъ войска изъ красноармейцевъ, вземюхъ солдатъ, латышей и пѣхотныхъ нѣмцевъ, направляемая правительствомъ Ленина и Троцкого. Войска ихъ продвигаются къ Таганрогу, сдѣ подыали мятежь рабоче, руководимые большевиками. Такія же части противника угрожаютъ станицѣ Каменской и станицамъ Заѣрево и Лихая. Железная дорога отъ Глубокой до Чертково въ рукахъ большевиковъ.

Наши казачьи полки, расположенные въ Донецкомъ Округѣ, подняли мятежь и въ союзѣ съ вторгшимися бандами красной гварди, сдѣлали нападеніе на отрядъ полковника Чернецова, направленный противъ красноармейцевъ, и частью его уничтожили, послѣ чего большинство полковъ разсѣлось по хуторамъ, бросивъ свою артиллерию и разграбивъ полковыя денежныя суммы, лошадей и имущество.

Въ Усть-Медвѣдиномъ округѣ, вернувшіеся съ фронта полки, въ союзѣ съ бандой красноармейцевъ изъ Царицына, произвели полный разгромъ на линіи желѣзной дороги Царицынъ-Серебряково, прекративъ всякую воз-

возможность снабжения хлебом и продовольствием Хоперского и Усть-Медвядицкого округов.

В слободу Михайловск, при станции Себряково, произвели набег офицеров и администрации, причем погибло, по слухам, до 80 одних офицеров. Развал строевых частей достиг последнего предела и, например, в некоторых полках Донского Округа удостоверены факты продажи казаками своих офицеров большевикам за денежное вознаграждение. Большинство из остатков убитых полевых частей отказывается выполнять боевые приказы по защите Донского Края.

В таких обстоятельствах, до завершения начатого реформирования полков, с уменьшением их числа и оставлением на службе только четырех младших возрастов, Войсковое Правительство, из силу необходимости, выполняя свой долг перед Родным Краем, принуждено было прибегнуть к формированию добровольческих казачьих частей нашей области, главным образом, учащейся молодежи, для образования партизанских отрядов.

Усилия этих последних частей и, главным образом, доблестной молодежи, беззаветно отдавшей свою жизнь в борьбе с анархией и бандами большевиков, и поддерживается в настоящее время защита Дона, а также порядок в городах и на железных дорогах части Области. Ростом прикрывается частями особой Добровольческой организации.

Поставленная себе Войсковым Правительством задача, довести управление областью до солида и работы ближайшего Войскового Круга и Съезда неказачьего населения, выполняется указанными силами, но их незначительное число, и положение станет чрезвычайно опасным, если казаки не придут немедленно в состав добровольческих частей, формируемых Войсковым Правительством.

Время не ждет, опасность близка, и если вам, казакам, дорога самостоятельность нашего управления и устройства, если вы не желаете видеть Новочеркасск в руках пришлых банд большевиков и их казачьих приспешников — изменников долгу перед Доном, то спешите на поддержку Войсковому Правительству, посылайте казаков-добровольцев в отряды.

В этом призыве у меня нет личных целей, ибо для меня атаманство — тяжкий долг. Я остаюсь на посту по глубокому убеждению в необходимости слать постъ, при настоящих обстоятельствах, только перед Кругом.

Войсковой Атамань Калединь.»

Приводимый приказ, хотя в частностях и сильно стучал краски, но в целом верно передавал сложившееся положение и точно отражал настроение Новочеркасска.

Этот когда-то спокойнейший в России город теперь был полон тревоги. В него текл поток бегущих, искавших здесь защиты от большевистской лавины и привозивших с собою быстро распространявшиеся панические слухи.

В числе бегущих прибыло много офицеров распавшейся Российской

Армии. Лишь часть их записывалась в Добровольческую Армию, прочие же составляли нестройно бродившую массу в 3000-4000 человек.

Все усилия коменданта города как-нибудь их сорганизовать привели лишь к сформированию нескольких небольших дружин.

Между тем, в населенном иногородними предместьях города, Хутунки, были расположены запасные солдатские полки, сочувствующие большевикам.

На случай возмущения Хутунки, в январе в Новочеркаске была создана офицерская казачья дружина, в чьях охраня двора и защиты Атамана генерала Каледина.

Начальником дружины был назначен полковник Л. Гв. Донской 6-ой каз. батареи Н. Н. Упорников. В состав дружины вошли Лейбы-Казак, находившиеся в командировке в город Новочеркаск, есаул В. Кононов, подеса С. Краснов, хор. Н. Лихов и вольноопр. Л. Бобриков.

Дружина помещалась в одной из комнат двора, куда изредка заходил генерал Каледин, отлучавшийся в беседы с первыми ему строевыми офицерами. По свидетельству ес. В. Кононова, ген. Каледин был прямо и откровенен в своих суждениях и не скрывал полной безнадежности ближайших перспектив.

Подступы к Новочеркаску со сфера защищали офицерская рота Добровольческой Армии; партизанские донские отряды полковников Чернецова и Семилётова и несколько небольших разнородных дружин. Все эти части находились под командой генерала Ф. Абрамова, а затем его заменившего полковника Мамонтова.

Ввиду крайней недостаточности сил на фронте, ген. Каледин скоро отказался от личной охраны, и охранявшая Атамана дружина полк. Упорникова, по предписанию Атамана, вооружившись пулеметами (коих в арсенале Новочеркасска имелось несколько сот штук — справка: записка получившего пулеметы для дружины подесаула С. Краснова), отправилась на фронт. Здесь к входившим в ее состав Лб. Казакам ес. Кононову, подеса. Краснову, хор. Лихову и Л. Бобрикову присоединились Лб. Казаки хор. С. Чекунов, хор. Г. Чекунов, подхорунжий Г. Мигулин (впоследствии произведен в хорунжие полка) и казаки Харламов.

К утру 29-го января генерал Корнилов сообщил генералу Каледину о том, что Добровольческая Армия, не получая обещанной помощи, истекает кровью и вынуждена будет покинуть Донскую Область.

Обсудив это известие Военское Правительство с грустью убедились в своем бессилии оказать помощь.

Генерал Каледин видел неизбежность подворстия большевиков на Дону, в том же день сложил свои полномочия, а в 2½ часа дня, роковым выстрелом кончил расчеты с земной жизнью.

Вѣсть о самоубийствѣ Атамана громомъ разнеслась по Дону.

Одни только подонки населенія не скрывали своей радости...

Въ тотъ же день на должность Атамана казаками Новочеркасской станицы былъ избранъ до сего времени бывший Походнымъ Атаманомъ ген. Назаровъ.

4-го февраля Войсковой Кругъ утвердилъ его Войсковымъ Атаманомъ. Генераль Назаровъ принялъ власть, но потребовалъ мобилизации, которая и была немедленно объявлена.

Отложила и Добровольческая Армія свой уходъ.

Мобилизовались казаки ближайшихъ станицъ и потекли въ Новочеркасскъ. Однако, подъема хватило ненадолго, и, не будучи поддержаны казаками другихъ округовъ, Черкассы разошлись по домамъ.

9-го февраля Добровольческая Армія, тѣснимая съ фронта Сиверсомъ, усиленнымъ вновь прибывшими изъ центра отрядами и мощнымъ бронепоездомъ и, кромѣ того, взятая во флангъ сильной группой большевиковъ занявшихъ Батайскъ, очистила Ростовъ и отошла къ станицѣ Ольгинской.

Положеніе Новочеркасска стало безнадежнымъ.

Противъ наступающей съ сѣвера арміи Саблина, усиленной Сѣв. казачьимъ отрядомъ войскового старшины Голубова, имѣлись лишь жидкіе группы партизанъ, общей численностью до 200 человекъ.

Противъ Ростова имѣлось лишь одно орудіе, установленное на платформѣ, при нѣсколькихъ офицерахъ-артиллеристахъ.

1-го февраля, по инициативѣ генерала П. Х. Попова, состоялось общее собраніе офицеровъ гарнизона, численностью въ 3.000 человекъ.

Наиболѣе рѣшительные высказывались за необходимость всѣмъ офицерамъ отходить вмѣстѣ, сильной вооруженной группой подъ начальствомъ Походнаго Атамана П. Х. Попова, но невозбранно раздавались и иные голоса, говорившіе о невозможности для офицера отрываться отъ рядового казачества и необходимости вступленія въ переговоры съ войсковымъ старшиной Голубовымъ.

Собственно, за исключеніемъ ничтожнаго меньшинства совершенно павшихъ духомъ и готовыхъ на любой компромиссъ, громадное большинство собравшихся офицеровъ гарнизона понимало несомнѣстность казачьяго уклада жизни съ большевизмомъ и вѣрило въ грядущій переломъ казачьихъ настроеній.

Но собраніе по тѣснотѣ и безпорядку больше походило на митингъ.

Поговорили и разошлись...

Между тѣмъ, времени терять нельзя было: желая быть первымъ въ городъ, Голубовъ со своимъ отрядомъ оторвался отъ Саблина и кружнымъ путемъ, черезъ ст. Раздорскую, бросился къ Новочеркаску.

12-го февраля, въ 1 часъ дня Походный Атаманъ генераль П. Х. Поповъ съ успѣвшимъ стннуться отрядомъ Донскихъ офицеровъ выступить въ станицу Старочеркасскую. Туда же потянулись одиночно и группами всѣ узнавшіе о выступленіи генерала Попова.

Генераль Матвѣевъ, Л. Гв. Атаманскаго полка, рассказывалъ, что вмѣстѣ съ группой офицеровъ Л. Гв. Атаманскаго полка долженъ былъ выѣхать

Атамань Назаровъ. Вѣстовой, посланный съ посыланной лошадей, встрѣтилъ его идущимъ на засѣданіе Круга. Атамань сказала, что не знаетъ, уѣдетъ ли онъ, и приказала вѣстовому ѣхать, а коня оставить въ Новочеркасскѣ.

Въ городѣ начались грабежи. Кругъ постановилъ послать соти Сиволобова для переговоровъ съ Голубовымъ. Неизвѣстно, доѣхалъ ли Сиволобовъ, но въ 5 часовъ вечера въ залъ засѣданія Круга ворвался Голубовъ вмѣстѣ съ состоявшимъ при немъ комиссаромъ Пугачевскимъ. Окрикъ Голубова «встать» заставилъ всѣхъ членовъ Круга вскочить. Не всталъ лишь Атамань Назаровъ. Пугачевскій подскочилъ и направилъ браунингъ...

Въ тотъ же мигъ два казака конвоя Голубова схватили руку комиссара и отвели револьверъ *). Два рядовыхъ казака сдѣлали жестъ, который не посылалъ сдѣлать 200 членовъ Круга.

Пугачевскій сорвать одинъ погонь Атамана, Голубовъ другой.

Атамань была арестованъ и отвезенъ на гауптвахту, а въ ночь на 18-ое февраля, подъ предлогомъ перевода въ тюрьму, выведенъ и вмѣстѣ съ другими 6 ветеранами разстрѣлянъ. Гонорили въ Новочеркасскѣ, что смерть генералъ Назаровъ встрѣтилъ съ большимъ достоинствомъ, повернулся лицомъ къ убийцамъ, перекрестился и самъскомандовалъ: «Слушай мою команду — сволочь — пл!»

Въ «Донской Воли» № 1 отъ 10-го іюня 1918 года было опубликовано послѣднее письмо Атамана Назарова его женѣ:

«...14/II, камера № 10 — гауптвахта.

Подробности ареста Ты уже, вѣроятно, знаешь изъ телеграммъ. Понятно, сафѣнія эти далеки отъ истины. Но истину я и не могъ бы тебѣ сообщить, такъ много было недѣлаго.

Но и въ трагическомъ много комизма, и я имѣлъ возможность смѣяться. Смѣшишь всего было зрѣлище 100-200 человекъ Круга (Верховной Власти), вытннувшихся въ струнку передъ новымъ Бонапартомъ XX вѣка. Цѣлую Тебя. Цѣлую дѣтей.

Скажи сыновьямъ, что имъ не придется стыдиться памяти отца»...

Въ лицѣ Атамана Назарова Донское казачество понесло большую потерю. Хорошо образованный, смѣлый, кристально-честный, онъ не хотѣлъ атаманства и уступилъ лишь пятикратнымъ настояніямъ Круга.

Принялъ атаманство во имя долга и жертвою долга палъ.

Въ числѣ упомянутыхъ выше группъ партизанъ, защищавшихъ подступы къ Новочеркаску были и Лейбъ-Казаки.

Энергичную борьбу велъ бывший офицеръ полка есаулъ Петръ Карповъ, организовавшій собственную группу, проявившую большую доблесть. За нѣ-

*) Справка: «Гражданская война». Изд. СССР. Воспоминанія Пугачевского. Томъ I, стр. 401.

сколько дней до падения Новочеркасска П. Карповъ былъ убитъ въ бою, и группа распалась.

Энергично боролась группа Лейбъ-Казакъ, составившая пулеметную команду полковника Упорникова. Группа участвовала въ ночномъ наступлении на занятый большевиками Сулинъ, а затѣмъ была отведена на станцію Персиановку, которую обороняла до 9-го февраля включительно, когда была перемѣщена ближе къ Новочеркасску.

Объ уходѣ Походнаго Атамана группа узнала поздно и съ трудомъ проскочила Новочеркасску, уже занимаемый Голубовымъ. Съ вывезеннымъ ею пулеметомъ группа направилась черезъ Аксайскую на Ольгинскую ст., встрѣтивъ по дорогѣ будущаго Донскаго Атамана генерала А. Богаевского, спросившаго С. Краснова куда Лейбъ-Казакъ направляются. «За Вами, Ваше Превосходительство», отвѣтилъ С. Красновъ, А. П. Богаевскій улыбнулся и отвѣтилъ: «Ну, что-жъ, если на Дону намъ больше мѣста нѣтъ, то пойдемъ къ Добровольцамъ»...

13-го февраля группа въ Ольгинской присоединилась къ однополчанамъ, уже въ Добровольческой Арміи состоявшимъ **). Туда же прибыло нѣсколько отрядовъ Донскихъ партизанъ (Бокова, Лазарева и др.) и много отдельныхъ Донцовъ, образовавшихъ Донской Партизанскій полкъ подъ командой генерала А. П. Богаевского. Общая численность Добровольческой Арміи въ ст. Ольгинской поднялась до 4000 человекъ изъ коихъ 1/3 были Донцы. (Проф. Зайцовъ. «Очерки гражданской войны». Стр. 78).

По направленію изъ Старочеркасска на Ольгинскую потянулись и Донцы, ушедшіе съ генераломъ Поповымъ, какъ и отдельные Донцы, выступившіе вследъ ему. Въ походѣ всѣ эти группы организовались въ отряды Походнаго Атамана общей численностью въ 1500-1800 штыковъ и шаекъ при двухъ батареяхъ. Этотъ отрядъ, не желая покидать предѣлы Донской Области, направился въ Сальскій Округъ. Добровольческая же Армія 15-го февраля двинулась изъ Ольгинской въ 1-й Кубанскій походъ, къ краткому описанію коего мы вернемся въ слѣдующей главѣ.

Уцѣлѣвшіе въ Каменской офицеры, какъ сказано выше, послѣ паденія станицы направились въ Новочеркасску, куда прибыли 2-го февраля. Здѣсь часть, во главѣ съ подъесауломъ С. Красновымъ, поступила въ Партизанскій отрядъ, о чемъ говорилось выше, часть въ Добровольческую Армію. (Есаулъ Я. Рыковскій, подъесаулъ Плева и подъесаулъ Ф. Рыковскій). Остальные, во главѣ небольшой группы, видя неминуемость временнаго захвата города красными, занялись дѣломъ спасенія регалій полка. Послѣ совѣщанія со старѣйшими Лейбъ-Казакъ, генераломъ А. В. Родионовымъ и А. М. Грековымъ, было рѣшено штандартъ, регалии и предметы полкового музея пере-

***) Кроме ес. Ковалова, который присоединился къ частямъ Походнаго Атамана и поступилъ въ офицерскій конный взводъ, съ конемъ и пролетъ весь Степной походъ. — Полковникъ Н. Н. Упорниковъ остался въ г. Новочеркасскѣ.

дать на хранение в Военной музей, а имущество полковой церкви сложить в подвалах Военного собора. 7/II штандарт полдесауломъ Кутейниковымъ привезенъ изъ ст. Манычской и 9/II переданъ в Военной музей, гдѣ и былъ спрятанъ.

Группа офицеровъ, подъ главенствомъ есаула Поздѣва, въ составѣ Б. Дубенцева, П. Кутейникова и С. Кутейникова не успѣла, однако, перевезти всѣхъ ищиковъ, какъ въ городѣ вошли красные, и группа застряла въ Новочеркасскѣ.

Въ Новочеркасскѣ осталось до 4000 офицеровъ *), и группа рассчитывала оставаясь незамѣченной закончить работу.

Съ приходомъ красныхъ бандъ начались въ городѣ обыски, грабежи, аресты и расстрѣлы.

Однимъ изъ первыхъ погибъ старый командиръ полка и коренной Лейбъ-Кавказъ генераль-майоръ Иванъ Давыдовичъ Орловъ.

Онъ при Атаманѣ Калединѣ былъ начальникомъ войскъ Макеевскаго района и, при распадѣ частей его группы, прибылъ въ Новочеркасскъ, гдѣ находился въ распоряженіи Атамана.

И. Д. Орловъ ясно отдавалъ себѣ отчетъ въ безнадежности положенія, однако, не считалъ себя въ правѣ уѣхать.

12-го февраля близкіе знакомые Яновы съ трудомъ уговорили его переночевать съ ними на конспиративную квартиру, гдѣ было заготовлено гражданское платье и соответствующіе документы.

13-го какая-то банда производила обыскъ. Иванъ Давыдовичъ смѣло вышелъ навстрѣчу: «Вы ищете генерала Орлова. Я — ген. Орловъ»...

На этотъ разъ обошлось: банда искала денегъ и оружія и никого не арестовывала.

Однако, прямая натура И. Д. не мирилась съ конспираціей.

14-го пришло извѣстіе о разграбленіи квартиры Яновыхъ, гдѣ находились вещи и И. Д. Орлова. Несмотря на уговоры, И. Д. рѣшилъ пройтись посмотреть, что случилось съ его чемоданомъ. При этомъ онъ одѣлъ генеральскій полушубокъ и папаху.

Нанявъ извозчика, онъ вмѣстѣ съ О. И. Яновой двинулся въ путь.

Подъѣжая къ Никольской площади, О. И. Янова замѣтила группу красноармейцевъ и просила извозчика свернуть въ переулокъ.

«Нѣтъ, ѣзжай прямо», приказалъ И. Д. Извозчикъ въѣхалъ въ группу, раздался окликъ, и онъ сталъ. На требованіе предъявить документы, И. Д. вынулъ генеральское удостовѣреніе, подписанное генераломъ Калединымъ... «Товарищи, генераль Орловъ, калединецъ!» — раздались крики, и И. Д. былъ немедленно арестованъ и отправленъ на вокзалъ, гдѣ и расстрѣлянъ хозяйничавшими тамъ латышами.

Передъ смертью ген. Орловъ успѣлъ передать случайной казачкѣ, торговавшей стачечками у вокзала, золотой шейный крестъ и перстень, давъ ей адресъ Яновыхъ. Казачка добросовѣстно доставила крестъ и перстень Яновымъ, быстро снарядившимъ на вокзалъ знакомую бѣдную учительницу-ла-

*) Справка: «Донская Лѣтовка» № 2. Стр. 193.

тышку. Учителяшка разыскала тѣло и выпросила разрѣшеніе у своихъ сородичей его взять.

На слѣдующее утро тѣло было ею и вѣрнымъ деишкомъ почившаго, Лейбъ-Казакѣ Черенковымъ, забрано и положено въ гробъ, а затѣмъ, въ присутствіи близкихъ, предано землѣ на Новочеркасскомъ кладбищѣ.

Черенковъ отвезъ вещи почившаго и прощальное письмо, составленное И. Д. Орловымъ 29 января, въ предчувствіи близкой кончины, его вдовѣ Е. К. Орловой, въ ту пору проживавшей въ Кисловодскѣ.

Въ тотъ же день, на тотъ же вокзалѣ былъ разстрѣлянъ бывший офицеръ полка есаулы Евгений Николаевичъ Поповъ.

Безопасно разстрѣливались всѣ офицеры, попавшіе подъ руку охваченнымъ отъ удачи матросамъ и красноармейцамъ. Такъ, только въ однихъ лазаретахъ Новочеркасска было перебито 102 раненыхъ, офицеровъ и около 200 юношей, бывшихъ партизанъ. Всего за время съ 13-го февраля по 1-ое апрѣля на Дону было разстрѣляно болѣе 500 офицеровъ *), въ томъ числѣ Донскихъ 14 генераловъ, 23 полковника, 293 кадровыхъ офицера).

Командующимъ революціонными войсками былъ назначенъ Смирновъ, личность коего хорошо была известна Лейбъ-Казакамъ.

Смирновъ Михаилъ Митрофановичъ, казакъ Суворовской станицы, прихода въ полкъ 1902 года, въ 1905 году первымъ кончилъ учебную команду, былъ произведенъ въ урядники. Въ томъ же году онъ, будучи въ командировкѣ, съ небольшою командою казаковъ, въ Кронштадтѣ, былъ захваченъ возстаніемъ матросовъ, проявилъ большую доблесть: его команда разстрѣляла всѣ патроны, но продержалась нѣсколько дней островкомъ среди бунтующей массы матросовъ, до подхода пѣхоты и усмиренія мятежа.

Былъ вахмистромъ 3-й сотни, отличавшейся порядкомъ, а затѣмъ вахмистромъ полковой учебной команды, причемъ вахмистромъ очень строгимъ и требовательнымъ по службѣ, одновременно безупречно честнымъ. Былъ не чуждъ рукоприкладства, въ полку же рукоприкладства вообще не было, и отдельные случаи преслѣдовались строго, почему имѣло мѣсто заявленіе жалобы казакѣмъ, побитымъ Смирновымъ, причемъ послѣдняго спасла отъ суда лишь его примѣрная служба.

Лейбъ-Казакѣму полку Смирновъ былъ глубоко преданъ.

Въ Германскую войну, которую Смирновъ провелъ вахмистромъ 5-й, а затѣмъ 3-ей сотни, онъ проявилъ большую боевую доблесть, получилъ всѣ 4 степени Георгіевскаго креста и, будучи представленъ къ производству въ офицеры, былъ въ 1916 году выпущенъ прапорщикомъ въ 8-ой Донской Казачій полкъ.

Въ 8-мъ полку, за боевыя отличія, получить Георгіевское оружіе, румынскій орденъ Св. Михаила Храбраго, чинъ хорунжаго и чинъ сотника. Честолюбивый, смѣлый и рѣшительный, достигшій офицерскаго чина свои-

*) Генералъ Демюжисъ. Записки. Стр. 29.

ми беспорными заслугами, Смирнов не мог примириться с принижением положением офицера после революции.

Летом 1917 года в Петрограде в разговоры со старшим Лейб-Казакком (бывшим командиром сотни Смирнова из Л. Казачьей полку), Смирнов убежденно доказывал, что казачество неизбежно пройдет через большевизм и только когда своим опытом поймет его неприемлемость и можно будет его поднять на борьбу с коммунизмом. Смирнов говорил, что большевики, овладев Областью, несомненно в корень обезоружат Донское Казачество и что единственный способ сохранить кь нужному времени оружие и состав опытных боевых офицеров — это во-время создать красные казачьи полки. При возникновении Каменского Военно-Революционного Комитета Смирнов занял должность начальника штаба командующего революционными войсками Герасимова. На упрек одного из офицеров Л. Казаков Смирнову за его призывы выступать против партизан, высланных Новочеркасском, он откровенно ответил, что, по его убеждению, партизаны лишь поддерживают все равно уже обреченную власть, которая по своей дряблости вредна казачеству и что он, Смирнов, по его подлинному выражению, лишь хочет «крутнуть быстрее колесо истории»...

Несомненно, что в приведенных выше планах Смирнова играла роль развившаяся в нем, за войну склонность к авантюризму и большое личное честолюбие.

Как бы то ни было, Смирнов был не только умнее тупо гнившего чисто большевистскую линию Подтелкова, но и много тоньше предателя войскового старшины Годубова, почему, по занятию старшинами Годубова и Подтелкова города Новочеркасска, командующим революционными Донскими войсками был назначен именно Смирнов.

Исследователи, располагая в будущем документами, выяснят точно, во исполнение ли своих планов, либо только из желания застраховаться, вообще жестокой и не знавшей жалости в Германскую войну Смирнов, немедленно по прибытии в Новочеркасск развивает широкую гуманную деятельность.

Все старые командиры Л. Гв. Казачьего полка без всяких ходатайств с их стороны получили на дом, в день приезда Смирнова, регистрационные карточки за революционной подписью Смирнова, освобождающие их от обысков и разрешающие жительство в Новочеркасск. Число спасенных от расстрела заступничеством Смирнова жителей города Новочеркасска, несмотря на безправное хозяйничанье банд красноармейцев и матросов, не поддается учету*).

*). Собственно, спасением казачьих офицеров Смирнов занялся с первых же дней участия своего (помощником Герасимова) в перевороте в Каменской. Так, Пулячский, командовавший в то время большевистским отрядом в шахтном районе, в своем дневнике говорит:

«В Зафрено и других местах местности поймано около десятка офицеров, тайных агентов Каледина, с личными, часть из коих были казаки. Сегодня получена следующая телеграмма:

(Когда в апреле состоялось занятие Новочеркасска возставшими Кривяцкими, то петиция полковника Дьякова командующему возставшими полковнику Фетисову о даровании прощения Смирнову, в течение суток была покрыта несколькими сотнями подписей представителей новочеркасской интеллигенции и Донских-офицеров, обязанных ему головой).

В противоположность Подтелкову, окруженному пришедшими большевиками, Смирнову приказал своему окружению чисто казачий характер, причем в его «штабе» было не мало отличных урядников и казаков, никаких симпатий к коммунизму не питавших. Укажем, хотя бы медицинского чиновника Чухраева (Лейб-Гвардии Казачьего полка), фельдшера Авилова (Л. Казачьего полка), Перфилова (Л. Гв. Атаманского полка), Бакланова (б. вахмистра нестроевой команды Л. Казачьего полка).

Перфилов снабжал всех офицеров Атаманского полка регистрационными карточками и хранил от реквизиции ценное оружие старших Атаманцев в... революционном штабе Смирнова.

Бакланов, Чухраев, Авилев оказали несчетное количество услуг офицерам Лейб-Казакам, скрывавшимся в Новочеркасске, рукоподясь не «самострахованием», а чувством солидарности и сочувствия.

Любопытна попытка Смирнова сохранить для будущего Лейб-Казачий полк формированием «Гвардейского Донского Казачьего Революционного полка». Получилась, правда, только 1 сотня из нескольких десятков старых казаков из служивших в Гв. Каз. бригаде. Порядки в сотне были времени Керенского, были сохранены выборное начало и сотенный комитет, казаки, конечно, были разболтаны, но все же эта сотня не запятнала себя ни разстрелами, ни грабежами.

Что особенно примечательно, это то, что со стороны сотни не только не было поподзвоненной раздѣлить богатое имущество старого полка, находящееся в Каменской и Новочеркасске, но казаки сотни принимали подчас косвенное участие в его сохранности. Последнее служит неоспоримым доказательством, что казаки сотни смотрели на свою «революционную» службу, как на явление временное и как на относительно мирную и тихую пристань в бушующем кругом море. Выборные командиры сотни неуказательно избирались из старых кадровых урядников, ибо из офицеров бригады никто не пошел (казаки сотни неоднократно обращались с

«Штаб Революционных Казачьих Войск, Каменская. Командующим Советскими войсками товарищам Сабину и Пугачевскому. До сведения Штаба дошло, что избранные нами бойцы имеют самосуд над казачьими офицерами. Во избежание возможных быть недоразумений, казачий штаб покорнейше просит в будущем всех задержанных офицеров направлять со всеми материалами в Каменскую, где они и получат должное возмездие. Командующий Казачьими Армиями Смирнов». (Справка: «Гражданская Война». Изд. СССР. Том 1, стр. 392).

Большевистский комиссар Пугачевский, вообще сильно не доверявший казакам, в своем дневнике так отзывался о Смирнове:

... «Не понимаю, почему Смирнов назначен главнокомандующим казачьим войскам, тем более, что Смирнов оторочительная личность...».

(Справка: «Гражданская Война» Издание СССР. Том 1, стр. 411).

45

просьбами поступить в сотню с гарантией немедленного выбора в командиры сотни).

Последнюю по времени командиром сотни был урядник Миронов, отавичный в свое время казровый урядник, не имевший ни одного дисциплинарного взыскания за всю свою службу в 4-й сотне Л. Казачьего Е. В. полка.

В его «командование» сотня приняла некоторое участие в освобождении в Новочеркасске 11 старших офицеров полка, арестованных в ст. Каменской, о чем речь будет ниже.

Многие казаки из окружения Смирнова приняли горячее участие в восстании апреля месяца, а некоторые были впоследствии и членами Круга.

Сказанное выше о Смирнове поясняет, почему 13-го февраля утром есаулы Поздбев и Алфераки и подесаул Кутейников, узнав что командование революционными войсками принял Смирнов, направились в революционный штаб. Около помещения штаба на площади стояли только что прибывшие банды красноармейцев и матросов, а по Московской улице шла красная конница. У двери штаба стоял часовой. Есаул Поздбев подошел к нему и твердым тоном сказал, что ему нужно по делу найти командующего Смирнова. Часовой подозрительно посмотрел и спросил, а кто такой Поздбев. Последний тем же тоном ответил: «Командир Л. Гв. Казачьего полка». Твердый тон подействовал, и часовой несколько нерешительно, но пропустил группушедших внутрь.

В коридоре попался навстречу бывший урядник 2-й сотни полка Кудрещев, непритворно обрадовавшийся своим офицерам и предложивший для безопасности переселиться в его комнату до прибытия не прибывшего еще Смирнова.

В то же время в помещение штаба два матроса привели арестованного подесаула Б. Дубенцева. Ободренный успехом опыта с часовым, есаул Поздбев спросил начальническим тоном матроса, что это значит. «Приказано нам арестованного офицера привести сюда». «Отлично, это мой офицер, я принимаю его под расписку». Матрос, которому на голову не могло прийти наличие в штабе посторонних, повиновался, и Б. Дубенцев, кто разстрелян был освобожден. Одновременно на лестнице показался красный караул казаков, которым командовал б. урядник полка Армеев. Увидев офицеров, он так ошалел, что скомандовал «Смирнов...». Было ясно, что удача дальше продолжаться не может и нужно выбираться из штаба как можно скорее. Но как выбраться без «бумажки», когда город заполнен красноармейцами, арестованными всеми попавшимися офицерами? В это время в помещение вошел войсковой старшина Голубов. Есаул Алфераки, его знавший лично, обратился с просьбой дать удостоверение о праве жительства, что тот охотно исполнил. Днем на квартирах офицеров был обыск, а вечером сотник Ефремов и хорунжий Иловайский были арестованы и отведены на вокзал. Есаул

Алфераки помчался на вокзал и, обратившись к коменданту Брозе, показал свое удостоверение, потребовал отпуска двух арестованных.

Брозе, увидев подпись Голубова, не стал разбираться и отпустил, и, таким образом, еще два офицера спаслись от расстрела.

15-го прибыл в Новочеркасск Смирнов, немедленно же выданный через медицинского чиновника Чухраева всем офицерам полка удостоверение за своей подписью на право проживания в Новочеркасск.

Через несколько дней есауль Поздеев и полтесауль Кутейников отправились к нему. В присутствии посторонних Смирнов говорил холодным и официальным тоном, но, услышав полк благовидным предложением лишним свидетелем и оставшимся с приходными глазами на глаза, сразу резко изменил тон, обещая всю помощь по сохранению регалий и музея полка. Как выше было сказано, часть ящиков музея оставалась в частном помещении, где помещались и два верных и твердых рядовых Лейб-Казака Грушевой станицы.

В город шли повальные обыски и грабежи. В первый же день приближался к дому есаула Поздеева один из казаков охраны доложить, что банда матросов разбивает ящики. Есауль Поздеев вместе с медицинским чиновником Чухраевым из штаба помчались туда. Матросов уже не было — они пошли за повозкой. На полу лежала большая серебряная братина — подарок прежде-служивших 1913 года, весом в 2½ пуда, и братина — дар князя Развигелла. Были раскиданы и разграблены ящики с историческим оружием. На полу лежали раскинутые Шефские Царские мундиры.

Чухраев завернул обе братины в мешки, уложил на извозчика и вывез к себе в дом, где закопал в саду. Мундиры снова были заботливо уложены и запрятаны.

16-го была объявлена регистрация офицеров. Лейб-Казак из штаба Смирнова советовали не ходить, а бывший вахмистр нестроевой команды полка урядник Бакланов, попавший по протекции Смирнова в Областной Ревком, прислал, по своей инициативе, регистрационные карточки на всех офицеров полка, скрывавшихся в Новочеркасск, не заноса их регистрационный список.

17-го был обыск музея Л. Гв. Атаманского полка, хранившегося в сарае дома К. Р. Поздеева. Из первого же разбитого матросами ящика посыпалось оружие (трофей германской пистолет). Есауль Поздеев успел позвонить в штаб Смирнова по телефону. Матросы хотели его арестовать и вести на вокзал, что было равнозначно расстрелу. Поздеев пошел в дом, якобы за пинцетом, сам же выскочил задней дверью из дома и приближался к штабу. По дороге встретил высланного Смирновым Чухраева с вооруженными казаками.

Казак выгнал матросов. На дверь музея была приклеена записка за подписью Смирнова и печатью его штаба: «Музей Л. Гв. Казачьяго полка не подлежит реквизиции».

Этим дальнейшие обыски были прекращены.

По городу шли обыски и расстрелы, и, несмотря на выданные офице-

рамь улюстоування Смирнова, приходилося скриватися, пока нешли через три банди пришлох красноармейцевь и матросовь не схлынули вь Ростовь. Тула же шыбыли Подтелковь и комиссарь Чехи Медвидевь. Вь Новочеркасскѣ остались казачьи частьи и Титовскій полкъ, сформированный изь Донскихь крестьянь, велшй себя относительно тихо.

Вь удаленіи особенно рьяныхь красноармейскихь отрядовь изь Новочеркаска сыграло большую роль настроеніе казачьяго гарнизона вь городѣ. Комиссарь Пугачевскій вь своемь дневникѣ даеть слѣдующую картину этого настроенія:

...«Общее собраніе гарнизона города Новочеркаска.

Меня просили председательствовать.

Вносятся предложенія: 1) Красной гвардіи покинуть собраніе, 2) Если оставить, то безь права голоса, 3) Выгнать всѣхъ жидовь и иновѣрцевь изь Новочеркаска.

Все подь девизомь: Донъ для казаковь.

Огромнымь большинствомь голосовь принимается предложеніе: «Красную гвардію исключить»... (Справка: стр. 412, «Гражданская война», Томъ 1. Изданіе СССР).

Теперь явилась возможность усилить хлопоты по освобожденію 11 офицеровь полка, арестованныхь вь Каменской и отвезенныхь вь Луганскую тюрьму. Вь Каменской усиленно работала вь этомь направленіи полковой врачь Валентинъ Никаноровичь Евфановь, полковой священникь протоіерей Сергій Лебедевь и Вѣра Ивановна, супруга арестованнаго подьесаула В. Чеботарева.

Изь Луганска давала совѣты Ольга Даниловна, жена полковника Оприца и бывшій офицерь полка, инженерь И. И. Берладинь.

Вь Новочеркасскѣ хлопотали офицеры полка, жена арестованнаго подьесаула Бокова, Марія Владиміровна, и особенно дѣятельное и очень цѣнное участіе было проявлено со стороны Семастьяна Ивановича Чухраса, имѣвшаго чинь медицинскаго чиновника, дававшій полную свободу дѣйствій.

Смирновь отдалъ приказь о переводѣ арестованныхь вь Новочеркасскъ, и за ними были отправлены карауль казаковь 44-го полка, причемь черезь полкового врача Евфанова каждому казаку была обѣщана денежная награда за доставку арестованныхь вь тѣлоти.

Теперь вернемся нѣсколько назадь и прослѣдимъ все пережитое этою группой съ момента улова вь теплушкѣ по направленію на Чертково.

Теплушка была съ нарами. Начало темнѣть. На нарахь около окна лежалъ полковникъ Краснянскій. Хорошо зная мѣстность, онь на поворотѣ, какъ только поѣздъ замедлилъ ходъ, выскочилъ вь окно и скатился подь откосъ. Часовой выпустилъ нѣсколько пуль, но не попалъ. Поѣздъ остановился и вь вагонъ влѣзъ, потрясая револьверомь, комиссарь Кириловъ. Осипая арестованныхь грубыми ругательствами, онь заявилъ, что на случай повторенія побѣга приказалъ караулу стрѣлять сквозь стѣнки вагона.

Как только он ушел и вагон был заперт (причем на этот раз были заперты и окна теплушки), арестованные дали взаимное обязательство, если представится случай, то бжать вместе, но никак не поддочкаться. Скоро по пути стали попадаться эшелоны красноармейцев. В некоторых местах на разъездах, происходили остановки, теплушка с арестованными окружалась толпой, требующей немедленной расправы с «калениновцами». На одной остановке толпа пыталась поджечь теплушку, и лишь движение тронувшегося поезда спасло арестованных от своеобразного «ауто-да-фе».

Нужно отдать справедливость караулу от 10-го казачьего полка, сопровождавшему теплушку, твердо отстаивавшего арестованных. На одной из остановок арестованные слышали следующий диалог какого-то красноармейца с часовым казаком: «Дай мне на этих проклятых буржуев, хоть одним глазом посмотреть, а потом я его себе школку... Часовой отказал. «Да, может быть, на них погоны надеты?» Часовой отвечал, что сам видел офицеров без погоны. Это было неверно, ибо Лейбы-Казанки были в погонах. Переговорив между собою, арестованные решили сжечь погоны, дабы не подвергать эти эмблемы офицерского достоинства надругательству толпы. По очереди подходили к железной печке, отпавившей теплушку, срезали погоны и бросали в огонь. На душе было бесконечно тяжело. Казалось, перевернулась страница жизни, казалось, зря пропала полная уверенность, а иногда и опасностей, тяжелая борьба во имя долга, которую они с начала революции вели на фронте, стремясь сохранить хоть подобие беспособности своих подчиненных. Никто, единственным следом долгой службы Родины (среди арестованных были и пожилые офицеры) и трех лет тяжелой войны, оставалась лишь горсть пепла на аш печки.

В жизни трагическое часто переплетается с комическим. Неожиданно отворилась дверь вагона и в вагон был посажен новый арестованный... не кто иной, как сам комиссар Кирилов, так еще недавно потрясавший своим револьвером. Не то он украд общественные деньги, не то не поделился со своими революционными товарищами, но телеграммой с пути был «изложен» и «вергнут» в теплушку.

Появление его не образовало арестованных: этот полунинтеллигент, типичный представитель революционной демократии, являлся чуждым элементом для десяткам арестованных Донских офицеров. Он был явно способен на любую подлость и нужно было теперь слать за каждым своим словом, дабы не сказать лишнего.

Часов в 5 утра, на одной из остановок, в вагон вошли поимкой старшина Голубов и урядник Подтелков. Оба, видимо, старались держать себя независимо, что им не вполне удавалось. В особенности противень был Голубов с бгающими, не смотрящими в лицо собеседника глазами. Подтелков, представ с обритыми по-большевистски усами и бородой, был очень вжлив и, выразив удивление, почему арестованных в качестве заложников, казаков-офицеров везут в теплушке, сказал, что немедленно переведет в вагон 2-го класса (как потом узнали Подтелков только что вернулся из Новочеркасска, оставив в стороне занятую

48

Череповымъ Каменскую, и еще не оправился отъ пережитого имъ страха).

На вопросъ офицеровъ куда ихъ везутъ, Подтелковъ отвѣтилъ, что они могутъ не подноваться, изъ Донской Области онъ ихъ не выпуститъ, ихъ «какъ казаковъ» будетъ судить только Донской судъ».

Арестованные перебрались въ вагонъ 2-го класса, на площадкахъ коего стали часовые казаки караула. Принесли еду. Въ мягкомъ и свѣтломъ вагонѣ было удобно, но нервы были напряжены, ибо буквально на каждой остановкѣ грозилъ судъ Лична. На станціи Миллерово толпа красноармейцевъ, окруживъ вагонъ, потребовала перевода арестованныхъ «каледиинцевъ» изъ «буржуйскаго вагона» въ теплушку.

Станція была сплошь забита плотною толпою красноармейцевъ, потрепанныхъ винтовками, расклябанныхъ, распоясанныхъ, въ неизмѣрно грязныхъ, рваныхъ солдатскихъ ватныхъ кофтахъ, шинеляхъ и папахахъ, со зѣброподобными скотскими лицами.

Пересадкою арестованныхъ распоряжался какой-то энергичный незнакомый комиссаръ въ солдатской шинели, съ револьверомъ въ рукѣ. Арестованнымъ предстояло пройти среди толпы расстояние въ три вагона. Комиссаръ расположилъ караулъ казаковъ 10-го полка тонкой цѣпочкой, освободивъ съ края площадки, вдоль эшелона вагоновъ, проходъ въ 2 шага шириной. Арестованные двинулись, сжавъ зубы, молча. Старались идти спокойно, и лишь смертельная блѣдность лицъ большинства выдавала нервное напряжение. Но не менѣе блѣдны были лица и у казаковъ конвоя. Сдавленные толпою подонковъ, казаки явно чувствовали себя ближе къ офицерамъ конхи везли, нежели къ окружавшей ихъ человѣческой мрази.

При появленіи арестованныхъ толпа заревѣла зѣвремъ, требуя немедленнаго разстрѣла и поддалась впередъ. Насталъ критическій моментъ. Комиссаръ командовалъ казакамъ зарядить винтовки. Жребій былъ брошенъ, ибо въ толпѣ винтовкою работать трудно, и, если толпа поддалась бы далѣе впередъ, то горсть казаковъ была бы раздавлена вмѣстѣ съ офицерами.

Однако дружный трескъ ружейныхъ затворовъ охладилъ злобную но трусливую толпу, и она поддалась нѣсколько назадъ. Лишь наполнила воздухъ грубая и зловонная какъ сама толпа ругань, да какой-то красноармеецъ, успѣвшій проскочить между двумя казаками, толкнулъ прикладомъ старика отставного войскового старшину Платонова. Когда наконецъ закрылась дверь теплушки и тронулся поѣздъ, то можно было вздохнуть свободно. Однако, видѣнная картина моря лицъ, людей, потерявшихъ даже подобіе человѣка, запомнилась прочно. Скорбно сжималось сердце при мысли, что именно въ руки этого сброда, представлявшаго отборъ самаго низменнаго, подлаго и безчестнаго, что есть въ русскомъ народѣ, переходила, выпавшая изъ слабыхъ и бездарныхъ рукъ революціонно-болтливой интеллигенціи судьба нашей такъ еще недавно великой и славной Родины.

Отъ Миллерово теплушка была прицеплена къ товарному составу, шедшему на Луганскъ. По пути красноармейскихъ эшелоновъ уже не было и на

остановках карауль выпускала арестованных на платформу. Находящиеся на платформе бабы и крестьяне смотрели на арестованных без всякой злобы.

В Луганск прибыли поздно вечером. Выгрузкою распоряжался какой-то казак, хорунжий из пенсы. Карауль 10-го полка окружил арестованных офицеров кольцом, а вне построилось второе кольцо красноармейцев, обшитых винтовками, револьверами, шашками и пулеметными лентами. Пройдя через город, шествие направилось в Луганскую тюрьму, построенную в нескольких верстах за городом. Арестованных приняла лично сам начальник тюрьмы, отпустил красноармейцев, и оставил только казачий карауль (на следующий день казачий карауль уехал обратно на Донь). Начальник тюрьмы был очень любезен, оставил при арестованных все вещи и деньги и отвел вне большую камеру, служившую раньше околodком, отдаленную небольшим, сообщающимся с остальной тюрьмой, коридором с рѣшетчатой желѣзной дверью на концѣ. Тюрема была заполнена исключительно уголовными.

Начальник тюрьмы Иванов, чиновник тюремного ведомства, служивший здесь с царского времени, был интересной личностью. Молодой еще человек, с высшим образованием, он никак не подходил к образу тюремщика, как обычно этот образ представляется в литературе. Мягкий и добрый человек, он, сохраняя порядок в тюрьме, в то же время относился к заключенным с удивительной человечностью, притом без гнѣи заискивания и искания популярности.

В свое время он, до революции, облегчал участь политических узников у него сидевших и теперь оказавшихся у власти в составѣ Совдепа. В благодарность прежние сидѣльцы не только оставили его в должности, но зачислили членом тюремной комиссии Совдепа.

Луганск стоял еще в стороне от только начавших развиваться событий, в городѣ был уже большевистский Совдеп, но сохранились и какая-то «украинскіе» образования. Наружный карауль в тюрьме несли солдаты-украинцы, следующие сутки — рабочие-красноармейцы. Карауль помещался в домикѣ во дворѣ. Внутри тюрьмы, запертой громадными рѣшетчатыми дверями, начальник тюрьмы допускал чиновъ караула лишь для вечерних поѣдок, приема и сдачи карауловъ и занятія некоторых ночных постовъ. В тюрьме держались еще порядки Временного правительства: такъ, все деревянныя кровати, нары, двери были сожжены арестантами из отопленіе за неотпускомъ дровъ. Уголовные общались между собою, ибо не были отдалены никакими внутренними перегородками и дверями. Рѣшетчатая дверь въ камеру офицеровъ запиралась с постановкою часовой лишь послѣ вечерней поѣдки, за пищей арестованные ходили в общую кухню, почему и здесь был постоянный контактъ.

Замѣтимъ, что со стороны какъ назирателей (еще старого тюремного ведомства) такъ и со стороны уголовныхъ арестантовъ, не проявлялось никакой вражды къ «политическимъ офицерамъ», отношеніе было скорѣе безразличное, а порою даже участливое — такъ, уголовные, имѣвшие отлично налаженную связь с городомъ, предупреждали о назрѣваніи неблагоприятныхъ офицерамъ событий в городѣ, предупреждали когда вышній карауль

красноармейцев настроены активно-враждебно и когда офицерам надлежало отказываться от права прогулки в тюремном дворе.

Все 22 арестованных были размещены в большой камере с деревянным полом, всю мебель коей составляли стол и две скамьи. Спали на полу, вплотную друг к другу, причём, через несколько дней по прибытии, были выданы подушечные наволочки и солома, из которой заключённые устроили себе матрасы. С разрешения начальника тюрьмы, офицерами были наняты за деньги два уголовных для уборки камеры, в коей поддерживалась безупречная чистота. Пища была однообразная, но достаточная. Кроме того, можно было покупать за деньги, через надзирателей, колбасу, сало, белый хлеб и папиросы.

Никакими слабостями и дознаниями офицеров не беспокоили, ибо они числились за Каменским Военно-Революционным Комитетом, частью распавшимся, частью изменившим свой состав, после удара полковника Чернецова, и очевидно, никакого «письменного дела» о группе существовать не могло.

Часто приезжал глава тюремной комиссии Совдепа, большевик тов. Иванов. В меховой шубе и шапке, в очках, он имел вид типичного революционера-полуинтеллигента старого времени. Много сидел в тюрьме в свое время и, может быть поэтому, несмотря на свой большевизм, относился к попавшим сюда в тюрьму офицерам не враждебно.

Ему видимо, льстило, что он может на равной ноге вести разговоры с офицерами, да еще Императорской Гвардии, и он, не разыгрывая из себя начальства, иногда подолгу засиживался в камере. Для офицеров он был единственной связью с внешним миром, и поэтому не только терпеливо часами слушали его бесконечные разговоры о пережитых им тюремных мытарствах, но и угощали его часто чаем, лишь бы вытянуть хоть какие-нибудь сведения о происходящих на Дону и в России событиях. Разговоры на политические темы взаимно избегали. На сведения о текущих событиях товарищ Иванов был уж скуп, как был скуп и начальник тюрьмы, которому, несмотря на его видимое горячее к узникам сочувствие, мешала быть откровенным его официальная должность в Совдепе.

Недостаток связи с внешним миром заполнился лишь с приходом в Луганск жены арестованного полковника И. Н. Оприца, Ольги Давидовны, о чем речь будет ниже.

Кроме отрезанности от внешнего мира, мучило и отсутствие примитивных удобств. Несмотря на безупречную чистоту в камере, невозможность раздеться, вымыться, при крайней скученности, привела к появлению вшей.

Подковник В. А. Дьяков, общепризнанный староста офицерской камеры, выхлопотал через начальника тюрьмы разрешение привести из порядком запущенную во время революции тюремную баню; работой офицеров баня была отремонтирована, и стало много легче.

Несмотря на это относительное благополучие, жизнь протекала нервно. Неоднократно «товарищи» порывались взять арестованных офицеров и

разстрелять их. Часто арестованные слышали шум за оградой и видяли серьезные лица тюремных наблюдателей и начальника тюрьмы, — то приходила требовать выдачи офицеров очередная банда. Спасала отдаленность от города тюрьмы и энергия начальника тюрьмы, поднимавшего на ноги чуть ли не все и вся на защиту «заложников».

Так, однажды, пришлось свести знакомство с Ворошиловым, тогда еще начинавшим в Луганск свою карьеру. Дабы успокоить очередную волну гнева рабочих, он приехал в тюрьму в камеру офицеров для личной инспекции. Приехал в благодушном настроении, очевидно хорошо пообедав, ибо от него сильно несло вином. Произвел скорее хорошее впечатление. Говорил, что Совдеп всячески старается защитить заключенных «заложников»-офицеров от самосуда, но что сами узники осложняют задачу своей независимостью, которая бродает в глаза находящимся в карауль красноармейцам и злит последних.

В заключение увидев шахматную доску со съеденными из хлеба фигурами, закончил укоризненно: «Вась стараемся защитить, а вы, как дети в шахматы играете» (ударение в слове «шахматы» было съедено на предпоследнем слоге, и это вышло так смешно, что несмотря на всю трагичность положения, узники улыбнулись).

На всякий случай, офицерами была разработана планшета нападения на красноармейский караул и побѣга в направлении на Луганскую станицу. В станицу Луганскую ѣздила О. Д. Оприца, сама казачка Усть-Быстрицкой станицы, и ей удалось разшевелить стариков казаков станицы, настроение коих уже становилось резко антибольшевистским. В станицѣ были заготовлены платье и документы, кроме того, старики обещали выставить около тюрьмы казака — проводника-наблюдателя.

Ольга Даниловна приехала в Луганск из Петербурга, как только узнала об арестѣ мужа, поселилась в самой кошмарной обстановкѣ, лишь бы быть ближе к тюрьмѣ. Слабая физически и с детства очень изнѣженная и избалованная, она проявляла чудеса выносливости, простояв одна у ворот тюрьмы, в верстах от города, в голой степи в мятель, мороз, вѣтеръ, по 2-3 часа дожидая приѣзда нарочно опаздывавшаго председателя тюремной комисси, без которого свиданье с мужем не разрешалось. Свиданье разрешалось лишь два раза в неделю на 10 минут через рѣшетку, в присутствии председателя тюремной комисси. Этого было достаточно, чтобы передать при прощальном поцѣлуѣ, изо рта в рот, сквозь тюремную рѣшетку, шифръ, и через день офицеры, через И. Н. Оприца, были уже в курсе событий. Свиданья приносили, не подозревая того, опытный старый революционер-конspirатор и председатель тюремной комисси Совдепа, товарищ Ивановъ, передавая данным ему О. Д. для цензуры и передачи мужу книги для чтения, в коих незаметно для непосвященного глаза, острее иглоки были слабо наколоты соответственно шифру буквы, слова и шифры.

Ольга Даниловна встрѣтила в Луганск старого офицера полка, инженера И. И. Берладина и уговорила его съѣздить в Новочеркасск, гдѣ близкие не были уверены, что заключенные живы. Поѣздка эта принесла

большую пользу. Надежде Ольги Давыдовны и И. И. Берладина в Луганскѣ, гдѣ они являлись, часто съ громаднымъ рискомъ для себя, единственной связью съ вѣнскими миромъ, служило большой моральной поддержкой заключенными. Извѣстіе же о хлопотахъ въ Новочеркасскѣ сильно возвысило духъ.

Въ первыхъ числахъ марта въ тюрьму прибылъ конвой въ 12 казаковъ 44-го полка, представившій начальнику тюрьмы бумагу съ предложениемъ отправить въ Новочеркасскъ 13 офицеровъ.

Въ списокѣ были указаны 11 Лейбъ-Казаковъ и два войсковыхъ старшины — Платоновъ и Болдыревъ.

Ввиду того что нѣсколько дней назадъ красноармейцы разстрѣляли нѣкую партію арестованныхъ офицеровъ по дорогѣ въ тюрьму, казаки караула остановили поѣздъ, состоящій изъ 2-хъ вагоновъ и паровоза, за версту до станицы и повели арестованныхъ пешкомъ, минуя городъ. До станицы дошли благополучно и тронулись на югъ. На ст. Кондратовка въ вагонъ были посажены арестованные генералъ Секретевъ и ур. Щишлевъ, тоже для доставки въ Новочеркасскъ. Генерала Секретева, въ составъ партіи въ 60 человекъ арестованныхъ, везли накануне въ Луганскъ. Казаки Луганской станицы рѣшили не допускать больше вывоза Донскихъ офицеровъ изъ предѣловъ Области и отбили на станицѣ всю партію, отвели въ станицу, гдѣ разобрали по домамъ, привявъ всѣхъ съ большой заботой.

Однако, вскорѣ прибылъ карательный отрядъ, который отобралъ всѣхъ арестованныхъ, причемъ во время очень короткой перестрѣлки былъ легко раненъ въ шею генералъ Секретевъ. Секретевъ, какъ раненый былъ оставленъ въ станицѣ, остальныхъ отбитыхъ повели ночью съ фонарями на Луганскъ и, по слухамъ, разстрѣляли въ какой-то балкѣ.

Въ Новочеркасскъ поѣздъ прибылъ 9-го марта утромъ и арестованныхъ привели на гауптвахту, охраняющуюся казачьимъ карауломъ.

Уже изъ разсказа генерала Секретева ясна была картина полного перелома казачьихъ настроеній. На гауптвахтѣ этотъ переломъ былъ еще явнѣе. Караульный урядникъ сразу же заявилъ, что съчетомъ арестованныхъ ни принимать, ни сдавать слѣдующему караулу онъ не будетъ, что онъ отпускаетъ арестованныхъ поодиночно за вѣнокъ, за кипяткомъ (нѣкоторые уходили почевать домой), и, если кому что грозитъ, то онъ ничего не имѣетъ, если опущенный имъ «за кипяткомъ» не вернется на гауптвахту.

Гауптвахта была полна офицерами, коихъ слѣдственная коммиссія Ревкома, состоявшая изъ казаковъ, освобождала пачками.

На гауптвахту приходили изъ состава «Гвардейской Революционной сотни» (о коей говорилось выше) командиръ сотни урядникъ Мироновъ, председатель сотеннаго комитета урядникъ Фетисовъ и казаки сотни. Видно было, что они искренне обрадованы видѣть своихъ старшихъ офицеровъ, просили не беспокоиться, ибо сотня постановила просить освобожденіи и брать всѣхъ на поруки. Въ частномъ разговорѣ съ полковникомъ Оприцемъ, своимъ бывшимъ командиромъ сотни по Лейбъ-Гвार्ди Казачьему полку, урядникъ Мироновъ говорилъ о близости возстаній противъ большевиковъ и о своемъ сочувствіи возстанію.

Вскорѣ прибыть на гауптвахту и Смирновъ. Хотя офицеры были вывезены изъ Луганска благодаря ему, но видъ у него былъ смущенный, и онъ явно не зналъ, какъ себя держать. Офицеры знали, что Смирновъ уже въ большомъ подозрѣнн у большевиковъ, и прїѣздъ его на гауптвахту къ «калединовцамъ» является все же, если не подвигомъ, то смѣлостью. Поэтому полковникъ Дьяковъ первый, а за нимъ и другіе, протянули ему руку. Смирновъ сразу оживился, просилъ не беспокоиться, но сказалъ, что, дабы не вызвать подозрѣній въ нарочитости приноса изъ Луганска, ранѣе должны выпустить два-три партіи другихъ арестованныхъ (дѣйствительно, на другой день была выпущена партія въ 3 десятка Донскихъ офицеровъ, во главѣ коихъ былъ и хорунжий Григ. Чапниковъ, позже привезенный изъ ст. Каменской).

Въ частномъ разговорѣ съ полковникомъ Дьяковымъ, Смирновъ конфиденціально говорилъ что ждетъ прибытія орудій двухъ батарей тяжелыхъ гаубицъ, и какъ ихъ получить, то повернетъ противъ большевиковъ.

Черезъ два дня арестованныхъ вызвали въ слѣдственную комиссію, состоявшую изъ казаковъ. По прибытіи, и д. председателя Рябовъ повидимому офицеръ-Донецъ, пригласилъ всѣхъ сѣсть и послѣ получаса мирной бесѣды о порядкахъ въ Луганской тюрьмѣ, всѣ были отпущены подъ «поручительство казаковъ» Гвардейской Революціонной сотни, съ выдачей документовъ на право жительства въ Новочеркасскѣ, безъ права выѣзда.

Въ ту же ночь случилось большое несчастье.

Только что отпущенные на свободу съ гауптвахты офицеры Лейбъ-Казакъ подьесаулы М. М. Чеботаревъ и остановившійся у него на квартирѣ Ю. Персидскій были ночью убиты какой-то бандой красныхъ грабителей, вторгнушей въ домъ, подъ предлогомъ обыска. Перебита была вся семья подьесаула Чеботарева ударами по черепу ружейнымъ стволомъ, отнятымъ отъ ложа. Подьесаулъ Чеботаревъ защищался, такъ какъ былъ найденъ на полу, подьесаулъ Персидскій былъ убитъ во снѣ въ кровати.

Съ прїѣздомъ изъ Луганска командира и освобожденныхъ вмѣстѣ офицеровъ дѣйствительнаго состава полка, къ нимъ присоединились офицеры того же состава, оставшіеся въ Новочеркасскѣ, и получилась уже внушительная группа, принявшая горячее участіе въ борьбѣ за освобожденіе города отъ большевиковъ.

По окончаннн Ледяного и Степного походовъ, въ Новочеркасскъ прибыли и присоединились Лейбъ-Казакъ, въ этихъ походахъ участіе принимавшіе, поэтому въ слѣдующихъ V-й и VI-й главахъ будетъ данъ краткій очеркъ 1-го Кубанскаго Ледяного и Степного походовъ.

ГЛАВА V.

ЛЕДЯНОЙ ПОХОДЪ.

Основаніе на Дону Добровольческой Арміи. — Ея составъ и цѣли. — Оставленіе Ростова. — Оставленіе Донцами города Новочеркасска. — Образованіе группы Походнаго Атамана генерала П. X. Попова. — Образованіе Донскаго Партизанскаго полка генерала А. П. Богавскаго въ ст. Ольгинской. — Уходъ Степякозь въ Задожье, а Партизанъ въ Кубанскій походъ. — Причины раздѣленія борющихся съ большевиками силъ. — 1-й Кубанскій походъ. — Общая характеристика. — Бой подъ Выселками у ст. Кореновской и Усть-Лабинской. — Соединеніе съ Кубанскими добровольцами генерала Покровскаго. — Атака Екатеринодара. — Смерть въ конной атакѣ Левъ-Казакъ есаула Рыковскаго и подъесаула Плева. — Смерть Корнилова. — Отходъ отъ Екатеринодара. — Бой генерала Маркова у Медвѣдовской. — Приходъ Добровольческой Арміи въ ст. Егордаксую на Донъ.

Съ распадомъ фронта Великой войны, всѣ большіе центры: Петербургъ — Москва — Кіевъ — Одесса были захвачены русскимъ офицерствомъ. Много офицеровъ находилось въ Ростовѣ и Новочеркасскѣ.

Въ ноябрѣ и декабрѣ на Донъ прибылъ рядъ генераловъ, пользовавшихся въ Арміи широкой извѣстностью.

Съ ихъ пріѣздомъ возникла Алексѣевская Военная Организациа, состоявшая изъ объединившихся вокругъ генерала Алексѣева добровольцевъ-офицеровъ. Съ прибытіемъ на Донъ генерала Корнилова, эта организациа развилась въ Добровольческую Армію.

Цѣли Арміи указаны въ воззваніи, выпущенномъ 9-го февраля 1918 г.:

1. «Противостоять надвигающейся анархіи и нѣмецко-большевистскому нашествію»... «Добровольческое движеніе должно стать всеобщимъ, снова, какъ 300 лѣтъ назадъ, вся Россія должна подняться всенароднымъ ополченіемъ на защиту своихъ правъ»...
2. «Рука объ руку съ доблестнымъ казачествомъ противостоять вооруженному нападенію большевиковъ на Югъ и Юго-Востокъ...», защищая самостоятельность Областей, давшихъ пріютъ и являющихся послѣднимъ оплотомъ русской независимости — послѣдней надеждой на возстановленіе Великой Свободной Россіи»...
3. «Новая Армія должна стать на стражѣ гражданской свободы, въ ус-

ловяхъ, кои хозяинъ земли Русской — народъ — выявить черезъ посредство избраннаго Учредительнаго Собранія»...

Изъ кого же состояла Добровольческая Армія?

Отвѣтить цитатой изъ пѣвнѣйшаго очерка генерала Деникина:

«Отозвались офицеры, юнкера и учащаяся молодежь и очень мало «прочихъ земскихъ и городскихъ людей». Всенароднаго ополченія не вышло. Армія въ зародкѣ имѣла органическій недостатокъ, приобрѣтая классовый характеръ»...

Армія была немногочисленная, такъ какъ даже офицерство, единственное сословіе въ Россіи, показавшееся себя въ 10 мѣсяцевъ революціи проникнутымъ чувствами государственности и подлинной жертвенности, значаще откликнулось относительно невысокимъ процентомъ записавшихся добровольцевъ.

Объяснить этотъ фактъ грустостью незаписавшихся было бы слишкомъ просто и неправильно, хотя бы потому, что познѣе, при возвращеніи Добровольческой Арміи изъ Ледяного похода на Донъ, на базу, созданную оставшимъ противъ большевиковъ Донскимъ Казачествомъ, офицерство (какъ и добровольно влившееся широкой волною, такъ и поступившее въ порядкѣ мобилизаціонномъ) показало не только много высокой доблести, но и выдѣлило изъ своей среды рядъ способнѣйшихъ и смѣлыхъ военачальниковъ.

Причинами первоначально вялаго отклика русскаго офицерства (помимо моральной усталости отъ только что пережитого, въ революціонный годъ, на фронтѣ) являлись неопредѣленность поставленныхъ Добровольческой Арміей цѣлей и непрочность территориальной базы.

Сама по себѣ борьба съ большевиками являлась не цѣлью, а средствомъ.

Опредѣленнымъ цѣлямъ, ясно и выукло поставленнымъ противникомъ: захватъ власти, передача земли крестьянамъ, заводопъ — рабочимъ, и общій передѣлъ цѣнностей — Добровольческой Арміей противопоставлялась туманная «державная воля народа», выраженная впоследствии черезъ Учредительное Собраніе. Идея Учредительнаго Собранія не говорила ни уму, ни сердцу офицера. После 10 мѣсяцевъ революціи, Учредительное Собраніе, даже свободное отъ большевиковъ, представлялось, какъ собраніе представителей русскаго, вытѣнутой революціей на поверхность, революціонной полунинтелигенціи, пропитанной анти-государственными настроеніями и поэтому враждебной офицерству. Еще болѣе вѣру въ успѣхъ дѣла Добровольческой Арміи подрывала явная непрочность ея территориальной базы, гдѣ иногороднее населеніе было настроено уже большевистски, а въ казачьемъ — быстро развивалась склонность къ идеѣ «нейтралитета трудового казачества», съ родственнымъ этой идеѣ «паритетомъ», какъ средствомъ откупиться безъ борьбы отъ большевистскаго владычества.

Въ отношеніи Донскаго офицерства дѣйствовала и особая своя казачья причина.

Офицерство казачье кровно и жизненно было связано съ рядовымъ казачествомъ въ неизмѣримо большей степени, нежели офицеры съ солдатами регулярныхъ частей.

Оно вернулось на Донъ въ составѣ своихъ полковъ и не могло эти пол-

ки покинуть до законного роспуска. В распушенных полках оно переходило как бы на знакомую службу из полках 2-й и 3-й очереди мирного времени. Офицерству казачьему трудно было мыслить борьбу не только против своего рядового казака, но даже и без него. Оно, кроме того, хорошо понимало искусственность идеи трудового казачьяго нейтралитета к большевизму и, вѣря в близость перелома, естественно не было склонно отрываться от своей кровной почвы.

Лишь после падения Новочеркасска Дону явилась мощной группой в Добровольческую Армию, пополняя послѣднюю, в станціи Ольгинской, на 1/3 общего ея состава.

В заключеніи приведемъ характеристику первыхъ добровольцевъ, сѣланную генераломъ Деникинымъ.

«Добровольцы были чужды политикѣ, вѣрили идеѣ спасенія страны, храбры в бояхъ и вѣры Корнилову. Впереди ихъ ждало увѣрье, снотаніе, многихъ смерть, побѣда представлялась в далекомъ будущемъ. Они дрались на подступахъ къ Ростову, зная, что сотни тысячъ казаковъ и ростовской буржуазіи за ихъ спиной живутъ легко и пригодно. Они были оборваны, мерзали и голодали, видя, какъ бѣснуется богатѣйшій Ростовъ, финансовая часть котораго съ большимъ трудомъ пожертвовала на армию два милліона рублей, быстро растворившихся в ея бездонной нуждѣ. Они встрѣтили в обществѣ равнодушіе, в народѣ вражду, в резолюціяхъ революціонныхъ учреждений и в социалистической печати злобу, клевету и поношеніе»...

3-го февраля, съ разрѣшенія Атамана и Донского Правительства, в офицерскомъ собраніи города Новочеркасска шла запись в Добровольческія Офицерскія части.

«Я, генералъ Корниловъ, говорилось в воззваніи, успешно отбиваю наступленіе красныхъ бандъ на подступахъ къ Ростову. Я съ честью выведу всѣхъ къ побѣдѣ, кто пойдетъ за мной противъ красныхъ разбойниковъ.

Мнѣ нужна отъ бояни только увѣренность в себѣ и в правоту своего дѣла»...

Въ тотъ же день в Ростовъ, в штабъ Добровольческой Арміи выѣхали три офицера Лейбъ-Казака — есаулъ Я. Ф. Рыковскій, подъесаулъ Н. П. Плева и Ф. Ф. Рыковскій. В штабѣ, помѣщавшемся в особнякѣ Парамонова, ихъ привялъ очень тепло самъ генералъ Алексѣевъ. В разговорѣ онъ сообщилъ, что если Донъ срочно не дастъ 2.000 пѣхоты и 200 конницы, то Добровольческая Армія вынуждена будетъ покинуть Ростовъ.

7-го февраля Атаманъ Назаровъ съ грустью сообщилъ, что ничего дать не можетъ и не сумеетъ дальше задерживать Добровольцевъ в Ростовѣ.

Три прѣхавшіе Лейбъ-Казака зачислились в Донской Партизанскій отрядъ полковника Красническаго, численностью в 120 штыковъ, состоявшій на 3/4 изъ донскихъ офицеровъ, на 1/4 — юнкеровъ, кадетъ и гимназистовъ и раздѣленный на два взвода. Есаулъ Я. Рыковскій былъ назначенъ командиромъ 1-го взвода, подъесаулъ Н. И. Плева его помощникомъ. Подъесаулъ

Схема
Ледяного и
Степного
походов

Ф. Ф. Рыковский, как прибавший с лошадью, был зачислен ординарцем отряда, причем вторым конным ординарцем был сотник А. М. Жеребков, внук коренного Лейб-Казака и сам впоследствии офицер полка.

В отряд царил безупречная дисциплина, честность и взаимная поддержка в боевой работе.

7-го февраля отряд полковника Краснянского вел бой с красными, защищая Ростов от обхода со стороны Темерника. Несмотря на десятикратное превосходство красных, партизаны, лежа с утра на морозе, огнем успешно отбили все попытки атаки противника.

К вечеру был получен следующий приказ:

«Доброармия на всем фронте отбила атаки красных с большими для них потерями. Потери наши не велики. Но, не получая от Дона пополнений, вследствие отступления Донцов на север и угрозы Армии с юга, она покидает Ростов».

С наступлением темноты частями незаметно для противника отходить по дорожке на Аксайскую станицу».

Так начался поход Добровольческой Армии.

«Армия уходила, пишет генерал Деникин в своих «Очерках», от духовного рабства в безвестная скитания. Малая числом, оборванная, затрапезная, окруженная со всех сторон — шла, как символ гонимой России и русской государственности... На всем необъятном просторе страны оставалось одно место, где открыто развевался трехцветный национальный флаг, — и этот флаг звали к борьбе тех, кто еще не проснулся — в этом был глубокий смысл первого Кубанского похода».

Ночь на 8-ое февраля отряд Краснянского ночевал в Аксайской станице, перейдя на следующий день в станицу Ольгинскую, где Добровольческая Армия простояла несколько дней, приводя себя в порядок.

В ночь на 13-ое февраля Лейб-Казак отряда полковника Краснянского были в сторожевом охранении у моста через Дон. Внезапно раздались шум идущих и разговоривающихся, стали вырисовываться и силуэты. «Стой, кто идет?» — «Свой, из Донской Армии», послышался отклик голосом подесаула С. Краснова и к радости Лейб-Казак сторожевого охранения, в вышедшей группе Донцов оказались пришедшие с подступов Новочеркаска однополчане: подесаул С. Краснов, хопушье Ляхов, братья Сергей и Григорий Чекуновы, порхорунжий Мигулов и казак Харламов.

По приказу генерала Богаевского, все прибывшие были зачислены в пулеметную команду партизан полковника Краснянского, так как привезли с собой пулемет. Начальником команды был назначен подесаул Краснов и подчинен к-ру 1-го взвода есаулу Рыковскому.

От прибывших Добровольцы узнали об оставлении Новочеркаска и об образовании полторатысячного отряда Донцов Походного Атамана генерала Попова, движущегося в Сальской округе, в район зимовников, богатых хлебом, фуражем, лошадьми и скотом.

Туда же первоначально рвались илти и Корнилов, и Доброармия, простояв 4 дня на месте, двинулась через Кагальницкую на Мечетинскую ста-

лишу. Здесь генерал Корнилов переменял решение и повернул на Кубань, послав генералу Попову предложение присоединиться. Генерал Попов отказался, мотивируемый настроением своего отряда, не желающего покидать Дон, в чаянии в его степях выждать пробуждение Донского казачества. Генерал Корнилов собрал командиров отдельных частей Добровольческой Армии, чтобы объявить свое решение двигаться на Кубань.

«Корнилов, как всегда, резко и сухо, — говорит генерал Деникин, — изложил мотивы и императивно указал новое направление. Но изорь его испытующе и с некоторым беспокойством следил за лицами Донских партизан. Пойдут ли с Дона?»

Партизаны смущены, некоторые опечалены. Но в души выборы сделаны: идти за Корниловым»...

«Историк пояснить непостижимое для военного, — пишет в своих «Записках» бывший командующий Донской Армией, генерал Денисов, — разделение сил, борющихся с большевиками, а также и причину разделения Донских казаков, частью отправившихся с Добровольческой Армией, частью оставшихся с Походным Атаманом генералом Поповым»...

Первоначальное решение генерала Корнилова, в согласии с Походным Атаманом генералом Поповым, идти с Задонье, поддерживалось и генералом Лукомским... «Я высказал, — читаем мы в мемуарах генерала Лукомского, — что лучше перейти в район зимовников, где, прикрываясь с севера Доном и находясь в отдалении от желѣзной дороги, перестроим Армию, пополним обоз и несколько отдохнем... Большевики месяца два нам не будут страшны: они не посмѣют оторваться от желѣзной дороги... Месяца же через два, с новыми силами, в зависимости от обстановки, которая к тому времени выяснится, примем то или иное решение»...

Резко против движения в Задонье был генерал Алексѣев, поводом, главным мотивом которого было: «Пребывание наше в степях поставит нас в сторону от общего хода развития событий в России»...

Генерал Алексѣев был поддержан генералом Деникиным: «На Кубани, в противоположность Дону, мы ожидали встретить сочувственное настроение, борющуюся власть и добровольческие силы, которые значительно преувеличились молвою. Наконец, Екатеринодарь, уцѣлѣвший от захвата большевиками, давал, казалось, возможность начать новую большую организационную работу»... («Очерки» ген. Деникина, стр. 231, т. II).

Нужно замѣтить, что подлинной обстановки Задонья и Кубани никто не знал, и решение строилось на предполагаемых данных *)).

*) Представляется странным, почему не учитывались данные, кои, казалось, не могли не быть известными. Къ такимъ даннымъ отнесемъ условность такъ называемого казачьяго большевизма, единственнаго всѣмъ идеологич. (Ген. Деникин, «Очерки», Том I, выд. 2, Стр. 126), находившагося въ остромъ противорѣчьи съ казачьямъ укладомъ жизни, а поэтому явно обреченнаго на скорый конецъ.

Подобной данной могла служить и неудача опыта организационной работы ге-

Никто не могъ знать, что жизнь рѣшить вопросъ по-своему и что Добровольческая Армія, выйдя изъ станицы Егорлыкской, ровно два мѣсяца спустя, въ поискахъ прочной базы, вернется въ ту же станицу, въ свое исходное положеніе на Донѣ. Вернется — утративъ Корнилова, рядъ выдающихся начальниковъ, перживъ рядъ критическихъ положеній, когда только высочайшій героизмъ ея состава — отъ рядового до начальника, спасалъ отъ полной и конечной гибели.

Какъ бы то ни было, но въ спорѣ, гдѣ на одной сторонѣ были бывший Верховный Главнокомандующій всѣми Арміями Россійскаго фронта генераль Алексѣевъ, и бывший командующій Юго-Западнымъ фронтомъ генераль Деникинъ, правымъ оказался, какъ будто, скромный начальникъ Новочеркасскаго Юнкерскаго Училища, обладавшій весьма небольшимъ строевымъ цензомъ и притомъ лишенный малѣйшаго боевого опыта, генераль П. Х. Поповъ.

Ген. П. Х. Поповъ вѣрилъ въ Донѣ, коему судьбою было предуказано быть базой всей борьбы съ большевиками на Югѣ Россіи. Къ близости возможности всероссійскаго ополченія, когда вся Россія «станетъ, какъ 300 лѣтъ назадъ», относился, повидимому, скептически, какъ къ далской мечтѣ, не забывая, что и въ ополченіи Смутнаго времени казачество играло одну изъ главенствующихъ и рѣшающихъ ролей, притомъ не только какъ воинской силы, но и какъ основоположника начала Великой Державной Россійской Государственности.

Поэтому генераль Поповъ не боялся опоздать къ рѣшительному часу перелома Россійскихъ настроеній, а задался лишь ограниченной цѣлью сохраненія жизни людей, ему доверившихся, для ожидающей ихъ, въ близкомъ будущемъ боевой работы.

Этой ограниченной цѣли отпѣчало движеніе въ относительно спокойной, лежащей въ сторонѣ и слабо населенной Сальскій округъ...

Итакъ, начался первый, безпримѣрный въ исторіи, Кубанскій походъ.

Шли, плохо одѣтые, безъ денегъ, пополняя боевые припасы отъбитымъ съ боя у большевиковъ. Армія шла, окруженная со всѣхъ сторонъ противникомъ. Почти каждый день приходилось давать бои въ авангардѣ, на флангахъ или въ арьергардѣ. Шли по проселочнымъ дорогамъ черноземнаго Юга Россіи въ самое трудное время года, то утопая въ грязи, то замерзая отъ холода.

Съ Арміей шель и обозъ съ ранеными, число коихъ дошло подъ Екатеринодаромъ до 1/4 всего боевого состава. Генераль Деникинъ въ своихъ «Очеркахъ» такъ описываетъ положеніе раненыхъ: «Почти каждый день длинный утомительный походъ; въ грязной телѣтѣ, въ невылазной грязи, по кочкамъ, рытвинамъ, иногда рысью. Три четверти дня подъ открытымъ не-

бывала Алексѣева въ Новочеркасскѣ и Ростовѣ въ сколько-нибудь широкомъ масштабѣ.

Въ Казачествѣ — Дону всегда принадлежала ведущая роль и, следовательно, то, что не удалось, по условіямъ времени, на Дону, не могло удалиться на Кубани.

По той же причинѣ избавленіе Дона отъ большевизма должно было начаться раньше Кубани.

бомь въ полѣ, подъ проливнымъ дождемъ или въ жестоку ю стужу, отъ коей не спасала жидкая шивель. Ночлеги въ только что взятой съ боя станицѣ, которая не могла дать въ краткій срокъ ни достаточно крыши, ни продовольствія для набившихся воиновъ. Иногда двое сутокъ безъ ночлега и разгрузки... И на походѣ, и на остановкѣ сухой трескъ рвущихся вездѣ снарядовъ... Почти не было ни инструментовъ, ни медикаментовъ, ни перевязочныхъ средствъ... Раненые испытывали невыносимыя страданія, умирали отъ зараженія крови даже легко раненые... смерть витала надъ лазаретомъ»...

Здѣсь будетъ уместно упомянуть и о работѣ сестеръ милосердія въ совершенно невыносимыхъ для лазарета условіяхъ *). «Ихъ было не такъ много и тѣмъ болѣе велика была ихъ работа... Днемъ и ночью по невылазной грязи, они рѣдко садились на подводку, еле идущія сами, помогая подчасъ ихъ вытаскивать... Шли зачастую подъ артиллерійскимъ и пулеметнымъ огнемъ противника, вечеромъ устранивали и укладывали своихъ раненыхъ въ только что отнятой у красныхъ станицѣ. Ночью, когда всѣ спали, сестры сизять у раненыхъ, ухаживаютъ, даютъ имъ воду, кормятъ. Утромъ же будятъ, поятъ чаемъ, укладываютъ на подводку, ночью же, не показывая, что они почти 24 часа на ногахъ, часто безъ ѣды»...

Одна изъ нихъ, сестра Лейбъ-Казакъ есаула и подесаула Рыковскихъ, Ольга Федоровна, впоследствии супруга Лейбъ-Казака полковника К. Р. Поздѣва, рассказывала, что, бывало, совершенно усталая «захочешь взять въ ротъ кусокъ хлѣба и тутъ же встрѣтишь взглядъ полуголоднаго раненаго, и вѣтъ ни силъ, ни возможности отказать и не отдать послѣдняго»...

Первый бой на походѣ былъ данъ у ст. Хомутовской, причемъ красная конница, пытавшаяся атаковать, была легко отогнана. Егорлыкская станица, на коей кончалась Донская Область, встрѣтила Добровольческую Армію исключительно сердечно и привѣтливо.

Первый серьезный бой разыгрался 21-го февраля при переходѣ Арміи въ Ставропольскую губернію, у сел. Лежанка, гдѣ большевики сосредоточили довольно крупныя силы съ артиллеріей. Лихой фронтальной атакой офицерскаго полка и во флангъ — Корниловскаго, большевики бы смяты и, оставивъ на мѣстѣ 500 труповъ, бѣжали.

23-го февраля Добровольческая Армія у ст. Новокорсунской (Плоская) вступила на Кубань. Кубанскіе казаки встрѣтили Добровольцевъ относительно привѣтливо. Восточная станица Кубани еще не испытали большевистскаго нашествія, почему настроеніе Кубанскаго казачества было выжидательнымъ. Колеблющемуся настроенію давало перевѣсъ присутствіе сколько-нибудь значительной силы. Поэтому, если нѣкоторыя станицы (Бриховенская, Незамаевская) не только радушно принимали, но и давали небольшой пополненія казаками добровольцами, то въ другихъ станицахъ, гдѣ перевѣсъ былъ на сторонѣ фронтовиковъ и иногороднихъ, Добровольцы наталкива-

*) Цитируется по рассказу Б. Суворина.

лись и на выступления против них кубанских казаков (как то было в ст. Березанской и под Екатеринодаром).

20-го февраля Добровольческая Армия, перейдя Владикавказскую дорогу у ст. Новодеушковской, двинулась на Екатеринодар. Корнилов предполагал ударить в тыл атакующих Екатеринодар красных.

2-го марта Добровольческая Армия подошла к Выселкам. Выбил красных из Выселок и оставил там конный дивизион слабого состава. Армия расположилась в ст. Журавской на ночлег. Значительные силы красных не то легко вытеснили из Выселок конный дивизион, не то, по недоразумению, он сам ушел. Как бы то ни было, но Выселки, в непосредственном соседстве с вочующей в Журавской Добровольческой Армией, оказались заняты ночью значительными силами красных. Генералу Богаевскому было приказано выбить ночной атакой противника из Выселок. Однако, была сильнейшая холод, в маленькой станции не хватало крыши, и партизаны, голодные и усталые, оставались под открытым небом весь вечер и ночь, почему генерал Богаевский отложил атаку до утра. С рассветом цпки Донских партизан полковника Краснянского, Лазарева, Курочкина и Власова под редким артиллерийским огнем противника, развернувшись, начали наступать на Выселки. Противник за ночь окопался и встретил атакующих сильным ружейным и пулеметным огнем. Бросились в атаку партизаны.

...«Взлетят люди, рѣдють цпки. Из каменного зданія меланым в тыл и во фланг партизанамъ былъ открытъ сильнѣйшій пулеметный огонь. Партизаны Курочкина и Лазарева, понеся большія потери, залегли, и только отрядъ полковника Краснянскаго, удачно пользуясь складами мѣстности и неся относительно малыя потери, продолжаетъ наступать. Есаулъ Рыковский сосредоточиваетъ на флангѣ противника весь 1-й взводъ. Генералъ Корниловъ, видя серьезность положенія, двигаетъ изъ Малеваного — въ обходъ — Корниловцевъ — и — прямо на село — Марковцевъ. Подошли Марковцы, Грозное «ура», и Донскіе партизаны, охватившіе лѣвый флангъ противника, бросаются впередъ. Доблестный полковникъ Краснянскій смертельно раненъ въ животъ (на слѣдующій день скончался), но противникъ бѣжитъ... *)

Въ самомъ началѣ боя подъ Выселками пулеметы полковника Краснова и хоружаго Лихова отбили конную атаку на лѣвый флангъ партизанъ, а затемъ, своимъ мѣткимъ огнемъ заставили замолчать 3 пулемета противника, прислуга коихъ, какъ выяснилось послѣ занятія окопа, была перебита.

Доблестный начальникъ отряда полковникъ Тихонъ Петровичъ Краснянскій руководилъ боемъ стоя въ цпки, во весь ростъ, и на всѣ уговоры подчиненныхъ себя поберечь отвѣтилъ отказомъ и погибъ смертью храбрыхъ в 2-хъ шагахъ отъ пулемета подесаула Краснова.

Дорого обошлась партизанамъ атака. Погибли доблестные начальники:

*) Описание боя въ настоящей главѣ дается по рассказамъ и описаніямъ непосредств. участниковъ: полковника С. Краснова, войск. старш. Ф. Рыковского, ес. Н. Лихова и сотн. Г. Мисулина.

полковник Краснянский, Власов, раненъ Лазаревъ, громадныя потери понесла молодежь Чернецовскаго отряда. Изъ 1-го взвода въ 50 человекъ есаула Рыковского выбыло 13 человекъ.

Валяясь Корниловъ печаленъ: велики потери. Подъѣхавшему съ донесеніемъ отъ генерала Богаевского подесаулу Рыковскому Корниловъ сказалъ: «Много доблести проявлено партизанами сего дня, но много потерь... Какіе же они, никакъ не угомонятся, каждый спѣшитъ обогнать другого»... Собираются въ колонну партизаны. Отрядъ полковника Краснянскаго, въ командованіе коимъ вступилъ полковникъ Писаревъ, уже построился. Подъѣзжаетъ генералъ Корниловъ: «Вы сегодня отлично дѣйствовали и показали себя достойными первыхъ рядовъ Арміи. Къ сожалѣнію, въ отрядъ много потерь», — слышится лестная оцѣнка Командующаго Арміей.

Въ Выселкахъ узнали, что недавно былъ здѣсь бой красныхъ съ Кубанскими партизанами Покровскаго, неудачный для послѣднихъ, причемъ ходили слухи, что Екатеринодаръ покинутъ ими. По слухамъ, въ станицѣ Кореновской сосредоточено до 10 тысячъ большевиковъ съ бронепоездами и съ сильной артиллеріей. Командуетъ красными Кубанскій казакъ фельдшеръ Сорокинъ.

4-го марта Добровольческая Армія атаковала Кореновскую. Начали атаку юнкера и кадеты Боровскаго, почти дѣти, мужественно наступавшіе на станицу. Главная атака по направленію на станицу велась Офицерскимъ и Корниловскимъ полками. Красные держались стойко и разрывали бѣшенымъ артиллерійскій и ружейный огонь.

...«Корниловцы залегли, дрогнули и стали медленно отходить; за ними валять нестройными кучами большевики. Изъ обоза подносятъ послѣдніе запасы патроновъ. Корниловцы приостановились, качнулись и вновь медленно поддались впередъ. Залегли теперь большевики»...

Въ резервѣ Корвилонъ Донской Партизанскій полкъ.

Генералъ Богаевскій посылаетъ ординарца подесаула Рыковского за приказаніями къ генералу Корнилову. Быстро подъ пулями выносятся впередъ подесаулы Рыковский, ища генерала Корвилонъ. Передъ нимъ весь бой, какъ на ладони. Простымъ глазомъ видны батареи и засѣднія густыя массы противника. Вдоль желѣзной дороги движутся то назадъ, то впередъ бронепоезда. Неподалеку цѣпей наступающаго вдоль желѣзной дороги Офицерскаго полка небольшой холмъ, за коимъ группа лошадей и трехцвѣтнй флагъ.

...«На холмѣ одинокая фигурка. То Командующій Арміей. Подѣсь Рыковский подѣзжаетъ къ нему. Не отрываясь отъ бинокля, генералъ Корниловъ говоритъ: «Передайте генералу Богаевскому, что ему нужно двигаться... впрочемъ, попросите генерала ко мнѣ». Подѣзжаетъ медленно, но разношестымъ галопомъ генералъ Богаевскій. Видно, какъ генералъ Корниловъ, отдавая приказаніе, показываетъ вправо рукой.

Быстро впередъ и вправо выдвигаются Донскіе партизаны, и какъ разъ пора — густыя цѣпи красныхъ начали обходить нашъ флангъ. Ударилъ партизанъ. Батарея полковника Третьякова движется въ цѣпяхъ. Снялась и съ прямого выстрѣла бѣгет по юго-западной окраинѣ станицы.

Молодежь Боровского, уже два раза доходившая до окранны и выбитая оттуда, вместе сь Донскими партизанами бросается вперед, и через полчаса станция взята. Противник бѣжитъ на Платиновскую станицу»...

Добровольческая Армія сильно пополнила въ Кореновской свои хозяйственные и боевые запасы, увы, доставшіеся дорогой цѣной — около 400 человекъ убитыми и ранеными выбыло изъ строя.

Вмѣсто ожидаемаго тыла, Добровольческая Армія имѣла передъ собою фронтъ противника, что подтвердило полученное извѣстіе объ уходѣ изъ Екатеринодара 13-го марта Кубанскаго Правительства и добровольцевъ Покровскаго.

Движеніе на Екатеринодаръ теряло смыслъ, и генераль Корниловъ рѣшилъ идти за Лабу и Кубань, въ черкесскіе аулы, гдѣ рассчитывалъ дать Арміи отдыхъ.

Въ ночь на 6-ое марта, Армія двинулась на Усть Лабинскую переправу.

...«Въ арьергардѣ шли Донскіе партизаны. Съ разсвѣтомъ противникъ началъ наступать на арьергардъ. Партизаны разсыпались въ цѣпь и задержались до отхода всей длинной колонны обоза». Взводъ есаула Рыковского въ цѣпи. Спокойно работаетъ пулеметъ подъесаула Краснова. Партизаны въ порядкѣ медленно отходятъ. Цѣпи красныхъ увеличиваются и увеличиваются. Одновременно и въ авангардѣ завязывается бой, ибо Усть Лабинская занята красными. Снаряды красныхъ, ведущихъ бой съ авангардомъ, рвутся частью надъ арьергардомъ. Стѣна замаячила красная конница, то появляясь, то исчезая въ туманѣ. Бьются на три фронта добровольцы, въ центрѣ же громадный обозъ съ 500 ранеными и со всемъ снабженіемъ арміи. Въ арьергардѣ патроны на исходѣ. Нажимъ красныхъ Сорокинцевъ усиливается, и генераль Богаевскій, въ первый разъ, посылаетъ къ Корнилову за помощью. Корниловъ ускоряетъ наступленіе авангарда. Въ арьергардѣ подвозятъ патроны. Снова затрещалъ пулеметъ С. Краснова.

Наконецъ, лихимъ ударомъ авангардъ врывается въ Усть Лабинскую. Дорога свободна. Однако, получается донесеніе, что къ Кавказской ст. подошли и вытрусается большой эшелонъ красныхъ, и скоро со стороны Кавказской начинаютъ рваться по Усть Лабинской тяжелые б-доймовые снаряды. Постѣпно возвращается батальонъ Корниловцевъ и вмѣстѣ съ Офицерскимъ полкомъ бросается въ новую сторону: ударъ — и здѣсь большевики бѣгутъ. Добровольческая Армія движется не останавливаясь на ночлегъ изъ ст. Некрасовскую. За сутки, съ боемъ на три стороны и совершивъ переправу черезъ Кубань, прошли 46 верстъ»...

Тяжелые бои вела Армія и въ слѣдующіе дни, перейдя съ боемъ на лѣвый берегъ Лабы.

11-го марта разъѣздъ полковника Ген. Шт. Барцеича вошелъ въ связь съ Кубанскими добровольцами Покровскаго и, послѣ свиданія генерала Покровскаго съ генераломъ Корниловымъ, 14-го, въ аулѣ Шенджія, было рѣшено соединиться и двигаться на Екатеринодаръ.

15-го марта Добровольческая Армія взяла Ново-Дмитріевскую. Всю ночь накануне лилъ дождь, продолжавшійся и утромъ. Армія шла по сплошнымъ пространствамъ воды и жидкой грязи. Люди вымокли до костей. Къ по-

людно повалили снег и задул холодный, пронизывающий ветер. Одежда обледенела, захватывало дыхание. Впереди слышалась перестрелка. Не доходя 2-х верст до станции, движение уперлось в реку, мост на коей оказался снесенным. Переправлялись вброд, под артиллерийским огнем противника, через ледяную воду, подернувшуюся у берегов тонким слоем льда. Переправа затянулась до ночи. В головах переправятся Марковский офицерский полк, подошедший уже в темноту к станции. «В такую ночь все равно замерзнем в полк», сказали генерал Марков и кинулся с полком в станцию.

Полузамерзшие офицеры, падая, проваливаясь в снег и мисив грязи, держа в онемевших руках винтовки, бросились вперед и в темноту завязали рукопашный бой с выбегавшими из домов красными.

Станция была взята.

Утром большевики пытались отобрать ее обратно, но были отброшены.

Переход из Ново-Дмитриевскую был окрещен «Ледяным», откуда и пошло название 1-го Кубанского похода.

Через несколько дней подошли Кубанские добровольцы, и Армия была переформирована, получив, наконец, недостающую ей конницу и увеличив свой состав до 6.000 бойцов.

Что же касается реорганизации конницы и, в частности, Лейб-Казак, то произошло следующее. Еще до соединения с Кубанской Армией, генерал Корнилов, ощущая большую нужду в коннице, послѣ боя под Кореновской, где было захвачено в плен небольшое количество лошадей, приказал посадить на них в первую очередь из рядов пѣхоты офицеров конных полков, поручив это сделать полковнику Гершельману. Осуществилась затаенная мечта Лейб-Казак: во время дневки в станци Рязанской они получили лошадей. Конный взвод есаула Я. Ф. Рыковского, в составѣ всѣх 9 Лейб-Казак и 25 Кубанских казак Брюховецкой станицы, вошел в состав конного дивизиона полковника Гершельмана.

Когда же произошло соединение с Кубанской Армией, Лейб-Казак к обоюдной радости увидѣли среди конницы генерала Эрдели — кадр Конвоя Его Величества, — в составѣ котораго находились: полковник Рашиля, есаулы Вѣтер и Галушкин. При встрѣчѣ Лейб-Казак и Гвардейские Кубанские казак рѣшают соединиться вмѣстѣ. Генерал Корнилов пошел навстрѣчу ходатайству полковника Рашиля, и сь его согласія была организована под командой полковника Рашиля — в Конном отрядѣ генерала Эрдели — Отдѣльная Гвардейская Казачья сотня. Составъ сотни былъ слѣдующим: Лейб-Казачій взвод есаула Рыковского — 2-й взвод офицеры и казак Конвоя Его Величества, 3-й и 4-й взводы — казак Варшавскаго Куб. дивизиона — всего около 100 шашек.

Къ сожалѣнію, какъ увидимъ изъ дальнѣйшаго, бытіе этой сводной сотни оказалось кратковременнымъ...

Соединившись с Кубанскими добровольцами Покровского, генерал Корнилов решил взять Екатеринодар... Было решено: 1) разбить отряды противника, действовавшие южнее Екатеринодара, для того, чтобы обеспечить возможность переправы и увеличить запас боевых припасов за счет большевистских складов, 2) внезапным ударом захватить паромную переправу у Елисаветинской и 3) переправиться через Кубань и взять Екатеринодар.

К 24-му марта бригада генерала Богаевского захватила Григорьевскую и Смоленскую. В этот день генерал Марков, после упорного боя занял Георге-Афинскую станцию, где был центр Закубанских красных отрядов. Конница генерала Эрдели была брошена к Елисаветинской для захвата переправы. Форсированным, 90-верстным переходом конница генерала Эрдели, а в состав ее и Лейбь-Казак, подошла к ст. Елисаветинской и захватила переправу. За конницей подошла бригада генерала Богаевского. Быстро переправившись через Кубань и преследуя бегущих красных, конница ворвалась на западную окраину Екатеринодара, где завязала упорный бой.

Точно установить численность красных, занимавших Екатеринодар, нельзя. В «Екатеринодарских Известиях» было указано, что оборона Екатеринодара обошлась большевикам в 15.000, из коих 10.000 ранеными. Цифра эта, вероятно, преувеличена, но все ранеными красными были забиты все лазареты и санитарные поезда, непрерывно шедшие на Тихорецкую.

Повидиому, численность красных нужно исчислять между 25 и 40 тысячами, при 3 броневых поездах и двух десятках орудий, имевших громадный запас снарядов.

27-го марта бригада генерала Богаевского, пополненная добровольцами ст. Елисаветинской, давшей несколько сот человек, возобновила атаку Екатеринодара, но красные, забаррикадовав все улицы, оказали упорное сопротивление... В это время конница генерала Эрдели совершила 100-верстный рейд в тыл противника... Ей было приказано: войти в охват города с севера и северо-востока, взорвать железнодорожные пути, преградить большевикам пути по Черноморской и Владикавказской железным дорогам и поднять казаков станицы Пашковской.

В этот же день Донские партизаны и Корниловцы с боем взяли прилегающие к Екатеринодару ферму и хутора.

28-го марта шли упорные бои за обладание Екатеринодаром: с утра красные перекрестным огнем нескольких батарей осыпали ферму и хутора, куда перешел генерал Корнилов со штабом. Встретив самое упорное сопротивление, боевые линии Добровольцев остановились и не могли продвинуться вперед — отсутствие снарядов не позволяло подготовить атаку огнем артиллерии... Только у генерала Эрдели шло дело успешно: конница его заняла Содо (северное предместье Екатеринодара), пересекла железную дорогу и направилась к Пашковской... В этом рейде участвовали и Лейбь-Казак.

29-го марта бой не прерывался целый день. На правом фланге Доб-

ровольны было взяли патронный завод. Красные проявляли небывалое упорство и вводили в бой все новые и новые силы.

Къ вечеру генералу Казановичу удалось ворваться въ самый городъ, однако, не будучи поддержанъ сосѣдями, онъ былъ вынужденъ отойти обратно.

30-го день прошелъ въ перестрѣлкѣ. Несмотря на понесенныя громадныя потери, особенно въ командномъ составѣ, и несмотря на выяснившееся громадное численное и техническое превосходство противника, ген. Корниловъ не отказывался отъ конечнаго штурма города, но, во внимание къ крайнему утомленію войскъ, перенесъ его на 1-ое апрѣля.

31-го съ утра противникъ открылъ сильный артиллерійскій огонь. Обстрѣливалась и ферма, гдѣ былъ расположенъ штабъ ген. Корнилова.

Приведемъ выдержку изъ «Очерковъ» генерала Деникина:

«31 марта въ 8 часовъ утра генералъ Корниловъ былъ одинъ въ своей комнатѣ на фермѣ... Неприятельская граната, пробивъ стѣну, взорвалась подъ столомъ, у котораго сидѣлъ Корниловъ... Когда генералъ Казановичъ и адъютантъ Долинскій вошли первыми въ комнату, она была наполнена дымомъ, а на полу лежалъ Корниловъ, покрытый обломками штукатурки и пылью... Онъ еще дышалъ... Кровь сочилась изъ небольшой ранки въ вискѣ...»

Неумолимая, безощадная Рокъ сразила его и душу Арміи въ часы наибольшаго ея напряженія...

Вначалѣ смерть Главнокомандующаго хотѣли скрыть отъ Арміи до вечера. Напрасныя старанія: вѣсть разнеслась, словно по инстинкту. Казалось, что самый воздухъ напоенъ чѣмъ-то жуткимъ и тревожнымъ и что на передовыхъ линіяхъ уже знаютъ, почувствовали, что свершилось роковое. Скоро узнали всѣ. Впечатлѣніе потрясающее. Люди плакали навзрыдъ, говорили между собою шопотомъ... Въ Корниловѣ, какъ въ фокусѣ, сосредоточивалось все: идея борьбы, вѣра въ побѣду, надежда на спасеніе. И когда его не стало, въ сердца, даже самыхъ храбрыхъ, начали закрадываться страхъ и мучительное сомнѣніе. Между тѣмъ, словно таинственные флюиды перенесли дыханіе скорби Добровольцевъ въ окопы враговъ, вызывая въ нихъ алорадство и смѣлость... («Очерки» ген. Деникина, стр. 298, томъ II).

Въ командованіе Арміей вступилъ генералъ Деникинъ. Въ это время положеніе Арміи въ тактическомъ отношеніи ухудшилось: на фронтѣ генерала Эрдели началось движеніе большой колонны красныхъ въ охватъ лѣваго фланга добровольцевъ. Генералъ Эрдели бросилъ свою конницу въ атаку... Спокойно раземлились сотни для атаки, вотъ блеснули вынутыя шашки, и конница, какъ одинъ человѣкъ, понеслась въ атаку... Остановилась колонна красныхъ, изъ пулеметовъ и винтовокъ открыла беспорядочный огонь, но это не остановило добровольцевъ... Секунда — и толпы красныхъ начали искать спасенія въ бѣгствѣ... На правомъ флангѣ выскочилъ съ Гвардейской сотней неслись въ атаку Лейбъ-Казакъ. Впереди ихъ на бѣломъ арабѣ несся есаулъ Рыковскій, немного сзади на ворономъ жеребцѣ подьесаулъ Плеве, а дальше и весь взводъ... Готовая врубиться въ ряды красныхъ, Гвардейская сотня попадаетъ по впереди лежащее болото размякшаго чернозема, и лошади и всадники на нѣсколько мгновеній загрузаютъ въ немъ. Видя

это, уходящие уже большевики почти в упор открывают пулеметный и винтовочный огонь. Простреленный в обе ноги и грудь, падает есаул Рыковский, за ним подьесаул Плева, полковник Раппель, всё вместе со своими лошадьми; повидимому, один и тот же пулемет скошил всех трех вместе с их боевыми конями...

Были ранены в шею хорунжий Ляхов. Под ним, как и под полхорунжим Мигулюном и казаком Харламовым, были убиты лошади.

Несмотря на большое превосходство в силах, обходная колонна красных была разбита и в беспорядке отступила, но потери конницы генерала Эрдели были так велики, что она должна была оставить Салы и отойти к главным силам. Гвардейская сотня и взвод Лейб-Казачья, потеряв 3/4 своих лошадей и 1/4 состава своих людей, прекратили свое существование, как отдельные единицы, и остатки людей вошли в состав 1-го Конного полка полковника Глазана. Незамыслимую потерю понесла семья Лейб-Казачья в лице есаула Якова Федоровича Рыковского и подьесаула Николая Павловича Плева, запечатлавших подвиг своей кровью.

Вот выдержки из некролога, помещенного в «Донской Воле», характеризующего этого доблестного офицера:

«Их было много в Корниловской Армии — этих безумно-храбрых, сильных волей, громадного боевого таланта людей. Ими была жива Армия, их страшной отвагой творила она свои сказочные подвиги и благородными сердцами их она окружила себя ореолом величия и чистоты. Много их было, славных сподвижников Корнилова. Но при воспоминании о павших, особенно четко вырисовывается фигура есаула Лейб-Гвардии Казачьяго Его Величества полка Якова Федоровича Рыковского. Необыкновенно крупного телосложения, богатырски-сильный мускулами и нервами, с львиной головой, ярко-розовым лицом, с горящими углем синие-зелеными глазами, с сильным голосом — он, казалось, самой природой был предназначен на что-то могучее. Он командовал всего взводом спешенных казаков в отряд полковника Краснянского и только впоследствии, за несколько дней перед своей смертью, он получил Гвардейский конный взвод. Но знали его все, и знали не только по крупной фигуре, но и по поразительным делам его взвода. Это был не только лично герой, своим примером увлекавший других, на ратном поле, это был герой-вождь, герой-начальник, который всех своих бойцов делал героями силой своего необыкновенного авторитета и обаянием своей исключительной личности. Он знал своих людей, знал, как и когда их надо делать героями и с наименьшими потерями побуждал врага — ибо он великодушно учитывал своего противника в различные моменты боя. «С ним никогда ничего не страшно», говорил один из людей его взвода, бывший нахмустр в его сотне в Лейб-Казачьем полку, «он всегда уверен в том, что он делает, я за ним всюду пойду». И все другие шли за ним всюду... В бою, под сильным орудейным огнем, идя вперед навстречу рою пуль, он совершенно спокойно и внимательно вглядывался в расположение противника и с поразительной техникой руководил действиями своего пулемета и взвода. Он горел в бою и всеми фиб-

рами своей богато одаренной природы жить в нем... В бою у станицы Некрасовской, он, выйдя далеко вперед за свои, преследующий противника, цѣпи, одним своим взводомъ тлеть противника и заняв хуторъ Горький. Только приказание начальника заставило его отойти къ своимъ. Приходилось часто сдерживать Рыковского его начальникамъ, тогда по ихъ адресу онъ говорилъ: «Они не понимаютъ настроеніе противника, онъ сейчасъ въ паникѣ, онъ дрожитъ и сейчасъ побѣжитъ. Ему дать надо почувствовать, что мы уже гонимъ его...» «Сема, Сема, впередъ...», часто онъ говорилъ своему начальнику пулемета (подъес. Краснову), и пулеметъ всегда былъ впереди. Удивительно стройно и красиво держалъ онъ въ бою себя и свой взводъ. Въ полный ростъ, размереннымъ шагомъ онъ шелъ въ атаку, за укрытія во время атаки онъ не позволялъ заходить ни себѣ, ни другимъ. — и все же потерь въ его взводѣ почти не было.

Въ бою подъ Екатеринодаромъ онъ пылалъ мыслью о взятіи города и, не сомнѣваясь, что городъ будетъ взятъ, рвался войти скорѣе.

«Намъ предстоитъ славное дѣло», сказалъ онъ передъ атакой Екатеринодара. Его сердце не дрогнуло.

Въ послѣдней конной атакѣ подъ Екатеринодаромъ онъ былъ убитъ.

Приведенная выше статья въ № 9 «Донской Волны» отъ 15-го августа 1918 года подписана М. Нефедовымъ (видимо, однимъ изъ соратниковъ почившаго Рыковского).

Не меньшей потерей для Лейбъ-Казачьяго полка была и смерть убитаго рядомъ съ Я. Рыковскимъ подъесаула Николая Павловича Плева. Сынъ одного изъ лучшихъ крупныхъ боевыхъ генераловъ Россійской Арміи, коренной офицеръ, прошедшій всю Великую войну въ рядахъ Лейбъ-Казачьяго полка, онъ былъ выдающимся офицеромъ. Ровный, спокойный въ боевой обстановкѣ, никогда и ни при какихъ обстоятельствахъ и ни при какихъ лишенияхъ не терявшій бодрости духа, онъ заразительно дѣйствовалъ на окружающихъ, поднимая въ нихъ духъ въ трудную минуту.

Онъ обладалъ совершенно необыкновенной способностью въ ориентировкѣ: ему совершенно достаточно было пятиминутнаго изученія карты, чтобы на самой запутанной мѣстности, безъ дорогъ, темной ночью, на десятки верстъ безъ ошибки опредѣлить и мѣсто стоянки, и кратчайшую дорогу къ нужному пункту, не заглядывая вновь въ карту.

Злому року было угодно, чтобы въ тѣ дни, когда два кадровыхъ офицера полка пали въ доблестной конной атакѣ подъ Екатеринодаромъ, остальные офицеры полка принимали горячее участіе въ борьбѣ за освобожденіе Новочеркасска, гдѣ смертью храбрыхъ палъ подъесаулъ Сергій Кутейниковъ и сынъ и внучъ коренныхъ офицеровъ полка, вольноопредѣляющійся Константинъ Черюлубовъ.

Взятіемъ Новочеркасска былъ заложенъ первый основной камень прочной базы для начала серьезной борьбы съ поработившими Родину большевиками.

Однополчане при первой же возможности разыскали и вывезли тела
всѣхъ трехъ доблестно павшихъ Лейбъ-Казакѣвъ въ Новочеркасскъ и похоро-
нили здѣсь. Скоро къ этимъ первымъ крестамъ прибавились новые, надъ
новыми могилами съ честью павшихъ въ бою офицеровъ полка.

Смерть генерала Корнилова нанесла послѣдній ударъ утомленной нрав-
ственно и физически пятидневными боями Арміи, повергнувъ ее въ отча-
ніе. Поэтому, ставя главною цѣлью спасеніе Арміи, генералъ Деникинъ рѣ-
шилъ, съ наступленіемъ темноты, снять осаду Екатеринодара и быстрымъ
маршемъ, большими переходами, вывести Армію изъ-подъ удара Екатерино-
дарской группы большевиковъ. Ночью 31-го марта Армія выступила въ на-
правленіи на колонію Гначбау. Конница генерала Эрдели прикрывала отходъ.
На зарѣ находившіеся въ обозѣ больной подьесъ Красновъ и подьесъ Рыковский
узнали о незамѣнной потерѣ въ семьѣ Лейбъ-Казакѣвъ. Ген. Эрдели изъ-
лично сообщалъ о доблестной смерти есаула Рыковского и подьесаула Пля-
во. На просьбу обоихъ подьесауловъ разрѣшить имъ съ разъяреніемъ вер-
нуться къ мѣсту атаки и взять тела, Эрдели отвѣтилъ: «Нельзя, родные,
смотрите» — и, какъ бы въ подтвержденіе его словъ, со стороны большеви-
ковъ раздался артиллерійскій выстрѣлъ, и первая шрапнель разорвалась надъ
обозомъ. Быстро дошли до колоніи. Здѣсь Лейбъ-Казакѣ въшли въ 1-й кон-
ный полкъ полковника Глазенапа, 3-мъ взводомъ офицерскаго эскадрона.
Взводъ принялъ полубольной подьесаулъ Красновъ, Хорунжій Лихонъ, бра-
тья Чекуновы, подхорунжій Мигулинъ и казакъ Харламовъ подучили лоша-
дей убитыхъ офицеровъ 1-го Коннаго полка.

Подъ вечеръ Армія, выдерживая нажимъ большевиковъ со стороны Ека-
теринодара, двумя колоннами подошла къ станціи Медвѣдовской. Въ аван-
гардѣ шла бригада Маркова, а конница генерала Эрдели была направлена
сѣвернѣе Медвѣдовской, для порчи пути и отвлеченія вниманія противника.
Шли въ полной ночной тишинѣ — вдругъ раздалось нѣсколько выстрѣловъ,
а черезъ нѣсколько минутъ со стороны станціи показалась движущаяся гро-
мада бронированнаго поѣзда, медленно, съ потушенными огнями надвига-
вшаяся на Добровольцевъ... Поѣздъ подошелъ вплотную. Генералъ Марковъ
бросился къ паровозу и бросилъ ручную гранату въ машину, за нимъ ки-
нулись Марковцы... Полковникъ Миоцинскій, подъ градомъ большевистскихъ
пуль, подвелъ въ упоръ орудіе и мѣткимъ огнемъ сбилъ паровозъ... Несмот-
ря на отчаянное сопротивленіе, бронепоездъ былъ захваченъ, а въ немъ ар-
тиллерійскіе снаряды и ружейные патроны, — все, въ чемъ нуждалась такъ
Армія. Боровскій ворвался въ станцію.

Эта побѣда, первая подъ начальствомъ ген. Деникина, подняла духъ
Арміи. Послѣ привала въ Медвѣдовской, Армія безъ всякаго давленія про-
тивника двинулась въ мирную, дружественную станцію Дядьковскую, а от-
туда въ предѣлы Ставропольской губерніи.

Скоро счастье повернуло въ сторону Добровольцевъ. Во время остано-
вки въ Ильинской пришли хорошія вѣсти съ двухъ сторонъ: Лабинскій и

Баташпалашинскій отаѣлы прислали гонцовъ просить Добровольцевъ къ себѣ, чтобы поднять возстаніе и захватить Армавирь. Съ Дона пришли извѣстія о поголовномъ возстаніи Донцовъ и о захватѣ Донской столицы — Новочеркасска. Армія восприняла духомъ. Въ станицу Егорлыкскую были посланы съ развѣдомъ полковникъ Ген. Шт. Барцевичъ, который, сдѣлавъ пробѣгу въ 200 верстъ, вернулся съ сотней Донскихъ казаковъ и привезъ радостныя извѣстія: Донъ возсталъ, Задонскія станицы ополчились поголовно, свергли большевистскую власть, возстановили командованіе и дисциплину и ведутъ отчаянную борьбу съ большевиками.

Оставивъ отрядъ генерала Покровскаго для поднятія возстанія на Кубани, Добровольческая Армія двинулась на Донъ.

19-го апрѣля полкъ полковника Глазенапа, въ составѣ коего находились и Лейбъ-Казакъ, былъ двинуть прямо въ Егорлыкскую станицу, а Армія двинулась на Лежанку.

21-го апрѣля въ Великую субботу конница вступила въ Егорлыкскую, гдѣ была встрѣчена казаками съ хоругвями и иконами.

Встрѣтивъ здѣсь подъ звонъ пасхальныхъ колоколовъ Свѣтлый Праздникъ, конница Глазенапа наутро двинулась въ возставшую противъ большевиковъ Мечетинскую станицу. Большевики держались подъ самой станицей, обстрѣливая ее изъ орудій. Полкъ полковника Глазенапа развернулся, бывшія при немъ орудія открыли огонь, и красные бѣжали.

На слѣдующій день такимъ же порядкомъ была очищена и Кагальницкая станица.

Казацье населеніе тепло принимало избавителей, и радость Свѣтлаго Праздника сливалась съ радостью возрожденія надеждъ на скорое и полное избавленіе отъ большевизма.

25-го апрѣля, съ разрѣшенія Главнокомандующаго, всѣ бывшіе въ составѣ Добровольческой Арміи Лейбъ-Казакъ, одновременно съ генераломъ Богавскимъ прибыли въ освобожденную казаками столицу Войска Донского, Новочеркасскъ.

Здѣсь уже находились Лейбъ-Казакъ, принимавшіе участіе въ возстаніи и освобожденіи города отъ большевиковъ.

Полковая семья Лейбъ-Казаконъ вновь соединилась, чтобы начать работу по воссозданію стараго духомъ родного полка...

ГЛАВА VI.

ОСВОБОЖДЕНИЕ НОВОЧЕРКАССКА.

Перемена въ казачьихъ настроеніяхъ. — Взятіе Новочеркасска Кривыми. — Неудача 4 апрѣля. — Заплавская группа полковника Денисова. — Очеркъ Степного похода. — Возвращеніе Степныхъ на Донъ. — Образованіе Сѣверной и Южной группъ. — Атаки Александровскъ-Грушевскаго. — Взятіе Новочеркасска. — Помощь Дроздовскаго. — Общій ходъ возстаній на Дону. — Кругъ Спасенія Дона.

Въ главѣ IV говорилось о сдвигѣ въ настроеніяхъ Донского Казачества по отношенію къ большевикамъ.

Интегрального большевизма въ казачествѣ вообще не было, да и быть не могло: несмотря на громадную, повлекшій сильное обѣдненіе казачьихъ Краевъ, жертвы, имъ въ Великую войну понесенная, казачество съ его хозяйственнымъ, глубоко патриархальнымъ укладомъ, покоящимся на прочныхъ традиціяхъ и на относительной (въ сравненіи съ прочимъ населеніемъ Россіи) культурности, при очень маломъ процентѣ неграмотныхъ, было органически чуждо большевизму.

Если рядовое казачество поддалось теченію «нейтралитета», то только потому, что этимъ путемъ рассчитывало избѣжать борьбы и порабощенія большевизмомъ, извѣрившись въ способность своихъ правящихъ слоевъ дать тотъ же результатъ инымъ путемъ.

Именно этимъ слѣдуетъ объяснить временную полную потерю авторитета Атаманомъ, Кругомъ, казачьей интеллигенціей и казачьимъ офицерствомъ. Однако, если рядовое казачество отъ нихъ отвернулось **), то безъ заобиды при-

*) Казачествомъ было выставлено во время Великой войны 162 конныхъ полка, 171 отдѣльная сотня и 24 пѣшихъ батальона при соответствующей артиллеріи. (Справка: «Очерки» ген. Деникина, Томъ I, ч. II, стр. 118).

Это напряженіе въ отношеніи процента мобилизованныхъ, значительно превосходило напряженіе прочихъ губерній Россіи. Если же учесть, что конскій составъ и снаряженіе были собственными и что семья выставляла часто 2 и 3 члена въ строй, то коэффициентъ напряженія, данного казачествомъ относительно прочаго населенія Россіи, нужно признать еще болѣе высокимъ.

**) Существовала тенденція объяснить этотъ отрывъ якобы ролью, сыгранной фронтовымъ казачествомъ, привезшимъ съ фронта Великой войны большевистскимъ

сущей большевизму. Массовых убийств своих офицеров казаками вообще не было, а если и были одиночные случаи расправы, то здесь основанием являлось сведение старых личных счетов, а не политическая убеждения. Правда, в начале «трудового казачьего движения» были случаи выдачи офицеров большевикам, но здесь играла роль не злоба к первым, а страх перед силой последних.

В дневник большевистского комиссара Пугачевского, приставленного к Северному казачьему отряду Годубова, читаем:

«Каким образом нам удалось взять Новочеркасск, когда полгорода настроено враждебно, трудно сказать...» (стр. 401. Том I. «Гражданская война». Издание СССР).

Эта враждебность, уже чувствуемая большевиками в первый день прихода, с течением времени усилилась, и большевики не рисковали со своими красноармейскими рабоче-крестьянскими отрядами удаляться от желзной дороги и больших городов.

Казачество, раздраженное декретами, требующими коренного изменения привычного уклада жизни и полной реорганизации казачьей власти, разражаемое поборами и советским гнетом, одновременно видело и слабость большевиков на местах.

В половинку марта, декретом советской власти предписывалось выдать скрывавшихся в станицах офицеров и сдать оружие, оставшееся у казаков. Декрет этот был оставлен без исполнения не только в станицах, но, как мы видели выше, даже в непосредственной близости большевистского Ростова, в Новочеркасск, где казаки не только скрывали своих офицеров, но даже следственная комиссия Ревкома, составленная из перекрасившихся в красный цвет казаков, выпустила арестованных офицеров целыми партиями на свободу.

28-го марта Областным Съездом Советов в Ростове была объявлена национализация казачьих земель.

Чаша казачьего терпения переполнилась, и теперь даже у самых слабодушных не могло быть надежды на какую бы то ни было возможность столкнуться с большевиками. В воздухе запахло близким восстанием.

Красное казачество, возглавляемое Подтелковым, Смирновым, Годубовым — вообще опорой большевикам быть не могло по причинам, кои были изложены выше. Этого еще не понимали ограниченный и туповатый Подтелков, но хорошо понимали Годубов и Смирнов. Попытка послед-

настроения, это объяснение, конечно, не верно: достаточно хотя бы указать на факт большевистского восстания в Ростове, оказавшегося возможным лишь благодаря попустительству и бездействию казаков окрестных станиц и казачьих сотень гарнизона, не из фронтовиков состоявших.

Несмотря на мужественное поведение до конца боравшегося и арестованного большевиками командующего войсками Ростова, генерала Д. Н. Потонько (коренного Левый-Казак выпуска 1900 года), восстание кончилось захватом красными Ростова. Восстание было подавлено генералом Каледниным, однако Атаману пришлось прибегнуть к помощи отряда, составленного из офицеров и учащейся молодежи города Новочеркасска.

них сыграть на два фронта привозомъ въ Новочеркасскъ арестованнаго Голубовымъ М. Богаевского и устройствомъ здѣсь, подъ предлогомъ суда, многочисленнаго митинга казаконъ (гдѣ Богаевскій въ трехчасовой горячей рѣчи совершенно побѣдилъ аудиторію, убѣдивъ въ своей правотѣ), привела къ неожиданному появленію въ Новочеркасскѣ, на зарѣ 27-го марта, красноармейскаго карательнаго отряда Антонова.

Смирновъ и Голубовъ скрылись изъ Новочеркасска, за ними стали быстро разбѣжаться красные казаки.

Въ Новочеркасскѣ начались обыски и аресты офицеровъ. М. Богаевскій съ гауптвахты былъ увезенъ Антоновымъ въ Ростовъ, гдѣ и убитъ.

На слѣдующій день часть отправившагося за фуражемъ изъ Кривянку карательнаго отряда была тамъ казаками разоружена и уничтожена, и въ Кривянской станицѣ стихійно вспыхнуло возстаніе.

На зарѣ 1-го апрѣля группа офицеровъ и казаконъ изъ ближайшихъ станицъ вошла въ Новочеркасскъ.

Красноармейскій гарнизонъ и карательный отрядъ, не оказавъ сопротивленія, бѣжали на Ростовъ.

Всѣ офицеры Лейбъ-Казакъ, какъ прибывшіе изъ Луганска, такъ и оставшіеся въ Новочеркасскѣ, въ составѣ 18 человекъ (полковники Дьяковъ, Фарафоновъ и Оприцъ, есаулы Позаѣвъ, Чеботаревъ Б. и Пацковъ, полтесаулы Воронинъ, Чеботаревъ В., Боковъ, Болдыревъ, Кутейниковъ С., Дубенцевъ Б. и герцогъ Лейхтенбергскій; сотники Кутейниковъ П., Агафоновъ, Дубенцевъ Г.; хорунжіе Грековъ Б. и Ефремовъ Н. П.) немедленно отдали себя въ полное распоряженіе командовавшаго оставшимися войсками войскъ старш. Фетисова и, получивъ на заводѣ Базнера винтовки и патроны, поздно вечеромъ 3 апрѣля погрузились въ эшелонъ, направлявшійся на ст. Александровскую.

Эшелонномъ, составомъ въ 2-3 сотни командовалъ пожилой хорунжій изъ вахтанговъ. Въ составѣ эшелона было 2-3 десятка строевыхъ лонскихъ штабъ- и оберъ-офицеровъ, но спорить не приходилось: группами командовали тѣ, кто ихъ привелъ или случайно собралъ. Лейбъ-Казакъ влились рядовыми.

Эшелонъ шель безъ огня, въ полной неизвѣстности, гдѣ противникъ.

Изъ разговоровъ между рядовыми казакими выяснилась ихъ крайняя невѣрность въ себя.

Кромѣ того, они полагали, что съ освобожденіемъ отъ красныхъ Новочеркасска, ихъ задача заканчивалась такъ какъ дальнѣйшую оборону города они относили къ долгу лишь казаконъ Черкасской станицы.

Проѣхавъ Мишкинъ хуторъ, эшелонъ остановился, а гонима Лейбъ-Казаконъ подъ командой полк. Фарафоновъ, отправленная впередъ, вошла до полустанка Александровка, который и заняла. Здѣсь, подручнымъ матеріаломъ Лейбъ-Казакъ разобрали часть пути, сбросивъ шпалы и рельсы въ путь. Не успѣли закончить, какъ показался бровевикъ красныхъ, уже издали начавшій артиллерійскій обстрѣлъ полустанка. По бокамъ бровевика шла небольшая цѣпочка красноармейцевъ.

Пришлось бросить полустанокъ и отходить на отрядъ.

Дошли до цѣли. Лѣвый флангъ волновался, что не доходить до желѣзно-дорожнаго полотна и не обезпеченъ, почему просилъ оставить здѣсь группу Лейбъ-Казакѣвъ. Здѣсь остались 10 Лб-Казакѣвъ во главѣ съ полковникомъ Оприцкимъ, а остальные, во главѣ съ полковникомъ Фарафоновымъ, присоединились къ главной цѣли вправо. Позади постепенно подходили станичные дружинные отряды и ложились цѣями въ затылокъ одна другой.

Всѣ попытки хорунжаго, несмотря на дѣятельныя и энергичныя усилія полковниковъ Дьякова и Фарафорова, сдвинуть залегшихъ впередъ или хотя бы частично усилить ими лѣвый флангъ, не привели ни къ чему.

Ни просьбы, ни приказанія не исполнялись.

Постепенно, на линіи первой цѣли на участкѣ, прилегающемъ къ желѣзной дорогѣ, осталось лишь десятка два стрѣлковъ, изъ коихъ половина Лейбъ-Казакѣвъ, ибо остальная цѣль, поддаваясь вправо, скрылась за гребнемъ, скрывающимъ ее отъ желѣзной дороги.

Такъ какъ предполагалось наше наступленіе, то этотъ фактъ особаго значенія не имѣлъ, но все же для связи съ оторвавшейся цѣлью былъ посланъ вправо урядникъ.

Увы, при первомъ разорвавшемся снарядѣ казачья цѣль, несмотря на усилія сорвавшихся голода полковниковъ Дьякова и Фарафорова, самовольно бросилась назадъ, на городъ Новочеркасскъ, увлекая съ собою и расположенныя позади цѣли резерва. Съ ними скрылся и посланный для связи урядникъ.

Небольшая цѣль Лейбъ-Казакѣвъ у полотна жел. дороги, не зная объ общемъ отходѣ, еще нѣкоторое время огнемъ сдерживала движеніе броневика и красной цѣли.

Наконецъ, броневикъ рѣшительно двинулся впередъ, и пришлось отходить.

Пройдя версты 1½-2, цѣль около хутора Мишкина вошла въ сильно заросшее кустами пространство. Одновременно съ кустами поравнялся и броневикъ, открывшій огонь однимъ пулеметомъ по прогалинамъ между кустами и по кустамъ. Здѣсь были убиты случайной пулей подьесауль С. Кутейниковъ и одинъ казакъ ст. Кривинской.

Проходя черезъ кусты, цѣль Лейбъ-Казакѣвъ порастянулась и разорвалась. Часть успѣла проскочить въ Новочеркасскъ, другая же, отрѣзанная броневикомъ отъ станицы, втянулась въ городъ, когда онъ уже занимался красными, и застряла въ немъ.

Часть проскочившихъ — полковникъ Дьяковъ, полковникъ Фарафоновъ, лично вытаскившій брошенный отходящими казаками пулеметъ подьесауль В. Чеботаревъ, сотникъ П. Кутейниковъ и хорунжій Н. Ефремовъ отошли на Раздорскую станицу, гдѣ черезъ 2 дня присоединились къ подошедшему партизанскому отряду полковника Семилѣтова. Часть же — есауль Подѣевъ, подьес.: Б. Дубенцевъ, хорунжій Б. Грековъ — отошли къ станицѣ Заплавской. Туда же изъ Раздоръ перешелъ полковникъ В. И. Фарафоновъ.

Позже выяснилось, что красные вели наступленіе и со стороны Александровско-Грушевскаго, причемъ какой-то конный казачій отрядъ самовольно снялся съ позицій и ушелъ, увлекая сосѣдей.

81

Обнажившийся фронт, при отсутствии резерва, делал невозможной оборону Новочеркасска, и вновь назначенный начальником штаба полковник Денисов, несколько задержавшись на вокзале, стянул что можно еще было спасти и, с группой из 300 человек, отошел на западную окраину Кривянской станицы. На утро к отошедшим присоединились казаки станиц Кривянской, Заплавской, Бесергеновской, Богаевской и полковник Денисов приступил к организации собравшихся. Были уже сведения о восстаниях в 1-м и 2-м Донских Округах, жила надежда на партизана П. Х. Попова; почему неудача под Черкасском не получила характер катастрофы, показав лишь трудность борьбы без серьезной организации восставших.

Создать эту организованность было делом нешуточным.

...«Все было расхлябано, опозлено и исковеркано (революцией). — рисует обстановку в своих записках полковник Денисов... — Генералы забыли свое старшинство и право авторитета. Офицеры не отказывались от службы, но начальниками быть не хотели, а охотнее шли из них рядовыми стрелками. О погонах и знаках отличия думать пока не приходилось. О чинопочитании — забыть. Слова «приказываю», «наказываю» временно исключить из обихода»...

В три дня полковнику Денисову все же удалось, действуя мягко и деликатно, но настойчиво, отбросить выборное начало, поставить соответствующих назначению начальствующих лиц.

Генерал Е. И. Балабин, коренной Лейб-Казак (командовал в Великую войну 12-м казачьим полком), командовал боевой линией.

Сотню Бесергеновского полка принял есаул Поздеев, производивший в свободное время занятия разрывным строем и быстро сколотивший свою сотню.

Команду связи при штабе полка Денисова принял Лейб-Казак подесаул Б. Дубенцев, а конно-саперный взвод хорунжий Б. Греков.

8-го, Титовский полк красных, наступая на Кривянскую станицу, зарвался и был отброшен, потеряв своего командира полка и около 100 красноармейцев убитыми.

Побьда эта была как нельзя больше кстати, ибо сведения в Заплавках было не по душе казакам, видяшим численное превосходство противника и смущаемым откуда-то ползшими слухами о смерти генерала Корнилова и гибели с ним Добровольческой Армии и о якобы начавшемся распылении отряда Походного Атамана П. Х. Попова.

На следующий день, 9-го, пришла первая, уже точная весть об отряде Походного Атамана 6-го погружившегося в ст. Цыганской на пароходы и двигавшегося на Раздорскую станицу.

Задоме прислало за патронами и стало известно о восстании станиц Егорлыкской, Мечетинской и Кагальницкой. Из этого же района прибыл разведать есаул Чеботарев, сообщивший о плкоти Добровольческой Армии, несмотря на смерть генерала Корнилова, и об ее движении на Довь.

Побѣда и полученные свѣдѣнія сильно подняли духъ Заплавцевъ *)).

Оставимъ пока Заплавскую группу полковника Денисова и вернемся нѣсколько назадъ, къ отряду Походнаго Атамана П. Х. Попова, 12-го февраля двинушагося изъ Новочеркасска въ Сальскій округъ.

14-го февраля въ хуторѣ Арпачинѣ была дневка, и всѣ пошедшіе за Походнымъ Атаманомъ и догнавшіе его въ пути были сьорганизованы въ отрядъ, численностью около 2.000 штыковъ при 40 пулеметахъ и 2-хъ батареяхъ.

19-го февраля отрядъ, послѣ авангарднаго боя (полк. Семилѣтовъ) у казеннаго моста, перешелъ черезъ Манычъ. 25-го февраля отряда вошелъ въ станицу Великокняжескую, гдѣ пополнить запасы. Ввиду значительнаго скопления красныхъ по желѣзной дорогѣ, къ сѣверу и югу, не желая подвергать станицу артиллерійскому обстрѣлу, отрядъ отошелъ въ районъ восточныхъ зимовниковъ, занявъ расположеніе въ 50 верстъ глубиной. Сочувственное отношеніе и даже помощь небольшими конными отрядами проявили калмыки станицъ Граббеиской и Платовской.

Красные окружили занятый степняками районъ мелкими бандами,

Однако, борьба свелась исключительно къ столкновениямъ небольшихъ

*) Какъ характерную особенность боевъ эпохи возстаній на Дону, нельзя не отмѣтить рѣзкихъ перепадовъ настроеній возставшихъ — отъ подъема къ упадку и обратно, подъ вліяніемъ молниеносно распространяющихся слуховъ. Восприимчивость эта должна быть объяснена главнымъ образомъ импровизированнымъ характеромъ частей, гдѣ недоуверіе рядового казака къ офицеру и обратно, порожденное революционными переживаниями, еще не было изжито и гдѣ не могло быть прочной «сбитости», присущей дисциплинированной части, являвшейся результатомъ предварительной боевѣ или менѣе продолжительной учебной подготовительной работы. Приведемъ нѣсколько примѣровъ этого неустойчиваго въ настроеніяхъ.

Полковникъ Денисовъ въ рапортѣ отъ 16/VI 5 час. 25 м. Походному Атаману такъ доноситъ о боеспособности своей южной группы: «Доказываю, что кавреніевъ мѣт группа совершенно небоеспособна... Богаевскій полкъ самовольно покинулъ районъ боевыхъ дѣйствій и ушелъ въ свою станицу. Кривяневскій полкъ утомленъ безмѣрной службой. Бесергеновскій и Заплавскій полки въ періодъ начала разложенія. Конница совершенно неспособна къ боевой службѣ...»

Черезъ день, 18-го утромъ, южная группа полковника Денисова не только принимаетъ атаку превосходныхъ силъ противника, но переходитъ въ контръ-атаку, разбиваетъ противника и беретъ съ боя крупныя трофеи...

18-го и 19-го генералъ М. Н. Смирновъ съ отрядомъ наводитъ порядокъ въ отклавшейся вступать станицѣ Семикларковской. Нѣсколько раньше пришлось даже разоружить дружинну Кочетовской станицы. 21-го тотъ же генералъ Смирновъ съ отрядомъ наводитъ порядокъ въ непокорной Мелиховской, а 22-го въ Богаевской станицахъ.

При наличіи отмѣченной выше измѣчивости настроеній, существованіе отряда степняковъ Походнаго Атамана генерала П. Х. Попова и Добровольческой Арміи генерала Деникина, а затѣмъ прибытіе съ Румынскаго фронта отряда Дроздовскаго являлось весьма важнымъ факторомъ успѣха возстаній, ибо самый фактъ существованія этихъ крупныхъ отрядовъ являлся лучшей моральной опорой для колабавшихся.

частей, ибо большевики не могли сосредоточить в Сальском округе сколько-нибудь значительных сил и, кроме того, по их тогдашнему состоянию, не могли действовать, отдаляясь от железной дороги.

Некоторым исключением явились бои 20-го, 22-го и 23-го марта, у зимовников Королькова и Степаненкова, где красные, довольно значительными силами, как будто хотели отрезать степняков от Дона.

Однако, попытка эта успехом не увенчалась, и красные были отброшены без особых потерь для степняков, 25-го марта перешедших в станицу Бурульскую.

Вообще, за время пребывания отряда П. Х. Попова в районе зимовников потери степняков ранеными и убитыми были невелики. Отряд несколько уменьшился, но это объяснялось некоторым процентом утечки наскучившихся скитаниями по степям и ушедших в свои станицы.

Съ приходом в ст. Бурульскую степняки сблизились с казачьими станицами. Здесь же было получено донесение Атамана 2-го Донского Округа о противобольшевистском возмущении ряда станиц этого Округа. Первою возстал, 19-го марта, станица Суворовская. Возмущение это было поддержано станицами Н. Чирской, Есауловской, Потемкинской, Верхне-Курдюжской, Нагаевской и успешно развивалось.

Ночным переходом, съ 29-го на 30-ое марта, отряд П. Х. Попова, через хутора Плетневи и Королеви, двинулся на север и, перейдя Дон, 2-го апреля сосредоточился в станице Н. Курдюжской.

Противобольшевистское возмущение распространилось уже и на 1-й Донской Округ, и ген. Попов, оставив командующим войсками 2-го Донского Округа энергичного генерала Мамонтова и поручив ему войти в связь с Усть-Мельдицким и Хоперским округами, двинулся, через станицу Цимлянскую, в 1-й Донской Округ.

В Цимлянской степняки были посажены на пароходы и перебазены по Дону в Окружную Константиновскую станицу, уже сбросившую коммунистическое иго.

Здесь заседал Съезд казачьих делегатов станиц Округа, избравших окружным Атаманом энергичного генерала И. П. Попова.

Пробыв в Константиновской два дня, отряд Походного Атамана ген. П. Х. Попова, усиленный отрядами возмущенных станиц 1-го Донского Округа, перешел ближе к Новочеркаску, в станицу Раздорскую, куда прибыл 9-го апреля.

В Раздорской станице состоялось свидание Походного Атамана с командующим возмущенными казаками Черкасского Округа полковником Ленисовым, на котором была принята нижеследующая организация двух центральных групп:

1-я Северная: ядро из степняков-партизан (из отрядов полковника Семидьтова, Слюсарева и Яковлева), усиленное полками 1-го Донского Округа (Мелеховским, Раздорским, Нижне- и Верхне-Кундрюжеским и сводным полком есаула Климова (Константиновской станицы).

Группой командовал полковник Семидьтов.

2-я Южная: из полков Новочеркасского, Кривинского, Заплавского,

Бесергеевского, Богаевского, конного полка есаула Туровцова и 6-го пла-стунского батальона.

Группой командовал полковник Денисов.

Помимо указанных двух центральных групп, самостоятельно сфор-мировалась севернее группа полковника Быкадорова, из казаков станиц Усть-Блокалитвенской, Усть-Быстринской, Екатерининской, Владимирской и Ермаковской. Впоследствии полковник Быкадоров удачными боями у ст. Ташино овладел громадными запасами боевых припасов, очень ценных для успеха восстания.

Еще болѣе къ сѣв.-западу 15-го апрѣля Гундоровцы, Митякинцы и Ду-ганцы разбили на голову сформировавшийся въ Каменской красноармейскій отряд Шадеико.

На Каменскую отходила потрепанная иѣмцами армія Ворошилова. Вви-ду недостаточности своихъ силъ, Гундоровцы послали просить помощи въ городъ Луганскъ къ украинцамъ, кои, по слухамъ, городъ заняли. Послан-ные, вмѣсто украинцевъ нашли тамъ... иѣшевъ, кои пошли кавстрѣчу Гун-доровцамъ и выдвинули отрядъ на Миллерово. Совмѣстно съ этимъ иѣшев-скимъ отрядомъ, Гундоровцы, мобилизовавшись до 70-лѣтняго возраста, 19-го апрѣля разбили армію Ворошилова, остаткамъ коей, однако, удалось черезъ Чирскую прорваться на Царицынъ.

На крайнемъ югѣ, изъ Задонья, изъ казаковъ ст. Егорлыкской, Мечетин-ской, Хомутовской, Кагальницкой и Ольгинской уже образовалась группа ген. Семенова, оперирующая на Добровольческую Армію ген. Деникина.

Все указанныя группы, какъ и упомянутая выше группа 2-го Донского Округа полк. Мамонтова, связались съ Походнымъ Атаманомъ ген. П. Х. По-повымъ и такимъ путемъ была образована внушительной силы общій фронтъ борьбы за освобожденіе отъ большевиковъ Донской Области.

Согласно плану начальника штаба Походнаго Атамана генерала Сидо-рина, вопреки мнѣнію начальника Южной группы полковника Денисова, рѣ-шено было ранѣе атаки на Новочеркасскъ взять Александровскъ-Грушев-скій (сильный большевистскій центръ шахтнаго района къ сѣверу отъ Ново-черкасска), для чего Сѣверная группа была усилена за счетъ Южной дву-мя полками и 2 орудіями.

Атака 15-го апрѣля на Александровскъ-Грушевскій была сначала удач-на, но Мелеховскій полкъ неожиданно объявилъ нейтралитетъ и ушелъ въ свою станицу, обнаживъ фронтъ. После окончанія боя Раздорскій полкъ отошелъ не съ Сѣвернымъ отрядомъ, а самовольно за Заплавья; туда же ушелъ и Новочеркасскій полкъ.

18-го апрѣля большевики крупными силами повели наступленіе на Юж-ную группу. Принявъ атаку, полковникъ Денисовъ перешелъ въ контръ-на-ступленіе, и красные были разбиты на голову, оставивъ въ казачьихъ рукахъ 8 орудій, 5000 весьма ценныхъ для возставшихъ снарядовъ и 200.000 ружей-ныхъ патроновъ.

Побѣда эта сильно подняла духъ и позволила пополнить боевые запасы не только Южной группы, но и группы полковника Семилѣтова и гене-

рала Семенова. Въ атакѣ живое участіе принимала и сотня Бесергеновскаго полка подъ командой Лейбъ-Казака есаула Поздѣва, взявшая съ бою броневикъ «Бой» (переименованный въ «Казакъ»), одно орудіе, ящики со снарядами, винтовки и патроны.

Окрыленный успѣхомъ Южной группы, Походный Атаманъ генералъ П. Х. Поповъ своей Сѣверной группой повторилъ атаку на Александровскъ-Грушевскій. Снова въ началѣ боя были успѣхъ, но недостатокъ снарядовъ у казаковъ и обиліе артиллеріи у красныхъ рѣшило дѣло, и Сѣверная группа отошла въ исходное положеніе.

Въ этомъ бою изъ Лейбъ-Казаконъ былъ тяжело раненъ въ грудь наездникъ подъесауль В. Чеботаревъ и контуженъ въ голову есауль В. В. Кононовъ.

23-го апрѣля, на второй день Свѣтлаго Праздника, Южная Заплавская группа, по личной инициативѣ полковника Денисова, атаковала городъ Новочеркасскъ.

Атака была начата въ 3 часа утра. Красные были взяты врасплохъ и послѣ короткаго, хотя довольно упорнаго сопротивленія, отошли на Ростовъ. Городъ Новочеркасскъ былъ взятъ.

Весь день шла очистка города отъ большевиковъ.

Полки Бесергеновскій и Заплавскій были двинуты на югъ къ хутору Мишкину, дабы прикрыть Ростовское направленіе. Въ томъ же направленіи были двинуты конная сотня есаула Туровѣрова.

Лучше полки Южной группы, Новочеркасскій и Крижанскій, оказавшіеся на Свѣтлый Праздникъ въ своемъ районѣ, разошлись въ короткій отпускъ по домамъ, и сѣверное направленіе были прикрыты слабымъ Богаевскимъ полкомъ.

По диспозиціи сѣверное направленіе должно было быть прикрыто Сѣверной группой, которая, оставивъ заслоны на Александровскъ-Грушевскій, должна была уже къ утру 23-го перейти въ районъ станицъ Мелеховской и Бесергеновской. Группа эта, однако, выступила изъ Раздорской лишь 25-го. Между тѣмъ, утромъ 25-го значительныя силы красныхъ (конхъ иѣмши гнали отъ Миздурова), начали наступать съ сѣвера отъ Персіановки на предмѣстье Новочеркаска Хутонокъ, отдѣленный отъ города рѣкой Аксаемъ.

Богаевскій полкъ и 6-й пластунскій батальонъ отошли на Заплавъ, минуя Новочеркасскъ, и городъ оказался прикрытымъ лишь 6 орудіями, поставленными у Троицкой церкви (обслуживаемыми офицерами), и сборнымъ, еще недостаточно сплоченнымъ отрядомъ изъ насѣхъ мобилизованныхъ жителей Новочеркаска.

Резервовъ не было, какъ и не было времени ихъ собрать. Въ Черкасскѣ поднялась паника.

Подѣхалъ мотоциклетъ офицера изъ пришедшаго на Дою походомъ съ Румынскаго фронта офицерскаго отряда полковника Дроздовскаго *).

*) При крушеніи фронта Великой войны на Румынскомъ фронтѣ находился начальникъ дивизіи (командующій 14-ой пѣхотной дивизіей), полковникъ Дроздовскій, не только начавшій формированіе добровольческихъ частей (преимуществен-

Полковник Дроздовский, связавшись с Походным Атаманом ген. Поповым, по просьбе последнего выслал вперед свои две конно-горные батареи. Обе батареи стали на позицию у скакового круга и открыли огонь во фланг красным. Наступление красных приостановилось.

Через некоторое время появился и броневик «Вѣрный» отряда Дроздовского. Полковник В. И. Фарафонов, участник боя на Хутунке, так описывает появление броневика: «Я видел, как приехал полковник Дроздовский, как вскорѣ за ним появился броневик, остановился около своего начальника, открылась дверь, и оттуда вышел, как сказочный принц, подтянутый офицер, в погонах, бѣлых перчатках, отдавая честь начальнику, замерь недолго. Полковник Дроздовский отдал короткий приказ въѣхать в цѣль красных, не щадя ни себя, ни машины. Офицер отчетливо повернулся, дверца за ним закрылась, и я видел, как броневик покатился. Эту картину видел толпа жителей, тревожно наблюдавшая приближение красных с горы, и на нее сцена произвела большое впечатление: многие плакали.

С горы ясно было видно, как броневик врѣзался в цѣли красных и открыл огонь, и как красные бросились уходить. Теперь мы снова перешли в наступление... Кризис миновал. Одновременно на горизонтѣ показались лава и цѣли пѣхоты, переброшенной полковником Семидѣтовым на подводах. То подошли части Сѣвернаго отряда Походнаго Атамана генерала П. Х. Попова, врѣзавшіяся во фланг красных и обратившія отход их в паническое бѣгство. Новочеркасск на этот раз был занят прочно.

В бою на Хутунке пулей в грудь, исполняя обязанности ordinариа полковника Денисова, был убит Лейбъ-Казакъ, вольноопредѣляющийся Константинъ Чернозубовъ — внукъ и сынъ коренныхъ офицеровъ Л. Гв. Казачьяго Е. В. полка.

На слѣдующий день конными сотни есаула Туровцова вошли в Ростовъ,

по изв. офицеровъ) для движенія на Донъ, но продолжавшій это дѣло даже послѣ кореннаго измѣненія обстановки в Румыніи.

23 февраля отрядъ полковника Дроздовскаго походнымъ порядкомъ двинулся на Донъ и прибылъ, преодолевъ тысячу трудностей, на 61-й день похода, в Новочеркасск. Интересенъ приказъ полк. Дроздовскаго, отданный по случаю прибытія в Новочеркасск:

...«Теперь я призываю васъ всѣхъ обернуться назадъ, вспомнить все, что творилось в Яссахъ и Кишиневѣ, вспомнить всѣ колебанія и сомнѣнія первыхъ дней, всѣ сѣтованія и запугиванія окружающихъ васъ малодушныхъ. Пусть же послужитъ вамъ примѣромъ, что только смѣлость и твердая воля творятъ большія дѣла...

Будемъ же и впредь в грядущей борьбѣ ставить себѣ смѣло цѣли и стремиться къ достиженію ихъ съ жѣзвнымъ упорствомъ, предпочитая славу и гибель попорному отказу отъ борьбы, другую же дорогу предоставимъ всѣмъ малодушнымъ и берущимъ свою шкуру...

Этотъ красочный приказъ, такъ ярко рисующій самия цѣлныя и свѣтлыя стороны Бѣлой борьбы, генералъ Дроздовскій впоследствии скрѣпилъ своею кровью, съ честью павъ в бою.

оставленный красными. Одновременно с казаками, но со стороны Таганрога, в Ростов входили части 1-го Армейского корпуса Германской армии.

Плани казачьего возстанія, со взятіем Новочеркасска и громадныхъ тамъ складовъ боевыхъ припасовъ, быстро ширилось: уже вылали округа Верхне-Донской, Хоперскій и Усть-Медвѣдшій.

29 апрѣля въ Новочеркасскѣ изъ делегатовъ освобожденныхъ станицъ была собрана Кругъ Спасенія Дона, и черезъ пять дней Донскимъ Атаманомъ былъ почти единогласно избранъ генералъ-майоръ Петръ Николаевичъ Красновъ.

Соединились вновь въ Новочеркасскѣ Лейбъ-Казачи Ледяного и Степного походовъ съ однополчанами, участниками возстаній. За три первыхъ мѣсяца 1918 года большія потери понесъ офицерскій составъ: разстрѣляны большевиками — бывший командиръ полка генералъ Ив. Дав. Орловъ, бывший офицеръ полка есауль Евг. Ник. Поповъ. Убиты подъ Новочеркасскомъ и въ городѣ — бывший офицеръ полка есауль П. Н. Карповъ, офицеръ строевого состава полка подьесауль Ю. Персидскій и М. Чеботаревъ, убитъ въ бою на хуторѣ Мишкинѣ подьесауль С. Кутейниковъ, убитъ въ бою подъ Хутункомъ вольноопредѣляющійся К. Чернозубовъ. Въ конной атакѣ подъ Екатеринодаромъ убиты есауль Я. Рыковский и подьесауль Н. П. Плевѣ. Вернулись ранеными: подьесауль В. Чеботаревъ, хорунжій Н. Ляховъ. Конужены въ Степномъ походѣ есауль Кононовъ и въ Ледяномъ хорунжій Г. Чекуновъ.

ГЛАВА VII.

АТАМАНСТВО ГЕНЕРАЛА П. Н. КРАСНОВА.

Избрание Атаманом генерала Краснова. — Общий характер Донской Армии. — Постоянная Донская Армия. — Возрождение Д. Гв. Казачьяго полка. — Работа офицеров. — Парад и конный праздник въ Персиановкѣ. — Переходъ въ Ростовъ Подковой праздникъ. — Приемъ делегации союзниковъ. — Измѣненія въ общей обстановкѣ. Уходъ и проводы генерала П. Н. Краснова.

Какъ было сказано выше, делегаты освобожденныхъ станицъ Донской Области, составивъ Кругъ Спасенія Дона, избрали Донскимъ Атаманомъ генерала П. Н. Краснова, впоследствии переизбраннаго изъ Атаманы и Большимъ Войсковымъ Кругомъ.

Ген. Красновъ согласился принять должность лишь послѣ того, какъ были утверждены Кругомъ внесенные имъ на разсмотрѣнiе Основные Законы, которыми вся власть на Дону передавалась Донскому Атаману.

...«Творчество, сказалъ генераль Красновъ, не дѣло коллектива.

Малонну Рафаэля создалъ Рафаэль, а не комитетъ художниковъ»...

Донского Атамана ждала большая созидательная работа.

Донъ кипѣлъ возстанiями, постепенно очищаясь отъ большевиковъ. Армия возставшихъ Донцовъ состояла изъ полковъ станичной — дружинной организации; полки возникали по постановленiю станицы, комплектовались станичниками и обычно даже и кормились станицей.

Дружинный характеръ организации предопредѣлялъ и силу, и слабость Донскихъ полковъ: силу — ибо возникновенiе ихъ по почину снизу обезпечивало имъ глубоко народный характеръ, что въ тѣ времена, когда «приказъ» властей имѣлъ еще условное значенiе, являлось особенно важнымъ.

Слабость — ибо полки были связаны своимъ райономъ, и использованiе ихъ въ какомъ-либо другомъ было затруднительнымъ.

Мы видѣли выше, отмѣчая настроенiе казаковъ передъ боемъ 4-го апрѣля у Мишкина хутора, какъ пагубно отразилась на успѣхѣ дѣла «мѣстнымъ» тенденцiя освободившихъ Новочеркасскъ казаковъ ближайшихъ станицъ,

Мы видели также, в боях за Новочеркасск, раздельная, незружная и одновременная действия Северной и Южной групп.

Причиной этой несогласованности действий здесь явилось по обстоятельству, что Северная группа была составлена (кроме партизан) из полков 1-го Донского Округа, более заинтересованных Александровско-Грушевским направлением, как угрожавшим их станицам, тогда, когда Южная группа полковника Денисова, составленная казаками Черкасского Округа, естественно тянула на Новочеркасск.

Генералъ Красновъ говорит *) , что в июль «в некоторых казачьих частяхъ были митинги и выносились резолюции, что сражаться надо только за станицы своего округа и не переходить его границь... Эти случаи заставили посѣшиться съ постепеннымъ уничтоженіемъ станичныхъ дружинъ съ замѣной ихъ номерными полками», ибо, какъ правильно отмѣчаетъ полковникъ Добрынинъ**), «нежеланіе борцовъ отрываться отъ своихъ районовъ, въ известной мѣрѣ объясняетъ какъ бы кордонную систему веденія операций, т. е. разбросанности частей по всему фронту при отсутствіи резервовъ»...

О невыгодѣ такого рода веденія операций говорить не приходится, и поэтому генералъ Красновъ, большимъ напряженіемъ, преодолевая много трудностей, въ томъ числѣ самолюбія и честолюбія выдвинувшихся, въ процессѣ возстаній, начальствующихъ лицъ, приступить къ реформированію армии.

Ему удалось уже вѣ июль свести 14 самостоятельныхъ отрядовъ въ 6 сильныхъ группъ, а вѣ августѣ свести эти группы въ 4 корпуса, поставленныхъ на четырехъ фронтахъ.

По условіямъ общей обстановки, большихъ результатовъ достичь нельзя было, почему и послѣ реформы все же полки сохранили свой характеръ относительной импровизации. Учитывая это обстоятельство, генералъ Красновъ немедленно же по вступленіи въ должность Атамана, приступилъ къ формированію и обученію постоянной Донской Арміи въ составѣ 3-хъ конныхъ дивизій, 1-й плавунской бригады, 1-й стрѣлковой бригады, съ соответствующимъ количествомъ артиллеріи и техническихъ войскъ — все по штатамъ старой Россійской Арміи.

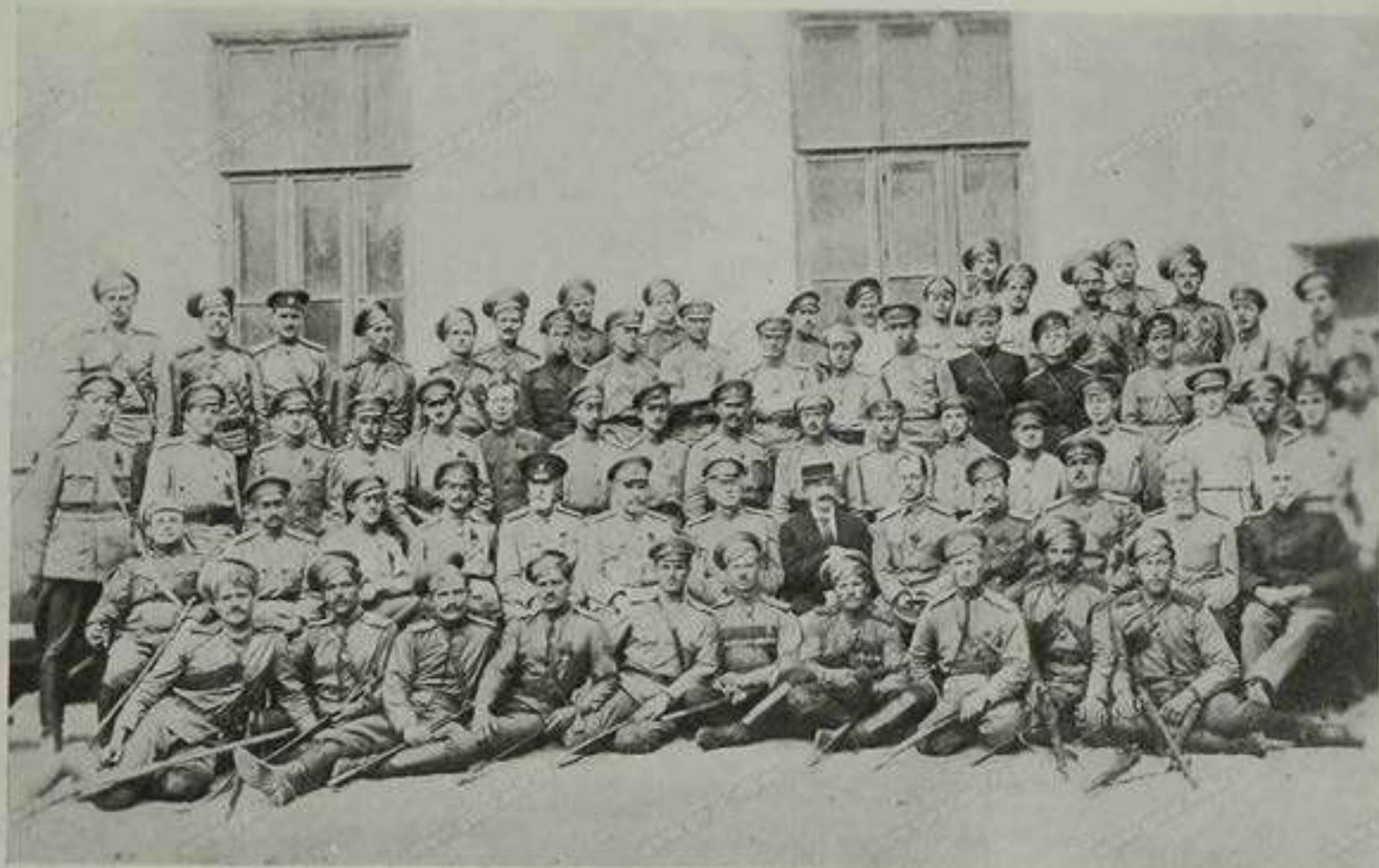
Часть Постоянной Арміи имѣла и специальную цѣль:

Уже вѣ своей первой программной рѣчи на Большомъ Войсковомъ Кругу генералъ Красновъ сказалъ: «Россію не спасутъ ни немцы, ни англичане, ни американцы... Россію спасетъ сама Россія. Спасутъ Россію ея казаки... и только тогда будетъ законченъ страшный крестный путь казачества»...

Выше мы видели возникновеніе трудностей даже при переводѣ бойцовъ

*) Ген. Красновъ. «Все великое Войско Донское». Стр. 232.

**) Полк. Добрынинъ. «Вооруженная борьба Дона съ большевиками». «Донская Жизнь», № 1, стр. 106.

Группа коренных офицеров, вахмистров и урядников ЛеВб Гвардии Казачьего полка, вошедших в состав молодого полка, вместе со своими старыми командирами и офицерскими делегациями от полков 1 Донской конной дивизии, снятая в июне 1918-го года во дворе Донского Музея в городе Новочеркасск.

изъ ихъ округа въ другой, для преодоленія коихъ потребовалось немало труда и напряженія

Еще большаго труда, а главное времени, потребовалось бы для усвоенія казаками мысли о необходимости движенія впередъ, за преѣлы области. Пока казаки видѣли русское крестьянство еще не разочарованнымъ въ надеждѣ на благость большевизма, пока видѣли неокрѣпшее положеніе собственнаго Края, двинуть ихъ впередъ, за границу Войска, не представлялось возможнымъ.

Между тѣмъ, обстановка могла срочно потребовать этого выдвигенія.

...«Донской Атаманъ, — пишетъ генералъ Красновъ *)», рѣшилъ идти съ казаками спасать Россію не на словахъ только, а на дѣлѣ. Онъ готовилъ и берегъ для этого особый 30-тысячный корпусъ молодыхъ казаковъ: 1-я Донская дивизія — 5000 шашекъ, 12 конныхъ орудій, 1-я пластунская бригада — 8000 штыковъ, 8 полевыхъ и 4 тяжелыхъ орудій, 1-я стрѣлковая бригада, 8 полевыхъ орудій и 4 мортиры, 1-я саперная батальонъ — 1000 штыковъ, техническія войска, броневые поезда, броневая машина, аэропланы... должны были идти на Москву. Атаманъ зналъ, — добавляетъ генералъ Красновъ, что эти-то казаки пойдутъ... а за ними пойдеть еще столько же»...

Въ основу формированія Постоянной Арміи были заложены слѣдующія положенія:

Части комплектовались въ тыловомъ районѣ, молодыми и необученными казаками призыва 18 и 19 годовъ, еще не служившими, а потому не затронутыми революционными новшествами.

Обученіе и служба частей велась строго на основаніи уставовъ старой Россійской Арміи, безъ измѣненій революціоннаго времени.

Обмундированіе, вооруженіе и конскій составъ должны были быть казенными, отъ Войска.

Штабъ коннаго полка въ 6 сотенъ, пулеметной команды и команды связи состоятъ:

Людей	1326, изъ коихъ строевыхъ 1061, нестроевыхъ 265.
Лошадей	1223, изъ коихъ строевыхъ 1061, обозныхъ 162.
Винтовокъ	981.
Шашекъ	1326.
Пулеметовъ	6.

Урядничій составъ первоначально состоятъ изъ старыхъ казаковъ, по выбору командировъ полковъ, а впоследствии долженъ былъ быть укомплектованъ выпусками урядниковъ изъ молодыхъ казаковъ, командированныхъ изъ строя и обученныхъ въ специально для этого созданномъ Учебномъ полку.

Офицерскій составъ подбирался начальниками дивизій, причемъ для 1-го и 2-го полковъ офицерскій составъ коихъ составили Лейбъ-Казаки и Атаманъ.

*) Ген. Красновъ, «Всевазкое Войско Донское», Стр. 222.

ны, была сохранена традиция предварительной баллотировки кандидата собранием г. г. офицеров полка.

Начальником 1-й Донской Конной дивизии были назначены Генерального Штаба генерал-лейтенанты Федор Федорович Абрамов, коренной офицер Л. Гв. 6-й Донской Казачьей Е. В. батареи, авторитетный, требовательный и знающий в совершенстве строевое дело начальник.

Командиром бригады были последний командир Гвардейской Казачьей бригады, коренной Атаманец, генерал-майор Тимофей Васильевич Михайлов.

Командиром 1-го полка были последний командовавший Л. Гв. Казачьем полком полковник Василий Абрамьевич Дьяков.

Обращаясь к офицерскому составу молодого полка, отметим, что он в основном был образован офицерами старого Л. Гв. Казачьего полка.

Кроме 33 офицеров старого состава, в течение лета 1918 года было вновь зачислено, а также прикомандировано 24 новых молодых офицера.

Из этого числа, в течение 1918 года, покинуло полк 5 офицеров старого состава и 2 молодого, и, таким образом, к концу 1918 года в полку состояло 50 штаб- и обер-офицеров.

Справка: Полный список г. г. офицеров 1918 года помещен в конце главы.

К формированию полка было приступлено в конце мая, в Артиллерийских казармах города Новочеркасска, куда и прибыли мобилизованные казаки Черкасского и Донского округов.

Одновременно с организационной работой по налаживанию довольствия людей и лошадей, деятельности полковой и сотенной канцелярий, по организации сапожной, швальной, шорной и оружейной мастерских, было приступлено к обучению казаков.

Условия работы были нелегки.

Первоначально было очень мало урядников, и вся тяжесть работы ложилась на плечи офицеров.

Часть последних жила в бараках с казаками, причем, за недостатком урядников даже листы нарядов велись офицерами.

Казаки, в расчете на казенное снаряжение, приходили очень плохо одетыми, частью без сапог. Интенданство же, как и полковая мастерская, находилась в стадии зарождения и ничего не юкли.

В казармах были размещены другие части, и было очень тесно.

Большевизм в части населения города еще не был изжит и среди казаков велась агитация.

Молодые казаки 18 и 19 годов, почти юноши, отличались крайней впечатлительностью, почему первое время не обходилось без непорядков. Как пример, приведем случай паники, охватившей казаков в первые недели бытия молодого полка.

Какой-то казак упал ночью в обморок. Под влиянием каких-то

то посторонних лиц, в казармах распространились слухи, что, якобы, пушены ядовитые газы, что началась чума или холера, что в такой-то со-
ит уже умерло столько-то казаков и что надо уходить скорѣе по домамъ.
Въ результатѣ некоторая часть казаковъ разбѣжалась. Остальные были
остановлены и успокоены подошедшими офицерами. На утро вернулись и
разбѣжавшіеся. Виновные въ подстрекательствѣ были строго наказаны, и
все успокоилось.

Были и другія попытки, подъ вліяніемъ агитации извнѣ, поднять беспорядки, но они пресѣкались въ зародышѣ, виновные отдавались суду и несли
строгое наказаніе, и вскорѣ дисциплина окрѣпла настолько, что въ дальнѣй-
шемъ не было болѣе и попытки къ какому-либо неповиновенію.

3-го іюня полкъ, по приказу Атамана, былъ переведенъ на Персіановку, въ лагерь Кадетскаго Корпуса.

Здѣсь работа пошла интенсивнѣе и еще успѣшнѣе.

Полкъ постепенно отѣлся. Заработали интендантство и полковая ма-
стерскія. Приказомъ Атамана была установлена справедливая плата за по-
лученное изъ дома обмундированіе, бѣлье и сапоги, что увеличило поступ-
леніе изъ дома.

Изъ станицы Каменской были привезены уцѣлѣвшіе отъ большевист-
скаго разгрома старые запасы полка, въ числѣ коихъ сохранилось 1000 муш-
кетровъ, 1000 паръ погоней, обозная упряжь, пулеметные възки, большой за-
пасъ сѣделъ и сѣдельныхъ принадлежностей, инструменты мастерскихъ, пики
и иное, весьма пригодившееся имущество.

Изъ этого же запаса былъ привезенъ полный хоръ трубъ, послѣ чего
въ полкъ были зачислены опытный старшій капельмейстеръ Плататка и рядъ
старшихъ полковыхъ трубачей, образовавшихъ отличный хоръ.

Пища въ полку была сытная и отличнаго вкуса и качества. По старой
полковой традиціи, между сотенными командирами шло соревнованіе въ ка-
чествѣ пищи. Продукты, очень доброкачественные, поставлялись интендант-
ствомъ весьма исправно.

Стреловыя занятія шли интенсивно, подъ непосредственнымъ наблюде-
ніемъ и руководствомъ начальника дивизіи генерала Абрамова, ежедневно
обходящаго полку.

Между полками шло соревнованіе въ воинскомъ воспитаніи и подготовкѣ
казаковъ. Въ Лейбъ-Казачьемъ полку, по старой гвардейской традиціи, боль-
шое вниманіе было обращено на исправку каждаго отдельнаго рядового, и
скоро полкъ выдѣлился въ дивизіи отчетливостью своихъ казаковъ.

Относительно быстро казаки усвоили все тонкости пѣшого строя.

Сложнѣе обстояло дѣло съ конными занятиями.

Сказался недостаток лошадей, коней должно было поставить Задонское коневодство. Сильно разоренное во время смуты и гражданской войны, послѣднее не смогло сразу справиться съ задачей, и первое время из каждой сотни вышло лошадей лишь на одну конную взводь.

Приказомъ Атамана была установлена выплата стоимости приводимаго изъ дома казакѣмъ коня, и этой мѣрой количество лошадей сильно увеличилось. Все же, несмотря на все усилія, количество лошадей, вмѣстѣ съ полученными изъ Задонья, не превышало 50 процентовъ штата и половина состава полковъ 1-й дивизии осталась спѣшенной.

Лошади, поступивши изъ Задонья, были прекрасныхъ качествъ, рослая, хорошихъ кровей, но поступали въ полкъ 3-лѣтками, почему приходилось одновременно обучать всадника и подѣлывать лошадь.

Все же къ сентябрю Лейбъ-Казакки прошли курсъ смѣной ѣзды и владѣнія оружіемъ съ коня, прошли взводное учение и продѣлали нѣсколько сотенныхъ учений.

Особое вниманіе было обращено на воспитаніе казака въ духѣ старыхъ воинскихъ традицій и уставовъ, и въ полку была установлена такой же твердый внутренний порядокъ, какъ и въ дореволюціонное время. Отношеніе къ рядовому казаку было строгое, безъ поблажекъ по службѣ, но и одновременно попечительное, до высшаго предѣла, въ смыслѣ заботы объ улучшеніи условий жизни и питанія подчиненныхъ.

Взысканія налагались по старому уставу, причемъ арестъ былъ замѣненъ постановкой въ боевую.

Въ такомъ же духѣ велось дѣло и въ сосѣднемъ 2-мъ полку, офицерскій составъ коего былъ Д. Гв. Атаманскаго полка.

Революціонная распушенность настолько вошла въ нравы общества, что нашлись круги въ Новочеркасскѣ, осуждавшіе внутренний порядокъ въ бригадѣ.

Характеренъ нижеслѣдующій случай:

Полкъ съ июня несъ карауль въ Новочеркасскѣ, причемъ караульная служба, какъ живущая большое воспитательное значеніе, была у Лейбъ-Казакѣ поставлена образцово, строго по петербургскому образцу.

Однажды въ кулуарахъ Круга, къ часовому Лейбъ-Казакѣ подошелъ какой-то депутатъ и спросилъ, правда ли, что казакѣмъ въ Постоянной Арміи, изъ-за строгости начальства, тяжело живется. Часовой коротко отвѣтилъ, что онъ часовой, не можетъ разговаривать, и предложилъ члену Круга отойти.

«Дѣйствительно, теперь я самъ вижу, — сказалъ обиженный избранникъ народа, — что васъ учатъ только ногами топать, за руками махать, а не разговаривать съ людьми...» Объ этомъ разговорѣ часовой доложилъ командиру сотни.

Во 2-й полкъ однажды была послана Кругомъ небольшая коммиссія проверить слухи объ якобы излишней строгости строевого начальства.

68

Только энергичной поддержкой Атамана генерала Краснова и начальника дивизии генерала Абрамова попытки, пережитками революционного периода, ослабить порядки в частях были отбиты.

Тем большим удовлетворением для Гвардейской Казачьей бригады явился парад 26-го (ст. ст.) августа, где Атамань представил Большому Войсковому Кругу всю молодую Постоянную Армию.

Уже 16-го (ст. ст.) августа съехавшиеся в Новочеркасск члены Круга видели, после молебна, на площади Войскового собора, сборная сотня, высланная от всех частей Постоянной Армии.

Несмотря на короткий срок обучения, сотня юфли видя хорошо дисциплинированных частей подлинной Армии. Они блистали, конечно, не «революционной дисциплиной» времени Керенского, как и не дисциплиной Добровольческих частей, хотя и носившей облик трогательной идейной жертвенности, но имевшей своеобразный характер *), а дисциплиной подлинной, служившей показателем прочного внутреннего порядка, основанного на твердом законе — воинском уставе.

Если «дисциплинированность» времени Керенского свидетельствовала о полной слабости революционной армии, если дисциплина Добровольческих частей свидетельствовала о легшем незолотом в основу строительства Добровольческой Армии начале импровизации, то дисциплинированность впервые увидевших членами Круга частей Постоянной Донской Армии говорила о торжестве начала прочной организации, сторонником коего и талантливым представителем являлся генерал П. Н. Краснов.

Круг понимал, что война затягивается, и чувствовал, что импровизационным строительством не победить, а поэтому и первая крупная организационная улачка генерала Краснова была воспринята горячо. Круг постановил отдать приказ по Войску, в котором говорилось:

«Донские орлы! Слезы гордости и безконечной радости блестяли у ваших щек и отцов, когда вы стройными и мощными колоннами проходили мимо войсковых регалий и старых боевых знамен — ихних свидетелей былых подвигов и славы казачьей...

«Только 2½ месяца прошло, как вы слетелись на службу Тихому Дону... но успела вырасти из вас молодая и сильная Армия»...

*1) Ген. П. Н. Краснов. «В. В. Донское». Стр. 204: «... В Добр. Армии была дисциплина новая, упрощенная... часто офицерски расхваленная»...

«Очерки» ген. Деникина. Том III, гл. XVIII. «... Принципы Добровольчества — привлекая в Армию элементы стойкие и мужественные, вместе с тем создавая некоторую своеобразную форму дисциплины, не укладывавшейся в рамки старых уставов»...

«Походы Ковалова». А. А. Суворин. Стр. 108: «... О Добровольческой Армии всегда можно сказать — доблести много, дисциплины мало... «Безъ устава всь разговоры о дисциплине останутся только разговорами»...

26-го (ст. ст.) августа предстояло показать членам Круга уже всю Постоянную Армию, и на Персиановском полѣ выстроилось 7 батальоновъ, 33 сотни спѣшенныхъ казаковъ, 6 батарей, 16 конныхъ сотенъ, одна мортир-ная батарея и 5 аэроплановъ.

...«Бѣлая славная Армія 1914 года, — пишетъ генералъ Красновъ *), — возродилась въ лицѣ этихъ бравыхъ юношей, отлично кормленныхъ, развитыхъ гимнастикой, прекрасно выправленныхъ, бодро маршировавшихъ въ новой, щегольски пригнанной одеждѣ»...

Послѣ прохождения частей кто-то изъ членовъ Круга сказалъ, что великолѣпное прохожденіе церемоніальнымъ маршемъ еще не показываетъ готовности къ бою, и генералъ Красновъ, вызвавъ 1-ю конную сотню Лейбъ-Казаковъ и 3-й стрѣлковый батальонъ (укомплектованный Донскими крестьянами), приказалъ показать конное и пѣшее ученіе.

Какъ то, такъ и другое были показаны великолѣпно, и члены Круга пришли въ восторгъ. Предсѣдатель Круга Харламовъ произнесъ передъ строемъ приветственную рѣчь, въ которой говорилось:

...«Армія сильна желѣзной дисциплиной, революціонной дисциплиной и т.д., а есть одна дисциплина, требующая точнаго, неуклоннаго, безоговорочнаго и немедленнаго исполненія приказанія начальника... Армія сильна, когда она не занимается политикой... Армія сильна, когда она единодушна и составляетъ одну семью, проникнутую духомъ чести и рыцарства... Убѣждены, что такую сильную Армію Большой Войсковой Кругъ видитъ въ насъ... Донскіе орлы, Донской Кругъ гордится своей Арміей».

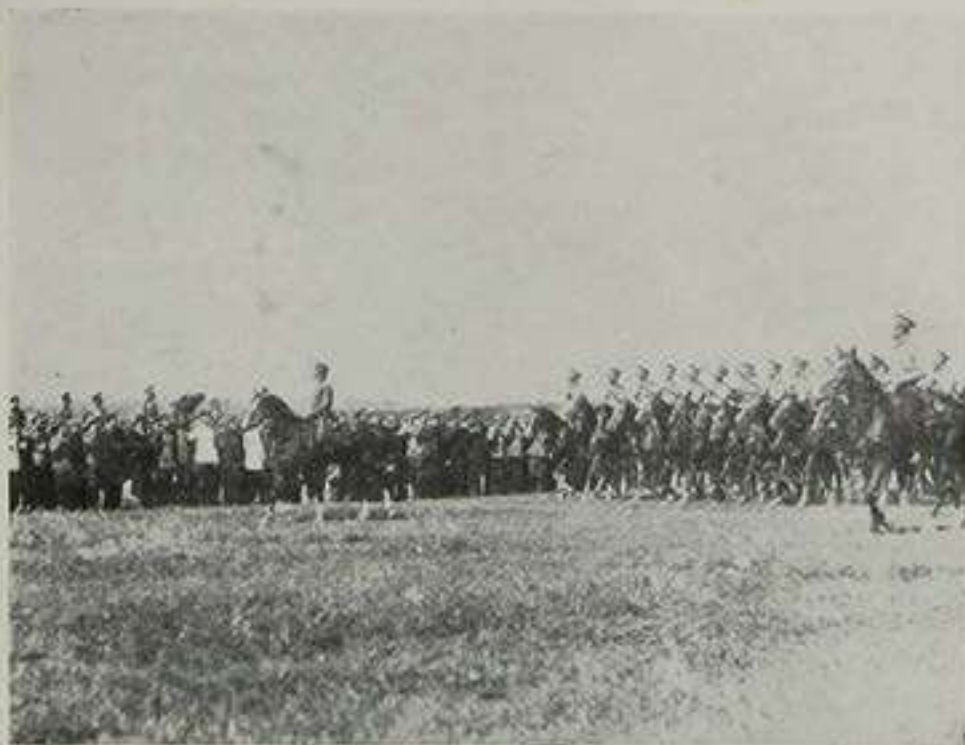
Объявляю постановленіе Круга о произволствѣ генерала П. Н. Краснова въ генералы отъ кавалеріи»...

Успѣхъ смотра подготовилъ почву въ Кругѣ для возбужденія вопроса о возстановленіи наименованій историческихъ Донскихъ полковъ. Вопросъ этотъ былъ рѣшенъ Кругомъ 3-го сентября, а 4-го былъ отданъ нижеслѣдующій приказъ:

Приказъ Всевеликому Войску Донскому, № 391, 4-го сентября 1918-го года, Новочеркасскъ.

«Согласно съ постановленіемъ Большого Войскового Круга, въ 3-ій день сего сентября состоявшагося, въ увѣковѣченіе доблести и воинской славы казачьихъ полковъ, побѣдами и кровію заслужившихъ себя Георгіевскіе штандарты и знамена, и забытая исторія подвиговъ ихъ, передаваемая изъ рода въ родъ, отъ отца къ сыну, запечатлѣвала въ сердцахъ казачьихъ бѣдную ношу казачью и удали, и благородство, и красоту воинскихъ подвиговъ, кои хранились въ заветѣхъ предковъ, въ ихъ старыхъ обычаяхъ, въ полковыхъ маршахъ и почитаніи святыхъ, покровителей полковъ, преемственно благословлявшихъ полки на подвиги; сохраняя въ неприкосновенности полное ра-

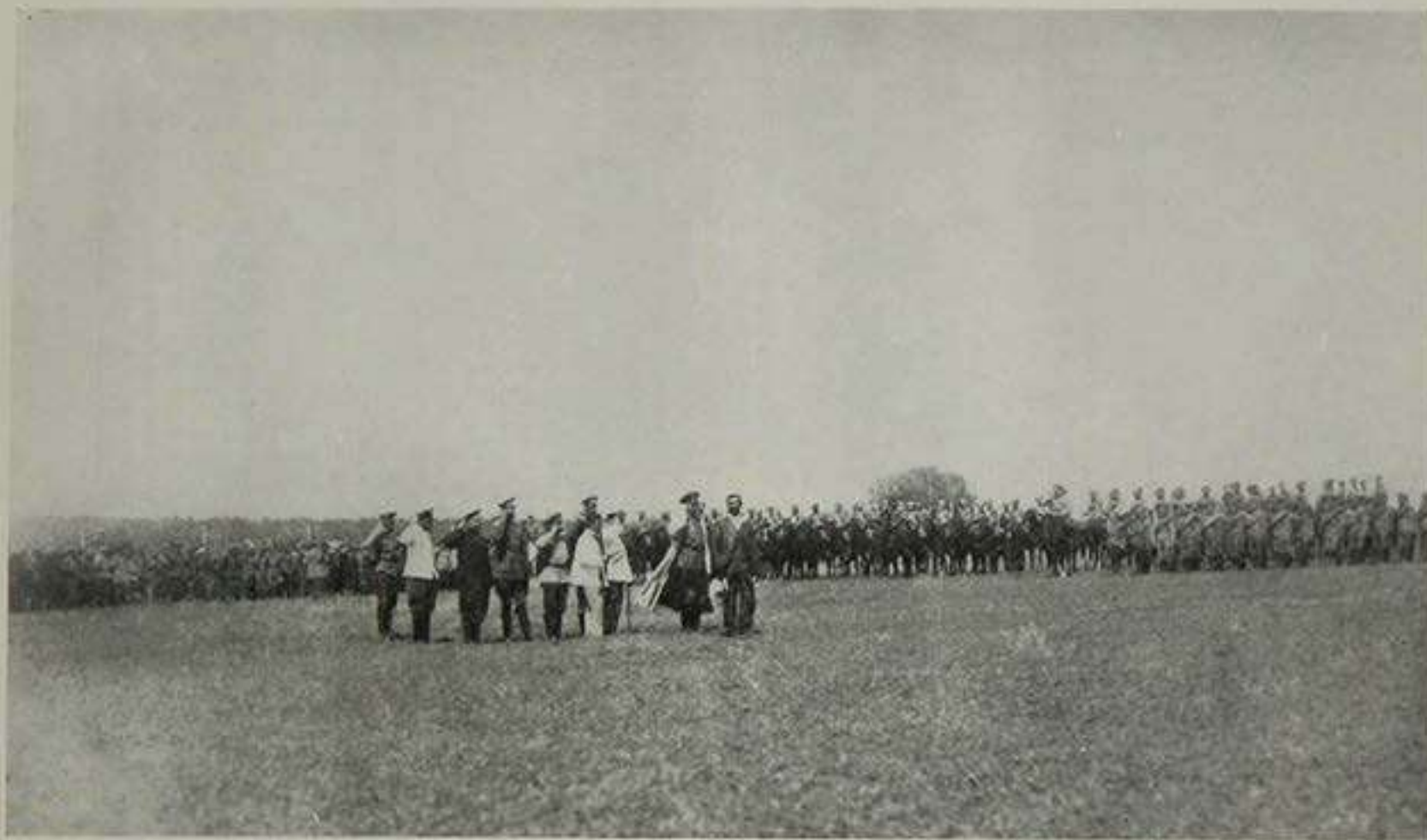
*) «В. В. Донское». Ген. Красновъ. Стр. 228.

Прохождение конных ротень 1-ой Донской Конной дивизии на смотре молодой
Донской Армии 26-го Августа 1918-го года.

Прохождение пехотки (еще не получивших лошадей) ротень 1-ой Дон. Кон. Дивизии
на смотре молодой Донской Армии 26-го Августа 1918 года.

Речь Председателя Большого Войскового Круга В. А. Харламова на смотре постоянной молодой Донской Армии 26-го Августа 1918 года.

венство въ чинахъ и окладахъ содержания и не даванъ никакихъ преимуществъ по службѣ, предписываю:

1-му Донскому Казачьему и 2-му Донскому Казачьему полкамъ, какъ составленнымъ изъ казаковъ Черкаскаго и 1-го Донскаго округовъ, — самыхъ старинныхъ казачьихъ становъ низовой вольницы Донской, пріять отнынѣ и впредь наименованіе, боевые Георгіевскіе штандарты, бунчукъ и знамена, серебряныя трубы, отличія на шапки и боевые марши, исторію и дни полковыхъ праздниковъ:

1-му Донскому Казачьему полку — Лейбъ-Гвардіи Казачьяго Его Величества полка и именоваться впредь Л. Гв. Казачьимъ полкомъ.

2-му Донскому Казачьему полку — Лейбъ-Гвардіи Атаманскаго Его Императорскаго Высочества Государя Наслѣдника Цесаревича полка и именоваться впредь — Л. Гв. Атаманскимъ полкомъ.

6-й Донской Казачьей батареей — формируемой изъ казаковъ Хоперскаго, Усть-Желѣдникаго и Верхне-Донскаго Округовъ старѣйшихъ казачьихъ поселеній по Хопру, Меладницѣ и Бузулуку старинной верховой вольницы казачьей, пріять наименованіе, серебряныя Георгіевскія трубы, исторію и маршъ Гвардейской Конной Артиллеріи Л. Гв. 6-й Донской Казачьей Его Величества батареи и именоваться впредь Л. Гв. 6-й Донской батареей...

Далѣе въ томъ же приказѣ передавались Георгіевскія знамена и наименованія старыхъ Донскихъ казачьихъ полковъ всѣмъ другимъ частямъ Постоянной Арміи, кромѣ 3-го Калмыцкаго, укомплектованнаго калмыками, полка, получившаго особое знамя, калмыками ему поднесенное, и сохранившаго наименованіе Калмыцкаго, и 3-го и 4-го стрѣлковыхъ полковъ, укомплектованныхъ Донскими крестьянами. (Примѣчаніе: въ 3-ій стрѣлковый полкъ влились офицеры Л. Гв. Финляндскаго и Л. Гв. Измайловскаго полковъ. Къ 26-му ноября въ полкъ было доставлено знамя Л. Гв. Финляндскаго полка, и 3-й полкъ приказомъ Донскаго Атамана былъ переименованъ въ Лейбъ-Гвардіи Финляндскій).

8-го сентября (ст. ст.) въ Л. Гв. Казачьемъ полку, на Персиановскѣ, былъ устроенъ конный праздникъ.

Планъ, находящійся между рошей и питомникомъ, былъ убранъ зеленью и приведенъ въ праздничный видъ. Для гостей — устроена трибуна. У роши былъ организованъ офицерами открытый буфетъ для приглашенныхъ.

Въ 2 часа подошла специальная поѣздъ изъ Новочеркасска, наполненный гостями. Прибыли: Донской Атаманъ съ супругой, нѣкоторые члены Круга, Командующій Арміей, начальствующія лица, представители воинскихъ частей и учреждений и много представителей и представительницъ новочеркасскаго общества.

Приблизиле заняли трибуну, а напротивъ, по другую сторону спортив-

ной дорожки, широко разместились казаки и казачки, родственники казаков полка, съехавшиеся из ближайших станиц.

Было показано: 1) преодоление офицерами полка на собственных и казенных лошадях многочисленных и разнообразных препятствий, высотой не менее 1½ аршин.

2) Сокольская гимнастика в состав сотни казаков с винтовками, под оркестр.

3) Вольная гимнастика казаков.

4) Гимнастика офицеров на снарядах.

5) Рубка шашкой и уколы пикой офицеров и казаков.

Предполагалась джигитовка офицеров, но генерал Краснов категорически воспротивился, сказав: «Офицеров у меня мало, и не могу ими рисковать, так как они мне нужны для более серьезного дела».

Хорошая организованность и блестящий результат праздника произвели глубокое впечатление на присутствующих.

Было наглядно показано, что можно сделать в 2-3-месячный срок из сырого необученного казака, в условиях правильно организованной работы хорошего офицерского состава, спаянного любовью к своему полку.

Лестно и горячо отзывались о всем виденном приглашенные генералом Красновым представители германского командования.

Большое удовлетворение дала офицерам полка похвала присутствовавших на праздник, одной с Лейбь-Казачами школы Гвардейского корпуса, офицеров Л. Гв. Финляндского полка, пришедших в восторг от порядка выхода на сокольскую гимнастику 1-й сотни полка, державшей равнение и ногу, как учебная команда старого времени.

Еще большее удовлетворение дала, как всегда немногословный, приказ по 1-й дивизии обычно не щедрого на похвалу генерала Абрамова: «Лейбь-Гвардии Казачий полк устроил конный праздник».

Красивый был праздник.

Благодарю г. г. офицеров за старание и работу».

Во второй половине сентября 1-я дивизия была поставлена на зимние квартиры. Лейбь-Казачи стали гарнизоном гор. Ростова. Атаманы — Таганрога, 3-й Калмыцкий полк — Александровска-Грушевского и 4-й Донской — Новочеркасска.

К 29 сентября Лейбь-Казачи сосредоточились в казармах 136 Таганрогского полка в гор. Ростове. Первое время было тесновато, ибо в тех же казармах размещался батальон германской пехоты, отношения с коим, однако, были обоюдно корректны. С уходом германцев, в ноябре, полк занял все помещения казарм и разместился достаточно хорошо и просторно.

К тому же времени Инженерное Ведомство пристроило три деревянных коюшени на 200 лошадей каждая.

Въ Ростовѣ попрежнему шла интенсивная работа строевой подготовки казаковъ и кромѣ того полкъ несъ нарядъ по окарауливанію нѣкоторыхъ учреждений въ городѣ.

Ежедневно въ нарядъ уходилъ одинъ командиръ сотни, 4-5 офицеровъ и отъ 50 до 100 казаковъ.

Кромѣ того, полкъ принималъ періодическое участіе въ облавахъ на большевиковъ, конхъ въ Ростовѣ было еще довольно много. Къ послѣднему наряду казаки относились съ большимъ рвеніемъ, почему никакихъ большевистскихъ выступленій въ городѣ не было.

Служба офицера въ полку была не легка:

Командиры сотенъ кипѣли, какъ въ котлѣ, съ ранняго утра до поздняго вечера, ибо, хотя составъ урядниковъ сильно увеличился еще въ Персиановкѣ, но полнаго штата все же не было.

Младшій офицеръ, если онъ былъ свободенъ отъ наряда, начиналъ занятія въ сотиѣ въ 8 час. утра. Въ 12 час. обѣдалъ въ собраніи, а затѣмъ снова шель въ сотню на послѣобѣденныя занятія, по окончаніи конхъ, до ужина, велась специально офицерскія занятія по усовершенствованію военныхъ знаній. Только въ 7 час. вечера офицеръ освобождался.

Функционировало офицерское собраніе.

Такъ какъ полкъ готовился къ выступленію на фронтъ, то особыхъ мѣръ къ украшенію собранія не принималось, но все же собраніе было благоустроено, и офицеры имѣли недорогое и приличное довольствіе, насколько то позволяла скромный окладъ содержанія (350 рублей въ мѣсяцъ). Главное же, въ собраніи офицеры имѣли мѣсто, гдѣ могъ отдохнуть душой въ общеніи съ другими офицерами, дѣлаться впечатлѣніями, надеждами на будущее, а также слушая повѣствованія старшихъ о славномъ прошломъ Л. Гв. Казачьяго Его Величества полка.

Первый разъ собраніе зажило полной жизнью 4-го октября, когда съѣхались на полковой праздникъ и всѣ старослуживые Лейбъ-Казакіи.

Въ этотъ день переть строемъ спѣшеннаго полка Атаманъ генераль Красновъ торжественно передалъ молодому полку старый стѣлой Лейбъ-Казачій Штандартъ, хранившійся до этого дня въ полковомъ музеѣ, при войсковомъ, въ гор. Новочеркасскѣ.

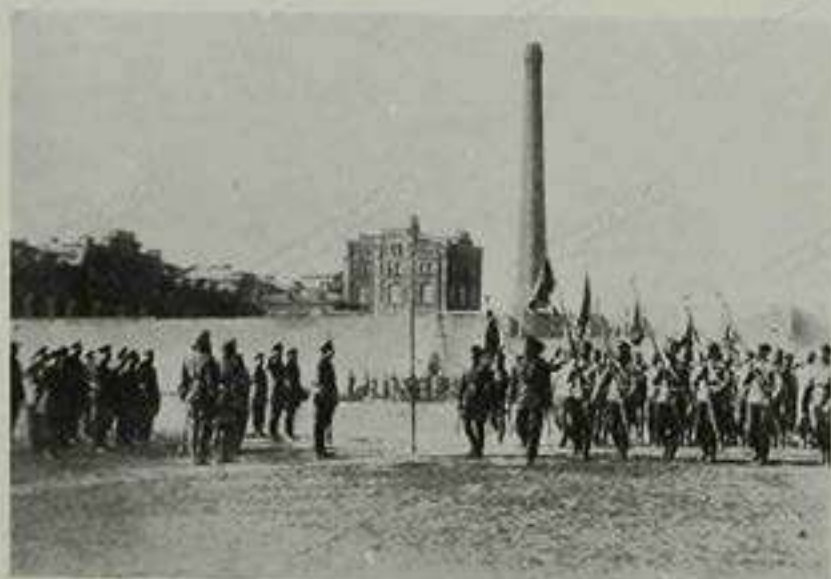
Послѣ молебна состоялся парадъ, а затѣмъ гости были приглашены на традиціонный обѣдъ въ собраніе.

Игралъ прекрасно сыгравшійся хоръ полковыхъ трубачей, и обѣдъ прошелъ съ громаднымъ подъемомъ.

Въ Ростовскій періодъ полкъ былъ уже хорошо одѣтъ: изъ части па-

Полковой праздник 4-го Октября 1918 года.

Полковой праздник 4-го Октября 1918 года.

Прохождение полка церемониальным маршем передъ Донскимъ Атаманомъ генераломъ П. Н. Красновымъ. Въ головѣ штандарты полка. На правомъ флангѣ послѣдній Георгіевскій, пожалованной Императоромъ Александромъ II въ 1875 году, дабы два штандарта, съ мальгійскими крестами, пожалованные Императоромъ Павломъ I-мъ въ 1799 году, дабы — три Георгіевскихъ штандарта за отличие въ Отечественную Войну и за атаку подъ Лейпцигомъ въ 1813 году, пожалованные полку Императорами Александромъ I и Николаемъ I.

42

радныхъ мундировъ были пошиты на несъ полкъ щегольскія алыя безкозырки, шорная мастерская изготовила полный комплектъ бѣлой гвардейской амуниціи, получены изъ интендантства новыя шинели, на кои полковой швальней нашиты новыя алыя погоны.

Красивый вишній видъ нуженъ былъ не только какъ воспитательное начало для казаковъ, но и потому, что изъ Ростовъ (какъ въ прежнее время въ Петербургѣ) полкъ несъ представительства Войска Донского, участіемъ въ приемахъ разнаго рода делегаций.

Прежде чѣмъ перейти къ краткому описанію этихъ приемовъ, скажемъ нѣсколько словъ о тѣхъ настроеніяхъ казачества, кои были связаны съ приходомъ союзныхъ делегаций.

Съ побѣдой надъ германцами, возникла надежда на помощь союзниковъ въ дѣлѣ борьбы Юга Россіи съ коммунизмомъ.

Казалось, что теперь союзники должны отдать свой долгъ Россіи, принесшей въ свое время для успѣха общаго дѣла неисчислимо число жертвъ.

Югъ Россіи не имѣлъ почти фабрично-заводской промышленности. Затяжная война требовала пушекъ, снарядовъ, патроновъ, медикаментовъ и обмундирования, что можно было достать только извнѣ.

Донское казачество, въ борьбѣ съ большевиками, выставило до 100.000 бойцовъ, давъ предѣльное напряженіе, и этого напряженія оказалось достаточно лишь для удержанія границъ Области.

Было ясно, что безъ помощи извнѣ нельзя сдвинуться впередъ, а безъ движенія впередъ не могло быть рѣшительной побѣды и конца войны.

Генераль Красновъ, съ первыхъ дней атаманства, обратился къ нѣмцамъ, занимавшимъ Украину и Ростовъ, и заключилъ съ ними вродѣ договора о нейтралитетѣ, въ обмѣнъ на хлѣбъ, получалъ изъ Украины снаряды и патроны, коими по-братски дѣлился съ Добровольческой Арміей.

Съ уходомъ нѣмцевъ не только отпала украинскій источникъ снабженія, но и образовался новый Донецкій фронтъ борьбы съ большевиками, протяженіемъ въ 600 верстъ.

Потреба въ помощи извнѣ усилилась.

Союзники же не появлялись, и духъ казаковъ на фронтѣ, напряженно, въ условіяхъ невфронтныхъ лишеній, почти уже годъ ведшихъ борьбу и поэтому усталыхъ, начиналъ замѣтно понижаться.

Генераль Красновъ спѣшно послалъ делегацию, съ генераломъ Сазоновымъ во главѣ, въ Яссы, гдѣ, подъ главенствомъ маршала Франц-д'Эсперэ, шло совѣщаніе союзниковъ.

Донская делегация запоздала и нашла на мѣстѣ лишь генерала Бертелло, вышедшаго всѣмъ исчерпывающимъ инструкціямъ изъ Версаля.

...«Въ Версалѣ, — пишетъ ген. Красновъ, — рѣшено было признать

единымъ Вождемъ на Югѣ Россіи генерала Деникина... Агенты Добр. Арміи были уже при французскомъ командованіи... Они доложили объ измѣнѣ Скоропадскаго, они нарисовали Донское Войско полубольшевистскимъ государствомъ, руководимымъ немцами, не имѣющимъ никакой арміи, словомъ, *quantité négligeable* а Донского Атамана, какъ ставленника и клепрета германскаго императора... Все это было высказано генераломъ Бертелло генералу Сазонову... *).

Неудачу генерала Сазонова нѣсколько поправить, частнымъ порядкомъ, другой Донской казакъ — адмиралъ Кононовъ, присутствовавшій въ Севастополѣ при прибытіи туда англо-французской эскадры.

Ему удалось свести съ англійскимъ адмираломъ атамана зимовой станицы въ Крыму, полковника А. Е. Власова (Лейбъ-Казакъ — выпуска 1892 г.), которому удалось заинтересовать англичанина въ военной и строительной дѣятельности Донского Войска настолько, что 21-го ноября (ст. ст.), въ цѣляхъ развѣдки, въ Таганрогъ на двухъ миноносцахъ были посланы англичанинъ кап. Бондъ и французъ кап. Кошень съ нѣсколькими офицерами и матросами.

...«Какъ потомъ признавался капитанъ Бордъ, ѣхали не безъ страха: а что если на Дону большевики? Союзныхъ офицеровъ отговаривали ѣхать на Донъ, тамъ, молъ, все держалось на немцахъ, а сейчасъ безпорядокъ и большевики...

...Однако, въ Мариуполѣ ихъ ожидалъ прекрасный поѣздъ.

Въ Таганрогъ на перронѣ стоялъ прекрасно одѣтый караулъ Л. Гв. Атаманскаго полка съ хоромъ трубачей. Сябло и увѣренно трубачи заиграли англійскій гимнъ и, когда офицеры дошли до середины фронта, начали играть гимнъ Франціи.

Все это отзывало старымъ, твердымъ строемъ, а не большевизмомъ.

Въ 10 часовъ утра поѣздъ прибылъ въ Ростовъ. Такой же прекрасный караулъ отъ Лейбъ-Казачьяго полка ихъ ожидалъ...

...Въ Новочеркасскѣ — почетный караулъ отъ 4-го Донского Казачьяго полка и, по двухверстному пути отъ станицы до собора, стояли шпалерами войска молодой Арміи, пѣхота, кавалерія и артиллерія...**).

Прибышей делегации генераль Красновъ показалъ Донскую Офицерскую Школу, Военное Училище, гимназию, Кадетскій Корпусъ, Донской Мариинскій Институтъ, военно-ремесленную мастерскія гор. Новочеркаска, отвезъ показать Сѣверный фронтъ и на обратномъ пути показалъ Русско-Балтійскій заводъ въ Таганрогѣ, гдѣ полнымъ ходомъ шла перестройка завода на изготовленіе снарядовъ и патроновъ.

Въ своемъ офицерскомъ собраніи, по пути въ Ростовъ, Лейбъ-Казакъ чествовали делегацию торжественнымъ обѣдомъ. Было много рѣчей, и звуки російскаго гимна чередовались съ гимнами французскимъ и англійскимъ.

Докладъ делегации главѣ прибывшей черезъ Новороссійскъ въ Екате-

*) Ген. Красновъ. «В. В. Донское». Стр. 254.

**) Ген. Красновъ. «В. В. Донское». Стр. 270.

ринозари союзнической миссии генералу Пулю произвели впечатление: и генераль Пуль пожелал видеть генерала Краснова.

Свидание состоялось 13 декабря в Кушевкѣ, причем генераль Пуль условиемъ помощи союзниковъ Дону поставилъ признание Донскимъ Атаманомъ принципа единого командования на Югѣ Россіи генерала Деникина.

Одновременно выяснилось, что командование Добровольческой Арміи желаетъ получить въ свои руки, какъ условіе максимальнаго успѣха военныхъ общихъ операций, не только оперативное объединение всѣхъ Армій Юга Россіи, но и распоряженіе Донской Арміей въ организационномъ отношеніи (назначеніе команднаго состава, переводъ Донской конницы въ составъ Добр. Арміи), какъ и распоряженіе средствами военного снабженія Донского Края и его железнодорожнаго транспорта **).

Генераль Красновъ согласился лишь на объединеніе Армій въ оперативномъ отношеніи и на единое представительство въ порядкѣ вышнихъ сношеній съ союзниками. На большее онъ согласиться не могъ, ибо главнымъ факторомъ широкаго участія рядового казачества въ Бѣломъ движеніи, гдѣ на 100.000 Донцовъ и 40.000 кубанцевъ приходилось всего 10.000 добровольцевъ не-казачьяго, являлось прямое участіе рядового казачества въ строительствѣ своихъ краевъ. Всякая попытка хотя бы частичнаго установленія безконтрольнаго распоряженія свыше и извѣтъ несомнѣнно была бы истолкована, какъ нарушеніе правъ казачества свободно распоряжаться своею участіемъ и какъ возвращеніе къ недоброй памяти практикѣ С.-Петербургскаго Главнаго Управленія Казачьихъ Войскъ, систематически нарушавшаго законныя казачьи права, не такъ по соображеніямъ общегосударственной пользы, сколько по неискренности въ казачьихъ вопросахъ.

Въ этихъ условіяхъ всѣ выгоды болѣе широкаго объединенія Южно-Русской власти въ однихъ рукахъ были бы сведены на-нѣтъ охлажденіемъ къ дѣлу борьбы въ рядовомъ Донскомъ казачествѣ. Не могъ генераль Красновъ согласиться на большее и потому, что въ смыслѣ организационной работы Донское Войско, по его глубокому убѣжденію, стояло много выше чисто бюрократическаго типа, оторванныхъ отъ населенія, учреждений Добровольческой Арміи, вынужденныхъ вести работу преимущественно въ порядкѣ импровизационномъ.

Объединеніе командования Вооруженными Силами Юга Россіи въ рукахъ ген. Деникина было встрѣчено въ Лейбъ-Казачьемъ полку спокойно.

Офицеры полка сознавали, что объединеніе командования, кромѣ значенія чисто боеваго, не можетъ не отозваться и на политической сторонѣ общаго дѣла и, въ частности, неминуемо вызоветъ отходъ на второй планъ генерала П. Н. Краснова.

Генерала Краснова хорошо знали и высоко цѣнили въ полку по всей его службѣ, какъ твердаго монархиста, а, слѣдовательно, сторонника Вели-

***) Ген. Красновъ. «В. В. Донское», Стр. 281 и 285.
К. Соколовъ. «Правленіе ген. Деникина», Стр. 64-66.

кдержавности Россійской, и вѣрили его словамъ, неоднократно имъ повтореннымъ, что по окончаніи устройства Казачьихъ Краевъ и Юга Россіи и прочному обезпеченію правъ Донскаго Казачества, онъ поведетъ далѣе на возсозданіе Державы Россійской.

Лозунгомъ генерала Краснова «Императорская Россія» всецѣло поглощался лозунгъ Добровольческой Арміи «Единая Недѣлимая».

Генерала Деникина сузили по строительству Добровольческой Арміи, гдѣ при большой неопредѣленности въ цѣляхъ, была вложена мысль объ исключительномъ представительствѣ ея, уже въ данное время, Россійской Государственности.

Въ пониманіи офицеровъ, генералы Красновъ и Деникинъ строили одно и то же зданіе, причемъ, если генераль Красновъ начиналъ постройку съ фундамента и 1-го этажа — устройствомъ казачества и Юга Россіи и только тогда предполагалъ двинуться впередъ для надстройки и увѣчнана зданія, то генераль Деникинъ начиналъ постройку съ крыши, имѣя въ фундаментѣ лишь окруженіе Добровольческой Арміи, не представлявшее для сего достаточно глубокой и широкой базы.

Однако, генерала Деникина знали и по Великой Войнѣ, какъ доблестнаго боевого генерала, и по 1817-му году, какъ честнаго и мужественнаго представителя строевого офицерства.

Поэтому объединеніе командованія въ его рукахъ было принято въ полку спокойно, съ вѣрой въ конечный успѣхъ борьбы съ большевиками.

Генераль Пуля вполне удовлетворился объединеніемъ Арміи Юга Россіи лишь въ оперативномъ отношеніи и теперь уже выразилъ желаніе посвятить лично Дюнь.

До приѣзда генерала Пули, Ростовъ посѣтили, передъ отъѣздомъ въ Парижъ, делегаты Юга Россіи на Союзническую Конференцію, бывший министръ Иностраннхъ Дѣлъ Императорской Россіи С. Д. Сазоновъ и Нератовъ.

Делегаты Юга Россіи были почтенованы Лейбъ-Казачами интимнымъ обѣдомъ въ офицерскомъ собраніи. Были рѣчи и вспоминалось державное прошлое Великой Россіи. Сазоновъ былъ слержанъ. Нератовъ плакалъ при звукахъ Россійскаго гимна.

28-го декабря (ст. ст.) въ Ростовъ прибыла союзническая миссія во главѣ съ генераломъ Пулемъ, въ составѣ 3-хъ англійскихъ офицеровъ и французовъ — капитана Фука, капитана Бертелло, лейтенантовъ Эглонъ и Эрншиъ.

На станціи Ростовъ былъ выставленъ почетный караулъ Л. Гв. Казачьяго полка въ составѣ сотня съ трубачами.

Хорошо выправленные казаки караула, щегольски и однообразно одѣтые въ сѣрые новыя шинели, въ новыяхъ алыхъ погонахъ и алыхъ однообразныхъ безкозырькахъ, въ высокыхъ форменныхъ сапогахъ, въ сѣже-выбѣленной гвардейской амуниціи, произвели большое впечатлѣніе на прибывшихъ, по контрасту со всемъ видѣннымъ ими въ Новороссійскѣ и Екатеринодарѣ.

24

Долго стояли, почтительно выгнувшись, старый английский генералъ передъ сѣдмью Георгиевскимъ штандартомъ полка, увѣчаннымъ серебрянымъ двуглавымъ орломъ и Императорскими коронами.

Прибывшей на Донъ миссiи генерала Пуля снова была показана большая организационная работа Донского Войска и порядокъ управления имъ. Видѣли гости Войсковой Кругъ, посѣтили фронтъ, видѣли возстановленный Провальскій Конный заводъ, снабжавшiя Донскую Армию военно-ремесленными мастерскими и заводы Ростова. Былъ показанъ въ Таганрогѣ переделанный генераломъ Красновымъ Русско-Балтiйскiй заводъ, уже выпускавшiй до 300.000 патроновъ въ день.

Въ Ростовѣ генералъ Красновъ подробнымъ обходомъ казармъ во время занятiй показалъ гостямъ жизнь и учебную работу Лейбъ-Гвардiи Казачьяго полка, какъ образцовой части Постоянной Донской Армии.

Послѣ завтрака въ офицерскомъ собранiи Лейбъ-Казачковъ, за которыми играли трубачи полка, генералъ Красновъ приказалъ трубить тревогу. Тревога удалась блестяще, и черезъ нѣсколько минутъ быстро, безъ всякой суеты, стройная и нарядная масса полка выстроилась на плацу казармъ и замерла въ полной боевой готовности.

31-го декабря (ст. ст.) снова, по приказанiю генерала Краснова, Лейбъ-Казачки чествовали интимнымъ обѣдомъ въ собранiи уже только часть делегати, безъ генерала Пуля.

Очень хорошее впечатлѣнiе производили англичане, въ особенности одинъ молодой, типичный кадровый офицеръ. Ему, видимо, много говорила обстановка обѣда въ офицерскомъ собранiи стараго Россiйскаго Императорскаго полка, и онъ говорилъ коротко, и удивительно созвучно общему настроенiю офицеровъ. Къ руссiйскому гимну онъ относился, какъ англичанинъ къ своему великобританскому, явно полагая, что въ Императора не можетъ быть и Имперiи, другими словами говоря, никакой единой и недѣлимой Россiи. Послѣ каждой своей рѣчи онъ просилъ исполнить руссiйскiй гимнъ, причемъ, по исполненiи просьбы, игрался и отвѣтный англiйскiй.

Иначе держалъ себя хорошо владѣвшiй русскимъ языкомъ, наученнымъ имъ во время адвокатской практики въ Одессѣ, французскiй делегатъ, депутатъ Парламента, офицеръ производства военнаго времени Эрлишъ *).

Послѣднiй говорилъ много и трескуче, главнымъ образомъ, восхваляя Францiю, ея вѣрность союзническимъ обязательствамъ, обѣщая широкую

*). Позже выяснилось, что Эрлишъ настоячиво жаловался Атаману генералу Краснову, что въ Лейбъ-Казачьемъ полку афишируются монархическiя настроенiя и что «такая монархическая пропаганда не входитъ въ планы союзниковъ».

Справка: ген. Красновъ. «Р. В. Донское», стр. 274.

помощь до войск исключительно. Ему отвечали французским гимном... и снова англичанить требовать российской гимн...

Вина было выпито море... Так как гости были приглашены встречать Новый Год в Коммерческий Клуб, то их с трубами впереди, исполнявшими поочередно гимны российской, французский и английской, доставили в клуб.

В клубе союзников чествовали ужином представители ростовских коммерческих и общественных кругов.

Уехали депутаты...

...«Пріезд союзников, — говорит генерал Краснов *), — был нарком, опьянивший казаков... работать под наркомом долго нельзя, послѣ одной дозы нужны болѣе сильная, нужно исполнение обшаний — помощь, и помощь реальная»...

Реальной помощи союзников все не было...

Противник в лѣтѣ 1918 года произвел крупную организационную работу, мобилизовал тысячи офицеров, сосредоточил против Дона 130.000 бойцов, при 460 орудиях.

...«Весь ноябрь и декабрь, в морозы и стужу... изнемогая от потерь и лишений, Донь доблестно отстаивал свое существование противъ извое сильнѣйшаго врага... Донская Армія неизменно одерживала верх... По существу — стратегическая побѣда была уже на сторонѣ Донцов, зимняя операция красныхъ разстроилась... Но в гражданской войнѣ моральный элементъ властвуетъ надъ прочими... То, что было выиграно в течение мѣсяцевъ оружіемъ и моральнымъ подъемомъ, в одинъ мигъ было утеряно упадкомъ духа. В казачьемъ настроеніи наступилъ переломъ, который использовала совѣтская пропаганда... — характеризуетъ генералъ Деникин **) обстановку Донского фронта конца декабря 1918 года.

...«Переутомленное непосильной войною и обманувшееся в ожиданіи помощи союзниковъ, казачество дрогнуло не передъ силой противника, а передъ его пропагандой»... говоритъ донской историкъ, полковникъ Добрынинъ ***).

Вопросъ, в чемъ же именно обрѣла новую силу пропаганда красныхъ, казалось бы в моментъ для нихъ неблагоприятный, когда Красная армія боевыми неудачами была разстроена в значительно болѣе степени, нежели Донская, имѣетъ первостепенный интересъ.

*) Ген. Красновъ, «В. В. Донское».

**) Ген. Деникинъ, «Очерки», Томъ VI, Стр. 62.

***) «Донская Лѣтопись», Стр. 113, Книга I.

75

Отметим, что именно в ноябре 1918 года VI Съезд советов принял постановление, энергично провести в жизнь (проволащенный раньше теоретически Лениным) принцип ставки на средняго крестьянина-этноличника, с привлечением середняка к жизненному строительству на местах.

На практике постановление VI Съезда советов привело к упразднению в деревне комбедов (комитетов, состоявших исключительно из беднейших крестьян, досель терроризовавших всех остальных) и к ряду распоряжений центра, декретировавших переход к «нормальному строительству» в деревне^{*)}, достаточно полно проведенных в жизнь на местах.

Уважение, пусть и временное, за средним крестьянством, составлявшим наиболее численный слой в деревне, а главное, привлечение этого слоя к строительной работе на местах, быстро дало свои плоды.

Советская «История Гражданской войны», именно в конце 1918 года, отмечает^{**)}:

...«Быстрое падение кризиса дезертизма из Красной армии... быстрое падение крестьянских волнений... характерно, что теперь недли дезертиров на Южном фронте давали наибольший процент вернувшихся крестьян, как раз в момент наиболее тяжелого положения на фронте»...

Другой советской историк^{***)} правда, видимо несколько преувеличивая, говорит: «Линия ставки на середняка-крестьянина и отказа от командования деревней окончательно определилась в ноябре 1918 года, когда и наметился массовый переход крестьян на сторону пролетариата... Коллебаня и волстаня крестьян были и дальше, но основное условие победы в вооруженной борьбе — военный союз со средним крестьянством был заключен... Только на основе этого союза могла быть создана регулярная Красная армия, т. е. такая военная система, которая охватывает всех граждан, установленной декретом категории... (Скажем еще, стала возможной сколько-нибудь действительная мобилизация крестьянства).

Новая настроеня крестьян перешали и ближайшим соседям, казакам, ть больше, что доунь «перехода в деревне на новый курс» давали советской пропаганде хорошей козырь в руки.

Первым «новому курсу» покрили казаки Вешенской станицы, котрым большевики-агитаторы обещали соблюдение принципа «нормального строительства» с сохранением казачьего уклада жизни. Усталость казаконь от тяжелой войны, повлекшая ценный упадок вьры в свои силы, с одновременным разочарованием в возможность помощи союзников, довершили остальное, и за Вешенской станицей весь Верхне-Донской округ заключил зирь с большевиками.

Хоть разрыв Донского фронта произошел против самого слабого

*) «История Гражданской войны». Советское издание. Том III. Стр. 127.

**) Там же — стр. 127 и 128.

***) Аншль, «Очерки истории Гражданской войны». Стр. 193 и 196. Гос. Издат. Ленинград, 1925 г.

места фронта противника, где бездействовала в корень разбитая VIII советская армия, однако, кампания Верхне-Донцовь принудила к отходу соседей Хоперцевь, флангь конькь повись вь воздухь. Отходь Хоперцевь обнажиль фронть Царицынской группы Мамонтова. Последняя, усиленная съ сентября частями Постоянной Армии (2-й Донской дивизией и Пластунской бригадой), первоначально продолжала развивать свой прежний успьхь и 5 января подошла вплотную къ Царицану, готовясь къ штурму. Однако, дальнейший отходь Северныхъ группь, уже на коммуникацію Мамонтова, заставилъ и последнего начать отходь.

Лишь на Луганскомь направлении прочно держалась, доблестно отбивая всь атаки красныхъ, 3-я Донская дивизия Постоянной Армии.

Отходь Северного и Царицынского фронтовь, советская пропаганда, известие объ измьнѣ Верхне-Донцовь, быстрая утрата всего добытого тяжелыми и кровавыми боями, разочарованиемь вь союзникахъ, деморализовало казаковь, и Донская Армия быстро начала таять, уменьшившись къ 1 февраля вь своей численности до 15.000.

Вь резервь оставалась лишь 1-я дивизия Постоянной Армии, составлявшая гарнизоны Таганрога, Ростова, Новочеркаска и Александровска-Грушевскаго.

Факторомь, сильно способствовавшимъ восприимчивости къ пропагандѣ противника понесенныхъ за лѣто и осень громадныхъ потерь казаковь, несомьнно, являлось падение атаманскаго авторитета Атамана Краснова, подорваннаго яростной агитацией оппозиции вь Кругѣ и агитацией окружения командования Добровольческой Армии.

Генераль Красновь былъ выдвинутъ на постъ Атамана Кругомь Спасения Дона почти исключительно состоявшимъ изъ рядовыхъ казаковь, участниковъ вооруженной борьбы съ большевиками. Представителей Донской либеральной интеллигенции вь числѣ депутатовъ этого Круга почти не было.

Совершенно иная картина создавалась на Большомь Войсковомь Кругѣ, на одну треть состоявшимъ изъ представителей интеллигенции.

Вь значительной степени оторвавшаяся отъ рядового казачества, эта городская интеллигенция была проникнута пустымъ пафосомь, обанкротившагося февралемь 1917-го года и судорожно боялась потерять «завоеванное» ею, ходомь революции, мѣсто. Она смутно сознавала, что генераль Красновь болѣе близокъ рядовому казачеству, которое она претендовала монополично представлять, и поэтому Атамана остро ненавидѣла.

Съ первыхъ же засѣданій представители указанной части Круга составили оппозицию, начали травить генерала Краснова и стараясь увлечь за собой рядовую депутатскую массу.

Быль моментъ, когда ген. Красновь бросилъ на столъ передь Кругомь тяжелый атаманский перначь, вь знакъ сложения атаманскихъ полномочий; однако, рядовая масса депутатовъ энергично протестовала, ген. Красновь сдвинулся взять отставку обратно, и интрига оппозиции сорвалась.

Тьмь не менѣе, враждебная ген. Краснову агитация, при поддержкѣ

2/6

екатеринодарской, обслуживающей Добровольческое командование, прессы, продолжалось. Казакам систематически вдалбливалось в головы, что при создавшихся у ген. Краснова съ ген. Деникиным отношениях, Донь не может рассчитывать ни на помощь Добр. Армии, ни на помощь союзников.

Эта агитация роняла авторитет Атамана и конечно понижала боеспособность Донской Армии.

1-го февраля 1919 года собрался снова Большой Войсковой Круг.

Оппозиция сочла моментъ подходящимъ для сведения счетовъ съ генераломъ Красновымъ, и послѣднему дано было понять, что если онъ желаетъ оставаться Атаманомъ, то долженъ согласиться передать фактическое управление Дону лицамъ, пользующимся симпатіями и послушнымъ оппозиции.

Генераль Красновъ не могъ согласиться на сведеніе своей работы къ нулю и на чисто номинальное занятіе атаманской должности и рѣшилъ повторить свой жестъ сложения полномочій, какъ бы апеллируя непосредственно къ рядовой массѣ Круга.

На первыхъ же засѣданіяхъ, оппозиція, явно вторгаясь въ предѣлы вѣдѣній Атамана, потребовала отставки Командующаго Донской Арміи генерала Денисова.

Въ отвѣтъ генераль Красновъ съ силой бросилъ атаманскій перначъ на столъ.

Кругъ взволновался, однако положеніе на фронтѣ было грозное, срочно требовалась помощь Добровольческой Арміи, и агитация, выставленная генерала Краснова препятствіемъ этой помощи, сдѣлала свое дѣло: лишь депутаты Черкасского, 1-го Донского и Таганрогскаго Округовъ протестовали, а депутаты остальныхъ Округовъ, составлявшіе большинство, отставку приняли.

На постъ Атамана были избраны мягкій и податливый генераль А. П. Богаевскій.

Генераль Красновъ уѣхалъ на Сѣверъ, къ генералу Юленову, гдѣ онъ полагалъ быть полезнымъ дѣлу борьбы съ большевиками.

Уходъ генерала Краснова произвелъ въ Лейбъ-Гвартіи Казачьему полку тяжелое впечатлѣніе: ушелъ со спехомъ талантливый человекъ и крупный организаторъ, послѣдними же Россія издавна была бѣдна, тѣмъ болѣе бѣда, не богатъ и Югъ Россіи.

По приглашенію командира Лейбъ-Гвартіи Казачьяго полка генерала Дьякова, отиѣчавшаго желанію Лейбъ-Казаконъ, и съ разрѣшенія сопровождавшаго его до Ростова новаго Донского Атамана генерала Богаевскаго, генераль Красновъ вышелъ на станиці Ростовъ къ построенному частью на перронѣ (сотня почетнаго караула со штандартонъ и трубачами), частью на дворѣ возвала Лейбъ-Гвартіи Казачьему полку и сказалъ: «Я глубоко тронутъ вашимъ вниманіемъ ко мнѣ, доогіе Лейбъ-Казакі... Я уже больше не Атаманъ, вамъ не имѣю права на почетный караулъ. Я смотрю на вашъ при-

ходъ сюда со святымъ штандартомъ, какъ нависокою честью и вниманіе. Вы мнѣ дороги, ибо я связанъ съ вами долгими узлами, и узлами кровными: мои предки служили въ вашихъ рядахъ; въ теченіе двадцати лѣтъ моей службы въ Лейбъ-Гвардіи Атаманскомъ полку я былъ въ рядахъ одной бригады и сколько разъ я стоялъ со своимъ Атаманскимъ штандартомъ подле вашего штандарта...

Служите же Всевеликому Войску Донскому и Россіи, какъ вы служили до сего времени, какъ служили всегда ваши отцы и дѣды, какъ подобаетъ служить первому полку Донского Войска, доблестнымъ Лейбъ-Гвардіи Казакамъ.

Благодарю васъ за вашу вѣрную и доблестную службу въ мое атаманство на Дону».

Отсалютовавъ сотнѣ, стоявшей на перронѣ, генералъ Красновъ подошелъ къ штандарту, преклонилъ колѣно и поцѣловалъ полотнище.

Тепло простившись съ полкомъ, ген. Красновъ отбылъ.

Изъ вагона вышли новый Атаманъ генералъ Богаевскій и новый Командующій Арміей генералъ Сидоринъ, обошедшіе строй полка.

Начинался новый періодъ Гражданской войны.

Дабы закончить главу, упомянемъ о командировкѣ въ серединѣ января группы офицеровъ Л. Гв. Казачьяго полка въ Сарепту и сел. Райгородъ на Волгу, для формированія изъ крестьянъ Приволжскаго района Волжско-Астраханскаго полка.

Были командированы: на должность помощника командира полка — войсковой старшина Поздѣвъ, адъютанта — подьесаулъ Евфимьевъ и младшими офицерами — подьесаулъ Авдоловъ, сотникъ Могиланскій и хорунжій Скалозубовъ. Этотъ полкъ входилъ въ составъ Царицынской группы генерала Мамонтова. Офицеры Лейбъ-Казачьяго полка прибыли на мѣсто въ концѣ января. Закончить формирование не удалось, ибо начался отходъ Царицынской группы, съ которой отходила и Волжско-Астраханскій полкъ.

По опредѣленію войскового старшины Поздѣва, крестьяне, составлявшіе полкъ, явились прекраснымъ элементомъ, составъ офицеровъ былъ сборный и не спаянный; требовалась иѣкоторая работа по обученію солдатъ и по общей воинской спаянкѣ, чего не позволили сдѣлать обстановка и отсутствіе времени.

Къ 2-му марта (ст. ст.) Волжско-Астраханскій полкъ, черезъ Аксай, Н. Орловскую, Великокняжескую отошелъ на Мечетинскую станицу, откуда Лейбъ-Казачьяго полка были телеграммой отозваны въ Лейбъ-Казачій полкъ, уже къ тому времени сражавшійся на фронтѣ и несшій потери въ офицерскомъ составѣ.

16-го марта (ст. ст.) командированные Лейбъ-Казачьяго полка прибыли къ полку обратно и стали въ строй.

12

СПИСОКЪ ОФИЦЕРСКАГО СОСТАВА ЛЕЙБЪГВАРДИИ КАЗАЧЬЯГО ПОЛКА
въ 1918 году.

А. **Офицеры стараго состава полка.**

№	Чинъ, фамилiя, имя, отчество	годъ пр. въ офиц.	Примѣчанiе.
1.	Полк. Дьяковъ Василiй Акрамъевичъ.	1905	Командиръ полка.
2.	Полк. Фарафоновъ Владимiръ Ивановичъ	1905	П-къ к-ра п. по стр. ч.
3.	Полк. Опрницъ Ильи Николаевичъ.	1906	П-къ к-ра п. (вернул- ся въ полкъ въ окт.).
4.	Войск. ст. Похдѣевъ Константионъ Ростиславовичъ	1907	Помощникъ к-ра полка.
5.	войск. ст. Кононовъ Владимiръ Владимiровичъ	1907	Завѣд. хозяйствомъ.
6.	Есаулъ Номикосовъ Николай Васильевичъ	1909	К-ръ 4-й сотни съ сент.
7.	Войск. ст. Чеботаревъ Борисъ Васильевичъ	1909	К-ръ 2-ой сотни по сент., когда выб. въ ком. въ Дюнк. Кад. К.
8.	Есаулъ Нарышкинъ Александръ Михайловичъ	1905	Нач. нестр. команды.
9.	Есаулъ Полковниковъ Сергiй Петровичъ	1912	К-ръ 2-й сотни съ сент.
10.	Есаулъ Воронинъ Николай Павловичъ	1912	К-ръ 6-й сотни.
11.	Есаулъ Красновъ Семенъ Николаевичъ	1913	К-ръ 1-й сотни.
12.	Есаулъ Болдыревъ Александръ Никандровичъ	1914	Н-къ пул. к-ды.
13.	Есаулъ Пашковъ Александръ Тимофеевичъ	1914	Ст. оф. 5-й сотни.
14.	Подъесаулъ Чеботаревъ Владимiръ Степановичъ	1915	Полк. квартирмейст.
15.	Есаулъ Боконъ Петръ Алексеевичъ	1914	Полковой канцеляч.
16.	Есаулъ Дубенцевъ Борисъ Федоровичъ	1914	К-ръ 3-й сотни.
17.	Есаулъ Рыжонскiй Федоръ Федоровичъ	1914	К-ръ 4-й сотни по сент.
18.	Сотникъ Кутейниковъ Петръ Николаевичъ	1915	Пом. полк. адъютанта.
19.	Подъесаулъ Грековъ Андрей Александровичъ	1915	Ст. оф. 5-й сотни.
20.	Подъесаулъ Агафоновъ Георгiй Николаевичъ	1916	Н-къ к-ды связи.
21.	Сотникъ Дубенцевъ Георгiй Федоровичъ	1916	Ст. оф. 1-й сотни.
22.	Хорунжий Ефремовъ Николай Петровичъ	1917	Младшiй офицеръ.
23.	Хорунжий Иловайскiй Иванъ Дмитриевичъ	1917	> >
24.	Хорунжий Ротовъ Михаилъ Михайловичъ	1917	> >
25.	Хорунжий Грековъ Борисъ Петровичъ	1917	> >
26.	Сотникъ Ляховъ Николай Дмитриевичъ	1917	> >
27.	Сотникъ Чекуновъ 1-й Сергiй Акимовичъ	1917	> >
28.	Сотникъ Чекуновъ 2-й Григорiй Акимовичъ	1917	> >

Б. **Офицеры, вновь принятыя въ полкъ въ 1918 году.**

1.	Есаулъ Шаповъ Иванъ Григорьевичъ	1908	Прин. въ полкъ 5-ю с.
2.	Войск. ст. Кундюковъ Исаякъ Алексеевичъ	1908	Полк. адъют. до окт., когда выбылъ по бол.
3.	Подъесаулъ Кундюковъ Сергiй Алексеевичъ	1915	Ст. оф. 2-й сотни.
4.	Подъесаулъ Гриневъ Геннадiй Модестовичъ	1915	Адъют. п. съ октября.
5.	Сотникъ Туркинъ Владимiръ Ивановичъ	1915	Ст. оф. пул. к-ды.
6.	Подъесаулъ Евфимьевъ Николай Гавриловичъ	1915	Старш. оф. 4-й сотни.

7.	Подъесаулъ Анцковъ Александръ Капитоновичъ	1915	Младшій офицеръ.
8.	Сотникъ Могилевскій Юрій Алексѣевичъ	1917	» »
9.	Сотникъ Чекуновъ 3-й Александръ Яковлевичъ	1916	» »
10.	Хорунжій Денисовъ Борисъ Максимовичъ	1916	» »
11.	Сотникъ Усачевъ Иванъ Куприяновичъ	1917	» »
12.	Сотникъ Какуринъ Иванъ Ивановичъ	1917	» »
13.	Корнетъ Прокофьевъ Павелъ Павловичъ	1917	» »
14.	Хорунжій Семилѣтовъ Василій Степановичъ	1917	» »
15.	Хорунжій Поляковъ Николай Михайловичъ	1917	» »
16.	Хорунжій Аманьевъ Борисъ Васильевичъ	1917	» »
17.	Хорунжій Скалозубовъ Владиславъ Ефимьевичъ	1917	» »
18.	Сотникъ Салтысовъ Константинъ Константиновичъ	1917	» »
19.	Хорунжій Дубенцевъ Георгій Андреевичъ	1917	» »
20.	Хорунжій Филатьевъ Владиміръ Георгиевичъ	1917	» »
21.	Сотникъ Черновъ Иванъ Андреевичъ	1917	» »
22.	Хорунжій Балабинъ Олегъ Александровичъ	1917	» »

Примѣчаніе. Кромѣ упомянутыхъ выше офицеровъ, кратковременно служили въ молодомъ Л. Гв. Казачьемъ полку (покинувъ его въ 1918 году либо выходямъ по болѣзни въ отставку, либо переходомъ на другую службу) нижеслѣдующіе офицеры:

А. Изъ офицеровъ стараго состава полка.

1. Есаулъ герцога **Лейхтенбергскій**, Ник. Ник.
2. Подъесаулъ **Сиверсъ** Влад. Влад.
3. Подъесаулъ графъ **Канкринъ**, Ин. Ин.
4. Подъесаулъ князь **Трубецкой** Ник. Петр.
5. Хорунжій **Сиверсъ** Яковъ Вл.

Б. Изъ вновь принятыхъ или прикомандированныхъ:

1. Корнетъ **Голубищевъ** Спитославъ
2. Юнкеръ **Кутеповъ** (умеръ лѣтомъ 1918 года).

Исключены изъ списковъ Л. Гв. Казачьяго полка, павшіе въ вооруженной борьбѣ съ большевиками въ теченіе 1918 года:

1. Генералъ-майоръ **И. Д. Орловъ**,
2. Есаулъ **Я. Ф. Рыковскій**,
3. Подъесаулъ **Н. П. Плевелъ**,
4. Подъесаулъ **С. С. Кутейниковъ**,
5. Вольноопредѣляющійся **К. Чернозубовъ**,
6. Подъесаулъ **Ю. П. Персидскій**,
7. Подъесаулъ **М. М. Чеботаревъ**.

ГЛАВА VIII.

ФЕВРАЛЬ 1919-го ГОДА НА ДОНЦЬ.

Кризис Донской Армии и общая обстановка. — Переброска на фронт 1-ой Донской конной дивизии. — Прибытие в станицу Владимовскую. — Боевой состав полка. — Отход Хоперцев и местные настроения. — Бой 19-го февраля. — Трофеи. — Поздравления и благодарственные полку приказы. — Бой 22-го февраля. — Отход красных за Донець. — Значение боев 19-го и 22-го февраля. — Переброска 1-ой Донской дивизии в Каменноугольный район. — Потери полка за бои на Донце.

В предыдущей главе было сказано, что после блестящих боевых успехов середины и конца 1918 года, в настроениях Донской Армии наступил перелом, и она, быстро уменьшаясь в численности, покатилась назад.

Помимо потерь в боях и отъ сыпного тифа, ослабляло ряды начавшееся большое дезертирство из частей, составленных из казаков округов, занятых или занимаемых красными.

По мере продвижения красных на юг, деморализация в Донских частях быстро увеличивалась.

...«Развал Донской Армии окончательно определился», говорит советская «История Гражд. войны» (т. III, стр. 140-141), что выразилось в массовой сдаче в плен и в самовольном уходе по домам целых казачьих полков»...

...«31-го января, в районе станицы Алексеевской, сдались добровольно, в полном составе, 23, 24, 26, 27 и 39 каз. полки с 5 орудиями и 6.000 снарядами (Егоров, стр. 51)». «С 4-го по 23-е января сдалось 3.000 казаков и взято красными 31 орудие, 115 пулеметов, 3 броневика и 3 бронепоезда, 8-го февраля на ст. Арчеза, 7 каз. полков сдались с артиллерией, бронепоездами и самолетами. 11-го февраля, на ст. Котлубань, сдались еще 5 полков», и т. д. (Егоров, стр. 72).

К середине февраля остатки Донской Армии, снизившейся до 15 тыс. бойцов. (Полк Добычинь, Нач. раб. и операт. части ДонАрмии. «Борьба с большевиками на Юге России», стр. 69), отошли за Донець.

О настроении отошедших можно судить по телеграмме нач. штаба ДонАрмии ген. Кельтеского за № 1225/К, посланной им Главнокомандующему: «Части ДонАрмии, особенно Северного фронта, ослаблены до край-

ности. Малейший нажим со стороны противника, даже небольшим кулачком, может вынудить нас отдать приказ об отходе к югу от Дона и бросить Запорожский уезд»....

...«Главное красное командование», говорит Егоров (стр. 78), «учитывая низкое морально-политическое состояние войск противника, изменить направление фронта на более южное и, 1-го февраля, директивой № 519, сделать новый объект действий Южного фронта: Новочеркасск-Ростов»...

Один из советских главковерхов, Антонов-Овсеенко говорит:

...«Увлеченное преследованием разбитых казачьих шаек, красное

299

командование бросило главные наши силы вглубь Донской Области, пренебрегая развитием удара на Донецкий бассейн, и этот марш через казацкие земли шёл так успешно, что в начале марта (нов. ст., или середина февраля по ст. ст.) нам официально обещали через два недели быть в Ростове... (Антонов-Овсеенко, том IV, стр. 333).

Создалось грозное положение, ибо с дальнейшим продвижением большевиков по кратчайшему пути в сердце Области и занятием ими Новочеркаска и Ростова, Донское Казачество выбывало из борьбы, Добровольческая же Армия могла быть отрезанной от выделенной ею на защиту Угольного бассейна Кавказской Армии, ген. Май-Маевского, боровшейся в районе Юзовки с украинскими бандами Махно и Онущенко.

Казалось, вновь надвигались грозные дни февраля 1918 года, и в Новочеркасск, где парила тревога, была открыта вновь запись дётей в отряды партизан.

Для парирования красного удара генерал Деникин спешно перебрасывал с Северного Кавказа в район Шахтная — Александровск-Грушевск кубанские полки генералов Шкуро и Покровского для образования здесь своего резерва.

Однако, представлялось технически невозможным закончить переброску Кубанских частей ранее конца февраля.

Донская армия должна была во что бы то ни стало продержаться на Дону своими силами до оттепели, обращавшей эту реку в серьёзную для противника преграду.

Учитывая создавшуюся обстановку, Донское командование решило использовать последний свой резерв, 1-ую Донскую дивизию, до сего времени занимавшую гарнизонами Ростов, Таганрог и Новочеркасск.

11-го февраля Лейб-Гвардии Казачьим полком было получено приказание о выступлении на фронт. Направление и дата выступления несколько раз менялись, ибо в Таганрогском округе, по близости от Ростова и Таганрога, начались какие-то выступления крестьян.

Только 13-го выяснилось, что 1-ая дивизия направляется на защиту Дона.

14-го февраля погрузился и отбыл 1-ый эшелон полка, а 15-го — остальные.

В гор. Ростове оставлена была база полка: полковой и сотенные цейхгаузы, полковая мастерская, хозяйственное и часть строевого отделения полковой канцелярии, во главе с заведывающим хозяйством войск ст. Кононовым, немедленно приступившим к открытию лазарета на 150 кроватей.

На станции Новочеркаска Донской Атамань лично встречала каждый проходивший эшелон. Он говорил, что Донским командованием задума-

на операция, выполнение которой возлагается на части 1-ой дивизии. «Отъ успешнаго выполнения этой задачи зависить судьба Новочеркасска... На насъ послѣдняя надежда, — говорить генераль Богачевскій, — увѣренъ, что поддержите славу своего гвардейскаго званія».

Въ 6 часовъ вечера, 15-го февраля полкъ сталъ по квартирамъ въ станицѣ Владимірской, совмѣстно съ прибывшимъ изъ Таганрога Л. Гв. Атаманскимъ полкомъ (безъ его дивизиона, еще находившагося въ Каменноугольномъ районѣ и прибывшаго лишь 21-го).

Черезъ нѣсколько дней ожидалось прибытіе 2-ой бригады, 2-хъ батарей и придавимаго 1-ой дивизіи Донскаго учебнаго полка.

18-го февраля, на разсвѣтѣ, Гвардейская бригада получила приказаніе построиться, и Начальникъ дивизіи ген. Абрамовъ объяснилъ предстоящую задачу. Ввиду тревожнаго положенія, сложившагося на фронтѣ, эту задачу предстояло разрѣшить силами Гвардейской бригады, не ожидая подхода своей артиллеріи и 2-ой бригады.

Начальникъ дивизіи выразилъ увѣренность, что успешная дѣятельность Гвардейской бригады подыметь духъ казачьихъ частей, дѣйствовавшихъ въ районѣ хуторовъ Грушевскаго и Семимаячнаго.

Въ тотъ же день, къ вечеру, бригада прибыла въ хуторъ Грушевскій, въ направленіи котораго развивалось наступленіе красныхъ.

Передъ выступленіемъ изъ станицы Владимірской, по приказанію начальника дивизіи, конная полусотня была сведена въ три конныя сотни, а пѣшія — въ три пѣшія сотни.

Составъ полка на фронтѣ опредѣлился въ нижеслѣдующемъ видѣ:

Ком. полка — полк. Дьяковъ.

Пом. по строевой части — полк. Фарафоновъ.

Пом. по хоз. части — полк. Опришъ.

Адъютантъ — подесаулъ Гриневъ.

1-ая конная сотня — есаулъ Красновъ.

2-ая пѣшая сотня — есаулъ Полковниковъ.

3-ья конная сотня — есаулъ Б. Дубенцевъ.

4-ая пѣшая сотня — войск. старш. Номикосовъ.

5-ая пѣшая сотня — есаулъ Шаминъ.

6-ая конная сотня — есаулъ Воронинъ.

Пулеметная команда — есаулъ Болдыревъ.

Врачъ — ст. сов. Ефимовъ.

Священникъ отецъ С. Лебедевъ.

Всего въ рядахъ полка состояло около 800 шашекъ и штыковъ при 8 пулеметахъ.

Уже по дорогѣ въ хуторъ Грушевскій можно было видѣть яркія картины разложенія отходящихъ Донскихъ частей.

Нестройными группами и одиночно брели в тыл казаки с винтовками и без винтовок. Их обгоняли подводы с ранеными и здоровыми людьми, торопливо двигавшиеся в направлении на Александровск-Грушевск.

«Чего вы бьжете оть красныхъ», спрашивали Лейбь-Казаки.

«Погоди, завтра самъ узнаешь», были отьтъ.

Нькоторыя отходившия группы были настроены злобно: «Вотъ доберемься до Новочеркаска, тамъ покажемъ нашимъ правителямъ, какъ доводить насъ до такого положенія», говорилось въ нихъ.

Тревогой была охвачена и хуторъ Грушевскій, гдѣ помѣшался штабъ командующаго войсками, полковника Савватѣва. Только что было получено свидѣніе о наступленіи красныхъ на неподалеку расположенный хуторъ Семимаячный, и ясно слышался громъ близкой артиллерійской стрѣльбы.

Увѣренности въ своихъ войскахъ въ штабѣ не было никакой.

Приведемъ запись дневника есаула А. С. Моргунова, бывшаго въ тѣ дни личнымъ адъютантомъ командующаго войсками, полковника Ген. Штаба Савватѣва:

...«Длительное отступленіе полковъ изъ Хоперскаго округа, въ холодную зиму, съ отрывомъ отъ своихъ станицъ и хуторовъ, привело отходившіе полки къ состоянію полной небоеспособности.

Въ относительно лучшемъ состояніи были лишь одинъ Бузулукскій полкъ.

Всѣ предыдущіе бои давали отрицательный результатъ, боеспособность частей не повышалась, а понижалась, и переломъ въ лучшую сторону не предвидѣлся.

Полковнику Савватѣву представлялось два рѣшенія: отходить на Александровск-Грушевск, либо дать краснымъ бой и попытаться сбросить переправившіяся черезъ Донецъ, красныя части обратно за рѣку.

Было принято второе рѣшеніе, однако, безъ всякой увѣренности въ успѣхѣ. Въ этотъ рѣшающій моментъ и прибыла Гвардейская бригада.

Послѣ свиданія полк. Савватѣва съ ген. Абрамовымъ былъ немедленно выпущенъ приказъ о наступленіи.

Прибытіе Гв. Каз. бригады сыграло рѣшающую роль въ побѣдѣ надъ обнаглѣвшимъ противникомъ... (Спр.: Записки ес. Моргунова).

Стройной колонной, подъ звуки своихъ трубачей, вошелъ Лейбь-Казачій полкъ въ хуторъ Грушевскій.

Прибытіе свѣжихъ, бодрыхъ и хорошо настроенныхъ полковъ Гвардейской бригады внесло коренное измѣненіе въ обстановку.

Полковникомъ Савватѣвымъ было отдано распоряженіе задержать продолжавшіяся изъ хутора Грушевскаго отходъ разрозненныхъ группъ.

Немногочисленныя части, слабо сдерживавшія наступленіе красныхъ у хутора Семимаячнаго, получили подкрѣпленіе изъ казаковъ мѣстныхъ станицъ и, узнавъ о подходе Гвардейской бригады, воспрянули духомъ.

Общее наступленіе было назначено на утро. На ночьгь конныя сотни бригады были отведены въ хуторъ Дубовой, пѣшія остались въ Грушевскомъ.

На разсвѣтъ, 19-го февраля, въ 5 час. утра, 3 пѣшія Лейбь-Казачьи сот-

ви, подь общей командой полковника Дьякова, раскинув цѣпи, повели наступление из хутора Грушевскаго на занятый наканунѣ противникомъ хуторъ Семимаячный.

Часомъ раньше, еще въ полной темнотѣ, двинулись из Дубового, подь общей командой генерала Михайлова, конныя сотни. Онѣ направились, въ обезпеченіе фланга и для содѣйствія наступленію полк. Дьякова, въ направленіи на хуторъ Ясноватый.

Наступленіе на Семимаячный было начато 2-ой и 4-ой сотнями Лейбъ-Казаконъ, подь общей командой войск. старш. Номикосова.

5-ая Лейбъ-Казачья сотня, какъ и половина пулеметной команды, вначалѣ оставались въ резервѣ, и лишь постепенно вошли въ бой.

При резервѣ находился и штабдартъ полка.

Противникъ пытался оказать сопротивленіе, однако, стремительностью атаки и угрозой его флангу, произведенной изводомъ сотника Солтысова (тяжело при этомъ раненаго въ животъ), былъ вынужденъ къ отходу, и хуторъ былъ взятъ.

Шивной помощью явился удачный выходъ полувзвода хорунжаго Балабина въ тылъ Семимаячному. Огонь этого полувзвода и его ручного пулемета съ тыла привелъ красныхъ въ замѣшательство и ускорилъ очищеніе ими хутора.

...«Наступленіе было начато еще въ темнотѣ и въ густомъ туманѣ, — говоритъ записка полк. Дьякова, — слѣва отъ насъ была пустота, справа гдѣ-то долженъ былъ быть полковникъ Овчинниковъ съ его отрядомъ стариковъ.

Развернувъ сотни, я быстро повелъ ихъ на занятый красными хуторъ Семимаячный. Взяли и прошли его буквально съ залета.

Интересно было посмотреть на лица казаконъ: молодые, розовые отъ мороза, они никакъ не напоминали людей, находящихся въ бою.

Выраженіе лицъ напоминало скорѣе напраказавшихъ дѣтей.

На эту легкость воспріятія опасности молодыми казачатами, изъ коихъ полкъ въ 1919 году состоялъ, я неоднократно и потомъ обращалъ вниманіе. Не разъ приходило въ голову: не лучше ли начинать подготовку къ войнѣ и ее вести людьми именно въ этомъ возрастѣ?

Хуторъ Семимаячный былъ взятъ безъ большихъ потерь, хотя въ числѣ раненныхъ выбыли ком. 2-ой сотни есаулъ Полковниковъ и сотникъ Солтысовъ.

Около 8 час. утра взошло солнце, и положеніе утяжелилось: совершенно ровное плато по направленію станицы Екатерининской, путь отхода красныхъ, не давало никакихъ укрытій. У насъ не было артиллеріи, и бывшія съ открытыхъ позицій орудія красныхъ, какъ и ихъ многочисленныя пулеметы, наносили намъ чувствительныя потери.

Вскорѣ выбыть за раненіемъ командиръ 4-ой сотни войск. старш. Номикосовъ при слѣдованіи на перевязочный пунктъ дополнительно тяжело контуженный снарядомъ. Выбыло много раненныхъ казаконъ.

Цѣпь не мѣняе, наступленіе шло такимъ темпомъ, что наши пулеметы не успѣвали, и работали одни ручныя Люисы.

Экзампль первого боя былъ данъ нашими молодыми казаками хорошо». ...«Лейбь-Казаки наступали, не ложась и не задерживаясь, — говорить записка замѣнишаго раненаго войск. ст. Номикосова есаула Шамина, — сблизались съ противникомъ такъ, что переходили на штыки и каждый разъ сбивали его»....

Попытки отвыкшихъ отъ такихъ боевъ красныхъ задержаться на промежуточныхъ рубежахъ были ликвидированы, и противникъ былъ окончательно отброшенъ на станцію Екатерининскую.

Полковникъ Дзяковъ, приближающійся къ станціи, дождался подхода частей полк. Овчинникова и, передавъ имъ преслѣдованіе разбитыхъ красныхъ, двинулся далѣе на сѣверъ, на хуторъ Ясеноватый.

Однако, наступила полная темнота, полк. Дзяковъ отложилъ атаку Ясеноватата и повелъ сотни, прошедшія за день съ боемъ болѣе 25 верстъ, на ночлегъ въ хуторъ Грушевскій.

Какъ было сказано выше, конная сотня, еще до разсвѣта, выступила изъ хутора Дубового. Ввиду того, что выступили они съ опозданіемъ на часъ, полк. Фарафоновъ испросилъ разрѣшенія ген. Михайлова двигаться со своимъ Лейбь-Казацкимъ дивизиономъ рысью.

Выйдя крутыми балками, подъ названіями Большая Грушевая и В. Семимаячная, въ обходъ хут. Семимаячнаго съ сѣв.-запада, полк. Фарафоновъ получилъ донесеніе праваго дозора о движеніи по дорогѣ отъ атакованнаго пѣхотой х. Семимаячнаго на х. Ясеноватый какой-то колонны съ артиллеріей.

Желая помочь своей пѣхотѣ, полк. Фарафоновъ рѣшилъ атаковать противника и развернуть первую сотню ес. Краснова въ лаву.

Сотня вышла изъ балки въ направленіи на востокъ. Восходящее на горизонтѣ солнце слѣдило прямо въ глаза и ничего нельзя было разобрать. Сотня уперлась въ глубокую балку съ крутыми обрывистыми стѣнками и приостановилась. Неприятельская артиллерія открыла огонь и появились первые раненые. Здѣсь мелкимъ осколкомъ снаряда былъ легко раненъ въ щеку полковникъ Фарафоновъ.

Было рѣшено выждать подхода другихъ сотенъ, и первая сотня была оттянута въ балку.

Прилеченіемъ на себя, на короткое время, артиллерійскаго огня противника, собственно и ограничилось содѣйствіе коннымъ взятію Семимаячнаго, ибо, вследствие полученнаго донесенія отъ командира 6-ой сотни есаула Воронина, конная сотня повернула на сѣверъ.

Сотня есаула Воронина была ранѣе послана на сѣверъ, въ направленіи на хуторъ Мечетный, съ задачей выяснить тамъ присутствіе своихъ или неприятельскихъ силъ и войти въ соприкосновеніе съ должностными войсками въ этомъ направленіи передовыми частями генерала Дукмасова.

Около 10 час. дня, 6-ой сотней было обнаружено продвиженіе къ Мечетному какой-то колонны, въ составѣ одной батареи пѣшихъ и конныхъ частей. Пройдя Мечетный и оставивъ тамъ конницу, неизвестная пѣхота стала разворачиваться противъ 6-ой сотни.

Есауль Воронинъ сомнѣвался — имѣеть ли противъ себя противника, однако, подошедшая пѣхота открыла огонь. Въ ея цѣль вѣхало два орудія. Есауль Воронинъ отвелъ свою сотню за бугры, послалъ донесеніе и сталъ ждать подхода другихъ сотенъ.

Подучивъ донесеніе ес. Воронина, генераль Михайловъ приказалъ полковнику Фарафонову 3-мя сотнями атаковать противника.

Дивизионъ Лейбъ-Казаконъ вышелъ изъ балки. На горизонтѣ показались цѣли красныхъ и надъ головами засвистали пули.

Приказавъ есаулу Воронину помочь атакой лѣвѣ и оставивъ 3-ью сотню въ своемъ резервѣ, полковникъ Фарафоновъ двинулся на противника. Когда дивизионъ прошелъ уже полпути, по приказанію ген. Михайлова, 3-ья сотня была отведена къ нему назадъ.

Нѣсколькими минутами ранѣе, и правѣе, двинулась въ атаку, по инициативѣ командира сотни ес. В. Андрианова, сотня Лейбъ-Гвардіи Атаманскаго полка.

Ес. Андриановъ, видя начало движенія Лейбъ-Казаконъ, рѣшилъ оказать братскую помощь. Къ сожалѣнію, доблестное его намѣреніе не увѣчалось полнымъ успѣхомъ, ибо его атака оказалась несогласованной по мѣсту и времени съ Лейбъ-Казачьей. Потерявъ убитыми двухъ доблестныхъ офицеровъ, подесаула Алексѣя Андрианова и хорунжаго Реуцкаго, сотня была отведена въ исходное положеніе.

Пройдя подъемъ мѣстности, Лейбъ-Казаконъ увидели пѣхотная цѣли, пулеметы и орудія красныхъ и, слѣва — около эскадрона конницы, — всего около 1500 человекъ. Противникъ открылъ бѣглый огонь.

Несмотря на то, что въ дивизионѣ было немного болѣе 200 шашекъ, лава продолжала двигаться впередъ...

Вотъ блеснули въ воздухѣ клинки шашекъ, въ морозномъ воздухѣ раздалось «ура», и лава перешла въ карьеръ, топоча по ровной мерзлой степи, какъ по торшовой мостовой. Стали падать убитые и раненые люди и лошади. Порывъ былъ, однако, такъ силенъ, что казаки потерявшіе лошадей, бѣжали за лавой съ винтовками и шашками.

Лава дошла до красной цѣли. Часть всадниковъ проскочила къ резервамъ и орудіямъ. Заработали пики и шашки.

Въ 1-ой сотнѣ командиръ взвода сотникъ Г. Ф. Дубенцевъ атаковалъ пулеметный взводъ противника и уже почти дошелъ, какъ крикнулъ: «Урядникъ Золотаревъ, командуй — я раненъ» и упалъ мертвымъ.

Есауль Пашковъ и сотникъ Ляховъ рубили прислугу у орудія, когда красноармеецъ, изъ-за шты орудія, выстрѣломъ въ упоръ убилъ есаула Пашкова, причемъ его кровью былъ забрызганъ сотникъ Ляховъ. Подлетѣвшій казакъ ударомъ пики снесъ черепъ убившаго ес. Пашкова красноармейца.

Въ барабанахъ нагановъ командировъ сотенъ ес. Краснова и ес. Воронина послѣ атаки не осталось ни одного не выпущеннаго патрона.

Сотникъ Ротовъ, бывший со взводомъ въ поддержкѣ лавы 6-ой сотни, атаковалъ полубатальонъ красныхъ, порубилъ 12 всадниковъ и обратилъ остальныхъ въ бѣгство.

Въ атакѣ подъ сотникомъ Ротовымъ убита была лошадь. Придавленный

своим конем; сотникъ Ротовъ получилъ переломъ четырехъ реберъ и ключицы.

По свидѣтельству командира 1-ой сотни, ес. Краснова, особенно отличились въ атакѣ подхорунжий Мигулинъ и вахмистръ Бодрухинъ.

Красные не выдержали удара и побѣжали. Орудійная ихъ прислуга рубила построжки и бросала орудія.

Казачи продолжали рубить бѣгущихъ.

1-я сотня дошла до мѣста атаки Атаманской сотни ес. Андрианова, подобрала и вывезла тѣла доблестно павшихъ подесаула А. Андрианова и хорунжаго Реуцкаго.

Опасаясь атаки оставшейся въ Мечетномъ красной конницы, полковникъ Фарафоновъ остановилъ преслѣдованіе, приказавъ стянуть сотни и подобрать трофеи. Одновременно имъ было послано нижеслѣдующее донесеніе:

«Начальнику 1-ой Донской дивизии въ хут. Семимаячный.

19-го февраля, 11 часовъ. Южнѣ хут. Мечетнаго — 5 версты. Въ 10 час. сотнями ес. Краснова и ес. Воронина атакуютъ красныхъ въ 5-ти верстахъ южнѣ хут. Мечетнаго. Наши трофеи: 3 орудія съ передками и одной запряжкой, 7 пулеметовъ, много пулеметныхъ лентъ и патроновъ, 150 снарядовъ, 130 винтовокъ, 2 походныхъ кухни, 15 повозокъ съ лошадьми, 38 пѣшихъ. На полѣ боя осталось около 400 труповъ и много не собраннаго оружія.

Наши потери: убиты есаулъ Пашковъ, сотникъ Дубенцевъ, 2 казака и 10 лошадей. Ранено 13 казаковъ и 13 лошадей. Полковникъ Фарафоновъ».

На полетъ пѣшия и конныя части Гвардейской бригады, по приказанію Начальника дивизии, были стянуты въ хут. Грушевскій.

Разгромъ красныхъ частей, было переправившихся черезъ Донецъ, сильно поднялъ духъ казаковъ-хоперцевъ полковника Савватѣева, за свой длительный отходъ терпѣвшихъ въ послѣднее время одиѣ неудачи.

Поднялось настроеніе и казаковъ мѣстныхъ станицъ, добровольно мобилизовавшихся и образовавшихъ дружины.

Тотъ же разгромъ понизилъ духъ красныхъ, уже было отвыкшихъ отъ стойкаго отпора ихъ продвиженію впередъ. Красная конница, занимавшая хут. Мечетный, сѣшно ушла безъ боя за Донецъ.

Воспрянувшими духомъ Донцами весь занятый было красными плацдармъ былъ быстро очищенъ.

Расчеты красныхъ, изложенные въ найденномъ въ бою 19-го февраля приказѣ краснаго командованія, «взять 20-го февраля Александро-Грушевскъ, а 22-го устроить обѣдъ въ Новочеркасскѣ»... не оправдались.

За бой 19-го февраля Лейбъ-Казачи получили рядъ благодарностей: Штабомъ Донской Арміи 22-го февраля была опубликована нижеслѣдующая сводка:

«Въ тяжелые дни, переживаемые Дономъ, многія части Донцовъ, сознавая важность серьезной задачи — защиты Родины, продолжаютъ проявлять геройскія усилія и не только сдерживать натискъ противника, но и мощнымъ напоромъ сбивать его. Около 5 часовъ 19 февраля наши молодые Лейбъ-Казачи, совместно съ частями полковника Овчинникова, дружнымъ натискомъ выбили противника изъ хут. Семимаячного и непрерывными боями отбросили его къ станціи Екатеринбургской, нанеся краснымъ большія потери и захвативъ 3 пулемета и 3 зарядныхъ ящика.

Одновременно, другая колонна Лейбъ-Казачковъ и Атаманиевъ, содвигаясь въ концномъ строю, наступленіемъ во флангъ и тылъ противника, встрѣтили его колонну, наступающую отъ хут. Мезетнаго на хут. Дубовскій. Стремительной атакой въ концномъ строю колонна красныхъ была большою частью истреблена силами молодой Гвардіи, а уцѣлѣвшіе красноармейцы бѣжали частью на хут. Ясеноватый частью на восточный берегъ р. Донна. Атакѣ нашей Гвардіи красные оказали упорное сопротивленіе, встрѣтивъ наши атакующія части огнемъ изъ кара. Истребивъ до 300 красныхъ, молодая Гвардія, не даромъ пролившая свою кровь въ боевомъ крещеніи, захватила 3 орудія въ полной запряжкѣ, 1 зарядный ящикъ, 6 пулеметовъ, 2 походныхъ кухни, 15 повозокъ и плѣнныхъ».

Войсковой Кругъ послать слѣдующую телеграмму:

Генералу Чернозубову *): «Войсковой Кругъ гордится Вашей побѣдой надъ обнаглѣвшимъ врагомъ, желающимъ вырвать у Дона свободу и право жить по казачьему обычаю. Передайте славнымъ полкамъ Донской Гвардіи и всѣмъ другимъ участникамъ лихого боя, что Войсковой Кругъ всегда вѣритъ и вѣритъ въ казачью доблесть и знаетъ, что никогда казаки не сложатъ свои головы передъ насильниками и грабителями».

Въ газетѣ «Донскія Вѣдомости» отъ 21 февраля 1919 г. въ № 44 была напечатана слѣдующая телеграмма Донского Атамана генерала Богаевского Начальнику 1-ой Донской конной дивизіи:

Генералу Абрамову: «Съ чувствомъ радостнаго волненія читалъ и сегодня донесеніе о боевомъ крещеніи полковъ Гвардейской бригады, уличавшейся ея славною побѣдою. Глубоко вѣрю, что эта побѣда передо мной ходъ событий, и мы перейдемъ къ ударамъ по всему фронту. Передайте полкамъ и батареямъ, что недалеко тотъ день, когда полки Кубанскаго Казачьяго Войска въ битвѣ плечомъ къ плечу съ нами за нашъ Донъ и за побѣду всего казачества подтвердятъ свое единомысліе и братство. Я полонъ вѣрой, что въ этихъ битвахъ молодые полки Донской Арміи будутъ прямыми отпрысками старой русской непобѣдимой арміи и окажутся достойными ея старой славы и традицій. Тяжелыя потери перваго боя увеличиваютъ славу молодой Гвардіи. Я и все Войско съ неослабнымъ вниманіемъ продолжаемъ слѣдить за боевыми дѣйствіями Вашей дивизіи. Передайте полкамъ мое поздравленіе, глубокую благодарность и лучшія пожеланія. Да поможетъ Вамъ Господь. Вѣчная память павшимъ въ славномъ бою 19-го февраля».

*) Ген. Чернозубовъ командовать фронтомъ на Донѣ.

Отъ Командующаго Донской Арміей генерала Сидорина генераль Аб-
рамовъ получить слѣдующую телеграмму:

«Передайте Гвардейской бригадѣ, что я восхищенъ боевымъ крещеніемъ
и убѣжденно вѣрю, что ея слава разрастется на будущую славу старой рус-
ской гвардіи. Тяжелыя потери боя увеличиваютъ значеніе достигнутого успѣ-
ха и свидѣлствуютъ о несокрушимой доблести молодыхъ полковъ. Про-
шу Ваше Превосходительство передать мою искреннюю благодарность всѣмъ
бойцамъ отъ казака до генерала, представить списки убитыхъ для оказанія
помощи семьямъ и списки особо отличившихся для награжденія. Да укрѣ-
питъ Господь Богъ Васъ и Ваши полки на это тяжелое время и да поможетъ
Онъ намъ съ такою же славою, съ какою звалась Донская Гвардія, бить су-
постата и гнать его вонъ съ лица родной земли».

На большомъ Войсковомъ Кружѣ въ засѣданіи 21-го февраля Донской
Атаманъ сказалъ рѣчь, посвященную боевой обстановкѣ. Вотъ выдержки
изъ нея:

...«Сказывается фактъ объединеннаго командованія: не только доблест-
ные полки генерала Шкуро, но и генерала Покровскаго, котораго вы завтра
увидите, уже идутъ сюда. Эта помощь даетъ намъ возможность твердо вы-
полнить наши заданія — и разить блестящій успѣхъ, о которомъ мы уже
отчасти слышали. Это — дѣянія нашей Молодой Казачьей Гвардіи. Я счаст-
ливъ засвидѣтельствовать, что не ошибся, когда, провожая на фронтъ Гвар-
дейскія Казачьи части и говоря имъ напутственное слово, я выразилъ уве-
ренность, что они недаромъ несутъ имя старой Гвардіи и что они оправда-
ютъ наше довѣріе. Они дали блестящее доказательство этому. Они не толь-
ко одержали побѣду, но и подняли ея духъ другихъ полковъ».

Въ газетѣ «Военный Листокъ» въ № 4 24-го (ст. ст.) февраля 1919 г.
въ оперативной сводкѣ Штаба Донской Арміи было сказано:

«По дополнительнымъ свѣдѣніямъ, при атакѣ Лейбъ-Казаконъ и Атаман-
цевъ 19-го февраля въ районѣ хут. Семимаячнаго батальоны противника пе-
рестроились въ каре и встрѣтили атакующихъ огнемъ въ упоръ и были смя-
ты только натискомъ коней. У многихъ лошадей есть штыковые раны. По
показанію плѣнныхъ 199 полка красныхъ, полкъ почти полностью уничто-
женъ».

За конную атаку 19-го февраля полковникъ Фарафоновъ былъ награж-
денъ очередной наградой — орденомъ Св. Владиміра 3-ей степени съ мечами.
Есаулы Красновъ и Воронинъ — чинами войскового старшины, сотникъ Ро-
товъ орденомъ Св. Анны 4-й степени съ надписью «За храбрость». Сотникъ
Ляховъ — орденомъ Св. Станислава 3-й степени съ мечами и бантомъ.

На слѣдующій день состоялись похороны убитыхъ казаковъ на мѣст-
номъ хуторскомъ кладбищѣ.

Тыла ес. Пашкова и соти Дубенцева были отправлены в Новочеркасск. После панихиды наскоро сколоченные гробы были положены на простую телегу и в сопровождении брата одного из убитых отправлены в последний путь.

Трубачи, игравшие при выносе из церкви «Коль Славень», как только повозка двинулась в дорогу, перешли на полковой марш, что хотя и не предусмотрено уставом, но было к месту и имело для оставшихся однополчан глубокий смысл.

В последующие дни в станице Владимирской состоялись похороны скончавшегося от ранения на руках у матери, под свечью родительского дома, сотника Солтысова.

Еще только трое суток назад, при стоянке полка в ст. Владимирской, почивший приютить офицеров своей сотни в доме своей матери.

Добрая старушка, потерявшая мужа в Германской войне, с удивительным смирением смотрела на своего сына, которого давно не видела, и с удивительным радушием принимала его однополчан.

Теперь же однополчане старались, как могли, облегчить тяжелое материнское горе.

В боях 19-го февраля были разбиты и потрепаны красные части, принадлежавшие к составу 23-ей сов. дивизии.

Однако, в районе станицы Усть-Быстринской оставались еще весьма активные настроенные части 16-ой стрелковой сов. дивизии имени Кавказе, концы надлежало отбросить за Донец.

Состав 1-ой Донской дивизии увеличился.

20-го и 21-го февраля подошли вернувшиеся из Каменноугольного района три сотни Атаманцев. В те же дни прибыть из Новочеркасска Донской Учебный полк, в состав двух конных и четырех пехотных сотен, общей численностью в 500 штыков и шашек; 3-й Казяцкий полк, в состав 320 штыков и шашек сосредоточился в хут. Дубовом. В состав 1-ой дивизии вошли пополненные батареи: 1-ая Донская (4 орудия), 2-ая Донская (2 орудия), Л. Гв. 6-ая Донская (2 орудия) и 27-ая Донская (2 орудия).

(4-ый полк 1-ой дивизии находился в отряде ген. Постовского и присоединился к дивизии лишь 6-го марта).

22-го февраля частям 1-й Донской дивизии приказано было, овладев хут. Рубежным, атаковать противника, занимавшего Усть-Быстринскую станицу.

Конные три сотни Лейб-Казаков и четыре Атаманцев, под общей командой генерала Михайлова, должны были, переправившись через Донец с верифе Рубежного, выйти в тыл Усть-Быстринской станицы.

Легко отбросив передовые части противника и пройдя хут. Рубежный, пехотные сотни подошли к садам, окружавшим станицу Усть-Быстринскую.

Командовавший пехотными частями полковник Дьяков рассыпал в тыл Учебный полк и сотню Лейб-Казаков есаула Шамива, оставив в

резерв сотню Лейбь-Казаконь подьесаула Грекова Андрея, послать зѣв сотни Л. Гв. Атаманскаго полка, подь командой войск. ст. Жирова, по блѣкѣ, въ охватъ слѣва позицій противника.

1-ая Донская батарея есаула Бабкина открыла огонь и цѣли длинудись впередь. Противникъ открылъ сильный артиллерійскій и пулеметный огонь.

Учебный полкъ, въ ряды котораго передь отправкой изъ Новочеркаска было влито значительное число мобилизованныхъ казаконь и крестьянъ и имѣвшій въ своемъ составѣ много офицеронь, не имѣвшихъ боевого опыта и не смогшихъ удержать людей въ рукахъ, замаялся. Пришло сѣдѣние, что дружины казаконь мѣстныхъ станицъ, занимавшія позицію вправо, отошли. Противникъ перешелъ въ контръ-атаку. Л. Казачья сотня ес. Шамила было выдвинулась впередь, но, понесъ большія потери отъ пулеметнаго огня и утративъ ранеными всѣхъ своихъ офицеронь, кромѣ командира сотни, залегла и открыла огонь. Учебный полкъ началъ отходъ, скоро принявшій безпорядочный характеръ и образовавшій прорывъ, въ который устремились красные.

Помогая начальнику дивизіи задержать на мѣстѣ учебниковъ, былъ здѣсь раненъ ружейной пулей и. л. нач. шт. дивизіи Ген. Шт. полк. Ивановъ.

Уже и сотня резерва подьесаула Грекова, и батарея есаула Бабкина несли потери отъ ружейнаго огня красныхъ, когда генераль. Абрамовъ лично приказалъ подьесаулу Грекову остановить атаку противника.

Подъ взглядомъ начальника дивизіи, стройно, какъ на парадахъ, двинулись впередь Лейбь-Казакъ и съ ними броневикъ «Казакъ». Подойдя къ цѣпнямъ противника, старенькій броневикъ испортился, почему одновременно закливился и его пулеметъ. Красные съ крикомъ «уба» бросились было къ броневнику, но подоспѣла полусотня Лейбь-Казаконь, и броневикъ былъ отбитъ и вытаскень назадъ.

Красные, сильно превосходившіе числомъ и имѣвшіе въ цѣли много пулеметонь, залегли и открыли частый огонь.

Сотня Грекова, дошедшая совсѣмъ близко, несетъ потери. Раненъ въ грудь молодой хорунжій Г. А. Дубенцевъ. «Куда ранены?» — «Въ сердце, господинъ подьесауль». — «Можете идти?» — «Могу, господинъ подьесауль». «Ну, тогда ничего, двигайтесь съ Богомъ назадъ».

Цѣль залегла. Впередь раненъ кадровый Лейбь-Казакъ, взводный урядникъ подхорунжій Савостьяновъ. Два казака бросаются его поднимать и падзють — одинъ смелительно раненъ въ животъ, довгой раненъ въ ногу.

Бросаются слѣдующіе два казакъ и опять отползають, ранеными. Кидается впередь самъ командиръ сотни. Вотъ онъ рядомъ съ Савостьяновымъ. Постѣвній поднимаетъ голову и говоритъ: «Господинъ есауль, они ловко поистрѣлялись, лягте» и... замолкаетъ, ибо вторая пуля попадаетъ въ голову. Подползаетъ вахмистръ сотни гигантъ, кадровый Лейбь-Казакъ, подхорунжій Головкинъ, легко, какъ перышко, поднимаетъ Савостьянова встаетъ, но весь богатирскій ростъ и вноситъ въ тылъ.

Падзють убитые, отползають назадъ раненые; велики потери, но противникъ остановленъ....

Между тем, конные сотни, двинувшиеся утром на переправу по льду через Донець с вершины Рубежного, переправиться не смогли из-за непрочности льда. Генерал Михайлов решил пассивно охранять левый фланг пехоты, от которой была отделена крутой и длинной балкой. По просьбе полковника Фарафонова, к вечеру, дабы стать ближе к своей пехоте, конница была переведена в вершину балки. Ввиду выхода из боя Учебного полка, отсутствия сведений от войск старш. Жирова и трудного положения пехоты, генерал Абрамов приказал коннице выдвинуться и атаковать противника в конном строю.

Генерал Михайлов приказал полковнику Фарафонову взять две сотни Лейб-Казачков и выдвинуться вперед в указанном направлении. Уже стемнело и ориентироваться стало очень трудно. Сотни развернулись в лаву и не успели пройти и версты, как были встречены в упор огнем из винтовок. Определить — стреляли ли свои или противник, и атаковать в конном строю между наступившей абсолютной темноты не представлялось возможным, и сотни спустились в балку, выслав вперед разведку. Последняя установила наличие противника и донесла о начинавшемся его отходе на станцию Усть-Быстринскую. Ввиду наступившей темноты, понесших большие потери левые сотни были отведены на хут. Голубинский. В конце отошел, вынося с небольшой группой казачков последних раненных, подесаул Греков.

Конницу генерал Абрамов развернул лавой и пустил в темноте вперед подобрать раненных, убитых, оружие, что и было сделано.

*) Генерал Дьяков в своих комментариях к описанию боя 22-го придает большое значение порядку выхода из боя сотни подеса. Грекова: «Часами к двум положение стало критическим. Красные напирали. С большим трудом удавалось сдерживать учебников, отошедших на уступы назад, а частью и покинувших поле боя».

Видно было, что из последних сил держится понесшая большие потери сотня Лейб-Казачков ес. Шамова. Отдельно работала пулеметная Лейб-Казачий взвод, с прекрасной по обстрелу, но к сожалению открытой позиции, почему у одного пулемета были перебиты все номера.

(Именно около этого влады была и «штаб-квартира» генерала Абрамова. Одинок, к своему ужасу, и видя его подвизающимся к этим пулеметам перелом).

Сдали свою позицию старики-казаки, стоявшие правее и теперь отошедшие назад.

Ожидаемая помощь от высланных в обход сотен войскового старшины Жирова не приходила.

В воздухе чувствовалась возможность катастрофы.

Была двинута последний резерв — сотня подеса. А. Грекова.

Полным ростом, твердым шагом, под сильным огнем, скользя образованной уходом учебников прорыв, сотня вышла шагом на 200 вперед за линию позиции и, там залегши, открыла спокойный, прицельный огонь.

Совершился психологический перелом в лавных действиях — он сразу окривля. Совершился перелом и у красных, остановивших наступление и подавшихся назад. Опасность катастрофы миновала.

Подсознательное чувство подсказало Грекову, что в условиях лавной мину-

Таким образом, из-за опоздания выхода конницы, неучастия Калмыцкого полка, потери связи со сбившимся с правильного направления войск. старш. Жировым и неучастия поэтому в бою его пѣших сотень, какъ и вслѣдствіе неудачи, понесенной Донскимъ Учебнымъ полкомъ, бой закончился нѣсколько неопредѣленно.

(Первая неудача Учебнаго полка мало отразилась на его дальнейшей работѣ, и вслѣдствіи этого полкъ хорошо дрался в рядахъ 1-ой Донской дивизіи в Каменноугольномъ районѣ).

Однако, на слѣдующее утро выяснилось, что части 16-ой стрѣлк. сов. дивизіи, понесшія большія потери отъ огня и сильно разстроенныя, боемъ, по предшествовавшему примѣру разбитыхъ 19-го февраля частей 23-ей сов. дивизіи, отошли ночью полностью за Донецъ.

Советская «Исторія Гражданской войны» говоритъ: «Не поддержанная соседями и испытывая острый недостатокъ в патронахъ, 16-ая стрѣлковая дивизія была вынуждена отойти за Донецъ»... («Гражд. война», т. III, стр. 230).

Въ бою 22-го были ранены пулей въ руку командиръ полка полковникъ В. Дьяковъ, оставшіеся в строю и до конца руководившіе боемъ.

Изъ числа офицеровъ были ранены: хор. Г. А. Дубенцевъ 2-ой, хор. Денисовъ, хор. Балабинъ и сотникъ Какуринъ.

Какое же значеніе имѣли бои 19-го и 22-го февраля 1919 года, главная тяжесть конхъ легла на молодой Лейбъ-Гвардіи Казачій полкъ, и успѣхъ конхъ былъ имъ купленъ цѣною крупнѣхъ потерь?

1). Приведемъ выдержку изъ статьи б. нач. разв. и операт. части Донской Арміи полковника Добрынина («Военный Сборникъ», кн. 2-ая, статья «На Донецъ и Маначъ», полк. Добрынинъ).

...«День 19-го февраля 1919 года является датой, послужившей началомъ новыхъ событій на Донскомъ фронтѣ. Въ этотъ день произошелъ переломъ, давшій казачеству окончательную вѣру въ возможность дальнейшей борьбы. Этотъ день, послѣ ряда тяжелыхъ дней отхода за Донецъ, принесъ радостную, встряхнувшую всѣхъ вѣсть о началѣ побѣды.

...19-го февраля былъ данъ первый отпоръ краснымъ, пытавшимся захватить Новочеркасскъ съ налета... Успѣхи стоили значительныхъ потерь.

ты, вопреки правиламъ пѣшаго боя, онъ долженъ былъ идти въ полной ростъ и выдвинуться впередъ за линію нашихъ цѣпей. Исполни онъ то же приказаніе перелѣзками по звеньямъ, пригнувшись, уложи онъ людей на линіи другихъ цѣпей, — результатъ получился бы иной.

По силѣ духа, подвѣсауломъ Грековымъ здѣсь проявленнымъ, можно, не боясь преувеличенія, назвать этотъ выходъ въ бой донскимъ подвигомъ»...

Донским полкам, из особенности Гвардии, но достигнутый результат компенсировать тяжкими жертвами...

Отсюда следует первый вывод: успех на Дону 19-го февраля поднимал дух других частей Донской Армии.

2) Переправившись через Донець части 23-ей и 16-ой сов. дивизии принадлежали к составу IX-ой сов. Армии, коей красным командованием была поставлена задача взять 20-го Александровски-Грушевский, а 22-го февраля Новочеркасск.

Разбитые и потрепанные 19-го и 22-го февраля, они отошли за Донець, потеряв захваченный ими было до начала ледохода плацдарм на нашем берегу Дона. Последний вскорь разлился и обратился в серьезную преграду.

Отсюда второй вывод: боями 19-го и 22-го февраля была сорвана попытка красных выйти в сердце Войска кратчайшим путем, с налета, на плечах отходившей и разстроенной Донской Армии.

3) Отметим, что именно к концу февраля красное командование изменило юго-восточное направление своего наступления на Новочеркасск-Ростов, кратчайшее, на более западное и более длинное, через Каменноугольный район.

Изменение направления красного наступления нам было весьма выгодно, ибо его осуществление требовало длительных и сложных передвижений красных частей вдоль фронта, с востока на запад, и, следовательно, давало нам некоторый выигрыш времени, совершенно нам необходимый для

пришла в порядок Донской Армии и подвоза связных кубанских частей с Северного Кавказа.

Плана, перемена планов была принята красными командованием не без колебаний, не сразу, а постепенно, в течение всего февраля, и обуславливалась наличием весьма разнообразных факторов, из коих на первом месте стояло значение, придаваемое партийцами Каменноугольному бассейну.

Однако, если учесть, что взятием Новочеркаска и Ростова, с какой бы стороны их ни взять, предвиделась участь и Донецкого бассейна, и если учесть, что изменение главного направления наступления красных оформилось окончательно и безповоротно лишь из директив ком. Южного фронта Гитиса № 2289, отданной 26-го февраля (11-го марта нов. ст.), то представляется весьма вероятным, что именно потеря IX-ой сов. Армией плацдарма на нашем берегу Дона послужила последним толчком к выгодной нам перемене решения красного командования.

4) Из приведенных выше откликов командных и правящих Донских верхов на бой 19-го февраля — ясен перелом в настроениях Новочеркаска, было уже начавшего поддаваться панике. Нынче население успокоилось, и в столице Дона создалась вновь нужная для продолжения борьбы атмосфера.

5) Наконец, бой 19-го и 22-го февраля имели и чисто свое, полковое значение: молодой Лейб-Гвардии Казачий полк воскресил славу старого полка и получил моральное право продолжать его вѣковую историю.

Генералъ Абрамовъ въ своихъ комментаріяхъ къ боямъ 19-го и 22-го февраля говоритъ: «Блестящій успѣхъ боевого крещенія молодого Лейб-Казачьяго полка въ бояхъ подъ Семимаянкою и Рубежкою надо отнести къ личной доблести и умѣлому руководству командира полка полк. Дьякова и безавѣтной храбрости г. г. офицеровъ и казачьихъ вахмистровъ и урядниковъ Л. Гв. Казачьяго полка. — Ген. Абрамовъ».

Въ теченіе шести дней Лейб-Гвардїи Казачьяго полка простояли на хуторѣ Голубинскомъ. 24-го полковникъ Дьяковъ эвакуировался въ Ростовъ для леченія раны, и во временное командованіе полкомъ вступилъ полковникъ Фарафоновъ. 25-го состоялись похороны убитыхъ въ последнемъ бою Лейб-Казачьяго.

Чтобы очистить районъ лѣваго берега Дона отъ красныхъ, генералъ Абрамовъ приказалъ 28-го февраля Гвардейской бригадѣ занять хуторъ Мечетный, гдѣ еще держались красные и откуда ими высылалась развѣдка. Свои части дивизїи подъ общимъ командованіемъ генералъ-майора Михайлова повели наступленіе на хуторъ Мечетный, конными же частями Гвардей-

ской бригады съ 2-мя орудіями были направлены подъ начальствомъ полковника Фарафонова въ обходъ хутора Мечетнаго съ юго-востока.

Хуторъ Мечетный красные успѣшно очистили, не принявъ боя. Пѣшія сотни заночевали въ хут. Мечетномъ, конныя же прошли хут. Какочевъ и только изъ хут. Богатаго были обстрѣляны артиллеріей слѣбно отходящаго за Донецъ противника. Два орудія, приданныя коннымъ частямъ Гвардейской бригады, открыли огонь по обозамъ красныхъ, и было видно, какъ повозки разлетѣлись по степи во всѣ стороны. Высланныя впередъ двѣ сотни заняли хут. Бугураевъ, откуда красные тоже успѣшно ушли. Дальше шель Донецъ, представлявшій естественную преграду.

Весь лѣвый берегъ Дона, такимъ образомъ, былъ очищенъ отъ красныхъ, и генераль Абрамовъ вернулъ конныя части на ночлегъ въ хуторъ Ясиноватый.

Потерявъ плацдармъ, было захваченный IX-ой сов. Арміей на правомъ берегу Дона, противникъ потерялъ возможность нанести ударъ по кратчайшему направлению на рѣшающую линію Новочеркасскъ — Ростовъ, притомъ въ моментъ, критическій для Донской Арміи.

Противникъ произвелъ было попытку перейти Донецъ въ районѣ Усть-Благодатненской, но 23-го февраля и эта попытка ободришились Донскими частями была отбита.

Начался весенній разливъ рѣкъ, и фронтъ по Дону принялъ пассивный характеръ.

Противникъ началъ перегруппировку своихъ частей, переносъ центръ своихъ усилій на западъ, въ районѣ Луганска и Каменноугольного бассейна.

Донская Армія получила передышку, начала расти численно и оправилась морально.

Съ Сѣв. Кавказа успѣли подойти Кубанскія и Добровольческія части. Кризисъ миновалъ...

3-го марта Лейбъ-Гвараинъ Казачій полкъ перешель въ хут. Голубинскій, гдѣ заработали полковая и сотенная канцелярія, исключая убитыхъ и раненыхъ людей, лошадей, разбираясь въ вопросахъ довольствія и т. д. 5-го марта бригада была переведена въ хут. Садково-Николаевскій. 6-го марта Л. Гв. Казачій полкъ перешель въ ст. Владимірскую, гдѣ полкъ встрѣтилъ Командующій фронтомъ генераль Чернозубовъ (старый Лейбъ-Казакъ). Онъ ласково привѣтствовалъ полкъ и благодарилъ его за боевую работу и особенно за атаку 19-го февраля.

До 10-го марта полкъ простоялъ въ ст. Владимірской — былъ Великій постъ. Полковымъ священникомъ о. Сергіемъ было начато великопостное служеніе весь полкъ говѣлъ и 8-го принималъ Св. Причастіе.

Здѣсь было произведено окончательное переформированіе полка —

какъ уже было выше сказано, во время послѣднихъ боевъ конная полусотни были сведены вмѣстѣ, однако, казаки и лошади продолжали числиться въ своихъ сотняхъ. По просьбѣ командировъ сотенъ, начальникъ дивизии разрѣшить свести всѣ конная полусотни въ 3 постоянныя сотни — въ 1-ую есаула Краснова, въ 3-ю есаула Дубенцева и въ 6-ю есаула Воронина. Иными же постоянно остались 2-я сотня есаула Полковникова и 5-я есаула Шамина. (Въ виду большихъ потерь, 4-я была влита на усиленіе 2-й и 5-й сотенъ).

10-го марта полкъ перешелъ въ хут. Новоселовка, а 11-го въ хут. Нижне-Ковалевъ. 12-го марта полкъ проходилъ прекрасными Провальскими степями съ оставшеюся прошлагодней некошеной высокой травой. Въ Провальскомъ Кошномъ заводѣ, уже эвакуированномъ, полкъ сдѣлалъ получасовой привалъ. На ночевку пришли въ хут. Деревянский, и Л. Гв. Казачій полкъ вошелъ въ Каменноугольный районъ.

Полку предстояла новая боевая работа.

Всего за разсмотрѣнный нами періодъ боевъ на Донѣ потери Л. Гв. Казачьяго полка выразились въ слѣдующихъ цифрахъ:

Офицеровъ:	
Убито	3
Ранено	9
Казаковъ:	
Убито	35
Ранено	94
Лошадей:	
Убито	22
Ранено	32

Съ приходомъ полка на фронтъ появились заболѣванія сыпнымъ тифомъ. Въ теченіе февраля было эвакуировано въ тылъ сыпнотифозныхъ 40 казаковъ и 2 офицера.

Г Л А В А IX.

КАМЕННОУГОЛЬНЫЙ РАЙОНЪ ВЪ МАРТѢ И АПРѢЛѢ 1919 Г.

Общая обстановка. — Переброска 1-й Донской дивизии. — Характеръ борьбы въ новомъ районѣ. — Бои за районъ Кругликъ — Успенка — Орѣхово — Шелкозый протокъ. — Пѣшія и конныя атаки Лейбъ-Казакъ. — Благодарственные приказы по дивизіи. — Переброска на хут. Б. Зѣбрь. — Страстная недѣля и походная церковь. — Возвращеніе въ Каменноугольный районъ. — Смотръ Командующаго Донской Арміей генерала Сидорина. — Бои у госп. дв. Максимовка, хут. Мечетнаго, ст. Щегово, села Ребрикова и взятіе Орѣхова. — Переломъ настроенія красныхъ. — Оцѣнка результата дѣйствій 1-ой Донской дивизіи въ Каменноугольномъ районѣ. — Полковой лазаретъ въ Ростовѣ. — Потери полка и боевой составъ къ концу апрѣля.

Въ началѣ марта, послѣ окончательно опредѣлившейся неудачи захвата Новочеркасска прямымъ наступленіемъ съ сѣверо-востока, красное командование приняло новый планъ удара въ юго-восточномъ и восточномъ направленіяхъ, для захвата Каменноугольного Донецкаго бассейна и выхода въ самое сердце Донской Области, на линію Новочеркасскъ — Ростовъ.

...«Намъ смертельно нуженъ уголь, — писалъ въ то время Бронштейнъ-Троцкій. — Донецкій фронтъ является важнѣйшимъ для совѣтскихъ республикъ... Потеря Петрограда для насъ не была бы такъ тяжка, какъ длительная потеря Донецкаго бассейна. Вотъ почему все вниманіе сосредотачивается на этомъ фронтѣ»...

Оставивъ 10-ю армію Егорова (23 тыс.) обозначать наступленіе на югъ, вдоль линіи жел. дороги Царицынъ-Торговая, и растянувъ на пассивномъ фронтѣ, отъ Чира по Дону и далѣе по Донцу, до впаденія въ него Луганска, 9-ю армію (28 тыс.), совѣтское командование перебросило въ районъ Луганска 8-ю (27 тыс.) армію Тухачевского, сгруппировавъ южнѣе, въ районѣ Никитовки, XIII-ю армію Кожевникова (25 тыс.) и въ районѣ Волновахи XIV-ю, состоявшую изъ украинскихъ формированій (20-25 тыс.).

VIII, VIII и XIV арміи, общей численностью въ 70-75 тысячъ бойцовъ, должны были уничтожить группы бѣлыхъ, прикрывающихъ Донецкій бассейнъ, захватить послѣдній и выйти на линію Ростовъ — Новочеркасскъ.

Въ концѣ февраля противъ этихъ трехъ совѣтскихъ армій мы имѣли на правомъ флангѣ, въ районѣ Луганска, конную ударную Донскую группу генерала Коновалова, численностью въ 3-4 тысячи, составлявшую лѣвый флангъ Донской Арміи.

Дальше на юг, до Колпакова, шло никем не обороняемое пространство, а от Колпакова, до Мариуполя и Бердянска, шел, более нежели растянутый фронт 12-тысячной Добровольческой Кавказской Армии генерала Май-Маевского.

В дальском тылу, у города Александро-Грушевска, еще только сосредоточивались перебрасываемая с Кавказа дивизия генерала Покровского и генерала Шкуро.

Какъ сказано было въ предыдущей главѣ, 1-я Донская дивизія, по окончании своей боевой задачи на Дону, въ началѣ марта была перебросена въ Каменноугольный районъ, гдѣ заняла стыкъ между Кавказской Армией и Донской группой генерала Коновалова, дабы, совместно съ послѣдней и правымъ флангомъ Кавказской Армии, нанести встрѣчный ударъ наступающимъ краснымъ арміямъ, направляя его, согласно директивѣ генерала Деникина, на линію Дебальцево — Луганскъ.

Задача 1-ой Донской дивизіи была крайне тяжела: занимая участокъ въ нѣсколько десятковъ верстъ по фронту, дивизія имѣла передъ собою наступавшаго, многократно превосходящаго численностью противника. Дѣйствія дивизіи затруднялись, какъ недоброжелательнымъ отношеніемъ мѣстнаго шахтерскаго, большевистски-настроеннаго населенія, такъ и, главнымъ образомъ, весенней распутицей и бездорожьемъ, мѣшавшимъ быстрымъ переброскамъ конницы, затруднявшимъ подвозъ изъ тыла отсутствующихъ на мѣстѣ фуража, хлѣба и боевыхъ припасовъ.

Помимо потерь въ бояхъ, ряды полка косила свирѣпствующая кругомъ эпидемія сыпного тифа.

Боевыя дѣйствія дивизіи сводились къ энергичнымъ короткимъ ударамъ по противнику, причемъ, ввиду невозможности обнажить весь многоверстный участокъ, не представлялось возможнымъ сосредоточивать всю дивизію, и удары наносились комбинированными группами, силою отъ двухъ до трехъ полковъ.

Ведя бои въ районѣ деревень Кругликъ, Орѣхово, Успенка, Лейбъ-Казачій полкъ бить противника короткими ударами, причемъ дѣйствія сотенъ носили такой смѣлой и рѣшительный характеръ, что скоро полкъ внушилъ къ себѣ страхъ и уваженіе. Въ частяхъ противника, по словамъ пѣвчихъ, «бѣлая амуниція» наводила панику на красноармейцевъ, почему казаки особенно тщательно бѣдили ремни своей гвардейской амуниціи.

По выступленіи въ Каменноугольный районъ, 1-я Донская дивизія, наступая широкимъ фронтомъ на западъ, 13-го марта, послѣ небольшой стычки, вступила въ предѣлы Екатеринославской губерніи. На правомъ флангѣ наступала Л. Гв. Казачій полкъ въ составѣ Гвардейской Казачьей бригады.

14-го марта Гвардейская бригада получила задачу занять Орфхово, для чего, в видъ авангарда, были выдвинуты конная сотня подъ командой полковника Фарафонова. Пройдя Власово-Александровку, сел. Картушино, хут. Щетовскій и Веселомарьевку, спѣшенныя части конницы завязали бой съ занявшими Орфхово красными. Увидя обходъ конныхъ сотенъ, красные бѣжали, но преслѣдовать ихъ не было никакой возможности, такъ какъ весенній грунтъ черноземнаго района обратился въ непролазную грязь; лошади съ трудомъ вытягивали ноги, а двуколки съ пулеметами останавливались на каждомъ шагѣ.

Подъ заночеваль въ Орфховѣ *).

На 15-ое марта Гвардейская бригада получила задание взять сел. Успенское и ст. Шмитовскую. Эти оба пункта имѣли для красныхъ громадное значеніе, такъ какъ прикрывали гор. Луганскъ. Они были прочно заняты крупными частями, усиленными бронепоездами. Высланныя впередъ конная часть встрѣтилась съ цѣпью красныхъ, занявшихъ крижистые гребни, по мѣстному выраженію, «скели», и поэтому принуждены были спѣшиться. Быстро, безъ перебѣжекъ двинулись впередъ спѣшенныя цѣпи. Было усилившейся огонь красныхъ сразу заглохъ, и они очистили свою позицію, не принявъ удара. Однако, по занятіи гребня, спѣшенныя сотни имѣли передъ собою совершенно открытую мѣстность, почему пришлось ждать подхода пѣшихъ сотенъ. Въ бинокль было видно, какъ къ краснымъ подходили по желѣзной дорогѣ новые эшелоны, уславившіе ихъ настолько, что дальше продвинуться не удалось, и съ наступленіемъ темноты сотни, оставивъ на занятіи гребней наблюденіе, вернулись на ночлегъ въ Орфхово.

17-го марта красные съ утра атаковали занятое Гвардейской Казачьей бригадой Орфхово и дер. Кругликъ, занятую 4-мъ Донскимъ полкомъ, причѣмъ имъ удалось выбить послѣдній изъ Круглика.

Гвардейская Казачья бригада встрѣтила атаку красныхъ на Орфхово контръ-атакой и, опрокинувъ ихъ, двинулась на помощь 4-му полку.

Къ вечеру, совмѣстно съ 4-мъ Донскимъ полкомъ, Гвардейская Казачья бригада выбила изъ Круглика красныхъ, отошедшихъ подъ защиту своихъ бронепоездовъ на Успенку.

Шшія сотни Лейбъ-Казаконъ ночевали въ Кругликѣ, конная въ Орфхово.

*) При подходѣ конныхъ сотенъ въ Орфхово произошелъ слѣдующій эпизодъ: къ полковнику Фарафонову, за конемъ казакъ безъ командирскій Лейбъ-Казачій значекъ — алый флагъ съ Мальтійскимъ малиновымъ крестомъ — подскакалъ всадникъ и, круто осадивъ лошадь, крикнулъ: «Товарищи, держитесь, сейчасъ подходитъ подмога!»

Всадникъ былъ краснымъ развѣдчикомъ, принявшимъ полковой значекъ за красное знамя, а полковника Фарафонова за красного командира. Увидѣвъ погоню офицера и казака, онъ окаменѣлъ.

Полковникъ Фарафоновъ не успѣлъ сказать слова, какъ ударомъ шашки казака-ординарца красная была зарублена.

89

На следующйй день, 18-го марта, генералъ Абрамовъ, руководя самъ боемъ, сосредоточилъ почти всю дивизию, началъ наступленйе на Успенское, выдвинувъ конныя части подъ начальствомъ полковника Фарафоновъ къ дер. Ново-Павловка.

Пйшйя сотни, выступивъ на разсвйтй изъ Круглика, въ 8 часовъ атаковали дер. Булахово, занятую конной бригадой противника, послй короткой перестрйлки отошедшей на западъ.

Занявъ къ 10 часамъ Булахово, пйшйя сотни продвинулись еще двй версты впередъ, но дальше не двигались, въ виду появления за правымъ флангомъ крупныхъ силъ противника, парировать ударъ коннхъ было нечйзъ. Однако, появившйся за флангомъ противникъ ограничился пассивнымъ боемъ, и къ вечеру пйшйя сотни, свернувшись въ колонну, двинулись на ночлегъ въ Орйхово.

Туда же вернулись и конныя сотни, ведшйя днемъ огневой бой съ пйхотой и артиллерйей противника у дер. Поповки, кончившйся, благодаря значительному превосходству въ силахъ противника, въ ничью.

19-го 1-я Донская дивизия принимала участие въ общей атакй на Луганскъ. Главный ударъ по направлеию на Луганскъ долженъ былъ быть нанесенъ коннымъ корпусомъ, состоявшимъ изъ 2-й и 8-й Донскихъ дивизиЙ, а 1-я Донская дивизия имйла задачей содйствовать удару, выхоломъ въ тылъ Луганска, съ занятйемъ сел. Успенское, Бйлое и станицы Мйловая - Сборная.

Выступивъ въ 7 часовъ утра, дивизиа атаковала и взяла село Успенское. Противникъ отошелъ на Илйрию, Бйлое и Ново-Павловку (что на лйвомъ берегу Ольховки).

Пйшйя сотни Лейбъ-Казаконъ, пройдя Успенку, завязали огневой бой съ противникомъ, занимавшимъ Ново-Павловку. Въ 3 часа дня пришло приказанйе генерала Абрамова ночевать въ Ново-Павловкй.

Пйшйя сотня Лейбъ-Казаконъ подъ командой есаула Шамина, быстро развернувшись и смачу ворвалась въ деревню. Выбитый изъ Ново-Павловки, противникъ отошелъ на Бйлое.

Было уже совершенно темно, когда остальные сотни вошли въ деревню. Грйзъ была такая непролазная, что еле вытягивали ноги.

Коннымъ сотнямъ, нйсколько поздне, было приказано ночевать въ дер. Ушаковкй, занятой противникомъ. Уже солнце зашло и стемнйло, когда 3-я стйпенная сотня Лейбъ-Казаконъ есаула Рыковскаго, подойдя къ деревнй, неожиданно для красныхъ уже расположившихся на ночлегъ, ворвалась въ Ушаковку, очистивъ ее штыковымъ боемъ, послй чего, дабы дать людямъ полный отдыхъ, перешла на ночлегъ въ Ново-Павловку.

На следующйй день, 20-го марта, генералъ Абрамовъ продолжалъ исполненйе задачи предыдущаго дня, для чего съ утра на с. Бйлое повелъ наступленйе отрядъ полковника Лобова, въ составй пйшйихъ сотенъ Атаманскаго полка, 5-й пйшей сотни Лейбъ-Казаконъ и пйшей сотни 4-го Донского

полка, с двумя орудиями. В 10 часов утра отряд подошел к ст. Бѣлой и развернул боевой порядок. Наступление повели цѣли Атаманцевъ и 4-го полка, при пулеметной командѣ Лейбъ-Казачьяго полка. Сотня Лейбъ-казаковъ была оставлена въ резервъ и находилась непосредственно за артиллеріей. Наступающіе цѣли были встрѣчены сильнымъ и мѣткимъ артиллерійскимъ огнемъ, почему, пройдя нѣкоторое разстояніе, залегли. Завязалась ружейная перестрѣлка. Артиллерія красныхъ, скоро пристрѣлявшись, начала засыпать цѣли снарядами. Нѣсколько очередей было послано и по резерву. Наша же артиллерія отвѣчала рѣдко, такъ какъ имѣла всего по 15 снарядовъ на орудіе.

Въ цѣляхъ быстро стали расти потери. Въ пулеметной командѣ Лейбъ-Казаковъ были перебиты кожухъ одного пулемета и два пулемета заклиннились. Убито и переранено болѣе 50 процентовъ состава пулеметной команды. Ранены, но остались въ строю, начальники пулеметной команды подьесауль Туркинъ.

Вскорѣ, неожиданно, со стороны дер. Иллирія, угрожая нашему лѣвому флангу и тылу, появилась наступающая цѣль красныхъ. Сотня Лейбъ-Казаковъ было приказано встрѣтить противника. Лейбъ-Казачи немедленно развернули боевой порядокъ и, по установившейся уже привычкѣ, по вѣсноты, не ложась, безъ перебѣжекъ, стрѣлая на ходу, повели энергичное наступление. Въ частномъ резервъ была оставлена одна полусотня. Красные, силою около роты съ 2-мя пулеметами, увидя Лейбъ-Казаковъ, сперва залегли, а затѣмъ побѣжали, оставляя на мѣстѣ болѣе трехъ десятковъ убитыхъ и 1 пулеметъ. Лейбъ-Казачи бросились преслѣдовать. Въ это время цѣли Атаманскаго и 4-го полковъ, подъ давлениемъ введенныхъ въ бой свѣжихъ частей красныхъ, подъ артиллерійскимъ огнемъ, усиленнымъ тяжелыми снарядами съ двухъ красныхъ бронепоездовъ, начали отходить. Цѣли красныхъ перешли въ преслѣдованіе. Тутъ оставшейся въ резервъ полусотня Лейбъ-Казаковъ было приказано переимѣнить фронтъ, рассыпаться въ цѣль и открыть по краснымъ огонь, остальнымъ двумъ взводамъ было послано приказаніе — одному взводу держать тотъ же фронтъ, а другому переимѣнить фронтъ и оказать сопротивленіе краснымъ, наступающимъ со стороны с. Бѣлое. Красные, видя, что наступленіе идетъ не по всему фронту, обратили вниманіе на участки, занимаемый Лейбъ-Казачами, ослабили преслѣдованіе Атаманцевъ и начали сосредоточивать противъ Лейбъ-Казаковъ значительныя силы. Это дало возможность нашей артиллеріи и пулеметамъ благополучно отойти и перейти рѣку по единственному мосту у д. Ушаковки. Обезпечивъ благополучный отходъ артиллеріи, Лейбъ-Казачи начали въ свою очередь отходить. Въ особенно трудномъ положеніи оказался взводъ подьесаула А. Грекова, зарвавшійся въ преслѣдованіи далеко впередъ. Двигаясь назадъ на р. Ольховку и выйдя изъ балки, онъ увидѣлъ неожиданно вправо отъ себя густую цѣль красныхъ, наступающую параллельно отходящему взводу. Дозорные этой цѣли были открыли огонь, но затѣмъ начали кричать, не 1-й ли батальонъ. Подьесауль Грековъ остроумно использовалъ ихъ ошибку, отвѣтилъ утвердительно и, для вѣщей убѣдительности, послалъ

90

ний грядь ругательства за стрельбу по своимь, приказавь податься вправо и не лѣзть въ мужой участокь.

Красные дозорные послушно стали махать шапками своей цѣпи, которая и стала поддаваться вправо. Подьесауль же Грековъ продолжалъ свой путь и благополучно вышелъ на мостъ у Ушаковки.

Въ этомъ отходѣ отличился азятый наканунѣ подьесауломъ Грековымъ и поставленный въ строй пѣший красноармеець, крестьянинъ съ Волги: онъ не только не пытался бѣжать, но, несмотря на тяжесть отхода, лично тащилъ пулеметь Максима, отобранный у красныхъ въ началѣ атаки, доставивъ его въ Лейбъ-Казачью пулеметную команду.

Дойдя до рѣки, Лейбъ-Казачи группами, гдѣ удобнѣе, вѣлавъ переправились и вернулись въ д. Орѣхово.

Въ этомъ бою были ранены: есауль Шаминъ пулей въ лицо, подьесауль Туркинъ и хорунжий Прокофьевъ.

Конная сотня полка въ это время занимала с. Илларию. Видя отходъ своихъ пѣшихъ частей, конница заняла гребень сѣвернѣе Ушаковки и прикрыла отходъ пѣхоты.

Въ виду трудностей, встрѣченныхъ коннымъ корпусомъ, не сможемъ продвинуться впередъ, операция подь Луганскомъ была отложена. Отъ генерала Коновалова былъ полученъ приказъ активно оборонять свои участки: 2-ой дивизии — 5 верстъ; 8-ой див. — 7 верстъ, а 1-ой Донской дивизии — 10 верстъ, да еще съ приказаньемъ оборонять правый флангъ Кубанцевъ на жел. дорогѣ у ст. Волчихино.

23-го марта генераль Абрамовъ снова повелъ наступленіе на с. Успенское. Завязался бой на буграхъ, «скеляхъ». Но на этотъ разъ Гвардейская Казачья бригада приурочила свой рѣшительный ударъ ко времени выдвиженія правѣе частей генерала Коновалова.

Последнія, однако, не появились, и противникъ, имѣвшій сильнѣе превосходство въ силахъ, распространялся по рѣкѣ Луганчику, охватывая справа участокъ 1-й Донской дивизии.

Конная сотня Гвардейской Казачьей бригады, спѣшившись, прикрывала правый флангъ позиций. Когда красные, обходя флангъ, появились въ балкѣ, спѣшенная сотня (6-я) съ войскъ старш. Воронинымъ и сотникомъ Могилянскимъ энергично перешла въ контръ-атаку, потнала красныхъ и почти дошла вплотную для штыкового удара, но была встрѣчена новыми подошедшими подкрѣпленіями и стала съ потерями отходить. Сотникъ Могилянский былъ раненъ тяжело въ ногу и подь руки выведенъ изъ боя двумя казаками. Раненъ былъ вольноопредѣляющійся Реми.

Отличилась возстановившая положеніе пѣшая полусотня Лейбъ-Казачья, бывшая въ резервѣ и въ критическій моментъ вызванная впередъ.

24-го марта снова былъ бой, не приведшій ни къ какимъ результатамъ, въ районѣ с. Успенскаго — Орѣхово — Шелковий Протокъ.

25-го марта изъ Ростова прибыло въ полкъ конное пополненіе во главѣ съ командиромъ полка полковникомъ Дьяковымъ, изъ выздоравливавшихъ отъ раненій офицеровъ, казаковъ и лошадей и распределено по сотнямъ. Въ этотъ

день красные, снова из д. Круглики, повели наступление на с. Орехово, которое защищалось полковником Лобовым, с 4-м Донским Казачьим полком. После небольшой перестрелки, полк этот, очистив Орехово, отступил за железнодорожную линию, обнажив левый фланг дивизии. Получив донесение и просьбу полковника Лобова помочь ему, генералъ Абрамовъ выслалъ 3-ю конную сотню Лейбъ-Казакъ съ есауломъ Дубенцевымъ и есауломъ Рыковскимъ, и две конные сотни Атаманцевъ съ полк. Матафеевымъ. Сотни заняли командующую позицию и отсюда не позволили краснымъ войти въ лежащую въ долине слободу. Но такъ какъ полковникъ Лобовъ продолжалъ просить помощи, генералъ Абрамовъ приказалъ полковнику Фарафонову, съ двумя конными сотнями Лейбъ-Казакъ, войск. старш. Краснова и Воронина, а также съ двумя пѣшими сотнями Учебнаго полка, отбить наступление красныхъ. Сотни Учебнаго полка были разсыпаны въ цѣпь рядомъ съ 3-ей сотней и со стѣшенными сотнями Атаманцевъ, а 1-я и 6-я сотни Лейбъ-Казакъ полковникъ Фарафоновъ приказалъ атаковать цѣпь красныхъ, на открытой низинѣ, эшелонами въ конномъ строю. При видѣ разворачивающихся изъ-за горы конныхъ Лейбъ-Казакъ, красные уменьшили сперва огонь, а затѣмъ побѣжали. Эта картина увлекла и наши цѣпи, которыя съ криками «ура» бросились въ атаку. Красные проскочили въ паникѣ деревню Круглики и въ разсыпную карабкались на возвышенность. Конная сотня изрубила около 70 красныхъ и захватила 3 пулемета и 60 пленныхъ. На опрестъ пленныхъ было выяснено, что противъ дивизии дѣйствовали слѣдующие полки: 10-я Воронежскій, 33-я совѣтскій, 1-й конный Ахтырскій и 1-й Восточный.

Въ этомъ бою были тяжело ранены въ обѣ щеки навзлетъ есаулъ Ф. Рыковскій и легко въ ухо, оставшійся въ строю есаулъ Дубенцевъ. Тяжело были контужены снарядомъ сотникъ Б. Грековъ. Полкъ ночевалъ въ Ореховѣ.

Замѣтка ген. Абрамова говорить: «...Къ 15 часамъ красные навалились на Орехово. Лобовъ отошелъ, и положение создавалось скверное — полный прорывъ фронта дивизии... Спасибо Лейбъ-Казакамъ и Лобову: конной атакой Лейбъ-Казакъ во флангъ и тылъ уже вошедшихъ въ Орехово красныхъ, при поддержкѣ сотенъ Учебнаго полка и Лобова съ юга — красные обращены въ бѣгство. Орехово къ 19 час. нами взято обратно»...

Продолжимъ затѣмъ (въ выдержкахъ) описание конной атаки 1-й и 6-й сотенъ, сдѣланное прибывшимъ изъ Ростова на побывку въ Л. Гв. Казачий полкъ очевидцемъ, Борисомъ Суворовымъ, и помѣщенное югъ въ газетѣ «Вечернее Время» (№ 1232 отъ 29 марта 1919 г.):

«День Благодѣиенъ былъ яркимъ, солнечнымъ и теплымъ... Въ этотъ день мнѣ повезло, и видѣлъ блестящій бой первой Донской дивизии у Орехово...

91

...Неприятель перешел в наступление на Орехово и потеснил стоявший там полк. Двинуты на позицию пехота и конная сотня других полков дивизии.

Стройными рядами проходили конная сотня Гвардейских полков мимо командира бригады полковника Дьякова. Видно у казаков была блестящая и уверенная в себя...

Мы выехали на бугор.

Неприятельский огонь усиливается. Первая пех. (противника) подошла к гребню и стала спускаться к Орехову.

На самом гребне зло заработали пулеметы, то там, то здесь взмывают облачка сухой земли.

Полковник Дьяков подходит к полковнику Фарафонову; сейчас будет конная атака...

Уже две сотни Лейб-Казakov выравниваются в балке...

Вот они двинулись вперед...

Неприятельская стрельба усиливается, но не надолго...

Трудно описать тот восторг, который охватывает нас, когда видите, сравнительно с врагом, горсточку людей, идущих в конную атаку...

Увеличивается ход, шире становится лава. Вот спускаются — одни с пашками, другие с пиками наперекось, к балке, по которой ведется наступление противника.

Карьер...

И тут происходит нечто удивительное:

Неприятельская стрельба на этом участке сразу прекращается, оружейная, и пулеметная, и ружейная.

Противника не принять удара и бьжить.

«Догонять или не догонять» — гадаем мы, стоя на бугре.

Кое-где возвращаются ранние.

Вот ведут пленных...

«Значит, догнали» — говорит полковник Дьяков.

По балке возвращаются сотни Лейб-Казakov.

Командир 1-й сотни, поисковой старшина Краснов взял 3 пулемета и зарубил много красных. Командир 6-й сотни войск, старшина Воронин также взял пулемет и порубил большевиков...

Хорошо работали и пехотные части дивизии...

...Вечером мы в маленькой комнате офицерского собрания. В комнате дымно и душно, но необычайное чувство победы озаряет лица. Душа радуется, глаза на эту молодежь. Немного вспоминаются ростовские окопники, и становится противно — эти люди в озарении победы саншюль-виски, чтобы допустимо было какое-либо сравнение...

Македонка, 27 марта.

Борис Суворин».

На следующей день д. Кругликъ вновь была занята красными. Генералъ Абрамовъ рѣшилъ ихъ выбить оттуда въ ночь на 28-ое марта ночной атакой, ввиду совершенно открытыхъ подступовъ. Ночь была на рѣдкость темная, пѣшия сотни бригады подъ начальствомъ полковника Поздѣва были направлены на д. Кругликъ; три конные сотни, подъ начальствомъ полковника Фарафонова — въ обходъ съ юга-запада д. Кругликъ и для прикрытія лѣваго фланга дивизіи. Только что прибывшему полковнику Дьякову поручено было общее наблюдение, 4-я Донской полкъ быть оставленъ въ резервѣ дивизіи; 3-я Калмыкій полкъ, подъ командой полковника Слюсарева, быть въ отдалѣ, при IV-мъ корпусѣ, въ районѣ ст. Штеровка. Всѣ части выступили въ часъ ночи, идя каждая проводниками изъ мѣстныхъ жителей.

Когда Атаманы, шедшіе впередъ, подошли къ мостику у самого селенія, раздался одиночный выстрѣлъ, а затѣмъ началась перестрѣлка съ обѣихъ сторонъ. Цѣпи красныхъ, судя по вспыхивающимъ огнямъ, начали удлиняться, охватывая лѣвый флангъ. Въ этомъ направленіи была послана полусотня Лейбъ-Казаконъ съ сотникомъ Семилѣтовымъ *) и подхорунжимъ Головкинымъ. Полусотня рѣшительно двинулась, и огонь противника скоро началъ утихать.

Одновременно въ дер. Кругликъ ворвались пѣшия сотни Атаманскихъ, подъ командой войскового старшины Захарова, и принялись штыками выбивать красныхъ изъ домовъ деревни.

Вахмистръ пѣшей Лейбъ-Казачьей сотни Головкинъ лично закололъ штыкомъ комиссара полка.

Скоро красные отошли на с.-в. окраину Круглика, занявъ лѣсъ и гребень скалистыхъ выступовъ.

Оправившись, они перешли въ атаку, пытаясь снова занять Кругликъ. Атака была отбита, а затѣмъ пѣшия сотни Гв. Казачьей бригады, усиленная сотней Учебнаго полка, атаковали въ свою очередь гласисообразный гребень. Противникъ былъ опрокинутъ и одновременно, взятый во флангъ конной атакой 1-й и 6-й сотенъ Лейбъ-Казаконъ войскъ старш. Краснона и Воронина, въ беспорядкѣ отошелъ на Успенку.

Конные сотни, занявъ бугры на лѣвомъ флангѣ, стояли спѣшенными въ ожиданіи развитія боя. На разсвѣтѣ, когда уже пѣшия сотни заняли Кругликъ и вели наступленіе на холмы къ сѣверу отъ него, къ коннымъ сотнямъ прискакала командиръ 3-го Калмыкаго полка полковникъ Слюсаревъ, который съ полкомъ отходилъ подъ натискомъ красныхъ, выходящихъ на лѣвый флангъ 1-ой дивизіи. Полк. Фарафоновъ, оставивъ цѣпь 3-й сотни на буграхъ, приказалъ 1-й и 6-й сотнямъ войскъ старш. Краснона и Воронина эшелонами идти на д. Булахово. Какъ только сотни развернулись, цѣпи красныхъ, дежавшія противъ пѣшихъ частей дивизіи и бывшія въ 3-5 верстахъ отъ конныхъ сотенъ, поднялись точно по командамъ и стали отходить. Выйдя изъ балки, сотни увидѣли къ югу отъ д. Булахово красныхъ и двинулись въ атаку. Скоро сотни врубались въ цѣпи. Сотникъ Левисовъ, рубя

*) По приказанію генерала Абрамова, сотникъ Семилѣтовъ за свои дѣянія въ этотъ день былъ представленъ къ ордену Св. Владиміра IV степени съ мечами.

красных, был убит выстрелом из винтовки почти в упор в живот. В свою очередь, стрелявший красноармеец был пронзан пикой скакавшего за сотником Денисовым казака. Убитого сотника Денисова перекинули через седло на его же лошадь, и павший казак, подерживая тело, вывез его из поля боя. Красные значаще проявляли необычайное упорство, стреляли в упор и не сдавались. Наконец, не выдержав рубки, они начали беспорядочный отход. В этой атаке было порублено до 100 человек красной пехоты, взято много оружия и 1 пулемет. (Всего же за ночной бой было взято 8 пулеметов).

4-й полк был оставлен в д. Круглик, а бригада на ночь отведена в д. Орехово.

Тело сотника Денисова было отправлено в Ростов.

28-го марта был отдан нижеследующий приказ:

Приказ 1-й Донской Конной дивизии 28 марта 1919 года.

№ 25/Б

с. Орехово.

Сегодня, 28. III, дивизия вела бой за овладение районом Круглик, как за исходный пункт для содействия нашей ударной группе IV корпуса при операции его на ст. Шмитово и с. Успенское.

Ночное нападение на деревню, преследование, отражение контр-атак, переход в наступление по гласисообразному подъему на скалистый гребень, контр-атаки цбей — все это было выполнено частями 1-й бригады и Учебным полком выше всякой похвалы, — стремительно, в полном порядке и без малейших задержек под огнем противника. С высокой доблестью была произведена атака в конном строю 1 и 6 сотнями Л. Гв. Каз. полка наступавших цбей красных. Все эти действия, носившие характер быстрого наступления и движения вперед, обошлись очень дорого врагу и были почти без жертв для нас. Потери же, где таковые были, понесены, главным образом, при стоянии на месте. Это вывод из истории всех войн, и им необходимо руководствоваться во всех наших операциях, чтобы нести меньше потерь.

За отличное ведение частей в бой, благодаря командиров командиров полков и сотен и всех офицеров. Молодцам казакам спасибо за неизменный порыв вперед, за порядок в строю и за презренье к кажущейся опасности.

Начальник дивизии, генерал-лейтенант **Абрамов.**

30-го марта 1-я Донская дивизия была смещена частями IV-го Донского корпуса и отведена в Восточную Каменку (в 12 верстах к югу от Орехова).

31-го марта Лейб-Кавалерийский полк, сделав переход в 65 верст, прибыл на хутор Б. Зафрево.

Оказалось, что противник, на фронте IX Советской армии, стоявшей до сего времени пассивно, перешел значительными силами Донец, сразу в двух пунктах, у ст. Каменской и у Белой Калиты, и, потеснив слабые здесь численно Донские части, угрожал Лихой.

Пользуясь повзваленностью VIII-й Советской армии, Донское командование временно сняло с Луганского направления конный Донской корпус генерала Калинина и ударило им внезапно у Каменской.

Кроме того, с Луганского же направления была снята 1-я Донская дивизия, переброшенная на всякий случай в район Зайцева.

Конный корпус генерала Калинина, состоявший из 8-й и 11-й Донских дивизий, ударом разгромил и сбросил в реку переправившиеся у Каменской советские полки, а затем, повернувшись на Калитву, совместно с корпусом генерала Семизытова, с тем же успехом повторил удар и здесь.

Трофеями были — 50 орудий, 200 пулеметов. Противники были потрачены, и на фронт IX-й армии настало снова затишье.

1-й Донской дивизии у Зайцева * не пришлось действовать, и Лейб-Кавалерийский полк получил неожиданный отдых **).

Наступила Страстная неделя и в разставленной походной церкви на хут. Б. Зайцевы шли богослужения.

С 3-го апреля неотропавшие в ст. Владимирской начали говять. В страстную субботу все казаки причастились и начали готовиться к празднику Св. Пасхи, однако, это не удалось провести, как предполагали. В субботу 6-го апреля было получено приказание о возвращении 1-й Донской дивизии в Каменноугольный район. Общий пасхальный стол пришлось отложить до новой стоянки. В 12 часов ночи отслужили заутреню, офице-

*) Была и другая причина постановки 1-ой дивизии в Зайцево. В Новочеркасске было неспокойно: станцию Богатевскую заняли красные, а 8-ой корпус И. Быкадорова из ст. Кочетовской разбегался, причем разложившиеся группы казаков 8-го корпуса появились в станицах Раздорской, Заплавской, Аксайской и Новочеркасской, и правительство опасалось, как бы они не учинили переворота.

Уже 1-го апреля было изготовлено Правительством приказ о вызове в Новочеркасске 1-ой дивизии, как сохранившей строгий порядок, но быть отменен, так как от станичных атаманов пришли успокоительные донесения о настроенных разбегавшихся быкадоронских казаков. По слухам, Круг постановил предать И. Быкадорова и его штаб суду за пьянство и бездельствие во время разлуки его корпуса, но ген. Сидорин не дал своего согласия.

**) Характерно, что при получении сведений о предполагаемом приходе в Новочеркасске Гвардейской бригады, по городу поползли слухи о якобы готовящемся перевороте на противоположную сторону, с удалением Харламова, Попова и Сидорина и с возвращением ген. П. Н. Краснова.

В действительности, хотя как казаки Быкадоревского корпуса, так и казаки Гвардейской бригады, и были все основаны быть недовольными административной и организационной деятельностью своих тыловых учреждений, но ни те, ни другие ни о каких переворотах не помышляли.

Возникновение этих слухов служит лишь доказательством оторванности не только общероссийской, но и казачьей городской интеллигенции от своих рядовых масс населения и полного непонимания ею настроений последних.

ры разговлялись въ своихъ сотняхъ, а рано утромъ полки уже выступили: конные походнымъ порядкомъ, а пѣшія на ст. Заѣрево для стѣдованія по желѣзной дорогѣ.

6-го апрѣля полковникъ Дьяковъ *) былъ произведенъ въ генераль-майора съ назначеніемъ Командиромъ Гвардейской бригады, а командиромъ Лейбъ-Гвардіи Казачьяго полка былъ назначенъ полк. Фарафоновъ.

9-го апрѣля пѣшія сотни прибыли на ст. Должикъ, разгрузились и двинулись на хут. Медвѣженскій, гдѣ стояли уже пришедшія походомъ конная сотни.

1-я Донская дивизія смѣнила конный Кубанскій корпусъ генерала Покровскаго, спѣшно перебрасываемый на Манчѣ, гдѣ 10-я и 12-я совѣтскія арміи, наступая вдоль жел.-дор. пути Царницы. — Торговая, настолько про-двинулись, что создали угрозу Ростову.

Такимъ образомъ, 1-я дивизія снова вернулась въ Каменноугольный районъ, ставъ лишь нѣсколько южнѣ прежняго мѣстоположенія.

За мѣсяць упорныхъ, почти каждодневныхъ боевъ марта, дивизія понесла большія потери ранеными и убитыми. Свирѣпствовала сыпная и возвратный тифъ... Запись ген. Абрамова говоритъ: «...Полки таютъ отъ болѣзней въ мѣсяць на 50%»...

Въ Лейбъ-Гвардіи Казачьяго полку урокъ убитыми и ранеными и сыпной-тифозными былъ настолько великъ, что уже къ концу марта двѣ пѣшія сотни были сведены въ одну скотную, а три конная — въ двѣ.

1-я Донская дивизія, несмотря на малочисленный составъ, получила ту же задачу, что имѣлъ и уходившій Кубанскій корпусъ, т. е. прикрыть участки жел. дороги Лихая — Ровеньки — Колпаковка, занимая фронтъ протяженіемъ въ 100 верстъ.

Задача, казалось, была въ несоотвѣтствіи съ силами дивизіи. Однако, противникъ былъ далеко не тотъ, что мѣсяць назадъ, ибо его арміи пережили кризисъ и упадокъ духа.

Сыграли роль не только огромныя потери, понесенныя красными въ бояхъ, не увѣнчанныхъ никакимъ успѣхомъ, но и настроенія въ крестьянствѣ, надеждамъ коего на возвышенный въ ноябрѣ «новый курсъ совѣтской власти въ деревнѣ» быстро поблекли.

Причину неудачи курса «нормального строительства въ деревнѣ» и не-

*) 7-го апрѣля генералъ Дьяковъ заболѣлъ сыпнымъ тифомъ и былъ эвакуированъ въ Ростовъ.

довольства въ крестьянствѣ, совѣтскій офицеръ видѣлъ въ «безчиствахъ совѣтскихъ войскъ, въ тяжести поборовъ и разверстокъ» и въ «самодурствѣ опьяненныхъ властью своихъ большевистскихъ помпадуровъ»...

Причина, конечно, была еще глубже и заключалась въ несоответствіи марксистской доктрины чаяніямъ и природѣ крестьянства.

Совѣтская статистика, въ февралѣ, мартѣ и апрѣлѣ давала соответственныя цифры дезертирства съ Южнаго фронта въ 15, 21 и 23 процента.

Что же касается возстаній въ тылу фронта, то первыми возстали, уже въ концѣ февраля, казаки Верхне-Донского округа, выставившіе противъ красныхъ 25.000 бойцовъ (правда, плохо вооруженныхъ и безъ достаточнаго команднаго состава).

Возстаніе это вызвало большую оттяжку силъ съ фронтовъ 8-й и 9-й совѣтскихъ армій, однако, подавить его не удалось, причемъ были случаи перехода красныхъ частей къ возставшимъ (Сердобскій совѣтскій крестьянскій полкъ).

Волновались и крестьяне на Украинѣ.

Настроенія послѣднихъ передавались въ Красную армию. Замитинговала въ районѣ Волновахи (XIV) Украинская совѣтская армія, гдѣ начались и внутреннія столкновения составляющихъ ее частей. Нѣсколько позднее броженіе охватило XIII армию Кожевникова, состоявшую въ большинствѣ изъ крестьянъ. Дальше держалась въ Луганскомъ районѣ 8-ая армія, въ составѣ которой имѣлась болѣе сильная пролетарская рабочая прослойка, но къ началу апрѣля митинги коснулись и этой арміи.

Рейды по краснымъ тыламъ конными генерала Шкуро, съ 17 марта по 20 апрѣля, отъ Горлова до Азовскаго моря (тылы XIII-й и XIV-й совѣтскихъ армій), и въ апрѣлѣ ударъ коннаго корпуса Донцовъ генерала Калинина по тыламъ Луганскаго района (VIII-я совѣтская армія) ускорили и углубили разложеніе красныхъ войскъ.

Лейбъ-Гвардіи Казачій полкъ въ составѣ одной конной и одной пѣшей сотень (1-я конная сотня была въ резервѣ дивизіи), прикрывая «Ровеньки» и «Колпаково» и занимая правофланговый участка, почти ежедневно участвовали въ бояхъ.

8-го апрѣля Л. Гв. Казачій полкъ прибылъ въ хуторъ Медвѣженскій и поставилъ сторожевое охраненіе. Противникъ держался пассивно. Въ 8 часовъ вечера прибылъ Командующій Донской Арміей генераль Сидоринъ. Для встрѣчи полкъ выстроился вдоль дороги. Поздоровавшись съ полкомъ, и поблагодаривъ за отличную службу, генераль Сидоринъ обратился къ полкамъ Гвардейской бригады съ рѣчью. Ген. Абрамовъ въ своихъ комментаріяхъ говоритъ: «...Генераль Сидоринъ держалъ рѣчь вообще съ благодарностью за вѣрность службы, а въ 1-ой бригадѣ — за безпримѣрную вѣрность долгу, въ періодъ отступленія дрогнувшихъ частей: «Вы своей храбростью и побѣдой остановили врага, отбросили его и тѣмъ дали возможность

организоваться и подойти подкреплениям». Раздавалъ кресты и утвердилъ все представленія къ нимъ... (Справка: выдержки изъ зап. книжки генерала Абрамова, стр. VII).

11-го апрѣля, согласно приказа Начальника дивизіи, полкъ перешелъ на ст. Ровеньки, гдѣ смѣнилъ 3-й Калмыцкій полкъ. Въ сторону противника, обстрѣливавшего станцію рѣдкимъ артиллерійскимъ огнемъ, были посланы развѣды. Лейбъ-Казакъ заняли боевую позицію на участкѣ шире 6 верстъ. Штабъ полка и резервная сотня расположились въ имѣніи Максимовка, въ 3-хъ верстахъ къ востоку отъ д. Картушина.

Въ это время заболѣли и были эвакуированы въ Ростовъ командиры полка полковникъ Фарафоновъ и полковникъ Подѣевъ. Въ командованіе полкомъ вступилъ полковникъ Оприца. Прибыли къ полку выздоровѣвшие подъесаулъ Грековъ, сотникъ Роговъ и хорунжій Илокайскій.

13-го противникъ пытался сбить право-фланговую заставу Лейбъ-Казакъ, но былъ отбитъ ружейнымъ огнемъ. Во время перестрѣлки былъ раненъ одинъ казакъ. Ночь прошла спокойно. Но на слѣдующій день противникъ снова перешелъ въ наступленіе на участкѣ Л. Гв. Казачьяго полка.

На крайнемъ правомъ флангѣ, противъ хутора Мечетинскаго, стояла застава подъесаула Агафонова, лѣвѣе — застава сотника Рогова, занимавшая большой холмъ, господствующій надъ всей мѣстностью; затѣе лѣвѣе и нѣсколько назадъ, въ Максимовомъ дворѣ, — штабъ полка съ сотней резерва, игравшій роль и главной заставы, и, наконецъ, въ верстѣ лѣвѣе — застава сотника Чекунова II.

Позиція у поселка Максимовъ дворъ, расположеннаго на совершенно открытой мѣстности, съ хорошимъ обстрѣломъ, закрывала путь наиболее вѣроятнаго наступленія противника — дорогу на ст. Ровеньки, гдѣ находился штабъ 1-й Донской Конной дивизіи.

Красные два раза пытались наступать на заставу подъесаула Агафонова, но были отбиты пулеметнымъ огнемъ. Къ вечеру красные обрушились на заставу сотника Чекунова II, положеніе котораго стало серьезнымъ. Высланы были поддержки изъ резерва, перестрѣлка приняла горячій характеръ и противникъ былъ отброшенъ.

16-го апрѣля, съ ранняго утра, красные открыли артиллерійскій огонь, засыпая заставы шрапнелями и гранатами. Въ 2 часа дня противникъ повелъ наступленіе на заставы, но снова былъ отбитъ. Къ вечеру развѣдка донесла, что красные подтягиваютъ значительныя силы.

Одновременно пришло сообщеніе командира 4-го полка, занимавшаго участокъ у жел. дор. лѣвѣе Лейбъ Казакъ, объ отходѣ всехъ его заставъ подъ натискомъ противника, съ предупрежденіемъ, что ранѣе утра и полкозъ дезертовъ оны возстановить положеніе не можетъ.

Въ первомъ часу ночи поднялась сильная перестрѣлка на заставѣ сотника Чекунова, а затѣмъ — есаула Болдырева (смѣнившаго вечеромъ сотника Рогова). Скоро выяснилось, что обѣ заставы отошли къ темнотѣ, безъ дороги, и связи съ ними временно утерялась.

На мѣстѣ остался штабъ полка съ лѣвѣе сотней при двухъ пулеметахъ, засвѣтло-еще наведенныхъ на подступы къ Максимову двору, и на правомъ

флангъ, въ 3-хъ верстахъ, подавшись на $\frac{1}{2}$ версты назадъ — застава подесаула Агафонова.

Противникъ, сбившій заставу есаула Болдырева, открылъ огонь по Максимова двору, но благодаря полной темнотѣ огонь былъ неэффективенъ.

Для восстановления положенія пѣшая сотня подесаула А. Грекова и конная полусотня подес. Агафонова, въ 3 часа ночи, направлены на крайній правый флангъ съ приказаніемъ, пользуясь темнотой и балками у хутора Мечетинскаго, выйти во флангъ и тылъ противнику.

Фронтъ изображали: 4 пулемета и команда ординарцевъ командира полка у Максимова двора, и правѣе въ $1\frac{1}{2}$ верстахъ, 2 орудія, приданныя полку, выдвинутыя впередъ и поставленныя открыто на позицію. При орудіяхъ — конный полувзводъ Лейбъ-Казакъ и команда въ 30 человекъ, составленная изъ пѣшихъ красноармейцевъ.

На разсвѣтѣ сотня подесаула А. Грекова, удачно обойдя лѣвый флангъ противника наткнулась на значительныя силы красныхъ, окопавшихся у хутора Мечетнаго. Открывъ неожиданно для красныхъ ружейный огонь, полусотня бросилась въ атаку, выбила ихъ изъ окоповъ и обратила въ паническое бѣгство. Конная полусотня 6-й сотни, подъ начальствомъ подес. Агафонова, развернула лаву и кинулась преслѣдовать бѣгущую пѣхоту. Преслѣдованіе и рубка продолжались на протяженіи 3-хъ верстъ. Къ семи часамъ утра красные начали общій отходъ, и черезъ часъ положеніе было восстановлено на всемъ участкѣ полка.

За этотъ бой, проведенный почти безъ потерь, полкъ получилъ «за стойкость и упорство» благодарность генерала Абрамова.

Къ вечеру развѣдчики начали доносить объ отходѣ значительныхъ силъ красныхъ на сѣверо-западъ.

17-го апрѣля пѣшая сотня, вмѣстѣ съ Атаманцами и 4-мъ полкомъ, участвовала въ наступленіи на ст. Щегово, которая и была занята.

18-го апрѣля 1-й сотнѣ было приказано произвести боевую развѣдку хуторовъ Мечетнаго, Шляхтина и Власова. Выбивъ оттуда противника, сотня заняла вышеуказанныя хутора и выслала развѣдку на с. Ребриково. Въ то же время, 3-я сотня заняла с. Картушино. Въ 3 часа дня обѣ сотни овладѣли сел. Ребриковымъ, на слѣдующій день 6-я сотня съ боемъ заняла с. Орѣхово, куда и сосредоточился весь полкъ.

Собственно, послѣдній серьезный бой въ этомъ районѣ былъ ночной бой у господскаго двора Максимовка, въ остальныхъ же бояхъ красные не принимали удара. Такъ, 18-го апрѣля для преслѣзованія красныхъ, выбитыхъ изъ хуторовъ Мечетнаго, Власова и Шляхтина и отходившихъ массой въ нѣсколько тысячъ человекъ на Ребриково, были снаряжены изъ пѣхоты, свободныхъ конныхъ казакъ, включая до ординарцевъ командира полка, развѣдочную силу во взводѣ, подъ командой командира 1-й сотни войскъ, старш. Краснова. Развѣдочный приданъ 1 орудіе, изъ двухъ, бывшихъ при Лейбъ-Казакѣмъ полку. Развѣдочный прошелъ версты 6, пока догнать уже свернувшихъ въ густую колонну красныхъ.

Подъехав на версту, разъезды сняли с передка орудие, и десятком мѣткихъ выстрѣловъ расплыли всю охваченную паникой колонну.

Держались еще относительно крѣпко красныя войска въ районѣ Луганска. Къ описанію участія въ дѣйствіяхъ противъ нихъ Лейбъ-Казачьяго полка вернемся въ слѣдующей главѣ.

Здѣсь же отмѣтимъ лишь, что занятіемъ с. Орѣхово и кончаются, собственно, боевыя дѣйствія Лейбъ-Казакъ въ Каменноугольномъ районѣ.

1-я дивизія, несмотря на исключительно тяжелую обстановку боевъ въ Мартѣ и первой половинѣ апрѣля, кои каждодневно вела со значительно превосходящимъ въ численности противникомъ, отстояла полностью порученный ей растянутый районъ, обеспечила какъ правый флангъ Добровольческой Арміи, такъ и свободу дѣйствій конной группы генерала Коновалова у Луганска и изнесла противнику тяжелыя, подорвавшія его моральныя силы потери. Кроме того, 1-я дивизія освободила для переброски на Манычъ крупный конный корпусъ генерала Покровскаго.

Результатъ этотъ былъ достигнутъ большими жертвами.

Немалыя потери понесъ и Лейбъ-Гвардіи Казачій полкъ.

Эти потери требовали пополненія.

Къ сожалѣнію, полкъ не получалъ въ значительной части обратно своихъ выздоровѣвшихъ раненыхъ и больныхъ казакъ, ибо они часто попадали въ станичныя полки, гдѣ служба шла легче и гдѣ служили рядомъ съ родственниками.

Приказы Атамана, запрещающіе станичнымъ полкамъ задерживать въ своихъ рядахъ казакъъ призывныхъ, по постоянной Донской Арміи, годовы, не исполнялись, такъ какъ трудно было провѣрить выполнение, при тенденціи мѣстныхъ начальствъ задержать при своей части хорошо обученнаго и дисциплинированнаго казака.

Единственнымъ подспорьемъ въ борьбѣ съ этой своеобразной «кутечкою» казакъъ служилъ лазаретъ полка въ г. Ростовѣ, гдѣ раненый или заблѣвшій казакъ проходилъ курсъ дѣченія, не выбывая изъ состава полка.

Лазаретъ этотъ былъ, съ разрѣшенія Донскаго Атамана, энергичной работой войскъ старш. Кононова сформированъ и размѣщенъ въ двухъ зданіяхъ казармъ бывшаго Таганрогскаго полка.

Штабъ лазарета былъ слѣдующій:

3 врача, 2 фельдшера, 6 сестеръ милосердія, комендантъ, завѣдывающій хозяйствомъ и 12 санитаровъ (изъ взятыхъ полкомъ въ плѣнъ красноармейцевъ).

Лазаретъ дѣлился на два отдѣленія: раненыхъ и сыпнотифозныхъ, и былъ рассчитанъ на 150 кроватей.

Въ нижнемъ этажѣ перваго зданія было отведено нѣсколько комнатъ для больныхъ и раненыхъ офицеровъ, тамъ же была комната для офице-

ровъ, приѣзжавшихъ въ командировку съ фронта. Лазаретъ былъ оборудованъ не богато, но имѣлъ все самое необходимое. Сложныхъ операций въ лазаретѣ не дѣлали, а въ такихъ случаяхъ больныхъ отправляли въ Ростовскій Военный госпиталь, гдѣ работали видные профессора. Последние въ случаяхъ надобности вызывались въ полковой лазаретъ для консультации.

Особенно часто бывалъ въ полковомъ лазаретѣ профессоръ Агаджанянъ, несмотря на свою перегруженность работой, никогда не отказывавшій въ приѣздѣ.

При этомъ профессоръ Агаджанянъ неизменно отказывался отъ какого бы то ни было гонорара, говоря, что онъ, изъ принципа, считаетъ своимъ долгомъ пользоваться ранеными на фронтѣ бесплатно.

Довольствие, какъ офицеровъ, такъ и казаковъ, было налажено хорошо.

Лазаретъ имѣлъ громадное нравственное значеніе: попадая въ свой лазаретъ, казаки не теряли связи съ полкомъ и не теряли Лейбъ-Казачьяго облока, оставаясь подъ надзоромъ и влияніемъ своихъ, поддерживавшихъ въ нихъ дисциплину и духъ полка, офицеровъ.

Казаки случайно побывавшіе въ другихъ лазаретахъ, попадая въ свой лазаретъ, всѣ заявляли, что въ чужихъ лазаретахъ имъ было плохо. Въ то время большинство лазаретовъ помѣщалось въ реквизированныхъ частныхъ зданіяхъ, было не оборудовано, и при напавшій эвакуированныхъ раненые и больные лежали на полу, на соломѣ, безъ должнаго ухода, вследствие малочисленнаго медицинскаго персонала. Въ полковомъ же лазаретѣ они были въ теплѣ, каждый имѣлъ отдельную кровать и, помимо хорошаго ухода, чувствовали и заботу о себѣ.

Такъ какъ полкъ изъ боевъ не выходитъ, то оба отдѣленія лазарета были полны ранеными и сыпнотифозными офицерами и казаками, которые, кромѣ леченія, находили здѣсь и нравственный отдыхъ послѣ всѣхъ волненій и лишеній фронтовой жизни. Офицеры жизни очень дружно — поддерживалась живая связь съ полкомъ, каждый вновь прибывшій раненый и больной рассказывалъ о боевой жизни полка, каждый выздоровѣвшій — о жизни офицеровъ въ лазаретѣ. Иногда во время обѣда играли струнный оркестръ подъ управленіемъ капельмейстера Плаватко.

Сестрами милосердія были — старшей сестрою Марія Владиміровна Шамина, младшей — Мар. Ал. Калута, и волонтерками (т. е. сестрами безъ образовательнаго ценза) — Ал. Ер. Лопато, Мар. Ник. Петрикъ и С. Бергъ.

Въ сыпнотифозномъ отдѣленіи лазарета, гдѣ работа была исключительно тяжелой, сестрами милосердія были Татьяна Владиміровна Реми и Надежда Александровна Маркова.

Нѣкоторое время служили сестрами Н. Н. Упорникова (выбыла въ мартѣ, заболѣвъ сыпнымъ тифомъ) и О. Ф. Рыковская (выбыла въ апрѣлѣ, заболѣвъ воспаленіемъ печени).

Старшимъ врачомъ лазарета былъ докторъ Петръ Петровичъ Рахтъ. Младшимъ врачомъ — Михаилъ Михайловичъ Пейкорьянецъ.

Полковой старший врач, ст. сов. Валентинъ Никаноровичъ Евфановъ, преимущественно находился на фронтѣ; однако, за нимъ сохранялось общее наблюдение за госпиталемъ, въ смыслѣ санитарно-хозяйственномъ.

Валентинъ Никаноровичъ продолжалъ съ полкомъ всю Великую войну, не хотѣлъ отставать отъ полка и теперь и потому работалъ обычно на передовомъ перевязочномъ пунктѣ.

Подчеркнемъ здѣсь, что въ условіяхъ гражданской войны, прерывчатости и крайней подвижности участковъ фронта, работа врача на передовомъ перевязочномъ пунктѣ требовала большого самоотверженія.

За періодъ боевъ въ Каменноугольномъ районѣ, съ 14 марта по 18-ое апрѣля, полкъ понесъ нижеслѣдующія потери:

дата	мѣста боевъ	офицеры			казаки			лошади		
		уб.	ран.	слып. тифъ	уб.	ран.	слып. тифъ	уб.	ран.	чесотка, зудив. шнесь
мартъ										
13 и 14	Орѣхово.				1	3				3
15-17	Орѣхово-Кругликъ				2			1		5
18	Булахово				1	10		2		8
19	Ушиковка-Н. Павловка				1	5		2		9
20	Бѣлое-Иларія		3		10	40		1		6
23	Успенка		3		6	20		7		7
25	Орѣхово-Кругликъ		2		1	14		6		17
28	Кругликъ	1			9	20		3		10
апрѣль										
13	Максимовъ дворъ					5		1		
16, 17, 18	Шетово, Ребриково					9				5
ИТОГО съ 13-го марта по 18-ое апрѣля		1	8	8	31	132	204	23	70	87

Таблица боевыхъ составовъ полка въ февралѣ, мартѣ и апрѣлѣ 1919 года.

	18 февраля	15 марта	10 апрѣля	
1-ая конная сотня	110	100	Сводная конная	110
6-ая конная >	110	100		
3-ая конная >	110	100	3-ья конная	80
2-ая пѣшая >	120	130		
4-ая пѣшая >	120	упразднена	Сводная пѣшая	120
5-ая пѣшая >	120	130		
Пулеметная к-да	90	70	Пулеметная к-да	30
Ком. связи	20	15	Команда связи	10
ИТОГО	800	645		350

За рассматриваемый періодъ прибыло всего одно пополнение 25-го марта въ 100 казаковъ и 30 лошадей.

Г Л А В А X.

ОБЩЕЕ НАСТУПЛЕНИЕ ДОНСКОЙ АРМИИ ВЪ АПРѢЛЬ 1919 Г.

Бои подъ Луганскомъ. — Атака 4 мая. — Участіе полка въ общемъ наступленіи Донской Арміи. — Взятіе Грачовскихъ хуторовъ, Митякинской станицы, Роговского, Городище, города Бѣловодска и Марковки. — Укомплектованіе полка въ Великоцкомъ. — Приѣздъ на фронтъ и смотръ генерала Деникина. — Московская директива и отношеніе къ ней казачества.

Официальное сообщеніе Штаба Кавказской Арміи отъ 20-го апрѣля говорило: «...19-го апрѣля, прервавъ желѣзнодорожную линію Дебальцево-Кодамовъ, доблестные Кубанцы и Терцы, послѣ ряда кровопролитныхъ боевъ, заняли хуторъ Тавричаный, станицю Петровеньки, станицю Штеровку и гнали противника по направленію на Радаково до Илйринъ... То было движеніе мощнаго корпуса генерала Шкуро по тыламъ VIII-ой совѣтской арміи.

21-го, въ районѣ Луганска, также по тыламъ той же VIII-ой Арміи, даль точекъ Донской корпусъ генерала Калинина.

Потрясенная этими ударами VIII-ая совѣтская армія подалась на сѣверъ, очистивъ Луганскъ.

Лейбъ-Казачи, въ составѣ 1-й Донской дивизіи, наступали въ промежуткѣ между корпусомъ Шкуро и 2-й Донской дивизіей, въ общемъ направленіи Радаково — Луганскъ. Противникъ быстро отходилъ, и 1-я Донская дивизія двигалась, почти не встрѣчая сопротивленія, забирая плѣнныхъ и подбирая застрявшіе повозки (главнымъ образомъ съ патронами и снарядами).

24-го, Лейбъ-Казачи прошли Луганскъ и остановились къ 5 верстахъ къ сѣверу, въ дер. Б. Вергулки.

27-го, Лейбъ-Казачи смѣнили вправо части 2-й Донской дивизіи занявъ линію сторожевого охраненія отъ села Красный Яръ до жел.-дор. моста черезъ Донецъ.

Заставы стали на мѣста съ боемъ, отбросивъ противника болѣе, нежели на версту.

29-го апрѣля конныя сотни Лейбъ-Казачковъ, Атаманцевъ и сводная сотня Калмыцкаго полка, подъ общей командой командира Л. Гв. Атаманскаго полка полковника Матиѣва, были временно переданы въ подчиненіе нач. 2-ой Донской дивизіи ген. Коновалову и, переходами черезъ Анновку, Да-

видовку и хутор Орлов, 2-го мая прибыли в Георгиевку, где поставлены биваком в балке, что в 3-хь верстах от указанной деревни.

«Потеря Луганска тяжелый и жестокий удар по советской власти», писал председатель Революсовета Ленину главковерху Вацетису и категорически приказал восстановить положение. (Справка: Егоронь, «Разгром Деникина», стр. 92).

Несмотря на митинги в своих частях и крестьянские восстания в тылу, красное командование дает крайнее напряжение и 2-го мая делает отчаянную попытку перехода в наступление своими XIV, XIII и усиленной новыми частями и пополненными VIII-й армиями.

В ночь со 2-го на 3-е мая VIII-ая советская армия вновь овладевает Луганском без, впрочем, большого сопротивления со стороны генерала Коновалова.

Конные сотни 1-ой Донской дивизии находились в резерве последнего и в бой не вводились. По справке в штаб генерала Коновалова выяснилось, что штаб рисует обстановку благоприятно: красные находятся в состоянии разложения и, по мнению генерала Коновалова, достаточно легкого удара, дабы взять Луганск обратно...

Поздно ночью конные сотни Гвардейской казачьей бригады получают приказание до рассвета перейти к буграм, что южнее Голубевки, и стать в промежутке между участком Гундоровского полка и 2-й Донской дивизии. На 4-е мая назначается общая атака города Луганска. Конным сотням Гв. Каз. бригады приказано, с рассветом, внезапно для противника, при поддержке огня бронепоезда, в конном строю, атаковать позицию красных. Атака должна быть поддержана слева Гундоровцами, а справа частями 2-й Донской дивизии. Позиция противника предполагалась в версте от исходного места атаки.

По получении изложенного выше приказа, сотни поскакали и в ночной темноте двинулись на указанное место.

Пока дошли — начало рассветать.

С прибытием конным зашевелились Гундоровцы, торопясь занять исходное для наступления положение. Командующий Гундоровским полком (в то время сведенным в батальон), говорит, что части генерала Коновалова измотаны, и он не верит в действительность наступления, но, видя прибытие на место Гв. Каз. бригады, горячо поддерживает атаку. О противнике отошелся неопределенно, указав лишь, что позиция его отстоит не то в полтора, не то в двух верстах...

Где-то вдали послышался стук маневрировавшего нашего бронепоезда, и эскадр заговорили его орудия. Куда стрелять в предрассветных сумерках наш бронепоезд, не знали ни Лейбы-Казачи, ни, вероятно, сам бронепоезд, во всяком случае стрелять он не по целям атаки. Связи с бронепоездом не было.

Быстро рассветало и откладывать даже атаку, уснуть коей было основано на внезапности, не представлялось возможным. Конная сотня бри-

гады, под командой назначенного полковником Матвеевым полковника Хрипунова, двинулись рысью вперед.

Вправо шли Атаманы, влево — Лейб-Казачья третья сотня ес. Дубенцева и между ними, на уступе назад, в поддержку — 6-я сотня Лейб-Казакоев есаула Агафонова.

1-ая сотня войск старш. Краснова была оставлена полковником Матвеевым при себе, в исходном пункте атаки.

Съ началом движения вышедший из туннеля красный бронепоезд стал посылать тяжелые 6-дюймовые снаряды.

До позиции противника оказалось не две, а около пяти верст: пока сотня дошла, совершенно разсыпалась, и къ огню бронепоезда присоединился огонь полевых пушек и пулеметов, красных.

Позиция противника состояла какъ бы изъ трехъ групп холмовъ, изъ коихъ крайние раздвигались слабо занятымъ полугоразверстнымъ промежуткомъ. За промежуткомъ, отступивъ назадъ, находилась главная группа холмовъ, занятая, какъ потомъ выяснилось, только что прибывшей изъ Москвы пролетарской бригадой.

Атака пришлось противъ промежутка, и третья сотня двигалась подъ фланговымъ огнемъ лѣвой группы. Шедшая правѣ Атаманская сотня попала подъ близкий фланговый огонь правой группы и, понеся потери, отошла на свою поддержку, въ поросшую лѣсомъ балку, гдѣ и задержалась.

Тѣмъ не менѣе, 3-я сотня есаула Дубенцева и усиленная ее справа, подъ командой есаула Агафонова, 6-я сотня дошли до бросившихъ пулеметы цѣпей красныхъ. Взводъ 3-ей сотни, подъ командой хорунжаго Полякова, дошелъ до батареи противника, прислуга коей уже оставяла орудія и была изрублена; 6-я сотня есаула Агафонова прошла окопъ противника, изрубивъ занимавшихъ его красныхъ и взявъ нѣсколько пулеметовъ.

Казалось, лихая атака увѣчалась успѣхомъ.

Однако, быть атакованъ и прорванъ лишь относительно небольшой участокъ позиции противника.

Лейб-Казакки были одиноки: вторая дивизія не двинулась съ мѣста, доблестный Гундоровскій пѣший батальонъ далеко отсталъ, хотя добросовѣстно, почти бѣгомъ, двигался на поддержку.

Противникъ, видя малочисленность атакующихъ, быстро оправился и, открывъ сильный огонь съ оставшихся въ сторонѣ и позади холмовъ, пытался заикнуть прорванной атакой участокъ своей позиции.

1-я сотня есаула Краснова, выдвинутая изъ резерва, могла только обезпечить свободный выходъ обратно прорвавшихся сотенъ и вывозъ ихъ убитыхъ и раненыхъ.

Помогла и доблестная батарея Гундоровцевъ, самоотверженно, рысью, опережаящая свою пѣхоту, снявшаяся открыто съ передковъ и пытавшаяся бѣглымъ огнемъ сбить ожившие на холмахъ пулеметы противника.

Сотни Лейб-Казакоевъ вернулись обратно, понеся при отходѣ потери: въ одной только третьей сотнѣ выбыло ранеными — командиръ сотни есаулъ Дубенцевъ и 19 казакоевъ и 24 лошади, убитыми 6 казакоевъ и 14 лошадей.

Конецъ атаки видѣла делегация иностранной миссiи, объѣзжавшая фронтъ.

98

Раненый командир сотни есаул Дубенищев был приглашен в поезд миссии, в коем и доехал до Ростова. В дороге один из иностранных офицеров выразил свое восхищение стремительностью и стройностью видной им атаки, однако, подчеркивал несоответствие сил атакующих с силами противника, притом в условиях совершенно открытой местности.

6-го мая конные сотни снова были вызваны на участок Гундоровского полка, ибо противник пытался наступать. Красные были отбиты огнем, и конные сотни, в 12 часов дня, отведены на отдых в Георгиевку.

7-го мая противник вел частичное наступление, быстро ликвидированное без участия конных сотен.

8-го мая противник перешел в общее наступление по всему фронту 2-й и 7-й Донских дивизий. Конные сотни Гв. Казачьей бригады были двинуты на участок Гундоровского полка, в 5 верстах к северу от Успенского. Подпустив пехоту противника на 200 шагов, Гундоровцы, в пешем строю, Лейбы-Казак и калмаки — в конном, стремительно бросились в контр-атаку. Красные дрогнули и побжали. К сожалению, справа отошла 2-я Донская дивизия, и вырвавшиеся далеко вперед Гундоровцы и Лейбы-Казак были вынуждены отходить под сильным фланговым огнем противника.

9-го мая конные сотни Гв. Каз. бригады двинулись на присоединение к своей 1-й Донской дивизии, занимавшей линию Дона от Давыдовки до Макарова Яра.

К середине мая боевой состав полка снизился до 200 штыков и шаек.

Полковой лазарет в Ростове был переполнен ранеными и сыпнотифозными офицерами и казаками полка. Для разгрузки лазарета всё, еще не вполне оправившиеся от ранений и тифа, но уже не нуждавшиеся в лечении, были переведены в особую полковую команду, образованную наряду с другими полками 1-ой дивизии на Персиановке.

Туда же прибывали на пополнение молодые казаки призыва 1921 года. Так как они не получили никакой военной подготовки, то здесь обучались ускоренным порядком военному делу.

Общим руководством и наблюдением за Персиановскими командами вёл генерал Т. В. Михайлов, прежний командир Гв. Каз. бригады. Инструкторский состав состоял из командированных полками дивизии офицеров (преимущественно из числа поправлявшихся от ранений).

На Персиановку был переведен и ветеринарный лазарет полка, лечивший всех раненых и больных лошадей.

Наличие тыловых команд, частая смена, за ранениями и заболеваниями тифом, командиров сотен и вахмистров; сведение сотен в сводная; неудовлетворительная работа находившейся вместе с нестроевой командой в Ростове строевой канцелярии полка — сильно запутали числовые

данный: списочный состав полка резко разошелся с наличным составом.

Ввиду необходимости спешно разобраться с числовыми данными, какъ для расчетовъ съ казной, такъ и для срочнаго составления акта о сдачѣ и приемѣ полка (ген. Дьяковъ — ген. Фарафонову), председатель приемной комиссии и временно командующей полкомъ, полковникъ Оприца выѣхалъ 5-го мая въ Ростовъ.

Командование оставшимися на фронтѣ частями было имъ передано вызванному изъ Ростова войск. старш. Кононову, славшему завѣдываніе хозяйствомъ еще не оправившемуся отъ раненія войск. старш. Позникозову.

Прибывшій на фронтъ 3-го мая войск. старш. Кононовъ 14-го мая заболѣлъ тифомъ и эвакуировался, будучи съ того же числа замѣненъ на фронтѣ прибывшимъ по выздоровленію полковникомъ Поздѣвымъ.

Къ этому времени боевой составъ полка свелся: къ одной сводной пѣшей сотнѣ въ 120 штыковъ, къ кадрамъ трехъ конныхъ сотенъ, общей численностью въ 80 шашекъ, и къ пулеметной командѣ въ 4 пулемета.

Сводной пѣшей сотней командовалъ сотникъ Гр. Чекуновъ 2-ой, имѣя младшими офицерами хор. Иловайскаго и хор. Скалозубова.

Кадромъ 1-ой конной командовалъ подесаулъ Агафоновъ, имѣя младшимъ офицеромъ сотника Ротова (послѣдній заболѣлъ тифомъ, и былъ эвакуированъ 17-го мая).

Кадромъ 3-ей конной командовалъ подесаулъ Авидонъ, а 6-ой конной — сотникъ Сергѣй Чекуновъ 1-й.

Пулеметной командой командовалъ есаулъ Александръ Болдыревъ, при младшемъ офицерѣ сотникѣ Какуринѣ.

Подкового адъютанта на фронтѣ замѣшалъ подесаулъ П. Кутейниковъ.

Кадры конныхъ сотенъ, собственно, представляли собою взводы, но такъ какъ они пользовались относительной самостоятельностью, то, для удобства дальнѣйшаго изложенія, будемъ ихъ условно именовать сотнями.

Здѣсь мы нѣсколько остановимся на краткомъ обзорѣ общей обстановки, ибо именно къ этому времени произошло рѣзкое ея измѣненіе, отразившееся на послѣдующихъ дѣйствіяхъ частей Донской Арміи.

Успѣхе, произведенное VIII-й, XIII-й и XIV-й совѣтскими арміями въ первыхъ числахъ мая, притомъ не увѣнчанное успѣхомъ, ускорило разложеніе этихъ арій (о началѣ и общихъ причинахъ котораго уже говорилось въ прошлой главѣ).

Не лучше обстояло дѣло и на фронтахъ IX-й и X-й арій.

X-я совѣтская арія еще въ концѣ апрѣля занимала исключительно выгодное, выдвинутое въ нашу глубокій тылъ положеніе, и подходила къ Ростову. Однако, въ періодъ съ 27 апрѣля по 7-е мая, новая арія генерала Вран-

геля, усиленная мощными конными корпусом генерала Покровского *), при поддержке слева Донцов генерала Савельева, а справа конного кубанского корпуса генерала Улагая, на голову разбила X-ю советскую армию, взяв 15.000 пленных, 55 орудий и 150 пулеметов и прогнав остатки ее на Царицын.

Что касается IX-й советской армии, то ее положение с марта, когда возстали в ее тылу казаки Верхне-Донского округа, сильно затруднилось **). Возстание ширилось, несмотря на командировку на подавление крупных сил из центра и на выделение с той же целью двух дивизий из состава VIII-й и IX-й советских армий. Возстание это было поддержано и крестьянами, причем помимо широкого участия местных крестьян, был случай перехода целой советской части (Сердобский полк), как и случай присоединения крестьянских отрядов сосланий Воронежской губернии (слобода Березники прислала отряд в 800 шакалов при 8 пулеметах).

1-го мая в район станицы Казитвенской переправилась через Дон Донская конная группа генерала Секретева, силою в три казачьих свежепополненных дивизий, прорвала фронт IX-й армии и двинулась в район возставших.

Прорыв генерала Секретева получить решающее значение для всего Южного фронта, и советская «История Гражданской войны» *) отмечает: «...Окончательно надломить силы Южного фронта прорыв центра IX-й армии 11-го мая на стык 23-й и 16-й дивизий. Блже 16-го мая вошли до Миллерова, углубившись в тыл красных на 75 километров, окончательно разрезали IXю армию на две части: находившаяся на правом фланге армии 16-я дивизия отходила на сев.-зап. в район станицы Митягинской, в расположение VIII-й армии, а другие две дивизии, 23-я и 14-я, отходили в общем направлении на сев.-восток, обходя район возстания с востока»...

Учит обстановку, Донское командование 15-20 мая переходить в решительное наступление по всему фронту, в следующем порядке:

I-й Донской корпус наступать по Дону на Чирь, Усть-Медведицкую станицу и Арчеду.

II-й Донской корпус — на Усть-Хоперскую и далее на Поворино и Балашеву.

*) Сменного в Каменномозговом районе I-й Донской дивизией.

***) К концу апреля, говорит советский главноком. Егоров, силы возставших доходили до 30.000 при 27 пулеметах и 6 орудиях, причем деятельность не ограничивалась районом, очерченным в схеме: повстанцы выходили на сообщения армии, грабили обозы и нарушая жел. дор. сообщения и упрощение армией. (Справка: «Разгром Деникина», с. 87 и 88).

*) «История Гражданской войны 1918-1920 г. г.», стр. 239-240, том III.

III-й Донской корпус наступал в Воронежском направлении, поддерживая связь с добровольцами по линии жел.-дор. на Елец.

Во исполнение этой директивы, часть III-го Донского корпуса двинулась вдоль жел. дор. в Воронежском направлении. Другая часть III-го корпуса, по взятии 19-го мая Луганска, двинулась вдоль жел. д. в Елецком направлении. В промежутке между указанными направлениями наступала группа генерала Абрамова, в состав которой входили I-я Донская дивизия и двигавшаяся на уступ влево 2-я Донская дивизия.

Задача III-го корпуса была нелегкой, ибо, помимо всей VIII-й советской армии, они имели передь собою, как мы видели выше, и части IX-й (16-я советская дивизия).

Боевой состав I-й Донской дивизии в боях февраля-марта-апреля и начала мая уменьшился до 250 штыков, 300 пашек, 4 орудий, 20 пулеметов; люди и лошади были вымотаны непрерывными боями, обстановка требовала энергичного наступления, ибо надлежало во что бы то ни стало использовать перелом в духе войск противника и не дать ему оправиться. В силу всего вышесказанного, I-я Донская дивизия с Лейбь-Казакми во главе, 15-го мая была двинута вперед.

10-го мая, согласно приказанию начальника I Донской, конные части Лейбь-Казачьего полка выступили из с. Политровки и присоединились к пехотным занимавшимся участком на правом берегу Дона, от устья реки Деркуль, через селение Макаровъ Яр, Новобожеларовка, до ст. Давыдовка включительно. Штаб полка и 6-я сотня разбросались в х. Ильевском. Противник, находившийся на левом берегу Дона, в течение 10, 11, 12, 13 и 14 мая обстреливал части полка орудийным и ружейным огнем. В районе Новобожеларовки он пытался извести паром, но попытка эта была отбита огнем.

В ночь на 15-ое мая было получено приказание начальника I-й Донской Конной дивизии конным сотням переправиться на паром у с. Суходола через Донець к 12 час. 15-го мая занять станцию Митякинскую, двигаться далее в сев.-зап. направлении, выйти на жел.-дор. участок между ст. Чеботовка и р. Деркуль и разрушить жел.-дор. полотно.

На рассвете 15-го мая конная сотня Лейбь-Казачья, под командой подесаула Агафонова переправилась через Донець у Суходола и двинулись вперед через хутор Верхне-Грачинский-Гундоровский. Правее, хутор Нижне-Грачинский-Гундоровский должен был быть занят Гундоровским батальоном (из стариков-гундоровцев), а еще правее должны были находиться (также же) Лугань-Митякинский и Каменский полки.

В 5 верстах к северу от указанных хуторов расположен хутор Н.-Грачинский-Митякинский и В.-Грачинский-Митякинский.

Из указанных хуторов на головную 3-ю сотню подесаула Агафонова противник, силою из полка пехоты и конницы, повел наступление.

За неравенством сил подесаул Агафонов не принял боя и отошел на хут. В.-Грачинский-Гундоровский, где и ночевал.

По данной разведке, хутора Грачинские-Митякинские были заняты 25, 37 и 41 сов. пех. полками и 2-мъ револ. казачьимъ.

Кроме того, по агентурным данным, где-то поблизости находились 31, 33, 41 и 43-й сов. пех. полки.

16-го мая, в 3 часа утра, конная и пехотная части Луганно-Митякинцев и Гундоровцев заняли было хутора Грачинские-Митякинские, но их не удержали и закрепились на песчаных буграх, что на версту юго-восточнее, выставив здесь сторожевое охранение.

В командование конными частями вступить прибывший с того берега полковник Поздеев.

Днем к Луганно-Митякинцам перешел разъезд казаков из красного рев. каз. полка. Оказались они мобилизованными Верхне-Донцами.

17-го мая, в 9 час. утра, Луганно-Митякинцы и Гундоровцы атаковали Грач.-Митякинские хутора, с целью облегчить движение конных Лейб-Казачьих сотень, берегом Дона в станицу Митякинскую. Красные астрелили Митякинцев и Гундоровцев контр-атакой.

Гундоровский батальон, атакованный конницей противника, начал безпорядочно отходить. Полковник Поздеев бросил 1-ю сотню в атаку с фронта, а остальными двумя ударил красную конницу во фланг и тыл. Ободренные Гундоровцы остановились, и красные были отброшены в исходное положение.

Ночью на 18-ое мая осторожное охранение занимала сотня подесаула Агафонова. Остальные сотни находились на попашах за хутором.

Утром в сторожевом охранении завязалась перестрелка.

Полковник Поздеев с адъютантом подесаулом Кутейниковым выехали на выстрелы.

...На песчаных буграх, где стояло сторожевое охранение, — говорить слышались полк Поздеева, — какое-то смятение, масса всадников, а затем сильный пулеметный огонь. Сотня подесаула Агафонова отходить. Несут тяжело раненого в живот подхорунжого Черепанина. Вправо от рощи в беспорядке отходят старики Гундоровы. Влево какая-то лава.

Послав ординара за 3-ей и 6-ой сотнями с подесаулом Авилковым, я его немедленно двинул на помощь старикам Гундоровым.

Но тут от подесаула Агафонова узнаю, что влево не его лава, а эскадроны противника, уже заходящие нам в тыл.

Немедленно карьером отъезжаю подесаула Авилова, а сотней подесаула Агафонова атакую эскадроны красных. Одновременно подесаула Авилков заходит плечом и атакует три эскадрона противника во фланг и тыл. Красные бегут. Наша пехота восстанавливает свое положение.

Кроме порубленных нами, взято 20 пленных, принадлежавших к 3-му эскадрону 33-го особого желбаного полка (из Астрахани, в 4 эскадрона общей численностью в 240 шаек), замкнувшего 2-й рев. казачий, убранный красными с фронта за принадлежностью.

Наши потери: умерший от раны подхорунжий Черепанин и 3 раненых казака.

* Подхорунжий Федот Черепанин, кадровый (долоенного времени) урядник, высокого роста красивый казак, умный, рассудительный, отличавшийся храб-

19-го прибыли Атаманы (28 конных с одним пулеметом) и конная сотня 4-го полка (60 конных) с пулеметной командой в 4 пулемета. Одновременно прибыл командир 4-го полка полковник Лобов, который, как старший, принял командование конницей.

Охранение занимала сотня подьес. Авидова.

Сотня подьес. Агафонова находилась в хуторе, а остальные, за отсутствием фуража, на попашь.

День клонился к вечеру, как в сторожевом охранении началась стрельба. Немедленно были собраны все сотни.

Красные пытались повторить вчерашний маневр, но только на этот раз их конница была усилена большим количеством пулеметов.

Обходящий эскадрон был с двумя пулеметами, три атакующие пехоты не менее чем с четырьмя. Наша пехота охваченная внезапным маневром слыва, начала поспешный и безпорядочный отход, и еще несколько минут — могла наступить катастрофа.

Видя тяжелое положение пехоты, полковник Подьесев приказал подьесаулу Агафонову немедленно задержать противника маневром по флангу, а сам послал просить поддержку у полковника Лובה. Полковник Лобов прислал 4 пулемета Максима, которые открыли очень удачный огонь. Подьесаулу Агафонову несколько раз бросался в атаку, но силы красных были очень велики, и сбить их не удалось. К этому времени подошли 3-я, 6-я Лб. Казаки и сводная Атаманская сотня, которая, развернувшись влево от подьесаула Агафонова, ударили по флангу красной конницы. Как только красные увидели разворачивающиеся наши части, то немедленно отошли.

В то же время, в 4 часа, у хутора Манохина, что в 3-х верстах от В. Грачинского хутора, переправилась пшшая сотня сотниос Г. Чекунова, вместе с пулеметной командой есаула Болдырева. В то время, когда она подходила к хут. В. Грачинскому, на нее напоролся красный эскадрон. Встреча обошлась последнему дорого: потеряв много убитых и раненых и один пулемет, красный эскадрон поспешно ушел.

В этот день командир Гундоровского батальона особенно горячо благодарить Лейбь-Казакон за поддержку: положение удалось восстановить полностью.

20-го мая, к 12 час., в хуторе сосредоточилась вся 1-ая Донская дивизия. В сущности, это были лишь ее кадры: Лейбь-Казак — 110 штыков, 64 шашки, 4 пулемета; Атаманы — 30 штыков, 25 шашек, 1 пулемет; 3-ий Каалмыкий полк — 30 штыков, 4 пулемета; 4-ий полк — 17 штыков, 60 шашек, 4 пулемета; прикомандированный к дивизии Чугусевский уланский полк — 60 штыков, 60 шашек, 4 пулемета.

ростом и исключительной боевой добросовестностью, пользовался большим авторитетом и любовью в сотне. Принимал активное участие во всех боях полка и, сам уроженец станицы Митяжнской, был теперь убит накануне освобождения станицы, в какой-нибудь версте от своего дома, где его ждали отец, мать и жена.

104

Всего около 250 штыковъ, 300 шашекъ, при 17 пулеметахъ и 4 орудіяхъ. Приказъ по Донской Арміи требовать во что бы то ни стало прорыва краснаго фронта на участкѣ 3-го Донскаго корпуса.

Задача возлагалась на 1-ую Донскую дивизию, при поддержкѣ стариковъ Гундоровскаго батальона, Лугано-Митякинскаго и Каменскаго полковъ.

Начало атаки было назначено на 3 часа утра, въ ночь на 21-ое мая.

Ударъ должна была наносить Лейбъ-Казачья сводная пѣшая сотня, имѣя въ поддержкѣ Атаманцевъ. Въ содѣйствіе ей половина конницы должна была обходить хуторъ Н.-Грачинскій-Митякинскій съ запада, другая половина съ востока. Артиллерія дивизіи должна была поддержать атаку, оставаясь на правомъ берегу Дона.

Въ три часа утра сотникъ Гр. Чекуновъ началъ атаку подъ звуки сотенной гармоніи, бойко наигрывавшей задорный мотивъ модной пѣсенки «Карманчики». Ночь была тихая и теплая и звуки мотива слышались далеко. Черезъ короткое время послышались отдѣльные выстрѣлы, вскрикъ «ура» и частая стрѣльба уже въ самомъ хуторѣ.

Сотникъ Чекуновъ, уничтоживъ полностью захваченную врасплохъ сторожевую заставу, своевременно не сообразившую, что ей несетъ въ темнотѣ приближавшійся звукъ гармоніи, ворвался въ хуторъ и, разбивъ сотню на взводы, ввязался въ уличную ночную бой.

Хуторъ кишѣлъ красными, въ помощь Чекунову были двинуты резервы, и къ разсвѣту, кромѣ убитыхъ и пѣшихъ, никакихъ красныхъ въ хуторѣ не осталось.

Изъ опроса пѣшихъ выяснилось, что хуторъ былъ занятъ 35 сов. пѣх. и 33-мъ особымъ «железнымъ» коннымъ полкомъ.

Командиръ 33-го коннаго полка, товарищъ Лепинъ, былъ въ схваткѣ застрѣленъ лично хор. Иловайскимъ. На Лепинѣ оказалась паплетка съ донесеніями и около 40.000 рублей деньгами. Деньги были розданы казакамъ, а въ паплетѣ найденъ рапортъ краснаго командира о бояхъ 17, 18 и 19-го мая, въ коемъ доносилось, что только за бой 19-го мая красный конный полкъ потерялъ 102 лошади и 53 всадника.

Полковникъ Поздѣвъ съ конницей Лейбъ-Казаконъ и калмыковъ занялъ, въ обезпеченіе праваго фланга, хуторъ В.-Грач.-Митякинскій, отданный противнику безъ боя.

Собственно этотъ хуторъ долженъ былъ быть занятъ Лугано-Митякинцами, но послѣдніе выступили много поздне назначеннаго времени и опоздали, лишь въ 8 часовъ освободивъ для движенія впередъ конницу полковника Поздѣва.

Въ 9 часовъ были заняты хутора Салковскій и Дубовой, а къ 3 часамъ конница догнала пѣшую Лейбъ-Казачью сотню, уже успѣвшую на плечахъ отходившихъ красныхъ занять станицу Митякинскую.

Населеніе казачьихъ хуторовъ и станицъ Митякинской встрѣтило освободителей колокольнымъ звономъ, и крестнымъ ходомъ. Казачки-хозяйки, въ прибранныхъ по-праздничному хатахъ, нарасхватъ, до сыта кормили пришедшихъ Лейбъ-Казаконъ.

За день 21-го мая пѣшей Лейбъ-Казачьей сотней, помимо большихъ по-

герь, нанесенных красным в ночном бою убитыми и ранеными, взято не ранеными 102 пленных, 4 пулемета и большой обоз. Конной сотней подесаула Авилова в атаке под хут. Мавоцковым взято 30 пленных и два пулемета.

В полку пуль в горло легко были ранены сотник Гр. Чекунов 2-й.

Весь фронт красных против 3-го корпуса, приблизительно на протяжении 10-12 верст, стремительно катился назад. Отступавшая масса противника представляла собой огромный, неожиданно избудораженный муравейник. Отходившие толпы противника представляли отличные мишени для артиллерии, но последние еще только переправлялись через Донец и ей не было. Растянутых небольших сил 1-й дивизии было мало для ударов по отходившим плотным группам противника.

Через день дивизия, не встречая стойкого сопротивления, двинулась вперед, и 23-го мая заняла хутора Роговской, Ушаковъ и Н.-Герасимовъ.

25-го мая занята была крестьянская и большевистски настроенная слобода Волошина, 27-го такая же слобода Тиговка и хутора Чугинские.

28-го мая 1-я дивизия, сбив коротким боем пытавшегося задержаться противника, заняла Городище.

Отступивший от Городища противник сосредоточился 29-го мая в Бѣловодскѣ. Бѣловодск довольно крупный город, лежащий на левом низменном берегу р. Деркуль, и предполагалось, что красные будут упорно его защищать. Командующий группой генералъ Абрамовъ рѣшил атаковать Бѣловодск двумя дивизиями: 2-й, наступающей по правому берегу р. Деркуль, и 1-й, наступающей по левому. 2-я Донская конная дивизия должна была начать движение раньше, дабы облегчить атаку 1-й Донской кон. див.

В 7 часов утра 1 Д. К. д. выступила из Городища дѣля в головѣ Лейбъ-Казаконъ. Пройдя Деркульскій государственный конный заводъ, Лейбъ-Казачій полкъ получил боевую задачу: пѣхотѣ, двигаясь долиной р. Деркуль, атаковать г. Бѣловодскъ съ юга; конницѣ Лейбъ-Казаконъ въ 55 шашекъ и Атаманцевъ въ 12 шашекъ, при 1 пулеметѣ, подъ общей командой полковника Поздѣва, содѣйствовать этой атаке справа и не дать противнику отойти къ Стрѣльковѣ.

Лейбъ-Казачья пѣхота, посаженная на повозки, подъ командой сотника Чекунова Григорія, при офицерахъ хор. Иловайскомъ и хор. Скалодубовѣ, съ пулеметной командой подъ командой есаула Болдырева, быстро отделилась от колонны дивизии и рысью направилась въ сторону Бѣловодска. Конница, свернуть по дорогѣ на Баранниково, пройдя около 3½ верстъ, круто повернула на сѣверъ, держа видимую связь съ пѣхотой.

Къ 9 часамъ утра пѣхота, подойдя на версту къ городу, не слѣзая съ повозокъ, построила фронтъ и рысью направилась къ Бѣловодску. Подойдя на 700-800 шаговъ, казаки соскочили съ повозокъ и подъ сильным огнемъ бѣгомъ атаковали противника. Въ то же время ес. Болдыревъ съ пулеметной командой, имея пулеметы на тачанкахъ, опередилъ пѣхоты, на карьерѣ ворвался въ Бѣловодскъ и началъ разстрѣливать красныхъ. Подскакавший къ есаулу Болдыреву комиссаръ со словами: «Товарищъ, что вы дѣлаете, стрѣляете по своимъ», увидѣвъ погоню, выхватилъ револьверъ и выстрѣливъ въ-

сколько раз, ранив есаула Болдырева в голову и ускокать. Пехота ворвалась в город и после часового боя его взяла, захватив в плен 80 человек и 3 пулемета. В то же время полковник Поздеев с конницей подошел к болотистой речке Дубровенъ и увидел на северном ее берегу группу красной пехоты с 10 пулеметами. Построив свою конницу в 4 эшелона, на очень больших интервалах, он атаковал через речку эту группу и частью порубил, захватив в плен 156 человек и 8 пулеметов Максима.

Открывшая огонь артиллерия красных и появившаяся их конница не позволили развить преследования.

Потрясенный противник отошел к дер. Бондаревск. 1-ая Донская дивизия заночевала на Лимаревском государственном заводе.

В полку были ранены есаул Болдырев и сотник С. Чекунов.

30-го мая дивизия продолжала наступать на север. Лейб-Казачи двинулись в конце колонны.

Подойдя к Бондаревск, 2-ая бригада повела наступление, но не справилась. Полковник Лобозь вызвал вперед Лейб-Казачков. Полковник Поздеев с конницей и пулеметной командой отделился от пехоты, послал предварительно вперед урядника с двумя пулеметами на правый фланг 4-го Донского полка. Пулеметники, выйдя на правый фланг 4-го полка, карьером понеслись на красную пехоту. Обстрелив с близкого расстояния противника, восемь человек пулеметной прислуги атаковали красных и взяли 3 пулемета и 70 человек пленных. В это время полковник Поздеев с конницей ворвался в восточную часть Курячевки, что на левом берегу Деркула, и взял 50 пленных, 21 повозку со снарядами, хлебом и одной большой бочкой со спиртом.

Противник отошел на север и 1-ая дивизия заночевала в сел. Марковск.

Общая обстановка на всех фронтах резко и быстро менялась в нашу пользу: потрясенные ударами, разложенные и утратившие дух, красная армия беспорядочно отходила.

Мы выигрывали громадное пространство. Пали Харьков, Полтава, Царицын, и под ударами Донцов, Добровольцев, Кубанцев и Териев фронт передвинулся на линию Царицын — Балашев — Благород — Екатериноград — Херсон. Совершенно освобождена была от красных Донская Область и ряд южных губерний.

Близкий взгляд на карту показывает громадную растянутость нашего фронта относительно того, который мы только что занимали.

Этим и обусловился конец наступления.

...«Силы красной армии окончательно надорвались, — признает советская «История Гражд. войны». — Инерция отката продолжала увеличиваться. Необходимо было время для того, чтобы привести в порядок, устроить, пополнить части и вернуть им боеспособность.

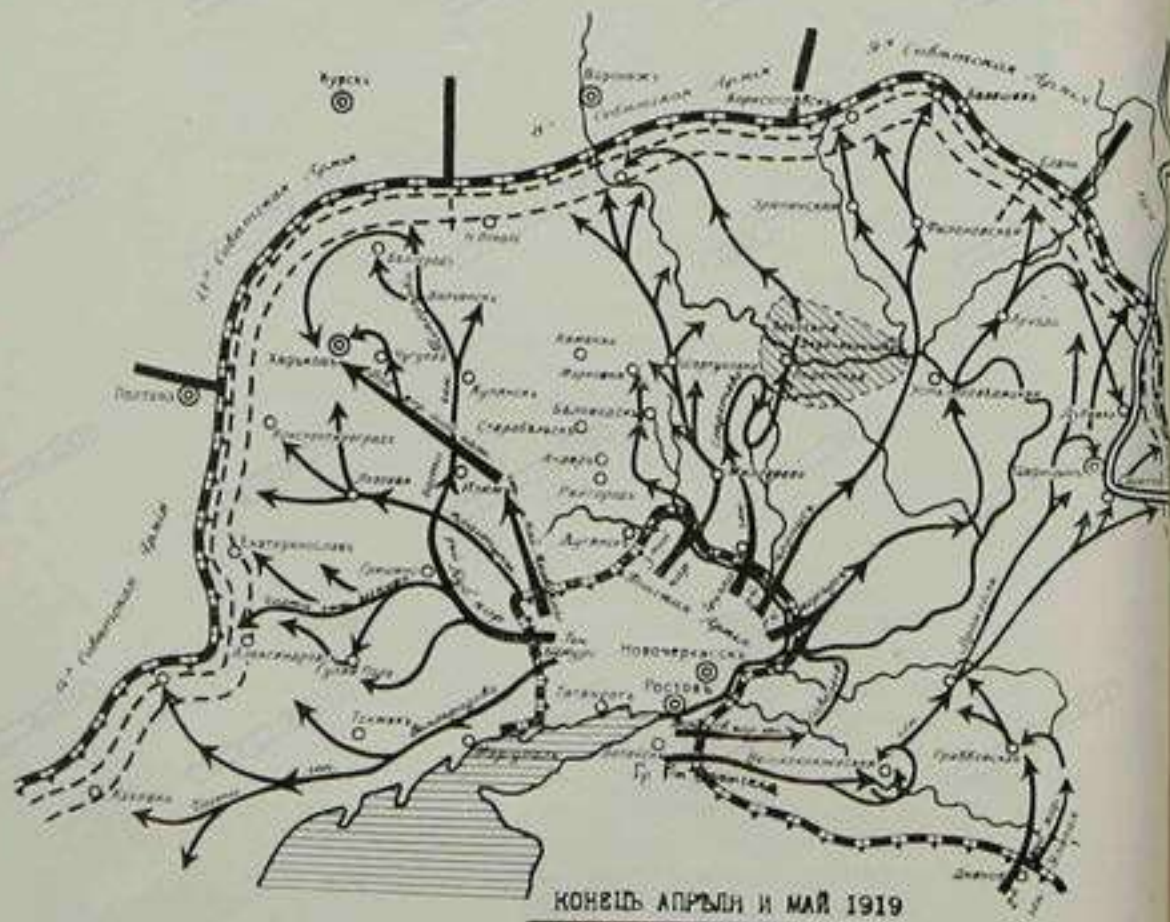
Это время нашлось не раньше, чем, в свою очередь, сила удара би-

дых не начала рассыпаться в пространство»... («История Гражданской войны». Госиздат. Том 3, стр. 241).

Наступление наших армий шло по расходящимся направлениям и, разойдясь в пространство, остановилось.

К сожалению, красные кадры уничтожены не были.

Наступила полоса затишья. Обе стороны собирались с силами.

Приведем итоги боевой деятельности Лейбь-Казачьяго полка за истекший май, проведенный в непрерывных боях.

Отметим, что только за период с 17-го по 31-ое мая полк имел пять пѣших и шесть конных атак, доведенных до удара холодным оружием, в конях, кроме потерь, нанесенных противнику убитыми и ранеными и выиграла пространства, было взято с боя 550 пѣших и 20 пулеметовъ.

Благодаря небольшому численному составу полка в этот период, потери полка относительно невелики:

дата	Мѣста боевъ	офицеры			казаки			лошадьи		
		уб.	ран.	сыпн. тифъ	уб.	ран.	сыпн. тифъ	уб.	ран.	несот. и подбиты
4-го	гор. Луганскъ		1		8	29		19	39	
5-ое и 8-ое	тоже				1	4		2	5	
съ 10 по 14	защита Дона					4		1	2	
18-го	Грачовскіе хутора				1	3		2	4	
19-го	тоже					8			10	
21-го	тоже и Мизякинская				2	6		1	3	
28, 29-ое	Городище-Вѣловодскъ	1	2		1	9			2	
ИТОГО съ 4-го по 31-ое мая		1	3	4	13	63	90	26	55	30

Къ 1-му июня боевой составъ полка еле достигалъ 140 штыковъ и шашекъ при 4-хъ пулеметахъ.

2-го июня 1-ая Донская дивизія получила приказаніе оставить преслѣдованіе противника и перейти двумя переходами въ с. Великоокое на отдыхъ и пополненіе людьми и лошадьми.

4-го июня Лейбь-Казачій полкъ прибылъ въ Великоокое, куда почти одновременно пришло изъ Персиановской команды и лазаретовъ полка пѣшее и конное пополненіе.

Полкъ вновь развернулся въ составѣ трехъ конныхъ сотенъ, въ 100 шашекъ каждая, и въ двѣ пѣшихъ по 120 штыковъ, при пулеметной командѣ въ 8 пулеметовъ и при командѣ связи.

Въ командованіе полкомъ, съ 4-го июня, вступилъ выздоровѣвшій полковникъ Фарафоновъ. Въ завѣдываніе хозяйствомъ и снабженіемъ полка, съ переносомъ управленія юкъ изъ Ростова на фронтъ, вступилъ полковникъ Оприць. Помощникомъ ю-ра по строевой части остался полковникъ Поздѣевъ. (Поздѣевъ, по выздоровленіи, прибылъ вторымъ помощникомъ полковника Кононовъ). 1-ой сотней командовалъ войск. ст. Краснокъ, 2-ой — войск. ст. Полковниковъ, 3-ей — есаулъ Рыковский, 5-ой полдес. Грековъ, 6-ой войск. ст. Вороникъ. Пул. ком. — есаулъ Болдыревъ, ком. связи — полдесаулъ Кудряковъ.

Началась усиленная работа по приведенію сотенъ въ порядокъ и по

обучению пѣшихъ и конныхъ людей, а также по ихъ снаряженію и обмундированію. Эта работа продолжалась и въ с. Россонѣ, куда дивизія была переведена 7-го іюля и гдѣ стала въ резервъ Главнокомандующаго.

Плохо обстояло дѣло съ обмундированіемъ, ибо полковые запасы погибли на выбитыхъ убитыхъ, раненыхъ и тифозныхъ.

Лишь ничтожная часть выздоровѣвшихъ раненыхъ и больныхъ попала обратно въ полкъ, — большинство разсасывалось по станичнымъ полкамъ, гдѣ по образному выраженію казаковъ, «пуля была мягше», а служба, при отсутствіи строгаго внутренняго порядка 1-ой дивизіи ген. Абрамова, доходила.

Отпускъ обмундированія интенданствомъ былъ недостаточенъ.

Англійское обмундированіе только начало поступать задерживаемое владимирской донскихъ и добровольческихъ канцелярій. Донское интенданство выдавало изготовляемая юга, за отсутствіемъ сукна, шаровары и рубахи изъ очень непрочной джутовой ткани, именованной мѣшочной, быстро приходившей въ негодность.

Особенно остро стоялъ вопросъ съ обувью, такъ какъ часть людей пополненія пришла босыми, другая часть имѣла обувь въ состояніи, близкомъ къ негодности.

8-го іюля прибылъ на смотръ 1-ой дивизіи Главнокомандующій генералъ Деникинъ. Дивизія въ строевомъ отношеніи представлялась блестяще, но послѣднія сотни въ полкахъ были выведены босыми.

При прохожденіи перемональнымъ маршемъ безсапожныхъ сотенъ мельканіе бѣлыхъ ногъ было особенно замѣтно, и ген. Деникинъ общалъ лично распорядиться объ отпускѣ на дивизію обуви.

Послѣ смотра въ честь Главнокомандующаго состоялся завтракъ всѣхъ офицеровъ полковъ дивизіи.

Генералъ Деникинъ произнесъ горячее слово, поздравивъ съ походомъ на Москву.

Рѣчь генерала Деникина, какъ всегда, точно, ясно и красочно формулировавшая свои мысли, полная вѣры въ скорую побѣду надъ большевизмомъ, вызвала несомнѣнный подъемъ.

Генералъ Деникинъ, извѣстный офицерству своими полными гражданскаго мужества, честными и сильными выступленіями 1917 года въ защиту основъ поправнаго революціонной интеллигенціей государственнаго поряд-

ка, представлялся ярким выразителем чаяний Корпуса русских офицеров, в своем большинстве готовых безкорыстно своею кровью и жизнью служить делу воссоздания российской государственности.

Главнокомандующий генерал А. И. Деникин, 8-го июля 1919 года на фронте, среди офицеров 1-ой Донской Конной дивизии.

Офицеры 1-й дивизии проводили Главнокомандующего до ближайшей станции.

Возвращаясь с проводов, офицеры Лб.-Казачи делились впечатлениями, призыв движения на Москву быть приняты, в общем, сочувственно, однако, у большинства в душе шевелилось сомнение — не зарвемся ли?

Основная и первая задача — разбитие и уничтожение кадров красной армии, воссоздать кои большевикам было нечем *), могла быть разреше-

*) Кадров красной армии состояли из: 1) остатков старой Российской Армии с примкнувшими к революции командным составом (к 1 апреля 1919 г. 28.500 офицеров и 165.000 унт.-офицеров). — Справка: «Гражданская война», том II, стр. 95). 2) Революционных группировок Дона, Кубани, Ставропольской, Черноморской, Воронежской губ., создавшихся на почве раскола населения процессом противобольшевистского восстания 1918 г. 3) В относительно значительно меньшей степени — рабоче-пролетарских дружин крупных фабричных тыловых центров. Особого интереса заслуживает уклонение Егорова (командованного красным Южным фронтом) и появление партийных коммунистов в качестве рядовых бойцов лишь с сентября 1919 г., причем в количестве лишь 1 проц. присланных пополнений (Егоров, Стр. 146). Несколько позже появились и добровольцы-коммунисты, также в относительно скромном количестве.

на и не выходил за пределы Дона. Выход за пределы Области требовал, казалось, иного настроения в широких кругах русского населения, и в первую голову в крестьянстве, нежели то, кое создалось в крестьянских губерниях занятых армиями Юга России.

Кроме того, казачий офицерский состав полков 1-й Донской дивизии твердо сознавал свою кровную и неразрывную связь с рядовым казачеством.

Настроения широких кругов казачества были ярко выявлены в мнении, представленном генералу Деникину Командующим Донской Армией, генералом Сидоринцом.

Командующий Донской Армией, в противовес Московской директиве генерала Деникина, предлагал временную приостановку общего движения вперед, предлагал сократить занятую территорию оставлением Харькова, но настаивал на строительстве по внутреннему устройству и укреплению тыла.

Временная оборона занятого пространства могла быть легко осуществлена коротким занятием сокращенной границы, с постановкою местами сильных конных отрядов, кои по образцу мартовских действий генералов Шкуро, Калинина, Покровского, Улагая, ликвидировали бы все частные попытки переходов красных в наступление.

В случае же более широкого красного наступления, в дело вводилась бы спокойно организованная в тылу армия, ударь коей разбить бы живую силу противника и уничтожить бы его воинские кадры.

К тому времени предположительный рост антибольшевистских настроений в занятых красными частях России, как и относительное благополучие крестьянства занятых белыми губерний (благополучие могло быть создано соответствующим законодательством по крестьянскому и земельному вопросам, отвечающим чаяниям и интересам, рвущагося для России крестьянского слоя) создали бы нужную предпосылку для успеха движения вперед.

Всё наличие указанных предпосылок, по мнению казачества, даже занятие Москвы не означало бы еще не только победы, но и близости окончания борьбы с большевизмом.

ГЛАВА XI.

Переходъ Донской Арміи въ наступленіе, согласно «Московской директивѣ». — Бой Лейбъ-Гвардіи Казачьяго полка въ районѣ Бутурлиновки и Велико-Архангельскаго. — Рейдъ генерала Мамонтова. — Августовскій ударъ красныхъ, направленный по Дону и Кубани. — Ликвидация операціи группы Сельвачева. — Дѣйствія 1-ой Донской дивизіи и бой Лейбъ-Казачевъ сѣвернѣе линіи Подгорная — Павловскъ. — Атака Лисковъ 8-го сентября.

Общія условія борьбы: пополненіе людьми, питаніе, обмундированіе, организація снабженія, обозъ II-го разряда, оружіе, боевые припасы.

Общій подсчетъ потерь Лейбъ-Гвардіи Казачьяго полка июля и августа 1919 года.

Рѣшеніе генерала Деникина перейти въ широкое общее наступленіе на Москву вылилось въ директивѣ отъ 20-го июня, коею указывалось:

1) Кубанцамъ генерала Врангеля отъ Царицына выйти на фронтъ Саратовъ — Ртищево — Балашовъ, смѣнить на этихъ направленіяхъ Донскія части и наступать далѣе, черезъ Пензу — Арзамасъ — Н. Новгородъ, на Москву.

2) Донской Арміи генерала Сидорина правымъ крыломъ, до подхода Врангеля, продолжать прежнюю задачу выхода къ Камышину — Балашовъ, остальными частями развить ударъ на Москву въ направленіяхъ Воронежъ — Козлово — Рязань — Осколь — Елецъ.

3) Кубанцамъ, Добровольцамъ и Терцамъ генерала Май-Маевского — обезпечить свой лѣвый флангъ занятіемъ Кіева — наступать черезъ Курскъ — Орель — Тулу, на Москву.

Въ исполненіе этой директивы, 1-я Донская дивизія перебрасывается на усиленіе праваго фланга III-го Донскаго корпуса въ районъ Бутурлиновки для смѣны здѣсь конныхъ частей IV-го Донскаго корпуса генерала Мамонтова, освобождаемыхъ для операціи прорыва краснаго фронта и рейда въ тылъ.

18-го июля Лейбъ-Гвардіи Казачій полкъ, въ составѣ 1-й Донск. дивизіи, прибылъ въ районъ Бутурлиновки и ночевалъ въ указанномъ селѣ, смѣнивъ здѣсь стоящую (изъ состава IV-го корпуса) бригаду генерала Каргальскаго.

Той же ночью противникъ атаковалъ расположенное въ 10 верстахъ къ сѣверо-востоку село В. Архангельское, занятое 3-мъ Калмыцкимъ полкомъ.

Захваченные ночью врасплох калмыки, понеся в состав своих плетней сотни большие потери, очистили В. Архангельское.

За отсутствием донесений командира Калмыцкого полка и в предполо-

жений движения противника от Вел. Архангельского на юг, гвардейская бригада была двинута через Филиппенково на Патокино.

4-й Донской полк и Чугуевский уланский были остановлены южнее Бутурлиноки для прикрытия дороги на дер. Гизалы.

Для прикрытия указанной перегруппировки, в направлении В. Архан-

10/10

гельского, на рассвете 19-го июля, была выслана 1-ая сотня войск старшины Краснова.

Оттеснив конные части красных, уже было обошедши наш правый фланг, 1-ая сотня заняла удачную позицию по буграм, на линии жел-дор. виадука, и в течение белого дня, огнем своих пулеметов и конными ударами во фланг, задерживала красных.

На правом фланге сотни отлично работали 1-ый взвод, под командой только накануне прибывшего в строй подесаула Жеребкова. Пользуясь балками и лесом подсолнухов, подлес. Жеребков удачно парировал несколькими конными ударами во фланг попытки красных к обходу.

К 6-ти час. вечера было обнаружено скопление красной пехоты в балке на левом фланге сотни. Скрытно стянув сюда три взвода, войск. старш. Краснов выехал на разведку с востовым Герасимовым по балке вперед и неожиданно для себя натолкнулся в подсолнухах на густую пень красных. Крутом крик «держи белого полковника!» и беспорядочная стрельба. Отстреливаясь из пагана, войск. ст. Краснов поворачивает к оставленной им в полуверсте сотне, которая, услышав выстрелы и крики, без команды карьером бросилась вперед на выручку командира сотни. В этот момент ранение пулей в ногу едва не выбивает в ст. Краснов из седла, если бы не помощь востового казака Герасимова, во время подхватившего командира сотни. С криком «ура» и «ги» сотня врзалась в пень и рубкой обратила красных в бегство.

Оставив на месте несколько десятков трупов, красные ушли в Вел. Архангельское.

Во избежание лишних потерь, оставшийся в строю в ст. Краснов сигналами «стой» и «сбор» остановил преследование и с наступлением темноты со своей сотней присоединился к полку в Патокино.

20-го июля утром Гв. Казачьей бригаде было приказано взять В. Архангельское атакою пших сотень, при пулеметной команде Лейбы-Казачьяго полка, при содействии обхода этого села с северо-востока конных сотень, при пул. команд. Л. Гв. Атаманского полка.

Пройдя половину пути от Потокина к В. Архангельскому, две пшие сотни Атаманцев были развернуты в боевой порядок и повели наступление по местности, густо засаженной подсолнухами выше человеческого роста, почему на некоторых участках создались условия боя как в лесу.

Через полчаса по началу наступления, вправо на поддержку Атаманцам была выдвинута 5-ая пшая сотня подесаула Грекова, движущаяся по выходящей на В. Архангельское балке.

Дойдя до вершины балки, подлес. Греков увидел недалеко дома деревни, а влево от балки, шагах в 450-ти, спокойно стоящую в колонну на дороге роту красных.

Подлес. Греков, оставив в резерве 1 взвод, три остальных, прикрываясь балкой, рассыпал в пень и, появившись неожиданно для крас-

ных, двинулся на них без выстрѣла. Рота повернулась и, без всякой суеты, оставаясь сомкнутой, развернула фронт. Какъ потомъ выяснилось, то была рота красныхъ курсантовъ.

Подъес. Грековъ двигался безъ выстрѣла, но не стрѣляли и красные, почему, по мѣрѣ сокращенія разстоянiя, нервное напряжение сторонъ быстро увеличивалось.

Вотъ уже остались послѣднiе 150 шаговъ. Подъес. Грековъ обернулся назадъ и успокоился — его цѣль шла спокойно и увѣренно на равныхъ, какъ на ученихъ интервалахъ. Со стороны курсантовъ раздался первый одиночный выстрѣлъ, за нимъ второй, третiй, и только что стройная рота обратилась въ толпу, часть коей бросилась назадъ, а часть открыла беспорядочный огонь. Подъес. Грековъ остановить цѣль и, быстро выпустивъ по пакѣ патроновъ, бросился въ штыки, переколотивъ нѣсколько десятковъ оставшихся на мѣстѣ курсантовъ.

Влѣво, шагахъ въ 100, показалась отходящая цѣль красныхъ. Оставивъ въ направленiи на В. Архангельское 1 взводъ, открывшiй огонь по метавшимся по деревнѣ краснымъ, подъес. Грековъ двинулся на новаго противника.

Противникъ открылъ ружейный и на этотъ разъ и пулеметный огонь. Здѣсь подъес. Грековъ былъ раненъ въ грудь навзлетъ и, слава сотню хорунжему Б. Грекову, двинулся съ группою своихъ раненыхъ казаковъ назадъ на перевязочный пунктъ.

Одновременно съ 5-й сотней, на поддержку Атаманцамъ, влѣво была двинута и 2-я цѣпная Л. Казачья сотня войскъ ст. Полковникова. Послѣднiй, не слѣзая съ коня, смѣло повелъ сотню сквозь подсолнухи впередъ. Красные вначалѣ не стрѣляли и, только подпустивъ атакующихъ вплотную, открыли сильный пулеметный и ружейный огонь. Сотня понесла большiя потери, но опрокинула противника. Войскъ ст. Полковниковъ былъ дважды раненъ, причѣмъ послѣ втораго раненiя (въ подъемъ ноги съ раздробленнѣмъ костью) выбылъ навсегда изъ строя.

Были ранены тяжело сотникъ Какуринъ и легко хорунжiй Филатьевъ.

Бой этотъ былъ первымъ боемъ для молодыхъ казаковъ призыва 1921 года, составлявшихъ значительную часть полка.

Боевое испытанiе было выдержано ими съ честью.

...«Среди нашихъ молодыхъ казачатъ, — говоритъ интересная записка дневника пулеметнаго урядника Колбасина, — были такiе, что еще говорили по-дѣтски и задавали наивные вопросы: «А ежели ранять, не больно ли?» Старшiе, бывавшие въ бояхъ, отвѣчали: «Не бойсь, ежели ранять, то тебя сразу перевяжутъ, ежели же убьютъ, то ты не будешь знать».

Мѣрными шагомъ, равняясь въ цѣпи, шла молодежь. Кто-то изъ казаковъ шутку пустилъ, что молодежь винтовки въ рукѣ держитъ, какъ вилку передъ обѣдомъ. Тутъ замѣтили, что, дѣйствительно, всѣ молодые несутъ ружья въ рукахъ, а старые на ремнѣ за плечомъ.

Первыи пули зашлн въ воздухъ — молодой пригнулъ голову, старшiе шутягъ: «Съ кѣмъ поздоровался — ихъ ишшо иѣту».

Но вотъ противникъ ближе. Закипѣла перестрѣлка, старшiе, по прищкѣ, увлеклись боемъ, молодежь тянется за ними, прямо рвутся въ штыки.

Работает мой пулемет. Пулеметчик всегда в дѣлѣ. Да еще какъ. Вотъ сюда, нѣтъ вотъ сюда. Да вотъ тамъ еще кучка. Такъ по кучкамъ да по кучкамъ не заметишь, какъ и время пройдетъ.

Минутъ, черезъ двадцать, разорвался снарядъ по пулеметной звуколке, всѣ 4 лошади убиты, и казакъ Васильевъ — Мечетинской станицы — раненъ съ раздробленіемъ правой руки и бедра. Только его унесли — новый разрывъ по пулемету, и меня ударило шрапнелью въ спину. Какъ будто кто палкой рубанулъ по спинѣ. Такъ какъ раны большой не было, то я остался въ строю: шрапнель пробила сумку, кожаный поясъ и зарылась въ мясо, гдѣ и протаскала ее до сентября мѣсяца»...

...«Характеръ мѣстности былъ таковъ. — говоритъ ген. Дьяковъ, что каждое движеніе нашей пѣхоты было ясно видно неприятельской артиллеріи, и именно отъ ея огня мы несли наибольшія потери. Наша батарея не имѣла болѣе или менѣе удовлетворительнаго наблюдательнаго пункта. Тѣмъ не менѣе, наступленіе быстро развивалось»...

Тѣмъ временемъ конная сотня Лейбъ-Казакъ и Атаманцевъ, при пулеметной командѣ послѣднихъ, совершивъ глубокой обходъ, были двинуты полковникомъ Фарафоновымъ влѣво въ атаку на подходящую по дорогѣ изъ Васильевки красную пѣхоту.

Несмотря на сильнѣйшій огонь, шедшія головнымъ эшелонамъ Лейбъ-Казачья 1-ая сотня в. ст. Краснова и полусотня 6-ой в. ст. Воронина, проскочивъ глубокую параллельную фронту балку, дошли до шашечнаго удара.

...«Полторы сотни Лейбъ-Казакъ, — говоритъ записъ полковника С. Н. Краснова, — развернувъ эшелоны въ даву, прошли славшихся имъ и уже бросившихъ винтовки три очень широкія по фронту пѣли красныхъ, атаковали двѣ роты резерва и были уже шагахъ въ 100-150 отъ красныхъ орудій. Однако, не поддержанныя другими эшелонами бригады, застрявшими въ глубокой балкѣ, опрокинуть противника окончательно не смогли. Рота прикрытія красной батареи, видя нашу малочисленность, стойко отбилась огнемъ и ручными гранатами. Пройденная нами пѣли красныхъ, видя, что ихъ никто не забираетъ, взялись снова за винтовки и открыли огонь. Подъ перекрестнымъ огнемъ падали люди и лошади. Стрѣлая изъ револьвера, я сталъ пробиваться назадъ и былъ раненъ пулей въ руку. Несмотря на мое прика-

*) Интересно примѣчаніе полк. Краснова: «...Забѣсь умѣстно будетъ сказать, что традиціонная въ полку забота офицеровъ о казакахъ широко вознаграждалась обрѣтениемъ проявленіями преданности и заботливостью рядовыхъ казаковъ. Кромѣ приведенныхъ мною примѣровъ выручки раненаго командира сотни въ бою и нѣтъ бою имѣли мѣсто случаи охраны отъ опасности казаками своихъ офицеровъ.

Такъ, въ условіяхъ прерывчатаго фронта и малочисленнаго сторожевого охраненія, иногда на стоянкахъ поѣздки командира и офицеровъ ночью въ штабъ полка или въ соборнія сотни были сопряжены съ нѣкоторой опасностью. Возвращаясь изъ такихъ поѣздокъ, офицеры часто встрѣчали по пути патрули своихъ казаковъ, посланные инициативой послѣднихъ.

Послѣ запрещенія высылки подобныхъ патрулей, отрывающей людей отъ отряда, казаки продолжали ихъ иногда высылать, дѣлая это только болѣе скрытно отъ командира сотни».

зание отходить лавой, меня окружили ближайшие казаки, пробили путь назад и вывели из сферы огня. Одновременно вышла и сотня. Потери — 50% состава...

Видя неудачу головного эшелона, прочия сотни, застрявшие в глубокой и сильно обстреливаемой балке, отхлынули назад.

Полковник Фарафонов вызвал вперед пулеметную команду Атаманцев и огнем 8 пулеметов заставил красную пехоту залечь вдоль дороги, не позволяя ей двигаться к В. Архангельское.

Шесть сотен опрокинули противника и ворвались в В. Архангельское с юга.

Противник, понесший большие потери, отошел на бугор с северной стороны деревни, и в 12 часов дня бригада уже готовилась вновь его атаковать, как пришло приказание остановиться, так как операция прорыва конницы Мамонтова откладывалась на 22-ое августа.

Это было крупным разочарованием: за день 20-го Лейб-Казачьи потеряли ранеными 3-х сотенных командиров (войск. старш. Краснол., войск. старш. Полковников, подьес. А. Греков), двух офицеров — сотника Какурина и хорунжого Физатьева — и понесли крупные потери казаками и лошадьми, уже достигли известного результата; теперь же эти потери оказались напрасными, ибо с наступлением темноты было приказано вернуться на ночлег к Потокино.

21-го велась лишь конная разведка, на 22-ое же, как сказано было выше, был назначен прорыв IV-м корпусом, причем предполагалось, что по совершении прорыва генерал Мамонтов повернет правым плечом и ударит в тыл и фланг Бутурлинской группы красных.

Боевой приказ 1-й дивизии был аналогичен прежнему, и Гв. бригада снова атаковала В. Архангельское.

На этот раз близко справа слышалась канонада: то в районе Васильевки выходила вперед семитысячная масса конного корпуса генерала Мамонтова.

В голове Гв. Казачьей бригады шли Лейб-Казачьи, кои рассыпались в штык и быстро повели наступление. Противник в Велико-Архангельского (40-я сов. див.) большой стойкости не обнаружил и под ударом пленных сотен очистил село.

В штык 5-й сотни был ранен только что принявший сотню сотник Б. Греков.

Конная сотня атаковала красных восточнее В. Архангельского и отбросила их к жел. дороге Бутурлиновка — Терехов.

Красные отходили однако в порядке, прикрываясь своей не жалкой артиллерией.

С высоты взятого В. Архангельского Лейб-Казачьи видели движение в районе Васильевки крупных конных масс: то двигался IV-й конный корпус генерала Мамонтова. Настроение поднялось, забыты были потери,

ибо казалось, что в ближайшие часы все будет вознаграждено полным разгромом красных.

Однако, и на этот раз пришлось разочароваться: скоро пришло донесение от Лейбь-Казака сотника Ляхова, посланного для связи в штаб генерала Мамонтова, сообщавшего, что IV-му корпусу, взявшему Васильевку, пробиться не удалось, и операция генералом Мамонтовым отложена. Лишь 27-го генерал Мамонтов, ночным маневром, обходя Архангельскую группу красных, выдвинулся в Еланское кольцо, откуда к вечеру, перейдя в Макарово и не деля поворота правым плечом, двинулся на север.

Мамонтовский прорыв обошелся Лейбь-Казакам не дешево: за бой с 19-го по 22-ое полк потерял равными 7 офицеров (из них двое тяжело): казаков: убито 16, ранено 116, контужено 4, без вести пропало 3; лошадей: убито 37, ранено 104.

Рейд генерала Мамонтова достаточно полно освещен военной литературой, и нет надобности излагать его здесь подробно.

Несколько остановимся лишь на объяснении причины неисполнения IV-мь Донским корпусом директивы Командования о повороте плечом.

По выходе в тыл противника, генералу Мамонтову предстояло решить две различные задачи: первую, боевую — ударить с тыла по живой силе противника, вторую, политическую — появлением в тылах поднять крестьян против большевиков.

Если первая задача требовала поворота правым плечом, то вторая требовала проникновения дальше вглубь, возможно более мощной, не потрепанной в боях массой.

Генерал Мамонтов начал рейд с выполнения второй задачи.

Интересно отметить, что в конечном счете значение и последствия рейда выявились как раз в обратном порядке:

Крестьянского восстания не произошло *), так как отсутствовали не-

*) Отсюда отнюдь не вытекают заключения о якобы большевистском настроении русского населения.

Очень показательна приводимая ниже таблица распределения к августу 1919 г. вооруженных красных сил («История Гражданской войны», Госизд. Стр. 250).

Западный фронт	140 тыс.	797 орудий
Южный фронт	171½ т.	611 »
Восточный фронт	125 тыс.	445 »
Без отдельной армии	14 тыс.	136 »
Войска вспомогат. и запасных частей	14½ т.	74 »
Войска специальн. назначения	180 тыс.	763 пулем.

Советская «История Гражданской войны» «частично» добавляет: «Сравнительная многочисленность войск специального назначения и тылового района объясняется серьезностью и разнообразием задач, кои советская власть должна была решить».

обходимая предпосылки в виде соответствующей земельной и крестьянской политики Юга России. Хотя генерал Мамонтов и велел Тульскую дивизию, составленную из возставших против большевиков крестьян, но в целом, в смысле крестьянских настроений, значение рейда явилось скорее отрицательным: корпус приходом возбуждал надежды населения, а затем двигался дальше, оставляя население на расправу большевикам.

Что же касается до боевого значения рейда, то, если рейд мало отозвался на участках фронта, ближайших к месту прорыва, то значение его в боеве широко масштабы для всего Южного фронта явилось очень широко.

Так значительно облегчилось тяжелое положение Армии генерала Врангеля, с фронта коей красные связали наиболее боеспособный корпус Буденного, направленный ими на борьбу с Мамонтовым.

В тех же целях с фронтов VIII-й и IX-й советских армий были сняты бригада 40-й дивизии, 31, 36 и 56-я дивизии, части 3-й стр. дивизии и, наконец, из тыла привлечены 21 стр. дивизия, 4 полк коммунарков и 5-й Латышский полк. Увод частей с фронта ослабил ударные группы Селивачева и Шорина, о коих речь будет ниже.

По свидетельству красных главковерхов (Егоров, Стр. 120. Буденный, «Гражд. война», том I, стр. 106), генерал Мамонтов «коренным образом нарушил военное управление Южным фронтом, испортил ряд участков важнейших жел. дор. и уничтожил много складов, баз и запасов, разстроил надолго снабжение Красной Армии... «притом в моменты, когда последняя должна была давать полное напряжение».

23-го июля пѣхотные части ночевали в В. Архангельском, конница с отрядами небольшой перестрѣлки выбила противника из селения Чулок, где и ночевали.

24-го июля 1-я дивизия переходила через Бутурлиновку перебрасывается в Карачевку, куда прибывает 25-го дня.

Донское Командование рѣшило взять гор. Бобровь согласованной атакой с двух сторон, причем 1-я Донской дивизии надлежало переправиться через Битюг у Мечетки и атаковать город с юго-запада.

Боевыми разведками, произведенными 2-й бригадой, при поддержке конных Лейб-Казачьих сотен, 26-го июля, и конными сотнями Гв. Каз. бригады 29-го июля, выяснено, что Битюг прочно занят противником и переправиться можно только с боем. Несколько дней 1-я дивизия занимала позицию Мечетка — Анновка, причем на позиции находился лишь очередной полк, прочие же располагались в деревне Козловка.

Противник все дни вел огневой бой, а 28-го пытался нанести удар,

идти в тыловом районе... Если вкратце и короче говоря, наибольших сил требовала война на внутреннем фронте северных и средних полос России, казалась бы, прочно занятых большевиками.

хотя и съ потерями, но отбитый въ тотъ же день занимавшими позицію пѣшими сотнями Л. Гв. Атаманскаго полка.

1-го августа начальникомъ дивизии генераломъ Абрамовымъ, совместно съ команднымъ составомъ, до командировъ сотенъ включительно, была произведена рекогносцировка подступовъ къ переправѣ для намѣченной на 2-ое августа общей атаки.

Однако атака была отменена раньше, и 1-я дивизія далѣе перебросена на правый берегъ Дона на линію г. Павловскъ — Подгорная, оставивъ въ районѣ Бутурлиноки Чугуевскій и 3-й Калмыцкій полки.

Остановимся на причинахъ этой переброски и вернемся нѣсколько назадъ.

Со времени майскаго и июнскаго отхода красное командованіе не терило времени даромъ.

Подъуясь тѣмъ, что красныя арміи, отброшенныя майскимъ наступленіемъ, отошли на новый фронтъ, сохранивъ въ цѣлости свои кадры, красное возглавленіе проявило незаурядную энергію по приводу въ порядокъ (съ придачей характера «регулярства») и усиленію своихъ частей.

Были объявлены новыя мобилизаціи отъ 18 до 45 лѣтъ и были значительно усилены учетъ бывшихъ офицеровъ и унтеръ-офицеровъ старой Россійской Арміи, составлявшихъ, совместно съ прослойкой коммунистовъ изъ рабочаго класса, основную часть Красной Арміи *)

Главковерхъ Вапетисъ былъ смѣненъ бывшимъ полковникомъ Генеральнаго Штаба Каменевымъ, а командующій Южнымъ фронтомъ Гитисъ — Генеральнаго Штаба бывшимъ генераль-лейтенантомъ Егорьевымъ.

На Южный фронтъ было перебросено 6½ дивизій съ Восточнаго фронта и 3 дивизіи съ Западнаго.

Всѣми этими мѣрами численность Южнаго краснаго фронта была доведена до 172 тысячъ бойцовъ при 610 орудіяхъ («Исторія Гражданской войны», стр. 250, томъ III).

Былъ принятъ слѣдующій планъ генеральнаго наступленія, цѣлю котораго ставилось «уничтоженіе источника живой силы Вооруженныхъ Силъ Юга Россіи ударомъ по Дону и Кубани **).

*) Общее количество чиновъ старой Россійской арміи, мобилизованныхъ въ Красную армію, представлено въ нижеслѣдующей таблицѣ. («Гражданская война», Москва, Госиздатъ, томъ II, стр. 78, 79, 87, 95).

	Къ 1 января 1919 года.	Къ 1 апреля 1919 года
Офицеровъ	22.315	28.410
Военныхъ чиновъ.	2.409	2.919
Унтеръ-офицеровъ	128.168	163.191
Военныхъ врачей	2.508	4.365
Нижній мелки. персоналъ.	9.713	15.396
Итого	165.113	216.280

***) «Гражданская война», стр. 259, томъ III, и Егоровъ, стр. 112.

Главный удар наносился группой полковника Генерального Штаба Шорина, IX и X советскими армиями, с фронта — Камышинь — Балашовь, и была направлена на Нижний Донь противъ I, II-го Донскихъ корпусовъ и Царицынской Кубанской Арміи генерала Врангеля.

Вспомогательный удар наносился группой генерала Селивачева (VIII-я армія и две дивизіи XIII-ой арміи) с фронта Лиски — Новый Осколь, и была направлена на фронтъ III-го Донского корпуса и стыкъ его съ Добровольческой Арміей.

Въ группѣ Шорина къ 1 августа состояло: 45.000 штыковъ, 12.000 сабель, 1.080 пулеметовъ, 240 орудій.

Въ группѣ Селивачева: 32.800 штыковъ, 4.000 сабель, 1.407 пулеметовъ, 251 орудіе.

Остальныя части XIII и XIV армій должны были содѣйствовать общему наступленію ударныхъ группъ Шорина и Селивачева, начавъ наступленіе на Лозовую и на Готню. (Однако, генераль Кутеповъ, за три дня до начала операціи, наступая I-мъ Армейскимъ корпусомъ, разрѣзаетъ XIII и XIV арміи и отбрасываетъ ихъ къ Курску и за Ворожбу, почему никакого содѣйствія наступленію группъ Шорина и Селивачева указанныя части оказать не могли).

Общее наступленіе ударной 38-тысячной группы Селивачева началось 3-го августа противъ всего фронта III-го Донского корпуса, къ тому времени насчитывавшаго въ своихъ рядахъ лишь около 10.000 штыковъ и шашекъ и занимавшаго фронтъ протяженіемъ въ 200 верстъ.

Подъ натискомъ значительно превосходныхъ силъ противника, III-й Донской корпусъ осадить съ боемъ назадъ. На его правый флангъ — линію Подгорная — Павловскъ и далѣе стыкъ съ II-мъ Донскимъ корпусомъ — были поставлены I-я и 3-я Донскія дивизіи подъ общимъ командованіемъ генерала Абрамова. Последний, оставивъ на лѣвомъ берегу Дона, для обезпеченія стыка съ II-мъ Донскимъ корпусомъ противъ 40-й советской дивизіи, группу, составленную изъ 9-го Донского полка, Л. Гв. Донской батареи (отъ 3-й Донской дивизіи) и Чугуевского, 3-го Калмыцкаго полковъ, взвода 2-й Донской батареи (отъ 1-й Донской дивизіи), остальные полки своихъ дивизій перевелъ на правый берегъ Дона, съ цѣлью остановить продвиженіе на Евстратовку сильной Лискинской группы противника, имѣвшей въ своемъ составѣ полнорядную, усиленную бронеполками 33-ю советскую дивизію.

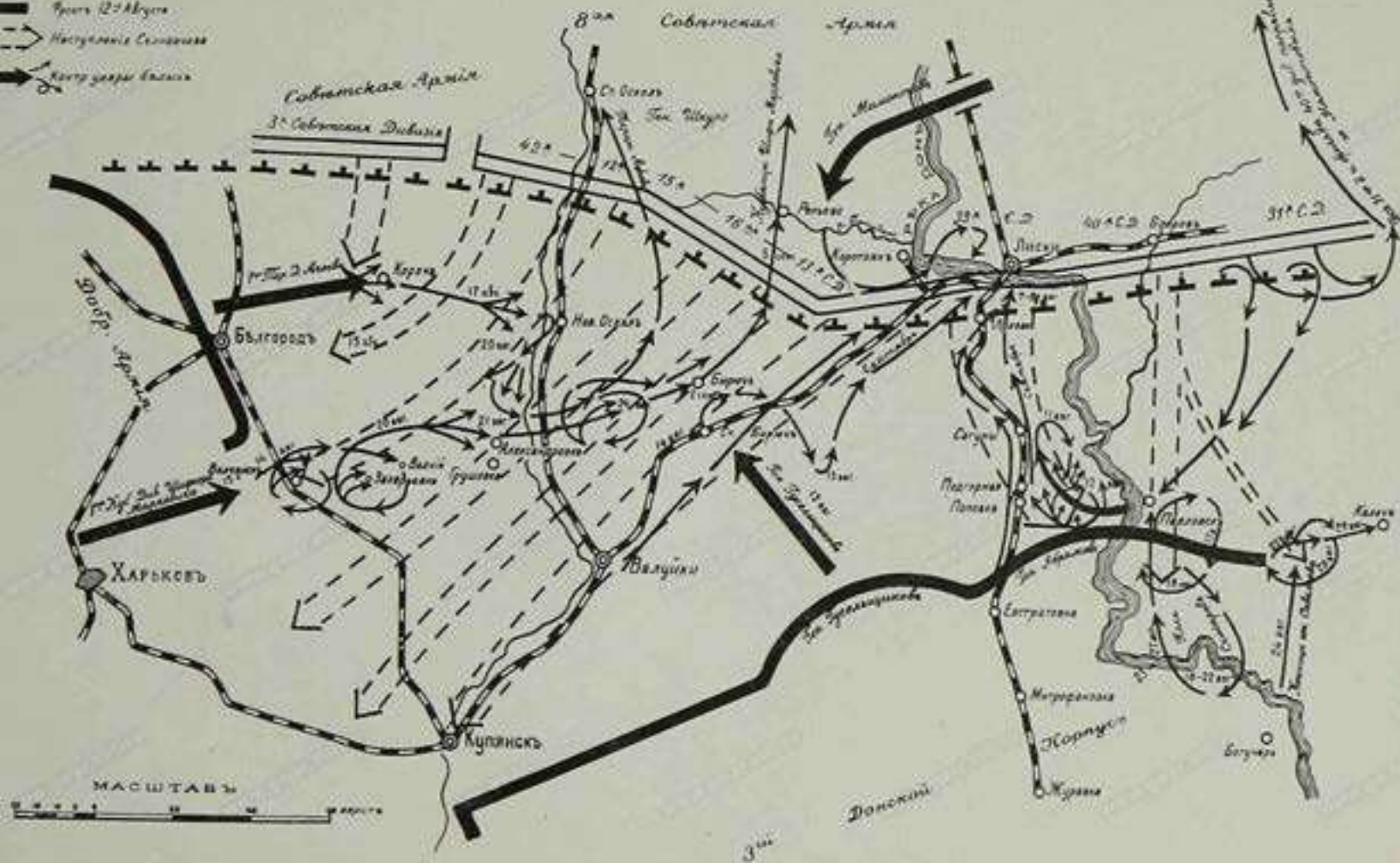
10, 11 и 12 полки 3-й Донской дивизіи были весьма малочисленны и на половину состояли изъ недавно влитыхъ казанскихъ дружинъ стариконъ-Мѣшковцевъ.

Полки 1-й Донской дивизіи были болѣе свѣжи, однако, группа 3-хъ полковъ 1-й дивизіи (Гв. Каз. бригада и 4-й Донской полкъ), поставленныхъ на линію Подгорная — Павловскъ, не превосходила въ своемъ боевомъ составѣ численности въ 1.200 штыковъ и шашекъ, при 18 пулеметахъ и 1½ батареяхъ.

Августовское наступление Селиварева

УСЛОВНЫЕ ЗНАКИ

- Фронт 2-й Армии
- Фронт 12-й Армии
- Наступление Селиварева
- Контр удары Власова

1-я дивизия, выступив 6-го августа переходами через Бутурлиновку, Кислово — Павловск, 8-го августа прибыла в Бѣлогорье.

9-го августа на разсѣлѣ группа изъ 3-хъ полковъ 1-й дивизии и бригады 3-й дивизии сосредоточилась на перекресткѣ дорогъ Бѣлогорье — Морозовка и Бѣлогорье — Сагуны для наступленія на Сагуны.

Полки 3-й дивизии должны были наступать, черезъ Карабутъ, правѣе дороги Бѣлогорье — Сагуны. Полки 1-й дивизии наступали лѣвѣй той же дороги, причѣмъ пѣшимъ сотнямъ Л. Гв. Атаманскаго полка, подъ командой полк. Андрианова, надлежало атаковать презварительно дер. Лыково, а пѣшимъ сотнямъ Лейбъ-Казачьяго полка, подъ командой войск. старш. Кононова, деревню Андреевку.

Конныя сотни Лб. Казачьяго полка, подъ командой полк. Поздѣва, шли въ интервалѣ между Лб. Казакъ и Атаманшами. По очищеніи обоеденнымъ съ фланга противникомъ дер. Лыково, полк. Поздѣвъ двинулся на Сагуны, оторвавшись отъ пѣхоты.

Туда же подошли конныя сотни 3-ей дивизии, остановившейся въ очищенномъ сѣ отъ противника Карабутѣ.

Собравшейся подъ Сагунами конница оказалось мало для атаки деревни, такъ какъ бѣлая сотня, обойдя Сагуны съ сѣвера и дойдя до желѣзной дороги, обнаружила подходы сильныхъ эшелоновъ противника.

Продержавшись передъ Сагунами до вечера, полк. Поздѣвъ отошелъ на Лыково, гдѣ и ночевалъ.

Между тѣмъ пѣшія сотни Лейбъ-Казакъ — 2-я, подѣсаула Евфимьева и 5-я, подѣсаула Моргунова, при пулеметной командѣ подѣсаула Туркина, атаковали дер. Андреевку и, выбивъ противника, на его плечахъ прошли деревню и перешли въ преслѣдованіе.

Пройдя версту, онѣ принуждены были остановиться, такъ какъ противникъ, получивъ по жел. дорогѣ сильное подкрѣпленіе, перешелъ въ контр-атаку и охватилъ лѣвый флангъ.

Два пулемета подѣсаула Туркина быстро ликвидировали охватъ, однако, черезъ полчаса атака была повторена, причѣмъ краснымъ удалось занять небольшой лѣсокъ за нашими лѣвымъ флангомъ. 5-я сотня, а за ней и 2-я осалили назадъ за Андреевку, занявъ позицію въ полуверстѣ за этимъ селомъ. Цѣли противника подошли настолько близко, что были видны лица. Наши пулеметы не давали имъ возможности подняться для удара и наносили большія потери. Со стороны красныхъ кричали, что они сдаются. Есауль Моргуновъ бросился съ полусотней 5-й сотни въ штыки, но... былъ встрѣченъ такимъ огнемъ, что понесъ большія потери, сталъ отходить, причѣмъ красные бросились за нимъ.

Быстро выдвинутые лично подѣсауломъ Туркинымъ и хорунжимъ Грековымъ пулеметы, занявшіе выгодное положеніе, сѣкли первую, а затѣмъ и вторую цѣль красныхъ, и позиція осталась за нами.

...«Противникъ насѣдалъ и патроновъ не жалѣлъ, — говорить пол. ур

111

Колбасить, — когда проходили Андреевку, огонь его был по-истине сквозняковой. В наших цепях патроны были на исходе. В полувёрст от Андреевки мой пулемёт остановился на холмике, и огнём, без прицела, по рикошетам, я начал задерживать противника. Огонь был удачный: по хорошо видимым рикошетам страшно удобно было стрелять. При поддержке своей не жалёвшей снарядов артиллерии красные пытались наступать. Шум от стрельбы такой, что мы между собой кричали друг другу. Я стреляю и приговариваю, а рядом начальник команды тоже приговаривает и в одобрение бьёт меня по спине. А второй и третий номера каждый за кожу пулемета тянут в свою сторону. Направляют на свои кучки красных.

Было момент, что красные стали подниматься на холм, и мы готовились уже сниматься, как удачной лентой, на постоянном прицеле, удалось уложить передовую цепь. Теперь красные сразу хлынули назад и покатились на Андреевку. Господи, что тут происходило на моей спине, и как вообще она выдержала: и подесаул Туркин, и оба номера в азарт дуили. Ей-Богу, вся спина потом красная была...

Противник стремился теперь скрыться в Андреевку, и čím ближе к деревне, тём плотнее сбивались его кучки и тём разительнее был огонь нашего пулемета.

Я хотел стрелять по оставшимся в поле, но подесаул мне сказал: «Развѣ не видишь, что они побиты». Когда я поглядѣл на поле, оно было все усыяно трупами...

Поле боя осталось за нами.

Ночевали сотни в лесу, что к востоку от позиции, выслав вперёд в дер. Андреевку разведку. Команда разведчиков 5-ой сотни в темнотѣ захватила и вывезла из деревни походную кухню красных с запряжкой и котлом полным горячего борща, пришедшимся кстати, так как ночь была холодная.

Затѣм генерал Дякова говорит:

...«Съ утра 10-го августа ген. Абрамовъ было отдано приказаніе атаки Сагуновъ не возобновлять, такъ какъ въ 3-й дивизіи случилась какая-то неустойка. Частямъ 1-ой дивизіи надлежало начать отходъ на Белогорье. Часа въ 8-ми утра ко мнѣ подъѣхалъ ген. Абрамовъ, и лично подтвердилъ, что мнѣ нужно отходить, такъ какъ 3-я дивизія, преслѣдуемая противникомъ, уже находится на уступѣ сзади. Къ этому времени у меня впереди находилась 2-я Лб. Казачья сотня подесаула Евфимьева, ввязавшаяся въ горячій бой, изъ котораго, видно было, она самостоятельно выйти не могла. На выручку ей я двинулъ двѣ пѣшія сотни Атаманцевъ, подъ командой доблестнаго, но нѣсколько медлительнаго полковника В. Андріянова. Атаманскій дивизионъ положенія 2-ой сотни не спасъ, ибо, выйдя къ уже расправившемуся со 2-ой сотней, значительно превосходящему въ силахъ противнику, онъ былъ стремительно атакованъ и принужденъ къ отходу»...

...«10 августа, — говорит дневник командира 2-ой сотни подьес. Евфимьева, — противник нас предупредил и на рассвете повел наступление. Когда сотня была поднята и приведена на опушку леса, его цепи уже находились в 400 шагах. Быстро командир бригады отдал распоряжение: 2-ой сотне идти в контр-атаку, а 3-ей конной обезопасить ей левый фланг... Противник, находившийся уже в 300 шагах, встретил контр-атаку огнем, но сотня бросилась в штыки на «ура», и красные побжали. Преследуя противника вторая полусотня начала уже загибать фланг, охватывая Андреевку, как я получил приказание: «Остановите наступление и немедленно соберите один или два взвода из своей резервы. — Андреевский».

Одновременно, в тылу 2-ой сотни показалась густая цепь неприятеля вначале за своей резервы, но оказавшаяся противником.

Подьесауль Евфимьев принужден был отбиваться на два фронта.

В довершение беды, 4-й полк отходил от Сагунов, причем противник, за ним спускавшийся, грозил отрезать и последний выход 2-ой сотне на север. Конница 4-го полка бросилась на штыки 2-ой сотне, но была отбита. Посадив раненых на крупы лошадей дошедшего до него взвода 4-го полка, подьесауль Евфимьев, во главе 2-й полусотни, начал пробиваться на северо-восток. Что касается до 1-й полусотни, то стремительно и неожиданно атакованная с тыла, она почти целиком была уничтожена, и пробиться удалось лишь одиночным казакам. От них узнали, что командир 1-й полусотни доблестный хорунжий Филатьев, раненый в руку, зажимая рану здоровой рукой, пробивался с группой казаков, когда упал, сраженный пулей в грудь. Наблюдавшими красными хорунжий Филатьев был поднят, брошен на кошу соломы и сожжен живым.

Подьесауль Евфимьев, двигаясь с боем на сев.-восток, дошел до Дона. Здесь он повернул круто на юг и пробился сквозь красных на Белогорье, откуда поздно вечером присоединился с уцелевшей частью сотни к полку.

В этот день сотня потеряла две трети своего состава.

В то же утро 3-я конная подьес. Рыковского, обезопасив левый фланг 2-ой, в конном строю ворвалась было с юга в Андреевку, но была отброшена на юго-запад, потеряв связь с ес. Евфимьевым.

Что же касается 5-ой сотни подьес. Моргунова и пулеметной команды подьес. Туркина, то они, получив своевременно приказание об отходе на бугры в направлении Морозовки, спокойно на рассвете туда двинулись, не подозревая о происходящем со 2-ой сотней.

...«Командиром бригады было сказано, что первая цепь за нами будет наша, а следующая за ней противника, — отмечает подьес. Моргунов. — Подходя лошадиной к буграм, кои надлежало занять, моя сотня, в колоний построения, попала под ружейный и пулеметный огонь. Оказалось, что цепь, двигавшаяся за нами, была не наша, а красных. Под прикрытием огня ранее приближившись и уже ставших на позицию пулеметов подьес. Туркина сотня развернулась, заняла бугры и последовательно отбила три атаки противника...»

...«Мы заняли, — говорит ген. Дьяков, — позицию с отличным

обстрѣломъ, и наступавшіе красные были легко отбиты огнемъ однихъ Лейбъ-Казакѣвъ и ихъ пулеметной команды. Въ резервъ стали сотни 4-го полка.

Послѣ четырехъ попытокъ насъ атаковать, безъ труда нами отбитыхъ, бой къ вечеру затихъ. Позиція осталась за нами...

На ночь бригада 3-ей дивизіи сосредоточилась въ Бѣлогорѣ — 1-я дивизія въ Морозовкѣ.

Утромъ 11-го августа 1-я дивизія перешла въ наступленіе. Очередь наступать была Атаманцевъ, и Лейбъ-Казакѣ были въ поддержкѣ.

Наступленіе въ началѣ шло успешно, но встрѣченное на подорожѣ къ Андреевкѣ контръ-атакой красныхъ, оно остановилось.

Одновременно создалось тревожное положеніе на правомъ участкѣ, гдѣ безъ предупрежденія отошла 3-я дивизія, и противникъ, подошедшій къ дорожѣ Морозовка — Бѣлогорье, обстрѣливалъ уже ружейнымъ огнемъ штабъ генерала Абрамова, угрожая занять Морозовку.

Слѣшно идуть на правый участокъ конныя сотни Лейбъ-Казакѣвъ и туда же двигаются 2-я и 5-я пѣшія сотни полка.

Конныя сотни разворачиваются по-шелонно и бросаются въ атаку подъ сильнымъ ружейнымъ и артиллерійскимъ огнемъ противника, хорошо прицѣнившись къ мѣстности и почти невидимого.

Мѣстность изобиловала глубокими оврагами, выемками, и часть атакующихъ запуталась въ оврагахъ и вышла въ пустую, и только меньшая часть, группами, во главѣ съ командиромъ 3-й сотни подьесауломъ Рыковскимъ и сотникомъ Усачевымъ, вышла вѣрно на противника.

Сотникъ Усачевъ, только съ нѣсколькими казаками проскочивъ черезъ сѣть овраговъ, не задумываясь, врубился въ красныхъ, кои, видя малочисленность дошедшихъ, не дрогнули и группа Усачева быстро была перебита. Подъ сотникомъ Усачевымъ была убита лошадь, онъ вскочилъ на ноги и отстрѣливался до послѣдняго патрона, пока не былъ поднятъ, въ прямомъ смыслѣ этого слова, на штыки.

Въ группѣ подьесаула Рыковского былъ раненъ полноопредѣляющійся графъ Ребиндеръ, вывезенный изъ схватки на крупѣ лошади лично подьесауломъ Рыковскимъ.

Въ результатѣ, хотя конныя сотни и понесли потери людьми и лошадьми, но было выиграно нужное время для подхода немедленно перешедшихъ въ наступленіе пѣшихъ сотенъ.

Полусотня 5-ой сотни, подъ командой сотника Б. Грекова, взяла уже 2 пулемета противника, когда смертельно былъ раненъ въ голову Б. Грековъ. Полусотня пришла было въ замѣшательство, но подошедшій со взводомъ подьес. Моргуновъ привелъ ее быстро въ порядокъ и отбилъ контръ-атаку красныхъ. Удачна была атака и 2-ой сотни, потерявшей тяжело раненымъ сотника Семистова, но отбросившей противника отъ Морозовки.

Во время боя тяжелый снарядъ разорвался подъ конемъ подк. Поздѣва. Взрывомъ конь и всадникъ были подброшены вверхъ. По счастливой случайности, полковникъ Поздѣвъ, отдѣлался лишь контузій.

Противник, понесший большие потери, с наступлением сумерек отошел. 1-я Донская дивизия ночевала в дер. Саприно.

Бои фронтального характера изо дня изо дня вызвали сильную усталость в людях и вымотанность в лошадях.

Вымотаны были и противник, наступательный порыв коего был сбит, и до 17-го августа 1-я дивизия простояла спокойно, поддерживая соприкосновение с противником лишь своими сторожевыми охранением и ведя разведку.

16-го прибыла очередная партия пополнения и ряды пехоты пополнились до 150 человек. Кроме того, прибыло две сотни калмыков, — одна в 67, а другая в 97 штыков, кои за отсутствием 3-го калмыцкого полка, временно, на несколько дней были приданы Лейб-Казакам.

Того же числа подошла по железной дороге стрелковая Донская бригада (Л. Гв. Финляндский и 3-й Стрелковый полки), взявшая с боя ст. Подгорная.

17-го августа генералъ Абрамовъ решил ударить по противнику, занимавшему Сергеевку и хут. Погорельский. Наступление повели вначале цепи Атаманцевъ и 4-го полка, 2-я же пехотная сотня есаула Евфимьева и 5-я пехотная сотня, которую только что принял сотник Чекуновъ Сергей, первоначально оставались в резерве командира бригады генерала Дыкова.

Вправо была выслана конница Гв. бригады под командой полковника Фарафонова, влево — сотня калмыков.

Пройдя деревню Сергеевку, пехотные сотни уперлись в основательно окопанного противника, который открыл сильнейший артиллерийский огонь легкими и тяжелыми снарядами. Огонь красной артиллерии корректировался с поднятой в красном тылу наблюдательной колбасы, и был относительно меток.

Усиленная 2-й Л. Каз. сотней вправо, цепи бросались в штыки, но, встреченная сильным ружейным и пулеметным огнем, залегли. Наша артиллерия испытывала острый недостаток в снарядах; имевшиеся были плохо калиброваны и часть их не входила в стволы орудий, другая же часть не разрывалась при попадании, и огонь наших пушек совершенно не облегчал задачи.

Ввиду появления конницы противника отъ Морозовки, 5-я сотня развернулась на уступ вправо и огнем остановила эту конницу. Противник сбились и открыл огонь, выдвинув вперед пулеметы. Здесь был тяжело ранен в пах сотник Чекуновъ Сергей.

Вотъ тяжело ранен взводного урядника флангового взвода Крылова, и взвод, потеряв начальника, открывает беспорядочную стрельбу. Взводный Крыловъ, вырвавшись из рук великих его на перевалочный пункт казаковъ, возвращается къ своему взводу, берет казаковъ снова в руки и открывает огонь выдержанными залпами по пулеметному взводу противника, который не выдерживает и, прекращая огонь, отходит.

113

Только по прибытии на фланг командира сотни есаула Моргунова, замкнувшего сотника Чекунова, урядовик Крылов позволил себе покинуть строй.

Между тем, другая часть конницы красных (красные кубанцы), обойдя левый фланг, атаковала сотню казачков и, порубив часть, остальных загнала в деревню Сергеевку. Атака красных кубанцев была остановлена высланными из резерва конными сотнями 4-го полка.

Бой заглох, и 1-я дивизия отошла в исходное положение.

18-го августа дана была отставка, а 19-го дивизии было приказано взять Сергеевку и хутор Погорельский, которые противник отдал без боя, заняв позицию в версте к северу. В головь наступали пѣхота Лейб-Казачья сотни, Есаул Евфимьев, со 2-й сотней быстро пройдя Погорельский, выдвинувшись влево, были встрѣчены конной атакой, которую отбил огнем.

Выдвинутая вправо 5-я сотня и две сотни Атаманцев встрѣченные сильными огнем, без содействия нашей артиллерии, попрежнему не имевшей достаточного количества снарядов, продвинуться не смогли, и 1-я дивизия заочевала в Сергеевку.

Съ 21-го августа по 3-е сентября дивизия простояла в районѣ Сергеевка — Погорельский — Саприно, ведя небольшие бои съ противникомъ и не давая ему продвигаться вперед. Относительно крупнымъ былъ бой 27-го августа, когда Гв. Казачья бригада, имея влево отъ себя стрѣлковую Донскую бригаду, вела бой къ северу отъ Погорельскаго со значительно превосходящимъ въ силахъ, перешедшимъ въ наступление противникомъ.

Отлично работали по красной конницѣ пулеметы подесаула Туркина, огнемъ коней было перебито много людей и лошадей, причемъ первой деной была начисто срѣзана группа красныхъ начальниковъ и ихъ ординарцевъ.

Небольшой, но характерный эпизодъ этого боя приводитъ записка урядника Колбасина: «...Красная пѣхота густыми цѣпами спускается къ Погорельскому. Увлечшись стрѣлкой, нашъ пулеметъ, не замѣтивъ, какъ отошла наша пѣхота и съ ней пулеметная двуколка. По насъ сосредотачивается близкій огонь красныхъ. Первому номеру, казаку Рябичеву пуля перебиваетъ позвоночникъ, у него совершенно не шевелятся ноги. Второму номеру, молодому казаку Самофалову, пуля вошла въ глазъ и вышла за ухомъ; почему-то не было большого выходного отверстия. Мальчикъ проявить страшно большое мужество и окончательно отказался оставить пулеметъ.

Стали сниматься. Приказный Скаржинцевъ взялъ Рябичева на плечи, а я ткнулъ пулеметъ и 4 коробки съ лентами, связавъ все кожанымъ поясомъ. Самофаловъ несъ одной рукой коробку съ лентами, а другой рукой зажималъ рану за ухомъ.

Уставъ съ тяжестью, снова залегли. Пострѣлявъ, стали вновь сниматься. Тутъ за блѣдой радостью, видимъ, возвращается намъ навстрѣчу наша пѣхота — подесаулъ Моргуновъ, узнавъ, что оставленъ пулеметъ, повернулъ свою сотню обратно.

Варусъ залпъ — пули проскрежетали изъ головами, второй залпъ — пули прямо подъ ногами. Стали кричать и махать. Оказалось, ускокавшая

последней наша двуколка сказала, что колбасинский пулемет забрали красные, и наша пехота, стремясь его отбить, приняла нас за красных.

Подходящую пехоту обгоняет скачущий верхом нач. пул. команды подбесауль Туркин и еще издали нам кричит: «Не повѣрьте, не повѣрьте!» Оказалось, что когда начальнику команды сообщили о гибели нашего пулемета, он не повѣрил и, сѣвъ на коня, поскакал къ измѣ...

Въ результатѣ боя деревня Сергѣевка и хуторъ Погорѣльскій остались за нами.

Къ тому времени общая обстановка на фронтѣ III-го Донского корпуса вновь рѣзко измѣнилась, уже на этотъ разъ въ пользу Донской Арміи.

По началу наступление красной ударной группы генерал-лейтенанта Селивачева развивалось удачно для послѣдняго. Малочисленные 2-я и 8-я Донскія дивизіи, составлявшія лѣвый флангъ III-го корпуса, съ боемъ осадили сильно назадъ, и лѣвый флангъ Донской Арміи повисъ въ воздухѣ. Красные оказались въ одномъ переходѣ отъ Харькова и заняли Купянскъ, отдѣливъ Добровольческую Армію отъ Донской и забивъ клинъ шириною въ основаніи около 200 верстъ и высотой, у Купянска, въ 120 верстъ. Директивой красного командованія отъ 13-го августа Селивачеву приказывалось взять Харьковъ и Евстратовку (лежащую на линіи жел. дороги Лиски — Новочеркасскъ). (Егоровъ, стр. 138).

Въ то же время Командованіе Юга Россіи рѣшило срѣзать красный клинъ въ его основаніи ударами съ востока и съ запада.

Первымъ бросился генералъ Гусельниковъ съ пѣшей ударной группой III-го Донского корпуса. 13-го августа онъ прорвалъ фронтъ противника, а 14-го занялъ станцію Бирючь, перерѣзавъ жел. дор. Купянскъ — Лиски. Будучи обойденъ съ тыла, генералъ Гусельниковъ былъ вынужденъ отойти въ районъ Марьевки — Шемякино, откуда новыми боями сталъ тѣснить противника на сѣверъ.

Большой результатъ дала фланговая атака съ запада Кубано-Терскаго коннаго корпуса генерала Шкуро, усиленнаго некоторыми Кубанскими частями и 3½ батальонами Марковцевъ, Корниловцевъ и Самурцевъ.

Корпусъ Шкуро 15-го августа у Корочи разбилъ 3-ю и 42-ю совѣтскія дивизіи, между 15 и 20-мъ августа у Волчанска разбилъ крупныя силы, угрожавшія Харькову, 21-го августа разбилъ 12-ю совѣтскую дивизію съ крупной группой противника южнѣ Н. Оскола и у Грушевки-Александровки, и двинулся далѣе въ направленіи на Бирючь, гоня потрепанныя дивизіи.

Надвинуть своими лѣвыми флангами и III-й Донской корпусъ, причемъ особенную активность проявляли 7-я пластунская бригада и группа генерала Гусельникова, действуя восточнѣ жел. дор. Валуйки — Лиски.

Группа красныхъ Селивачева, получая удары со всѣхъ сторонъ и идя въ тылу конницу генерала Мамонтова, спѣшно стала уводить свои разбитыя дивизіи на югъ и юго-востокъ. Красные уходили, не будучи въ состояніи удержаться на указываемыхъ своимъ командованіемъ рубежахъ, и скоро, съ

114

падением линии И. Осколь — Бирючь, качнулся и левый Селивачевский фланг у Подгорной.

4-го сентября Гв. Казачья бригада перебрасывается к жел. дор. у ст. Подгорной и начинает движение вдоль полотна жел. дор. на Лиски, т.е. часть 33-й советской дивизии.

5-го сентября бригада проходит Подгорную, 6-го предполагалась атака дер. Лобановки, однако, противник боя не принял и Лобановку прошли не задерживаясь. Несмотря на то, что для скорости движения пѣхоты сотни были посажены на повозки, противника догнать не удалось.

7-го сентября Гв. Казачья бригада ночевала в хуторах, на поддорогах от дер. Колибельки к Лискама. Уже с вечера командиром полка полковником Фарафоном было получено приказание утром 8-го занять жел. дор. ст. Лиски и слободу Ново-Покровскую, лежащую на противоположном берегу Дона.

Гв. Казачья бригада должна была наступать правѣ жел. дор., а Донская стрѣлковая бригада лѣве.

8-го сентября с рассветом Гв. Казачья бригада двинулась и к 8-ми часам утра уже была в 3-х верстах от Лисокъ.

Мѣстность, отдѣляющая бригаду от Лисокъ, была относительно ровная и покатая к рѣкѣ, лишь у берега Дона тянулись широкие овраги, в глубинѣ коих лежала сл. Залужное.

Слобода соединялась через Донец со ст. Лискама и слободой Ново-Покровской деревянным, хорошо видимым мостомъ.

Хорошо были видны ст. Лиски и жел.-дор. пути, буквально забитые шелонами вагоновъ. Противника нигдѣ не было видно, и, казалось, они очистили Лиски, какъ очищали безъ боя и всѣ пройденные бригадой за послѣдніе три дня пункты.

Вѣдь отъ желѣзной дороги, гдѣ должна была разворачиваться стрѣлковая Донская бригада, царил полная тишина. Видимо, и тамъ противника не было.

Очередь наступать была Лейбъ-Казакамъ. Атаманы шли в поддержку.

Командир полка подошелъ къ командовавшему в тотъ день пѣхоты сотням полковнику Подѣву: «Ну-ка, Константинъ Ростиславовичъ, рассыпай пѣхоту и вали прямо на мостъ».

Быстро рассыпалась 5-я пѣхотная сотня подѣс. Моргунова в направлении на мостъ, а правѣ — 2-я сотня подѣс. Евфимьева. Еще правѣ, на уступѣ назадъ, построила лаву конная сотня Атаманцевъ.

Сотни накануне получили крупное пополнение, приведенное изъ 1-го запасного полка хор. Л. Анисенковымъ, и имѣли 180 штыковъ каждая, настроеніе было поэтому приподнятое и увѣренное, и наступление быстро развивалось.

Впереді ясно обозначалась длинная линия свѣжих окоповъ, казавшихся пустыми.

Вотъ пѣхоты пошла на 800 шаговъ.

Окопы противника ожили частым ружейным и пулеметным огнем. Одновременно открыла огонь расположенная по ту сторону Дона артиллерия красных.

Сотни рванулись вперед. Быстро стали расти потери, и Лейбь-Казачьи роты, дошедшие на 200-300 шагов, залегли. Было ясно, что без поддержки нашей артиллерии противника не выбить. Наши батареи отстали, и полковник Фарафонов послал поторопить выдвижение их вперед.

Подошли 1-я и 2-я батареи, из коих 1-я, полковника Афанасьева, недавно была перевооружена новыми английскими орудиями и имела достаточный запас снарядов.

Первой же очередью полковник Афанасьев сбил пулеметный взвод противника, мешавший продвижению 5-й сотни, причем красные стали здесь выбегать из окопов назад. Видя это, хорунжий Иловайский бросился со своим взводом в штыки, но упал, простреленный в грудь навзлет, и взвод залег.

Большая потеря понесла и 2-я сотня, где был убит хорунжий Анисенков.

Там же, подбодренная огнем своих двух батарей, вызвавших явное замешательство у противника (были видны четыре больших взрыва в Лисках, очевидно, уничтожаемых красными складами снарядов), сотни готовились к атаке, когда пришло приказание остановить наступление и окопаться до смены стрелковой бригадой. Смена состоялась вечером.

Выяснилось, что 1-я дивизия получила еще накануне новую боевую задачу и должна была спешно перейти в район гор. Павловска.

Приказание ошибочно не дошло своевременно до штаба 1-й дивизии, но дошло до соседей, почему Лейбь-Казачьи роты и наступали в одиночество.

За начатую и неоконченную атаку Лисок Лейбь-Казачьи роты потеряли:

офицеров:

убитыми — хорунжий Анисенков.

тяжело раненым — хорунжий Иловайский (скончался в лазарете полка в Ростове).

легко раненым — подесауль Моргунов.

казаков:

убитыми — 30.

ранеными — 97.

Особенно велики были потери 5-й сотни, где выбили пахмистра, подхорунжий Бондартуков и все взводные урядники, а также и в пулеметной команде, где полностью выбита прислуга двух пулеметов.

Вообще, бои III-го Донского корпуса под Лисками в начале сентября были неудачны.

6-го сентября Селивачев приказал (Егоров, стр. 125) 15-ой, 13-ой, 33-ой и 31-ой советским дивизиям (последняя вернулась из скитаний за Мамонтовыми) отойти на левый берег Дона, переправляясь у Коротояка и Лисок.

Таким образом, на коротком отрезке Дона, у Коротояка и Лисока, было сосредоточено 4 советских дивизий.

Принимая во внимание истощенность этих дивизий (кроме 33-й), наступление Донцов на Лиски, казалось, должно было увенчаться успехом, если бы удары групп были бы согласованы и были бы направлены не только в дубь расположенной за естественной преградой (р. Дон) позиций противника. К сожалению, атаки частей III-го и IV-го корпусов были не согласованы по времени и связь между соседними частями отсутствовала.

В результате — большие потери, при попытке взять Лиски лобовой атакой, понесла группа доблестного генерала Гусельникова, где выбыли весь старший командный состав, во главе с самим генералом Гусельниковым, начальниками штабов, командирами бригад, и несколько командиров полков. (Справка: «Операт. Донской Армии, № 013386»).

Большие потери понес и IV-й Донской корпус, в целях занятия Лисок, было перешедший через Дон у Копанице (восточнее Коротояка).

Здесь за ранение выбыли командир бригады генерал Татарский, несколько командиров полков, командиры всех батарей, в одной из которых была перебита вся прислуга.

IV-й корпус, правда, по признанию красных, уничтожил бригаду противника, но сам понес потерю до трети состава. (Справка: Оперативная Донской Армии от 9-го сентября).

Однако, то были последние судороги почти что добитой VIII-й советской армии, отбивавшейся у Лисок своими последними кадрами.

В большевистской официальной сводке первых чисел сентября говорилось:

«Безпрерывные бои, продолжавшиеся 2 недели, привели VIII-ю армию к полному разстройству в смысле потери тыловых учреждений и больших потерь в дивизиях.

12-я и 13-я дивизии, имея по 500 штыков каждая, в настоящее время небоеспособны.

15-я дивизия, имея 7-го сентября 1.700 штыков, в бою 8-го сентября потеряла батарею и целиком 2 полка.

16-я дивизия имеет только одну бригаду из двух потрепанных полков.

33-я дивизия ежедневно в боях несет большие потери, а к 2-му сентября имела до 4.000 штыков.

31-я дивизия совершенно деморализована, частью разбжалась, частью обезоружена...

(Справка: Какурин: «Как сражалась революция», стр. 310, т. II).

То была та самая VIII-я армия, кою еще 2-го августа, месяц назад, насчитывала в своем составе 27½ тыс. штыков и сабель... (Справка: Егоров, стр. 112).

В следующей XII-й главе мы увидим, что участь группы Селивачева разделила и главная ударная группа Шорина, и генеральное наступление красных полчищ, для выполнения августовского плана «удара по Дону и Кубани, как по источникам живой силы Армии Юга России» («Гражданская война», том III, стр. 259) было полностью ликвидировано.

Интересно привести заключение советского военного министра Троцкого и командарма, Генерального Штаба полковника Егорова (искорь принявшего командование Южным фронтом) о причинах большевистской неудачи:

...«Мы, — говорит Троцкий (в своем труде, стр. 301, том II, книга I) — пошли по линии наибольшего сопротивления, по местам, сплошь населенным казачеством, которое оборонило свои очаги в атмосфере народной войны»...

...«Вместо того, чтобы развивать главный удар... по линии Харьков — Бердянск, Харьков — Таганрог, обещавший наибольший успех с наименьшей затратой сил»...

То же говорит и Егоров (стр. 129, 130 и 232 его труда).

...«Действия Южного фронта закончились катастрофической неудачей... План наступления ни в какой мере не отвечал обстановке на Южном фронте — ни в отношении политическом, ни географическом, ни в стратегическом... Вместо того, чтобы оставить против Донской Армии, не имевшей желаний выходить за пределы своей области, но сильной и активной в обороне, слабые заслоны, сосредоточив максимум сил против Добровольческой Армии, мы располагаем сильнейшую наступательную группировку против Донской Армии, а слабейшую против Добровольцев. За это жесточайшим образом и платимся»...

...«Мы грудуно шли на Донь, увеличивая с каждым шагом казачий барьер передь собою»...

В заключение скажем несколько слов об общих условиях существования на фронте Вооруженных Сил Юга России, в коих Лейб-Гвардии Казачий полк боролся.

Концы июля и август прошли в тяжелых фронтальных боях с сильнейшим (и количественно, и технически) противником. Лейб-Казачи неизменно выполняли боевые задачи, почему почти не бывало боев 1-й линии, когда полк, даже будучи в резерве, не вызвался бы вперед. Потери полка были велики.

Кроме потерь от огня, безжалостно косить ряды свирепствовавший кругом сыпной тиф. По условиям непрерывных боев и переходов, никаких предохранительных мер принять нельзя было. Не только не приходилось мечтать о стирке белья горячей водой, но и в самом белье, как и в обмундировании, чувствовался острый недостаток.

Донь дал крайнее напряжение и 19-го августа объявил общую мобилизацию всего своего казачьего населения. Полк ружьем, вместе с ранье

призванными, стали 28-летних. Рядомъ съ сѣлымъ дѣдомъ за винтовку взялся и малолѣтній внукъ.

Полки 1-й дивизіи пополнялись молодыми, еще не обучавшимися казачатами 20-го и 21-го годовъ призыва. Первоначально ихъ ускоренно обучали въ Персиановскихъ полковыхъ командахъ, о конхъ говорилось выше. Команды эти имѣли импровизированный характеръ, почему, въ концѣ августа, Донское Войско, для обученія молодыхъ казаковъ, сформировало три постоянныхъ запасныхъ полка.

Командиромъ 1-го Донского запаснаго коннаго полка, обслуживавшаго 1-ю дивизію и поставленнаго въ Ростовѣ, былъ назначенъ Лейбъ-Казакъ полковникъ Н. В. Номикосовъ. Командиромъ 1-ой сотни, готовившей пополненіе для Лейбъ-Казачьяго полка, былъ назначенъ Лейбъ-Казакъ есаулъ В. П. Андриановъ. Младшіе офицеры и урядники сотни были Лейбъ-Казакъ, оправлявшіеся отъ раненій и тифа въ Ростовскомъ полковомъ лазаретѣ.

Несмотря на относительно большое количество пополненій, вліявшихъ за разбираемый періодъ въ ряды полка, съ трудомъ поддерживался скромный боевой составъ, въ 2 пѣшихъ и одну или полторы конныхъ сотни, при пулеметной командѣ, что давало средней боевой составъ въ 400-450 штыковъ и шашекъ, при 8 пулеметахъ.

Въ полку чувствовался сильный недостатокъ въ урядникахъ.

Свою огромную недостачу въ офицерскомъ составѣ *) Донское Войско покрывало широкимъ производствомъ въ офицеры отличившихся въ бою урядниковъ, что въ свою очередь вызывало недостатокъ въ послѣднихъ **).

Недостатокъ въ урядникахъ особенно остро давалъ себя знать въ казачьей пѣхотѣ, ибо боевое управленіе современнымъ разсыпнымъ строемъ зиждется на управленіи рамкою начальниковъ надъ взводами, отдѣленіями и звеньями.

Недостатокъ подготовленныхъ низшихъ начальниковъ велъ къ затрудненію управляемости пѣши и, слѣдовательно, къ соответствующему сильному пониженію ея боевыхъ качествъ.

Вопросъ обмундированія, какъ и вопросъ обуви, стоялъ остро: несмотря на наступившіе холода, не было не только теплыхъ вещей, но часть людей не имѣла даже шинелей.

Къ сыпнотифознымъ заболѣваніямъ прибавились простудныя, а съ холодами появились и обмороженные казаки.

*) Нельзя не отмѣтить, что просьбы Донскаго Командованія о командированіи офицеровъ изъ состава Добровольческой Арміи, гдѣ офицеры за отсутствіемъ вакансій несли службу рядовыхъ, не исполнялись.

Такъ, 21 сентября генералъ Сидоринъ отмѣчалъ въ своемъ донесеніи НР 0453/К генералу Леникину: «Донская Армія не снабжалась совершенно техническими средствами, чувствуетъ недостатокъ въ боевыхъ припасахъ, кои начали поступать лишь въ послѣднее время, и испытываетъ громадный недостатокъ въ офицерахъ, въ пополненіи коего Вами отказано».

Англия доставила не имевшему своего сукна Югу России 250 тысяч комплектов обмундирования. Это количество, принимая во внимание число мобилизованных, как и потери убитыми, ранеными и тифозными, конечно, являлось недостаточным.

Кроме того, доставленное Англией обмундирование поступало на фронт крайне скупо: требования Донских частей на обмундирование сь представлениями соответствующих ведомостей и цифровых данных, шли в Донское Интенданство, коим передавались в Добровольческое, а не непосредственно англичанам.

Создавались таким образом лишняя контрольная инстанция (при томъ при сомнительности вообще действительности какого бы то ни было контроля в условиях гражданской войны) и лишняя проволочка времени.

Повидимому, имела место и намеренная затяжка выдать интенданством, ввиду ограниченности общего запаса обмундирования желавшим растянуть его на возможно более долгий срок. Это предположение подтверждается фактами сожжения в конце 19-го года в покидаемых больших центрах, как Новороссийск, Ростов, Екатеринодар, а позане и Новороссийск, громадных складов неролданного обмундирования.

Вопрос питания разрешался благополучно: благодаря разреженности фронта можно было покупать необходимое на месте, если же не хватало местных средств, то покупки производились в ближайшем тылу.

При дивизии имелось дивизионное интенданство.

Дивизионный интендантъ дѣлалъ что могъ, однако, возможности его были весьма ограничены неудовлетворительной работой тылового интенданства и слабостью железнодорожного транспорта.

Тыловое интенданство не составляло исключения изъ числа прочих учреждений тыла Гражданской войны, перегруженных личным составом, а потому развивавших тормозящую работу канцеляршину.

Железнодорожный транспортъ работалъ слабо, ибо сказывался недостатокъ вагоновъ и забитость путей. Да и какъ могли они не быть забитыми, если кроме опытных и, какъ общее правило, добросовѣстно работавшихъ железнодорожниковъ, на путяхъ командовалъ и распоряжался рядъ лицъ, отъ комендантовъ до командировъ бронепоездовъ и начальниковъ «базъ» *), имѣвшихъ слабое представление о железнодорожномъ дѣлѣ.

Дивизионный интендантъ доставлялъ все добытое имъ отъ казны по железной дорогѣ на базу, съ коею обозъ II-го разряда держалъ постоянную связь. Въ случаѣ недостатка въ противоставленіи обозомъ II-го разряда заку-

*) Каждый улаживающій себя начальникъ бронепоезда имѣлъ за собою 2-3 б. т. представлявшія собою солидное количество товарныхъ вагоновъ, съ нѣрѣдко прицепленнымъ паровозомъ, поровнище стать обязательно на жел.дор. узлахъ.

Были и базы, носившія анекдотическій характеръ: полковникъ Добрининъ, вѣ-

117

палось мясо, фуражъ, даже выпекался хлѣбъ, и все доставлялось въ свои полки.

На обозъ II-го разряда дожились не только перевозка и доставка запасовъ, но и восполнение всѣхъ пробѣловъ скверной работы тыла.

Такъ, — за ненадежностью, а часто и за отсутствіемъ тыловыхъ этаповъ, эвакуация раненныхъ шла на свой полковой обозъ, который озабачивался дальнейшей эвакуаціей.

Такъ, — за удаленностью госпиталей, раненые и больные люди лечились въ составѣ особыхъ командъ при обозѣ.

Такъ, — за сквернымъ состояніемъ обуви, при недостаточной работѣ интендантскихъ и тыловыхъ починочныхъ мастерскихъ, образовывались полковые починочныя мастерскія при обозѣ.

Такъ, за неполученіемъ лошадей въ должномъ количествѣ 1-ой дивизіей и за необходимостью дорожить каждой лошадыю, легко раненныя лошади задерживались для леченія въ обозѣ. (Лишь лошади, нуждавшіяся въ продолжительномъ леченіи, направлялись въ полковую ветеринарную лазаретъ, въ виду удаленности Ростова и фуражныхъ трудностей тамъ, переведенный ближе къ фронту, въ районъ, гдѣ у полка имѣлись свои заготовки фуража).

Обычно пополненія, направленные въ полкъ изъ тыла, шли черезъ обозъ II-го разряда. Въ началѣ августа полку было предложено взять около 250 мобилизованныхъ крестьянъ-хохловъ Воронежской губерніи. Полкъ не отказался, свелъ ихъ при обозѣ II-го разряда въ команды при 2-3 офицерахъ, гдѣ люди были подлущены и постепенно, партіями отъ 50 до 100 человекъ, влиты въ пѣшія сотни. (Поступивъ въ твердые кадры полка, крестьяне эти, не желая отставать отъ казаковъ, хорошо дрались съ красными).

Многообразіе функций обоза II-го разряда вело къ его «распуханію».

Вообще громоздкость обозовъ и ихъ «распуханіе» были большимъ зломъ Гражданской войны, и при исчисленіи силъ борющихся сторонъ и боевыхъ составовъ, наследователи часто впадаютъ въ крупныя ошибки, не учитывая этой стороны общей обстановки Гражданской войны.

Помимо указанной основной причины «распуханія» обозовъ, часто дѣй-

своей работѣ «Борьба съ большевизмомъ на Югѣ Россіи», приводитъ случай, когда при разгрузкѣ станціи Заѣрево была обнаружена «автобазъ» въ 22 вагона одного изъ Донскихъ корпусовъ, не имѣвшего ни одного автомобиля.

При юльскомъ прорывѣ краснаго фронта IV Донскимъ корпусомъ генерала Мамонтова, вся громада обозовъ частей этого корпуса, естественно до начала операціи, была оставлена и отправлена въ тыловой районъ Донцакаго округа.

Корпусъ генерала Мамонтова вернулся изъ рейда, обзаведясь новымъ обозомъ, прежній же продолжалъ оставаться чуть ли не до ноябрьскаго наступленія красныхъ въ глубокомъ тылу, благодушно предоставляя вихрю событій, потрясавшихъ всю Россію, нестись мимо.

Въ томъ же трудѣ полковника Добрынина приводится и другой случай извлеченія генераломъ Мамонтовымъ (при отходѣ отъ Сватова) изъ состава обозовъ 4-го корпуса до 4.000 бойцовъ.

ствожала и другая, заключающаяся въ стремленіи людей, истомленныхъ жестокой обстановкой гражданской войны, хоть неинного передохнуть въ своемъ ближайшемъ тѣлу.

Въ 1-ой Донской конной дивизіи, благодаря строгому внутреннему порядку, влияние послѣдней причины было доведено до минимума. Всеми обозами частей дивизіи командовали одинъ изъ старшихъ строевыхъ штабъ-офицеровъ, ведшіи строгій учетъ поступающихъ изъ полковъ людей и лошадей.

Безъ разрѣшенія этого штабъ-офицера *) не могла быть занята ни одна обывательская подвода.

Тѣмъ не менѣе, и обозъ 1-го дивизіи въ августѣ, благодаря большимъ потерямъ ранеными и большой заболѣваемости людей, сильно увеличился, и было время, когда въ составѣ его находилось болѣе 1.200 человекъ (т. е. средней боевой составъ того времени 3-хъ полковъ дивизіи), а количество лошадей значительно превышало число ихъ въ строю.

Начальнику дивизіи генералъ Абрамовъ командировалъ полковника Фарафонова для детальной проверки и отбора всего возможнаго въ строй.

Изъ сохранившагося въ дѣлахъ полка рапорта полковника Фарафонова видно, что въ день проверки въ обозѣ II го разряда Лейбъ-Гвардіи Казачьяго полка состояло:

лошадей:			
раненыхъ и больныхъ	1-й сотни		111
>	>	3-й сотни	87
>	>	6-й сотни	73
>	>	пул. кды	41
Итого			312
обозныхъ (верхов. и упряжн.)			32
			<hr/>
Всего			344

людей:		
легкораненыхъ, больныхъ и уборщиковъ	изъ расчета 1 на 3 лош.	156
санитаровъ	(они же церк. пѣвчіе)	14
фельдшеровъ	(медич. и ветер.)	5
кузнецовъ		16
обозныхъ казаковъ		17
писарь и два урядника-пріемники, зав. хозяйствомъ		3
Итого людей		211

Къ большой чести Лейбъ-Казачьяго полка, этой ревизіей въ составѣ обоза полка не обнаружено людей и лошадей, не подлежащихъ тамъ находившихся и годныхъ для строя.

*) Одновременно этотъ штабъ-офицеръ заведывалъ всемъ снабженіемъ своего полка. Въ Л. Гв. Каз. полку эту должность послѣдовательно занимали полк. Овринъ, в. с. Шенетовскій, в. с. Дубенцевъ и полк. Воронинъ.

118

Изложенная организация питания, снабжения и пополнения имела недостатком некоторую сложность и вызвала большой расход людей. Однако, необходимость такой организации вызывалась плохой работой тыла Гражданской войны, вынуждавшего части самостоятельно заботиться об удовлетворении своих острых нужд. Отметим, попутно, что именно эта форма работы частей 1-й дивизии обусловила в 1919 году полное отсутствие в 1-й дивизии практики «самоснабжения» или, проще говоря, разъяравшего многих других части на фронте воровства и грабежа у населения. (Обычно первоначальной причиной практики «самоснабжения» являлось неудовлетворение людей необходимыми и полагающимися предметами довольствия).

Скажем несколько слов о вооружении, снабжении боевыми припасами и техническими средствами борьбы.

Главным оружием являлась трехлинейная винтовка со штыком и станковый пулемет Максима.

Недостатка в винтовках не было. В случаях порчи они легко замещались из числа имевшихся отобранных у красных трофеев.

В конце 1919 года появилось некоторое количество изготовленных в Англи русских новых трехлинейных винтовок, отлично бьющих и имевших прицел с дюралем. В следующем году, в Крыму, этими винтовками была перевооружена весь полк.

Хуже обстояло дело с пулеметами. Первые полученные полком, из артиллерийского склада в Новочеркасске были запущены и разболтаны. При проверке их стрельбой, бывший начальник полковой пулеметной команды мирного времени, отличный стрелок, хорошо владевший пулеметом, полковник Поздеев не мог выбить в минимальной отдачи.

С выходом полка на фронт казенные пулеметы постепенно замещались взятыми у большевиков с боя трофейными.

Однако и красные пулеметы были не лучше: так, в бою 23 марта у Успенки, при проверке их лично полковником Поздеевым, половина пулеметов не подавала ленты, что приходилось делать третьему номеру. Стреляя по противнику, полк Поздеев не мог добиться должного результата, ибо вероятность попадания отсутствовала.

Надлежит попутно заметить, что боевая стрельба была слаба и по другой причине: казаки призыва 18-х и 19-х годов прошли очень малый курс стрельбы, ибо на их учебную стрельбу было отпущено очень мало патронов.

В дальнейшем, по мере выбытия из ранений и болезнями казаков 18 и 19 годов и их замены почти необученными молодыми казаками 20 и 21 годов, дело стрельбы еще более понизилось.

Как общее правило, противнику на дистанции 1.500-2.000 шагов поражения не наносилось, а между тем огонь на этой дистанции уже должен был быть действительным.

Выручало то, что красные стреляли еще хуже. Однако там, где полк встречался с хорошими частями, как, например, с Богучарским полком (из состава 40-й советской дивизии), состоявшим из отличных

солдаты 13, 14 и 15 годов, а также 33-я советской дивизии, переформированной из Таманской армии (остатки I, II и III Кавказских корпусов), полк нес большие потери от огня, при невозможности отступить тем же, ибо воевать почти стрельба не обученными малолетками.

Починка пулеметов производилась на фронте за тылами из числа захваченных трофейных. Как исключение — отправляли в обоз II-го разряда, где находился оружейный мастер.

После отступления из Ростова, в январе 1920 года, полк получил 6 пулеметов Веккера под английской патрон, а также ручные пулеметы Льюиса под английской же патрон. Пулеметы были новые или же исправленные, но в очень хорошем состоянии и были прекрасно.

С такими пулеметами можно было делать чудеса и под Новороссийском они себя хорошо показали.

Если бы полк с самого начала Гражданской войны был снабжен новыми станковыми и новыми ручными пулеметами, то это бы сэкономило до 50 процентов из понесенных потерь, а кроме того многие бои приняли бы совсем другой оборот.

Питание патронами производилось из огнескладов тыла. Доставка их на фронт хромала и бывали случаи когда выручали запасы патронов, взятых с боя у красных.

Хуже обстояло дело с артиллерийскими снарядами, в коих две полковые батареи (тяжелой артиллерии при дивизии не было) весьма часто испытывали недостаток.

Что касается технических средств, то ими 1-ая дивизия вообще не снабжалась. Лишь в боях февраля дивизии сопутствовали старенький, отобранный у красных, броневичек, в состоянии близком к полной негодности.

Танки и аэропланы 1-я Донская дивизия видела лишь на фотографиях.

Примитивны были средства связи: телефонная связь благодаря отсутствию аппаратов поддерживалась лишь со штабом дивизии. Поэтому, как общее правило, должной связи наступающей пехоты со своей артиллерией не существовало: батарея стреляла по целям, ею самостоятельно выбираемым (обычно по принципу выгоды для попадания). Мгновенно продвижению цели вперед пулеметы противника часто сбивались залповой ручной стрельбой, за отсутствием возможности сообщить об их местонахождении на батарею.

В августе, согласно приказу Донского Атамана, в Ставку генерала Деникина была командирована сотня казаков от Лейб-Гвардии Кавказского и Лейб-Гвардии Атаманского полков, по 60 казаков от каждого, при командире сотни Лейб-Казак есаул Рыковском и младших офицерах Лейб-Казак сотник Лихош и двух от Лейб-Гвардии Атаманского полка.

119

Период июля и августа по 8-ое сентября, проведенный в боях с 40-й и 33-й советскими дивизиями, был исключительно велик потерями:

Дата	Место боя	Офицеры			Казачи				Лошади		
		уб.	..	сын- тифь	уб.	ран.	сын- тифь	безъ вѣсти проп.	уб.	ран.	чесот. и подб.
июля											
19	Бутураниовка		1		1	4			1	4	
20	Вел. Архангельское		6		12	96			25	69	
22	Вел. Архангельское		1		3	20		3	11	31	
23	Чуаокь					1				1	
26-29	р. Битюгъ				1	4			1	11	
августа											
9	Андреевка				6	28				3	
10	Андреевка	1			14	30		30	1	10	
11	Морозовка	2	3		8	32			8	35	
12-15	Спички, развѣдка				1	4				4	
17	Сергѣевка				1	4				1	
19	Сергѣевка		1		8	43				2	
по 3 сент.	— развѣдка					4				2	
8 сент.	— Атака Лисокь	2	1		30	97					
ИТОГЪ съ 18 июля по 9 сентября											
		5	13	6	85	367	385	33	47	173	139

ГЛАВА XII.

КРУШЕНИЕ «МОСКОВСКОЙ ДИРЕКТИВЫ» И ЗИМНЯЯ НЕУДАЧА 1919 Г. ФРОНТА ОРУЖЕННЫХ СИЛ ЮГА РОССИИ.

Общая боевая обстановка сентября 1919 года. — Продвижение Добровольческой Армии вперед и признаки внутреннего ее неблагополучия. (Недостатки снабжения, Отношения Добр. Армии с крестьянством и с казачеством. Начало разложения Кубанских частей). Бой Гвардейской Казачьей бригады у дер. Бабы и г. Павловска. — Переход в Талу и Калитву. — Сентябрьское наступление Донской Армии и действий III Донского корпуса и 1-й Донской дивизии, наступавшей оть Мамона на Таловую и Ед. Колбю. — Бои Лейбь-Казаконъ у Гиндуши, Журавли, Семеновки, Бутурлиновки, Макогонова и Колодзевы. — Бой октября у Таловой, Александровскаго поселка, Нов. Чиглы, станции Чиглы, Барючинскаго поселка. — Общие условия зимней борьбы с красными на фронтѣ III Донского корпуса. — Разстройство снабжения фронта и дезорганизация бѣлага тыла. — Работа красного тыла. — Общий переход красныхъ в наступление. — Бои Лейбь-Казаконъ подь Богучаромъ. — Общий отходъ на Кубань. — Потери Лейбь-Казаконъ за осень и зиму 1919 года.

ПРИЛОЖЕНИЯ: А) Измѣненія въ списочномъ офицерскомъ составѣ полка за 1919 г.
Б) Донское дворянство въ борьбѣ съ большевизмомъ.
В) Заключение Нач. 1-ой Донской Конной дивизии ген. Дьякова о действияхъ въ 1919 году Лейбь-Гвардии Казачьяго полка.

Одновременно съ ударомъ советскихъ армій Селивачева, 1-го августа перешла въ наступление противъ Кавказской Кубанской Армии Врангеля и 1-го и II-го Донскихъ корпусовъ пятидесятитысячная, усиленная пополнениями съ Восточнаго фронта, группа IX и X-ой сов. армій бывшего полковника Ген. Штаба Шерина.

Въ тяжелыхъ непрерывныхъ бояхъ съ сильнѣйшимъ противникомъ генералъ Врангель отдалъ Камышинъ и 23-го августа отошелъ къ Царицыну. Здѣсь начались особенно жестокие бои, въ коихъ генералъ Врангель, введя въ бой послѣдніе резервы, широко пользуясь Кубанской конницей и боевой помощью сосѣдняго I-го Донского корпуса, нанесть противнику поражение и отбросилъ его, сохранивъ за собою Царицынъ.

При этомъ, съ 23 до 27-го августа, Кавказской Армией было взято 18 тысячъ пѣхотныхъ, 31 орудіе и 160 пулеметовъ.

Одновременно тяжкіе бои велъ и II-й Донской корпусъ, гдѣ противникъ,

пользуясь оттяжкой I-го Донского корпуса к флангу генерала Врангеля, заставил 4-го сентября Донцов отойти за Хоперь и Донь.

Совершив перегруппировку, I и II-й Донские корпуса перешли в наступление и к 9-му сентября отбросили противника за Хоперь, захватив 15.000 пленных, 11 орудий и 70 пулеметов.

Однако, новое контр-наступление противника 14-го сентября вынудило II-й Донской корпус снова отойти за Донь, после чего Шоринь вновь сосредоточил свои усилия против Армии генерала Врангеля.

Последний, после 9-дневного ожесточеннейшего боя, контр-атакой окончательно разбил главную массу войск Шорина и отбросил ее на 70 верст к северу от Царицына.

Удар группы Шорина был окончательно этим ликвидирован.

Как и группа Селивачева, группа Шорина понесла громадные потери. Однако, большие потери понесли и Донцы с Кубанцами.

В прошлой главе уже говорилось о больших потерях III и IV-го корпусов у Корояка и Лисок. Численность IV-го Донского корпуса опустилась до 2.000 шаек, что являлось особенно печальным, ибо этот конный корпус являлся как бы подвижным резервом всего Донского фронта.

Крупные потери понесли и I и II-й Донские корпуса.

Уменьшилась сильно численность и Кавказской Армии Врангеля.

Как будто блестяще было положение дель на фронт Добровольцев.

Пользуясь тем, что главный удар августа был направлен против Донской и Кавказской Армий, Добровольческая Армия с боями быстро продвигалась на запад, пополняясь и разворачиваясь за счет местного населения и взятых в плен красноармейцев.

17-го августа была взята Киевь, 19-го августа Одесса, и, таким образом, двухмесячным продвижением освобожден весь Юг России. Только теперь Добровольческая Армия, по исполнению Московской директивы, двинулась на север.

7-го сентября была взята Курскь, а 30-го сентября — Орель.

Однако, одновременно с продвижением Добр. Армии вперед, проявились и признаки неблагополучия.

Первым сказалось последствие быстрого продвижения без прочно организованного тыла: части Добровольческой Армии, не получая необходимого им снабжения, принуждены были самостоятельно заботиться о себе.

Практика «самоснабжения», при невозможности контроля, перешла в злоупотребления, кои губительно отразились на морали войск, а также на отношении к ним населения.

Далѣе сказалося вліяніе, не отвѣчающаго обстановкѣ земельного законодательства В. С. Ю. Р., встрѣченнаго крестьянствомъ враждебно.

По смыслу этого законодательства, крестьяне лишились поавшей въ ихъ руки революціоннымъ порядкомъ земли, такъ какъ было неизвѣстно — кѣмъ, когда и за какую плату (и какихъ именно участковъ) будетъ производиться отчужденіе въ ихъ пользу.

Особенно враждебно было встрѣчено установленіе уплаты за текущій урожай, въ размѣрѣ трети сбора хлѣбовъ (3-й снопы) и половины травъ (Впослѣдствіи указанныя нормы выплаты были уменьшены, что, впрочемъ, дѣла не поправило).

Расчетъ крестьянина за текущій урожай производился не въ кредитъ черезъ казну, а непосредственно съ владѣльцемъ захваченной земли и, такимъ образомъ, гражданская администрація оказалась втянутой въ враждебныя крестьянству дѣйствія.

Если учесть, что и сама гражданская администрація была такова, что при одной мысли о ея дѣятельности, по опредѣленію праваго дѣятеля Шульгина, «цепенѣлъ разумъ и опускались руки», то и результатъ не могъ не быть печальнымъ: начались крупныя крестьянскія возстанія въ тылу, отвлекавшія, за отсутствіемъ у Командованія В. С. Ю. Р. резервовъ, части съ фронта.

Наблюдалось и массовое уклоненіе населенія отъ мобилизаціи.

Генераль Деникинъ говоритъ, что Добровольческая Армія, расширяя фронтъ на сотни верстъ, становилась не слабѣе, а численно сильнѣе.

Однако это соображеніе подтверждалось въ степени далеко недостаточной, ибо, даже во время максимальнаго продвиженія Добровольческой Арміи къ Орлу, все же большинство войскъ громаднаго района активной борьбы на Южномъ фронтѣ составляли казаки — Донцы и Кубанцы. Это означало, что казачество, несмотря на его громадныя потери 1918-го и первой половины 1919 года, продолжало давать численно много больше, чѣмъ 50-милліонное населеніе освобожденных отъ большевиковъ крестьянскихъ губерній, и, слѣдовательно, продолжало оставаться главной базой борьбы съ большевиками.

Къ сожалѣнію, въ отношеніяхъ Командованія В. С. Ю. Р. къ своей главной базѣ — казачеству — наблюдалось большое неблагополучіе, особенно остро проявлявшееся еще со времени 1-го и 2-го Кубанскихъ походовъ въ отношеніяхъ съ Кубанью.

Чѣмъ дальше на сѣверъ продвигалась Добровольческая Армія, чѣмъ полагало себя Добровольческое Командованіе сильнѣе, тѣмъ болѣе непримиримѣ становилось оно въ отношеніи вопроса о границахъ казачьихъ правъ.

Въ глазахъ же казачества, поскольку за Командованіемъ Добровольческой Арміи не стояло достаточно широкихъ слоевъ русскаго населенія, а главное русскаго крестьянства, Командующій Добровольческой Арміей ге-

неразъ Деникинъ далеко еще не представлялъ собою Россіи, почему въ своихъ пожеланіяхъ казачество предъявляло требованія «съ запросомъ», дабы было впоследствии съ чего сбавлять *). Эта «осторожность» казачества оправдывалась не только отношеніемъ окруженія генерала Деникина, но и общимъ тономъ большинства не-казачьихъ газетъ, пооткрывавшихся въ Ростовѣ и Екатеринодарѣ **), своими безтактными нападками на казачество и отдѣльныхъ его представителей близоруко увеличивавшихъ рознь.

Донское казачество, самостоятельно освободившееся отъ большевиковъ, имѣвшее свою Армію и сохранившее достаточно полную независимость, чувствовало себя сильнымъ, почему и тренія его съ Добровольческимъ Командованіемъ не принимали особо остраго характера.

Иначе обстояло дѣло съ Кубанью, пополнившей своими полками непосредственно Добровольческую Армію, не имѣвшей своей Арміи и поэтому попавшей въ болѣе тѣсную зависимость.

Рознь углублялась и нѣкоторыми особенностями политики Командванія Добровольческой Арміи, подчасъ безъ всякой компенсаціи нарушавшей интересы Кубани***).

*) Эту черту отмѣчаетъ и генералъ Деникинъ (стр. 204, томъ V): «Эта черточка казачьей психологіи весьма своеобразно проявилась на Донскомъ Кругу, гдѣ слышались рѣчи: «Надо настаивать на федераціи, тогда получимъ автономію, не то, говоря объ автономіи, получимъ... генераль-губернатора».

***) Авторы статей не знали, да и не хотѣли знать казачества, его исторіи, его былой свободно-жертвенной роли въ строителствѣ Россійскаго Великодержавія и не скупались на раздражающія казаковъ обвиненія въ «самостійности», въ измѣнѣ Россіи, совершенно необоснованно присваивая себѣ своеобразную монополію на патріотизмъ и чувство государственности.

Они не понимали, что свидѣтельствуютъ лишь объ отсутствіи собственной вѣры въ Россію, которую представляли себѣ только какъ географическое пространство, покрытое искусственно связаннымъ между собой населеніемъ.

Интересно сопоставить отношеніе къ прошлой, настоящей и будущей Россіи, такого крупнаго вѣнца, каковымъ былъ одинъ изъ главныхъ спасителей Германіи, строитель Рейхсвера, генералъ фонъ-Зектъ.

Въ своей книгѣ: «Германія между Западомъ и Востокомъ» изд. 1933 г. фонъ-Зектъ говоритъ, что Россія есть нечто большее, чѣмъ географически замкнутая страна. Она сильна не пространствомъ и не механическими формами сдѣлания ея разнородныхъ частей, а способностью россиянъ переплывать въ одно духовное, притомъ свое, цѣлое, казалось несомѣстимые элементы. Именно такъ нашли приютъ въ широкой русской душѣ монгольская жестокость, кавказская храбрость, нѣмецкое начало порядка и французская одухотворенность.

Фонъ-Зектъ говоритъ о сильномъ подсознательномъ, почти мистическомъ духѣ, живущемъ въ народахъ, населяющихъ Россію, внушающемъ имъ необходимость мыканія къ серединѣ, дабы быть способными къ вѣшнему сопротивленію и не потерять всякаго значенія. Такъ было есть и будетъ, какъ бы говоритъ книга фонъ-Зекта, не вѣрящаго даже въ долговѣчность отдѣленія отъ Россіи балтійскихъ лимитрофовъ.

***). Дабы не быть голословнымъ, укажемъ, что именно такъ обстояло дѣло съ введенной Добровольческой Арміей монополіей на вѣшнюю торговлю, видѣ ре-

Зародившееся еще на первых порах бытия Добр. Армии недовольство Кубани ярко проявилось в подборе членов Рады, из дѣвухъ группировокъ Кубанскаго казачества, особенно отрицательно относившихся къ генералу Деникину и одновременно по своимъ убѣжденіямъ (соц.-рев.) не имѣвшихъ глубокихъ корней въ рядовомъ Кубанскомъ казачествѣ.

Указанныя выше обстоятельства, какъ и позиция генерала Деникина въ казачьихъ вопросахъ, осложнили трудности въ отношеніи необходимого согласованія работы Рады и правленія В. С. Ю. Р. и, попутно неудачный составъ Рады, избранный и работавшій подъ влияніемъ нездороваго духа оппозиціи, ослабилъ до крайности моральную связь этого учрежденія съ низшимъ органомъ казачьяго самоуправления — Кубанскими станицами.

Между тѣмъ въ казачествѣ, именно низшій аппаратъ — станица — давала людей, лошадей и средства борьбы съ большевиками и именно въ немъ лежалъ источникъ казачьей силы, заключавшійся въ сознаніи рядовымъ казачествомъ своего реального и непосредственнаго участія въ устройствѣ судьбы своего края и тѣмъ самымъ своего участія въ государственномъ строительствѣ.

На свои высшіе органы, Кругъ и Раду, казачество смотрѣло, какъ на нужные и необходимые аппараты координаціи работы станицъ и какъ на цѣннѣйшіе залоговъ прочности кровью отвоєванныхъ своихъ исконныхъ правъ.

На глазахъ Кубанской станицы ея же высшій органъ Рада и Добровольческая Армія, которой Кубань, неся большія потери, давала людей и лошадей, вели между собой войну. Ясно, что такое ненормальное положеніе не могло долго продержаться и не привело къ умаленію авторитетовъ, какъ генерала Деникина, такъ и Рады съ Кубанскимъ Атаманомъ. Съ паденіемъ авторитетовъ послѣднихъ, станица, потерявъ вѣру, перестала давать пополненія.

Яркую картину положенія, создавшагося въ концѣ лѣта 1919 года, даетъ генералъ Деникинъ въ своихъ «Очеркахъ Смуты»:

...«Шелъ полный разбродъ въ казачьихъ настроеніяхъ... всѣмъ подъемъ угасалъ...

...Съ фронта началось повальное дезертирство, не пресѣдуемое Кубанской властью».

А къ осени 1919 года, по словамъ тѣхъ же «Очерковъ»:

...«На Царицынскомъ фронтѣ стояла страшно порѣдѣвшая Кавказская (изъ Кубанскихъ частей) Армія... Съ тыла, съ Кубани, къ Арміи не шло уже пополненія — ни казаковъ, ни лошадей»...

прессии на законное по существу желаніе Кубани использовать свой громадный урожай съ наибольшей пользой для края.

Указанная монополія совершенно остановила сбытъ за границу болѣе нежели крупныхъ избытковъ кубанскаго хлѣба, причемъ наряду съ этимъ въ дальнѣйшемъ Управленіе Добровольческой Арміи проявило полную неспособность организовать вывозную орголаво сколько-нибудь съ пользой для общаго дѣла.

Политика войны с Радой привела генерала Деникина в первых числах ноября к вытекающему из этого состояния, а, следовательно, в данном случае логически неизбежному кощунству — применению силы.

Быть арестованым и повешенным за государственную измену член Рады Калабухов, а 12 других членов были высланы за границу.

Применение силы могло, конечно, временно «замирить» Раду, но отнюдь не могло поднять ее авторитета в Кубанских станицах и снова поднять работу последних.

Поднять дух станицы помощью агитационного аппарата Добровольческой Армии, «Освага», конечно, нельзя было, ибо это учреждение своей деятельностью настолько возманило против себя казачество, что и на Дону, и на Кубани поднимался вопрос об удалении осважников из предельно казачьих краев.

Попытка поднять дух станиц, пользуясь авторитетом боевых начальников (Врангель, Шкуро, Улагай) являлась покушением с неотвратимыми цели средствами и успеха не имела.

Основная задача, заключавшаяся в разрешении вопроса о пополнении людьми и лошадьми кубанских фронтовых частей, осталась таким образом неразрешенной.

Дабы не возвращаться к этому вопросу, заблужим несколько вперед и приведем выноски из «Очерков» генерала Деникина, рисующую положение дела с Кубанскими частями в декабре 1919 года:

...«Дезертирство Кубанцев приняло массовый характер... за Донь, домой потекли довольно внушительного состава полки, на хороших конях, вызывая недоумение и сзобление в Донцах, в подходящих подкреплениях, и соблазны в Кубанских дивизиях, еще оставшихся на фронт»...

Дома они окончательно разложились...» (стр. 262, том V).

Очертив возможно кратко общую обстановку начала зимы 1919 года, вернемся к действиям 1-й Донской дивизии, переброшенной 9-го сентября в район дер. Карабузь, для совместной с 3-й Донской дивизией операции форсирования Дона и удара по 40-й советской дивизии, почти не принимавшей участия в августовских боях и сохранившей относительную свежесть.

Согласно диспозиции, пѣшие сотни Лейбь-Казаконь и Атаманцевь должны были, в ночь на 11-е сентября, подь покровомь темноты, переправиться через Донь и при поддержкѣ огня своей занимавшей правый нагорный и командующий берегь Дона артиллерии овладѣть дер. Бабками, чѣмь и обезпечить наводку моста.

По переходѣ на другой берегь конныхь сотенъ и 4-го Донского полка, Гв. бригада, подь общей командой полковника Фарафоновь, должна была перейти в наступление в южномь направлении на гор. Павловску, оста-

нивъ для обезпеченія моста 4-й полкъ со сводкой конной Лейбъ-Казачьей сотней.

Одновременно съ пѣхими сотнями Гв. Каз. бригады должна была переправиться нѣсколько стверже, у хут. Прилѣшина, 3-я Донская дивизія.

День 10-го сентября Гв. Каз. дивизія провела въ дер. Лыково, перейдя вечеромъ въ дер. Малый Карабутъ, и точно, въ 2 часа утра 11-го сентября, какъ полагалось по диспозиціи, приступила къ переправѣ. Тихо, безъ шума, въ темнотѣ, не замѣченные противникомъ, переправились на другой берегъ первые понтоны съ Атаманами, однако, къ началу переброски Лейбъ-Казакъ начало разсвѣтать, и, когда понтоны вышли на середину рѣки, то по нимъ были открыты пулеметный огонь. Пулеметы противника давали выстрѣлы въ 100 шаговъ, огонь былъ малодѣятеленъ и потери свелись лишь къ 3 раненымъ казакамъ.

Огнемъ нашей артиллеріи пулеметы противника были сбиты, и пѣшія сотни быстро вытѣснили изъ дер. Бабки отошедшій на дер. Березки Богучарскій красный полкъ.

Работа по наводкѣ моста пошла полнымъ ходомъ.,,

Въ 12 часовъ прибылъ полковникъ Фарафоновъ, привезшій приказаніе генерала Абрамова наступать: Гв. Казачьей бригадѣ въ южномъ направленіи на Александровско-Донскую, а 3-й дивизіи въ восточномъ на Березки-Лосевую.

Ввиду отсутствія вѣры въ стойкость весьма слабого боевого состава 3-ей Донской дивизіи, полковникъ Фарафоновъ послать просить разрѣшенія генерала Абрамова не начинать движенія на югъ до подхода своихъ конныхъ сотенъ и пулеметныхъ двуколокъ.

Въ 3 часа пришло приказаніе генерала Абрамова начинать незамедлительно наступленіе на югъ, и полковникъ Фарафоновъ, выбросивъ конную Атаманскую сотню впередъ на развѣдку, двинулся на Александровско-Донскую.

Конной развѣдкой, послѣ перестрѣлки, было установлено наличіе въ этой деревнѣ пѣхоты противника.

Ввиду наступившей темноты, полковникъ Фарафоновъ, отложивъ атаку до разсвѣта, вернулся ночевать въ Бабки.

На разсвѣтѣ 12-го сентября Гв. Каз. бригада, при 4-хъ орудіяхъ 2-й батареи, двинулась на югъ. Въ головѣ шли Лейбъ-Казачьи пѣшія сотни подъ командой полковника Поздѣва. Подходя къ Александровско-Донской, послѣдній развернулъ 2-ю сотню есаула Еяфимьева и двинулъ ее впередъ. Противникъ, не принявъ удара, началъ отходить на Павловскъ.

Непосредственно за нимъ, пройдя Александровско-Донскую, двигались Лейбъ-Казакъ. Пройдя рѣку Осередь, противникъ пытался задержаться. 2-я сотня кинулась впередъ. Здѣсь пулей въ грудь навилетъ былъ раненъ есауль Еяфимьевъ и сотня занялась. Красные выбросили въ контръ-атаку свою конницу, было разрѣзанную 2-ю сотню пополамъ, но выдвинутая бѣгомъ впередъ полусотня 5-й сотни подесаула Моргунова ликвидировала красную атаку и сотни двинулись дальше. Противникъ спѣшно отходить на хорошо видимый съ мѣста наступленія Лейбъ-Казакъ, гор. Павловскъ.

Вскорѣ огонь противника заглохъ и уже ясно видны были выскакивавшіе изъ города на востокъ обозы, отдѣльныя группы и всадники.

Противникъ явно очищаль городъ. Лейбъ-Казакѣ рванулись впередъ, но... одновременно въ тылу наступающей Гвардейской Казачьей бригады начали падать снаряды и показалась съ востока лава красной конницы.

Оказалось, что атакованный 3-ей дивизіей противникъ перешелъ въ контръ-атаку и поддержанный подошедшими съ сѣвера частями опрокинулъ ее и отбросилъ на югъ. 3-я дивизія въ безпорядкѣ отошла на наведенный 1-ою дивизіей мостъ, потянувъ за собою на дер. Бабки преслѣдовавшаго ее съ сѣвера противника.

Южнѣе Бабокъ находился 4-й полкъ полк. Грекова, ведшій наступленіе на востокъ. Дабы не быть отрѣзаннымъ, отъ переправы 4-й полкъ отошелъ на мостъ, гдѣ перемѣшался съ переправлявшимися въ безпорядкѣ частями 3-ей дивизіи и временно выбылъ изъ строя.

Есаулъ Агафоновъ, съ 1-ой конной сотней Лейбъ-Казаконъ находившійся при 4-мъ полку, прикрывая отходъ, два раза бросался въ конную атаку, но успѣха не имѣлъ. Въ исполненіе полученнаго юмъ приказаній генерала Абрамова, есаулъ Агафоновъ отвелъ сотню за мостъ, причемъ ему пришлось проскакать Бабки въ тотъ моментъ, когда эта деревня уже занималась красными.

Такимъ образомъ дер. Бабки и выходъ на мостъ оказались въ рукахъ красныхъ, и наступавшія на югъ сотни Лейбъ-Казаконъ и Атаманцевъ оказались отрѣзанными отъ единственной переправы, имѣя: на югъ — отходящаго передъ собою противника; на востокъ — пытающуюся атаковать конницу красныхъ; на сѣверъ — занявшую дер. Бабки пѣхоту противника и наконецъ на западъ, за своей спиной — тонкую полоску берега и широкую ленту Дона.

Полковникъ Фарафоновъ рѣшилъ пробиваться къ переправѣ и, остановивъ огнемъ первую атаку красной конницы, приказалъ полковнику Поздѣву перейти на лѣвый флангъ, гдѣ пробивать дорогу на Бабки.

Полковнику Поздѣву удалось оторваться съ южнаго направленія благополучно, но при маломъ количествѣ офицеровъ и при полномъ почти отсутствіи настоящихъ взводныхъ и отдѣленныхъ урядниковъ, провести намѣченный сложный маневръ въ стройномъ порядкѣ оказалось невозможнымъ.

Между тѣмъ красная конница снова двинулась въ атаку. Перемѣшались было Лейбъ-Казакѣ и Атаманцы и часть кинулась къ Дону дабы бросаться вплавь.

Моментъ былъ критическій.

«Разсыпавъ лавой конную сотню Атаманцевъ есаула Рудакова, лицомъ на Павловскъ, — читаемъ мы въ запискахъ ген. Поздѣва, — я быстро стянулъ свои двѣ пѣшія сотни и двинулся на сѣверъ, по узкой полосѣ между Дономъ и цѣпью пѣшихъ Атаманцевъ, развернутой фронтомъ на востокъ. Дорога на Бабки была уже занята противникомъ. Положеніе наше было тяжелымъ. Шли мы быстро и колонна сильно растянута.»

Пройдя Атаманцевъ, мы вышли къ ручью. Съ холма напротивъ былъ открытъ по насъ пулеметный огонь, и на гребнѣ его появилась красная конница.

Часть казаковъ не выдержала и бросилась къ Дону. Еще мигъ, и началась бы общая паника. Я рѣшилъ дѣйствовать примѣромъ, слѣзъ съ коня, самъ взялъ винтовку и обратился къ казакамъ со слѣдующими словами: «Видите наше безвыходное положеніе, однако, если будете соблюдать порядокъ, выйдемъ съ честью, а будете балдѣть — всѣ погибнемъ». Слова мои подѣйствовали, и, ставъ у ручья, я началъ пропускать казаковъ поодиночкѣ по служившей мостомъ доскѣ. Когда набралось казаковъ сорокъ, я приказалъ подъѣс. Моргунову атаковать холмъ. Слѣдующую такую же пархію я пустилъ уступомъ слѣдъ ес. Моргунову, а самъ съ остальными 70 казаками и двумя пулеметами двинулся на Бабки. Навстрѣчу изъ Бабокъ вышла колонна красныхъ, чело-вѣкъ въ 250 пѣхоты, начавшая разворачиваться въ цѣпь. Я открылъ огонь. Одновременно, съ другого берега Дона раздался орудіиный залпъ, и очередь английскихъ гранатъ разорвалась въ самой цѣпи красныхъ. Мы бросились впередъ — противникъ побѣжалъ преслѣдуемый огнемъ батареи. Справа подходила полусотня подъѣс. Моргунова»...

Далѣе читаемъ въ запискахъ подъѣс. Моргунова: «Согнавъ противника съ холма, я двинулся на Бабки. Пулей ранило меня въ лѣвую руку, но по счастью легко. По дорогѣ мы встрѣтили английскую, завязшую въ болотѣ пушку *), изъ которой вынули и взяли съ собой замокъ. Рядомъ загрузла чья-то патронная двуколка и мы набили патронами всѣ карманы и вещевые мѣшки. Прискакалъ казакъ отъ полковника Поздѣва, съ приказаніемъ ити какъ можно скорѣе, ибо появилась красная конница, а у него патроны и пулеметныя ленты на исходѣ. Выйдя изъ лѣса, я увидѣлъ разворачивающуюся конницу красныхъ. Бѣгомъ я рассыпалъ въ цѣпь свою полусотню, а есауль Болдыревъ, по приказанію полк. Поздѣва, выставилъ рядомъ пять пулеметовъ. Открыли мы бѣшеный огонь, и конница не выдержала и повернула»...

Между тѣмъ, полковникъ Фарафоновъ съ Атаманцами былъ двоекратно атакованъ красной конницей съ востока:

...«Кавалерія красныхъ, — пишетъ въ своихъ запискахъ ген. Фарафоновъ, — бросилась въ атаку, но частымъ ружейнымъ и пулеметнымъ огнемъ была отброшена. У казаковъ, вырвался крикъ «ура», благотворно дѣйствовавшій на тѣхъ казаковъ, кои было кинулись къ Дону, сбрасывая амуницію и шинели, дабы спастись вплавь, а теперь возвращались на свои мѣста, своимъ прибытіемъ еще болѣе поднимая духъ оставшихся на мѣстахъ казаковъ».

...«Приказавъ подъѣс. Моргунову двгаться на Бабки, — читаемъ мы въ запискахъ ген. Поздѣва, — я отправилъ остальныхъ въ тылъ противнику, сражавшемуся у переправы. Противникъ, не ожидавшій нашего появленія, бѣжалъ. Его батарея выѣхала на открытую позицію въ двухъ верстахъ отъ насъ и открыла огонь. Вновь появилась красная конница. Подъемъ былъ такъ

*) Какъ только обозначился откатъ 3-ей дивизіи и 4-го полка у Бабки, полковникъ Фарафоновъ, не желая рисковать батареей полковника Афанасьева, разрѣшилъ ему перебросить ее обратно за Донъ. Полковникъ Афанасьевъ съ трудомъ проскочилъ на мостъ подъ посомъ уже занимавшихъ Бабки красныхъ, но одно его орудіе застряло въ болотѣ и было оставлено.

124

великъ, что казаки просили ее подпустить ближе. Однако бѣглый огонь съ того берега батареи полковника Упорникова заставилъ красную конницу повернуть на востокъ. Мы заняли Бабки, выбивъ послѣднихъ краснахъ и изъ ея окраинъ. Начинало быстро темнѣть...

Въ бою подъ Бабками большую услугу оказали бригадѣ офицеры полка хорунжій Скалозубовъ. Возвращаясь въ этотъ день изъ отпуска, онъ ѣхалъ въ полкъ и попалъ на мостъ въ моментъ безпорядочнаго отхода перемѣшавшихся частей 3-ей дивизіи.

Онъ вмѣстѣ со взводомъ 1-ой Лб.-Казачьей конной сотни хорунжаго Дубинцева бросился въ толпу отходящихъ, своей инициативой собралъ около 200 казаковъ съ нѣсколькими офицерами и, пролѣзнувшему къ лѣску, что у моста, удержалъ послѣдній вплотъ до подхода пробившейся къ Бабкамъ Гвардейской Казачьей бригады.

...«12-го сентября, — читаемъ мы въ запискѣ командира бригады генерала В. А. Дьякова, — я никакого участія въ дѣлѣ не принималъ, такъ какъ въ этотъ день прибылъ изъ отпуска, съ похороны убитаго въ августовскихъ бояхъ моего брата Атаманца.

Подъѣхалъ я къ штабу дивизіи, находившемуся на правомъ берегу Дона, вскорѣ за тѣмъ какъ состоялся безпорядочный откатъ 3-ей дивизіи и 4-го полка съ того берега и когда Гвардейская бригада была уже отрѣзана отъ насъ противникомъ.

Генералъ Абрамовъ, хотя и сдерживалъ себя, определенно сильно волновался и совершенно не отрывалъ бинюка отъ глазъ. Разобраться въ обстановкѣ на другомъ берегу было трудно: пѣши и конница съ артиллеріей двигались въ разныхъ направленіяхъ. Прошелъ часъ и какой-то порядкомъ возстановился, причемъ ясно обозначилось движеніе пѣлей съ юга въ направленіи на Бабки. Обозначилось и движеніе наступающаго на нихъ противника. Хотѣлось вѣрить, что это Гвардейская бригада пробиваетъ себѣ путь. Огонь нашей артиллеріи съ праваго берега Дона всаечески старался облегчить положеніе. Прошло 30-40 минутъ и пѣши, подходившія къ Бабкамъ, взяли направленіе на сѣверо-востокъ, а изъ Бабокъ, въ томъ же направленіи, стали выскакивать повозки и отдѣльныя группы конныхъ и пѣшихъ. Еще короткій срокъ, и Бабки определенно были заняты Гвардейской Казачьей бригадой.

Генералъ Абрамовъ съ глубокимъ вздохомъ произнесъ: «Слава Богу, вышли».

Я былъ лишь свидѣтелемъ, наблюдавшимъ бой со стороны, и долженъ сказать, что видѣлъ здѣсь одинъ изъ лучшихъ боевъ, данныхъ Лейбъ-Казакми. Это былъ незаурядный экзаменъ силы духа, стойкости и проверки военнаго воспитанія офицера Лейбъ-Казака.

Этотъ бой, какъ и бой 19-го февраля, представляетъ наиболѣе славныя строки въ послужномъ спискѣ моего однополчанина, а затѣмъ помощника, полковника Фарафоновъ...

...«Полковникъ Поздѣвъ, есаулъ Болдыревъ, подъесаулъ Моргуновъ и хорунжій Скалозубовъ, правильно и спокойно ориентировавшіеся въ сложной боевой обстановкѣ, своими дѣйствіями способствовали благополучному

выходу сотень Гв. бригады из крайне тяжелого положения», — свидетельствует полковник Фарафонов.

Пѣшимъ сотнямъ Гв. Казачьей бригады, несмотря на ихъ крайнюю усталость, было приказано ночевать въ дер. Бабки.

Пѣшія сотни втянулись въ деревню уже въ кромѣшной темнотѣ. Люди не спали двѣ ночи. Съ утра ничего не ѣли.

Переправа и бои на три фронта (причемъ движеніемъ на Павловскъ и обратно было пройдено около 40 верстъ), вызвали сильное нервное напряжение и физическую усталость.

Казачи разсыпались по деревнѣ.

Полковникъ Фарафоновъ приказалъ выставить сторожевое охраненіе, однако, исполнить это приказаніе еще не успѣли, какъ подошедшіе вплотную красные неожиданно атаковали деревню.

Сотни изъ полной темнотѣ отхлынули на мостъ и перешли обратно Донъ.

Въ кромѣшной темнотѣ конная полусотня подъесаула Ротова попала въ болото, гдѣ загрузила 19 лошадей.

Оставленіе Бабокъ нѣсколько испортило эффектъ доблестнаго боя, однако, представляло собой грустную, явившуюся слѣдствіемъ неблагоприятнаго стеченія обстоятельствъ, случайность.

Во время движенія къ Бабкамъ командиръ 2-ой сотни есауль Евфимьевъ, раненый при атакѣ Александровки въ грудь навзлетъ и вынужденный бросить застрявшую въ болотѣ его вывозившую повозку, раздѣлся и, взявъ въ зубы бывшій при немъ денежный авансъ командира сотни, бросился вплавь черезъ Донъ. Выплыть онъ противъ нашей батареи, гдѣ ему дали шинель и откуда доставили на перевязочный пунктъ.

Здѣсь его поздно вечеромъ нашли офицеры полка. Несмотря на сквозную рану въ грудь, уже перевязанный старшимъ врачомъ полка докторомъ Евфановымъ, есауль Евфимьевъ, сидя за общимъ столомъ, мирно пилъ чай, разложивъ около печки сушиться кредитные билеты — «колокольчики» казеннаго «аванса» — и улыбался на остроту полковника Фарафопова:

«— Смотрю, — плыветъ и изъ спины фонтанъ бьетъ; думалъ — кить, а это Евфимьевъ»...

Кромѣ ес. Евфимьева, были ранены: оставшійся въ строю подъесауль Моргуновъ и находившійся при нач. дивизіи на наблюдательномъ пунктѣ у дер. Карабутъ вр. и л. нач. штаба див. полк. Воронинъ.

14-го сентября пришло приказаніе о переброскѣ 1-ой дивизіи на сто верстъ на югъ, въ дер. Талы, ввиду появленія въ районѣ ст. Казанской отряда Буденнаго, имѣвшаго намѣреніе, перейдя Донъ, двинуться по тыламъ II и I Донскихъ корпусовъ. Для парирования этого маневра, спѣшно сводилась въ Талы крупная группа изъ частей II и III Донскихъ корпусовъ.

Конная часть 1-й и 3-й дивизии образовали полк в 7 сотень при 10 пулеметах, составом в 700 шашек, под командой полковника Фарафонов, и прибыли в Таль 16-го сентября.

Того же числа туда же от IV-го корпуса прибыла бригада в 900 коней генерала Старикова, какъ и конница изъ состава II-го Донского корпуса. Образовалась сильная конная группа.

Однако, 18-го выяснилось, что корпус Буденного, не переходя черезъ Донъ, круто повернулъ кругомъ и сѣбно двинулся на сѣверъ, почему и Донская группа у Таль была расформирована.

1-я дивизия была двинута в дер. Черную Калитву, куда прибыла 17-го. Здѣсь ей былъ данъ отдыхъ, причемъ 19-го прѣзжала англійская миссія, осматривавшая бывшее въ очнь плохомъ состоянн обмундированн и снаряженн казаконъ.

Лейбъ-Казакими былъ предложенъ англичанамъ скромный завтракъ.

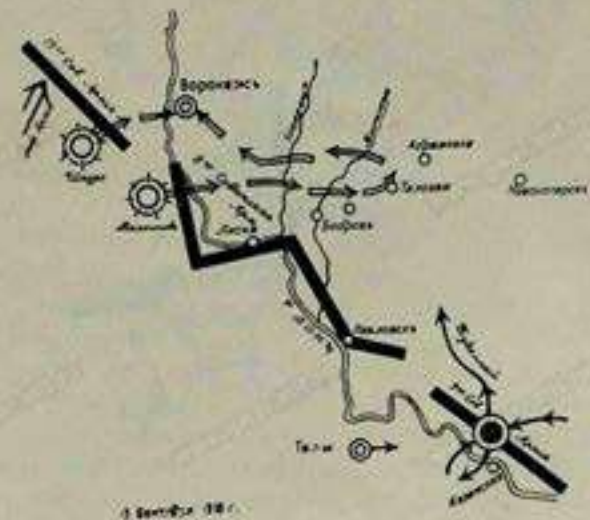
Миссія уѣхала, обѣщая, что 1-я дивизия будетъ срочно удовлетворена всѣмъ необходимымъ.

Къ сожалѣнню, обѣщанн это осталось невыполненнымъ.

Между тѣмъ общая обстановка быстро мѣнялась.

Учитывая неудачу краснаго командованн и поражение группъ Шорина и Селивачева, Донское Командованн перешло въ широкое наступленн.

14-го сентября, хотя и сильно порѣдѣвшн IV-й Донской корпусъ Мамонтова благополучно переправился черезъ Донъ, прошелъ фронтъ красныхъ и двинулся по ихъ тыламъ на ст. Таловую, откуда 17-го повернулъ на Воронежъ. Почти одновременно фронтъ противника у Нижнедѣвическа былъ прорванъ Кубано-Терскимъ коннымъ корпусомъ Шкуро, захватившимъ 21-го Воронежъ и соединившимся здѣсь съ генераломъ Мамонтовымъ.

1. Воронеж 1919 г.

К 15-му октября правофланговый 1-й Донской корпус снова выдвигается на Грязь-Царицынскую железную дорогу, а центральный 2-й корпус вновь очищает от противника правый берег Хопра.

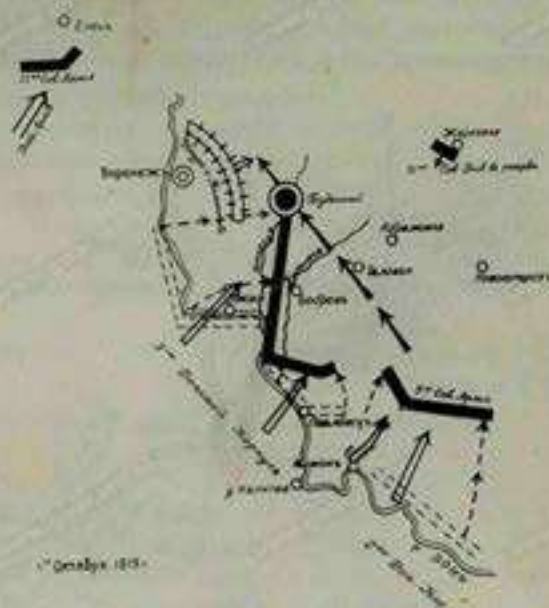
К сожалению, наступление 1-го и 2-го Донских корпусов не поддерживается Царицынской Армией генерала Врангеля, чему причиной, повидимому, является сильно упавшая численность этой, состоявшей из переставших получать пополнения Кубанцев, Армии.

Невыход вперед Армии Врангеля не позволил 1-му и 2-му Донским корпусам сократить свой фронт и усилить 3-й Донской корпус, наступавший в Воронежском направлении, где в дальнейшем решилась судьба всего Донского фронта.

«С начала октября, говорит генерал Деникин (том V, стр. 235), стало ясным, что центр тяжести всей операции перенесен на Воронежско-Харьковское направление. Только разбив ударную группу VIII-ой советской армии и конного корпуса Буденного, мы приобретаем вновь инициативу, возможность маневра и широкого наступления»...

Для этого нужны были свободные связи силы. Таковых не только не имелось, но ген. Деникин принужден был еще ослабить Воронежскую группу войск и снять с фронта здесь целую, сражавшуюся против Буденного, Терскую дивизию, для ее отправки в тыл, против Махно...

Обратимся теперь к действиям сражавшегося с VIII-ой советской армией 3-го Донского корпуса.

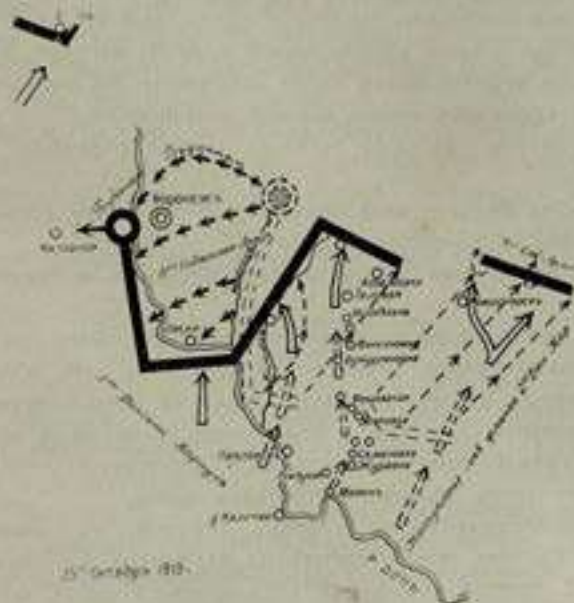

Передь его лѣвымъ флангомъ, подъ вліяніемъ выхода къ Воронежу Ма-
монтова и Шкуро, противникъ (16-я, 15-я, 12-я и отчасти 33-я совѣтскія
дивизіи) первоначально очистилъ Лискинской узелъ и отошелъ на сѣверо-
востокъ, занявъ фронтъ по рѣкѣ Икорещъ.

III-й Донской корпусъ, тѣсняя противника своимъ лѣвымъ флангомъ, пра-
вымъ форсировала Донъ, стремясь сбить 33-ю, 40-ю и 13-ю дивизіи красныхъ
и выйти въ тылъ Икорещкому фронту. Усилія праваго фланга III-го корпуса
уже почти увѣщались успѣхомъ, и противникъ былъ отброшенъ за Бобровъ-
Таловая, какъ одновременно лѣвый флангъ III-го корпуса, въ свою очередь,
былъ 11-го октября отброшенъ отъ Воронежа, и правый флангъ противника
снова выдвинулся къ Лискаямъ.

Сказался выходъ къ Воронежу корпуса Буденнаго, противъ коего дѣй-
ствовала относительно болѣе слабая конная группа Шкуро и Мамонтова.

Дѣло было легко поправимо, ибо положеніе лѣваго фланга VIII-ой со-
вѣтской арміи, отдѣленного большимъ промежуткомъ отъ фланга IX-ой со-
вѣтской арміи (притомъ совершенно неспособной къ активной дѣятельно-
сти), было катастрофическимъ (Егоровъ. Стр. 184) и достаточно бы было уда-
ра связяго кулака, чтобы его уничтожить и тѣмъ свести на-нѣтъ весь успѣхъ
Буденнаго.

Донцы полагали, что этимъ кулакомъ явится конница генерала Конова-
лова, изъ состава II-го Донского корпуса, однако пассивность Арміи Вранге-
ля позволила Шорину перебросить на свой правый флангъ 21-ю стрѣлковую
дивизію, что, какъ и наличие въ IX-ой арміи конныхъ группъ Блинова и Ду-
менки, не позволило снять съ фронта I-го и II-го Донскихъ корпусовъ конницу
генерала Коновалова и двинуть ее на Воронежское направленіе.

Командующий VIII-й советской армией перебросить на свой левый фланг, в район Жердевки, свой последний резерв, только что пополненную 31-ю советскую дивизию, откуда она должна была действиями во фланг и тыл III-го Донского корпуса ликвидировать продвижение последнего.

Теперь вернемся несколько назад — ко времени начала наступления III-го Донского корпуса, на правом фланге которого двигалась 1-я Донская дивизия, с Лейб-Гвардии Казачьим полком.

20-го сентября 1-я Донская дивизия переправилась через Дон в район Ч. Калиты и заняла Гороховку, откуда в следующие дни перешла в д. Мамонь.

23-го сентября Гв. Казачья бригада атаковала конницу красных, занявшую Гиндуши. Наступление повели пѣшия Лейб-Казачьи сотни, встреченная с фронта сильным оружейным и ружейным огнем спѣшенных красных эскадронов, а с правого фланга — конной атакой.

Командир бригады генерал Дьяков двинул в контр-атаку конные сотни Лейб-Казачья есаула Агафонова и подесаула Ротона. Красная конница, не приняв удара, повернула обратно через мост в деревню на р. Гиндушѣ. За ней бросились уходить и спѣшенные красные эскадроны.

Деревянный мост под массой людей рухнул в воду, и группы красных, не успевших перейти моста, были изрублены. В числе изрубленных был и красный командир полка, бывший прапорщик.

Деревня Гиндуши, в которой осталось много раненых красноармейцев, была взята.

24-го сентября бригада вела огневой бой на подступах к Журавкѣ, очищенной в ночь на 25-ое противником.

26-го сентября бригада заняла хутор Морозовъ и повела наступление на Семеновку.

Противник оказался в превосходных силах, сбить его не удалось, и пѣшия сотни, понеся потери, вернулись ночевать в дер. Журавку.

Тут выяснилось полное отсутствие связи с начальником дивизии генералом Абрамовым. Оказалось, что довольно крупный отряд красной конницы проскочил в наш тыл в дер. Гиндушу, где находился штаб отряда, порубил часть обозов и прервал связь.

По счастливой случайности, генерал Абрамов с начальником штаба двигался к частям и в деревне не находился. Спѣшно в Гиндушу были посланы 2 конные сотни Лейб-Казачья. Однако, противник уже ушел и 28-го сентября обе сотни вернулись обратно.

Того же числа 1-я дивизия с легкого боя взяла гор. Сторожевъ и, так как противник стойкости не обнаружил, то 29-го и 30-го захватила район Медвѣжье-Ясиновка и Новая Мѣловатка.

В Фашеватой было красными понарыто много основательных окопов, среди коих имелись укрытия и для тяжелой артиллерии, однако, противник их очистил послѣ первых же выстрѣлов.

2-го октября атакой пѣшихъ сотенъ Гв. бригады, послѣ небольшой перестрѣлки, была взята Бутурлиновка, и 3-го октября вся дивизія сосредоточилась въ Велико-Архангельскомъ.

4-го октября, въ день полкового праздника, Лейбъ-Казачій полкъ былъ оставленъ въ резервъ, въ селѣ В. Архангельскомъ.

Наканунѣ вечеромъ была въ мѣстной церкви отслужена панихида по Державнымъ Шефамъ и однополчанамъ, за Вѣру, Царя и Отечество живогѣ свой положившимъ. Полкового священника не было, а мѣстный священникъ, боясь большевистскихъ репрессій, изотрѣзь отказался поминать вслухъ Державныхъ Шефовъ полка. Послѣ долгихъ уговоровъ ему была составлена записка, которую онъ читалъ, останавливая возгласы въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ надлежало помянуть имена Шефовъ, и произносить ихъ мысленно.

4-го октября былъ отслуженъ молебенъ, послѣ котораго офицеры, во главѣ съ генераломъ Абрамовымъ, скромно безъ вина пообедали. Черезъ часъ полкъ былъ вызванъ впередъ, ибо красные наступали отъ Макогнова. Короткимъ ударомъ они были опрокинуты, и Макогново осталось за нами. Въ этомъ бою были ранены сотникъ Георгій Дубенцевъ.

5-го октября атакой пѣшихъ сотенъ была взята дер. Сѣриково. Одновременно подошедшая сильная конная группа генерала Старикова атаковала у ст. Терехова бригаду красныхъ, порубила 200 человекъ, а 600 взяла въ плѣнъ. Все поле, послѣ боя, какъ подсолнухами, было покрыто воткнутыми штыками въ землю винтовками красныхъ.

6-го октября Гв. Казачья бригада короткимъ боемъ взяла Колодѣвку. Противникъ быстро отходилъ и въ слѣдующіе дни 1-я дивизія почти безъ боя послѣдовательно овладѣла ст. Таловой, Абрамовкой и Еланскимъ Колѣномъ.

Передъ 1-й дивизіей былъ теперь стыкъ VIII и IX-й сов. армій.

Будучи вызванъ въ Новочеркасскъ Донскимъ Атаманомъ, въ октябрѣ уѣхалъ ген. Абрамовъ, и въ командованіе дивизіей вступилъ ген. Лобовъ. 24-го октября ген. Лобовъ получилъ въ командованіе 4-ую Донскую, и въ командованіе 1-ой вступилъ ген. Дьяковъ (ген. Абрамовъ получилъ высшее назначеніе). Полковникъ Фарафоновъ (пскорѣ произведенный въ ген.-маіоры) уѣхалъ въ отпускъ, передавъ командованіе полкомъ на фронтѣ, до приѣзда изъ командировки полковника Оприца, полковнику Кононову.

11-го октября въ командованіе полкомъ на фронтѣ вступилъ полковникъ Оприцъ. 12-го ноября былъ эвакуированъ въ Ростовъ заболѣвшій возвратнымъ тифомъ полковникъ Кононовъ.

Составъ полка на фронтѣ сводился къ двумъ пѣхимъ сотнямъ по 110 штыковъ (есаулы Болдыревъ и Чеботаревъ), къ одной сводной конной (ес. Агафоновъ) и пулеметной командѣ въ 6 пулеметовъ (подѣсаулъ Туркинъ).

Наступила зима съ ея холодами, и отсутствіе обмундированія давало себя сильно знать. Особенная нужда была въ обуви, ибо движеніе съ боями впередъ отъ Калиты до Таловой, по весеннимъ размокшимъ дорогамъ, окончательно истрепало обувь, и появились босые. Наступившіе холода не позволяли ими пользоваться для боя, и они отсылались въ обозъ, гдѣ образовалась команда босыхъ и была организована починочная мастерская. Численность людей при обозахъ увеличилась, а боевые составы полковъ потаяли.

Въ не лучшемъ состояніи были истощенныя отсутствіемъ фуража лошади. Не было подковъ, и только часть лошадей была кована лишь на перела. Движеніе по замерзшей грязи некованныхъ лошадей быстро выводило ихъ изъ строя. Аллюръ былъ одинъ — лишь шагъ и только въ случаяхъ атаки — короткая рысь.

Районы нѣсколько разъ переходили изъ рукъ въ руки, были обобраны и бѣлыми, и красными; ни фуража, ни продовольствія достать на мѣстѣ нельзя было, подвозъ интенданствомъ былъ болѣе нежели слабъ. Пошки недождали.

Деревни были полны сыпнотифозными и ночевка въ избѣ, гдѣ лежали въ тифу хозяева, была не исключеніемъ, а правиломъ.

Заболѣваемость сыпнымъ и возвратнымъ тифомъ достигла небывалыхъ размѣровъ.

Болезнь начиналась 40-градусной температурой и больнои часто сразу впадала въ безпамятство. Изъ состава офицеровъ заболѣли тифомъ и были эвакуированы въ октябрѣ: есауль Чеботаревъ, есауль Агафоновъ, подъесауль Туркинъ; въ ноябрѣ — Моргуновъ, только что оправившійся отъ раненія и пробывшій на фронтѣ недѣлю — войсковой старшина Красновъ, подъесауль Чекуновъ, есауль Дубенцевъ, подъесауль Гриневъ и въ декабрѣ — хорунжий графъ Граббе.

Сыпной тифъ, при общей истощенности организма, давалъ относительно высокій процентъ смертности. Изъ числа заболѣвшихъ офицеровъ въ полковомъ лазаретѣ скончались подъесауль Чекуновъ и хорунжий графъ Граббе.

...«Я изъ конюшана полкового лазарета (говоритъ записка сотника Прокофьева) обратился въ гробовщика, то и дѣло бѣгая въ мастерскую заказывать гробы, которые не успѣвали готовить. Въ лазаретѣ лежалъ тяжело-больной сотникъ Н. П. Ефремовъ. Наученный горькимъ опытомъ, я и ему заранѣе заказалъ гробъ. По счастью онъ поправился, и я былъ радъ, что моя предусмотрительность оказалась излишней»...

Выше было сказано, что I-я дивизія, имѣя задачей обезпечить флангъ III-го Донского корпуса, вышла въ стыкъ VIII и IX-й советскихъ армій.

12-го октября советское командованіе двинуло для дѣйствія во флангъ

и тыль III-му Донскому корпусу свою сосредоточенную в район Жердевки 31-ю дивизию. Если в воздух висела фланг VIII советской армии, то точно так же висела в воздух и отдаленный почти 80-верстным промежутком от фланга II-го Донского корпуса фланг III-го Донского корпуса, почему, — если движение частей 31-й советской дивизии и было остановлено 1-ой Донской дивизией, то все же ничто не мешало противнику сквозь незанятый промежуток бросать в тыл 1-й дивизии мелкие партии своей конницы.

Конница красных была низкого качества, однако, перехватывая людей и повозки, она затрудняла сообщения с ближайшим тылом. Вообще недостаточное снабжение остановилось совершенно. Посылка одиночных людей из обоза и обратно сильно затруднилась.

Еще болезненнее отражалась на психике сражавшихся небезопасность вывоза раненых и больных, конь приходится эвакуировать сквозь район, где бродила неприятельская конница *).

Постановка для эвакуации раненых была кошмарна: никаких этапов в тылу организовано не было, а между тем эвакуация шла на ст. Естратовку через Бутурлиновку, Глазды и Павловск, причем почти 150-верстное расстояние до желтой дороги раненые пролазили на бытовых подводах, двигаясь по замерзшей грязи и ухабам разъяренных грунтовых дорог. Крестьянские клячи, вымотанные безкормицей и безконечными нарядами, еле двигались, проходя за день 15-20 верст. Раненый, изголодавшийся и наполовину замерзший, попадал в санитарный поезд на

*) Подполковник Поздеев и есаул Моргунов, возвращаясь 22-го октября из отпуска в полк, чуть не погибли, наскочив в тыл на красную конницу, причем есаул Моргунов спасся только тем, что бросил подводу, на которой ехал, отдавшись потерей всего своего багажа.

24 октября, раскрытый в ледничестве в 10 верстах на юг от Таловой перекрестный пункт 1-ой Донской дивизии, в где находилось 4 десятка раненых, был атакован отрядом красной конницы. Кто мог из раненых, разобрать винтовки, огнем конь красная лава была остановлена, и, сплывавшись, в свою очередь открыла огонь. Приостановка атаки, наступившие сумерки, как и выдержка и спокойствие врача Л. Гв. Атаманского полка, обеспечили спешный вывоз всех раненых в западном направлении на Козловку. Большую помощь оказали три конных Лейб-Казака, только что вывезшие из боя под Таловой и доставившие на перевалочный пункт тяжело раненого командующего полком полк Оприца.

Эти три казака не дали уйти без раненых уже было под влиянием паники разлетающимся во все стороны бытовым повозкам и, собрав их вновь, под огнем противника помогли всех нагрузить.

При ночной пятнадцатиперстной перевозке часть раненых, перевязка конь не была закончена, скончалась от потери крови; в числе их был Л. Гв. Атаманского полка есаул Абрамов, при перестрелке на перевалочном пункте получивший вторичное пулевое ранение.

Несколько позднее указанного случая, Л. Гв. Казачьего полка подесаул Туркин, заболевший сыпняком и с 40-градусной температурой в безампутации эвакуированный в тыл, пропал без вести, даже не дойдя до обоза 1 разряда, явно попав в руки красных.

8-10-й день своего ранения, причем не смывавшиеся с полкового перевалочного пункта его бинты буквально кишели швами.

При таких условиях эвакуации и легких ранения получали самым тяжелым осложнением и последствия.

Не лучше обстояло дело эвакуации сыпнотифозных.

В своем дневнике, один из офицеров полка, подесауль Могилевский, рассказывает, что он лично видел на станции Чертоково громадный сарай, набитый сложенными, как дрова, замерзшими трупами раненых и сыпнотифозных казаков, умерших в дороге и выгруженных из санитарных поездов.

...«На станцию Миллерово (говорит Раковский — «Въ стані бѣлыхъ», стр. 32-33) привозили илѣе поѣзда сыпнотифозныхъ, умершихъ отъ голода, холода и отсутствія примитивныхъ удобствъ и какого-либо ухода... Все это можно было наблюдать и на другихъ станціяхъ. Нерѣдко можно было видѣть вокзальныя зданія, переполненныя больными и мертвыми, бѣсѣаки въ станціонныхъ саазахъ, переполненныхъ трупами, сложенными, какъ дрова, въ высокіе штабеля...»

Если взвесить все изложенные выше обстоятельства, то нетъ ничего удивительнаго, что на фронтѣ нарастало раздраженіе противъ организационной безпомощности тыловой администраціи и противъ индифферентизма такъ называемой «общественности», не понимавшей своего долга передъ Арміей и ничего не дѣлавшей для упорядоченія тыла.

Очень плохо работала административный аппаратъ ДобрАрміи, но не лучше обстояло дѣло и въ казачьемъ тылу. Докладъ председателя ревизионной комиссіи Большого Войскового Круга, М. И. Мельникова, отъ 25-го октября 1919 года, о результатѣ ревизіи Донскихъ органовъ интендантства, транспорта, снабженія и продовольствія, раскрываетъ удручающую картину крупныхъ хищевей, взяточничества, непредусмотрительности, безхозяйственности и отсутствія запасовъ и заготовокъ. (Справка: Отчетъ ревизионной комиссіи, опубликованный въ газетѣ «Приазовскій Край», № 243 отъ 27-го октября 1919 года).

Городская интеллигенція, забывшая все указанные органы снабженія, не выдержала экзамена, предложеннаго ей жизнью.

Растущее въ частяхъ на фронтѣ раздраженіе не могло не подрывать боевого духа войскъ, роняя вѣру въ возможность скорой побѣды.

Однако, вернемся къ дѣйствіямъ охранявшей стѣсъ II и III Донскихъ корпусовъ 1-й Донской дивизіи и ко времени наступленія 31-й совѣтской дивизіи.

Выдвиженіе послѣдней явилось нѣсколько неожиданнымъ, и 15-го октября сильно пострадали расположенныя на отшибѣ и захваченныя врасплохъ 2 пѣшія сотни 4-го Донского полка. Однако, 1-я дивизія быстро разверну-

129

лась на фронт Александровский поселок — Таловая и боем остановила дальнейшее продвижение противника. Вскорь фланг был усилен выдвинутой на Таловую пехотной бригадой генерала Овчинникова, и 50-верстный участок 1-й дивизии несколько сократился.

19-го октября красные было выбили генерала Овчинникова из Таловой, однако, быстро переброшенная из Алекс. поселка части 1-й Донской дивизии, с Л. Гв. Казачьим полком, отбили красных к подстанку Чигла.

20-го октября части 1-й дивизии, совместно с бригадой генерала Овчинникова с боем вытеснили красных из Чиглы и отбросили их к станции Абрамовка.

В тот же вечер пришло сообщение, что красные заняли Новую Чиглу, что к западу от Александровского поселка.

Принявший временное командование 1-й дивизией генерал Лобов решил повторить маневр 20-го, но только в сторону Нов. Чиглы, направив в западном направлении, для содействия казачьим частям, долженствующим 21-го атаковать Н. Чиглу, Гв. Казачью бригаду. Так как противник проявлял активность и у Абрамовки, то бригада ген. Овчинникова была усилена 4-м Донским полком и в Александровском поселке остался лишь штаб дивизии с мало-боеспособным Калмыцким полком.

В 9 часов утра Гв. Казачья бригада, под командой генерала Дьякова, выступила на Н. Чиглу и уже прошла версты четыре, когда прискакали посланный генералом Лобовым казак с сообщением о начавшемся наступлении красных на Александровский поселок. Генерал Дьяков, продолжая движение на Нов. Чиглу, повернул обратно две пехотные сотни Л. Казачьих, под командой полк. Оприна. Последний, обогнав свои сотни, широкой рысью двинулся в Александровский поселок, где ему представилась следующая картина: в восточной окраине поселка шла ружейная и пулеметная стрельба. По дороге, выходящей с восточной части поселка на юг, в Таловском направлении, вытянулся атакованный красной конницей обоз 1-го разряда дивизии. Повозники, обрубившие постромки, и отдельные повозки скакали на запад в тянувшийся в юго-восточном Таловском направлении овраг. В тот же овраг, одиночно и группами сметались калмыки, во главе коих мчался их командир полка полковник С.

На вопрос: «Куда вы отходите?», полковник С. только махнул рукою: стало ясно, что калмыки на сутки вышли из боя и ближе Таловой не остановятся. За калмыками неслись и оружейная запряжка 1-й батареи, и на южной окраине поселка оставалась лишь группа конных орудий, во главе с начдивом генералом Лобовым. Узнав о близком подходе двух Лб. Казачьих сотен, генерал Лобов приказал не втягиваться в занятый красными в восток и охваченный ими с севера поселок, а развернуться южнее, прикрыть дорогу на Таловую и овраг с отходящими в беспорядке частями.

Подшли Лейбы-Казачи. Быстро и стройно развернулась фронтом на посток сотня есаула Чеботарева и, имея на выступ влево и создав разомкнутую сотню есаула Бокова, без выстрела двинулась в штыки на красную рубящую обоз конницу. Часть красной конницы, уже двигавшаяся по на-

правлению на оврагъ, была взята подъесауломъ Туркинымъ подь пулеметный огонь и въ безпорядкѣ бросилась уходить обратно на юго-востокъ. Туда же поспѣшно отошла не принявшая атаки, рубившая обозъ конница.

Сотня есаула Чеботарева прошла уже линію отбитыхъ повозокъ обоза, какъ накопившійся въ восточной и центральной части Александровскаго поселка противникъ развернулся фронтомъ на югъ и перешелъ въ наступленіе, угрожая лѣвому флангу сотни. Быстро развернулась фронтомъ на сѣверъ сотня есаула Бокова и противникъ, не выдержавъ ее огня, залегъ.

Оправившаяся конница противника вновь пыталась, уже въ почтительномъ отдаленіи, обогнуть правый флангъ сотни есаула Чеботарева, перерѣзать дорогу на Таловую и выйти въ оврагъ, однако, жиденькая лава конныхъ ординарцевъ дивизіи во главѣ съ генераломъ Лобовымъ, усиленная двумя пулеметами подъесаула Туркина, ликвидировала эту попытку, и красная конница отошла. (Другой пулеметный взводъ, съ командиромъ полка и его ординарцами занялъ стыкъ между 2 и 5 сотнями).

Дорога на Таловую и оврагъ были такимъ образомъ прикрыты.

Такъ прошло часа два. Сотня есаула Чеботарева несла потери отъ флангового пулеметнаго огня противника, и генераль Лобовъ приказалъ оттянуть обѣ сотни на версту на югъ, къ глубокой канавѣ, тянувшейся параллельно южной окраинѣ Александровскаго поселка. Противникъ было перешелъ въ наступленіе съ южной окраины поселка и изъ рожицы, что у восточной его оконечности, но немедленно огнемъ былъ загнанъ обратно. Зѣсь былъ раненъ сотникъ Поляковъ.

Между тѣмъ, слѣва слышалась артиллерійская стрѣльба, причемъ разрывы шрапнели ложились надъ западной окраиной поселка. Было ясно, что подходит генераль Дьяковъ съ Атаманцами, и полковникъ Оприцъ обратился къ генералу Лобову за приказаніями. «Хорошо бы атаковать одновременно съ двухъ сторонъ поселокъ, — сказала задумчиво генераль Лобовъ, — да поздно, ибо до темноты не успѣемъ связаться съ генераломъ Дьяковымъ, кромѣ того и конница, что виситъ у насъ на правомъ флангѣ, какъ только мы начнемъ наступать на сѣверъ, окажется въ нашемъ тылу»... Между тѣмъ, стрѣльба слѣва стихла, начало темнѣть, люди замерзли. Генераль Лобовъ приказалъ стягиваться въ колонну и двигаться на Таловую, куда Лейбъ-Казакъ пришли въ полной темнотѣ.

Что же касается генерала Дьякова, то онъ, подойдя съ востока къ Н. Чиглѣ одновременно съ наступающими съ юга частями генерала Овчинникова, сейчасъ же повернулъ обратно на Александровскій поселокъ, такъ какъ красные, увидя наступленіе съ двухъ сторонъ, быстро очистили Нов. Чигау безъ боя.

Подойдя съ запада къ Александровскому поселку, уже занятому красными, генераль Дьяковъ отбѣснулъ ихъ цѣпи въ поселокъ, но не слыша артиллерійскаго огня съ юго-востока, рѣшивъ, что всѣ части отошли на Таловую, двинулся по оврагу туда же.

Атаманцы сблизясь съ вѣрнаго направленія долго глукали по оврагамъ и только поздно ночью добрались до Таловой.

Это обстоятельство послужило причиной выдвигенія въ голову въ бой

22-го октября снова Лейбь-Казакъ, несмотря на очередь Атамандей и несмотря на проведенный исключительно Лейбь-Казакми накануне трудный бой, гдѣ они съ потерями выполнили полностью задачу прикрытия отходящихъ изъ беспорядкѣ частей и, одновременно, не дали противнику, значительно превосходящему ихъ въ силахъ, продвинуться на Таловую.

Планъ боя 22-го былъ слѣдующій: западную половину Александровскаго поселка должны были атаковать Лейбь-Казакми, восточную — калмыки; 2 конная сотня 4-го полка и 1 конная Атаманская, подъ общей командой полковника Жирова, должны были охватить противника справа, а Лейбь-Казачья конная — слева.

Несмотря на усталость, Лейбь-Казачья сотня быстро развернулась и смѣло двинулась впередъ.

Прямо на поселокъ двигалась 2-я сотня есаула Бокова, лѣвѣ на уступѣ 5-я сотня есаула Чеботарева. Значительно правѣ Лейбь-Казакъ разсыпались калмыки.

2-я сотня есаула Бокова, быстро продвигаясь, нѣсколько зарвалась.

Противникъ открылъ огонь и пытался охватить ее лѣвой флангѣ.

Подковникъ Поздѣевъ (за день только что прибывшій изъ отпуска), взявъ полусотню отъ 5-ой сотни есаула Чеботарева, лично повелъ ее лѣво, въ удлинение 2-й сотни. Выдвинувшись впередъ, онъ увидѣлъ отходящую сотню есаула Бокова. Выяснилось, что, наступая безъ перебѣжекъ, въ ростъ, сотня подошла вплотную къ пулеметамъ противника и, понеся потери и потерявъ командира сотни есаула Бокова, стала отходить. Подковникъ Поздѣевъ бросился ее останавливать, но тутъ же самъ былъ раненъ пулей въ ногу и выбылъ изъ строя. Въ командование сотней лично вступилъ командующій полкомъ полковникъ Оприцъ, которому удалось не безъ труда восстановить порядокъ и, усиливъ 2-ю сотню полусотней отъ 5-й сотни, снова продвинуться нѣсколько впередъ.

Однако, дойти до мѣста, гдѣ упалъ есаулъ Боковъ, не пришлось, такъ какъ пришло приказаніе отходить, ввиду создавшагося угрожающаго положенія на правомъ флангѣ боевого порядка, гдѣ, подъ натискомъ противника, быстро отходили и безъ того бывшіе далеко на уступѣ назадъ калмыки и конница полковника Жирова.

Попытки достать тѣло есаула Бокова не увѣчались успѣхомъ: пулеметы красныхъ хорошо пристрѣлялись, и казаки, пытавшіеся продвинуться, отползали ранеными. Пытаясь приблизиться къ Бокову, былъ смертельно раненъ двумя пулями въ животъ взводный 2-й сотни подхорунжий Пѣшиковъ (умеръ по пути въ госпиталь).

Черезъ два дня Александровскій поселокъ былъ взятъ, тѣло есаула Бокова найдено и отправлено въ Новочеркасскъ. Тѣло не носило никакихъ признаковъ разложенія, изъ чего можно было заключить, что есаулъ Боковъ, будучи тяжело раненъ въ животъ, по всѣмъ даннымъ, замерзъ еще на мѣстѣ боя.

Въ бою 22-го Лейбь-Казакми потеряли убитыми и ранеными 2-хъ офицеровъ и 45 казаконъ, и боевой составъ опустился до 1 сводной пѣшей сотни въ 100 штыковъ и одной конной въ 60 шашекъ.

Приблизительно в той же пропорции уменьшилась и численность других полков дивизии.

24-го октября генерал Лобов решил повторить атаку Александровского поселка. Теперь в центр наступали Лейб-Казачьи и Атаманы, а на уступе назад влѣво двѣ конныя сотни 4-го полка и казмыки.

Наступление развивалось гладко, несмотря на сильный огонь противника. Однако, под самым поселком противник перешел в контратаку. Казмыки и 4-й полк не выдержали и начали вскорѣ перешедший в общее отступление отход.

Противник, пользуясь численным превосходством, глубокими обхватами обоих флангов не давал задержаться до самой Таловой.

Последней отходила Лейб-Казачья пѣшая сотня (вѣрнѣе, полусотня) подъесаула Моргунова, которой предшествовала сотня ес. Чеботарева, только что оттянутая назад (так как предстояло вскорѣ проходить дефильность через рѣчку).

Патроны на исходе. Противник нагло наѣзжает.

Видя трудное положение прикрывающей отход сотни ес. Чеботарева останавливается, пропускает сквозь свою цѣпь сотню подъесаула Моргунова и стройно, в рост, начинает движение на сближение с противником.

Огонь красных сразу принимает безпорядочный характер, они останавливаются и начинают частью отходить. Ес. Чеботарева останавливает свою цѣпь и возобновляет спокойный отход.

...«Скажутъ, что въ маневрѣ ес. Чеботарева не было ничего особеннаго (говоритъ ген. Дьяковъ), однако, принимая во внимание общую вымотанность за день неудачнаго боя, принимая во внимание совокупность условий данного момента, лично наблюдая этотъ бой, скажу, что выполнение маневра требовало совершенно исключительной силы духа и вѣры въ своихъ казаковъ командира сотни и обратно, казаковъ въ своего командира. Двоблестенъ былъ командиръ, но и люди были молодцами»...

Выходъ на Таловую кончался высокимъ гребнемъ, съ котораго открывался отличный обстрѣлъ ровной площади отхода, и поэтому Лейб-Казачьямъ было приказано задержаться на гребнѣ, давъ пройти площадь всѣмъ частямъ дивизии.

Задача осложнилась еще и появленіемъ въ полуверстѣ въ тылу за Таловой двухъ эскадроновъ противника.

Лейб-Казачья свою боевую задачу полностью выполнили, причемъ особенно отличилась пулеметная команда подъесаула Туркина, вывезшая изъ боя повозки, на которыхъ вмѣстѣ съ работающими до послѣдней минуты пулеметами лежали убитыми и ранеными и всѣ безъ исключенія номера этихъ пулеметовъ.

Здѣсь же былъ тяжело раненъ командующій полкомъ полк. Опринъ.

За бой 24-го Лейб-Казачья потеряли убитыми и ранеными 32 казака и 19 лошадей.

Понесъ сильныя потери и противникъ, не оставшійся въ Таловой, а вернувшійся въ Александровскій поселокъ.

27-го октября конныя сотни 1-й дивизіи, усиленные прибывшей изъ Новочеркасска свѣжей сотней Конвоя Донского Атамана, соединились съ подошедшей конницей генерала Савельева и заняли краснымъ въ тылъ.

Была разбита бригада красныхъ и не только занята 1-й дивизіей поселокъ Александровскій, но черезъ два дня и находящійся въ 13 верстахъ сѣвернѣ Бирючинскій поселокъ.

Взятіе Бирючинскаго поселка было послѣднимъ успѣхомъ 1-й дивизіи; дальше пошло топтаніе на мѣстѣ, причѣмъ ряды полковъ таяли, не получая пополненія изъ тыла. Чувствовалась крайняя усталость.

Въ точно такомъ же положеніи находился и противникъ.

Однако, какъ всегда въ бою бываетъ, достаточно было относительно небольшого перевѣса, дабы вызвать рѣшительный переломъ. Къ сожалѣнію, перевѣсъ этотъ, хотя и очень небольшой, оказался на сторонѣ красныхъ.

Сѣверная и средняя полосы Россіи были болѣе богаты людскими ресурсами нежели бѣлый Югъ.

Красный тылъ былъ организованъ лучше бѣлаго.

Большевики использовали указанныя преимущества.

Пользуясь услугами своего, проникавшаго въ самую толщу населенія, партійнаго аппарата, имъ удалось:

а) не ослабляя фронта, создать 180-тысячную группу войскъ особаго назначенія, поддерживавшую въ красномъ тылу необходимый для веденія войны порядокъ.

б) Произвести полный учетъ и отправку на фронтъ всѣхъ полезнахъ для боя элементовъ, начиная отъ генераловъ Генеральнаго Штаба, офицеровъ и унтеръ-офицеровъ старой Арміи и кончая партійными агитаторами.

в) Производить мобилизаціи населенія въ размѣрѣ, покрывающемъ не только боевыя потери, но и повседневный высокій процентъ дезертирства Красной арміи.

Командующій краснымъ южнымъ фронтомъ Егоровъ (на стр. 146) говоритъ, что за сентябрь и первыя числа октября его фронтъ получилъ 168 маршевыхъ ротъ изъ внутреннихъ округовъ Россіи, что, за вычетомъ дезертировъ въ пути, дало 33.000 человекъ пополненія. Цифру эту нужно еще увеличить мобилизованными въ прифронтной полосѣ.

Въ сентябрѣ была проведена мобилизація лошадей, шедшая подъ лозунгомъ «Пролетаріи на коня» и сильно увеличившая конницу красныхъ.

Были усилены жестокія и рѣшительныя мѣры по борьбѣ съ явленіемъ расхожденія краснаго фронта и съ расхлябанностью въ тылу.

Совокупность вышеизложеннаго, какъ и сохранность кадровъ Красной

армии (выпущенных из августовских поражений Вооруженными Силами Юга России казачьи, хотя и сильно потрепанными) дала возможность красному тылу восстановить боеспособность своих войск.

Была усилена Воронежская группа красных и, кроме того, образован ударный кулак в Курском направлении, составленный из пополненной XIV-й армии и резервов красного Главкома *).

1-го октября кулак этот перешел в наступление на Курск против Добровольческой Армии. В 30-дневных боях Добровольцы, доблестно сражаясь со значительно превосходящим в числѣ противником и одерживая частные успѣхи, были принуждены отходить.

Отход Добровольческой Армии принялъ характер катастрофы: полки, распухшие при наступлении за счет мобилизованнаго населения и вкѣпавших в ряды пѣхотных красноармейцев, теперь, при отходе, быстро таяли, ибо крестьяне, боясь репрессии со стороны большевиков, постепенно занимавших их мѣста жительства, массами покидали ряды.

Росли и крестьянскія возстанія в тылу, отвлекавшія войска съ фронта.

Для борьбы против Махно генералъ Деникинъ снялъ съ Донского фронта Донскую бригаду генерала Морозова и Терскую дивизию из корпуса Шкуро.

Последнее было особенно тяжело, ибо ослабило сражавшуюся съ корпусомъ Буденнаго Воронежскую группу, и безъ того уступающую послѣднему въ силѣ. В результатѣ Буденный вышел из Касторную, въ стыкъ Донской и Добровольческой армій, угрожая отрѣзать одну отъ другой.

Для парирования опасности, въ районѣ Волчанска и Купянска В. С. Ю. Р. была сымпровизирована въ серединѣ ноября крупная конная, усиленная придачей технических средств, группа изъ IV Донского корпуса Мамонтова, остатковъ корпуса Шкуро и перебрасываемыхъ отъ Царицына Кубанскихъ дивизій.

Однако, Кубанскія части запоздали и въ силу причинъ, о коихъ подробно говорилось выше, были малочисленны и небоеспособны.

Донцы были вымотаны непрерывными боями лѣта, осени и зимы. Лошадки ихъ были изнурены и некованы, почему ввиду наступавшей гололедицы, не имѣли аллюра выше шага.

Здѣсь нужно прибавить смѣшеніе генераломъ Деникинымъ популярнаго среди Донцовъ генерала Мамонтова, съ подчиненіемъ его кубанцу генералу Улагая. Генералъ Мамонтовъ обидѣлся и уѣхалъ съ фронта, своимъ отъѣдомъ окончательно подорвавъ духъ Донцовъ.

Конная группа утратила боеспособность и Буденный прошелъ въ стыкъ Донской и Добровольческой Армій, ускоришь отходъ послѣдней.

Въ концѣ ноября въ стыкъ II-го и III-го Донскихъ корпусовъ вышла отъносительно свѣжая конница Думенко, что ускорило отходъ Донской арміи.

Весь декабрь отходили Донская и Добровольческая Арміи подъ натис-

*) Кулакъ этотъ получилъ полную свободу дѣйствій, благодаря умысленному предательству поляковъ и Пилсудскаго. (Справка: брошюра ген. Деникина: «Кто спасъ больш. власть», изд. 1937 года, Парижъ).

комъ, главнымъ образомъ, 1-й конной армии Буденного и корпуса Думенки, ибо остальные части Красной армии были вымотаны боями и эпидемиями не менѣе бѣзыхъ.

Однако, попытки генерала Деникина остановиться успѣхомъ не увѣнчались.

Отходящія части, имѣсто опоры въ тылу, находили увеличивающійся развалъ, что роняло ихъ духъ и увеличивало инерцію отхода.

24-го обѣ Армии были уже на подступахъ къ Ростову и Новочеркасску, гдѣ генералъ Деникинъ, имѣя численное и техническое превосходство надъ противникомъ, хотѣлъ остановиться. Однако, инерція отката улеглась только тогда, когда между сторонами лежъ Донецъ, и 27-го Ростовъ былъ оставленъ.

Вернемся нѣсколько назадъ къ дѣйствіямъ 1-й Донской дивизіи.

...«Въ концѣ ноября (т. е. въ серединѣ ноября ст. ст.), — говоритъ командующій краснымъ Южнымъ фронтомъ полковникъ Егоровъ (стр. 207), — успѣхъ краснаго оружія явно обозначился по всему фронту, и только участки лѣваго фланга VIII-й арміи нѣсколько отставали отъ общаго развитія наступленія...»

Именно этому участку, среди другихъ частей III Донского корпуса, противостояла и 1-я Донск. дивизія. Однако, послѣ послѣднихъ отчаянныхъ попытокъ наступать въ Лискинскомъ и Бобровскомъ направленіяхъ и III-й Донской корпусъ былъ, въ свою очередь, вынужденъ къ отходу.

Лейбъ-Гвардіи Казачій полкъ (върѣе, его малочисленнымъ боевымъ кадрамъ) въ первой половинѣ ноября 1919 г. на фронтѣ послѣдовательно командовали, выходя за заболѣваніемъ сырымъ тифомъ, есаулъ Чеботаревъ, сотникъ Кобіевъ и подъесаулъ Моргунюкъ.

17-го ноября въ командованіе кадрамъ вступилъ оправившійся отъ раненія и прибывшій съ пополненіемъ въ 80 конныхъ казаковъ войскъ старш. С. Красновъ. Однако, черезъ нѣсколько дней, и онъ, заболѣвъ сыпнякомъ и передавъ должность есаулу Авилу, былъ эвакуированъ въ Ростовъ, въ до отказа переполненный ранеными и тифозными офицерами и казаками полка Лейбъ-Казачій лазаретъ.

На фронтъ изъ полкового лазарета спѣшно выѣхали еще не вполне оправившійся отъ прежняго раненія въ голову войскъ старш. Болдыревъ и выздоровѣвшій хор. Ананьевъ.

Въ ожиданіи ихъ прибытія, три-четыре десятка казаковъ, представлявшие остатокъ сводной пѣшей сотни и пулеметной команды Лейбъ-Казачьяго полка, были отправлены въ обозъ на краткій отдыхъ и укомплектованіе. Въ обозѣ уже укомплектовывалась и перевооружалась на новые пулеметы Викерса ранѣе туда отправленная, совместно съ остатками своей конной сводной сотни, пулеметная команда Л. Ги. Атаманскаго полка.

На фронтѣ въ строю дивизіи оставались лишь: сводная конная сотня Лейбъ-Казаконъ въ 60 шашекъ (подъ командой хорунжаго И. И. Попова, при замѣнявшемъ младшаго офицера полхорунжемъ Г. П. Мигулинѣ), свод-

ная пѣшая сотня 4-го полка, имѣвшая при себѣ остатокъ своей конницы въ 30 шашекъ, и 2-я Донская батарея полк. Афанасьева. Къ дивизіи была прикомандирована конная сотня конвой Донского Атамана въ 80 шашекъ.

Съ 22-го ноября дивизія отходила съ небольшими боями черезъ Медвѣжье — Юнаково — Семеновку и Журавку и 25 ноября прибыла въ Гороховку, дойдя до предполагаемой здѣсь къ оборонѣ линіи рѣки Дона.

...«Во время этого отхода нашей дивизіи, — говоритъ записка сотника Мигулина, — наша сводная Лейбъ-Казачья сотня самоотверженно, безъ отдыха, несла не только усиленную развѣдывательную и сторожевую службу, но и каждодневно вела бои съ насѣдавшимъ противникомъ. Сотня таяла въ бояхъ и отъ тифа. Пополненія не поступало, ибо приведенные войск. старш. Красновымъ 80 казаковъ были послѣднимъ ресурсомъ полка, и только 26-го ноября сотня пополнилась на 14 конныхъ казаковъ, прибывшихъ изъ обоза на оправившихся отъ раненій лошадей»...

Въ Гороховкѣ 1-ая дивизія простояла 3 дня.

27-го ноября, ночью, ввиду поступившихъ свѣдѣній о движеніи отъ Калача, въ стыкъ II-го и III-го Донскихъ корпусовъ, вновь появившихся крупныхъ конныхъ массъ группы Думенко, 1-ая Донская дивизія была двинута на востокъ, перешла Донъ и заняла дер. Филоново.

Въ эти дни 1-я дивизія усилилась въ своемъ составѣ: изъ района обоза прибыли сводная пѣшая Лейбъ-Казачья сотня въ 130 штыковъ, при одномъ пулеметѣ Максима и подъ командой подьес. Г. Чекунова; пулеметная команда Атаманцевъ, въ 8 новыхъ Векерсовъ, подъ командой подьесаула Туровѣрова; сводная пѣшая сотня 4-го полка, въ 200 штыковъ, подъ командой полк. Хопрянниова. Въ строй Лейбъ-Казачевъ стали прѣхавшіе войск. старш. Болдыревъ и хор. Ананьевъ.

28-го ноября красная пѣхота перешла замерзшій Донъ у Осетровки и Голѣвки.

Съ 28-го по 30-го ноября, 1-ая дивизія, базируясь на Филоново, короткими ударами успѣшно сбрасывала красныхъ изъ указанныхъ пунктовъ обратно за Донъ.

Особенно отличалась пѣшая сотня подьес. Чекунова, получившая благодарность начальника дивизіи за «сверхъ-отличную» работу. Приведемъ описаніе атаки Осетровки, сдѣланное сотникомъ Чекуновымъ:

...«День клонился къ закату, когда сотня подошла къ Осетровкѣ.

Шель сильный сѣлъ, и въ 15 шагахъ ничего не было видно. Вѣдь за оврагомъ должны были находиться Атаманы. Сотни 4-го полка оставались позади, въ резервѣ командовавшаго боевой линіей войск. ст. Болдырева.

Вскорѣ я получилъ приказаніе атаковать селене. Связь съ Атаманами утерялась, и передать имъ приказаніе войск. старш. Болдырева я не смогъ. Начинало темнѣть, времени терять нельзя было, и я двинулся впередъ одинъ.

Несмотря на донесеніе конной развѣдки о невыходѣ красныхъ изъ Осетровки, пройдя 400 шаговъ, неожиданно для себя и для противника, я вплотную наткнулся на его передовую пѣху.

Раздумывать не приходилось, и сотня, давъ залпъ, бросилась на «ура» въ штыки. Сколько мы ихъ перебили — не знаю, казаки были крайне оже-

сточены и пощадь не давали. Красные бѣжали на свою вторую линію, открывшую беспорядочный огонь. Въ бѣгствѣ первая линія сѣшалась со второй, и вся ихъ нестройная масса, преслѣдуемая мной, буквально пронеслась сквозь Осетровку, проскакивая обратно за Донъ и бросая своихъ убитыхъ и раненыхъ...

На другой день, при очищеніи Голіевки очень хорошо работали двѣ сотни 4-го Донского полка подъ командой полк. Хопрянинова, понесшія здѣсь, однако, крупныя потери. Пѣшая сотня полкъ. Чекунова и здѣсь ходила успѣшно въ штаны.

За эти три дня боевъ полкъ. Чекуновъ исчисляетъ потери своей сотни въ три десятка убитыхъ и раненыхъ; въ конной сотнѣ вышло около десятка казаковъ и въ ихъ числѣ подхорунжій Барановъ (кадровый Лейбъ-Казаки, впоследствии вахмистръ 2-ой сотни).

Въ этихъ же бояхъ, въ приданной дивизіи сотнѣ конной Атамана вы- была раненъ, впоследствии переведенный въ Лб. Казачій полкъ сотникъ Левъ Упорниковъ.

30-го ноября, къ вечеру, красные снова заняли Голіевку. На этотъ разъ, то была уже переловая бригада полковеднаго коннаго корпуса Думенко.

Прибывшая на помощь 1-ой дивизіи 14-ая Донская конная бригада, бывающая Богучарь, получила приказаніе идти на присоединеніе къ своему 1-му Донскому корпусу, спѣшно ушла на югъ.

Предполагая возможность занятія города Богучара частями Думенко, начдивъ 1-ой Донской ген. Дьяковъ рѣшилъ оставить Филоново и ночнымъ фланговымъ маршемъ перейти въ районъ Купянки — Дьяченково, гдѣ преградить Думенкѣ дорогу на югъ. Въ этотъ же районъ ожидалось прибытіе только что укомплектованной 4-ой Донской конной дивизіи генерала Лобода, спѣшно выдѣленной изъ состава II-го Донского корпуса.

Въ ночь на 1-ое декабря 1-я дивизія покинула Филоново и къ разсвѣту подошла къ Твердохлѣбову, гдѣ имѣлся мостъ черезъ рѣку Богучарь. За день передъ тѣмъ была оттепель, рѣка сильно поднялась и на аршинъ покрывала мостъ. Пѣхота переходила мостъ на орудіяхъ, патронныхъ двуколкахъ, походныхъ кухняхъ и крѣпкихъ лошадей.

Изъ Твердохлѣбовки 1-ая дивизія перешла въ Купянку, а конная сотня Лейбъ-Казаковъ — на Богучарь. Командовавшій сотней хор. Поповъ, выяснивъ, что городъ еще не занятъ красными, сталъ съ сотней въ дер. Песковаткѣ, расположенной у южнаго выхода изъ города и сѣвернѣе Купянки.

День 1-го декабря дивизія провела въ Купянкѣ спокойно.

2-го декабря, въ 8 час. утра, въ густомъ утреннемъ туманѣ, конница Думенки, пройдя Богучарь, стремительно двинулась на Купянку и Дьяченково.

Сторожевой постъ конной сотни, занимавшей Песковатку, былъ захваченъ враждебно и не успѣлъ извѣстить хор. Попова. Последний понялъ происходящее лишь въ тотъ моментъ, когда ворвавшаяся въ Песковатку красная конница открыла по немъ огонь. Хор. Попову, съ ключицей, перебитой пулей, все же удалось вывести сотню изъ деревни, но уже не на Купянку, а

на мостъ, ведущій изъ послѣдней на Полтавскую, почему атака красныхъ явилась для 1-ой дивизіи неожиданной.

По счастью, въ моментъ атаки Купянки, сотня подьес. Чекунова двинулась на сѣверную окраину деревни, а батарея дивизіи стояла на позиціи.

Подьес. Чекуновъ говоритъ: «Все было спокойно. Пришло приказаніе мнѣ съ пѣшей сотней, на всякій случай занять сѣв. окраину деревни. Я собралъ сотню и повелъ ее по деревнѣ на сѣверъ. Дѣла деревни, за возвышенностью заговорила наша батарея, но минутъ черезъ 10-15 замолкла. Выйдя на окраину, я неожиданно попалъ подъ ружейный и пулеметный огонь и сразу потерялъ 2-хъ убитыми и 7-хъ ранеными.

Меня хватило пуль по ногѣ.

Быстро развернулъ пѣль и открылъ огонь, но тутъ присказалъ казакъ съ приказаніемъ какъ можно скорѣе отходить на мостъ, что ведетъ на деревню Полтавскую.

Черезъ мостъ проскакиваетъ батарея, за ней Атаманомъ и я съ сотней.

Далѣе отходъ пошелъ по селу Полтавскому, тянувшемуся на югъ параллельно рѣкѣ. Отходить пришлось по главной улицѣ, переѣзданной рядомъ поперечныхъ переулковъ. Красная конница энергично атаковала, пытаясь ворваться въ село»...

Здѣсь большую услугу оказала Атаманская пулеметная команда, со своими Викерсами, помѣщенными на запряженныхъ тройками исправныхъ лошадей пулеметныхъ двуколкахъ.

Интересна записка начальника команды, подьесаула Туровцова:

...«Наша пѣхота отходила бѣглымъ шагомъ по главной улицѣ села. Красная конница, вися на хвосту и на флангахъ, дѣлала попытки ворваться въ село по отходящимъ въ поле поперечнымъ переулкамъ.

Задержавъ двумя пулеметами лобовую атаку наступающихъ на хвостъ красныхъ, я отвелъ карьеромъ эти пулеметы къ слѣдующему перекрестку, гдѣ вмѣстѣ команды съ тремя пулеметами отбивала пытавшуюся ворваться съ фланга красную конницу. Остальные пулеметы были посланы мною впередъ для занятія очередного перекрестка. Такими перекатами былъ прикрытъ отходъ нашей пѣхоты, впрочемъ останавливавшейся и бывшей залпами, черезъ низкія изгороди, въ поле, занятое массами красной конницы.

Надо отдать справедливость отчаянности уличныхъ атакъ красныхъ, доходящихъ до какой-то фанатичности: мнѣ приходилось стрѣлять изъ пулеметовъ буквально въ упоръ.

Особенно горячій бой завязался при выходѣ изъ деревни. Я бросилъ въ дѣло всѣ 8 пулеметовъ, пѣхота вырвалась изъ села и двинулась въ развернутомъ сомкнутомъ строю, временами останавливаясь и стрѣляя исключительно залпами»...

...«До 12 часовъ красная конница усиленно наступала, — пишетъ сотникъ Чекуновъ, — но, убѣдившись въ безрезультатности своихъ атакъ, далѣе толь-

ко «конвоировала» нас, ведя с большой дистанции оружейный огонь, и мы благополучно, вынеся всех убитых и раненых, дошли до Красножоновки.

По просьбе генерала Дьякова, я, после слезанной доктором перевязки, остался в строю...

Думенко, на 2-ое декабря, ограничился занятіем Богучара и Полтавской.

Днем, в этот же день, с юга, в Красножоновку пришли две бригады 4-ой Донской дивизии ген. Лобова. (Третья бригада подошла на утро следующего дня)

...«Численность 4-ой дивизии, — пишет ген. Дьяков, — доходила до 5.500 пашек. Основное ее ядро было боевым и только недавно вернулось из рейда по тылам красных, под командой прежнего начальника этой дивизии ген. Коновалова.

Однако, в разе 4-ой дивизии было влито громадное укомплектование из мобилизованных стариков и зеленой молодежи...

...«С юга к нам подошла пятитысячная группа II-го Донского корпуса, — пишет участник боя соти. Мигулик. — Прибытие такой массы конницы сильно подбодрило измотавшиеся части 1-ой дивизии. Однако, при ближайшем знакомстве, боеспособность прибывших, пришлось взять под сомнение: много стариков старше 50 лет, некоторым и больше. Многие одеты в шубы с большими воротниками и подпоясаны перевязками, большинство вооружено только пашками времени Очакова и покорения Крыма. Организация полков и сотен — по станицам и хуторам, почему должно воинской дисциплины быть не могло. Я особенно противник такого рода формирования частей, где особенно развивается панибратство: на первом месте кум, сват, брат, а за раненым ухаживать чье же дело...

Как бы то ни было, но пришедшая конница II-го Донского корпуса не оправдала возлагавшихся на нее надежды.

Наступил день 3-го декабря.

Предоставим главное слово в описании боя этого дня начальнику 1-ой Донской дивизии ген. Дьякову:

Ген. Дьяков пишет: «...Еще накануне, 2-го декабря, засветло, генерал Лобов устроил что-то вроде военного совета. Постановленную задачу он изложил кратко, несколько раз в течение часа повторил свое определение: «дать по морде Думенку». Очень уверенно и энергично говорил один из бригадных командиров, ген. Поздышев. Другие боль-

ше отмечались. Чувствовалась общая, скажем, неособенная, уверенность в успехе.

Было решено 1-ой дивизии предоставить защиту Красножоновки, 4-ая же дивизия должна была захватить Думенку с флангов, устроить «вентерь»...

В 9 часов утра 3-го декабря Думенку атаковала Красножоновка.

Северная опушка деревни была занята пехотой 4-го полка. Сильно-восточная окраина — Гвардейской Казачьей бригадой.

Записка соти. Чекунова говорит: «...Выйдя на возвышенность справа от селения, я развернул сотню. Правые развернулись Атаманами. Конные лавы Думенку атаковали 4-ый полк. Я с Атаманами открыл, беглый огонь. 4-й полк, понеся потери порубленными и взятыми из плеча, стал отходить вдоль селения на юг, при поддержке огня Атаманской пулеметной команды.

Думенку атаковали Лейб-Казаконь и Атаманщень. Атаку отбили залпами и огнем Атаманских и моего пулеметов»...

Ген. Дьяков пишет: «3-го декабря около 9 час. утра появились на буграх к северу от нас конные массы Думенки. Одна его бригада шла по буграм к востоку от Красножоновки, другая к западу от нее.

Удар восточной колонны принял на себя со своей бригадой энергичный генерал Поздышев, о котором я говорил выше. Вначале действовал он решительно, лично во главе полка в атаку. Потеряв одну батарею, контр-атакой взял ее обратно, потом опять ее отдал. Но затем части вышли у него из рук и уже безудержно покатились назад.

Западная колонна красных шла без задержки, ибо преграждавшая ей дорогу бригада ген. Авчинникова отходила без боя.

Третья бригада 4-ой дивизии, находившаяся в нескольких верстах позади, из резерва, в бою участия не принимала.

Правым крылом восточная бригада красных должна была пройти Красножоновку. Первым же ее натиском была часть порублена, частью взята из плеча, частью снята пехота 4-го полка.

Братская помощь огнем Гвард. бригады могла только обеспечить отход выбивших на целый день из боя остатков 4-го полка.

Думенку атаковали Лейб-Казаконь и Атаманщень.

Сожнутый строй красной конницы быстро приближался к развернутому сожнутому же строю двух гвардейских пехотных сотен с их пулеметной командой, стоявших на открытом месте, в 1½ верстах к северу от Красножоновской перекрестка.

Мне четко запомнилось, на фоне вообще бледных лиц, белое, как у мертвеца, но спокойное лицо подесаула Чекунова. На правом фланге его сотни стоял пулемет и бжшено, но вряд ли в этот момент удачно, сыпал свинцом: лошади от волнения плясали, танцевали с ним и двуколка.

Слышна четкая и громкая команда руководящего огнем офицера...

Стрельба велась залпами на выдержанных интервалах. Срывов не было.

Смерть витала над строем, но люди были в руках своих офицеров. Атака была отбита....»

За отходом 4-ой дивизии на подф бой оставались лишь сотни Гв. Каз. бригады, находившиеся теперь, уже в свою очередь, в венгер у по много их превосходящей числом красной конницы.

Быль начать отход...

...«Впечатлѣние, произведенное быстрымъ уходомъ 4-ой дивизии и неудачей 4-го полка, — пишетъ подъес. Чекуновъ, — было тяжелымъ, и я, для поднятія бодрости духа, велъ сотню сомкнутымъ развернутымъ строемъ, сталъ подсчитывать ногу.

Прискакали временно командующій Атаманскимъ полкомъ полковникъ Жировъ. «Вотъ это здорово! Молодцы!» Сотня дружно отѣтила: «Радъ стараться, господинъ полковникъ!» Полковникъ Жировъ приказалъ и Атаманцамъ взять ногу.

Красные нѣсколько разъ ходили в атаку — мы останавливались, поворачивались и отбивали ихъ выдержанными залпами и пулеметнымъ огнемъ.

Хорошо работала наша батарея, однако снаряды ея были на исходе, и она открывала огонь лишь в критическіе моменты.

Попытки ген. Дьякова остановить и повернуть на противника ближайшія части отходившей на югъ 4-ой дивизии успѣхомъ не увѣчались, и Гв. бригада была полностью предоставлена своимъ силамъ.

...«Жуткая, но красная картина! — вспоминаетъ ген. Дьяковъ. — Сколько моральной силы было в этой маленькой относительно группѣ!

Помню послѣдній боевой эпизодъ этого дня:

Бригада подходитъ къ мостику черезъ довольно глубокой ручей, гдѣ-то около Чумичевки. Выбѣтъ съ пѣхотой, перекатами движутся орудія и пулеметы. Отъ красныхъ покатила новая крупная конная волна. И тутъ я почувствовалъ, что наша истомленная пѣхота не выдержитъ — она какъ-то слишкомъ заторопилась, почти срываясь на бѣгъ, торопясь къ небольшой, но все же преградѣ — ручью.

Я дѣлаю отчаянныя попытки лично заставить двѣ послѣднія отходящая конныя сотни 4-ой дивизии поддержать насъ или хотя бы только обозначить лаву. Увы — ни приказанія, ни мольбы, ни угрозы жалобой Атаману не дѣйствуютъ. Они «получили приказъ отходить».

Желая поддержать свою группу, я бросился къ ней навстрѣчу, за мной кинулись ординарцы и штабъ.

Наша ли моральная поддержка помогла, либо сама пѣхота справилась, но и послѣдняя атака была отбита.

При переправѣ черезъ ручей я пропустилъ пѣхоту мимо себя. Люди бодрелись, но было видно, что шли изъ послѣднихъ силъ. Былъ слышенъ громкій хрипъ дыханія. Люди были истомлены физически — многоверстнымъ съ боемъ отходомъ и морально — сознаниемъ своей покинутости.

Красные остановились, и тяжелый день кончился.

Много лѣтъ прошло, но и сейчасъ, какъ живой, стоитъ передъ моими глазами, въ бѣлой гвардейской амуниціи, съ блѣдными лицами, подтянутый

строй горсти казаконъ, встрѣчающій выдержанными залпами очередную волну накатывающейся красной конницы»...

За бои 2-го и 3-го декабря Гв. Каз. бригада получила особую благодарность въ приказѣ по 3-му Донскому корпусу. Командиръ корпуса ген. Гусельщиковъ заканчивалъ свой благодарственный приказъ словами: «Даже небольшой числомъ, но дисциплинированной пѣхотѣ не страшна никакая красная конница».

Официальный Журналъ Военныхъ Дѣйствій Донской Арміи отъ 3-го декабря отъѣтилъ: «Заязался бой въ районѣ Медово — Желобокъ — Дьяченково — Полтавская съ конницей Думенко силою около 2 бригадъ (4-ой и 6-ой), наступавшей отъ Богучара».

Послѣ упорнаго боя наши части были отгѣснены къ югу за р. Лъзая.

Почти вся тяжесть боя легла на плечи доблестныхъ частей Гвардейской Казачьей бригады, отошедшей въ полномъ порядкѣ, перекатами, въ сомкнутомъ строю, и отбившей налетавшія со всѣхъ сторонъ конныя массы красныхъ залпами и пулеметнымъ огнемъ». (Справка: выписка Донского Каз. Архива въ Прагѣ).

Несмотря на всю крайнюю напряженность боевъ 2-го и 3-го декабря, потери 16. Казаконъ были относительно невелики, ибо приходилось имѣть дѣло съ отбитыми до удара конными атаками, огонь же артиллеріи и пулеметонъ противника велся съ большихъ дистанцій и былъ мало дѣйствителенъ.

Лейбъ-Казаконъ понесли нижеслѣдующія потери:

Въ офицерскомъ составѣ были ранены подъеса. Чекуновъ и хорунжія Поповъ. (Войск. старш. Болдыренъ, заболѣвъ возвратнымъ тифомъ, былъ отпращенъ въ полковой лазаретъ, гдѣ и скончался, такъ какъ тифъ, на почвѣ прежняго раненія, осложнился воспаленіемъ мозга).

Въ казачьемъ составѣ было убито 7 казаконъ и ранено 16.

Лошадей было убито 3 и ранено 5.

Подъ вечеръ 3-го декабря красная конница отошла въ Красножоновку, и Гв. Каз. бригада, передохнувъ нѣсколько часовъ въ Шуриновкѣ, перешла въ деревню Филипповку.

Здѣсь къ дивизіи прибылъ раненый шашкой въ голову при атакѣ Красножоновки вахмистръ 4-го Донского полка, которому удалось при взятіи красными деревни спрятаться и ночью бѣжать. Онъ подслушалъ разговоръ между лицами красного комсостава, рассказывавшими, какъ были жестоко изруганы Думенко за то что, несмотря на громадный численный перевѣсъ, не смогли раззавить отходившую горсть Гв. Казачьей бригады.

Въ Филипповкѣ дивизія простояла три дня.

Отходъ Донской Арміи продолжался, и ряды ея быстро таяли.

Къ серединѣ декабря 1-я дивизія, въ составѣ 183 штыковъ и 103 ша- шекъ, въ районѣ Каменской, вошла въ составъ своднаго отряда, общей чис- ленностью въ 773 человека. При полку находились войсковой старшина Во- ронинъ, подъесауль Могилаянскій, подъесауль П. Кутейниковъ и прибывшій съ послѣднимъ пополненіемъ въ 80 пѣшихъ казаковъ, только что произве- денный въ офицеры хорунжій Фабрицкій.

Генералы Дьяковъ и Фарафоновъ были спѣшно командированы въ Ро- стовъ для формированія и привода на фронтъ пополненія изъ всѣхъ казаковъ 1-го Донского запасн. полка и всѣхъ тыловыхъ казаковъ 1-й Донской дивизіи.

Отходъ Донской Арміи продолжался, и 17 декабря Лейбъ-Казакѣ, въ со- ставѣ 27 человекъ, при хор. Фабрицкомъ, дали свой послѣдній бой подъ стани- цей Лихой, послѣ котораго послѣдніе остатки строевого состава были отосла- ны на укомплектованіе въ Ростовъ, куда и прибыли вмѣстѣ съ обозомъ 21-го декабря.

23-го декабря кадрамъ 1-й Донской дивизіи было приказано, совмѣст- но съ 1-мъ Донскимъ запаснымъ коннымъ полкомъ, перейти черезъ стани- цы Ольгинскую, Хомутовскую и Кушевку, въ станицу Екатерининскую, Ку- банской Области, гдѣ немедленно начать формированіе.

Спѣшно ликвидировавъ полковой Ростовскій лазаретъ (отправкою ча- сти больныхъ и раненыхъ въ Екатеринодаръ), и поднявъ все, что было воз- можно изъ своихъ запасовъ, Лейбъ-Казакѣ перешли въ станицу Екатеринин- скую. Сюда же прибылъ и ветеринарный лазаретъ полка. Въ ряды полка влились казаки 1-й сотни 1-го Запаснаго и одной сотни 2-го Запаснаго пол- ка, нѣсколько вахмистровъ и урядниковъ Конвоя Командующаго Донской Ар- міей и укомплектованіе изъ мобилизованныхъ молодыхъ казаковъ. Сталь въ строй рядъ офицеровъ, почти оправившихся отъ раненій и тифа, и полкъ очень быстро развернулся въ составѣ трехъ конныхъ сотенъ (№№ 1, 3 и 6) и командъ пулеметной и связи.

Къ 15-му января 1920 года, усиленной работой офицеровъ, полкъ сно- ва былъ готовъ къ отправкѣ на фронтъ (къ тому времени относительно проч- но установившейся по Дону).

Начинался новый періодъ полковой работы.

Потери Лейбъ-Гвардіи Казачьяго полка за періодъ съ 10-го сентября по 31-ое декабря 1919 года выразились въ слѣдующихъ цифрахъ:

		ОФИЦЕРЫ				КАЗАКИ				ЛОШАДИ			
Дата	Место боя	убит.	ран.	безъ вѣсти проп.	тифазыл.	убит.	ран.	тифъ сыще	безъ вѣсти проп.	уб.	ран.	чесот. и подб.	
сентябрь													
11-ое.	Перепр. у Бабокъ						3						
12.	г. Пандовскъ-Бабки		3			1	13			12	14		
23.	Гикауша					3	10				1		
24.	Журавка					2	8			1	2		
26.	Морозовка и Семеновка		1			1	7				1		
28.30.	Сторожень					4	10			1			
октябрь													
2-ое.	Бугурашовка					2	6				1		
4.	Макогоново		1			3	7			1			
5.	Сѣриково					1	8				2		
6.	Колодѣвка						5						
7-19.	Развѣдка и мелкія стычки.					1	5						
19.	ст. Таловая						3				1		
21.	Алекс. поселокъ		1			4	21			4	14		
22.	Алекс. поселокъ	1	1			10	35						
24.	ст. Таловая		2			8	24			5	14		
26.	Барючинск. пос.			1		1	4						
съ 27. IX. по 28. X.	отходъ на Гороховку					2	12	10					
ноябрь													
28.30.	Голынка, Осетровка					5	25			1	5		
декабрь													
1-3.	д. Полтавская		2			7	16			3	5		
3-23.	Отх. до Ростова.					7	20	46		3	15		
ИТОГЪ съ 11 сентября по 23 декабря		1	11	4	9	62	242	56	Тифъ	424	31	75	63

128

ПРИЛОЖЕНИЯ КЪ ГЛАВЪ ХИ-И.

А) ИЗМѢНЕНІЯ ВЪ СПИСОЧНОМЪ СОСТАВѢ ЛЕГІОНЪ ГВАРДИИ КАЗАЧЬЯГО ПОЛКА ЗА 1919 ГОДЪ.

Зачислены въ списки полка приказомъ по Войску Донскому, въ знакъ признательности Войска за ихъ заслуги.

1. Генеральнаго Штаба ген.-лейтенантъ
Николай Григорьевичъ Чернозубовъ.	Зачисленъ въ знакъ благодарности Донского Войска за ликвидацию наступленія красныхъ на Донскъ въ февраль 1918 года.
2. Командующій Вооруженными Силами Юга Россіи ген.-лейтенантъ Антонъ Ивановичъ Денисовъ.	Зачисленъ въ знакъ благодарности Донского Войска за ихъ боевую дѣятельность въ совместной съ Донск. Войскомъ борьбѣ съ большевиками.
3. Нач. Штаба К-скаго В. С. Ю. Р.
Ген. Штаба ген.-лейтенантъ Романовскій.	Зачисленъ Донецкимъ Атаманомъ по ходатайству г.г. офицеровъ полка.
4. Генеральнаго Штаба ген.-лейтенантъ Федоръ Федоровичъ Абрамовъ.	Зачисленъ въ знакъ благодарности В. Донского за изгнание большевиковъ въ юнѣ 1919 г. изъ предѣловъ Области Войска Донского.
5. Командующій Донской Арміей ген.-лейтенантъ Сидоричъ.	Зачисленъ въ списки, какъ бывший командиръ полка.
6. Командиръ Гвардейской Казачьей бригады ген.-майоръ Василій Аврамыевичъ Дьяковъ.	

Зачислены въ списки полка для службы въ рядахъ.

1. Есаулъ Шепетковскій Иванъ Александровичъ	Коренной офицеръ полка съ 1907 г.; вернулся въ ряды полка въ мартѣ 1919 г.
2. Подъеса. Кобелевъ Юрій Михайловичъ	Коренной офицеръ полка выпуска 1916 г.; вернулся въ ряды полка въ мартѣ 1919 г.
3. Есаулъ Андреевичъ Валентинъ Петровичъ	Коренной офицеръ полка выпуска 1909 г.; вернулся въ ряды полка въ августѣ 1919 г.
4. Подъеса. Жеребковъ Алексѣй Михайловичъ	Вновь принятъ въ полкъ въ апрѣлѣ 1919 г.
5. Подъеса. Моргуновъ Александръ Степановичъ	То же — въ июлѣ 1919 г.
6. Хор. Анисенковъ Левъ Ивановичъ	То же — въ сентябрѣ 1919 г.
7. Хор. графъ Граббе Николай Александровичъ	Вольноопредѣляющіеся Л. Гв. Казачьяго полка; произведенъ въ оф. чинъ въ октябрѣ 1919 г. по поддержаніи экзэмена при Новочеркасскомъ Училищѣ.
8. Хор. Ефремовъ Николай Николаевичъ	
9. Хор. Реми Александръ Владимировичъ	

10. Хор. Фибриций Георгій Семеновичъ	Вольноопредѣляющійся Л. Г.
Каз. полка; произведенъ въ
офиц. чинъ 2 ноября 1919 г.
по выдержанн. экзамена въ
Новочеркасскомъ Училищѣ.
Изъ подхорунжихъ полка
(кадр. Лейбъ-Казакъ), по вы-
держанн. экзамена при Ново-
черк. Учили. 2 ноября 1919 г.
Для подготовки къ экзамену
на офиц. чинъ и зачисленію
въ полкъ офицеромъ.
По постановленію Войск Кру-
га для службы въ строю.
11. Хор. Жеребковъ Алексѣй Сергѣевичъ	
12. Хор. Поповъ Иванъ Ивановичъ	
13. Вольноопредѣляющійся графъ Орловъ-Денисовъ
Владиміръ Васильевичъ	
14. Тит. сов. Ефремовъ Степанъ Федоровичъ	

Прикомандированы къ полку:

1. Шт.-кап. Тусевичъ Владиславъ Брониславовичъ	(Участвовалъ въ рядахъ пол-
ка въ бояхъ весны и лѣта
1919 г., а затѣмъ откоманди-
ровался по своему желанію
въ Добр. Армію для службы
въ своей частн).
2. Вольноопредѣляющійся графъ Ребиндеръ	

Исключены изъ списковъ полка въ теченіе 1919 г.:

1. Есаулъ Пашковъ А. Т.	Убиты

въ строю полка

въ бояхъ 1919 года.

Скончались отъ эпидеміи.

Безъ вѣсти пропали въ бое-
вой обстановкѣ, будучи эва-
куированы изъ строя полка.
По болѣзни въ отставку.
То-же.
Переводъ въ другія части.
То-же.
То-же. |
2. Сотникъ Дубенцевъ Г. Ф.	
3. Сотникъ Салтаковъ К. К.	
4. Хорунжій Денисовъ Б. М.	
5. Сотникъ Усачевъ И. К.	
6. Хорунжій Филатьевъ В. Г.	
7. Сотникъ Анщенко Д. И.	
8. Хорунжій Изовайскій И. Д.	
9. Сотникъ Грековъ Б. П.	
10. Войск. старш. Болдыревъ А. Н.	
11. Есаулъ Боковъ П. А.	
12. Сотникъ Чекуновъ З-й А. Я.	
13. Хорунжій графъ Граббе Н. А.	
14. Подъесаулъ Туркинъ В. И.	
15. Вольноопредѣл. графъ Орловъ-Денисовъ В. В.	
16. Войск. старш. Кундюковъ И. А.	
17. Есаулъ Шелетковскій И. А. (съ прозв. въ войск. ст.)	
18. Хор. Балабинъ О. А.	
19. Сотникъ Черновъ И. А.	
20. Подъес. Скалозубовъ В. Е.	

Къ концу 1919 года въ постоянной отъ Д. Гв. Казачьяго полка командировкѣ находились:

1. Полковникъ Номикосовъ	командиромъ 1-го Донскаго Запаснаго коннаго полка.
2. Войск. старш. Андряновъ	Командиромъ 1-й сотни того же полка.
3. Есаулъ Нарышовъ	Командантомъ полк. лазарета въ Ростовѣ.
4. Сотникъ Жеребковъ	Адъютантомъ Донскаго Атамана.
5. Войск. старшина Рыковскій	Командиромъ Га. Донской полусотни при Ставкѣ Главнокомандующаго В. С. Ю. Р.
6. Сотникъ Ляховъ	Взводнымъ офицеромъ той же полусотни.
7. Подполковникъ Шаминъ	Начальникомъ полкового тылового конскаго лазарета больныхъ и раненыхъ лошадей.

Б) ДОНСКОЕ ДВОРЯНСТВО ВЪ БОРЬБѢ СЪ БОЛЬШЕВИКАМИ ВЪ 1919 ГОДУ.

Въ началѣ октября 1919 года Лейбъ-Гвардін Казачій полкъ получилъ нѣсколько неожиданное пополненіе въ лицѣ помощника предводителя дворянства Донскаго Округа С. Ф. Ефремова и профессора Новочеркасскаго Политехникума Богачева, «шкаранныхъ» Крутомъ за вызовъ на дуэль члена Крута П. Агѣева.

С. Ф. Ефремовъ съ 1918 года, какъ всѣ Донскіе казаки, былъ мобилизованъ и служилъ въ частяхъ генерала Мамонтова. Последний, желая использовать знанія Ефремова, какъ коннозаводчика и знатока лошади, поручилъ ему ремонтное лошади своего корпуса. По роду своей работы, для контакта съ Управленіемъ Донскаго Коннозаводства, С. Ф. Ефремовъ звѣздчалъ въ Новочеркасскъ. Въ одинъ изъ такихъ приѣздовъ, онъ въ газетѣ «Донскія Вѣдомости» прочелъ статью П. Агѣева, гдѣ говорилось слѣдующее:

...«Всѣ эти Ефремовы, Иловайскіе, кои вопить о несправедливомъ отобраніи у нихъ земли, сами грабители, и отобраніе у нихъ земель будетъ отобраніемъ краденнаго у вора»... и далѣе въ томъ же духѣ, съ поношеніемъ предковъ С. Ф. Ефремова. По обычаю революціонной интеллигенціи, авторомъ статьи пренебреглась историческая перспектива, и событія екатерининскихъ временъ разсматривались какъ бы происходящими на фонѣ «демократическихъ» воззрѣній весны 1917 года. Такъ, напримѣръ, заселеніе крестьянами пустующихъ и никому не приносящихъ пользы земель, благотворное по екатерининскимъ временамъ, разсматривалось, какъ преступленіе надъ населеніемъ Донской Области, въ 1917 году испытывавшимъ нужду въ свободной землѣ, и т. д. и т. д.

С. Ф. Ефремовъ потребовалъ исправленія статьи.

Агѣевъ предложилъ обратиться въ судъ. Ефремовъ отвѣтилъ вызовомъ на дуэль. Агѣевъ обратился къ защитѣ Крута, изобразивъ дѣло не какъ личное С. Ф. Ефремова (какъ оно было въ действительности), а какъ покушеніе богатыхъ помещиковъ на его, члена Крута, жизнь.

Далѣе приведемъ дословную выдержку изъ изданной въ 1926 году въ Москвѣ книги донскаго писателя Калинина (какъ и самъ Агѣевъ, перешедшаго на службу

къ большевикамъ и издавшия свою книгу въ выполнение социального заказа сполна новыхъ господъ):

... «Донские помѣшники рѣшили раздѣлиться съ Агѣевымъ открыто...

Оскорбленный дубръ послалъ Агѣеву письмо съ вызовомъ на дуэль.

Поступокъ помѣшника вызвалъ негодование среди законодателей, кои знали, что это вызовъ всему Кругу... Личная безопасность заставила членовъ Круга позабыть, что ихъ учрежденіе законодательное, а не судебное, и приступить къ роли судей въ своемъ же собственномъ дѣлѣ... Резолюція гласила: Предложить Донскому Атаману землевладѣльцу С. Ф. Ефремову лишити званія Донского казака и отправить его, въ качествѣ рядового, въ первоочередную воинскую часть, безъ права зачисления на вѣстовые и тыловые должности.

Землевладѣльца Захарова и инженера Богачева также отправить въ качествѣ рядовыхъ въ первоочередныя части, безъ права зачисления въ штабы и тыловые должности.

Фронтъ законодатели разсматривали какъ каторгу.

Недаромъ же фронтовики такъ ненавидѣли окопавшихся въ тылу «хузищевыхъ»... (Справка: Калининъ, Русская Воля, Изд. 1926 г., Москва).

Захаровъ, не казакъ, отбылъ по мѣсту постоянной своей службы въ Добровольческую Армію, а С. Ф. Ефремовъ съ профессоромъ Богачевымъ были отправлены въ Штабъ Донской Арміи, гдѣ Начальникомъ Штаба Донской Арміи генераломъ Кельцескеромъ, хорошо знавшимъ Ефремова по службѣ въ корпусѣ генерала Мамонтова, были зачислены въ Лейбъ-Гвардію Казачій полкъ.

Въ Лейбъ-Казачьемъ полку знали С. Ф. Ефремова, какъ честнѣйшаго и прямодушнѣйшаго человѣка, и вся эта исторія привела всѣхъ только въ веселое настроеніе.

Точка арміи тыловыхъ дѣятелей на фронтѣ, какъ на мѣсто наказанія, конечно, не могла встрѣтить въ полку никакого сочувствія, и С. Ф. Ефремовъ, человѣкъ уже пожилой и по своему воспитанію штатскій, былъ немедленно приѣдненъ, какъ помощникъ полкового казначея, освобождая нужнаго для строя эту должность занимавшаго офицера.

Профессоръ Богачевъ пробылъ нѣсколько дней при походной полковой канцеляріи, заболѣвъ въ тяжелой формѣ сыпнатымъ тифомъ и былъ эвакуированъ въ Ростовъ.

Являлось ли столкновение С. Ф. Ефремова съ Агѣевымъ политическимъ выступленіемъ Донскихъ помѣшниковъ-дворянъ?

Конечно, не являлось, ибо Донское дворянство, какъ политическій факторъ, сошло со сцены еще при Временномъ Правительствѣ.

Было, правда, образовано «Общество Донскихъ казаковъ, занесенныхъ въ дворянскія родословныя книги», сохранившее архивъ и пользовавшееся одной комнатою бывшаго Дворянскаго Собранія.

Напрасно, однако, было бы искать въ относительно богатой литературѣ, рисующей условія борьбы съ большевизмомъ на Дону, какихъ бы то ни было слѣдовъ политической дѣятельности общества, ибо таковой не было.

Донское дворянство почти полностью входило въ Донской офицерскій составъ, гдѣ дворяне — потомки Войсковой Старшины екатерининскихъ и александровскихъ временъ, — слиялись съ общей массой Донского казачьяго офицерства.

По своимъ политическимъ воззрѣніямъ Донские дворяне были, конечно, монархистами и сторонниками Россійскаго Великодержавія.

Несмотря на указанное обстоятельство, Донское дворянство не участвовало въ 1918 году въ попыткѣ формировавія на границахъ Дона такъ называемой «Южной Арміи», формировавія, предпринятаго подъ лозунгомъ «За Вѣру, Царя и Отечество».

Причин тому было два: первая, это — сознание Донскимъ дворянствомъ своей кровной связи и общности судьбы съ роднымъ Донскимъ казачествомъ. Вторая — реальная деятельность заправил Южной Армии, не только не выражавшая монархической идеи, но ей противорѣчившая. Монархическій эсэунгъ здѣсь соизмѣшался съ административной практикой, характерной для совершенно опредѣленныхъ взаимоотношеній группы населения предреволюціонныхъ временъ.

Этому отрицалась составляющая сущность подлиннаго монархизма — партейность и надсостоловность государственнаго, представляемаго Монархомъ, начала.

Въ отношеніи земельного вопроса, дворянство, конечно, не могло не понимать, что происшедшая русская катастрофа не можетъ не измѣнить существовавшіе до революціи отношенія и провинило готовность къ жертвамъ.

Если донское дворянство не могло понять почему измѣненіе земельныхъ отношеній должно быть сопряжено съ поруганіемъ предковъ, то это обстоятельство не можетъ быть ему поставлено въ вину.

Тѣмъ болѣе, что работѣ и дѣятельности старой, Екатерининскихъ временъ, войсковой старшины, основоположницы донскаго дворянства, Войско было многимъ обязано. Такъ именно разумной политикой, выдвинутой донскимъ казачествомъ войсковой старшины, Донское Войско обязано сохраненіемъ своихъ земельныхъ правъ, когда въ тѣ же Екатерининскія времена, старѣйшее Малороссійское Казачество, имѣвшее вдобавокъ и болѣе солидныя юридическія основанія на владѣніи землей (въ издѣхъ хотя бы предѣльныхъ договорныхъ грамотъ съ польскими королями) не только утратило свою землю, но было и само упразднено.

Отмѣтимъ, что и послѣ принятія дѣломъ 1919 года Донскимъ Кругомъ земельного закона, окончательно установившаго безвозмездное отчужденіе всей частновладельческой земли на Дону, Донскіе дворяне продолжали такъ же жертвенно служить въ рядахъ Донскаго офицерства, какъ и до принятія этого закона.

Последній фактъ никакъ не приходится объяснять лишь связанностью Донскихъ дворянъ ихъ житействомъ съ Дѣломъ, ибо если взять для примѣра, Лейбъ-Казачій полкъ, то въ числѣ во имя высшаго долга сложившихъ свои головы въ его рядахъ были и такіе Донскіе дворяне, семьи коихъ или проигнали, или имѣли недвижимое имущество за предѣлами Россіи (Изюмскіе, графъ Граббе и т. д.).

В) ОБЩЕЕ ЗАКЛЮЧЕНІЕ НАЧАЛЬНИКА 1-ой ДОНСКОЙ КОННОЙ ДИВИЗИИ О ДѢЙСТВІЯХЪ Л. Г. В. КАЗАЧЬЯГО ПОЛКА ВЪ 1919 ГОДУ.

Закономъ главы XII-ую отъ имени Начальника 1-ой Донской Казачьей дивизіи, коренного Лейбъ-Казака, генерала В. А. Дьякова:

...«Въ первыхъ числахъ декабря 18-го года закончился для молодого Лейбъ-Гвардіи Казачьяго полка второй, самый трудный періодъ его существованія — работа пѣхоты и конными сотнями.

Хочется оглянуться на пройденный путь и еще разъ провѣрить, что было полкомъ за это время достигнуто.

Вновь сформированный весной 1918 года, подъ названіемъ 1-го Донскаго, полкъ имѣлъ составъ офицеровъ, въ особенности старшихъ, по преимуществу Лейбъ-Казачій. Къ этому же полку по своей службѣ принадлежалъ и я — командиръ этого вновь создаваемаго полка. Этотъ составъ и зоркое недремывающее око начальника дивизіи, тоже бывшаго Гвардейскаго офицера — генерала Абрамова, и опредѣлило въ дальнѣйшемъ все направленіе обученія и воспитанія и выдѣленія традицій старшихъ Лейбъ-Казачьихъ полку новому.

Не из страха или угодливости, не из тщеславия, только из здорового соревнования и стремления к одной цели — поставить свой полк на должную высоту, весь офицерский и урядничий состав прилагать в тяжелую и ответственную работу. Последняя закрепила. Результаты с каждой неделей давали себя знать.

А посему, когда летом 1918 года приказом Атамана войска полк был переименован в Лейб-Гвардии Казачий, он с полным нравственным правом мог это переименование принять — психологи полка и весь его внешний облик соответствовали вполне этому славному имени.

А ко времени вызова из февраля 1919 года на фронт — полк представлял собой крепко сбитое, прочное Лейб-Кавачье цѣлое.

Разделенный на два часа — конная и пѣшая сотни — полк от начала и до конца своих боевых действий работал дружно, всегда сохраняя чувство своего единства. Не помнится мне, чтобы были даже простые сѣтования на недостаточную поддержку одних другими. Славно работала пѣхота, и блестяще проявляла себя конница. По самой природе боя, пѣхота несла, конечно, много больших потерь, но и эта разница доли не вносила ни розни, ни неприязни. Вместе мы гордились каждым славным делом и славной смертью, и вместе оплакивали потерю каждого собрата.

Разумеется, за первые боевые выступления полка я не боялся. Я знал, что полк за себя постоят. Страх, но совершенно другого рода, появился позже, когда обозначились в полку неприятные потери боевые и утечка людей от сыпного тифа. Припоминаются другие части, выступавшие в порядке, терявшие свой состав, а с ним и вид, и значение и... существование (стрѣлковыя бригады, пластунскія бригады и многія др.).

Выдержит ли молодой Лейб-Казачий полк это испытание? Не изменит ли новые пополнения его Лейб-Кавачьей психологии, не угаснут ли новые люди его славный дух?

Эта мысль часто безпокойно копошилась на сердце.

К чести офицеров, урядников и рядовых казаков, полк и этот экзамен выдержал с честью — велики были его нравственные силы и избранные в людей сознание чести называться Лейб-Кавачьями.

В борьбе полку, как мифологическому Гераклу, не так уж часто удавалось коснуться своей матери-земли (тыла). Полк черпал силы из себя самого. И не смотря на всякия потери и невзгоды, дух полка не угасал. Не менялся даже внешний его вид.

Впоследствии и командиром бригады и начальником дивизии, я с гордостью всегда слѣдил за все так же подтянутыми, бодрыми и опрятными людьми родного полка.

В непрерывных и очень часто неравных боях и переходах, космическом тифом, свой боевой состав полк приводил иногда к 150-200 штукам и шашек, — боеспособность и внешний вид всегда сохранялись.

Исполнительность и дисциплина их были тѣ же, тѣ же оставались и доблесть и жертвенность.

Приходили пополнения, подкрепывались ближайше тыла, вновь воскресали и порывы, и опять на полк было весело и радостно смотреть.

Пронувшая в своей памяти всю вереницу полковых боев, я с той же гордостью могу сказать, что полк никогда не отказывался грудью своей защищать собрата ли по дивизии, другого ли кого, в его помощи нуждающагося.

Сколько за этот принцип было имъ крови пролито и жизней положено...

Вѣчная память ушедшим... И слава в живых оставшимся.

генералъ В. Дьяковъ»

110

Г Л А В А XIII-я

КУБАНЬ И НОВОРОССИЙСКАЯ ЭВАКУАЦИЯ.

Общая обстановка, сложившаяся съ отходомъ на Кубань. — Разбоодъ бѣлаго тыла. — Состояніе вооруженныхъ силъ бѣлыхъ и красныхъ и благополучность для первыхъ численного ихъ соотношенія. — Рѣшающее значеніе невыхода на фронтъ Кубанскихъ пополненій. — Краткій очеркъ борьбы на фронтѣ въ январѣ и февралѣ и отходъ на Новороссійскъ. — Лейбъ-Гвардіи Казачій полкъ въ составѣ 1-й Донской дивизіи переданъ въ распоряженіе Кубанскаго Атамана. — Дѣйствія полка противъ зеленыхъ. — Краткая характеристика зеленого движенія. — Недовольство Донцовъ Кубанцами. — Распоряженія Гв. Казачьей бригады, исходящія отъ Кубанскаго Атамана, по поводу въ повиновеніе мобилизованныхъ Кубанскимъ повѣлительствомъ кубанскихъ казаковъ. — Дѣйствія бригады. — Отходъ на Новороссійскъ. — Дѣйствія Атаманскаго полка и 8-ой сотни Лейбъ-Казачьяго полка въ движеніи на г. Апапу. — Бой полка подъ Новороссійскомъ. — Погрузка полка и прибытіе черезъ Феодосію въ Севастополь. — Смена Главнокомандующихъ.

Наличіе на Югѣ Россіи взаимно независимыхъ обозванныхъ Добровольческой Арміи, Дона, Кубани и Тереки, требовало созданія какого-то достаточно авторитетнаго, объединяющаго всѣхъ, общаго правящаго центра.

Реальное соотношеніе силъ, боровшихся на Югѣ Россіи съ большевиками было таково, что требовало наличія въ составѣ общаго центрального правительства очень значительнаго казачьяго представительства. Последнее диктовалось далеко не только однимъ численнымъ преобладаніемъ казаковъ въ составѣ вооруженныхъ силъ Юга. Сошлемся хотя бы на пѣнное утвержденіе Генерала Деникина, который (Стр. 276 Очерковъ) признаетъ, что... «Только самостоятельность народныхъ и общественныхъ силъ могла составить перевѣсъ въ борьбѣ съ большевиками»...

Та же мысль, нѣсколько въ иной формѣ, высказана и отвѣтственнымъ членомъ Омскаго правительства Гинсомъ: «Власть должна быть организована такъ, чтобы все населеніе (и главнымъ образомъ крестьянство) сознавало бы, что оно участвуетъ въ строителствѣ новой жизни... (Справка — Сибирь и Колчакъ. Гинсъ, стр. 313).

Дѣйствительность говорила, что изъ всего населенія Россійскаго Государства, только исключительно одно рядовое казачество съ его станичной и войсковою организаціей, проявляло необходимую широкую самостоятельность.

Участіе казачества, представлявшего одинъ изъ глубокихъ слоевъ русскаго народа, комбинировало органическій недостатокъ Добровольческой Арміи, вобравшей въ себя лишь тонкіе верхніе и средніе пласты русской интеллигенціи и полунинтеллигенціи, и придавало Бѣлому Движенію характеръ движенія народнаго.

Генераль П. Н. Красновъ, поставленный на постъ Атамана рядовымъ казачествомъ, хорошо понималъ значеніе послѣдняго и отчетливо сознавалъ необходимость общаго для Юга съ широкимъ участіемъ казачества правительствна, почему и выдвинулъ проектъ Юго-Восточнаго Союза. Съ отстраненіемъ Генерала Краснова, проектъ этотъ не получалъ движенія, пока 5-го Мая, не бытъ вновь выдвинутъ Кубанцами. И на этотъ разъ проектъ, старинныи окруженія командованія Добровольческой Арміи, бытъ похороненъ*).

Нѣкоторое содѣйствіе провалу проекта оказала Донская либеральная интеллигенція, игравшая, со времени отстраненія Генерала Краснова, руководящую роль въ Кругѣ. Предсѣдатель Круга, Харламовъ, пользуясь угрозой, созданной въ то время 10-ой Советской арміей жизненному центру Области — Ростову и испытываемой Дономъ острой нуждой въ помощи Добровольцевъ, убѣдилъ Кругъ, что... «было бы неудобно въ данный моментъ идти противъ взглядовъ Главнаго Командованія»...

Однако, 1-го Іюня Кругъ постановилъ «считать неотложной задачей по заключенію Союза въ первую голову съ Кубанью и Тереккомъ, при дружномъ сотрудничествѣ съ Главнымъ Командованіемъ В. С. Ю. Р. въ дѣлѣ общихъ задачъ по возсозданію единой Великой Родины — Россіи».

Несмотря на такую точную, ясную и правильную формулировку, проектъ Союза бытъ враждебно встрѣченъ группировавшимися около Добровольческой Арміи Россійскими общественниками.

Постановленіе — протестъ соединеннаго засѣданія, 20-го Іюня, центра и правыхъ (Национальный Центръ и Союзъ Государственнаго Объединенія), поддержанное и лѣвыми (Статья Предсѣдателя Союза Возрожденія Мякотина) между прочими откровенными, гласило:... «Нынѣ, когда возстанавливается единство Россіи, причѣмъ представителемъ ея въ Сибири является Колчакъ,

*) Россійская общественность, окружавшая Командованіе Добровольческой Арміи, не понимала, или, вѣрнѣе, не хотѣла понимать необходимости считаться съ рядовымъ казачествомъ. Даже самое значеніе участія въ Бѣломъ Движеніи казачества умалительно умалжалось: говорилось, что казаки-де поднялись на борьбу лишь въ защиту своего быта и имущества, т. е. какъ бы только лишь на защиту своихъ «шкурныхъ» интересовъ. Какъ будто мужественное и жертвенное оставленіе цѣпою собственной крови и жизни, устоенъ быта уважающаго себя свободнаго человѣка не составляло дѣйственной защиты основъ подлинной государственности?.. И какъ будто, хотя и высокопарная, но бездарная, пустая, не подкрѣпленная никакимъ путнымъ дѣломъ, болтовня Россійскихъ общественниковъ, забившая всѣ тыловые города Юга Россіи, была сколько-нибудь достойна уваженія?

Тѣ же круги ставили въ вину казакамъ неравеніе въ правахъ пришлыхъ крестьянъ, умалительно забывая, что вопросъ объ улучшеніи ихъ благосостоянія составлялъ долгъ общегосударственной власти и долженъ бытъ быть ею разрѣшенъ, отнюдь не за счетъ имущественныхъ правъ казаковъ.

111

а на Юге Добровольческая Армия, сплотившая все антибольшевистские силы и победоносно двигающаяся на Москву, возобновление вопроса о создании Южно-Русского Союза не только не оправдывается современной обстановкой, но политически предно, так как препятствует воссозданию единой государственности»...

Это постановление настолько характерно, что заслуживает нескольких дополнительных строк:

Добровольческая Армия, при всей чистоте намерений ее основоположников, честности и патриотизме ее руководителей и высокой доблести ее основного офицерского кадра, опиравшаяся на партийный спектр полностью за 1917-ый год обанкротившейся пресловутой «общественности», в действительности была только составною частью совокупности сил борющихся на Юге России с большевиками, почему не могла олицетворять ни монополию Российской Государственности, ни представлять единство России.*)

Неверными представлялись и ссылки постановления на «сплоченность сил» и «победоносность движения на Москву.

Отсутствие сплоченности бросалось в глаза, а победоносность движения на Москву была, как мы видели выше, весьма непрочной и условной, ибо выигрывалось лишь пространство, без уничтожения кадров живой силы противника, движение вперед шло по расходящимся направлениям и без создания прямого и прочного контакта с сколько-нибудь широкими массами освобожденного населения.

Наконец, мысль о воссоздании Российской Государственности, вне контакта и прямого участия глубоких слоев населения, настолько неясна, что объяснить ее одним возвышенно-патриотическим настроением российских общественников не приходится и нужно искать дополнительного объяснения.

Общественники... «захватывали лишь тонкий слой Русской интеллигенции, не проникая корнями своими в толщу народную»...**)

Естественно заключить, что и мысль о возможности появления на Юге России правительства, опирающегося на мощный и организованный казачий глубокий слой подлинного населения, была им органически непримлема.

Результатом указанного настроения увилась затяжка на безконечность работ конференции по созданию Южно-Русской власти.

В тщетных переговорах, затягиваемых, несмотря на крайнюю уступчивость, проявленную Донскими делегатами, своеобразным «самостоятельством» представителей Добровольческой Армии и, в противовес югу, упрямым упорством их Кубанских антиподов, была потеряна весь 1919 год.

В конце года общая обстановка резко изменилась.

...«Фронт» катился на юг, Российская территория сокращалась и стра-

*) Характерно, что при признании верховной власти адмирала Колчака Добровольческое возглавление выговорило себе широкую независимость и самостоятельность.

***) Генералъ Денюкинъ. Стр. 157-я.

тегическая обстановка создавала все большую нашу зависимость от казачьих сил и настроений» — говорит Генералъ Деникинъ.

Казачество Дона, Кубани и Терека, отчаявшись въ результатахъ работъ конференціи, образовало 5-го Января 1920 года, въ Екатеринодарѣ учрежденіе Общаго Верховнаго Круга, составленнаго изъ делегатовъ всѣхъ трехъ войскъ. Верховный Кругъ, 16-го Января, вступилъ въ переговоры съ Командованіемъ Добровольческой Арміи объ образованіи общаго правительства Юга Россіи.

Теперь Генералъ Деникинъ былъ уже склоненъ на широкія уступки: «Никакія ограниченія гражданской власти (командованія въ пользу казаковъ) не велики, если ими можетъ быть достигнуто оздоровленіе казачества и побѣда надъ большевиками»... (Генералъ Деникинъ. Ч. V-я. Стр. 295).

Однако, «упущенное время смерти подобно» и, хотя общее правитель-ство и было въ концѣ концовъ образовано, но, въ изменившейся кореннымъ образомъ обстановкѣ, оно опоры себѣ найти не могло:

Не могло ему оказать сильной поддержки Донское войско, вообще игравшее руководящую роль въ казачествѣ, но, съ отходомъ на Кубань и утратой своей территории, уже не имѣвшее прежняго цѣля.

Не могло поддержать и Добровольческое Командованіе, послѣ ряда катастрофическихъ неудачъ и отхода на Кубань, насчитывавшее въ Добровольческихъ рядахъ всего 10.000 штыковъ и не имѣвшее прежняго авторитета.

Выдвинулись впередъ Кубанскіе самостійники «съ душами, отравленными плеведами, кои выросли изъ сѣмянъ злобы и недовѣрія, сѣявшихся днемъ за днемъ въ теченіе трехъ лѣтъ»... (Генералъ Деникинъ. Стр. 313).

Самостійники эти имѣли весьма малый удѣльный вѣсъ въ казачествѣ и въ случаѣ пораженія большевиковъ, несомнѣнно бы автоматически сошли совѣсть на иѣтъ*), но при данныхъ обстоятельствахъ подняли голову, проявивъ потрясающее убожество мысли, полное непониманіе реальной дѣйствительности и исчерпывающе выявивъ... свою глубочайшую оторванность отъ рядового Кубанскаго Казачества.

Такъ неспособность своевременно сговориться по вопросу созданія общаго, равно-авторитетнаго для всѣхъ правящаго центра и точно формулировать ближайшія, дорогія и понятныя рядовой массѣ цѣли — привела не только къ невозможности поднять крестьянскій слой, но и вызвала охлажденіе къ дѣлу въ рядовомъ казачествѣ.

Рядовая масса Кубанскаго казачества, еще такъ недавно несшая колоссальныя жертвы и являвшая чудеса боевой доблести, предоставленная самой

*) Генералъ Филимоновъ, Кубанскій Атаманъ, которому хорошо была извѣстна закулисная дѣятельность кубанскихъ самостійниковъ, писалъ генералу Деникину: «Когда въ маѣ сибирскія войска подходили къ Волгѣ, наши самостійники сами приготовились сложить оружіе»... (Генералъ Деникинъ. Стр. 207).

142

себя, потеряла ифру въ успѣхъ борьбы, впала въ апатію и не шла больше ни за Командованіемъ, ни за своими Кубанскими властями и избранниками.

Какова же была обстановка въ дѣйствительности и исключала ли она возможность побѣдъ надъ большевистской арміей?

Изученіе опубликованныхъ матеріаловъ по этому вопросу и въ особенности совѣтскихъ источниковъ имѣетъ исчерпывающій отвѣтъ: побѣда Бѣлыхъ была не только возможна, но еще никогда условія фронта и соотношенія силъ не были такъ благопріятны для В. С. Ю. Р....

Совѣтскія арміи докатились до Дона въ плачевномъ положеніи: потери въ бояхъ, страшнѣйшая эпидемія тифа, колоссальное дезертирство уменьшили численность ихъ до 60.000.

Тылъ отсутствовалъ: ...«железныя дороги — говорятъ совѣтскіе источники, разрушенныя противникомъ, стали. Между Красной арміей и центромъ образовалась пропасть въ 400 верстъ, черезъ которую ни провезти пополненія, ни произвести эвакуацію, ни организовать санитарную помощь было невозможно...»*)

Совѣтская армія была принуждена жить исключительно реквизиціями и грабежомъ, что, разлагая ее, одновременно еще больше озлобляло и безъ того враждебно краснымъ населеніе тыла.

Районъ крестьянскихъ возстаній, ослаблявшихъ бѣлый тылъ, имѣлъ ослаблять красныхъ.

...«Пѣхота красныхъ была деморализована и выдохлась и только конная армія Буденнаго и Думенко не потеряли боеспособности и активности,» говоритъ Генералъ Деникинъ.

Донесенія съ Юга Ворошилова Совнаркому не оставляютъ никакихъ сомнѣній въ катастрофичности положенія Красной арміи, въ случаѣ необходимости отхода по враждебному тылу, въ условіяхъ полного развала и отсутствія жел.-дор. сообщенія, осужденной на поляню и конечную гибель.

Численное соотношеніе Бѣлыхъ было благопріятно намъ: на главномъ театрѣ, по Дону и Салу, противъ 60-тысячъ красныхъ Генералъ Деникинъ располагалъ 54-тысячами бойцовъ, при 289 орудіяхъ (Донская Армія 37 тысячъ, Добровольческая армія 10.000, Кубанская армія — 7000).

Разсмотримъ настроенія Бѣлыхъ бойцовъ:

Добровольческая Армія, сведенная въ корпусъ, уменьшилась до 10.000 штыковъ, но при этомъ отпали всѣ случайные, мало устойчивые элементы ея и за Донъ отошелъ крѣпкій офицерскій кадръ Добровольческаго офицерства, сохранившій полностью свою боеспособность.

Донская Армія, только что пережившая упадокъ духа, быстро оправлялась.

«Съ, оставляющей Донъ Донской Арміей покидали свои очаги десятки тысячъ казачьихъ семей. И нужно было видѣть въ Декабрѣ 1919 года безконечныя степныя дороги, по которымъ тнулись сотни тысячъ головъ скота и овецъ, табуны лошадей и десятки тысячъ подводъ, нагруженныхъ стари-

*) Журналъ «Военная наука и революція», книга I-ая, 1921 годъ

ками, женщинами и детьми... чтобы понять трагедию Донского казачества», пишет П. А. Скачков.

«Это были потоки Донских казаков, вѣрѣе, ихъ семействъ и калмыковъ. Здѣсь народныя массы, не желавшія подчиниться большевикамъ, уходили со своей территоріи, покидая свои станицы и хутора, это была грандіозная картина переселенія цѣлаго народа, возвращавшая насъ ко временамъ средневѣковья»..., пишет Раковский — «Въ станѣ Бѣлыхъ». Стр. 54-55.

...«Съ пятидесятитысячной Донской Арміей шель Атаманъ, Правительство, Войсковой Кругъ и свыше трехсотъ тысячъ бѣженцевъ»... говорить «Донская Литотпись». Т. 1-й, Стр. 7-8.

Совершенно естественно поэтому, что... «Отходъ за Донъ и нѣкоторая передышка адвое увеличили силу Донской Арміи, успокоили нервы и вернули самообладаніе. А первые успѣхи вернули и активность»... (Генералъ Деникинъ. Стр. 269, Т. V-й).

Вопросъ сводился только къ Кубанцамъ, выходъ коней на фронтъ, въ подкрѣпленіе своей растаявшей до 7000 штыковъ и шашекъ арміи, рѣшалъ дѣло, давая нужный перевѣсъ для перехода въ побѣдоносное наступленіе.

Кубанцы, охваченные апатіей, на фронтъ не вышли...

5-го Января красное командованіе перешло въ наступленіе, нанеся главный ударъ въ стыкъ Добровольческой и Донской Арміи.

Ударъ этотъ былъ 6-го Января отбитъ конницей Генерала Топоркова (Кубанская дивизія, Терская дивизія и конная бригада Генерала Барбовича) совместно съ III-мъ и IV-мъ Донскими корпусами.

Советское командованіе, убѣдившись въ стойкости лѣваго фланга бѣлыхъ, сосредоточило на нижнемъ Манычѣ конную массу Буденнаго и Думенко, поддержанныхъ нѣсколькими пѣхотными дивизіями.

Красная конница 14-го Января перешла Манычъ.

Командующій Арміей Генералъ Сидоринъ быстро парировалъ ударъ сосредоточивъ 6 конныхъ дивизій, кои въ бояхъ съ 16-го по 20-е Января разбили ударную группу большевистской конницы, взявъ много пѣхотныхъ и всю артиллерию 1-й советской конной арміи. Одинъ только 4-й Донской корпусъ, бывший подъ командой Генерала Павлова, захватилъ 40 орудій.

Противникъ бѣжалъ за Манычъ.

Советское командованіе, потерявъ надежду опрокинуть фронтъ съ Северо-Востока, перенесло ударъ еще восточнѣе въ направленіи отъ Великокняжеской на Тихорѣцкую и перешло здѣсь въ наступленіе силами 10-й и 1-й конной арміями. Генералъ Сидоринъ перебросилъ въ противобѣсъ свою сильную стойкую конную группу Генерала Павлова въ 10-12 тысячъ коней.

3-го Февраля Генералъ Павловъ, опрокинувъ Думенко, двинулся по нижнему Манычу на ст. Торговую.

Этотъ форсированный маршъ по лѣвому берегу Маныча, безплодному и не населенному, въ жесточайшій морозъ и бурань, погубилъ безъ боявъ

конную группу, потерявшую за три дня переходов более половины состава людей и лошадей замерзшими, обмороженными и заболевшими.*)

Попытка захвата Торговой не удалось, и Генерал Павлов вернулся в район ст. Егорлицкой.

7-го Февраля Добровольческий корпус стремительным наступлением овладел Ростовом, взяв 22 орудия, 163 пулемета, 6 бронепоезда и 4 тысячи пленных, а Донской корпус Генерала Гусельщикова, на путях к Новочеркасску, захватил станцию Аксайскую, взяв 15 орудий, 20 пулеметов, 2 тысячи пленных, двух начальников дивизий, штаб 13-й советской дивизии и полевой штаб VIII-й армии.

Однако, успех левого фланга не мог поправить неудачи на правом, где 1-я конная армия Буденного, совместно с X-й советской армией, выставив заслон против временно небоеспособной конницы Генерала Павлова, двигалась вдоль жел. дороги Царицын-Тихорецкая, имея против себя лишь слабые части Кубанской армии, не пополняемая с тыла и быстро распада-

*) Саморазгром активной конной группы ген. Павлова, представлявшей единственный маневренный резерв всего белого фронта, был чреват последствиями, и на нем стоило остановиться. В глазах Донских частей он не мог не явиться ударом по авторитету Главнокомандующего генер. Деникина и командующего фронтом ген. Сидорина. Жертвою указанного настроения Донцов пал ген. Павлов.

Приведем рассказ участника злополучного похода, ген. Секретева, заимствованный нами из записки начальника 1-ой Донской ген. Дьякова.

Получив приказ двигаться по левому безлюдному берегу Маныча, ген. Павлов, по настоянию старших начальников, просил штаб фронта разрешить ему двигаться правым населенным берегом, на что согласия не получил. Ген. Павлов собрал старших начальников. Последние пришли к заключению, что штаб фронта не в курсе обстановки и что надлежит, вопреки настоянию штаба, двигаться все же по правому берегу. И в этом случае, по их суждению, Буденный будет вынужден повернуть и принять бой в невыгодном для себя соотношении сил. (По подсчету ген. Секретева, 17 тыс. конных Донцов против 14 тысяч у Буденного).

Ген. Павлов ответил, что он слишком старей солдат, чтобы не исполнять приказаний начальника, и двинулся по пути, ему указанному штабом фронта. Результат был плачевным. Сцены замерзания и гибели людей и лошадей целыми взводами были кошмарны. Ген. Секретев определял количество выбывших из строя в 9 тысяч.

«Настроение казаков по возвращении, — говорит ген. Дьяков, — было просто опасным и к ген. Павлову открыто враждебным. На военном совете старших начальников, названном впоследствии «бунтом» Донских генералов, последние предложили (посоветовали) генералу Павлову, ввиду создавшегося положения, сложить командование.

Генерал Павлов уступил, и командование принял популярный среди рядовых казаков ген. Секретев. В вид репрессий последний был штабом смещен и заменен ген. И. Поповым...

давшаяся, несмотря на большую доблесть, *) проявленную некоторыми изъ остатками.

Ослабленная конная группа Генерала Павлова, 12-го Февраля, у Горькой Балки, сдѣлала отчаянную попытку остановить движение выходящаго въ тылъ бѣлаго фронта Буденнаго, но послѣ тяжелаго боя, потерявъ почти всю артиллерию, была вынуждена отойти.

Неудача праваго фланга и выходъ крупной массы конницы противника въ тылъ предопредѣлили и дальнѣйшій ходъ событий:

16-го Февраля былъ оставленъ г. Ростовъ и началъ общій отходъ бѣлаго фронта, скоро обратившійся въ стихійный потокъ вооруженныхъ отрядовъ, обозовъ, безоружныхъ толпъ и огромныхъ бѣженскихъ таборовъ, неудержимо стремившійся на Новороссійскъ.

Обрисовать возможно коротко общій ходъ событий, вернемся къ дѣятельности Лейбъ Гвардіи Казачьяго полка.

Какъ было указано въ предыдущей главѣ, 1-я Донская дивизія съ оставленіемъ Донской Области, была сосредоточена въ районѣ станицы Екатеринославской Куб. Обл., гдѣ получила пополненіе и спѣшно готовилась къ выступленію на фронтъ.

Во главѣ дивизіи стоялъ Генералъ-Маіоръ В. А. Дьяковъ. Лейбъ-Казачьямъ полкомъ командовалъ Генералъ-Маіоръ В. И. Фарафоновъ (5-го Февраля онъ вступилъ въ исполненіе должности командира Гв. Казачьей бригады, а во вр. командованіе полкомъ вступилъ Полковникъ К. Р. Поздѣевъ). Изъ штаба офицеровъ въ полку состояли налицо — Полковникъ В. В. Колоновъ и, принявшій завѣдываніе хозяйствомъ, Полковникъ Н. П. Воронинъ. Поакъ первоначально былъ развернутъ въ составѣ двухъ полныхъ конныхъ сотенъ (№ 1 Есаулъ Агафоновъ и № 6 Есаулъ Кундрюковъ), поздѣе, въ концѣ Февраля, была добавлена конная сотня, составленная изъ слабосильныхъ лошадей (№ 3 Войсковой Старшина Б. Ф. Дубенцевъ). Пулемети й командой командовалъ Есаулъ Евфимьевъ.

Въ полку шла лихорадочная работа по приводу сотенъ въ порядокъ и велись интенсивныя строевыя занятія.

Разболтаннѣмъ условіями гражданской войны казакамъ поступившаго въ полкъ пополненія регулярныя занятія и строгій порядокъ въ полку были не по душѣ и въ первыя недѣли наблюдалось своеобразное явленіе — дезертирство въ полки, находящіяся на фронтѣ къ своимъ станичникамъ. Командиры полковъ на фронтѣ дорожили каждой лишней винтовкою и шашкой и бѣглецовъ не выдавали.

Да и не только командиры полковъ фронта, но и самъ командующій Арміей Генералъ Сидоринъ не считалъ нужнымъ вернуть 8 трубачей, бѣжавшихъ изъ полка съ музыкальнымъ инструментомъ и сановольно зачисливъ

*) Геройская гибель штаба 1-го Кубанскаго корпуса, во главѣ съ командиромъ Корпуса генераломъ Крыжановскимъ, подѣ Бѣлой Глинной, хорошо изложена въ со. вѣтской книгѣ Б. Майстраха «Маньчж.-Новороссійскъ».

111

шихся в хоры, созданный при штабе Армии, для развлечения командующего.*)

Работа офицерского состава быстро дала свои плоды и к концу Января полк представлял собою хорошо сбитую воинскую часть, ожидавшую выдвигания на фронт. Несколько неожиданно, 26-го Января, вся 1-я Донская дивизия была выдвинута из состава Донской Армии и передана Генераломъ Сидоринимъ въ распоряжение Кубанскаго Атамана Генерала Букретова, нуждавшагося въ надежной воинской части для борьбы съ зелеными, приступившими къ дѣйствіямъ въ непосредственной близости Екатеринодара.

Полкъ въ составѣ 1-й дивизии, 27-го Января, погрузился на ст. Крыловской въ эшелоны и двинулся черезъ Екатеринодаръ въ станицу Ильскую, куда прибыть 31-го.

Проѣздомъ черезъ Екатеринодаръ семейные офицеры получили возможность повидать свои семьи. Здѣсь стоялъ эвакуированный изъ Ростова лазаретъ полка. Размѣстить его въ городѣ за забитостью послѣдняго тыловыми и правительственными учреждениями не удалось и лазаретъ размѣщался въ вагонахъ-теплушкахъ, поставленныхъ на запасныхъ путяхъ станицы Екатеринодаръ. При лазаретѣ жили эвакуированные съ Дона семьи офицеровъ, дѣвать кои больше было некуда. Первые дни прибытія лазарета въ Екатеринодаръ были кошмарны. Вся станица и запасные пути были забиты эшелонами полными сыпнотифозными и ранеными. Лазареты въ городѣ были переполнены и о вновь прибывшихъ никто не заботился. Эшелоны стояли по нѣсколько дней, не получая не только пищи, но не имѣя возможности достать даже горячей воды. Два дня стоялъ неразгруженнымъ длиннѣйшій санитарный поѣздъ, гдѣ мертвецы лежали вперемежку съ умирающими, въ которомъ слегъ въ тифу весь медицинскій персоналъ, а уцѣлѣвшіе санитары разбѣжались. Раненые и больные, предоставленные себѣ, отъ холода, голода и отсутствія ухода, быстро умирали. Станціонные сараи были забиты трупами.

Характеренъ нижеслѣдующій случай: въ семьѣ Полковника В. В. Кононова, находившейся при лазаретѣ, опасно заболѣлъ ребенокъ. При содѣйствіи офицера полка подъесаула Жеребкова, адъютанта Генерала Богаченскаго, удалось получить автомобиль Донскаго Атамана, на которомъ мать отправилась въ городъ за докторомъ-специалистомъ по дѣтскимъ болѣзнямъ, не рискуя изъ морозъ и свирѣпствующую вьюгу взять съ собою ребенка температура коего поднялась подъ 40 градусовъ. Ни одинъ изъ докторовъ Екатеринодара, несмотря на мольбы матери, не согласился ѣхать на станицу, считая весь районъ вокзала зараженной мѣстностью...

Ребенокъ умеръ...

*) На фронтъ специально командированы были отъ 1-ой дивизии полковникъ Шаминъ, разсылавшій и отбиравшій казачковъ, годныхъ призывомъ, соответствующихъ службѣ въ постоянной Донской Армии. За мѣсяць работы ему удалось вернуть лишь 160 казачковъ.

Въ числѣ однополчанъ, скончавшихся отъ снпного тифа за время пребыванія лазарета полка въ Екатеринодарѣ, отмѣтимъ младшаго врача Виноградова и въ особенности — полкового священника протоіереемъ отца Сергія Лебедева. Смерть этого преданнѣйшаго полку человека, длвшшаго съ офицерами съ 1914 года всѣ тягости Великой и Гражданской войны, была большою потерей. Отецъ Сергій обычно въ бояхъ не отдѣлялся отъ передового перевязочнаго пункта, гдѣ несъ обязанности не только духовника умиравшихъ, но и рядового санитаря, облегчавшаго физическія страданія раненыхъ.

Въ концѣ 19-го года, за громадной убылью офицеровъ, онъ завѣдывалъ скромнымъ, умѣщавшимся въ одной двуколѣ, офицерскимъ полемымъ собраниемъ и, благодаря его энергіи и заботамъ, скрашивалась, полная лишений, жизнь офицера на фронтѣ. Въ бояхъ Октября и Ноября, отецъ Сергій мужественно и съ большимъ авторитетомъ даже командовалъ всѣмъ обозомъ 1-го разряда полка, что по условіямъ боевъ того періода, являлось ничуть не болѣе безопаснымъ, нежели пребываніе въ строю. Онъ полностью вошелъ въ офицерскую семью, былъ на Ты рѣшительно со всѣми офицерами и стоялъ на большой высотѣ, какъ уважаемый всѣми духовный пастырь. Ни въ Великую, ни въ Гражданскую войну не проходило ни одного Великаго поста, когда отецъ Сергій не провелъ бы обязательнаго для каждаго офицера и казака ежегоднаго говнія, исповѣди и причастія. Стоило полку только занять какую либо деревню, гдѣ имѣлась церковь, какъ отецъ Сергій, не обращая вниманія на превратности боевой обстановки, торжественно служилъ въ ней обѣдню или молебенъ, неизмѣнно помня молитвой убиеннаго Державнаго Шефа и всѣхъ павшихъ въ бояхъ однополчанъ.

Въ Екатеринодарѣ эшелоны полка простояли сутки и 31-го прибыли въ Ильскую, откуда полкъ, со слѣдующаго дня, началъ серію экспедицій противъ зеленыхъ.

Въ рамки настоящаго очерка не входитъ подробный разборъ движенія, извѣстнаго подъ именемъ «зеленаго». Нѣкоторые изслѣдователи зеленого движенія усматриваютъ въ немъ черты начального противобольшевистскаго подъема въ крестьянствѣ, другіе, наоборотъ, считают пробольшевистскимъ и, наконецъ, третьи сводятъ его къ дезертирству изъ боевыхъ рядовъ.

Истина лежитъ гдѣ то посерединѣ.

Отмѣтимъ, что характеръ движенія былъ далеко не одинаковъ въ разныхъ районахъ и въ разные періоды времени. Что касается зеленого движенія въ Черноморьѣ и на Кубани разсматриваемаго времени, то, судя по фактамъ его субсидированія большевиками*), прямой связи съ послѣднимъ

*) Денежныя суммы поступали черезъ Селезнева изъ ростовской организаціи большевиковъ.

(Справка: Докладъ Разв. Отд. Куб. Войск. Штаба отъ 2 февр. 1920 г. № 609. Искрененъ въ архивъ Музея Л. Га. Казачьяго полка).

ми**), участие некоторых кубанских деятелей агитаторов за невыходь кубанских казаков на фронтъ (Пилюкъ, Савицкій) и наконецъ, по малой численности и слабости зеленыхъ активныхъ групп***), оно имѣло здѣсь характеръ пробольшевизма и дезертирства.

3-го Февраля былъ полученъ нижеслѣдующій приказъ Кубанскаго Атамана ген. Букретова.

Кубанскаго Войска
Войсковой Атаманъ
Кубанскаго
№ 0303-К

3 Февраля 1920 г. Начальнику 1-й Донской Казачьей Дивизіи.
г. Екатеринодаръ

На Васъ возлагаются слѣдующія задачи:

1. Очистить отъ зеленыхъ районъ къ Югу отъ жел. дор. Екатеринодаръ-Тунельная и къ Западу отъ линии Екатеринодаръ-Саратовская-Ключевская вплоть до главнаго Кавказскаго хребта.
2. Задержать въ станицахъ и поселеніяхъ указаннаго района дезертировъ и уклоняющихся отъ явки по призыву, отправляя ихъ подъ конвоемъ въ гор. Екатеринодаръ Атаману Отдѣла и предавая наиболѣе виновныхъ, а такъ же подстрѣкателей къ неповиновенію властямъ, Военно-Полевому Суду
3. Взять отъ населенія по бесплатной реквизиціи всѣхъ подлежащихъ поставкѣ лошадей и всѣ скѣла, отправить все это Атаману Екатеринодарскаго Отдѣла.
4. Арестовать и препроводить въ Екатеринодаръ, въ случаѣ обнаруженія, слѣдующихъ лицъ: Сотника Пилюка, Есауловъ Петра и Павла, Степ. Рябоволовъ; Есаула Луку Удовико, Хорунжаго Ив. Манжула, Подх. Павла Стусъ, Вахм. Ищенко, Казаковъ Саенко Ливадіи Левень, Тим. Россомеха, Ив. Подгиряго, Петра Удовико, Гр. Рахманя, Гр. Стусъ, Ки. Бобаки, Виктора Гуровича, Галушко и Запорожна.

Далѣе въ приказѣ изложено порядкомъ исполненія задачи. Приказъ подписали: Войск. Атаманъ Кубанскаго Войска Ген. Штаба Ген.Майоръ Букретовъ и Упр. Восп. Вѣдомствомъ Ген. Штаба Ген.-Лейтенантъ Болховитиновъ.

Въ исполненіе приказа, Начальникъ дивизіи Генераль Дьяковъ расположилъ 2-ю бригаду на переходъ южнѣе Екатеринодара, а 1-я Казачью бригаду поставилъ въ ст. Ильской, откуда полки дивизіи повели развѣдку во всѣ пункты появленія зеленыхъ.

***) Связь Пилюка съ совѣтскими представителями имъ признана въ переговорахъ 6 марта 1920 г. съ офицеромъ Штаба Донской Арміи. (Справка: Н-къ Разв. Отд. Донской Арміи Добрынинъ «Борьба съ большевизмомъ», стр. 106).

***) Всего въ Черноморьѣ и Кубани существовало 5 активныхъ группъ: 1-я, Гендажикъ — 400 штык., 2-я, Широкая Шель — 300-400 штык., 3-я и 5-я группы — Попайка — Ильская — Холмская — 600 штык., 60 сабель, 10 пулеметовъ, 4-я группа, Новороссійскъ — 400 штык. (Справка: вышеупомянутый докладъ Разв. Отд. Куб. В.

Борьба съ зелеными была трудна тѣмъ, что гористая и сильно поросшая лѣсомъ и кустарникомъ мѣстность была проходима для конницы лишь по узкимъ, обычно лежащимъ въ лощинахъ, дорогамъ. Кромѣ того, зеленые боя никакъ не принимали и при первомъ извѣстии о появленіи вблизи отряда немедленно разбѣгались и скрывались въ лѣса.

Однако, были случаи и удачи. Такъ, 6-го Февраля, по тревогѣ, въ станицу Дербентскую, куда вошелъ отрядъ зеленыхъ Пилюка, была брошена сотня Атаманцевъ подъ командою Войскового Старшины Иванова.

Верстахъ въ трехъ отъ станицы, Атаманцы опрокинули разбѣдъ зеленыхъ и на сго плечахъ ворвались въ станицу, гдѣ зеленые, не ожидавшие столь стремительнаго появленія Донцовъ и митинговавшие съ жителями на центральной площади, атакованные Атаманскою сотней, шедшей въ атаку прямо по центральной улицѣ въ колоннѣ по три, послѣ небольшой перестрѣлки, бѣжали въ горы, оставивъ на мѣстѣ нѣсколько десятковъ своихъ зарубленныхъ.

Атаманцами, потерявшими лишь двухъ казаковъ ранеными и нѣсколько убитыхъ и раненыхъ лошадей, была взята одинъ пулеметъ и отбита, уже забранная зелеными, станичная казна.

7-го Февраля удачное столкновение съ зелеными имѣлъ отрядъ Лейбы-Казаконъ Полковника Кононова въ окрестностяхъ ст. Убинской — пос. Азовскій, дѣйствовавшій въ пѣшемъ строю. Зеленые бѣжали, но отрядъ захватилъ весь ихъ обозъ въ 23 лошади и 9 подводъ и 10 плѣнныхъ.

Тѣмъ временемъ, въ связи съ ухудшающимся положеніемъ дѣлъ на фронтѣ за невыходомъ въ строй Кубанцевъ, а такъ же въ связи съ крайнимъ негостеприимствомъ, оказываемъ Кубанью по отношенію къ Донскимъ казакамъ-бѣженцамъ, недовольство Донцовъ Кубанцами ширилось.*)

10-го Февраля, на засѣданіи Верховнаго Круга, Донская фракція поставила Кубанцамъ ультимативный вопросъ — намѣрены ли они вообще воевать съ большевиками, оставляя за собою, въ противномъ случаѣ, свободу дѣйствій.

Нѣкоторые делегаты Дону угрожали расправой съ Кубанскими станицами.

Кубанцы изъявили согласіе бороться съ «Кубанскою болѣзнію» и даже допустить Донскіе вооруженные отряды для принужденія кубанскихъ станичниковъ къ выходу на фронтъ.

Слѣдствіемъ этого соглашения явилось нижеслѣдующее приказаніе, отданное имъ 10-го февраля Кубанскаго Атамана Генерала Букретова.**)

*) Выдержка изъ рѣчи Донскаго делегата Янова на Верховномъ Кругу:

...«У васъ, кубанцевъ, нѣтъ души. Вы — лицемѣры. Посмотрите на нашихъ бѣженцевъ. Помогли ли вы имъ? Они на, казалось, родной имъ Кубани получили вмѣсто хлѣба камень... Души кубанцамъ мы не вдохнемъ и не зажжемъ ихъ. Уйдемъ съ Кубани...»

***) Подлинное приказаніе за подписью ген. Букретова хранится въ Архивѣ Музея Л. Гв. Казачьяго полка.

116

«Начальнику 1-й Донской Казачьей дивизии — Дополнение»

Въ Таманскомъ отдалѣ казаки 3-го и 4-го Таманскаго полковъ забыли свой долгъ и начали дезертировать изъ полковъ, расположенныхъ въ станицѣ Славянской. Предлагаю двинуть въ районъ станицы Славянской бригаду избранной Вамъ дивизии и произвести чистку станицы Таманскаго отдала отъ дезертировъ и зеленыхъ, войдя въ сношеніе съ Атаманомъ Таманскаго отдала.

Всѣхъ зачинщиковъ дезертирства и атамана станицы Славянской Клименко немедленно арестовать и предать Военно-Полевому Суду.

Членовъ Кубанской Краевой Рады Атамана Ст. Полтавской сотника Крикуна и члена Рады Щербака арестовать и отправить въ Екатериюдаръ для преданія Суду Краевой Рады.

Войск. Атаманъ Ген.-Майоръ Букретовъ.»

Приводимое выше приказаніе было того же числа препровождено начальникомъ 1-й Донской казачьей дивизии Командиру Гвардейской Казачьей бригады Генералу Фарафонову, при слѣдующей надписи:

«Генералу Фарафонову — Во исполненіе приказанія Генерала Букретова, предлагаю Вамъ съ избранной Вамъ бригадой выступить во исполненіе задачи. Арестовывать и предавать суду всѣхъ препятствующихъ исполненію задачи бригады, кромѣ членовъ Рады и Круга, коихъ арестованными препровождать ко мнѣ въ Екатериюдаръ. Генераль Дьяковъ. 10 Февраля 1920».

Во исполненіе этого приказанія, Генераль Фарафоновъ, оставивъ въ Ильской обозъ и небольшую команду съ Подковникомъ Воронинимъ, двинулся 13-го Февраля съ 2-мя сотнями Лейбъ-Казакъ и 3-мя сотнями Атаманцевъ черезъ хутора Львовскіе и ст. Мингрельскую на станицу Славянскую.

По дорогѣ, какъ и при стоянкѣ въ районѣ Ильской, производились поиски дезертировъ и военно-обязанныхъ, не исполняющихъ приказъ Кубанскаго Атамана.

Поиски давали скромный результатъ, ибо главная масса дезертировъ, еще при приближеніи бригады, заблаговременно скрывалась въ окрестные камыши и хутора.

Производились одновременно и обыски, однако, и они давали небольшой результатъ, ибо вообще сыскъ и обыскъ не составляютъ дѣла строевой части и должны бы были проводиться какими либо специальными органами Кубанскаго розыска, коихъ бригадѣ придано не было.

Обнаружилось еще одно грустное явленіе: рядовые казаки Донины были сильно озлоблены невыходомъ на фронтъ Кубанцевъ, почему часто обыски переходили въ злоупотребленія и къ предписанной Кубанскимъ Атаманомъ реквизиціи огнестрѣльнаго оружія, сѣделъ и лошадей, прибавилась самочинная реквизиція холоднаго оружія и... папахъ, особенно дорогихъ казачьему сердцу и нужныхъ на фронтѣ. Генераль Фарафоновъ, какъ то видно изъ хранящихся въ Архивѣ Музея Л. Гв. Казачьяго полка документовъ, энергично боролся съ этимъ зломъ, однако, его приказы принимались

къ строгому исполнению лишь въ Л. Гв. Казачьемъ полку, гдѣ внутренней порядокъ былъ на большой высотѣ.

Къ 20-му Февраля бригада подошла къ ст. Славянской, гдѣ стояло лагеремъ въ баркахъ около 5000 казаковъ Таманскаго Отдѣла, отказавшихся исполнить приказъ Атамана о выходѣ на фронтъ. Въ станицѣ нѣкоторыми членами Рады велась агитация за присоединеніе къ зеленымъ и по нѣкоторымъ даннымъ Пилуокъ и Савицкій именно здѣсь рассчитывали получить сильное пополненіе необходимое имъ для движенія на Екатеринодаръ.

Лагерь долженъ былъ быть ликвидированъ въ кратчайшій срокъ, и прибывшему изъ Екатеринодара Начальнику 1-й Донской дивизіи Генералу Дьякову не оставалось иначе другого, какъ, не останавливаясь передъ крайними мѣрами, добиться исполненія приказа Кубанскаго Атамана.

Находящіеся въ лагерѣ Кубанцы численно во много разъ превышали 5 сотенъ Довоцовъ Гв. Бригады, но они представляли собою вооруженную, сбитуую съ толку толпу, тогда какъ Довская бригада представляла сплоченную воинскую часть, почему и перевѣсъ былъ на сторонѣ послѣдней.

Поставивъ на позицію два орудія и 4-мя сотнями окруживъ лагерь, Генералъ Дьяковъ съ одной сотней подъѣхалъ къ выстроеннымъ по его требованію Кубанцамъ.

Выдѣливъ полкъ, по полученнымъ свѣдѣніямъ наиболѣе большевизанствующій генералъ Дьяковъ потребовалъ выдачи зачинщиковъ, давъ известное время на размышленіе.

Время истекло — зачинщики выданы не были.

Генералъ Дьяковъ вызвалъ впередъ Полевой Судъ, въ составѣ Полковника Жирова и 4-хъ казаковъ и урядниковъ, который послѣ минутнаго совѣщанія, постановилъ: каждаго 50-го въ рядахъ подвергнуть разстрѣлу, а каждаго десятого выпороть плетью. Предсѣдатель Суда Полковникъ Жировъ самъ отсчиталъ ряды, послѣ чего здѣсь же передъ строемъ 6 человекъ были разстрѣляны, а 36 выпороты плетью.

Одновременно, согласно приказу Генерала Букретова, были арестованы станичный атаманъ Динченко и членъ Рады Щербакъ.

Оцѣпленіе было снято и на слѣдующій же день лагерь двинулся на фронтъ.

Въ запискахъ Генерала Фарфонова читаемъ: «Согласно приказа Генерала Букретова, я приказалъ арестовать атамана ст. Славянской Лейбъ-Казачьему полку, а члена Рады Щербака Атаманскому полку и доставить ихъ въ поѣздъ Генерала Дьякова для отвоза въ Екатеринодаръ. Лейбъ-Казакъ въ точности исполнили приказаніе и станичный атаманъ былъ сланъ Сотникомъ Прокофьевымъ Командиру бронепоезда подъ росписку для доставки въ Екатеринодаръ. Члена Рады Щербака Атаманамъ опоздали доставить на станцію и мною было приказано взять его съ собою въ Троицкую, куда бригада шла на ночлегъ. Здѣсь я получилъ телеграфное распоряженіе Генерала Букретова Щербака освободить и послать соответственное приказаніе Атаманцамъ, однако, ко мнѣ прибылъ Командиръ Атаманскаго полка, доложившій, что Щербакъ, при попыткѣ къ побѣгу, застрѣленъ».

Этотъ случай вызвалъ рядъ рѣзко враждебныхъ Донской бригадѣ вы-

147

падовъ въ печати ряда членовъ Рады. Донская бригада дѣйствовала въ исполненіе распоряженій Кубанскаго Атамана и членамъ Рады, если они желали, ничего бы не стоило усилить Кубанскій элементъ въ экспедиціи, ругань же въ печати по адресу Донской бригады, являвшейся въ данномъ случаѣ органомъ Кубанской исполнительной власти, лишь подрывала авторитетъ послѣдней. Мобилизованные бригадой Кубанцы, видя такую неразбериху въ собственныхъ правительственныхъ верхахъ, возвращались съ пути обратно, не доѣзжая до фронта.

Изъ Троицкой бригада должна была двигаться противъ зеленыхъ на Крымскую, однако, согласно полученнаго новаго приказанія, двинулась обратно на Славянскую, Ивановскую, Новомышастовскую и Марьевскую, (ввиду появленія въ послѣднихъ станицахъ Пилюка и Савицкаго).

22-го Февраля бригада заняла ст. Ивановскую, легко выбивъ передовыми разѣздами отрядъ въ 150-200 конныхъ Савицкаго, послѣдніе бѣжавшіи на Марьевскую, гдѣ съ отрядомъ зеленыхъ было обосновался Пилюкъ. При приближеніи бригады Пилюкъ и Савицкій ночью бросили Марьевскую и, переправившись черезъ Кубань, бѣжали на Югъ, уничтоживъ за собою паромъ.

На станицу Марьевскую, за укрывательство Пилюка, въ первый разъ за всю экспедицію, была наложена контрибуція, ввидѣ суточного прокормленія людей и лошадей бригады.

24-го Февраля бригада выступила черезъ Екатеринодаръ на Георгіе-Афипскую и на Ильскую. Въ ночь на 26-е бригада, находящаяся въ Георгіе-Афипской, была разбужена оружейной стрельбой. То рвались на станицѣ Сѣверской снаряды кѣмъ то подожженного эшелона съ боевыми припасами. Бригада двинулась на рыскахъ, однако, ранѣе ея къ мѣсту курьва прибылъ бронепоездъ, при приближеніи котораго банда зеленыхъ, если она вообще тамъ была, разбѣжалась.

Къ вечеру въ тотъ же день бригада прибыла въ Ильскую, гдѣ полкъ ждалъ приятный сюрпризъ: прибыло 500 комплектовъ обмундированія изъ Новороссійска; полкъ сильно обтрепаннѣйшійся, облекся въ новое обмундированіе.

27-28 и 29 бригада вела разѣдку въ районахъ, южнѣе Дербентской и Убинской. Этими, собственно, и кончились дѣйствія бригады противъ кубанскихъ зеленыхъ, ибо на слѣдующій день пришло приказаніе переходить въ Новороссійскъ, гдѣ стать въ резервъ Главнокомандующаго.

Дабы закончить описаніе дѣйствій противъ зеленыхъ, приведемъ поддержку изъ донсенія Генерала Фарафоновъ Начальнику 1-й Донской дивизіи отъ 29-го Февраля 1920 г.

...«Зеленые не представляютъ никакой серьезной силы, сопротивленія не оказываютъ, дѣйствуютъ пѣшими съ малымъ количествомъ всадниковъ, недостатку пулеметовъ замѣняютъ трещотками (для созданія впечатлѣнія пулеметнаго огня). Захватывать ихъ отряды почти не представляется возможнымъ: при закрытіи имъ путей отступленія разбѣгаются, дѣзутъ въ горы и ущелья, покрытыя густымъ лѣсомъ и кустарникомъ. Дѣйствія въ горахъ для насъ тяжлы, конные движутся въ одинъ конь, пѣшіе за кусты мѣстами движенье только въ поноду. Пулеметы перевозили переложивъ на санки, необ-

ходимы выюки, коней у насъ нѣтъ. Артиллерія необходима только горная, наша въ экспедиціи участвовать не можетъ, ибо для ея протаскиванія приходится рубить деревья и она дѣйствовать не могла...

1-го Марта бригада черезъ Ахтырскую, Крымскую и Нижне-Баканскую, не сѣвши, небольшими переходами, двинулась въ предѣлье Новороссійска Мефодіевку, куда прибыла 6-го Марта.

На переходѣ къ Крымской, обозъ 4-го Донского полка подвергся нападенію зеленихъ, легко отогнанныхъ разбѣдомъ Подъесаула Ротова.

Въ Крымской Гвардейская бригада простояла два дня (2 и 3-го Марта). Генералъ Дьяковъ произвелъ здѣсь смотръ бригадѣ и пришедшей въ станицу дивизіи Генерала Чеснокова. Части представились въ полномъ порядкѣ.

7-го Марта, въ Мефодіевкѣ, Лейбъ-Казачій полкъ смотрѣлъ Донской Атаманъ Генералъ Богаевскій. Послѣ смотра, прошедшаго блестяще, Генералъ Богаевскій былъ приглашенъ офицерами полка на ужинъ. Несмотря на безотрадность общей обстановки, или вѣрнѣе, наперекоръ ей, Донской Атаманъ былъ принятъ широко. Былъ поданъ сытный ужинъ, играли трубачи и создавалось приподнятое настроеніе.

Атаманъ неоднократно благодарилъ за блестящій порядокъ въ полку и произвелъ нѣсколькихъ офицеровъ въ слѣдующій чинъ.

Въ заключеніе, Генералъ Богаевскій, коренной офицеръ Л. Гв. Атаманскаго полка и бывший Командиръ Л. Гв. Сводно-Казачьяго, выразилъ горячее желаніе числиться въ спискахъ Лейбъ-Гвардіи Казачьяго полка. По полковому обычаю, Командиръ полка, съ разрѣшенія Атамана, провелъ вопросъ черезъ голосованіе всѣхъ офицеровъ, тутъ же выразившихъ свое согласіе и поднесшихъ Донскому Атаману полковой нагрудный знакъ.

Вечеръ закончился звуками полкового марша, сопровождавшаго заключительныя здравіи.

Кончился праздникъ и наступили будни.

Уже изъ словъ Атамана явствовало, что положеніе фронта безнадежно и эвакуація въ Крымъ предѣшена. Въ словахъ Генерала Богаевскаго сквозило явное сомнѣніе въ возможность ея осуществленія полностью, чувствовалась недоговоренность, неуверенность и... нѣкоторая растерянность.

То что офицеры и казаки сами видѣли въ Новороссійскѣ, было мало утѣшительно.

Въ эти тревожные дни полкъ еще тѣснѣе сплотился: Казаки молчали и жалась къ офицерамъ. «Мы офицеры,» читаемъ въ запискахъ Генерала Поздѣева, «по отъѣздѣ Атамана, обмѣнялись впечатлѣніями и дали другъ другу слово не грузиться безъ своихъ казаковъ и въ случаѣ неудачи раздѣлать съ ними общую участь...»

Къ приходу Лейбъ-Казаконъ въ Мефодіевку, городъ Новороссійскъ уже былъ забитъ пыловыми частями и чувствовался сильный недостатокъ въ фуражѣ и продуктахъ. Интенсивно шла, съ помощью союзниковъ, эвакуація больныхъ, раненныхъ и гражданскаго элемента. Кораблей было мало и была ясна необходимость направить часть войскъ, подлежащихъ эвакуаціи, на

448

Тамань, где ширина Керченского пролива, отделявшего Кубань от Крыма, была невелика и где богатые транспортные средства Керчи легко позволили бы быструю переброску в Крым значительных масс.

Уже директивой от 4-го Марта Генерал Деникин приказал Добровольческому корпусу, при отходе за Кубань, прикрыть у Темрюка Таманский полуостров. Директивой 7-го Марта он вновь приказал Добровольческому корпусу частью сил занять Таманский полуостров и прикрыть дорогу от Темрюка.

Обе директивы Добровольцами не только были оставлены без исполнения, но, говорит Генерал Деникин (Стр. 344-я) ... «Добровольческий корпус, ослабив сильно свой левый фланг, обратил главное внимание на дорогу Крымская-Товельная, в направлении железной дороги на Новороссийск».

Движение Донских корпусов на Тамань, не только запоздало по времени, но и вообще было невыполнимо: от разстроенных отходом Донских корпусов было невозможно требовать выполнения своеобразного «шассе круазе» с Добровольческим корпусом, да еще притом посредством флангового марша по отношению к наступавшему противнику...

В результате... «11-го Марта Добровольческий корпус, два Донских и присоединившаяся к ним Кубанская дивизия... сосредоточились в районе Крымской, направляясь всей массой на Новороссийск. Катастрофа становилась неизбежной*) и неотвратимой» — резюмирует Генерал Деникин (на стр. 344-й своих Очерков).

9-го Марта Начальник 1-й Донской Конной дивизии получил следующее срочное приказание:**)

«Главком приказал 1-й Донской Казачьей дивизии выступить девятию сего Марта на Таманский полуостров, имея задачей —

ПЕРВОЕ — срочно особым сильным офицерским разъездом произвести рекогносцировку южной дороги на Тамань через Благовещенскую запятая результаты рекогносцировки срочно сообщить по телеграфу из Анапы Комкор Дон и Штаглав.

ВТОРОЕ — особым заслоном у Ахтанисовской преградить противнику путь на Тамань по северной дороге и

ТРЕТЬЕ — очистить Таманский полуостров от зеленых точек Дивизии

*) Катастрофа стала неотвратимой лишь 11-го марта.

Как мы видели выше, 1-я Донская дивизия с дивизией генерала Чеснокова уже 2-го и 3-го марта находилась в районе ст. Крымской.

Дивизия не участвовала в боях с декабря и была в полном порядке.

Непосредственно за дивизией шли 1-й, 2-й и 3-й запасные Донские полки, кои можно и должно было влить в ряды 1-й дивизии.

Выдвижение 1-й Донской Дивизии 4-го марта (или хотя бы до 7-го марта) на Варениковскую переправу (35 верст от Крымской) и Темрюк (еще 20 верст) на левый фланг Добровольческого корпуса надежно обезопасило бы замкнутый полками преградями Таманский полуостров и дало бы ввод войск на Керчь легко осуществимым.

***) Подлинное приказание хранится в Арх. Музея Л. Гв. Кав. полка.

переходить въ непосредственное подчиненіе Главкому точка. За ориентировкою и подробными указаніями Вамъ надлежитъ прибыть въ поѣздъ Главкома 9 с. Марта въ 9 час. утра. Новороссійскъ 9 Марта 1920 Нр. Романовскій».

Во исполненіе приказанія Генерала Романовскаго, авангардъ 1-й дивизіи въ составѣ Л. Гв. Атаманскаго полка (Генераль Хрипуновъ), 6-й сотни Л. Гв. Казачьяго (Есаулъ Кундрюковъ) и эскадрона Л. Гв. Конно-Гренадеръ, всего 427 сабель, 78 штыковъ при 10 пулеметахъ 9-го заняли Раевскую и 10-го Марта къ 3-мъ часамъ дня — Анапу, выбивъ занимавшихъ городъ зеленыхъ.

Остальная части 1-й дивизіи сосредоточились 10-го Марта въ Раевской, войдя въ подчиненіе Генералу Барбовичу, который, одновременно съ выдвинутіемъ Атаманцевъ на Анапу, долженъ былъ занять Гостогаевскую станцію.*)

Занявъ Анапу, Атаманы приступили къ чисткѣ города отъ прятавшихся въ немъ зеленыхъ. Совершенно неожиданно со стороны ст. Анапской, гдѣ была слабый разбѣздъ Сотника Клевцова, послышалась ружейная стрѣльба. Двинутый туда, въ цѣляхъ выясненія обстановки, съ ½ сотней и двумя пулеметами Войсковой Старшина Ивановъ былъ встрѣченъ огнемъ 4-хъ орудій и многихъ пулеметовъ... «Изъ за станицы Анапской стали выдвигаться эскадроны красныхъ и разворачиваться въ лаву. Весь горизонтъ покрывался густой массой конницы. Красная дивизія со всѣхъ сторонъ окружила Анапу, отрѣзавъ путь на Раевскую.**)

Стало ясно, что Добровольческій корпусъ, стремясь опередить въ погрузкѣ на суда въ Новороссійскъ Донскую Армію, бросилъ нижнее течение р. Кубани, не пытаясь замедлить продвиженіе на югъ красной конницы и не оставивъ даже наблюденія.

Единственнымъ путемъ отступленія Атаманцамъ оставался мостикъ, переброшенный черезъ р. Анапку, отъ котораго шла дорога на пляжъ и далѣе на виноградники. Генераль Хрипуновъ лично съ небольшой группой Атаманцевъ атаковалъ красныхъ, подходившихъ къ мостику и отбросилъ ихъ. Отходъ увлекъ за собою назадъ цѣлый участокъ красной лавы. Этого выигрыша времени оказалось достаточнымъ для сбора и выхода изъ города остальныхъ сотенъ и Генераль Хрипуновъ быстро двинулся на пос. Благоуфшенскій. Около поселка, пытаясь выйти изъ кустарника, Генераль Хрипуновъ натолкнулся на красную пѣхоту, открывшую пулеметный и оружейный огонь. Выручила наступившая темнота и ошибка красныхъ, перенесшихъ огонь своихъ орудій на занявшую Анапу красную же конницу, немедленно отбѣгившую тѣмъ же.

Снарядамъ обѣихъ сторонъ пролетали надъ головами Атаманцевъ. Пользуясь темнотою Генераль Хрипуновъ двинулся прямо на сѣверъ и вышелъ

*) Справка: приказанія к-ра Гв. Каз. бригады за №№ 102, 103 и 104 отъ 9-го марта. Кроме того, въ запискѣ к-ра Гв. Каз. бр. ген. Фарафонова указано, что поданнымъ, полученнымъ имъ отъ ген. Романовскаго, 9-го марта Варениковская переправа должна была быть занята Алексѣевскимъ дивизиономъ.

***) Архивъ Музея Л. Гв. Атаманскаго полка. Записка полк. Иванова.

119

къ Гостоговской станицѣ. Узнавъ отъ взятаго въ плѣнъ, спавшаго на дороге красноармейца, что въ станицѣ ночуетъ пѣхотная красная дивизія, Генералъ Хрипуновъ повернулъ на Юго-Востокъ и къ 12 час. дня, 11-го Марта, вышелъ къ Натухлевской станицѣ, откуда пошелъ на присоединеніе къ 1-й дивизіи, сосредоточившейся въ Тонельной.

Атаманы за бой 10-го потеряли убитыми и ранеными 38 казаковъ и нѣсколько десятковъ лошадей.

6-я Лейбъ-Казачья сотня — ранеными 6 казаковъ и убитыми и ранеными лошадей — 10.

Приказаніе Генерала Романовскаго опоздало.

Путь на Тамань былъ закрытъ.

День 11-го Марта дивизія простояла въ Тонельной. Обстановка быстро ухудшалась. Мимо катился изъ Новороссійскъ сплошной потокъ обозовъ, бѣженцевъ и войсковыхъ частей съ винтовками, а частью уже безъ винтовокъ, не исполняющихъ никакихъ приказаній. Ихъ можно было расцѣпывать лишь какъ матеріалъ для возможныхъ въ будущемъ формированій, но не какъ боевую силу въ данный моментъ.

Ночью полкъ выдвинулся на позицію къ Малому Тунелю.

Дивизія попрежнему была подчинена Генералу Барбовичу.

Въ смыслѣ естественныхъ преградъ позиція Новороссійска была прекрасна. Съ сѣвера и востока тянулся хребетъ Мархагъ настолько высокой и крутой, что на него противникъ не могъ бы втащить орудія. Съ юга позиція надежно была защищена флоромъ.

Тонельная командовала надъ всей мѣстностью.

Къ сѣверо-западу отъ нея къ Новороссійску шелъ хребетъ весьма удобный для защиты. Противникъ могъ двигаться только по хорошо видимымъ долинамъ и ущельямъ, кои легко можно было запереть хотя бы отдельными артиллерійскими взводами. Артиллерию, снарядовъ и патроновъ было сколько угодно и нужны были только войска. Ихъ то и не было, ибо вышедшую изъ рукъ начальниковъ массу временно войсками считать нельзя было.

Позиція полка у Малаго Тонеля состояла изъ двухъ рядовъ цементированныхъ окоповъ въ ростъ, хорошо укрывавшихъ отъ пораженія.

Въ 8 часовъ утра 12-го Марта отъ Раевской показался противникъ. Далеко на горизонтѣ вытянулась длинная колонна красной конницы (16-я Совѣтская дивизія), двигавшаяся на Тонельную.

Полковникъ Поддѣвъ подпустилъ ее ближе и скоро приданный полку артиллерійскій взводъ открылъ на прицѣлѣ 38-40 бѣглый огонь. Колонна красныхъ стала размыкаться. Заработали только что полученные полкомъ 8 новихъ английскихъ пулеметовъ. Противникъ не выдержалъ огня и, оставивъ въ почтительномъ отдаленіи передъ участкомъ полка 2-3 конныхъ эскадрона, стянулся на свой правый флангъ и двинулся на дорогу Раевская-Абрау-Дюрсо, какъ бы обтекая лѣвый флангъ позицій. Движеніе шло въѣздности ружейнаго огня и противникъ поражался лишь огнемъ пулемета лѣвофланговаго поста, коимъ командовалъ отличный урядникъ 1-й сотни Пшеничниковъ. Постъ этотъ передвигался по горамъ на Югъ, все время нися

на флангъ противника и успѣшно велъ бой съ дѣвофланговымъ боковымъ эскадрономъ противника.

Полкъ остался на позиціи, пославъ донесеніе о движеніи противника начальнику дивизіи.

Приданый полку артиллерійскій взводъ преслѣдовалъ своимъ огнемъ противника, поворачивая по мѣрѣ его движенія свои орудія, причемъ къ концу дня стрѣлять уже назадъ, измѣнивъ направленіе орудій на 135 градусовъ.

Съ наступленіемъ темноты полкъ былъ смѣненъ и отведенъ на ночлегъ въ деревню Владиміровку.

Весь день дулъ страшный Нордъ-Остъ и люди промерзали основательно, отдыхъ былъ совершенно необходимъ. Однако, полкъ ночью былъ поднятъ по тревогѣ и двинутъ на Новороссійскъ съ задачей выбить противника, занявшаго Борисовку. Полковникъ Поздѣевъ открылъ по Борисовкѣ артиллерійскій огонь и конница противника, занявшая эту деревню, стала поспѣшно уходить. Здѣсь полкъ потерялъ тяжело раненымъ 3-мя пулями Сотника Дубенцева.

Утромъ 13-го Марта пришло приказаніе идти на погрузку. При прохожденіи Мефодіевки Начальникъ дивизіи Генераль Дьяковъ собралъ старшихъ начальниковъ. Полковникъ Никитинъ, начальникъ штаба дивизіи, настаивалъ на необходимости отказаться отъ, по его мнѣнію, безнадежной погрузки и двигаться черезъ Кабардинку и Туапсе, на Грузію, однако, большинство начальниковъ стояло за погрузку въ Новороссійскѣ, полагаясь на обѣщанія Командованія вывезти 1-ю дивизію.

Къ 12 час. 13-го Марта дивизія, сквозь беспорядочныя толпы народа, съ трудомъ добралась до цементнаго завода, гдѣ построила резервный порядокъ.

13-го Марта, на разсвѣтъ, Л. Гв. Казачьяго полка полковникъ Кононовъ, съ разрѣшенія нач. див. Ген. Дьякова, отправился въ гор. Новороссійскъ, для помощи коменданту лазарета полковнику Андринову и для развѣдки условій будущей эвакуаціи 16-го Каз. полка.

Убѣдившись, что эвакуація лазарета и состоявшихся при немъ раненыхъ и семей энергіей полковника Андринова благополучно произведена, полковникъ Кононовъ, обходя пристани замѣтилъ, что всѣ суда, безъ исключенія, не только уже расписаны, но и заняты караулами исключительно Добровольческихъ частей. Развѣдкой въ штабахъ Главнокомандующаго и Донскаго Атамана онъ быстро выяснилъ, что все распоряженіе погрузкою сосредоточено въ рукахъ Ген. Кутепова. Немедленно, черезъ находившагося при обозѣ въ Мефодіевѣ зав. хоз. полковника Воронина давъ знать въ полкъ о создавшемся положеніи, полковникъ Кононовъ бросился къ Генералу Кутепову. Пользуясь давнишними хорошими отношеніями Ген. Кутепова къ Лейбъ Казачьему полку, послѣ долгихъ упрощиваній ему удалось уговорить уступить для эвакуаціи Лейбъ Казачьяго полка шхуну «Дунай».

Въ тотъ же день утромъ, съ разрѣшенія Ген. Дьякова, въ Новороссійскъ прибылъ Комбриг. ген. Фарафоновъ хлопотать о судахъ для всей 1-ой Донской дивизіи. Съ собой онъ прихватилъ полковника Воронина и конную полусотню 1-ой сотни съ есауломъ Агафоновымъ.

Далѣе приведемъ дословный разговоръ Генерала Фарафопова: ... «Атаманъ заявилъ, что онъ не въ силахъ намъ помочь и погрузкою распоряжается Генералъ Романовскій. Отправился въ штабъ Генерала Деникина, разыскалъ Генерала Романовскаго, который мнѣ лично сказалъ, что погрузка отъ него не зависитъ и что этимъ распоряжается Генералъ Кутеповъ. Найдя съ трудомъ, совершенно въ противоположной сторонѣ набережной, поѣздъ Генерала Кутепова и приказавъ полусотню 1-й сотни подвести ближе къ вагону, чтобы видѣли, что прошу о погрузкѣ не сбродя, а дисциплинированныхъ частей, я вошелъ въ вагонъ.

Генералъ Кутеповъ любезно меня принялъ и, увидѣвъ изъ окна строй полусотни, сказалъ: «Такихъ молодцовъ нельзя не погрузить». Узнавъ, что прошу о погрузкѣ 3500 человекъ, онъ назначилъ транспортъ «Тигръ» (на 5 тысячъ человекъ), но, подойдя къ телефону и переговоривши съ начальникомъ порта Адмираломъ Ермаковымъ, узналъ, что «Тигръ» — госпитальное судно и предназначено уже подъ госпиталю съ тифозными, назначилъ другой корабль вмѣстимостью въ 2 тысячи человекъ. Однако, и этотъ корабль оказался занятымъ и Генералъ Кутеповъ, послѣ долгихъ переговоровъ съ Адмираломъ Ермаковымъ, назначилъ шхуну «Дунай» на 700 человекъ, сказавъ — берите хотя то, что есть. — Отказываться не приходилось и взявъ предписаніе на шхуну «Дунай», подписанное Генераломъ Кутеповымъ, я приказалъ спѣшнымъ казакамъ полусотни занять моль № 3, гдѣ должна была происходить погрузка «Дуная».

Предписаніе *) гласило: «Командиръ 1-го Армейскаго Корпуса Добровольческой Арміи

13 Марта 1920 г.

Шхуну «Дунай» назначаю для погрузки 1-й Донской дивизіи
Генералъ-Лейтенантъ Кутеповъ».

Къ молу подошли хозяйственные части, пулеметныя команды и сотни при больныхъ и слабыхъ лошадяхъ Гв. Казачьей бригады, коимъ я приказалъ начать погрузку, взявъ съ собою все оружіе и сѣдла и, оставая на берегу повозки и лошадей.

Многіе оставляли и послѣднее свое имущество, которое провести сквозь сгрудившуюся толпу уже не было никакой возможности.

Къ концу погрузки подошли 1-я и 6-я сотни Л. Гв. Казачьяго полка и на вопросъ командировъ сотенъ «что я прикажу дѣлать», приказалъ имъ разсѣлать лошадей, взять сѣдла, оружіе и грузиться.

Капитанъ нѣсколько разъ докладывалъ, что шхуна переполнена и больше

*) Хранится въ архивѣ Л. Гв. Казачьяго полка.

грузить нельзя. Когда начальники частей доложили, что всё погружено и, къ 17½ час. разрѣшить капитану отчаливать...»

Согласно свѣдѣнiямъ, даннымъ генералу Фарафонову, перевезенными въ Феодосiю частями изъ Новороссiйска было вывезено:

	Штабъ - офиц.	Оберъ - офиц.	Казаковъ	Числовниковъ
Л. Гв. Казачiй полкъ	4	18	427	1
Л. Гв. Адамскiй полкъ	8	13	289	2
Конно-Саперная сотня				
Штаба дивизiи	1	4	42	2
1-й Запасн. полкъ			28	
Члены Дождк. Прав-ва:	Свѣдѣнiй не поступало и численность неизвѣстна.			
	18	35	786	5

Генералъ Дьяковъ тщетно хлопоталъ до вечера, дабы погрузить остальную часть дивизiи. Ему дѣятельно помогали Полковникъ Поздѣвъ, заручившись обещанiемъ Генерала Хольмана взять дивизiю хотя бы на военные корабли, при условiи, если будетъ въ ней сохраненъ порядокъ.

Въ общемъ хаосѣ, Генералу Хольману не удалось сдержать этого обещанiя, хотя англiйская эскадра взяла много больше, нежели обещала.

Полковнику Поздѣву въ 7 часовъ вечера, съ трудомъ, удалось, лишь благодаря офицерамъ Лейбъ-Казачьей полусотни Конвоя Главнокомандующаго, находящейся на пароходѣ «Георгiй», погрузиться на послѣднiй.

На «Георгiи» находился штабъ Главнокомандующаго, куда вечеромъ прiѣхалъ Генералъ Дьяковъ. Отчаявшись добиться погрузки онъ разыскалъ Полковника Поздѣва: «Константинъ Ростиславовичъ, дивизiю не погрузили, изъ сейчасъ на Кабардинку». Они расцѣловались и Генералъ Дьяковъ вернулся на берегъ къ дивизiи.

На берегу и въ городѣ, забитомъ толпами людей и массой лошадей, брошенныхъ на произволъ судьбы, царилъ кошмаръ, описывать который мы не будемъ, ибо онъ достаточно хорошо извѣстенъ.

Не погрузившаяся часть 1-й дивизiи въ полночь двинулась на Кабардинку. Здѣсь утромъ разыгрался неудачный для дивизiи бой. Генералъ Дьяковъ, раненый Генералъ Хризуновъ и нѣсколько десятковъ офицеровъ и казаковъ дивизiи, среди коихъ были Атаманы Подковникъ Жировъ, Войсковые Старшины Ивановъ и Васильевъ, Есауль Семеновъ, Сотники Божковъ и Корольковъ, были подобраны и доставлены въ Феодосiю французскими миноносцами.

14-го Марта «Дунай» выгрузилъ въ Феодосiю вывезенныя изъ Новороссiйска части Гв. Казачьей бригады. Здѣсь офицеры нашли лазаретъ полка и свои семьи, энергiей коменданта лазарета полк. В. П. Андриянова и ст. врача В. Н. Евфанова погруженныхъ 11-го Марта въ Новороссiйскъ и 12-го доставленныхъ въ Феодосiю. За этотъ переходъ, совершенный совместно съ

сыпно-тифозными, несколько жен офицеров заболели тифомъ (по прибытн въ Севастополь, скончались Графиня М. Канкриня, М. А. Кононова и О. Д. Оприць).

Кромѣ полкового лазарета, на Кубани въ ст. Ильской, существовалъ и лазаретъ 1-й Донской дивизн, гдѣ лежали сыпно-тифозные. Изъ Лейбъ-Казачьяго полка въ немъ находился Вольноопредѣляющійся Графъ Орловъ-Денисовъ. Несмотря на усилія коменданта и ст. врача, дивизионному лазарету не удалось въ общемъ хаосѣ выбраться въ Новороссійскъ. О больныхъ этого лазарета нѣтъ никакихъ свѣдѣннй и всѣ въ немъ находившіеся числятся безъ вѣсти пропавшими.

При погрузкѣ въ Новороссійскъ не удалось погрузить десятка четыре казаковъ, частью бывшихъ въ отдѣлѣ, частью замѣшканныхъ въ городѣ и не смогшихъ пробиться въ послѣдній моментъ черезъ толпу.

Къ условной потерѣ полка нужно отнести гибель сотни пополненія присланной изъ 3-го Западнаго Донскаго Коннаго полка въ послѣдній моментъ погрузки.

Приказомъ Инспектора коннымъ Дон. Арміи ген. Абрамова, отъ 9-го Марта, за № 5, три донскихъ запасныхъ полка должны были передать свой составъ: 1-ый запасной полкъ — въ 1-ую Донскую дивизію, а 2-ой и 3-ий запасные полки въ 9-ый и 10-ый Дон. полки.

Сотня пополненія для Лейбъ-Казачьяго полка, численностью въ 201 человекъ, прибыла лишь 13-го въ Новороссійскъ и была направлена полковникомъ Номикосовымъ на пристань, для присоединенія къ полку.

Съ величайшимъ трудомъ ей удалось пробиться къ пристани гдѣ погрузка шкуны ДУНАЙ была почти закончена. За отсутствіемъ на шкунѣ мѣста полкъ смогъ взять лишь урядниковъ и казаковъ «кадровыхъ», т. е. уже служившихъ въ полку.

Сотня пополненія была присоединена къ оставшимся на берегу остальнымъ частямъ дивизнн съ которыми и должна была грузиться.

Погрузиться ей не удалось и судьба этой сотни неизвестна.

17-го Марта Лейбъ-Казачій полкъ былъ снова погруженъ и, по приказанію Штаба Главнокомандующаго, доставленъ въ Севастополь.

Началась новая страница Бѣлой борьбы за Крымъ.

23-го Марта въ полку былъ полученъ нижеслѣдующій приказъ Главнокомандующаго отъ 22-го Марта 1920 г. № 2899.

§ 1. «Генераль-Лейтенантъ Баронъ Врангель назначается Главнокомандующимъ Вооруженными Силами на Югѣ Россіи».

§ 2. «Всѣмъ честно шедшимъ со мною въ тяжелой борьбѣ — низкій поклонъ. Господи, дай побѣду Арміи и спаси Россію».

Генераль-Лейтенантъ Деникинъ».

Вопросъ объ обстоятельствахъ смѣны Главнокомандующихъ выходитъ изъ рамокъ настоящаго очерка, почему мы коснемся его лишь въ общихъ

чертах, поскольку смена Главкомандующаго нашла свое отраженіе въ Лейбъ-Гвардіи Казачьемъ полку, описаніе дѣятельности коего составляетъ содержаніе настоящаго труда.

Лейбъ-Гвардія Казачій полкъ не имѣлъ характеръ Добровольческихъ частей. Полкъ держался работой своего офицерскаго состава, отрицательно относившагося ко всякой партизанщинѣ и старавшагося сохранить обликъ воинской части старой Россійской Арміи. Благодаря большому % старыхъ кадровыхъ офицеровъ полка, поддержкѣ Донскихъ Атамановъ Генераловъ Краснова и Богаевского, работѣ и горячей поддержкѣ Начальника 1-й Донской дивизіи (а затѣмъ Начальника ремонта и пополненія частей Донской Постоянной Арміи) Генерала Абрамова, указанное начало удалось сохранить въ полной мѣрѣ, почему и настроеніе полка отличалось сравнительно большой устойчивостью.

Если не считать Кубанскаго пергода полка изъ боевъ не выходилъ, а въ промежуткахъ неизмѣнно велась напряженная работа по улучшенію строевой подготовки, поэтому офицерамъ особенно не было и времени особенно интересоваться политикой и правительственной дѣятельностью.

Смущала конечно все болѣе увеличивающійся беспорядокъ въ тылу и отсутствіе въ немъ стройной организационной работы.

Эти пороки тыла офицеры относили не къ личности Главкомандующаго, а къ винѣ «общественности».

Какъ говорилось выше, отношеніе офицеровъ къ Генералу Деникину было положительнымъ: въ немъ видѣли честнаго, авторитетнаго и доблестнаго представителя стараго Россійскаго офицерства.

Не одобрялись въ полку, правда, тренія, бывшія у Главкомандующаго съ казачествомъ. Именно этими треніями офицеры были склонны объяснять (замѣтимъ, часто несправедливо) неудовлетвореніе въ должной мѣрѣ частей Донской Арміи обмундированіемъ, отсутствіе у Довцовъ новыхъ пулеметовъ, отсутствіе броневиковъ, танковъ, аэроплановъ и часто даже достаточнаго количества снарядовъ, тогда какъ по слухамъ (замѣтимъ, часто неосновательнымъ) привилегированныя Добровольческія части, въ указанныхъ отношеніяхъ, якобы были обставлены хорошо.

Тренія эти нѣсколько расхолаживали отношенія офицеровъ къ Генералу Деникину.

Для примѣра отмѣтимъ что когда въ серединѣ 1919 года, въ ознаменованіе признательности Дона Главкомандующему, Генералы Деникинъ и Романовскій были Донскимъ Атаманомъ зачислены въ казачье сословіе и внесены въ списки Л. Гв. Казачьяго полка, то дѣло свелось къ обиху пріятельствами, не создавъ никакой болѣе тѣсной связи полка съ новыми однополчанами.

Отсутствіе въ Лейбъ-Казачьемъ полку повышенно-горячихъ чувствъ къ Генералу Деникину, въ обстановкѣ конца 1919 года, и начала 1920 года, имѣло и положительную сторону: несмотря на катастрофическія неудачи Юга, полкъ не испыталъ и сколько нибудь остраго разочарованія въ Генералѣ Деникинѣ. И теперь такъ же какъ и раньше, твердо и вѣрно несла службу конюха при Ставкѣ Генерала Деникина сотня отъ Гв. Казачьей бригады, такъ

же какъ и раньше тыловыя сплетни, дрязги и «разговорчики» не находили почвы для своего развитія въ полку и потому не понижали его духа.

Уступки начала 20-го года, сдѣланныя казачеству Генераломъ Деникинымъ, его солдатскія, прямыя и честныя выступленія на Верховномъ Кругу, гдѣ онъ произносилъ рѣчи, полныя искренней и горячей вѣры въ возсозданіе, общими усиліями, вѣкъ дорогой Родины Россіи, вновь подняли увѣренность въ способность Генерала Деникина довести дѣло до побѣднаго конца.

Переломъ въ отношеніяхъ къ Генералу Деникину произошелъ въ полку лишь во время Новороссійской эвакуаціи, только послѣ того, какъ здѣсь были брошены на произволъ судьбы три четверти Донской Арміи и ярко сказалась тенденція Добровольческаго Командованія дѣлать части на свои (Добровольческія) и чужія (Донскія).

Если Донскія части прибыли въ Новороссійскъ, временно утративъ свою боеспособность, то не на много лучше обстояло дѣло и у Добровольцевъ.*)

Однако, даже и потерявшія временно боеспособность части, нельзя было не расценивать, какъ нужнѣйшій элементъ для будущихъ Крымскихъ формированій и переброска ихъ въ Крымъ должна была быть обезпеченной.

Ровно, надлежало перевести въ Крымъ и часть Кубанскихъ и Донскихъ бѣженцевъ. Выше было сказано, что нѣкоторыя Донскія станицы ушли въ бѣженство полностью, во главѣ со своими станичными Атаманами и станичными правленіями. Брошенные въ руки красныхъ, пройдя черезъ всѣ тяжелыя переживанія Новороссійска, они вернутся по домамъ, принося съ собою конечное разочарованіе въ способности Бѣлой Арміи ихъ защитить и явятся для красныхъ лучшими агитаторами противъ возникновенія новыхъ возстаній и тѣмъ, въ извѣстной степени, предопредѣляютъ грустный удѣлъ будущихъ десантовъ Генерала Врангеля изъ Крыма на Кубань и Донъ.

Выполненіе указанныхъ задачъ по эвакуаціи въ Крымъ требовало времени.

Новороссійскія позиціи, заранѣе подготовленныя и исключительно благопріятно расположенныя, при наличіи громадной тяжелой и легкой артиллеріи (полтора десятка бронепоездовъ, мощная артиллерія флота, большое количество полевыхъ батарей) при неограниченномъ запасѣ снарядовъ, могли долго держаться и дать необходимый выигрышь времени при относительно небольшомъ количествѣ войскъ обороны.

Съ войсками, однако, дѣло обстояло неблагополучно.

Отходя на Новороссійскъ, они быстро теряли свою боеспособность.

Главныя причины упадка духа частей заключались въ быстрый ростъ, ранѣе уже обозначившагося, взаимнаго недовѣрія начальниковъ и въ отсутствіи заблаговременно принятаго свыше, вѣкъ извѣстнаго, твердаго рѣшенія.

Остановить процессъ распада нужно было во что бы то ни стало и уже, во всякомъ случаѣ, надлежало хотя бы попытаться поправить дѣло.

Такой попыткой могло быть личное вступленіе Генерала Деникина въ фак-

*) Если бы дѣло обстояло не такъ, то одинъ бѣглый взглядъ на карту говоритъ, что оставленіе вопреки приказа ген. Деникина безъ боя Добровольцами 4-го и 7-го Марта Варениковской переправы и станицы Гостоговской, составляло бы тяжкое преступленіе и должно было бы повлечь для соотвѣствующихъ начальниковъ жестокаго кары.

тическое и непосредственное командование частями обороны позиций Новороссийска, съ выдѣленіемъ въ составъ оборонительнаго отряда какой либо крупной части Добровольческаго корпуса, всей 1-й Донской дивизіи, Донской запасной бригады и сводной Донской дивизіи (кою еще 10 и 11-го Марта можно было бы сформировать подборомъ частей и начальниковъ изъ состава двухъ Донскихъ корпусовъ.*)

Штабъ Главнокомандующаго не только не взялъ дѣло обороны въ свои руки, но, наоборотъ, самоустранился, что нашло внѣшнее выраженіе въ передачѣ Генераломъ Романовскимъ всего распоряженія дѣломъ обороны и погрузки Генералу Кутепову.

При тѣхъ отношеніяхъ, кои сложились у Генерала Кутепова съ Командующимъ Донской Арміей Генераломъ Сидоринимъ, эта передача, кромѣ того, выразила рѣшеніе вывода Добровольческаго корпуса за счетъ Донской Арміи и обреченіе послѣдней на ускоренное и полное разложеніе.**)

*) Что послѣднее формировавіе являлось возможнымъ, яствуетъ хотя бы изъ слѣдующихъ строкъ Генерала Деникина, лично видѣннаго еще 14-го утромъ, когда Новороссийскъ былъ полностью брошенъ, на берегу, гдѣ царилъ кошмаръ и хаосъ... «выстроившуюся подчеркнута стройно какою то воинскую часть».

***) Интересна телеграмма Командира Добровольческаго корпуса Генерала Кутепова, посланная имъ 28-го Февраля Главнокомандующему... «о рѣшительныхъ мѣрахъ, кои надлежитъ принять въ цѣляхъ эвакуаціи бойцовъ за идею Добровольческой Арміи». Въ этой телеграммѣ Генералъ Кутеповъ требовалъ, съ момента подхода Добровольцевъ къ ст. Крымской, передать въ руки Командующаго Добровольческимъ корпусомъ, всей власти въ тылу, съ диктаторскими полномочіями по опредѣленію порядка посадки частей на транспорты и предоставленія въ его исклю. чительное вѣдѣніе линий жел. дор., всѣхъ плавающихъ средствъ и флота. Въ пунктѣ 5-мъ телеграммы, Генералъ Кутеповъ указывалъ, что учрежденія Ставки и Правительства должны быть погружены не ранѣе послѣдней грузящейся на транспорты Добровольческой части.

Генералъ Деникинъ, обиженный телеграммой, отвѣтилъ, что вся власть принадлежитъ Главнокомандующему, который дастъ Командиру корпуса такіа права, кои сочтеть нужными.

Относительно Донскихъ Корпусовъ Главнокомандующій сообщалъ, что рассчитывать удерживать ими фронтъ по Кубани, «если же казачій фронтъ разсиплется, то Добровольческій Корпусъ пойдетъ на Новороссийскъ»...

Что же касается пункта 5-го то... «Добровольцы должны бы вѣрить, что Главнокомандующій увидѣтъ послѣднимъ, если не погибнетъ ранѣе»...

Приводя въ «Очеркахъ» (стр. 342, Т. V), телеграмму ген. Кутепова, ген. Деникинъ говоритъ: «Вотъ и конецъ. Тѣ настроенія, которыя сдѣлали психологически возможнымъ такое обращеніе Добровольцевъ къ своему Главнокомандующему, предопредѣлили ходъ событій: въ этотъ день я рѣшилъ безповоротно оставить свой постъ»...

Несомнѣнно что пунктъ пятый явился незаслуженнымъ ударомъ подорвавшимъ моральныя силы Главнокомандующаго въ моментъ, когда требовалось полное ихъ напряженіе.

Генералъ Кутеповъ, позже, при личномъ свиданіи съ Главнокомандующимъ, ему

Самоупражнение Главнокомандующаго и его штаба въ рѣшающій моментъ Новороссійской эпопеи, въ условіяхъ послѣдовавшей катастрофы, не могло не уронить авторитета Генерала Деникина, уже полорваннаго зимними неудачами Юга.

Если въ Добровольческомъ корпусѣ, подъ вліяніемъ естественнаго чувства признательности за вывозъ Добровольцевъ изъ Новороссійска, авторитетъ Главнокомандующаго еще держался, то среди Кубанцевъ и Донцовъ онъ палъ безповоротно. Среди послѣднихъ даже повелась открытая и печатная агитация противъ Добровольческаго Командованія, исходившая изъ штаба Генерала Сидорина, этимъ путемъ желавшаго затушевать долю собственной вины передъ Донскимъ казачествомъ.

Сложившійся вопросъ о возглавленіи новаго періода Вѣлой борьбы, начинающейся въ Крыму, въ условіяхъ исключительной трудности, быстро былъ честно разрѣшенъ инициативой самого Генерала Деникина, сложившаго съ себя Командованіе и назначившаго своимъ преемникомъ Ген. барона Врангеля.

Вскорѣ послѣ своего прибытія въ Крымъ, новый Главнокомандующій, по соглашенію съ Донскимъ Атаманомъ, смѣстилъ и ген. Сидорина, а Донскую Армію, сведенную въ Корпусъ, принялъ Генераль Ф. Ф. Абрамовъ.

Настроеніе въ Л. Ги. Казачьемъ полку, бывшее все это время спокойнымъ и устойчивымъ, теперь, съ назначеніемъ Ген. Врангеля, извѣстнаго какъ лично такъ и своей боевой славой, и съ назначеніемъ ген. Абрамова, своего популярнаго стараго боевого начальника дивизіи, сильно поднялось.

Такъ начался новый періодъ борьбы съ большевиками, періодъ борьбы въ Крыму.

объяснить, что при послышкѣ телеграммы руководился недоумѣемъ къ Правительству и Казачеству.

Въ дѣйствительности мѣры имъ предложенныя и въ конечномъ счетѣ санкціонированныя ген. Деникинымъ, сводились къ осуществленію планомерной эвакуаціи Добровольческаго Корпуса за счетъ Донской Арміи.

Если позиція Генерала Кутепова, до извѣстной степени, можетъ быть оправдана тѣмъ, что онъ былъ Командиромъ корпуса, объ интересахъ коего былъ обязанъ исключительно заботиться, то позиція Главнокомандующаго такого извиненія не имѣетъ.

Генераль Деникинъ возлагаетъ вину за невывозъ Донскихъ корпусовъ на Командующаго Донской Арміей Генерала Сидорина, потерявшаго всякій командный авторитетъ и долго сомнѣвавшагося въ желаніи рядового казачества идти въ Крымъ.

Однако, послѣ доклада Генерала Сидорина 5го Марта, о результатѣ совѣщанія Донскихъ начальниковъ, постановившихъ идти въ Крымъ, хотя бы и черезъ Тамань, мѣста для такого сомнѣнія уже быть не могло.

Потеря Генераломъ Сидоринымъ команднаго авторитета выяснилась за много дней до 12го Марта и ничто не мѣшало Генералу Деникину просить Донскаго Атамана своевременно замѣнить Генерала Сидорина другимъ Донцомъ (Генералы Гусельниковъ, Абрамовъ, Секретевъ).

ГЛАВА XIV-я.

ПЕРВЫЕ МѢСЯЦЫ КРЫМА.

Общее положеніе. — Работа Главнокомандующаго. — Возстановленіе порядка въ Арміи и тылу. — Гражданская дѣятельность Генерала Врангеля. — Законъ о землѣ и Волостномъ Земствѣ. — Соглашеніе съ Казачествомъ. — Назначеніе Генерала Абрамова Командиромъ Донского Корпуса и подъемъ боеспособности Донцовъ. — Опланденіе выходами изъ Крыма. — Лейбъ-Казачи въ Севастополь. — Выходъ Р. А. въ Сѣверную Таврию. — Борьба съ зелеными. — Вольскія бои на фронтѣ и пораженіе Жлобы. — Отправка десанта на Кубань. — Обстановка въ Сѣверной Таврии и отправка на фронтъ Гвардейской Казачьей бригады....

18-го Марта Лейбъ-Гвардии Казачій полкъ выгрузился съ парохода «Аскольда» на пристани гор. Севастополя и переночевавъ въ первый день на пристани, а на второй — въ здании Коммерческаго клуба, 20-го Марта была расквартирована въ предмѣстьи города, Карантинной Слободкѣ. Тамъ же и размѣстился и полковой лазаретъ.

Настроеніе рядовыхъ Лейбъ-Казачковъ было хорошее: они понимали, что, если полкъ благополучно выбрался, то только благодаря энергіи и сплоченности, проявленной офицерскимъ составомъ. Вѣрили, что если были выведены въ цѣлости изъ Новороссійскаго хаоса, то будетъ благополучно выведены и въ дальнѣйшемъ. Въ полку сохранялось спокойствіе и держался полный порядокъ несмотря на крайне тяжелое общее положеніе.

Изъ Новороссійска было вывезено около 30.000 Добровольцевъ и около 10.000 Донцовъ, безъ артиллеріи, повозокъ, безъ лошадей, а частью и безъ инвентаря.*)

Боеспособность вывезенныхъ войскъ была весьма относительной, ибо духъ былъ подорванъ, какъ длительнымъ безотраднымъ отступленіемъ по Кубани, такъ и безобразіемъ Новороссійской эвакуаціи.

Перешейки Крыма оборонялись корпусомъ Ген. Слащева, куда входили Донская Казачья бригада Генерала Морозова въ 2000 коней и многочисленныя мелкія формированія добровольческаго характера. Осаждавшая перешейки Крыма до сего времени малочисленная XIII-я Совѣтская армія,

*) Впоследствии, съ береговъ Чернаго Моря удалось доставить еще нѣсколько тысячъ Кубанцевъ.

особой энергией не проявляла, но усиление ее в ближайшем будущем новыми частями представлялось очевидным.

Наряду с этим обстоятельством, относительно небольшая численность населения Крыма не давала надежды рассчитывать на сколько нибудь значительное усиление Бѣлой Армии.

Армия была разбита, громадные склады обмундирования и снаряжения были частью сожжены, частью брошены на Кубани и въ Новороссійскѣ, въ Крыму же крупныхъ складовъ не имѣлось.

Союзники-англичане твердо заявили о прекращеніи всякой поддержки и настоячиво требовали вступленія въ переговоры о мирѣ съ большевиками. На помощь союзниковъ-французовъ надежды было мало.

Армия явно была предоставлена самой себѣ.

Единственной бодрой нотой звучалъ приказъ новаго Главнокомандующаго Генерала Врангеля, отданный ютъ 22-го Марта: ...«Я сдѣлаю все, чтобы вывести Армію и Флотъ съ честью изъ создавшагося тяжелаго положенія. Призываю вѣрныхъ сыновъ Россіи наперечъ всѣ силы, помогая мнѣ выполнить мой долгъ»...

25-го Апрѣля на Нахимовской площади Генераль Врангель принималъ парадъ, на коемъ участвовалъ и Л. Гв. Казачій полкъ. Обмундированіе войскъ было сильно потрепаннымъ, однако, общая подтянутость, въ связи съ присутствіемъ Главнокомандующаго, скрашивала внѣшнюю неприглядность.

Генераль Врангель, послѣ молебна, всталъ на подножье памятника Адмиралу Нахиму, полнымъ энергией и внутренней вѣры голосомъ, произнесъ слово: «Орлы... Три года тому назадъ, забывъ присягу, честь и совѣсть, ненужныя дотолѣ Русскія войска, открыли фронтъ германцамъ и обезумѣвшій Русскій народъ пожаромъ и кровью залилъ Россію. Нашлись, однако, честные сыны Родины, которые пошли безстрашно умирать за счастье Родной Земли. Безъ снарядовъ, безъ патроновъ, босые и раздѣтые, въ морозъ и стужу, въ палашій зной на высотахъ Кавказа, въ безводныхъ степяхъ калмыцкихъ, шли они своимъ великимъ крестнымъ путемъ. Ширилась и развивалась эта кучка вѣрныхъ сыновъ Родины и освобождалась отъ красной нечисти Русская земля. И чудился уже намъ трезвонъ Московскихъ колоколовъ. Уже бѣжали стѣны Кремля... Но Господу Богу угодно было покарать насъ за наши прегрѣшенія и, ранѣ побѣдоносное движеніе, перешло въ тяжелый крестный путь страданій и невзгодъ. Теперь изстрадавшіеся, измученные и порѣдѣвшіе наши ряды нашли убѣжище въ Тавріи. Грудь противъ груди стоимъ мы противъ нашихъ братьевъ, обезумѣвшихъ, потерявшихъ совѣсть.

За нами бездонное море. Исхода нѣтъ.

И въ этотъ грозный часъ я призванъ быть съ вами во главу насъ.

Безъ трепета и колебанія я сдѣлаю это. Я твердо знаю, что Россія не погибла. Мы увидимъ ее свободной и счастливой. Я вѣрю — Господь Богъ дастъ мнѣ умъ и силы вывести Армію изъ тяжелаго, безвыходнаго положенія.

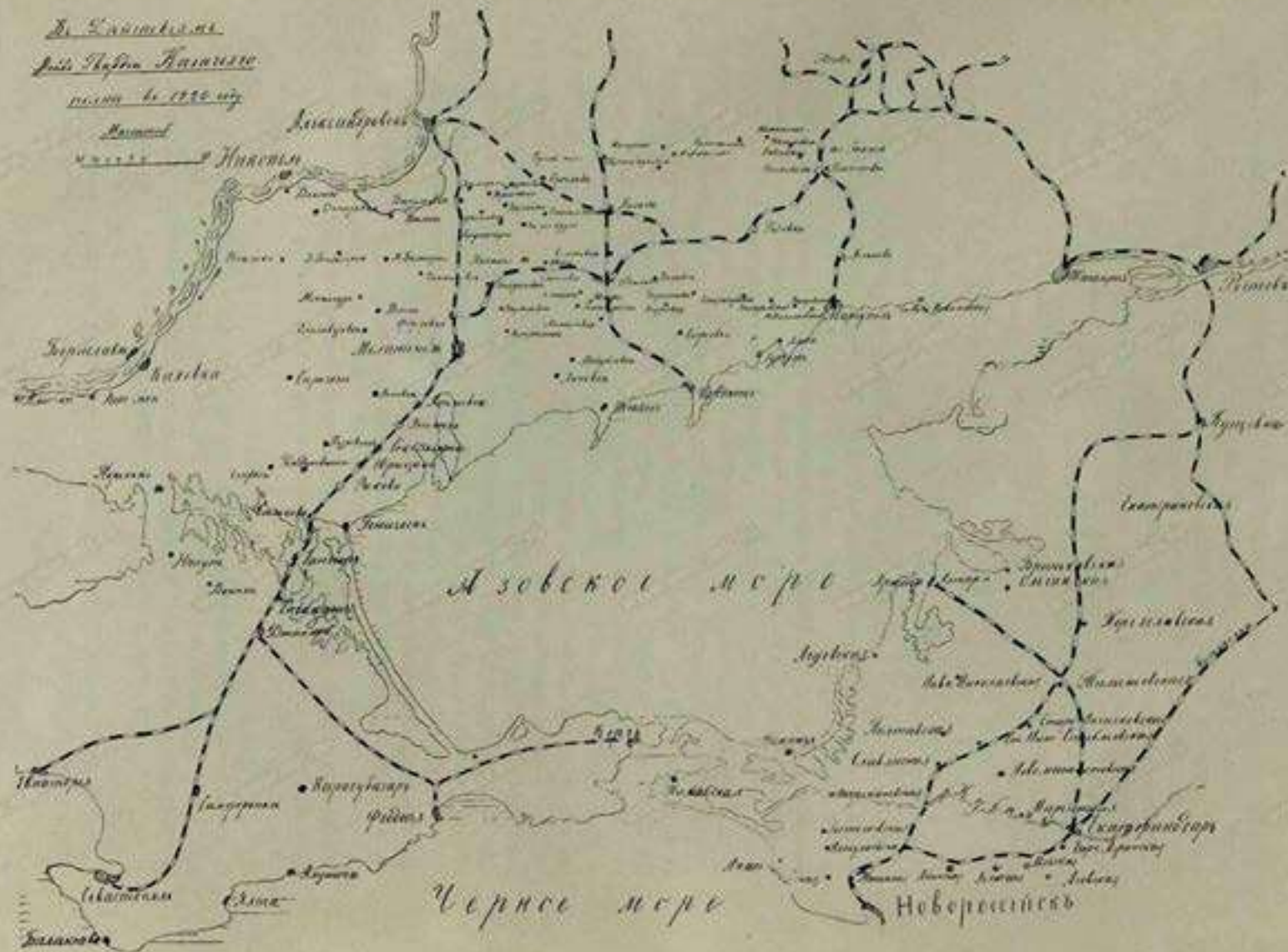
Сейчасъ Великій Постъ, Великая недѣля, когда русскій человекъ очищается, чтобы безъ грѣха встрѣтить Святое Воскресеніе. Пусть тяжкій

В. Савинский
Ген. Штаба Кавказа

1856 г.

Кавказ

1856 г.

крестный путь будет для насъ искупленіемъ послѣ котораго наступитъ Воскресеніе. Пройдемъ черезъ горнило испытаній и, подобно тому, какъ желѣзо, пройдя черезъ огонь, переходитъ въ сталь, будемъ тверды, какъ сталь.

Твердо вѣрю — Русская Армія явится оплотомъ дѣйствительно свободной и счастливой Россіи.

Воскресеніе Родины увидимъ скоро!»

Войска проходили церемониальнымъ маршемъ:

...«Поношенная, обтрепанная одежда, сбитые заплатанные сапоги, усталыя землистыя лица, но весело и бодро блестя глаза, твердо отбивается шагъ. Гдѣ то въ глубинѣ шевелится теплое и бодрое чувство: нѣтъ не все потеряно, нѣтъ, мы можемъ еще держаться...»)

28-го Марта, послѣ Свѣтлой Заутрени, Главнокомандующій Генералъ Врангель, Донской Атаманъ Генералъ Богаевскій, Генералъ Шатиловъ, Генералъ Абрамовъ были приглашены разговѣться въ Собраніе Лейбъ-Казачьяго полка, помѣстившемся въ слободской школѣ. Пасхальный столъ былъ болѣе нежели скромный, обстановку нѣсколько скрашивала игра трубачей, однако, общее настроеніе собравшихся напоминало офицерскую среду стараго времени.

«Послѣ Заутрени», отмѣчаетъ Генералъ Врангель въ своихъ Запискахъ,**) «разглагольствовалъ въ собраніи Лейбъ-Казачковъ. Пожъ этотъ одинъ изъ немногихъ, гдѣ сохранился старыи офицерскій составъ. Большинство сотенныхъ командировъ командовали сотнями еще въ Германскую войну»...

Послѣднее, конечно, не вѣрно, но ошибка Генерала Врангеля точно передаетъ внутренній духъ полка и личное впечатлѣніе вынесенное Главнокомандующимъ.

За Пасхальнымъ столомъ Генералъ Врангель произнесъ горячее слово, гдѣ, не скрывая тяжести обстановки, повторилъ свое обѣщаніе вывести съ честью изъ тяжелаго почти безвыходнаго положенія.

Въ полку былъ извѣстенъ мужественный поступокъ Генерала Врангеля въ Константинополь, когда на предупрежденіе англійскаго Адмирала о полномъ прекращеніи поддержки англичанъ и на совѣтъ не ѣхать въ Крымъ, гдѣ остатки Арміи обречены на гибель, онъ отвѣтилъ: «Еще сегодня сомнѣвался, слѣдуетъ ли мнѣ ѣхать въ Крымъ, но, узнавъ изъ словъ Вашего Превосходительства о почти безвыходномъ положеніи Арміи, считаю долгомъ чести ѣхать».

Поэтому и приемъ, оказанный Главнокомандующему Генералу Врангелю Лейбъ-Казачками носилъ исключительно теплый характеръ.

Генералъ Врангель не ограничивалъ своей дѣятельности одними словами и, не теряя ни минуты, приступилъ къ кипучей организаціонной работѣ.

*) Генералъ Врангель. «Записки». Стр. 24. Томъ II.
**) Генералъ Врангель. «Записки». Стр. 32. Томъ II.

Приказомъ отъ 24-го Марта, Помощникомъ Главнокомандующаго былъ назначенъ однополчанинъ Лейбъ-Казакъ Генеральнаго Штаба, живой и энергичный, чуждый канцелярщины, произведенный еще Генераломъ Деникинымъ въ Генераль-Лейтенанты, П. Н. Шатиловъ.

Быстро была приведена въ порядокъ Армія.

Генераль Врангель твердо отказался отъ началъ партизанщины, что нашло вышшее выраженіе въ переименованіи Арміи изъ Добровольческой въ Русскую. Армія была сведена въ три корпуса, въ коихъ установленъ твердый порядокъ.

Быстро былъ упорядоченъ вопросъ довольствія войскъ.

Приведена въ порядокъ Военно-Судебная часть.

Неимоверно разбухшія Добровольческія тыловыя учрежденія, по ироніи судьбы нывезенныя почти цѣлыми изъ Новороссійска, сокращены. Въ короткій срокъ было упразднено и расформировано болѣе 300 учреждений, отчего дѣло только выиграло.

Въ границы настоящаго очерка не вмѣщается описаніе дѣятельности Генерала Врангеля по гражданской части.

Однако, нельзя обойти молчаніемъ удачнаго разрѣшенія имъ коренныхъ вопросовъ взаимоотношеній съ крестьянствомъ и казачествомъ, вопросовъ, въ условіяхъ гражданской войны обуславливавшихъ обстановку въ коей текли боевыя операціи.

Первый вопросъ былъ разрѣшенъ законами о землѣ и волостномъ земствѣ:

При разрѣшеніи аграрнаго вопроса, Генераль Врангель отказался, какъ отъ губительнаго непредпріимчивства, такъ и отъ реально неосуществимой идеи обязательнаго надѣленія землей всѣхъ, кто бы того ни пожелалъ.

Было установлено переходъ всей земли въ прочную собственность въ руки, на ней работающихъ. Выкупъ устанавливался въ размѣрѣ стоимости 5 среднихъ урожаевъ, съ разсрочкою выплаты на 25 лѣтъ. (1/5 урожая въ годъ).

Разверстка отчуждаемой и распределяемой земли была полностью предоставлена органамъ вновь создаваемого волостного земства.*)

Представители этихъ органовъ привлекались кромѣ того къ участию къ некоторымъ сторонамъ административной и даже судебной дѣятельности (участіе въ контрольно-судебныхъ комиссіяхъ фронта).

*) Поддѣе было опубликовано положеніе и объ уѣздномъ земствѣ. Приказъ отъ 20 Сентября за № 150 говорилъ: «Новая земская власть дастъ и обновленное силами земли, готовое къ творческой работѣ уѣздное земство, эту необходимую ступень подъема на пути къ дальнѣйшему возрожденію русской государственности. Вѣрю, что междоусобица скоро закончится и настанетъ время избрать достойныхъ земскихъ людей во Всероссийское Народное Собраніе, которое и укажетъ, какъ должна быть устроена Русская Земля».

Такимъ образомъ, къ строительной государственной работѣ привлекалось крестьянское населеніе, при этомъ привлекалось непосредственно изъ своей толщѣ, а не черезъ условное представительство оторванной отъ него интеллигенціи.

Ставка ставилась на наиболее крѣпкій слой хозяйственныхъ крестьянъ, но съ возможностью и приобщенія къ нему лучшей части бѣднѣйшаго слоя.

Благодаря приведеннымъ выше мѣропріятіямъ дальнѣйшее выдвигеніе Арміи въ Сѣверную Таврію не встрѣтило враждебнаго отношенія крестьянъ, а равно и зеленое движеніе въ Крыму, несмотря на широкую поддержку, оказываемую совѣтскими деньгами, и несмотря на исключительно благоприятныя мѣстныя топографическія условія, особеннаго развитія не получило.

Взаимоотношенія съ казачествомъ были урегулированы соглашеніями съ Войсковыми Атаманами отъ 2-го Апрѣля и 22-го Юля.

Согласно этимъ соглашеніямъ, Государственныя образованія Дона, Кубани, Терека и Астрахани были обезпечены полной независимостью въ своемъ внутреннемъ устройствѣ и управленіи. Представители Войскъ входили въ составъ Совѣта при Главнокомандующемъ съ правомъ рѣшающаго голоса по всемъ вопросамъ. Иностранное представительство осуществлялось единолично Главнокомандующимъ, но по вопросамъ касающихся казачьихъ интересовъ, онъ обязывался предварительно входить въ соглашеніе съ Атаномъ непосредственно заинтересованнаго Войска.

Донъ, Кубань, Терекъ и Астрахань передавали, въ оперативное и организационное подчиненіе Главнокомандующаго, свои вооруженныя силы и обязывались производить мобилизаціи, не менѣе сроковъ и годовъ установленныхъ для неказачьихъ районовъ В. С. Ю. Р.

Управленію Главнокомандующаго передавались ж. д. пути и главныя телеграфныя магистрали.

Соглашеніе сохраняло дѣйствительность впредь до окончанія гражданской войны и, такимъ путемъ, создавалась опредѣленность отношеній, исключавшая возможность повторенія вновь губительной для общаго дѣла междуусобной внутренней борьбы.

Заключеніе договора носило характеръ обоюдной искренности:

Слѣдствіемъ установившихся хорошихъ отношеній явилось зачисленіе Донскимъ Атаномъ генерала Врангеля въ Войско Донское и списки Л. Гв. Казачьяго полка.

Одновременно Донскимъ Атаномъ въ списки Л. Гв. Казачьяго полка были зачислены и помощникъ Главнокомандующаго Ген. Лейт. П. Н. Шатиловъ.

*) П. Н. Шатиловъ, началъ службу въ Л. Гв. Казачьемъ Е. В. полку, состоялъ въ спискахъ Донскаго Войска, будучи принятъ въ казачье сословіе въ 1900 году, въ станицу Калитвенскую.

Соглашение отъ 2-го Апрѣля имѣло и другое слѣдствіе. Въ предыдущей главѣ уже говорилось объ агитаціи, ведшейся штабомъ Донской Арміи (сосредоточенной въ Евпаторіи) въ лицѣ Ген. Сидорина и Ген. Кельчевскаго, противъ Командованія Добровольческой Арміи, главнымъ образомъ, въ цѣляхъ прикрыть долю собственной вины въ преступной неорганизованности эвакуаціи въ Крымъ.

Штабомъ издавалась газета «Донской Вѣстникъ», помѣстившая рядъ статей Начальника Политической части Донской Арміи Сотника Графа дю-Шайля, гдѣ производились косвенные призывы къ расколу собравшихся въ Крыму силъ.

Главнокомандующій, съ согласія Донскаго Атамана, отрѣшить отъ должностей Генерала Сидорина и Кельчевскаго и, послѣ дознанія, передать ихъ Военно-Полевому суду, приговорившаго подсудимыхъ къ каторгѣ.

Во вниманіе къ прежнимъ заслугамъ подсудимыхъ, Главнокомандующій замѣнилъ югъ каторгу исключеніемъ, безъ мундира изъ списковъ Арміи и высылкою за предѣлы Крыма за границу.

Въ Командованіе Донской Арміей, сведенный въ Донской корпусъ, вступить Генераль Ф. Ф. Абрамовъ.

Нездоровая атмосфера Штаба Корпуса съ пьяными загулами, безалабершиной и интригами отошла въ область преданій.

Чрезвычайно скромный въ своей личной жизни, строгій къ себѣ и одновременно знающій и требовательный начальникъ, Генераль Абрамовъ быстро привелъ штабъ въ порядокъ и приступилъ къ дальнейшей организаціонной работѣ.

Донское офицерство сразу приободрилось и работа закипѣла.

Встряхнувшись, поднявъ голову, и рядовые казаки.

Донской корпусъ въ короткій срокъ вернулъ свою блестящую боеспособность.

Ресурсы Крыма, жившаго въ мирное время хлѣбомъ нивъ занятой большевиками Сѣверной Тавріи, было конечно недостаточно для прокормленія Арміи, насчитывавшей 150.000 ротъ.

Страдало и населеніе Крыма, какъ отъ нехватки продуктовъ, такъ и отъ быстрого роста цѣнъ.

Представлялось совершенно необходимымъ занять Сѣверную Таврію и въ этихъ цѣляхъ надлежало, незамедлительнымъ захватомъ перешейковъ, обезпечить будущій выходъ изъ «Крымской бутылки» на сѣверъ.

Вниманіе красныхъ было занято ожившимъ польскимъ фронтомъ, но все же, занимавшая перешейки XIII-я Совѣтская армія, быстро усиливалась, какъ пополненіями, такъ и подходившими новыми частями. Медлить не приходилось и Генераль Врангель перешелъ въ наступленіе.

31-го Марта, въ районѣ Перекопа, разыгрался бой.

Недавно прибывшая Латвійская дивизія, съ придающей ей красной кон-

ницей, была на голову разбита Донской бригадой Генерала Морозова, поддержанного пехотой, танками и броневиками.

На следующий день, красные, подняв свою 3-ю стрелковую дивизию и связную конницу, пытались наступать, но успеха не имели.

В тот же день, за левым флангом красных в Кирилловск, в 40 верстах от Генчесска, высадился десант Генерала Славцова, а на следующий день, в Хорлахи, за правым флангом красных, при поддержке флота, высадилась Дроздовская дивизия.

Противник, захваченный десантами в клещи, три дня вел отчаянные бои, пока не был разбит и отброшен на север, потеряв 6 орудий, 60 пулеметов и оставив выходы из Крыма в наших руках.

Первый и прочный успех поднял дух защитников Крыма.

Укрепился окончательно и авторитет Главнокомандующего.

Дав краткую обрисовку общей обстановки первых месяцев Крымской борьбы, вернемся к Л. Гв. Казачьему полку.

Так как среди рабочего и городского населения Крыма имелись элементы сочувствовавшие большевикам, то Гв. Казачья бригада была первоначально оставлена в Севастополь, где полки ее, чередуясь, несли гарнизонную службу.

Здесь полк получил первое укомплектование — 200 казаков, призыва 20 и 21 годов, присланное из Евпатории.

Вскоре получена была первая партия лошадей и 1-я сотня, переведенная на стоянку в Балаклаву, съез на коней.

Было получено некоторое количество английского обмундирования и полк приоделся.

Изю дня в день, в промежутках от караульной службы, велись занятия и офицеры были заняты с раннего утра до 5 часов вечера.

Функционировало скромное полковое собрание, при котором офицеру не было возможности дозволиться, так как больше, нежели скромный размер жалованья*) не позволять пользоваться ресторанами. Меню разнообразием не блистало, ибо повару приходилось готовить, пользуясь продуктами интендантского пайка, полагавшегося каждому офицеру.

Ввиду недостатка мяса, оно обычно заменялось крымской рыбешкой — камсой, быстро пришедшейся.

Тот же паек получали и казаки.

Настроение их было хорошим. Все попытки агитации со стороны этим твердым настроением разбивались.

Полученные листовки и брошюры казаками неукоснительно сдавались сотенным командирам. Были случаи избиваний и ареста агитаторов.

*) При переводе денег на стоимость продуктов, жалование офицера в Крыму равнялось, приблизительно, 1/6 содержания, получавшегося им до войны.

Хорошо неслась и караульная служба. Для примѣра приведемъ случай съ карауломъ взводнаго 1-й сотни Пономарева (Егорлыкской станицы), бывшаго въ нарядѣ на берегу Севастопольской бухты у мельницы Рудокони, гдѣ былъ крупный складъ сахара и боевыхъ припасовъ. Ночью подѣхала къ складу подвода, съ коей сошли два неизвестныхъ, предложившихъ Пономареву за пропускъ въ складъ взятку въ миллионъ рублей, что даже и въ ту пору обезцѣненія бумажныхъ денегъ представляло весьма крупную сумму.

Пономаревъ вызвалъ свой караулъ и арестовалъ преступниковъ, проводивъ ихъ въ управленіе Севастопольской крѣпости.

При арестѣ злоумышленники пытались оказать казакамъ сопротивление: одинъ изъ нихъ даже выхватилъ револьверъ и былъ раненъ штыкомъ.

Случай этотъ нашелъ отраженіе въ приказѣ Комеданта Севастопольской крѣпости Генерала Стогова, выразившему Пономареву благодарности, и Пономаревъ, имѣвшій ранѣе за боевыя заслуги званіе вахмистра, былъ произведенъ Начальникомъ дивизіи въ Подхорунжіе.

Парадъ 5 мая 1920 года на Нахимовской площади, въ гор. Севастополь. Генералъ баронъ П. Н. Врангель проходитъ передъ строемъ Лейбъ-Гвардіи Казачьяго полка. Вправо отъ него — его помощникъ генералъ П. Н. Шатиловъ, аѣво — Донской Атаманъ генералъ А. П. Воглевскій. За Донскимъ Атаманомъ, съ рукой на перевязи, нач. 1-ой Донской Конной дивизіи ген. В. А. Дьяковъ, имѣая аѣво пр. ком. полкомъ полковника К. Р. Поддѣвалъ. На аѣвомъ краю снимка — командующій Гв. Каз. бригадой генералъ В. И. Фарафоновъ.

5-го Мая Главнокомандующий смотрѣлъ Гв. Казачью бригаду по случаю предполагаемой отправки ея на фронтъ, остался доволенъ и горячо благодарить офицеровъ за ихъ работу.

Однако, на этотъ разъ, распорихженемъ Штаба, отправка была почему то отложена.

Полкъ продолжалъ готовиться къ предстоящимъ боевымъ дѣйствіямъ.

Съ назначеніемъ Генерала Фарафонова Командиромъ Гв. Казачей бригады, вакансія Командира Л. Гв. Казачьяго полка, съ 5-го Февраля, была свободна.

Полкомъ временно командовалъ Полковникъ Поздѣвъ.

Временно командующій никогда не чувствуетъ себя полнымъ хозяиномъ полка, что не можетъ не отражаться на дѣлѣ, почему Начальникъ дивизіи Генераль Дьяковъ счелъ необходимымъ теперь же разрѣшить вопросъ.

Запись начальника 1-ой Дон. Дивизіи Генерала Дьякова говоритъ:

...«Съ назначеніемъ генерала Фарафонова командиромъ бригады освобожденный Лейбъ Казачій полкъ я предложилъ старшему полковнику полка — коренному Лейбъ Казаку выпуска 1906-го года — полковнику Оприцу. Последний еще не оправился отъ тяжелаго раненія и не могъ еще передвигаться иначе какъ на костыляхъ.

Считая что его командованіе на ближайшіе мѣсяца боевой дѣятельности полка сведется лишь къ управленію хозяйствомъ, а вся боевая работа и тяжелая за нее отвѣтственность невольно ляжетъ на его помощника, лишеннаго въ этихъ условіяхъ имѣть единственное преимущество съ должностію командира Лейбъ Казачьяго полка связанное — быть произведеннымъ въ генераль маіоры, полковникъ Оприцъ полкъ принять отказался, прося однако его принять немедленно по выздоровленіи, сохранивъ за собою право на слѣдующую же очередь.

Съ болью душевной и долженъ былъ согласиться съ мужественнымъ и безусловно жертвеннымъ рѣшеніемъ полковника Оприца и въ командованіе полкомъ вступилъ полковникъ Поздѣвъ — Полковникъ Оприцъ, впредь до выздоровленія, былъ прикомандированъ для службы къ Особому Отдѣленію Ген. Штаба, съ оставленіемъ его въ спискахъ полка»...

Приказомъ Донского Атамана, отъ 8-го Іюня за № 222, Полковникъ К. Р. Поздѣвъ былъ назначенъ Командиромъ полка.

4-го Октября, въ день полкового праздника, Полковникъ Поздѣвъ, былъ произведенъ въ Генераль-Маіоры.

Нельзя не отмѣтить и не подчеркнуть характерной полковой черты яко проявлявшейся во все теченіе гражданской войны.

Старшіе офицеры весьма неохотно покидали ряды полка, систематически отказываясь отъ назначеній на сторону ивъ 1-й Донской дивизіи.

Первымъ подавъ примѣръ Генераль Дьяковъ.

Весною 1919 года, ему было официально предложено принять одну изъ

дивизій постоянной Донской Арміи. Онъ отказался предпочесть остаться на должности Командира Л. Гв. Казачьяго полка.

Въ дальнейшемъ неоднократно предлагались полки почти всѣмъ штабъ-офицерамъ и старшимъ командирамъ сотенъ Л. Казачьяго полка. Всѣ запрашиваемые систематически отказывались, предпочитая службу на нижней должности, но подъ своимъ штандартомъ.

Причины указанного явления лежали въ нижеслѣдующемъ:

1. Офицеры полка принимали участіе въ гражданской войнѣ, руководствуясь исключительно чувствомъ долга, а не соображеніями материальнаго либо карьернаго характера.
2. Лейбъ-Казакъ были глубоко чужды начала партизанщины и импровизации, присущіе за рѣдкими исключеніями всѣмъ войсковымъ частямъ того времени и отъ которыхъ Лейбъ-Казачій полкъ, какъ то явствуетъ изъ всего изложеннаго въ предыдущихъ главахъ, былъ совершенно свободенъ.
3. Ближайшія и промежуточные цѣли въ борьбѣ за конечное сверженіе большевистской власти, были часто неясны далекому отъ политики строевому офицеру. Служба же въ рядахъ своего кореннаго полка имѣла близкій офицерскому сердцу, ясный и понятный стимулъ службы славяному бытію своего сѣдоваго полка и его Императорскому Штандарту.

Выше было сказано, что полкъ ежедневно ждалъ приказа о движеніи на фронтъ.

Въ концѣ Мая и началѣ Іюня боевыя операціи въ Тавріи приняли благоприятный характеръ.

Армія Генерала Врангеля, приведенная въ порядокъ и развернувшаяся въ 4 корпуса, 24-го Мая перешла въ наступленіе противъ, къ тому времени усилившейся до 20.000 бойцовъ, XIII-й Советской арміи.

Упорными боями, XIII-я Сов. армія была опрокинута и отброшена на Сѣверъ. Къ 10 Іюня Генераль Врангель захватилъ около 10.000 пѣшихъ, 9 броневиковъ, 48 орудій, 250 пулеметовъ, 3 бронепоезда.

Въ руки В. С. Ю. Р. перешла наиболее богатая часть Сѣверной Тавріи и крупныя большевистскіе склады хлѣба и боевыхъ припасовъ.

Районъ былъ богатъ лошадьми, что позволило, путемъ платной реквизиціи, посадить на коней большую часть конницы.

Армія вышла изъ «Крымской бутылки» на просторъ.

Въ Крымъ изъ Сѣверной Тавріи потекъ хлѣбъ, продукты, цѣны быстро упали и населеніе вздохнуло свободнѣе.

Вслѣдствіе благоприятнаго, въ серединѣ Іюня, положенія дѣла въ Сѣверной Тавріи и упрочившагося порядка въ городѣ Севастополѣ, Гвардейская Казачья бригада, предварительно отправкѣ на фронтъ, была командирована для борьбы съ зелеными на побережье Крыма.

16-го июня, полки бригады были доставлены морем — Лейбь-КазакИ в Яту, Атаманы — в Бахчисарай.

Полковые лазареты и канцелярии остались в Севастополе.*)

Жители Яты с восторгом встретили давно не виданную дисциплинированную часть.

19-го июня полк выполнил первую задачу в районе Гурзуфа, где был взят в плен отряд зеленых в 35 человек, во главе с войсковым старшиной Пономаревым.

21-го июня полк снова двинулся в горы, для очищения района к северу от имения «Ливадия». 3-й сотня была дана задача подняться до водопада Учань-Су и на вершину хребта Ай-Петри, 6-й сотня и пулеметной командой по-прежнему и разными горными тропами — сойтись к санаторию, что выше дачи «Эриклить».

Здесь в этих местах настолько густь, что в 50-ти шагах ничего не видно. Много скалистых пещер и крутых подъемов. За весь день удалось обнаружить лишь небольшой лагерь группы зеленых с еще тлющим костром, спешно покинутый скрывающимися противником.

Через несколько дней был очищен район Черного Камня, и в ближайших окрестностях Яты зеленые надолго прекратили всякую деятельность.

Для дальнейшей борьбы с зелеными, действовавшими крупными шайками по шоссе Алушта-Симферополь в район Бешуйских Копи — Монастырь, сотни были переброшены в следующие пункты: 6-я сотня с конным взводом 1-й сотни в район Алушты, 3-я сотня с конным взводом 1-й сотни — в имение Графа Сумарокова, в д. Кахозы. Штаб полка, команда связи и конная полусотня, все под начальством Полковника Кононова (вр. командовавшего полком по болезни Полковника Поздеева) остались в Яте.

Каждой сотне было придано по 2 пулемета и при каждом отряде состояли чины контр-разведки, руководящие производившимся каждодневно поисками и засадами.

Уничтожить окончательно зеленых, избегавших встречи и прятавшихся небольшими группами в трудно доступных глухих горных местах, не удалось, но всякая их деятельность, в районах занятых Лейбь-КазакИми, была в корне прекращена и возобновилась лишь с уходом полка на фронт.

*) Охрана Севастополя перешла в руки специально сформированных местных команд и конной Главнокомандующего. Местные команды состояли, главным образом, из отставных и категоричных (негодных для строев) офицеров. Так, в одной из Севастопольских команд служил взводным офицером бывший Военный Министр Императорской России Генералъ-отъ-ИнфантерИ Редигеръ.

Конной Главнокомандующего были развернуты в полк. В состав полка конной, конь командовал Лейбь-КазакИ (выпуск 1900 г.) Полковник В. Б. Упорниковъ, вошла полностью и прежняя сотня конной Генерала Деникина отъ Гв. Казачьей бригады, коей командовал теперь Лейбь-КазакИ Войск. Ст. В. П. Андрияновъ.

27-го Июля полкъ получилъ приказаніе двгаться на фронтъ черезъ Симферополь, гдѣ надлежало получить, изъ ремонтнаго бюро, поставленныхъ населеніемъ по платной реквизиціи, лошадей.

2-го Августа, лошади были получены и разбиты по сотнямъ. Въ 1-ю сотню были отобраны гнѣдая, въ 6-ю вороныя, въ пулеметную команду — сѣрая и, наконецъ, въ 3-ю сотню пошли всѣ отмастки. Всего въ полку считывалось теперь около 400 лошадей, почему казаки, конемъ не хвативъ лошадей, были сведены въ сотню (№ 2) Подъесауль Гриневъ) въ расчетѣ получить для нихъ коней съ приходомъ на фронтъ, куда Гв. бригада выступила, потрузившись въ эшелоны въ Симферополь 4 и 5-го Августа.

Истекшій періодъ борьбы съ зелеными былъ труденъ лишь въ физическомъ отношеніи. Постоянныя поиски и засады требовали лазанія по кручамъ и продолжительныхъ передвиженій по заросшимъ лѣсомъ горамъ.

Сильно износилось обмундированіе и пострадала обувь.

Зеленые систематически избѣгали встрѣчи, а затѣмъ и прекратили дѣятельность въ занятыхъ полкомъ районахъ, почему за Іюнь и Іюль потери Лейбъ-Казаки не понесли.

Единственной потерей была смерть отъ крупознаго воспаленія легкихъ, только что вернувшагося въ полкъ, командовавшаго полкомъ въ 1917 году, Подковника Александра Андреевича Мишарева, скончавшагося въ лазаретѣ полка и похороненнаго 14-го Іюля, на Севастопольскомъ кладбищѣ.

Въ слѣдующей главѣ мы приступимъ къ изложенію дѣятельности Лейбъ-Гвардіи Казачьяго полка на фронтѣ, куда Гв. Казачья бригада прибыла 6-го Августа, а потому настоящую главу закончимъ краткимъ обзоромъ событій въ Сѣверной Тавріи въ Іюнь и Іюль и обзоромъ общей обстановки, сложившейся въ началѣ Августа.

Въ серединѣ Іюня, сильно потрепанная въ бояхъ конца Мая, XIII-я Советская армія, энергичной работой краснаго тыла, быстро была приведена въ порядокъ, пополнена и приготовлена къ наступленію, въ цѣляхъ овладѣнія Сѣверной Тавріей. Красное командованіе особыя надежды возлагало на только что переброшенный съ Сѣвернаго Кавказа, въ районъ ст. Пологи, мощный конный корпусъ Жлобы, въ 7.500 сабель и 6000 штыковъ, усиленный кав. дивизіей Бликова и двумя кав. бригадами 40-й Советской дивизіи.

15-го Іюня, Жлоба перешелъ въ наступленіе въ направленіи Пологи-Мелитополь. Подъ натискомъ Жлобы, 16, 17, 18 и 19-го Іюня, доблестный Генералъ Гусельниковъ, со своей 3-й пѣшей Донской дивизіей, медленно отходилъ, ведя бои съ все глубже вклинявшимся въ нашъ фронтъ значительно превосходящимъ въ силахъ противникомъ.

Генералъ Врангель, короткимъ ударомъ остановилъ на другихъ участкахъ, было начатое красными, наступленіе и, оставивъ тамъ лишь заслоны,

бросить все свои силы против корпуса Жлобы, принять на себя лично непосредственное руководство операцией.

19-го июня Главнокомандующий, выразив глубокую благодарность 3-й Донской дивизии за доблестную работу последних дней, предложить ей на 20-е июня, во что бы то ни стало, удержать линию Астраханка-Варваровка, дабы дать другим частям возможность своевременно выйти во фланг и тыл противника.

Генерал Гусельников блестяще справился с задачей и утром 20-го июня, его атаковавшие тучи конницы Жлобы, были взяты во фланг подошедшими Корниловцами.

Жлоба, оставив Донцов, обрушился пятью бригадами на Корниловцев. Однако, его атака разбилась обь выдержанный пулеметный и ружейный огонь. Артиллерия Корниловцев, выскочив на открытую позицию, открыла огонь во фланг атакующих красных. Одновременно во левый фланг Жлобы ударили, перешедший в энергичное наступление, Генерал Гусельников. Массы красной конницы смѣшались и, разстреливаемые насеставшей флотилей аэропланов Генерала Ткачева, разбились на две группы, стали уходить. Первая группа двинулась было на север, где наскочила на 13-ю пѣхотную дивизию Слащева и на бронепоезда, вторая группа бросилась на юг, где наскочила на подошедших Дроздовцев. Разбитая группа красной конницы бросилась уходить на восток, где были перехвачены ударившими с юга 2-й Донской дивизией и с севера — Донской бригадой Генерала Морозова.

Конный корпус Жлобы был совершенно разгромлен, оставив в наших руках 40 орудий, 200 пулеметов и, главное, около 3000 лошадей с сѣдлами.

Полки 2-й Донской дивизии полностью теперь сѣли на коней.

Разгром Жлобы рѣшил и общую участь красного наступления, ликвидированного к 23-му июня, вернувшимся на свои мѣста частями Русской Армии.

За эту вторую крупную операцию в Северной Таврии, продолжавшуюся всего неделю, (с 15-го по 23-е июня) было взято у красных — 60 орудий, 300 пулеметов и около 11.000 пѣхотных.

Плань красного командования овладеть Северной Таврией потерпѣла неудачу и фронт, на некоторое время получил передышку.

Противник, однако, продолжал усиливаться и доведя к середине июля численность своей XIII-й Армии до 35.000 штыков и 10.000 сабель, вновь изготовился к наступлению.

Генерал Врангель рѣшил сильным коротким ударом предупредить красных, разбить их и обезпечить Северную Таврию и развязав себя зась руки, бросить часть сил в экспедицию на Кубань.

С 10-го по 20-е июля в Северной Таврии шли упорные тяжелые встречные бои в северном и северо-восточном направлениях (Александровское, Орѣховское, Пологское и Верхне-Токмакское).

Корпуса и дивизии Русской Армии, соперничая в доблести, отбросили численно превосходящего их противника, взяв до 5000 пленных, 30 орудий, 150 пулеметов и 4 бронепоезда.

22-го июля, Генерал Врангель получил возможность снять с фронта Кубанские части и, образовав из них отряд силою около 5000 пехоты и шашек, при 130 пулеметах и 30 орудиях, направить его в Феодосию для погрузки на суда и производства десанта на Кубань.

1-го Августа, Кубанский десант, под общей командой Генерала Улагая, высадился в Ахтырской станице и двинулся вглубь Кубани.

Тем временем, в Северной Таврии, красные перешли в новое наступление, на этот раз с северо-западного Днепро-Донецкого направления, переправившись у Каховки, Корсунского Монастыря и Алешки. Одновременно большинство своей II-й конной армией, усиленной I-й, 3-й и 46-й стрелковыми дивизиями, атаковали с севера I-й Армейский корпус, стремясь прорваться вдоль Днэпра и выйти в тыл войскам защищавшим Днепро-Донецкое направление.

Тяжелыми боями, с 25-го июля по 2-е Августа, противник, как перешедший через Днэпр, так и атаковавший I-й Армейский корпус, был, при содействии Донских дивизий и конницы Генерала Барбовича, отброшен.

Однако, на этот раз Каховский плацдарм, сильно укрепленный противником, обратно взять не удалось, что создало постоянную угрозу левому флангу Генерала Врангеля, притом в направлении ведущем к кратчайшему пути на Перекопский перешеек и потому особо важному для Русской Армии.

Кроме того, Армия в последних тяжелых боях понесла большие потери, особенно в своем командном составе.

Потери нужно было пополнить, тем более, что красные быстро усиливали свой Крымский фронт переброскою частей из Восточной России, Сибири и Кавказа, и численное и техническое их превосходство угрожающе быстро росло.

Возможности маленькой территории Крыма, по сравнению с ресурсами остальной части России, были весьма скромны.

Необходимо было пытаться расширить базу в сторону казачьих областей, где, по слухам, шли волнения и образовались крупные местные партизанские отряды.

Попытками в этом направлении явились небольшой Донской десант Полковника Назарова и крупный Кубанский — Генерала Улагая. Десанты надежды не оправдали, чему причин было много, из коих главнейшей была ограниченность в средствах, не позволявшая довести силу десантов до нужной для успеха величины.

161

Десантъ Подковника Назарова погибъ на Дону, десантъ Генерала Улагая 17-го Августа вернулся въ Крымъ.

Несмотря на понесенныя потери, численность вернувшихся Кубанцевъ возросла, ибо къ нимъ, изъ ближайшихъ къ мѣсту высадки станицъ, присоединилось 10.000 бѣжавшихъ отъ краснаго ига казаковъ.

Генералъ Врангель принималъ и мѣры къ привлеченію въ Крымъ многочисленныхъ офицерскихъ группъ, оказавшихся за рубежомъ Россіи (остатки Сѣверной и Сѣверо-Западной Арміи, интернированныя въ Польшѣ части Генерала Бредова, офицерство эвакуировавшееся изъ Сибири, Одессы и Новороссійска и т. д.).

Черезъ сеть своей военной агентуры заграничей, Главнокомандующій довелъ до свѣдѣнія зарубежнаго офицерства свое предложеніе выѣзда желающимъ въ Крымъ съ тѣмъ, однако, что всѣ, не пожелавшіе ѣхать и оставшіеся заграничей, почитались вышедшими въ отставку и исключенными изъ списковъ Россійской Арміи.

Приказъ этотъ привлекъ въ Крымъ довольно значительное количество офицеровъ,*¹⁾ причемъ, вмѣстѣ съ годными для строя, понаѣхало довольно много и категорійныхъ, лишь обремененныхъ и безъ того перегруженные тылы.

Прибывшихъ, конечно, было недостаточно, дабы покрыть потери тяжелыхъ боевъ и въ особенности уравновѣсить угрожающій ростъ численнаго превосходства красныхъ, тѣмъ болѣе что сильно отягечавшая большевиковъ борьба на польскомъ фронтѣ явно близилась къ концу.

Въ первыхъ числахъ Августа начался новый тяжелый періодъ боевъ на Крымскомъ фронтѣ и Главнокомандующій принималъ всѣ мѣры для на-
правления на фронтъ всего, что могло его усилить.

*¹⁾ Этотъ приказъ имѣлъ и другое слѣдствіе: въ послѣдующіе годы, въ обстановкѣ борьбы за сохраненіе Арміи за рубежомъ Россіи, до извѣстной степени предохранилась пѣкоторая рознь между офицерствомъ, состоящимъ въ Арміи и изъ состоящимъ въ ней.

Замѣтимъ, что право Генерала Врангеля на отлучку упомянутого приказа лежало внѣ всякихъ сомнѣній: будучи Главнокомандующимъ на территоріи Россіи, онъ пользовался не только преемственной Властью Верховнаго Главнокомандующаго, но де факто осуществлялъ и весьма важныя функции Верховной Власти (объявленіе мобилизаціи, веденіе войемъ, переговоры съ Иностранными Державами и т. д. и т. д.).

ГЛАВА XV.

УСПѢХИ КРЫМСКАГО ФРОНТА ВЪ АВГУСТѢ И СЕНТЯБРѢ.

Прибытіе на фронтъ Гв. Каз. бригады. — Бои у Гохгейма и Щербановки. — Организация довольствія въ сотняхъ. — Бой 14-го Августа подъ Верх. Токмакомъ. — Бой за Шпарау 19-го и 22-го. — Атака Черниговки. — Составъ полка къ 27-му Августа. — Уничтоженіе матросскаго экспедиціоннаго отряда у Андреевки и Стародубовки. — Взятіе Мариуполя. — Настроеніе населенія. — Атака слободы Никольской. — Бои у Керменчика и Святодуховки. — Движеніе Гв. Каз. бригады на Поповку. — Бои 28-го и 29-го Сентября у Андреевки. — Подковой праздновъ 4-го Октября 1920 года. — Нападеніе 5-й Сов. Кав. дивизіи на наши тылы. — Набѣгъ на колоніи Ялта-Гурзуфъ (Азовское море). — Измѣненія въ общей обстановкѣ и ухудшеніе ея въ послѣднихъ числахъ Сентября и началѣ Октября.

Въ Августѣ 1920 г. въ связи съ быстро нарастающимъ усиленіемъ красныхъ, Генералъ Врангель стянулъ на фронтъ максимумъ силъ и реорганизовалъ ихъ въ двѣ группы: I-я — Генерала Кутепова, состоявшая изъ Добровольческаго (Генерала Писарева) и Донскаго (Генерала Абрамова) корпусовъ, имѣла цѣлью защиту Таври съ Сѣвера и Востока; II-я (впослѣдствіи II-я Армія Генерала Драпенко), состоявшая изъ корпусовъ Генерала Скащева, Генерала Витковскаго Кубанской конницы Генерала Бабиева и регулярной — Генерала Барбовича, имѣла цѣлью защиту западнаго Таврическаго фронта, по линіи Днѣпра.

Донской корпусъ Генерала Абрамова состоялъ изъ трехъ дивизій съ соотвѣствующей артиллеріей. Эти дивизіи были:

1-ая Донская конная (Ген. Дьяковъ), въ составъ коей входили Гв. Каз. бригада (ген. Фарафоновъ) изъ Л. Гв. Каз. и Л. Гв. Атаман. полковъ (полк. Поздѣвъ и ген. Хрипуновъ); и 2-ая бригада (Ген. Морозовъ, а затѣмъ послѣдовательно ген. Клочковъ и Грековъ) изъ 1-го и 2-го Донскихъ полковъ (полковники Дроновъ и Ружейниковъ).

2-я Донская конная (Генералы Калининъ, Татаркинъ и Секретевъ), состоявшая изъ конныхъ имени Атамановъ Графа Платова, Каледина, Назарова и Ермака Тимофѣевича полковъ.

3-я Донская (Генералъ Гусельщиковъ), куда входили пѣшіе Донскіе полки и 18-й Донской съ Дзюндгарскимъ кадышскимъ конные полки.

Наиболѣе сильной частью Донскаго корпуса являлась 2-я Донская ди-

162

дивизія, состоявшая из полнорядных полков, укомплектованных старыми бывальыми в боях казаками, съ прекраснымъ, за время Гражданской войны подобраннымъ, команднымъ составомъ (Генералы Секретевъ, Татаркинъ, Губкинъ, Рубашкинъ, Полковники Чапчиковъ и Шмелевъ).

1-я Донская дивизія, изъ 2-хъ бригадъ впервые сведенныхъ вмѣстѣ, имѣла значительно меньшій численный составъ.

Ея первая (Гв. бригада) была укомплектована молодыми казаками 20 и 21 годовъ, среди конхъ процентъ прошедшихъ школу боевъ 1919 года былъ весьма невеликъ. Какъ, выше мы видѣли, обучение укомплектованія было кратковременнымъ, велось урывками, въ промежуткахъ между караульной службой и борьбою съ зелеными; лошади, (кроме 1-хъ сотенъ) были получены только за нѣсколько дней до прихода на фронтъ, почему въ рядахъ полковъ бригады имѣлось много казаковъ не только плохо владевшихъ оружіемъ съ коня, но и весьма неуверенно себя чувствовавшихъ въ сѣдлѣ. Часть сѣделъ была регулярнаго типа (датскія) очень плохого качества. Часть казаковъ не имѣла шашекъ и была вооружена исключительно винтовками (послѣднія были, правда, прекраснаго качества, новыя, англійскія, магазинныя на 5 и 14 патроновъ).

Въ каждомъ казачьемъ полку, въ Крыму, кроме штатныхъ пулеметовъ, имѣлись и «собственные». Всѣ взятые казаками у красныхъ пулеметы оставались въ полкахъ. Возились они на Крымскихъ обывательскихъ, весьма прочныхъ и подвижныхъ, тачанкахъ, запряженныхъ тройками лошадей. Такихъ пулеметовъ имѣлось отъ 10 до 25 (какъ во 2-мъ полку) на полкъ.

6-го Августа эшелоны Гв. Каз. бригады выгрузились на станціи Федоровка и Л. Гв. Казачій полкъ сосредоточился въ дер. Новобогдановкѣ.

Немедленно, въ первые же дни, было произведено нѣсколько конныхъ учений. Конечно, съ точки зрѣнія Красносельскихъ смотровыхъ учений оставалось желать многого, но казаки всегда остаются казаками, благодаря чему, какъ и благодаря хорошему составу офицеровъ, ученія прошли сносно, а въ 1-й сотнѣ, (получившей лошадей еще въ Ионѣ), даже и хорошо.

8-го Августа, прибывшую на фронтъ Гв. Каз. бригаду смотрѣлъ Генералъ Абрамовъ, по распоряженію котораго полки получили пики въ Гальбштадтѣ.

Генералъ Абрамовъ сообщилъ, что вошелъ съ хозтайствомъ о включеніи бригады въ составъ Донского Корпуса вмѣсто 1-го Армейскаго, куда она предназначалась.

На слѣдующій день, 9-го Августа, бригада была переведена въ составъ Донского Корпуса, гдѣ вмѣстѣ съ бригадой Генерала Морозова, составила 1-ю Донскую конную дивизію.

Все начало Августа противник наступалъ съ Сѣвера на 1-й Армейскій корпусъ и на фронтѣ шли сильныя бои. Къ 10-му Августа красные усилились здѣсь всей 11-й конной арміей, состоявшей изъ четырехъ кав. дивизій, усиленныхъ придачей пѣхоты.

Генераль Кутеповъ рѣшилъ перейти 11-го Августа въ энергичное наступленіе всѣмъ 1-мъ Ариевскимъ корпусомъ и группой 1-й и 2-й Донскихъ дивизій.

Донцы должны были наступать параллельно и правѣ 1-го корпуса, въ сѣверномъ направленіи на Сладкую балку — Тифенбургъ-Гохгеймъ, уничтожить находившіяся тамъ слабыя части противника и, выдвинувшись такимъ образомъ, впередъ, повернуть правымъ плечомъ на западъ, ударить на Янчекракъ-Трактиръ, по тыламъ наступающихъ на 1-й корпусъ красныхъ.

10-го Августа отъ Л. Гв. Казачьяго полка были высланы первые разъѣзды на Гейдельбергъ-Эристовку-Анареабургъ. Молодые казаки съ удовольствіемъ вызывались въ разъѣзды и заданія были ими выполнены блестяще. Одинъ изъ разъѣздовъ привелъ партію первыхъ взятыхъ полкомъ въ Крыму, плѣнныхъ.

Въ ночь на 11-е Августа вся 1-я дивизія сосредоточилась на сѣв. окраинѣ Б. Токманъ, а 2-я дивизія — въ районѣ Ст. Мунталъ.

На разсвѣтѣ, 2-я дивизія двинулась на Н. Куркулакъ и Гейдельбергъ, гдѣ взяла плѣнныхъ и трофеи и откуда начала движеніе на Эристовку. 2-я бригада 1-й дивизіи двинулась на Сладкую балку, которую послѣ короткаго боя и заняла, взявъ плѣнныхъ и одно орудіе. Гв. Каз. бригада, бывшая въ резервѣ Командира Корпуса, черезъ два часа послѣ начала наступленія, была направлена на Тифенбургъ и Гохгеймъ, кои заняла безъ сопротивленія противника. Далѣе бригадѣ было приказано обезпечить правый флангъ 2-й дивизіи, наступавшей на Эристовку-Карачекракъ.

Лейбъ-Казачій полкъ, не доходя четырехъ верстъ до Эристовки, былъ повернуть на сѣверъ и развернулся на 1/2 дорогѣ къ Трактиру, откуда появились сильныя части красной конницы. Конница эта, однако, дѣйствовала нерѣшительно и вела лишь артиллерійскій бой.

Ввиду того, что 2-я дивизія, встрѣченная ураганнымъ огнемъ бронеполковъ и сильной конницей красныхъ, не смогла продвинуться далѣе Карачекрака, Генераль Абрамовъ, съ наступленіемъ темноты, отвелъ обѣ дивизіи на ночлегъ — первую въ районѣ Гохгейма, вторую — Гейдельберга.

Потери полка за бой 11-го: Легко раненъ осколкомъ снаряда командиръ полка полк. Поздѣвъ, контуженъ тѣмъ же снарядомъ полк. адъютантъ полкъ. Кутейниковъ. Ранено 3 казака и 3 лошади. Убито 4 лошади.

На 12-е было назначено повтореніе прежней задачи, причемъ 2-я Донская дивизія должна была брать Эристовку-Трактиръ-Янчекракъ, а 1-я, взявъ Щербаковку, должна была повернуть правымъ плечомъ на Трактиръ, съ цѣлью помочь 2-й дивизіи прижать красныхъ къ Дикпровскимъ плавнямъ.

Всю ночь въ сторожевомъ охраненіи Гв. Каз. бригады велась перестрѣлка съ подходившими разъѣздами красныхъ, а съ разсвѣтомъ противникъ началъ тѣснить сторожевое охраненіе Атаманскаго полка, въ помощь которому была выслана 6-я Лейбъ-Казачья сотня и батарея.

Къ 9 час. утра, на участокъ дѣла Гохгейма, вышла 2-я Донская дивизія и Гв. Казачья бригада, имѣя въ головѣ Л. Гв. Атаманскій полкъ, перешла въ наступленіе. Здѣсь имѣла мѣсто доблестная атака Атаманцевъ, кои своими 1-й и 3-й сотнями опрокинули вышедшіе на нихъ 3-4 эскадрона красныхъ и гнали ихъ на протяженіи 1½-2 версты.

Начальникъ дивизіи Генераль Дьяковъ, оставивъ въ резервѣ 2-ю бригаду, приказалъ Гвардейской ускорить движеніе на Шербаковку. На правомъ флангѣ шелъ Л. Гв. Атаманскій полкъ, имѣя впереди дивизионъ изъ своихъ 1-й и 3-й сотенъ съ пулеметною командою, долженствовавшихъ выйти къ восточной части Шербаковки. Уступомъ назадъ и влѣво шелъ Л. Гв. Казачій полкъ. Во время движенія на сѣверъ, еще дѣлае, было видно движеніе какихъ то скрывавшихся, то появлявшихся на гребняхъ конныхъ частей, принятыхъ за части 2-й дивизіи.

...«Когда мы, перейдя дорогу Эрнстовка-Орѣхово, взошли на высокую гряду, съ коей была уже видна Шербаковка», — заноситъ въ свой дневникъ Командиръ Л. Гв. Казачьяго полка Полковникъ Поздѣвъ, «то насъ слѣва беспокоила какая то дѣла съ бронениками. Я выслалъ влѣво полусотню съ Подъесауломъ Моргуновымъ и Агафоновымъ.

Начальникъ дивизіи приказалъ не обращать вниманія на то, что дѣлается влѣво, ибо тамъ 2-я дивизія, а продолжать движеніе на Шербаковку».

Атаманы начали наступленіе въ охватъ Шербаковки съ востока. Лейбъ-Казачій полкъ былъ остановленъ въ дощитѣ перекъ Шербаковки, поджидая для начала атаки присоединенія полусотни Под. Моргунова.

Вскорѣ послѣдняя и присоединилась.

Однако подъесаулъ Моргуновъ доложилъ что конница, дѣлае, не 2-ая Донская дивизія, а красная, и что она движется на насъ.

Подъесаулъ Агафоновъ привелъ плѣннаго красноармейца, показавшаго, что противъ насъ части 16 сов. кав. див., а дѣлае вся 21-я сов. дивизія.

Одновременно вышедшіе на Шербаковку Атаманы попали подъ сильнѣйшій артиллерійскій и ружейный огонь и въ ихъ 1-й сотнѣ и пулеметной командѣ, еще не успѣвшихъ развернуться, очередь снарядовъ было сразу выведено изъ строя 42 лошади. Подъ вліяніемъ большихъ потерь, Атаманы повернули на югъ и вышли временно изъ боя.

Между тѣмъ слѣва обнаружилось наступленіе красной конницы.

Лейбъ-Казачи развернулись фронтомъ на западъ.

...«Я увидѣлъ, какъ противъ насъ неожиданно появилась конная масса», — читаемъ въ запискахъ Генерала Поздѣва, «мимо лѣвофланговой сотни прошли какіе то два эшелона конницы, принятые нами за части 2-й бригады. Главная же масса, взобравшись на впереди лежащую гряду, медленно рысью двигалась впередъ.

На правомъ флангѣ противникъ тѣшилъ Есаула Кундюкова. Въ это время въ полусотнѣ 3-й сотни Б. Дубенцева, бывшей въ центрѣ, раздавался крикъ «ура», перекинувшійся на 1-ю сотню Войскового Старшины Краснова и далѣе на 6-ю Есаула Кундюкова. Въ первой сотнѣ я отчетливо слышалъ голосъ подъесаула Ротова своимъ примѣромъ увлекшаго всю сотню.

Эшелоны, оказавшіеся не частями 2-й бригады, а красными, проскочили

мимо 1-й сотни назад. 1-я сотня рванулась вперед. Противник подался назад»...

...«Возбуждение и крики были большими» — пишет комбриг Генераль Фарафоновъ, «отступали красные, но видя, что насъ много меньше, оправнились и снова двинулись въ атаку. Мы шагомъ начали отходить и навели на свои пулеметы, конница красныхъ отхлынула, мы устремились за ней, но она снова перешла въ наступление»...

...«Каждая сотня, отдѣленная другъ отъ друга большимъ разстояниемъ, дѣйствовала самостоятельно» — записываетъ участникъ боя Есаулъ Могилянский, «общаго управления быть не могло и сотни ходили въ атаку не одновременно. Атаки слѣдовали одна за другой. То красные шли въ атаку — мы уходили. Останавливались красные, замѣтивъ обозначение фланговой атаки другой нашей сотни, сворачивались и удирали — мы бросались ихъ догонять. Черезъ нѣсколько сотъ шаговъ останавливались мы и повторялась та же картина въ обратномъ порядкѣ. Пулеметы трещали со всѣхъ сторонъ и было невозможно разобраться, гдѣ были свои, гдѣ чужие. Представьте себѣ поле, квадратомъ въ 2 версты, заполненное кучками всадниковъ, бросающихся изъ стороны въ сторону и временами соприкасающихся, прибавьте трескъ пулеметовъ, разрывы рвущихся гранатъ, дымки шрапнелей, столбы пыли и подучите картину конная боя Лейбъ-Казаконъ подъ Щербаконкою»...

Бой, благодаря громадному численному превосходству красной конницы, могъ бы кончиться для 3-хъ Лейбъ-Казачьихъ сотенъ печально, если бы не братская помощь 2-й бригады, усиленной сотней конвой начальника дивизии, атаковавшей часть красной конницы, уже глубоко обогнавшей Лейбъ-Казаконъ съ юга. Видя неудачу своей обходной колонны, красная конница отхлынула окончательно. Лейбъ-Казаконъ не преслѣдовали, ибо неокормленные и непосенные за день кони были вымотаны въ конецъ.

...«Для насъ это былъ первый серьезный въ Крыму бой» — говоритъ дневникъ Есаула Могилянского. «Со стороны противника дѣйствовали испытанная въ бояхъ части на добрыхъ коняхъ. Для нашихъ молодыхъ казаконъ это было первое боевое крещение. Многие никогда въ жизни не держали раньше въ рукахъ шашки, а тѣмъ болѣе пики. Малорослый конскій составъ нашъ былъ много слабѣ конскаго состава противника. Съ утра непоенный и неокормленный лошади сильно притомились и поднять ихъ на аллюры выше рыси было трудно. Несмотря на значительное численное превосходство противника, молодые казаконъ наши вышли съ честью изъ своего перваго боя.

Разскажу нѣсколько эпизодовъ боя: 6-я сотня идетъ въ атаку. Съ ней звигалась пулеметная двуколка подъ командою Ст. Ур. Большепазева. Атака не удалась. Въ пулеметной двуколкѣ ранены двѣ лошади. Номера ускакали. Видя невозможность увести пулеметъ, Большепазевъ продолжаетъ разстрѣливать скачущихъ изъ него красныхъ. Злоба красныхъ не имѣетъ предела. Большепазеву наносятъ нѣсколько шашечныхъ ранъ и, когда онъ падаетъ на землю, разстрѣливаютъ изъ револьвера. Но обстановка мѣняется. 6-я сотня переходитъ въ контръ-атаку. Красные отходятъ. Казаконъ 6-й сотни подбираютъ Большепазева, у коего 2 холодныхъ и 2 огнестрѣльныхъ раны,

и передают на перевязочный пункт. Большепашев поправился и через два мѣсяца вновь сражался въ рядах полка (впоследствии Большепашевъ былъ Подхорунжимъ и вахмистромъ пулеметной команды).

А вотъ другой эпизодъ: 6-я сотня идетъ въ атаку. Правофланговый казакъ скачетъ, держа въ рукѣ пику съ сотеннымъ значкомъ «въ руку». На него насккиваетъ съ шашкой красный казакъ. Молодой казакъ такъ растерялся, что взялъ пику «по плечу» и получилъ нѣсколько шашечныхъ ранъ. Возьми онъ пику «къ бою», никакая шашка его бы не достала...

Потери полка за бой подъ Шербаковкой: Раненъ полковникъ Шаминъ и контуженъ подъесаулъ Ротовъ (оба остались въ строю). Казаковъ — убито 4 — ранено 18. Лошадей — убито 12 — ранено 29.

Въ числѣ убитыхъ казачковъ былъ сраженный снарядомъ, нашей батареи доблестный вахмистръ 6-й сотни Подхорунжий Злодошкинъ*), Подхорунжий 6-й сотни Илья Садчиковъ (Грушевой ст.) и вз. ур. 6-й сотни Чекаловъ (Мелиховской станицы).

«По окончаніи боя, — говоритъ записка Генерала Поддѣва, полкъ стянулся и двинулся назадъ на Гохгеймъ. Когда мы туда подходили, тамъ уже въ резервной колоніи стояли Атаманы. 2-я бригада оставалась еще на высотахъ, гдѣ вела артиллерійскій огонь, по отхожденію противнику».

Дѣйствія 1-й Донской дивизіи связали значительную часть силъ 2-й конной арміи, чѣмъ значительно облегчили задачу 2-й Донской дивизіи по разгрому правой группы красной конницы.

Приведемъ оцѣнку Главнокомандующаго Генерала Врангеля:

«12-го Августа, южнее Шербаковки, противъ 1-й и 2-й Донскихъ дивизій развернулась вся 2-я конная армія красныхъ, но она не выдержала удара Донцовъ и ушла на сѣверъ» («Записки», Ч. II, Стр. 158).

Одновременно съ нажимомъ съ сѣвера, красные энергично наступали съ запада отъ Каховки въ районѣ Александровки и Сѣрогазъ противъ Генерала Барбовича. Генералъ Кутеповъ былъ вынужденъ перебросить въ помощь послѣднему Корниловскую дивизію, занимающую Б. Токмакъ. Корниловцевъ смѣнила Гв. Каз. бригада, прибывшая 13-го Августа въ Н. Мунталъ. «Въ Мунталъ мы прибыли въ 12 час. дня, — говоритъ Есаулъ Могиланскій, «здѣсь уже находился нашъ обозъ и походныя кухни. Три дня голодовки (ибо въ разоренныхъ красными деревняхъ и хуторахъ почти ничего нельзя было достать) дали возможность завѣдывающимъ хозяйствомъ приготовить великолѣпный обѣдъ.

Въ каждую кухню положили чуть ли не цѣлую свинью. Пища была настолько жирна, а казаки настолько голодны, что въ результатѣ многіе заболѣли разстройствомъ желудка, а нѣкоторые даже «сѣздили въ Ригу».

*) Подхорунжий Злодошкинъ былъ тихимъ и беззапятно храбрымъ вахмистромъ. Съ начала гражданской войны онъ не пропустилъ ни одной изъ многочисленныхъ атакъ своей 6-ой сотни, неизменно выдвигаясь впередъ и увлекая за собой казаковъ. Онъ былъ твердымъ казачкомъ и не признавалъ никакихъ компромиссовъ: въ атакѣ 18-го Февраля 1919 на Дону, онъ лично зарубилъ своего, уже сдававшегося, хуторца, сосѣда по хатѣ, казака «смирововца».

Не скрою, что и некоторые офицеры, любители поѣсть, тоже поплатились тѣмъ же. За то, завѣдывающіе хозяйствомъ сотенъ торжествовали.

Здѣсь уместно сказать нѣсколько словъ о новой организаціи сотеннаго хозяйства, введенной Генераломъ Абрамовымъ еще въ Іюль 1920 года, приказомъ по Донскому Корпусу.

Въ сотняхъ и командахъ старшіе офицеры были назначены завѣдывающими хозяйствомъ своихъ частей и находились въ прямомъ подчиненіи штабъ-офицеру, завѣдывавшему хозяйствомъ полка. Сотенные командиры были полностью освобождены отъ хозяйственныхъ заботъ, и работали исключительно въ области строевой и боевой.

Офицеры, назначенные завѣдывающими хозяйствомъ, быстро вошли въ роль, и рѣдки были случаи, когда усталые люди и лошади, возвращаясь изъ боя, не находили горячей обѣды и заготовленный и доставленный на мѣсто ночлега фуражъ. Упорядочилось и веденіе отчетностей. Правда, организація эта оттекла нѣкоторый процентъ офицеровъ. Однако, въ условіяхъ гражданской войны и большихъ потерь въ офицерскомъ составѣ, полку было полезно имѣть какъ бы нѣкоторый свой вѣрный резервъ готовыхъ сотенныхъ командировъ.

Бригада недолго пробыла въ дер. Мунталъ.

Весь восточный фронтъ до Азовскаго моря былъ занятъ только одной 3-й Донской пѣшей дивизіей Генерала Гусельникова.

Въ ночь съ 13-го на 14-е Августа 42-я Сов. дивизія нажала на Б. Токмакъ, занятой 8-мъ Донскимъ пѣшимъ полкомъ Генерала Фицхеллаурова и 18-мъ Донскимъ коннымъ Полковника Кузнецова и Гв. бригада была спѣшно затребована въ помощь.

Тревога оказалась напрасной: красные наступленіе не развивали и Генералъ Фицхеллауровъ рѣшилъ использовать прибытіе Гв. Кав. бригады для контръ-удара.

По диспозиціи, Лейбъ-Казакъ должны были выдвинуться къ колоніи Шензе, перейти черезъ рѣчку и атаковать красныхъ въ лобъ. Эта атака должна была быть поддержана доблестнымъ 18-мъ Донскимъ полкомъ Полковника Кузнецова, атакующимъ противника черезъ Либенау въ тылъ. Лѣвѣ Лейбъ-Казаконъ, отъ Токмака, наступалъ Генералъ Фицхеллауровъ съ 8-мъ Донскимъ пѣшимъ полкомъ, при Итанкѣ и, наконецъ, съвергѣ Токмака, въ охватъ праваго фланга красныхъ, должны были атаковать Атаманы.

Прекрасное описаніе боя даетъ дневникъ участника Есаула Могилянского:

«14-го Августа, пройдя Токмакъ, мы въ двухъ верстахъ отъ этого селенія соединились съ 18-мъ Донскимъ полкомъ. Командиръ полка Полковникъ Кузнецовъ объяснилъ намъ планъ общаго удара и указалъ мѣсто, откуда по его мнѣнію удобнѣе всего идти въ атаку. Самъ онъ остался съ нами, а свой полкъ отправилъ въ обходъ, забы одновременно съ нашей атакой ударить краснымъ въ тылъ.

Плѣненіе красныхъ для него было только вопросомъ времени. Въ ис-

ходѣ боя онъ не сомнѣвался. Такая упѣренность передалась и намъ, сперва немного волновавшимся, ибо это былъ первый бой нашихъ молодыхъ казаковъ съ красной пѣхотой.

Рѣшено было идти въ атаку эшелонами, въ двухшереножномъ развернутомъ строю, съ интервалами между эскадронами въ 20 шаговъ.

Кинули жребій, какой сотнѣ идти головной. Судьба указала 6-ю сотню Есаула Кундюкова. Роль его сотни рѣшила участь боя; на что сухой человекъ Полковникъ Кононовъ и тотъ, когда мы возвращались съ поля боя, съ лихо звучащими пѣснями, усталые, но полные того радостнаго нервного подъема, который даетъ одержанная побѣда, онъ подѣхалъ къ Есаулу Кундюкову и, поблагодаривъ отъ имени полка, расцѣловалъ.

По условному знаку, 6-я сотня поднялась рысью на бугоръ изъ балки, въ которой скрывался полкъ. Противоположный спускъ шелъ къ болотистой рѣчкѣ, за которой лежали пѣны красныхъ. Расстояние до противника 1500 шаговъ. Все пространство прострѣливалось пулеметнымъ и ружейнымъ огнемъ.

Поднявшись на вершину, сотня перешла въ наметъ и бросилась въ атаку. Навстрѣчу засвистѣли пули. Къ счастью, большинство летѣли надъ головами или зарывались въ песокъ подъ ногами лошадей. Видно красные, захваченные врасплохъ, волновались и стрѣляли не цѣлясь.

3-я сотня, въ которой былъ я, двинулась встѣдъ за 6-й, въ направленіи полъ-оборота вправо. Насъ встрѣтили такимъ же огнемъ, но еще болѣе беспорядочнымъ. Чтобы доскакать до красныхъ, пришлось пробираться сквозь дѣсокъ на берегу рѣчки. Помню, какъ неприятно было продираться черезъ дѣсокъ, прострѣливаемый невизимымъ противникомъ. Когда мы переправились черезъ рѣчку, противникъ уже бѣжалъ, все еще, правда, отстрѣливаясь. Въ то же время справа показался 18-й полкъ. Видя безвыходность положенія, красные стали сдаваться, а конные комиссары удирать. Когда послѣдла 1-я сотня, бой уже, собственно, былъ конченъ...

Полкъ преслѣдовалъ противника и забиралъ пѣнныхъ на протяженіи 5 верстъ.

Командиръ бригады Генералъ Фарафоновъ наступалъ съ 8-мъ полкомъ. Съ появленіемъ на гребнѣ Лейбъ-Казаконъ и началомъ атаки, артиллерія открыла огонь и 8-й полкъ двинулся впередъ.

Генералъ Финхелауровъ съ Генераломъ Фарафоновымъ сѣлъ въ автомобиль и, приказавъ одному орудію слѣдовать карьеромъ за собою, выѣхалъ на лѣвый флангъ, далеко опередивъ свои пѣны.

Занявъ здѣсь вершину холма, онъ своимъ орудіемъ открылъ огонь.

...«Атаманы», рассказываетъ Генералъ Фарафоновъ, видимо, не слѣдили за боемъ и, увидѣвъ насъ впереди себя, открыли по нашей группѣ пулеметный огонь. Пришлось лечь подъ ихъ пулями на землю, причемъ одинъ казакъ артиллеристъ былъ раненъ. Артиллеристы сыпали проклетія и грозили кулаками, а я послалъ своего ординарна Хоруужаго Обухова съ приказаніемъ наметомъ атаковать врага...

Хоруужій Обуховъ испросилъ разрѣшенія идти съ Атаманами въ атаку, взявъ лично около 50 пѣнныхъ, но подъ конецъ зарывался и оказался одинъ

среди красных. Подъ нимъ ручной гранатой была убита лошадь и онъ, отстрѣливаясь изъ револьвера, будучи тяжело раненъ въ пахъ, съ трудомъ вырвался назадъ.

Согласно донесенія Генерала Фарафонова, Гв. Каз. бригадой было слано 800 взятыхъ плѣнныхъ, изъ коихъ 640 было взято Лейбъ-Казачами. Кромѣ того, полкъ взялъ 10 пулеметовъ и 1000 винтовокъ.

Взятые плѣнные принадлежали къ 3, 4 и 5 полкамъ 125 бригады 42-й Сов. дивизии.

Потери Лейбъ-Казачей: Ранены (всѣ три тяжело) Сотникъ Поповъ (скончался отъ раны черезъ два часа), Сотникъ Упорниковъ и Хорунжий Обуховъ.

Казачей — убито 5, ранено 10.

Лошадей — убито 6, ранено 17.

Въ числѣ почившихъ смертью храбрыхъ отмѣтимъ 3-ей сотни лихихъ подхорунжаго Рубашкина вахмистра Горина и взводнаго урядника Домашенкова.

Вечеромъ Генераль Фицхеллауровъ горячо благодарилъ Командира полка Полковника Поздѣва за порывъ Лейбъ-Казачей, по его словамъ, нанесшихъ противнику главный ударъ.

15-го и 16-го Августа полкъ простоялъ въ Токмакѣ.

Сильная группа противника, сосредоточившаяся въ районѣ Черниговки и Шпарау, начала беспокоить фронтъ 3-й дивизии, потѣснивъ Запасный Донской полкъ (изъ 300 штыковъ) Генерала Гаврилова, на 3/4 состоявший изъ взятыхъ въ плѣнъ красноармейцевъ.

Лейбъ-Казачій полкъ спѣшно перебрасывается на помощь Генералу Гаврилову и 17-го Августа переходитъ въ кол. Гнаденфельдъ, гдѣ сѣняетъ батальонъ 10-го Донского полка и конный Гундоровской дивизіонъ. Днемъ противникъ пытался перейти въ наступленіе, но былъ отбитъ огнемъ.

Противникъ изъ Черниговки занялъ Бегимъ-Чокракъ, однако, атакой полусотни 1-ой сотни полков. Моргунова былъ выбитъ. Въ этой стычкѣ былъ раненъ полноопредѣляющійся Георгій Ивановъ и одинъ казакъ, изъ лошадей, 1 убитъ, 2 ранены.

Къ вечеру въ Гнаденфельдъ прибылъ Запасный Донской полкъ Генерала Гаврилова, а Лейбъ-Казачій полкъ былъ переведенъ въ Фриденсдорфъ, гдѣ и имѣлъ ночлегъ.

Утромъ 19-го Августа Лейбъ-Гвардіи Казачій полкъ получилъ приказаніе взять, совместно съ полкомъ Генерала Гаврилова колонію Шпарау. Лейбъ-Казачи должны были атаковать колонію Контеніусфельдъ и Шпарау съ сѣвера, вдоль теченія рѣки Кульманъ, а Генераль Гавриловъ съ запада.

Полкъ, построенный въ три эшелона, имѣя 1-ю сотню въ головѣ, пошелъ въ атаку одновременно съ пѣхотой. До противника было 3 версты. Дан-

жние шло поперек пашень, кукурузы и подсолнухов. Пошел сильный дождь, перешедший в ливень, и черноземный грунт быстро размяк. Грязь налипла на подковы и кони еле вытягивали ноги. ...«У нас, читаем в записках Генерала Поздьева, с самого начала движения не было нацеливания на фланг противника и только впоследствии, уже в полосу ружейного огня, полку пришлось искать фланг (движением вдоль красного фронта) под сильным пулеметным огнем противника»...

Головная сотня должна была на 200 шагов, но далее атака захлестнулась и полк был отведен назад к Гнаденфельду.

Начиная 1-й Донской ген. Дьяков, лично наблюдавший бой, относить неуспех атаки к медленности аллюра лавы. Он видел, как красная пехота, уже было покидая позицию, бросилась назад и как пулеметы противника, выброшенные на тачанках карьером вперед, только и остановили нашу лаву.

К сожалению, из дневников участников не видно, где находилась артиллерия 1-ой дивизии и почему пулеметы противника, помешавшие атаке, не были своевременно ею ликвидированы.

20-го и 21-го полк простоял в Гнаденфельде.

На 22-е была назначена новая атака Шпарау совместно с Запасным полком Генерала Гаврилова и подошедшим батальоном Гундоровского полка. Однако, последний перед боем был вынужден к Токмаку и участия в атаке Шпарау принять не мог.

По плану атаки Лейб-Казачи должны были ночью подняться до Валдгейма, откуда двигаться в направлении на высоту, что севернее Шпарау, с таким расчетом, чтобы в 5 час. утра начать атаку. Одновременно Шпарау от Гнаденфельда должен был атаковать Генерал Гаврилов.

Атаманскому полку надлежало сосредоточиться южнее Руднервейде и боем не дать возможности противнику, занимавшему Руднервейде и Михайловку, усилить свои части в Шпарау.

Гв. батарея должна была открыть огонь по Шпарау в 5 часов утра.

Полковник Поздьева выступил из Валдгейма в 3 часа утра, пошел на занятый Бегюль-Чокрак, развернул сотню на интервалы в 700 шагов и двинулся вперед.

Едва начинало светать и не было еще 5 часов, как со стороны пещины севернее Шпарау, по сотням Полковника Поздьева была открыта сильный ружейный и пулеметный огонь (позднее узнали, что ночью из полка Генерала Гаврилова перебежала к красным сторожевая застава из пленных, красноармейцев, предупредившая противника об атаке).

...«Не дожидаясь помощи от артиллерии, я приказал 6-й и 3-й сотням идти в атаку, а 1-й сотне содействовать удару. Наша атака успеха не имела. Противник занимал широкий фронт, был хорошо укрыт и вполне изготавился к бою» — говорит записка Генерала Поздьева. «У противника работало большое количество пулеметов»...

...«Огонь, подь который мы попали, — говорить есауль Моголянский, «рибе шумъ пулеметной трескотни, быть таковъ, что заглушалъ крикъ. Чтобы кому нибудь отдать приказаніе, нужно было подьѣхать вплотную и кричать въ ухо»...

Полкъ, понесъ большія потери, отхлынулъ назадъ. Только тогда раздался первый нашъ орудіиный выстрѣлъ, ибо батареи изъ-за темноты не могла открыть огня ранѣе 5 3/4 утра.

Узнавъ о неудачѣ Лейбъ-Казаконъ, не перешелъ въ наступленіе и Генераль Гааритонъ и части были отведены въ исходное положеніе.

За бонъ подь Шпарау 19-го и 22-го полкъ понесъ слѣдующія потери:
Ранены тяжело сотникъ Ананьевъ и хорунжій Н. Ефремовъ. Контужены (остались въ строю) есауль Агафоновъ и хор. Мигулинъ.

Казаконъ — убито 6, ранено 14.

Лошадей — убито 17, ранено 35.

23-го Августа полкъ, подь проливнымъ дождемъ, перешелъ въ колонию Паульгеймъ, 26-го въ колонию Елизаветталь, а 28-го въ колонию Мариенталь, гдѣ смѣнилъ Атаманцевъ, перешедшихъ въ Мануйловку.

Противникъ находился въ кол. Рудерсвейдъ, Михайловскъ и Юрьевскъ.

24-го Августа была получена присказъ Начальника дивизіи замѣнить, черезъ старостъ у мѣстныхъ жителей, путемъ мѣны, раненыхъ и побитыхъ лошадей.

При Штабѣ дивизіи была образована специальная ремонтная коммисія подь председательствомъ Штабъ-оффисера.

Нечего говорить о недовольствѣ возбуждаемомъ этой операціей среди мѣстнаго населенія, тѣмъ болѣе, что мѣна лошадей рѣзко расходилась съ общими, по конской повинности населенія, распоряженіями Главнокомандующаго Генерала Врангеля.

Однако, въ условіяхъ непрерывныхъ боевъ гражданской войны съ превосходящимъ въ силахъ противникомъ, потребность сохраненія максимальной боеспособности строевыхъ частей не могла не доминировать надъ всѣми прочими соображеніями.

Полученіе лошадей въ законномъ порядкѣ, т. е. черезъ ремонтный кавалерійскій запасный полкъ, хотя и являлось главнымъ источникомъ пополненія конскаго состава, производилось въ размѣрѣ не удовлетворявшемъ дѣйствительной нужды казачьихъ полковъ.

Главной причиной являлась относительная бѣдность конскими составомъ Таврии.*)

*) Были, конечно, и косвенныя причины другого характера.

Такъ, въ дневникѣ Командира Гвардейской Казачьей бригады Генерала Фаронова имѣется слѣдующая записъ:

«Ремонтный запасный полкъ не желаетъ давать намъ казачью офицерамъ»

168

29-го Августа къ полку присоединилась 2-я сотня Подъесаула Гринеза, получившая, наконецъ, въ тылу лошадей.

Согласно сохранившейся въ полковомъ архивѣ вѣдомости о наличномъ составѣ Л. Гв. Казачьяго полка къ 27-му Августа, численность его представлялась въ нижеслѣдующихъ цифрахъ:

	КАЗАКИ				ЛОШАДИ			
	по списку	въ командировкахъ	въ лазаретъ раненые и болящие	боевой составъ	по списку	въ командировкахъ	больные и раненые	боевой составъ
1-я сотня	104	9	16	79	99	5	39	55
3-я сотня	50	—	—	50	50	—	—	50
6-я сотня	164	45	17	102	104	9	15	80
2-я сотня	131	34	18	79	80	2	9	69
Пулемет. К-да	97	20	11	66	77	—	11	66
К-да связи	59	16	4	39	57	4	5	48
	605	124	66	415	467	20	79	368

Примѣчаніе: а) Въ списочномъ составѣ не показана трубическая команда, находившаяся въ Севастополѣ.

б) Въ графѣ командировочныхъ показаны казаки полусотни Конвоя при Главнокомандующемъ въ Севастополѣ, ординары штабовъ бригады и дивизии, санитары, нестроевые и обозные, какъ и часть денщиковъ и вѣстовыхъ, находившихся въ строю.

Къ концу Августа наступленіе красныхъ противъ 1-го Армейскаго корпуса на Дибровскомъ фронтѣ, было полностью ликвидировано, однако, несмотря на успѣшность тяжелыхъ боевъ, и на этотъ разъ не удалось одлѣть оставшіеся въ рукахъ красныхъ, Каховскимъ плацдармомъ.

Противникъ спѣшно усиливаетъ свои войска перебросками новыхъ частей и къ началу Сентября сосредоточилъ на своемъ Крымскомъ фронтѣ уже три арміи (VI, VIII и IX-ую конную).

Удержать фронтъ пассивной обороной нечего было и думать и Генералъ Врангель рѣшилъ попытаться продвинуться на Украину, дабы поддержать и разжечь начавшіеся тамъ противобольшевистскія возстанія крестьянъ.

хорошихъ лошадей и присылаетъ непригодныхъ для себя, либо малолѣтокъ, либо съ пороками.

Одинъ генералъ, заѣздивающій ремонтъ, присланному отъ Лейбъ-Казачьяго полка офицеру сказалъ: «А зачѣмъ вы, казаки, бросили лошадей въ Новороссійскѣ и вообще зачѣмъ вы пришли сюда». (Дневникъ Генерала Фарафонова. С.р. 26).

Замѣтка Генерала Фарафонова очень характерна, ибо показываетъ, что духъ узкой кружковщины, несмотря на всѣ усилія Главнокомандующаго Генерала Врангеля, еще въ тыловыхъ учрежденіяхъ не былъ изжитъ.

Предварительно Генералу Врангелю необходимо было размять себе руки, разбить красных в северном и северо-восточном направлениях.

Задача эта легла на 1-й Армейский и Донской корпуса.

1-го Сентября Донской корпус перешел в наступление. 2-я Донская дивизия вышла с боем в район Елизаветовки и двинулась на север, в направлении на Поповку, Гусарку и Гуляй Поле, по тылам, сражавшихся против 1-й и 3-й Донских дивизий красных.

В тот же день Лейб-Гвардии Казачий полк получил приказание занять Рудисрвейде и Михайловку. 6-я сотня легко сбита противника и заняла Рудисрвейде, остальные вошли в Михайловку, выдвинув 2-ю сотню в Францисталь и взвод той же сотни в Паству.

Далее пришло приказание ограничиться занятием указанных пунктов и выдвинуть на север лишь разъезды, а ночью перейти через Гнаденфельд и Валдгейм на Стульнево, где в 7 час. утра, войти в подчинение Генералу Гусельникову.

В исполнение приказа полк 40-верстным круглым переходом, в 6 час. утра, подошел к Стульнево, где был встречен огнем сторожевого охранения противника.

Вскоре подошла 3-я дивизия и полк вошел в распоряжение Генерала Гусельникова.

...«Порядок движения 3-й дивизии был следующий:» читаем в записках Генерала Ноздрина, «впереди на пулеметной тачанке сам начальник дивизии Генерал Гусельников», далее два орудия — одно полевое, другое гаубица, за ними рота пехоты и колонна дивизии. Конница, 18-й Донской и Дзювгарский двинуты на 5 верст левее на хутор Козиковатый.

Пулеметы и два орудия идут впереди и сбивают цели противника.

Генерал Гусельников то идет пешком, то едет верхом, то мчит на пулеметной тачанке, то сидит в автомобиле. Приказания быстры, часто сбивчивы, непоследовательны, но в них чувствуется уверенность, боевое счастье и чутье...

Наступление на Стульнево и Черниговку блестяще удалось. Лейб-Казачи были двинуты в атаку восточнее Черниговки.

Дивизионом Лейб-Казачьих, брошенных в атаку (3-я и 6-я сотни и пулеметная команда) командовал (вернувшийся в строй по расформированию в Крыму 1-го Дон. Кон. Запасного полка) полковник Номикосов.

Задача его затруднялась не столько сопротивлением противника сколько полной вымотанностью лошадей, голодных, непоенных и проведших всю ночь в тяжелом ночном, 40 верстном, круглом марше.

Несмотря на 10 верстное пространство, отделявшее в начале атаки дивизию от противника, и на то, что лошади двигались лишь короткой рысью и шагом, энергией полковника Номикосова атака была доведена до конца и увенчана успехом.

Видное участие в атаке принимала и пулеметная команда Лейб-Казачьих. Интересна запись дневника вахмистра Колбасина, которую приведем дословно: ...«Все пулеметы были выдвинуты в пулеметную цель. Пу-

СВ

леметы, не сгибаясь съ дуколокъ, мѣняли позиціи быстро передвигаясь на Черниговку. Лѣѣе и нѣсколькo назадъ двигалась наша конница. Какъ только противникъ былъ сбитъ пулеметнымъ и орудійнымъ огнемъ конныя сотни бросились въ атаку. Порывъ казаковъ былъ такой, что приходилось угрозами останавливать пулеметные номера. Всѣ пулеметные урядники ускакали въ схватку. Богатые трофеи достались намъ. Для насъ важно было подобрать новенькія шинели и сапоги. За шинели вымѣнивали все, что намъ только было нужно: сѣно, ячмень, самогонъ, яйца, куръ...».

Пѣхота противника, атакoванная съ одной стороны полковникомъ Номикосовымъ, съ другой — подошедшей частью первой сотни полка, воткнула штыки въ землю и слалась.

Лейбъ-Казакъ взяли 180 плѣнныхъ, 3 пулемета и обозъ въ 12 нагруженныхъ подводъ.

Потери, понесенныя полковникомъ Номикосовымъ, свелись къ 1-му раненому казаку и къ двумъ убитымъ и семи раненымъ лошадямъ.

Тѣмъ временемъ ген. Фицхеллауровъ отрѣзалъ путь отхода краснымъ на сѣверъ, 2-я Донская закрыла путь отхода на востокъ, а съ юга къ В. Токмаку подошелъ генераль Дьяковъ съ пѣхотой и частью Атаманцевъ. Черниговская и Верхне-Токмакская группы (40-я и 42-я Сов. див.) красныхъ были разгромлены, оставивъ болѣе 1000 плѣнныхъ, орудія и пулеметы.

Три красныхъ бронепoѣзда, развивавшихъ бѣшеный огонь, пытались уйти на Бѣльманку, однако, 2-я Донская дивизія успѣла подорвать путь и бронепoѣзда достались ей.

На слѣдующій день Лейбъ-Казачій полкъ перешелъ въ Семеновку, въ резервъ командира Дон. Корпуса, а 5-го Сентября, вмѣстѣ со штабомъ Дон. Корпуса, перешелъ въ Бѣлогорье.

Въ этотъ день въ распоряженіе Ком. Дон. Корпуса перешла, подтянутая въ районъ Б. Токмака, 1-я Кубанская Каз. дивизія ген. Бабіева.

2-я Донская дивизія двинулась черезъ Конскіе Раздоры на Гуляй Поле, 3-я Донская — на Орѣхово и вторая бригада 1-й Донской — изъ Очертоваго на Вербовый. Такимъ образомъ почти весь Донской Корпусъ, съ приданной ему Кубанской дивизіей, двинулся на Сѣверъ, гоня передъ собою разстроеннаго противника и забирая плѣнныхъ.

Для обороны временно оставленнаго 100 верстнаго участка юго-восточнаго и восточнаго фронта, оставалась лишь Донская Гвардейская бригада ген. Дьякова, съ приданнымъ ей Гундоровскимъ батальономъ.

1-я полусотня 1-й Лейбъ-Казачьей сотні, совместно съ батальономъ Гундоровскаго полка, при двухъ орудіяхъ, подъ общей командой полковника Краснова, заняла районъ станцій Пологи.

Л. Гв. Атаманскій полкъ былъ выдвинутъ южнѣе, въ Поповку, откуда велъ широкую развѣдку.

Между тѣмъ красное командoваніе, желая облегчить положеніе своей беспорядочно отходящей и гонимой на Сѣверъ XIII-ой Арміи, бросило въ наступленіе, на восточный участокъ фронта, свою сосредоточенную въ Мариуполѣ Морскую Экспедиціонную дивизію.

Составъ этой дивизіи, образованной изъ многочисленныхъ матросскихъ

отрядовъ, стяжавшихъ своими жестокими карательными расправами громкую извѣстность, была нижеописанной:

Каспійскій матросскій полкъ	800	штыковъ
Дибровскій „ „	900	„
Черноморскій „ „	600	„
Кронштадтскій „ „	1360	„
Бламорскій „ „	970	„
Конный „ „	250	шашекъ

Всего..... 4.630 шт. и 250 шашекъ.

(Справка: Гражд. Война. Дѣйствія на моряхъ — Томъ III, стр. 294 и 302).

Генераль Абрамовъ спѣшно двинулъ на югъ, на усиленіе Атаманцевъ, Лейбъ Казаконъ и 2-ую бригаду 1-ой Дон. див.

Уже 7-го Сентября ген. Дьяковъ имѣлъ первое столкновение своими передовыми частями съ противникомъ. Большевикская Исторія Гражд. Войны говоритъ...: «Кавалерійскія части противника, при поддержкѣ двухъ орудій, послѣ боя у Бѣлоцерковки, къ вечеру 7-го Сентября, принудили части Каспійскаго полка отойти на Темрюкъ. Въ тотъ же день Черноморскій полкъ занялъ Берестовое, а Дибровскій полкъ — Темрюкъ и Захарьевку»...

8-го Сентября вся 1-ая Донская дивизія сосредоточилась въ Поповкѣ.

Немедленно по наступленіи головныхъ частей дивизіи въ Поповку, была выслана въ расположенную восточнѣй дер. Бѣльманку сильная конная застава, при трехъ Лейбъ Казачьихъ пулеметахъ, подъ командою хор. Ярцева.

Деревня Поповка была растянута по балкѣ почти на 13 верстъ и своими послѣдними домами подходила къ Бѣльманкѣ, гдѣ предполагалась застава отъ Атаманскаго полка. Совершенно неожиданно отрядъ Ярцева, при выходѣ изъ Поповки, попалъ подъ сильный огонь, открытый изъ послѣднихъ домовъ деревни.

Хор. Ярцевъ быстро подался нѣсколько назадъ и пулеметнымъ огнемъ выбить заставшихъ въ концѣ Поповки красныхъ. Одновременно, онъ выслалъ нѣсколько казаконъ, со взводнымъ пул. командою вахмистромъ Колбасинимъ, дабы подобрать раненыхъ казаконъ и лошадей и узнать что впереди.

Далѣе приведемъ рассказъ подхорунжаго Колбасина, хорошо характеризующій настроеніе жителей: ...«Казаконъ я встрѣтилъ уже илущими съ сѣдлами, снятыми ими съ подбитыхъ лошадей. Раненыхъ не было, но не хватало подхорунжаго Текутова. Сталъ спрашивать крестьянъ. Они явно знали, что какой то раненый спрятался въ клунѣ, но выдавать не хотѣли, не вѣря, что я бѣлый. Напрасно показывалъ я на свои погоны: крестьянки выли, но не выдавали. Я было хотѣлъ бѣжать, какъ одна подходитъ и говорить: — А ну, перекрестись. — Я нѣсколько разъ перекрестился и побожился, что я бѣлый. «Ну, говоритъ она, вѣдь тутешко у клунѣ, только не убій его, если вѣдь красный, а не вашъ». Я подошелъ къ клунѣ и сталъ вызывать. Текутовъ выскочилъ и въ зубы мнѣ револьверъ тычетъ: онъ думалъ, что красные по его душу пришли»...

Далѣе вахмистръ Колбасинъ, съ хорунжимъ Ярцевымъ, отправились на

разведку въ дер. Бѣльманку. Уже совершенно стемнѣло и Козбасинъ смѣло проникъ въ самое село...: «Всюду громыкали подводы, кричали и скакали всадники — было очевидно, что противникъ только еще вступалъ въ деревню.

Я зашелъ во дворъ: тамъ стояли лошади, но людей видно не было. Я только подошелъ къ окну хаты, какъ вышла крестьянка. Я былъ въ сѣрой фланелевой сорочкѣ и чернымъ видѣлись на мнѣ Лейбъ Казачьи погоны. Она на мигъ растерялась. На вопросъ: кто здѣсь — она часто, часто зашептала: — Красные матросы, ихъ много, много, только что пришли. Дитко убивай, а то поймають и будутъ мучить. Ваши все ушли въ Поповку»...

Выяснилось, что вытѣсненная красными передовыми частями Атаманская застава, не зная о подходе хор. Яриева, отошла на Поповку полемъ, поченоу и разошлась съ Лейбъ Казаками.

Разведкой былъ установленъ приходъ въ районъ Бѣльманки частей красной Морской дивизии, въ составѣ Каспійскаго полка, двухъ ротъ Дибровскаго полка и дивизионной конницы.

На утро завязался съ ними подъ Поповкою бой.

Красные пытались атаковать, но, понеся большія потери отъ огня, отошли.

Одновременно выяснилось, что Черноморскій полкъ Морской дивизии изъ Берестовскаго продвинулся въ расположенную южнѣ Поповки, Андреевку.

Генералъ Дьяковъ рѣшилъ уничтожить Черноморцевъ и, оставивъ въ направленіи Бѣльманки лишь наблюдение за отошедшими туда Каспійцами, двинулъ всю 1-ую Дон. дивизию на Андреевку.

Гв. Каз. бригадѣ было приказано выступить въ 1 часъ ночи 10-го Сентября и на зарѣ атаковать Андреевку съ востока. 2-я бригадѣ произвести то же самое съ запада. Съ сѣвера ударъ по Андреевкѣ наносилъ батальонъ Гундоровскаго полка.

Маневръ удался.

Генералъ Дьяковъ ворвался съ двумя сотнями Гундоровцевъ на сѣверную окраину растянутого на добрый десятокъ верстъ селенія Андреевки и одновременно Гвардейская Казачья бригада атаковала противника съ востока.

Матросы по началу оказали ожесточенное сопротивление, но затѣмъ, видя охватъ деревни со всѣхъ сторонъ, пытались выйти, двигаясь сомкнутой колонной, на Берестовое.

...«Лейбъ-Казакъ нѣсколько разъ ходили въ атаку», читаемъ въ запискахъ Комбрига Фарафонова, но упорство матросовъ было отчаянное и атаки отбивались. Тогда въ нашу лаву были поданы открывшіе огонь Лейбъ-Казачьи пулеметы. Всѣхъ своихъ ординарцевъ я послалъ ускорить подходъ орудій Гв. батареи и пулеметной команды Атаманцевъ, едва продвигавшихся по топкому грунту. Наконецъ, одно орудіе взвода Гв. батареи Сотника Семенова сдѣлало и открыло прямой наводкой мѣткой огонь съ дистанціи въ версту.

Снаряды дожились въ самую гущу матросовъ. Оставивъ одно орудіе стрѣлять, другое увлекъ ближе къ Лейбъ-Казакамъ и, такимъ образомъ, перекатами, все время перебрасывая орудія по мѣрѣ продвиженія матросовъ.

Въ дѣло вступили пулеметы Атаманцевъ и Гв. Каз. бригада бросилась въ атаку, сломивъ упорство матросовъ.

Изрубленныхъ и убитыхъ жителей свезли на кладбище въ количествѣ болѣе 300.

Раны были ужасны: шашками порублены черепа, тѣла разворочены ударами пикъ, снарядами оторваны конечности. Пленныхъ взяли 349 человекъ, изъ коихъ 49 начальниковъ и комиссаровъ были выданы самими матросами и тутъ же разстрѣляны.

Лица почти у всѣхъ матросовъ, какъ у убитыхъ, такъ и у раненыхъ и пленныхъ заёрския и каторжныя.

Озлобленіе казаковъ было велико: упорный бой ожесточилъ людей, мстили матросамъ за ограбленіе ими Дона, за разстрѣлы и за всѣ ихъ революціонныя безчинства.

Одѣты матросы были прекрасно, имѣли богатый обозъ, обильно снабженный продуктами и запасомъ сахара, и казакамъ досталась хорошая добыча.

Кромѣ пленныхъ и обоза, было взято два орудія и нѣсколько пулеметовъ...

Красная Исторія Гражд. Войны говоритъ: «10-го (23) Сентября крупныя силы пѣхоты и конницы противника, при 8 орудіяхъ, окружили Черноморскій полкъ. Полкъ былъ разбитъ и только немногимъ удалось прорваться черезъ кольцо противника. Въ руки непріятеля попало — полковой обозъ, 2 орудія и 12 пулеметовъ»...

Потери Лейбъ-Казачьяго полка были невелики.

Изъ офицеровъ былъ раненъ хорунжий Мокровъ.

Несмотря на утомленіе людей, Генералъ Дьяковъ приказалъ въ ночь на 11-е начать движеніе на Берестовое.

Впереди шла Гвардейская Казачья бригада.

Однако, Берестовое оказалось очищеннымъ противникомъ и бригада, не останавливаясь, двинулась на Стародубовку.

Потрясенные понесенными потерями и гибелью Черноморцевъ, красные матросы быстро отходили. Дабы сдержать ихъ красное командование послѣбно бросило на Стародубовку свой самый сильный (1390 штыковъ) Кронштадскій полкъ.

Подойдя къ Стародубовской, Лейбъ-Казакъ въ конномъ строю ворвались въ деревню, но встрѣченные огнемъ красныхъ, застѣвшихъ въ каменныхъ домахъ, принуждены были въ ожиданіи подхода своей пѣхоты и пушекъ, ограничиться прегражденіемъ пути отхода краснымъ на Мариуполь.

Черезъ два часа на повозкахъ прибылъ Гундоровскій батальонъ и, немедленно открывшія огонь, двѣ батареи 1-ой дивизіи.

Гундоровцы ворвались въ деревню, а Лейбъ-Казакъ, перейдя рѣку, атаковали красныхъ со стороны Покровской.

Матросы, пытавшіеся отойти на Покровское были изрублены въ атакъ Гвардейской Казачьей бригадой.

170

Лейбъ Казаки взяли 220 пѣнныхъ, причемъ особенно отличился пулеметный на тачанкахъ взводъ Хорунжаго Яриева, занимавшій промежутокъ между бригадой и Гундоровцами, самостоятельно ходившій въ атаку и взявшій одинъ 110 пѣнныхъ.

Часть красныхъ засѣла въ каменномъ здании паровой мельницы и яростно отстрѣливалась. Пришлось подтащить орудя и выжечь ихъ огнемъ. То были остатки какой-то, только что прибывшей на фронтъ, инженерной матросской Ораніенбаумской роты и командный составъ Кронштадскаго полка. «Имъ удалось пробиться до балки», говоритъ записка Комбрига Генерала Фарафонова «и по ней эти послѣдніе 60 человекъ, отстрѣливаясь, шагомъ шли 4 версты, преслѣдуемые лавой 5-й сотни Лейбъ-Казаконъ».

Появился на автомобилѣ Начальникъ дивизіи Генераль Дьяковъ съ ружьемъ пулеметонъ. Пулеметчикъ открылъ огонь. Лавя бросилась въ атаку и послѣдніе остатки красныхъ были порублены».

Всего за бой 11-го противникъ потерялъ 300 убитыхъ и около 400 пѣнныхъ.

Красная Исторія Гражданской Войны говоритъ: ...«11-го (24) Сентября 1-й батальонъ Кронштадскаго полка у Стародубовской былъ окруженъ и уничтоженъ конницей противника. 2-ой батальонъ — около 400 штыковъ былъ окруженъ въ (самой) Стародубовской и уничтоженъ»...

Трофеями полка, кромѣ пѣнныхъ, явились 3 пулемета, знамя сапернаго полка и много повозокъ со снарядами и продуктами.

Среди пѣнныхъ оказалось 20 мобилизованныхъ красными Кубанцевъ, конхъ отправили на пополненіе Кубанской дивизіи.

12-го Сентября Командиръ полка Полковникъ Позафевъ, вызванный въ Севастополь телеграммой Генерала Шатилова, по случаю опасной болѣзни жены, отбылъ въ отпускъ и во временное командованіе полкомъ вступилъ Полковникъ Кононовъ.

12-го и 13-го 1-я дивизія отдыхала въ селѣ Захарьевскомъ. Это была первая остановка полка въ населенномъ пунктѣ, гдѣ совѣтская власть держалась безъ перерыва продолжительное время, и поэтому приведемъ интересную записку дневника Комбрига Генерала Фарафонова, характеризующую настроеніе жителей — крестьянъ: ...«Красные сланно досадили крестьянамъ своей коммуной. О свободѣ больше слушать не хотятъ, а о землѣ говорить «только бы свое оставили». Теперь, видимо, они душой съ нами. По рассказамъ хозяина хаты красные только голяковъ не тронули, а его, крестьянина средняго достатка, заставили свезти 180 пудовъ пшеницы по 30 коммунистическихъ рублей за пудъ (конхъ онъ такъ и не получилъ), по 15 яицъ съ десятины и по 4 фунта коровьяго масла съ коровы. Когда онъ отказался сдать такое количество, то его арестовали и грозили разстрѣломъ. Лица у крестьянъ грустныя, но глаза смотреть на насъ открыто и добро, не такъ

как раньше. Закон о земле, изданный в Крыму, они знали, так, как листовки разбрасывались с наших аэропланов, читать приходилось тайком, ибо за чтение красные разстреливали».

Интересна и запись Генерала Фарафонова и несколько другого рода:

...«В деревни невозможно достать яиц. Причиной отчасти являются последствия введенной здесь большевиками коммунальной системы хозяйства, а главной причиной — наши рядовые казаки, имеющие много денег, отобранных ими от пленных красноармейцев» (по не писанному закону гражданской войны, все имущество комиссаров и красноармейцев переходило к взявшему их в плен казаку).

Рядовые казаки сорить деньгами, платят высокие цены и всё съедают. Они настолько богаче офицеров, что последние в денежном отношении с ними состязаться не могут, а потому и остаются без продуктов».

В ночь на 14-е Сентября 1-я дивизия двинулась далее на восток, на Покровское и Никольское. В тот же день к Лейб-Казачьему полку присоединилась полусотня 1-ой сотни Войскового Старшины Красноча, пришедшая со ст. Пологи.

Перед 1-й дивизией, почти без боя, отходила группа недавно прибывших советских полков (10, 11, 12 и 13-й Донские и 15-й Стрелковый).

По слухам, в них было много насильно мобилизованных красными казаков, кои не хотели сражаться.

Учитывая это обстоятельство, начальник дивизии Генерал Дьяков решил ускорить наступление на Мариуполь.

14-го дивизия имела бой с не оказавшим большого сопротивления противником у Покровской и имела ночлег в слободке Нижне-Никольской.

В этот день в полку были ранены тремя пулями в ноги бывший на наблюдательном пункте Полковник Шаминь.

Утром 15-го дивизия атаковала Мариуполь.

В голове шель Гундоровский батальон, а правее Атаманы, усиленные Лейб-Казачьей пулеметной командой. Лейб-Казачий полк, бывший в начале в резерве Комбрига, во главе с посланным, бросился в атаку, как только Гундоровцы выбили противника из окопов, и ворвался в город. Противник бежал через город на мост на реке Кальмиусь.

...«Жители били в домах», записывает Генерал Фарафонов, «город точно мертвый, только одиночные фигуры показываются в воротах и торопливо украдкой осматривают нас крестным знаменем. Выскочив на восточную опушку и выпустив десяток снарядов по отходящим красным, я с конницей и пулеметами, не останавливаясь, преследовал их десяток верст, почти дойдя до станицы Ново-Николаевской. За время преследования взяли до 700 пленных»... (Из состава 2-ой Донской стрелк. дивизии).

Потери полка: Казаков — убито 1, ранено 1.

Лошадей — убито 2, ранено 5.

121

Интересна запись дневника Подъесаула Моргунова:

...«Все симпатии жителей на нашей стороне, но они боятся их проявить, говоря, что, если мы уйдем, нам очень плохо будет. В городе были две чрезвычайки. Я лично видел из стѣн, около которых разстрѣливали, огромныя углубленія, выбитыя пулями. Все стѣны покрыты запекшейся кровью, смѣшанной съ мозгомъ и мелкими осколками костей. В одномъ изъ угловъ стражникъ поднялъ человеческую губу съ усами. Всюду удлинно пахло трупамъ сирадомъ»...

В городе были взяты большіе трофеи и въ числѣ ихъ большое количество совершенно новыхъ японскихъ винтовокъ.

Имѣлся въ городѣ водочный заводъ. Съ разрѣшенія начальника дивизіи полки получили каждый известное количество водки. Лейбъ-Казачи получили 35 ведеръ, немедленно отосланныхъ частью въ обозъ, частью на базу полка въ Севастополь, въ распоряженіе завыдывающего хозяйства.

Водка служила, конечно, не только для потребленія, а, главнымъ образомъ, какъ объектъ мѣновой торговли, совершенно необходимый при крайней скудости денежныхъ отпускныхъ и быстро падающей цѣнности бумажныхъ денегъ. Бутылка водки по тѣмъ временамъ расцѣвлялась отъ 10 до 20 тысячъ рублей.

Нѣкоторое количество спирта было отпущено по разрѣшенію Начальника дивизіи и офицерамъ. Это былъ первый случай за все три года гражданской войны, когда офицеры воспользовались взятой съ боя добычей.

Одновременно и параллельно съ 1-й Донской дивизіей, но значительно сѣвернѣй наступали на востокъ 2-я и 3-я Донскія дивизіи.

2-я дивизія, 14-го Сентября, разбила 4-хъ тысячную группу красныхъ у ст. Великій и, взявъ нѣсколько сотъ пѣшихъ и два бронепоезда, дошла до границъ Донецкаго бассейна (15-го Сентября 4-й Донской полкъ Полковника Рубашкина взял ст. Юзовку, гдѣ взорвалъ громадные склады снарядовъ).

3-я дивизія 14-го Сентября достигла ст. Волноваха, а 15-го повернула на югъ на станцію Асланово, откуда двинулась на станцію Ново-Николаевскую.

За Мариупольскую операцію все три Донскія дивизіи взяли 5000 пѣшихъ, 90 орудій и много пулеметовъ.

17-го Сентября противникъ пытался наступать сѣвернѣй Волновахи и въ помощь 2-й дивизіи была спѣшно двинута на сѣверъ 1-я Донская, сѣренная въ Мариуполѣ 3-й Донской.

18-го Сентября 1-я дивизія переходомъ въ 55 верстъ перешла въ с. Ива-

новское, а 19-го переходомъ въ 30 верстъ — въ районъ ст. Никольская-Васильевская-Павловская.

Здѣсь разыгрался встрѣчный бой.

Начальникъ дивизіи приказалъ 1-му дивизиону Лейбъ-Казакѣвъ атаковать деревню Покровку, а 2-му дивизиону Егоровку. Быстро развернулись дивизионы и почти одновременно заняли обѣ деревни, изрубивъ противника и взявъ 318 плѣнныхъ, 3 пулемета и 42 повозки обозовъ.

Далѣе двинулись въ атаку Атаманы.

Трудность первыхъ атакъ усугублялась тѣмъ, что наша артиллерія сильно отстала и прибыла лишь къ концу боя.

Атаманская сотня Войскового Старшины Васильева, сбивъ заслонъ противника, проникла ему въ тылъ, а другія сотни атаквали красныхъ въ обнажившейся ихъ флангъ.

...«Очень красивая была атака двухъ сотенъ Атаманцевъ», читаемъ въ запискахъ Комбрига Генерала Фарафонова, «какъ взяли пѣхоту съ праваго фланга, такъ и доскакали до лѣваго, забравъ 500 плѣнныхъ. Во время этой атаки, пропустивъ Атаманцевъ мимо себя, я съ 1-й сотней Лейбъ-Казакѣвъ выскочилъ на бугоръ. Сотня спѣшилась и залпами отбила массу пѣхоты красныхъ, коя наступленіемъ отъ Константиновки пыталась выручить своихъ, атакованныхъ Атаманами. Пѣхота эта залегла и открыла сильный огонь. Рой пуль свистѣлъ въ воздухѣ. Въ этотъ моментъ на автомобилѣ подъѣхалъ Генералъ Дьяковъ. Въ мигъ ему пулями разбили фонарь, кузовъ и стекла автомобиля, самому Начдиву щелкнуло пулей вдоль ноги. Слѣва оказалась лѣва красной конницы, однако, огнемъ на прицѣлѣ 12 она была отбита. Пѣхота красныхъ отходитъ толпами»...

За бой 19-го 1-я дивизія взяла болѣе 1000 плѣнныхъ, изъ состава 9-ой Сов. стр. и 7-ой Сов. кон. див., 5 пулеметовъ и много повозокъ обоза.

Потери Лейбъ-Казачьяго полка:

Тяжело въ грудь раненъ Подъесаулъ Жерсиковъ.

Казакѣвъ — убито 3, ранено 4.

Лошадей — убито 14, ранено 11.

Дивизія ночевала въ Никольскомъ.

День 19-го Сентября былъ кульминаціоннымъ пунктомъ успѣховъ на Крымскомъ фронтѣ: 11-я армія Генерала Драценко твердо держала линію Днѣпръ готовая къ переходу въ наступленіе и выходу на Украину; 1-й Армейскій корпусъ занималъ Александровскъ, а Дроздовымъ и Кубанцы поднимались на сѣверъ до Синельниковъ; Донской корпусъ своими тремя дивизіями стоялъ на границѣ Донской Области.

Настроеніе Донцовъ было бодрымъ, и не было сомнѣнія въ успѣхѣ дальнѣйшаго движенія вглубь Донской Земли.

Однако, судьба сулила иное...

...И открылся намъ широкій
 Путь свободный на Востокъ.
 Ужъ видѣлися границы
 Войска славнаго Донцова,
 И сердца ихъ, словно птицы,
 Улетали въ край отцовъ.
 Но съ Днѣпра намъ врагъ проклятый
 Отъ Каховки угрожалъ,
 И победы бѣгъ крылатый
 Корпусъ въ горести сдержалъ.
 И струями Донъ блистая,
 Не напоитъ сыновей,
 Не оаетъ ширь роднамъ
 Ихъ дыханіемъ степей.
 Не пройдутъ передъ очами
 Благодатная поля,
 Не откроютъ имъ вѣтвями
 Отчихъ кровель тополя...

(Стих. С. Ф. Сулики. Сборникъ «Донцы въ Тавридѣ». Стр. 43).

Въ промежуткѣ между 1-мъ Арм. корпусомъ съ Донскимъ и въ тылу послѣдняго въ районѣ Пологи-Орѣховая наблюдалось оживленіе дѣятельности противника.

9-я Сов. кав. дивизія смѣлымъ рейдомъ проникла до Царево-Константиновки и Розовки.

Одновременно наблюдалось сильное усиленіе противника на Днѣпрѣ, гдѣ Генералъ Врангель дѣятельно готовился къ переходу въ наступленіе для выхода на Украину. Представлялось необходимымъ, для успѣха послѣдней операціи, предварительно сократить общій свой фронтъ, сильно растянувшійся на сѣверъ и востокъ.

Въ связи со всѣми этими обстоятельствами, продвиженіе Донскихъ дивизій на востокъ было остановлено и Донской корпусъ двинуть обратно на западъ.

1-я и 2-я Донская дивизіи были двинуты въ районъ Орѣховки, ст. Пологи съ попутной задачей ликвидировать прорвавшуюся къ Розовкѣ красную конницу.

3-я Донская дивизія два дня оставалась въ городѣ Мариуполѣ, въ обезпеченіе его эвакуаціи, а затѣмъ также была двинута на западъ.

20-го сентября Гв. Кав. бригада ночевала въ Пречистенкѣ, а 21-го выступила въ Керменчикъ, 2я бригада двигалась сѣвернѣй на Майорское.

... «Я съ бригадой подошелъ къ Керменчику, — рассказываетъ генералъ Фарафоновъ, — село большое, предварительной развѣдки не было, и головная застава стала при входѣ въ село, видимо въ чемъ-то разбираясь. Видя лѣвину передовой заставы, я, въ ожиданіи донесенія, спѣшилъ бригаду въ полувѣрствѣ. Подъѣхалъ на автомобильъ началъ генералъ Дьяковъ. Я доложилъ о причинѣ задержки, но генералъ Дьяковъ, не обращая вниманія на мой докладъ, направилъ свой автомобильъ прямо въ село и скоро скрылся за хатами.

Послышались одиночные выстрѣлы, и изъ села въ обратномъ отъ насъ направленіи стали высккивать пушки, пулеметы и отдельные эскадроны. Я приказалъ двумъ батареямъ карьеромъ выѣхать на открытую позицію и открыть бѣглый огонь. Противникъ рывью уходилъ на сѣверъ. Не зная, къ Маіоркѣ ли наша 2-я бригада, я послалъ Лейбъ-Казаконъ вправо наперерѣзъ, а съ Атаманиами карьеромъ пошелъ въ село, гдѣ была встрѣчена пулеметнымъ огнемъ. Выбѣжавъ изъ села прикрывавшій отходъ части красныхъ, я вышелъ на другую сторону. Красная бригада 9-й сов. кав. дивизіи, возвращавшаяся съ набѣга на Розовку, уже ушла. Проходя мимо Маіорки, она была встрѣчена пулеметнымъ огнемъ 2-й нашей бригады, этимъ ограничившейся.

Въ деревнѣ было взято нѣсколько пулеметовъ, зарядныхъ ящиковъ, патронныхъ двуколокъ и весь бригадный околотокъ 9-й сов. кав. дивизіи».

Лейбъ-Казакъ, посланный вправо, оказался отрѣзаннымъ отъ красныхъ рѣкою съ болотистымъ дномъ. Въ поискахъ переправы, войсковой старшина Красновъ, командовавший дивизиономъ, бросился къ Керменчику, гдѣ еще шла пулеметная стрѣльба. Командиръ 3-й сотни войсковой старшина Дубенцевъ увидѣлъ плавающую по водѣ алую Лейбъ-Казачью фуражку, вокругъ которой рикошетировали пули большевиковъ. Онъ немедленно пулеметнымъ огнемъ отогналъ красныхъ. Подъ крутымъ откосомъ противоположнаго берега оказались начальникъ дивизіи генералъ Дьяковъ и его начальникъ штаба полковникъ Арванити. Выбравъ въ Керменчикъ, они наскочили на красныхъ. Не теряя присутствія духа, оба бросили автомобиль и кинулись въ рѣку, гдѣ прижались къ обрыву. Красные было бросились за ними, но были отогнаны пулеметнымъ огнемъ Лейбъ-Казаконъ. Оба отдѣлались холодной ванной, но полковникъ Арванити два раза съ головой уходилъ подъ воду, совершенно замерзъ и, будучи вытасканнымъ на берегъ, упалъ въ обморокъ.

Генералъ Фарафоновъ двинулся вслѣдъ за ушедшей красной бригадой. Впередъ были посланы двѣ сотни Лейбъ-Казаконъ при 4-хъ орудіяхъ гвардейской батареи. Едва только эти сотни прошли Святодуховку, какъ сначала были обстрѣланы пулеметнымъ огнемъ, а затѣмъ атакованы по флангъ подошедшей съ юга компактной конной массой. Выпустивъ нѣсколько очередей, орудія Гв. батареи взялись на перезки и вмѣстѣ съ дивизиономъ начали быстрый отходъ, стремясь выйти изъ-подъ удара. Вскорѣ выяснилось, что дивизионъ былъ атакованъ бригадой 2-ой Донской дивизіи, шедшей вдогонку за уходившей бригадой 9-й сов. кав. дивизіи.

Благодаря произшедшей ошибкѣ и эта бригада 9-й сов. див. ушла.

Во избежаніе повторенія подобныхъ ошибокъ, было рѣшено, что 1-ая Донская конная дивизія одѣнетъ на штыки флюгера.

Въ Музеѣ Л. Гв. Казачьяго полка хранится образецъ спроектированнаго для Лейбъ-Казакель флюгера: верхняя половина алая — по штыку полка, нижняя — желтая, по штыку басаона старой гвардіи.

На полотнищѣ указаннаго образцоваго флюгера имѣется надпись:

«У т в е р ж д а ю. 4-го X. 1920. Донской Атамань ген. Б о г а с е в с к і й».

Развитіе дальѣйшихъ событій на фронтѣ не позволило провести эту мѣру въ жизнь.

За день 21-го сентября Лейбъ-Казакі взяли 3 пулемета, 2 зарядныхъ ящика и 4 патронныхъ двуколки.

(На долю Атаманцевъ достался весь перевязочный пунктъ красной бригады, со всѣми его медицинскими и санитарными повозками).

За день 21-го сентября Лейбъ-Казакі понесли слѣдующія потери:

Казакель:

Убито — 1.

Ранено — 4.

Лошадей:

Убито — 2.

Ранено — 6.

Дальѣ 1-я дивизія тремя переходами движется на Орѣхово, куда прибываетъ 25 сентября.

26-го дивизія переходитъ на хут. Храпуновъ, ибо предполагается ея участіе въ бояхъ въ Александровскомъ направленіи. Однако, на слѣдующій день дивизія 50-верстнымъ переходомъ была перебросена въ южномъ направленіи въ Семеновку, такъ какъ обнаружилось усиленіе красныхъ на юго-восточномъ участкѣ фронта.

27-го сентября къ вечеру 1-я Донская дивизія прибыла въ дер. Семеновку.

28го въ 8 час. утра дивизія выступила на дер. Поповку. Пройдя 20 верстъ, 1-я дивизія при содѣйствіи бригады ген. Долгопятова (3-й Донской дивизіи) къ полудню завязала бой съ занявшими Поповку красными. Несмотря на свое значительное численное превосходство противникъ былъ выбитъ и къ вечеру отошелъ на Андреевку и Бѣльманку.

29-го противникъ съ утра атаковалъ Поповку. Въ 10 час. утра 1-я дивизія перешла въ энергичное контръ-наступленіе, и противникъ началъ отходить на югъ.

Генераль Дьяковъ былъ выдванъ въ штабъ 3-ей Донской дивизіи, и наступленіемъ руководить очень уважаемый въ Лейбъ-Казачьемъ полку генераль Морозовъ.

...«Ген. Морозовъ вытягиваетъ дивизію въ свою любимую взводную

колонну, — говорить участник боя, полковник Номикосовъ, — и дивизія движется по направлению на Андреевку имѣя впереди себя небольшой броневикъ. Остановив дивизію въ ложбинѣ, ген. Морозовъ съ нѣсколькими ординарами выдвигается впередъ, все высматриваетъ, послѣ чего, пославъ одинъ полкъ 2-ой бригады слѣва въ обходъ, самъ съ главными силами движется на Андреевку.

Не доходя трехъ верстъ до Андреевки, онъ лично «нацѣливаетъ» полки, разнорачиваетъ ихъ и бросаетъ въ атаку. Къ моменту атаки подошли возвратившіяся ген. Дьяковъ»...

Маневръ былъ произведенъ быстро и скрытно, и появление бригады у Андреевки явилось для красныхъ полной неожиданностью.

«Подойдя съ бригадой къ Андреевкѣ, — отмѣчаетъ въ своемъ дневникѣ участникъ боя, есаулъ Моргунювъ, — генераль Морозовъ приказалъ Атаманцамъ обойти Андреевку съ юга, а нашему полку идти прямо черезъ Андреевку, начавъ атаку одновременно съ открытіемъ артиллерійскаго огня. Красные, однако, замѣтили нашъ подходъ и начали быстро отходить, бросая окопы. Командиръ 6-ой сотни есаулъ Авилонъ, не дожидаясь начала артиллерійскаго огня и подхода Атаманцевъ, боясь упустить красныхъ, бросился въ атаку. 1-я сотня, видя, что 6-я атакуетъ, бросилась за 6-й.

Примѣру 1-й и 6-й сотенъ послѣдовали и 2-я и 3-я сотни. Полкъ ворвался въ Андреевку и, пройдя ее, бросился преслѣдовать красныхъ, отходившихъ на Берестовое»...

1-й взводъ Гв. Донской батареи есаула Зубова выѣхалъ на открытую позицію и прямой наводкой открылъ огонь по 4-орудійной батарее противника, подбивъ одно орудіе.

«Лейбъ-Казачи захватили одно орудіе, прислуга котораго была выбита удачной стрѣльбой Гвардейской батареи, — говоритъ комбригъ генераль Фарафоновъ (стр. 29), — казаки сами изъ захваченнаго орудія открыли немедленно огонь по отступающимъ группамъ. Такъ какъ панорама и курокъ были сняты, то казаки на мѣсто курка просовывали шомполь отъ винтовки и, ударяя по нему, разбивали капсюль. Эта картина и самихъ стрѣлявшихъ и окружающихъ приводила въ восторгъ»...

Одновременно 5-я сов. кав. дивизія, подошедшая отъ Берестового на выручку своимъ, пыталась атаковать Гв. бригаду. Бѣглымъ огнемъ 2-го взвода Гв. батареи (соти. Семеновъ), 16 пулеметовъ бригады и конной лавой Лейбъ-Казачковъ атака была остановлена, и Андреевка осталась за нами. 5-я сов. кав. дивизія, не принявъ атаки, поспѣшно отошла.

За день 29-го было взято болѣе 400 пѣшихъ, одно орудіе и много пулеметовъ. Къ намъ перебѣжали взводъ Донскихъ казаковъ съ подбесуломъ Качалинымъ (не погруженнахъ въ свое время въ Новороссійскѣ и мобилизованныхъ красными).

30-го сентября, 1-го и 2-го октября полкъ имѣлъ отдыхъ въ Андреевкѣ и несъ лишь развѣдывательную службу.

3-го октября дивизія перешла въ Николаевку, а 4-го Лейбъ-Казачій полкъ былъ переведенъ въ Софійевку, гдѣ праздновалъ свой полковой праздникъ.

1944

Съ этимъ днемъ были сопряжены большія ожиданія.

Предполагался отводъ полка въ Руднервейде, парадъ въ конномъ строю, съ трубачами, въ присутствіи Главнокомандующаго генерала Врангеля и Донского Атамана генерала Богаевского и торжественный обѣдъ. Командиръ полка, полковникъ Поздѣвъ, долженъ былъ къ этому дню прибыть изъ отпуска въ Руднервейде, привезя съ собою хранившійся въ Севастополѣ, при Лейбъ-Казачьемъ взводѣ Конвоя Главнокомандующаго Р. А., штандартъ, команду трубачей, поправившихся отъ раненій офицеровъ и казаковъ, вино и припасы для параднаго обѣда.

Однако, радостное ожиданіе быстро смѣнилось чувствомъ горькой тревоги: 5-я сов. дивизія, уклонившаяся отъ боя, пользуясь прерывчатостью фронта, прошла въ тылъ и вышла на Б. Токмакъ, гдѣ чуть не захватила прибывшаго на фронтъ генерала Богаевского. Возникло опасеніе, что командиръ полка и штандартъ попали въ руки красныхъ. Нѣсколько успокоила телеграмма полковника Воронина, сообщавшая, что онъ, слѣдуя къ полку съ обозомъ, у кол. Штейнфельдъ, нарвался на красную конницу, однако, хотя и преслѣдуемый ею, но благополучно выбрался на дер. Орловъ. Свѣдѣній о судьбѣ командира полка и Донского Атамана не было, и день полкового праздника прошелъ сумрачно. Быть отслуженъ молебенъ и вмѣсто ожидавшейся богатой трапезы была организована подл рюмку водки очень скромная закуска.

Въ обозъ 2-го разряда были посланы сильный разъѣздъ на отборныхъ коняхъ, подл командой войскового старшины Рыковского, съ приказаніемъ срочно выяснить судьбу командира полка и штандарта. Въ слѣдующіе дни пришли успокоительныя свѣдѣнія: штандартъ не покидалъ Севастополя. Полковникъ Поздѣвъ, прибывъ съ поѣздомъ, слѣдующаго на фронтъ Донского Атамана, не остался въ поѣздѣ, двигавшемся въ Б. Токмакъ, а выгрузился 1-го октября въ Мелитополь и съ командою трубачей на повозкахъ поѣхалъ въ Вознесенское, гдѣ былъ расположенъ полковой обозъ 2-го разряда. 2-го октября полковникъ Поздѣвъ долженъ былъ выѣхать къ полку вмѣстѣ съ полковникомъ Воронинымъ на 14 повозкахъ съ погруженными на нихъ трубачами, припасами и т. д. Полковникъ Воронинъ, выступилъ на разсвѣтъ 2-го октября по направленію черезъ кол. Астраханку на кол. Штейнфельдъ. Полковникъ Поздѣвъ нѣсколько задержался и предполагалъ догнать обозъ на походѣ, слѣдуя на верховой лошади.

Придя съ обозомъ въ Штейнфельдъ, полковникъ Воронинъ встрѣтилъ здѣсь крестьянку, только что пріѣхавшую на поездѣ изъ кол. Elizavetdalъ. Она разсказывала, что ночью Elizavetdalъ занялъ крупный отрядъ не то бѣлой, не то красной конницы. Колонія оплѣнена, и никого не выпускають. Ее выпустили въ видѣ исключенія, такъ какъ она ѣхала за акушеркой для роженны. Она видѣла, какъ прибывшіе ловили какого-то мотоциклиста.

Зная, что въ нашемъ глубокомъ тылу никакой нашей конницы быть не могло, полковникъ Воронинъ приказалъ обозу спѣшно трогаться изъ деревни въ обратный путь. Не успѣвъ еще обозъ вытннуться, какъ къ колоніи подошли головные, двигавшіеся широкой рѣсью, эскадроны красныхъ. Полковникъ Воронинъ приказалъ обозу уходить карьеромъ. По счастью, на по-

слѣдней подводѣ оказался оружейный мастеръ полка, везшій починенный пулеметъ. Быстро наладивъ свой Люксъ, онъ открылъ огонь. Красные замаялись, что дало возможность обозу оторваться отъ нихъ на 1½ версты.

Красные преслѣдовали до кол. Клефельдъ, откуда обозъ благополучно выбрался на хут. Орловъ. Во время скачки двѣ подводы перевернулись и достались краснымъ. Одна была съ водкой и запасомъ сапогъ, другая трубаческая.

Казаки-подавочки успѣли спастись, но два трубача были захвачены красными. Въ слѣдующіе дни во время переполоха при обстрѣлѣ красной конницы налетѣвшей эскадрилей нашихъ аэроплановъ, они бѣжали изъ плѣна и присоединились къ полку. По разсказу бѣжавшихъ, они были взяты въ плѣнъ казаками Донской Области, Блокалитвенской станицы. Послѣдніе настроены были весьма не воинственно, ибо были мобилизованы красными насильно. Говорили, что охотно бы сдались бѣлымъ, но боятся, что опять ихъ бросятъ, какъ бросили въ Новороссійскѣ. Красная дивизія состояла изъ 6 полковъ (1-й и 3-й коммунистическіе, два Донскихъ и два Кубанскихъ).

Полковникъ Поздѣвъ, не доѣзжая кол. Штейнфельдъ, увидѣлъ отходящій карьеромъ и преслѣдуемый красными обозъ. Одновременно слѣва показались лава 3-хъ эскадроновъ конницы. Полковникъ Поздѣвъ поскакалъ на сѣверъ и благополучно ушелъ на кол. А. Кюксасъ. Передохнувъ и закусивъ, онъ на слѣдующее утро вернулся въ Мелитополь, гдѣ узналъ, что красная конница, его преслѣдовавшая, повернула на сѣверъ и вышла ночью на Б. Токмакъ, гдѣ на станицѣ стоялъ повѣздъ Донского Атамана.

Атаманъ успѣлъ все же выскочить изъ вагона и спастись, но два съ нимъ бывшихъ казака погибли.

3-го октября Атаманъ вернулся въ Мелитополь, и полковникъ Поздѣвъ пригласилъ его на 4-ое октября въ Вознесенское, гдѣ стоялъ полковой обозъ II-го разряда и куда уже прибылъ и полковникъ Воронинъ съ бывшими при немъ офицерами и казаками.

По случаю полкового праздника была отслужена молебень и предложена скромная трапеза.

Послѣ обычныхъ привѣтственныхъ рѣчей, генералъ Богаевскій объявилъ приказъ о зачисленіи генерала Врангеля, въ знакъ признательности Войска, въ списки Лейбъ-Гвардіи Казачьяго полка.

Зачисленіе генерала Врангеля не было для полка неожиданностью. Донской Атаманъ еще въ бытность полковника Поздѣва въ Севастополѣ предложилъ ему запросить мнѣніе г. г. офицеровъ. Полковникъ Поздѣвъ телеграфировалъ въ полкъ и получилъ утвердительный отвѣтъ.

Въ концѣ трапезы Донской Атаманъ генералъ Богаевскій поздравилъ съ производствомъ въ генераль-маіоры полковника Поздѣва и въ полковники — войсковыхъ старшинъ: Андриянова, Краснова и Воронина.

6-го и 7-го октября дивизионъ Лейбъ-Казакъ (полк. Красновъ, 3-я и 6-я сотни) и дивизионъ Атаманцевъ (полковники Васильевъ и Ивановъ) съ 2мя орудіями Гв. батареи и двумя пулеметными командами, подъ командой генерала Фарафонова, пронавели набѣгъ на колоніи Ялта и Гурзуфъ, что на р. Мокрой у Азовскаго моря.

Набег увенчался успехом: было взято 25 пленных, 2 пулемета, 6 лошадей и много повозок. Сделав около 120 верст, отряд к 8-му октября вернулся в Софиевку.

С 9-го по 12-ое октября полк простоял в Софиевке, где был получен приказ о грядущем сокращении фронта и предстоящих тяжелых боях с быстро усиливавшимся противником.

12-го октября 1-я дивизия, в исполнение приказа, двинулась на запад.

Вернемся несколько назад.

В конце сентября генерал Врангель приступил к осуществлению тщательно подготовленной Задыпровской операции.

II-я Армия генерала Драценко 25-го сентября неожиданно для красных переправилась в район Александровска и Николая и двинулась вперед.

Генерал Драценко, выдающийся офицер Генерального Штаба, не обладал достаточным командным боевым опытом и решительностью. Это обстоятельство, как и смерть в бою доблестного генерала Бабиева, начальника служившей стержнем всей операции Кубанской дивизии, предопределило конечную неудачу.

Переправившиеся было части II-ой Армии отошли 2-го октября обратно на левый берег Дняпра, Задыпровская операция кончилась, и надежда выхода на Украину отпала.

Одновременно произошло и другое важное событие: поляки 26-го сентября заключили перемирие с большевиками, а 29-го сентября подписали с ними договор о предварительных условиях мира.

Не могло быть сомнений, что большевики, развязав себе руки на польском фронте, все свои силы бросят на Крым.

Полость удач талантливого Главнокомандующего генерала Врангеля приходила к концу.

Однако, борьбу останавливать было нельзя, ибо никакого иного выхода не представлялось.

«1-го октября, — говорит генерал Врангель (стр. 209), — я предложил ближайшим своим помощникам, генералу Шатилову и генералу Кутепову, вопрос — принимать ли нам бой впереди Крымского дефиле, или, очистив Сев. Таврию, отойти за перешейки... Мы пришли к единодушному решению — бой в Сев. Таврии принять. Это была последняя ставка: всякое другое решение предопределяло неизбежный конец»...

ГЛАВА XVI.

КОНЕЦЪ КРЫМСКОЙ БОРЬБЫ.

Общая обстановка и исходъ боевъ за Сѣверную Таврию. — Дѣйствія Донскаго Коннаго Корпуса подъ М. Бѣлозерной. — Атака Дибровки. — Бои у Елизаветовки, станицы Сокологорной, станицы Рыково. — Выходъ 1-й дивизіи на Чонгарскій полуостровъ. — Борьба за перешейки. — Общій отходъ. — Итоги потерь Л. Гв. Казачьяго полка за всѣ три года Гражданской войны. — Движеніе на Керчь и посадка на суда для эвакуаціи за границу.

Ко второй половинѣ октября 1920 года, противъ Русской Арміи въ Крыму развернулись для рѣшительнаго удара IV, VI и XIII совѣтскія арміи, ихъ 1-я и II-я конная арміи и повстанческіе отряды, именовавшіеся повстанческой арміей Махио. Генераль Врангель опредѣляетъ численность боевого состава развернувшихся совѣтскихъ 14 пѣхотныхъ и 12 кавалерійскихъ дивизій въ 55-60 тысячъ штыковъ и 22-25 тысячъ сабель, что давало имъ въ три съ половиной раза превышающее соотношеніе силъ (стр. 223).

Армія генерала Врангеля къ тому времени располагалась въ слѣдующемъ порядкѣ: II-я Армія генерала Абрамова, состоявшая изъ 6 и 7 пѣхотныхъ и 3-й Донской пѣшей дивизій, занимала Восточный и Сѣверо-Восточный фронтъ отъ Азовскаго моря до Дибровскихъ плавней.

I-я Армія генерала Кутепова, состоявшая изъ Марковской, Корниловской, Дроздовской, 13-й и 34-й пѣхотн. дивизій, Гвардейскаго отряда, 2-хъ регулярныхъ кавалерійскихъ дивизій, одной Кубанской казачьей дивизіи и Терско-Астраханской Конной казачьей бригады, занимала Сѣверо-Западный и Западный фронтъ, отъ Дибровскихъ плавней до Чернаго моря.

1-я и 2-я Донскія Конная дивизіи къ 14 октября были сосредоточены въ районѣ Михайловка — Тимашевка, гдѣ составили резервъ Главнокомандующаго.

15-го октября красные перешли въ рѣшительное наступленіе всѣми своими силами. Главный удар наносился съ запада, отъ Каховскаго плацдарма, VI-ю совѣтской арміей, усиленной только что прибывшею на фронтъ I-ю конною арміей Буденнаго. Обѣ эти арміи атаковали 2-й корпусъ ген. Витковскаго, стремясь прорваться по кратчайшему пути на югъ, къ Перекопу, дабы отрѣзать остальные корпуса генерала Врангеля отъ выходовъ въ Крымъ.

11/6

XIII-ая советская армия наступала с востока, с линии Бердяны — Пологи, в направлении на Мелитополь.

IV-ая советская армия наступала с линии Орехово — Александровск на Васильевку — Тимашевку, стремясь нанести удар с северо-востока.

И наконец, II-я конная армия, переправившись через Дикорь у Николаполя, наступала с северо-запада на Рогачик, где потеснила Корниловскую дивизию.

Тяжесть боев с значительно превосходящими к силам противником еще увеличилась неожиданно наставшими, совершенно небывалыми в Таврии 20-градусными морозами. Люди, не получившие теплой одежды, мерзли, и к потерям от огня прибавились потери обмороженными.

16-го октября IV-ой советской армией удалось потеснить 2-й корпус, начавший отход на Перекоп. Одновременно I-я конная армия Буденного, обтекая правый фланг 2-го корпуса, двинулась в тыл, в направлении на Сальково.

Генерал Врангель, в ночь с 16-го на 17-ое, приказал генералу Кутепову оставить район Сврагоз и спешно двинуться на Сальково, дабы прижать прорвавшегося противника к Сивашу, а генералу Абрамону приказал перебросить по жел. дороге на Сальково, в тех же целях, сосредоточенную из Мелитополя 7-ю пехотную дивизию.

В сумерки, 17-го октября, передовые части красной конницы подошли к Сальково, но были отбиты огнем наших слабых частей.

Утром 18-го октября подошла с севера 3-я Донская дивизия генерала Гусельщикова, которая, совместно с подвезенной по железной дороге 7-ой пехотной дивизией, обрушилась на главную массу конницы Буденного, занимавшую район Ново-Алексеевка — Сальково — Геническ, и прижала противника к еще не замерзшему болотистому Сивашу. Заметалась красная конница, прорываясь между нашей пехотой обратно на север и северо-запад. В руки доблестного генерала Гусельщикова попала одна батарея с полной запряжкой и почти весь обоз. Генерал Кутепов был уже в районе Рождественского и Отрады и действовал решительнее, Буденному не пришлось бы уйти. Однако, как отмечает генерал Врангель (стр. 225), «потрясенная жестокими испытаниями войска дрались вяло. Главная масса красной конницы почти беспрепятственно успела проскочить перед фронтом конницы генерала Кутепова».

Тьма не менте, главное было сделано: выход в Крым, быть вновь открыт.

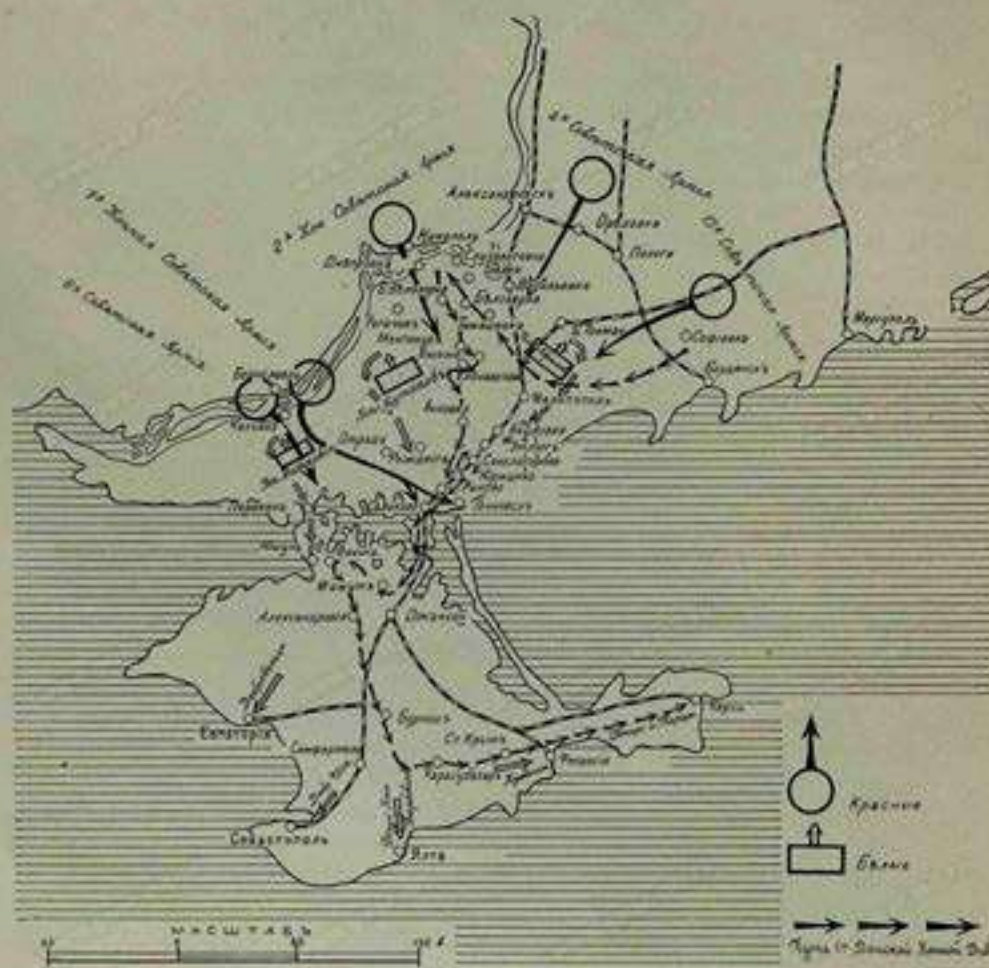
С 18-го по 20-е шли тяжелые бои по всему фронту, а 20-го октября части генерала Абрамова стали стягиваться в Сальковское дефиле, проходя на Чонгарский полуостров. За ними последовали и части генерала Кутепова.

К вечеру 20-го Сальковскую позицию заняла Дроздовская дивизия.

2-й Армейский корпус занял Перекопскую позицию.

Марковская дивизия, часть 3-й Донской и 7-й пех., пройдя Геническ, попали на Арбатскую струю и двигаясь круглым путем временно находились вне боевого поля.

Битва за Северную Таврию окончилась переходом всей ее территории из руки красных и отходом Русской Армии в Крымскую «бутылку».

Вернемся къ дѣйствию Лейбъ-Гвардіи Казачьяго полка.

1-я Донская дивизія, 12-го октября, переходомъ въ 30 верстъ, перешла въ Юрьевку, 13-го октября, переходомъ въ 45 верстъ — въ Астраханку и 14-го — переходомъ въ 35 верстъ — въ Александргеймъ, не доходя до Тимашевки, гдѣ стала въ резервъ Главнокомандующаго.

15-го 1-я Донская дивизія, совместно съ подошедшей 2-й Донской дивизіей, были переданы въ распоряженіе генерала Абрамова и двинуты на Малую Вѣлозерку.

127

Лейбь-Казачий полкъ, переночевав 14-го в колонии Александровцы, прибыл переходом в 25 верст 15-го октября в 5 час. дня в М. Блужерку. 2-я дивизия, шедшая в головь, вела бой в 2-х верстах впереди селения. Противник особого упорства не проявил и к вечеру отошел. Обе Донские дивизии составили Донской Конный корпус и ночевали в Малой Блужерке.

Согласно оперативному приказу по Армии, Донскому Конному корпусу надлежало разбить и отбросить за Днѣпръ переправившуюся у Никополя П-ю конную армию, тѣснущую Корниловцевъ у Рогачика.

Ночь прошла безпокойно: подходили разведывательныя части красной конницы, отброшенная огнемъ сторожевого охранения.

Въ 7 час. утра корпусъ сосредоточился на сѣв-зап. окраинѣ М. Блужерки и двинулся впередъ.

Погода была отвратительная. Шелъ дождь, перешедшій затѣмъ въ снѣгъ. Дулъ пронизывающій до костей вѣтеръ. Холодъ все усиливался, переходя въ морозъ.

Верстахъ в 7-ми отъ Блужерки показался шедшій широкой лавой противникъ.

Правый флангъ Донского корпуса составляла 2-я Донская дивизия, двигавшаяся правѣ дороги М. Блужерка — Елизаветовка. Вниманіе 2-й дивизіи было привлечено пѣхотой противника, появившейся съ сѣвера въ направленіи отъ дер. Балки.

Вторая дивизія успѣшно атаковала эту пѣхоту и, изрубивъ головную бригаду красныхъ, двинулась на Балки, оторвавшись отъ находившейся лѣвѣе дороги Блужерка — Елизаветовка 1-й дивизіи. Противъ послѣдней оказалась 16-я совѣтская кав. дивизія, наступавшая съ запада отъ Днѣпровки.

На лѣвомъ флангѣ 1-й дивизіи двигался Лейбь-Казачій полкъ подъ командой генерала Поздѣва.

6-я сотня есаула Авилова и 3-я сотня войскового старшины Дубенцева, съ пулеметной командой есаула Евфимьева, сѣло атаковали противника.

Одновременно, на далекомъ нашемъ правомъ флангѣ, успѣшно атаковала лѣвый флангъ противника 2-я бригада 1-й дивизіи.

Красная конница дала тылъ и стала по всему фронту отходить на Днѣпровку.

Отходъ красныхъ скоро принялъ беспорядочный характеръ.

Лейбь-Казачи шли крупной рысью — усилить алжуръ нельзя было, ибо двигаться приходилось безъ дорогъ по мерзлой кочковатой землѣ.

На плечахъ красныхъ Лейбь-Казачи ворвались на хуторокъ, что в 4-хъ верстахъ отъ Днѣпровки, гдѣ полкъ остановился, поджидая подхода другихъ частей дивизіи.

При преслѣдованіи противника полкомъ было взято одно орудіе, 2 зарядныхъ ящика и 4 пулемета.

Съ подходомъ другихъ полковъ дивизіи было рѣшено атаковать Днѣпровку.

Генералъ Поздѣвъ говоритъ: «...Отъ Лейбь-Казачковъ въ атаку пошли 1-я сотня есаула Агафонова и 6-я сотня есаула Авилова, 3-я сотня войскового старшины Дубенцева была оставлена на уступѣ влѣво назадъ, а 2-я сотня

есаула Гринева отсутствовала, ибо была значительно раньше послана далеко влево, для связи с находившимися в Б. Белоозерки Марковцами. Атаманы шли резервной колонной далеко вправо. 1-й Донской полк был направлен в далекий обход *) и, двигаясь по сильно пересеченной местности, к моменту атаки находился в 3-4 верстах от места ее и не мог оказать поддержки. 2-й Донской полк оставался в резерве начальника дивизии.

Таким образом, в атакѣ Днѣпровки приняли участие лишь 6 сотен (2 Лейбь-Казачьихъ и 4 Атаманскихъ). Лейбь-Казачьи сотни, дойдя до шашечного удара, опрокинули конницу, бывшую передъ ними, и дошли до Днѣпровки, гдѣ были встрѣчены огнемъ красной пѣхоты.

Атаманы не успѣли еще развернуться, какъ попали подъ сильный огонь, потерявъ выбившими изъ строя сразу — командовавшего полкомъ полковника Андриянова и его замѣстителя полковника Попова. Видя заминку, къ Атаманямъ бросился лично командиръ бригады генералъ Фарафоновъ.

...«Надъ Днѣпровкою, — читаемъ въ его запискахъ, — стояла бригада конницы полного состава, а правѣе, в резервной колоннѣ, появилась другая, видимо только что подошедшая свѣжая бригада, явно готовящаяся насъ атаковать. Мы были значительно слабѣе красныхъ, лошади наши сильно утомлены, и во что бы то ни стало надлежало не позволить краснымъ насъ атаковать, продержавшись до темноты.

Свѣжая красная бригада двинулась въ атаку. Моментъ былъ критическій. Видя заминку у Атаманцевъ, я бросился къ нимъ и, назначивъ командующимъ полкомъ старшаго изъ оставшихся офицеровъ, подъесаула Грекова Юрія, приказалъ держаться на мѣстѣ.

Одновременно, я приказалъ командиру 3-й Лейбь-Казачьей сотни войсковому старшинѣ Дубенцеву быстро выдвинуть впередъ его сотенные пулеметы и открыть огонь.

Въ строй 3-й сотни въѣхалъ взводъ Гвардейской Донской батареи, открывшій бѣглый огонь. Другой взводъ открылъ бѣглый огонь въ помощь Атаманямъ.

Конная масса противника замаялась, остановилась и покатила възадъ въ Днѣпровку».

«Положеніе было спасено, — отмѣчаетъ дневникъ генерала Поздѣва, — съ одной стороны находчивостью командира бригады, съ другой наличиемъ свободной 3-ей сотни, имѣвшей 6 пулеметовъ Виккерса. Пулеметы всѣ вмѣстѣ стали влево отъ дороги и открыли огонь на 1,500 шаговъ, а 3-я сотня войскового старшины Дубенцева, при поддержкѣ интенсивнаго огня Гв. батареи, энергично пошла впередъ. Вся масса противника замедлила ходъ, остановилась и пошла обратно. Вскорѣ наступила темнота»...

Захваченные Лейбь-Казачами пѣхотные показали, что ихъ 16-ая каз.

*) Ген. Дьяковъ говоритъ: «При движеніи на Днѣпровку верстахъ въ пяти къ югу отъ насъ показалась красная пѣхота. Я выслала 1-й полкъ полковника Дронова. Доблестный командиръ полка справился съ задачей, но ему пришлось довольно долго повозиться съ пѣхотой противника и присоединился онъ къ дивизии лишь съ темнотой».

178

дивизія, утромъ пытающаяся наступать на М. Бѣлозерку, въ безпорядкѣ прошла черезъ Дитяровку на Водяное, но что вечеромъ мы имѣли дѣло съ только что подошедшей свѣжей особой бригадой II-ой арміи, состоявшей изъ 3-хъ полковъ, и что въ Дитяровкѣ находилась, кромѣ того, бригада красной пѣхоты.

Командиръ бригады былъ вызванъ къ только что прибывшимъ на хуторъ, замѣнявшему командира Донского корпуса генералу Говорову и начальнику дивизіи генералу Дыжову, предполагавшимъ продолжать наступленіе на Дитяровку.

Послѣ продолжительнаго обитія мѣстными, ввиду потери связи со 2-ой дивизіей, потери связи со штабомъ арміи и поступившими свѣдѣніями объ отходѣ Марковцева на югъ отъ Б. Бѣлозерки, было рѣшено отъ продолженія наступленія отказаться, и 1-я дивизія двинулась на ночлегъ въ д. Б. Бѣлозерку. 2-я дивизія ночевала въ М. Бѣлозеркахъ.

Съ темнотою морозъ усилился до 20-ти градусовъ. Легко одѣтые казаки, продѣлавшіе за день съ боемъ 60 верстъ, сильно мерзли.

...«Голодные и замерзшіе, простоявъ на мѣстѣ часа два, — говоритъ дневникъ есаула Могилянскаго, — въ 23 часа мы двинулись на ночлегъ въ с. Б. Бѣлозерки. Предстояло пройти 20 верстъ. Помню, какъ сейчасъ, этотъ кошмарный переходъ.

Морозъ не позволялъ сидѣть въ сѣдлѣ. Почти всѣ шли пѣшкомъ, несмотря на утомленіе 16-часовымъ боемъ. Люди на ходу засыпали. Я самъ, идя пѣшкомъ, нѣсколько разъ засыпалъ и просыпался, натыкаясь на задъ впереди идущей лошади»...

За бой 16-го Лейбъ-Казакки взяли 1 орудіе, 4 пулемета и около 50 пѣльныхъ и понесли потери: убито — казаковъ 4, лошадей — 16, ранено — казаковъ 11, лошадей 22.

На ночлегъ дивизія заняла восточную часть растянувшагося на 15 верстъ селенія Б. Бѣлозерки.

Ночью, въ западную часть того же селенія, вошла красная дивизія, подошедшая съ юга.

Однако, морозъ и вьюга, какъ и утомленіе людей, были таковы, что обѣ дивизіи остались на мѣстѣ, ведя лишь перестрѣлку сторожевыми охраненіями.

За ночь Лейбъ-Казакками было захвачено въ плѣнъ около 50 красныхъ, проникшихъ въ наше расположеніе.

Въ 7 час. утра 17-го октября дивизія двинулась на югъ на Менчикурь.

Отходъ дивизіи прикрывали въ началѣ 2-я дивизія, а затѣмъ дивизионъ изъ 6-ой Лейбъ-Казачьей сотни есаула Авилова и одной сотни отъ 1-го полка 2-й бригады.

Красные видимо сильно устали и позамерзли, поэтому преслѣдовали вяло, и дивизионъ отлично справился съ задачей.

При перестрѣлкѣ съ красными былъ, однако, тяжело раненъ пулей въ животъ командиръ 6-й сотни есауль Авилонъ, убито въ 6-й сотнѣ 2 казака, 4 лошади и ранено 6 казаковъ и 5 лошадей.

После получасового привала в Пескошню, дивизия через Менчикурь прошла в Веселое, где расположилась на ночлег, пройдя за день 35 верст.

Мороз еще усилился, и было много казаков, поморозивших себе уши и конечности.

В 3 часа ночи красные повели наступление на дер. Веселое, открыв артиллерийский и ружейный огонь.

Донской Конный корпус не принял боя и перешел в Elizavetovku, где и расположился.

Через 3 часа в Elizavetovku подошла 30-я советская стрелковая дивизия, завязавшая огневой бой. Лейб-Казачий полк, а затем и Атаманский, поочередно ходили в атаку, однако, состав 30-й советской дивизии был стойкий, и атаки были отбиты огнем.

Тогда, оставив в Elizavetovku лишь один Калединский полк и 1-ю батарею, обе дивизии вышли — 1-я на северо-восток от селения, вторая — на юго-восток, обойдя фланги втягивавшейся в Elizavetovku 30-й советской дивизии.

Красные поняли, что попали в ловушку, однако, никакой паники в их рядах заметно не было: медленно и стройно, в трех параллельных сомкнутых колоннах, они начали вытягиваться обратно из Elizavetovki на Веселое, открыв боковыми колоннами интенсивный огонь. Однако, было поздно.

Дадим интересное описание атаки, сделанное очевидцем, хорунжим Н. Ефремовым, бывшим в этот день ординарцем при командире бригады и хорошо видевшим все перипетии боя.

...«Красные, заметив охваты флангов, стали медленно тремя колоннами вытягиваться из Elizavetovki, открыв из пулеметов и винтовок убийственный огонь. Но не хуже работали и наши пулеметы и орудия. В особенности замечательно били наши батареи, стреляя через наши головы и поражая буквально каждой выпущенной гранатой.

Одновременно со всех сторон наши казаки бросились в атаку.

Красные разстреливали казаков в упор, не желая сдаваться.

Я стоял за командиром бригады на холме, откуда все было видно, как на ладони. Командир бригады послал меня в полк с приказанием выслать наблюдение к Веселому. Когда я сидел на коне, то видел, как наша конница с криком «ура», красиво выдерживая равнение, бросилась в атаку.

Наш холм был отделен от места атаки балкой, и когда я из нее спустился, то небольшой бугор, минуя на 5, загородил мне вид на это величественное — красивое и вместе с тем жуткое зрелище. Стрельба и крик «ура» прекратились, но, к моему удивлению, когда я выехал на бугор, я увидел только разбегавших по полю отдельных всадников, слезающих и садящихся и собирающихся в колонны, но совсем не было красной пехоты, за исключением группы человек в 500, стоявшей около нашей Гв. бригады. «Неужели ушли?» — мелькнула у меня в голове мысль, но подбрав ближе, я увидел, что все поле усыпано трупами с разбеченными головами (попалились и совсем без головы) и изув-

ценных ударами пикъ. Зрѣлище было потрясающимъ: еще 5 минутъ назадъ это была одна изъ лучшихъ совѣтскихъ дивизій въ 3 тысячи штыковъ, отъ которой сейчасъ осталось одно воспоминаніе въ видѣ груды труповъ и 500 плѣнныхъ.

Трофеями Лейбъ-Казаконъ были: 9 пулеметовъ и болѣе 300 плѣнныхъ. Полкъ понесъ, однако, большія потери *), особенно въ лошадахъ.

Убито: казаконъ — 1, лошадей 14.

Ранено: тяжело командиръ полка ген. Поадѣевъ, хорунжій Мигулинъ и прикомандированный къ полку сотникъ Смерткинъ;

казаконъ — 27 и лошадей — 50.

За выбытіемъ изъ строя генерала Поадѣева, во временное командова- ніе Лейбъ-Гвардіи Казачьямъ полкомъ вступилъ полковникъ Конововъ.

...«Послѣ боя полки были разведены на прежнія квартиры, — читаемъ въ дневникѣ командира пулеметной команды есаула Евфимьева, — хотя было уже извѣстно о движеніи на Елизаветовку конной арміи Миронова, но было необходимо обогрѣться, ибо стоялъ жестокой морозъ. Черезъ два часа пришло приказаніе выходить на сборное мѣсто, ибо передовая бригада крас- ной конницы, двигаясь въ колоннѣ рысью, находилась уже въ полуверстѣ отъ деревни.

Высочившая первой Гв. Донская батарея открыла по краснымъ бѣг- лый огонь. Колонна красныхъ стала разворачиваться въ лаву. Изъ деревни навстрѣчу выскакивали отдельные сотни, взводы, пулеметы и рысью дви- нулись на красную лаву. Красные остановились и открыли пулеметный огонь. Скоро подошла къ краснымъ еще дивизія, усилившая лаву. Командиръ Дон- ского Коннаго корпуса генералъ Говоровъ рѣшилъ не ввязываться въ бой

*) Начдивъ 1-ой Донской ген. Дыжковъ говоритъ: ... «Какъ это завелъ Ген. Гово- ровъ, первой была выпушена противъ 30-ой Сов. Дивизіи наша 1-ая Донская, вы- шедшая краснымъ съ фланга. Не видя передъ собой другого противника, красные перестроились къ намъ фронтомъ, подставивъ 2-ой дивизіи флангъ, а 7-му полку даже тылъ.

Этимъ взаимнымъ расположеніемъ и объясняются наши, относительно 2-ой дивизіи, большія потери.

На собраніи старшихъ начальниковъ, послѣ атаки, начдивъ 2-ой Донской про- писалъ весь успѣхъ боя удару исключительно 2-ой дивизіи. Будучи ведомою еще позавчерашними дѣйствіями 2-ой дивизіи, не поддержавшей нашего удачнаго наступленія на Дебировку и, приведя продолженную нами сегодня работу и поне- сенныя потери, я горячо возражалъ».

и приказал отходить на Екатериновку*). Полки медленно, раскинув лапы, двинулись на юг. Красные пытались обойти фланги и скоро все 3½ дивизии Миронова были введены в дело. Однако, атаковать красные не решились, и 1-я дивизия, идущая в хвосте, стояла версты 8, свернулась в колонну. Стало темнеть»...

...«Отход был классическим, так спокойно и красиво не продолжай и на учения, — отмечает генерал Фарафонов. — Все было отлично видно в открытой степи на белом снегу». Отлично работали наши две батареи, поочередно, не прекращая огня, отходя на новые позиции.

Пройдя за день, после тяжелого боя, 25 версты, 1-я дивизия стала на ночлег в дер. Анновск.

2-я дивизия ночевала в Екатериновск.

19-го октября, на рассвете, 2-я Донская дивизия была в Екатеринов-

*) Начдив 1-ой Донской ген. Дьяков говорит: «Ген. Говоров решил принять бой со 2-ой Конной Армией Миронова, причем опять предложил начинать мит. Исходя из соображения, что начинающему в отношении кроли бой обходится дороже, а в отношении трофеев и результата ему хуже чем входящему потому, я просил изменить порядок выхода дивизии».

Тут горячо и сердечно вступил в разговор ген. Татаркин, указывая, что, как гораздо более сильный численно, он более сокрушительно нанесет решительный удар, и просил меня не протестовать, объявляя войне в бой без замедления.

1-ая дивизия вышла навстречу Миронову и завязала бой. Заняв собою добрую половину 2-ой Конной Армии я, случайным поворотом удачно повернула дивизии Миронова боком к стоящей от меня уступом направо 2-ой нашей дивизии.

Совершенно неожиданно для меня 2-ая дивизия стала отходить назад. Одновременно я получил от ген. Говорова приказание отходить на Екатериновку, куда уже направлялась 2-ая дивизия.

Проскакав к ген. Говорову, я изложил блудной доказывая невозможность для меня, не имея резервов, вырваться из уже завязанного конного боя, сь вь шесть раз сильнейшим противником, (хотя и относительно инертным) и просил не отказываться от боя.

Указывать на выгодность для нас условий: ровное, как нарочно для конного боя созданное, поле, инертный противник, очевидно не забывший Николапольской суматохи и потрясенный впечатлением только что пройденного им поля нашей утренней атаки на пехоту.

Все было напрасно, причиной выступало полученное из обоза донесение о нападении какой то конной части на наши обозы, находившиеся в 20 верстах позади.

Пришлось начинать отход. Пятый день одна 1-я дивизия, прикрывая отход, вела напряженнейший бой со всей конной массой Миронова.

Уже в середине дня у меня не было ни одной сотни резерва и для прикрывания разных случайностей приходилось выдерживать отдельные сотни. Огромную роль в успехе отхода сыграли наши многочисленные стаяковые пулеметы (ихь было в дивизии около 100) и прекрасно работавшие батареи»...

кѣ атакована и, не выжываясь въ бой, начала отходить. Двинулась на югъ по направленію на ст. Юришино и 1-я Донская дивизія.

Впередѣ были посланы штабъ-офицеры для установленія связи по телефону со Штабомъ Арміи. Отъ него впервые узнали, что штабъ генерала Абрамова на ст. Сальково и что 17-18 октября конница Буденнаго заняла перешейки въ нашемъ глубокомъ тылу, но была отогнана генераломъ Гусельниковымъ.

Въ Юришино узнали, что Сокологорная занята конницей красныхъ и что тамъ на путяхъ остались два бронепоезда, кои Гвардейской Казачьей бригадѣ было предложено выручить. Генераль Фарафоновъ повелъ бригаду назадъ на сѣверъ и послѣ огневого боя отогнать красную конницу, занявъ станцію.

Всѣ пути были забиты интендантскими вагонами, полными всякимъ добромъ, въ которомъ чувствовалась столь острая нужда на фронтѣ. Расчистить путь для бронепоездовъ не удалось, и ихъ начальники, выгрузивъ лишь то, что можно было вывезти, ихъ взорвали. При станціи была маленькій поселокъ, и жители тащили къ себѣ въ хаты товары цѣлыми ящиками.

Генераль Фарафоновъ приказалъ подвозить казаковъ партіями поочередно къ вагонамъ и брать, что кому необходимо.

Казакъ набрали бѣлья, кожи, сахара, сала и массу прекрасныхъ вещей. Повозокъ не было, и каждый бралъ лишь, что увезти въ сѣдлѣ. Изъ богатаго поезда Американскаго Краснаго Креста было приказано взять одѣла на попоны и пополнить запасъ консервовъ.

На ночь бригада пошла ночевать въ хуторокъ неподалеку отъ ст. Юришино. Оставшіеся эшелоны генераль Фарафоновъ зажегъ (часть ихъ горѣла, еще будучи подожена красными). Они горѣли всю ночь.

За день 19-го пройдено около 40 верстъ.

Ночь на 20-ое прошла безпокойно: на хуторокъ наступала красная конница, слержанная огнемъ сторожевого охраненія. Нѣсколько разъѣздовъ проникли въ самый хуторокъ, гдѣ наскочили на 1-ю сотню Лейбъ-Казаконъ, подпустившую ихъ безъ выстрѣла вплотную. Всадники были порублены мачками, а захваченныя лошади немедленно поставлены въ строй. «Одѣты были кавалеристы отлично, — отмѣчаетъ комбригъ генераль Фарафоновъ, — въ хорошихъ сапогахъ, желтыхъ короткихъ полубубкахъ и въ безобразныхъ сухонныхъ колпакахъ, заостренныхъ кверху, съ наушниками и пятиконечной закладой»... Принадлежали они къ составу какого-то Оренбургскаго полка, только что прибывшаго съ Урала.

Изъ опроса захваченныхъ кавалеристовъ выяснилось, что станція Рыково, находящаяся въ 25 верстахъ въ нашемъ тылу, занята красными, почему 1-я дивизія, еще въ темнотѣ, двинулась на югъ.

Проходя черезъ станцію Юришино лично генераль Фарафоновъ взорвалъ покинутый на путяхъ вагонъ съ аэропланными бомбами.

Отъ Юришино дивизія пошла рысью вдоль желѣзнодорожнаго полота.

на. Все время по колонии разъезжали ординары начальника дивизии с приказанием прибавить ходу, так как была перехвачена приказом красного командования о предполагаемом согласованном ударе по Донскому Конному корпусу частями Буденного и Миронова, в районе Рыково, и надлежало опрокинуть занявших Рыково большевиков до подхода прочих красных частей.

Въ головѣ шла 2-я бригада, въ хвостѣ Гвардейская. Сзади и справа на-справа красная конница, сдерживаемая огнемъ пулеметовъ съ тачанокъ и бѣглымъ огнемъ очереальныхъ батарей.

Быстрое движение, пулеметный и орудійный огонь и туча пыли, высоко подымавшаяся надъ колонией, произвели на красныхъ, занявшихъ Рыково и не знавшихъ количества идущей на нихъ напроломъ на рысяхъ конницы, такое впечатлѣніе, что они не оказали 2-й бригадѣ особенно стойкаго сопротивления и подались влѣво, очистивъ дорогу *)... «Не доходя 3-хъ верстъ до Рыкова, — отмѣчаетъ дневникъ участника есаула Могилянского, — мы попали подъ пулеметный и орудійный огонь лавы красныхъ, стоявшихъ въ 1.000 шагахъ западнѣе полотна желѣзной дороги.

Не уменьшая аллюра, дивизія отстрѣливалась слѣдующимъ порядкомъ: пулеметныя команды полковъ попеременно останавливались и открывали огонь, пропуская мимо всю колонію, затѣмъ карьеромъ неслись въ голову своего полка, гдѣ снова останавливались и открывали огонь. То же дѣлала и Гвардейская Донская дивизія. Огонь заставилъ красныхъ скрыться въ балку и уменьшилъ дѣйствительность ихъ огня.

Такимъ порядкомъ дивизія прошла Рыково и далѣе пошла уже шагомъ. Измученныя лошади еле двигались.

«Лѣвѣ насъ, на рысяхъ отходила 2-я Донская дивизія, — отмѣчаетъ комбригъ генераль Фаратоновъ, — я могъ наблюдать ея движеніе. Шла она въ резервной колоніи и по ея хвостамъ была на недалекахъ артиллерія противника. Позже выяснилось, что 2-я дивизія, не любящая вообще держать связь, принимала нашу колонію за красныхъ и торопилась придти первой на перешейки. Она шла, преслѣдуемая конницей красныхъ; лошади въ артиллеріи выдохлись, и 2-ая дивизія была вынуждена бросить часть орудій. 1-ая дивизія въ 3 часа дня прибыла въ Сальково, гдѣ находился штабъ генерала Абрамова.

Во время послѣдняго перехода было убитъ находившійся въ разъѣздѣ прикомандированный къ Лейбъ-Казачьему полку капитанъ Романенко.

Впереди Сальково находилась пресловутая укрѣпленная линія, закрывавшая выходы изъ Крыма, занятая частями 3-й Донской дивизіи генерала Гусельщикова.

*) Ген. Дьяковъ говоритъ: «Подъ Рыковымъ, особенно доблестно дѣйствовали 2-ой полкъ доблестнаго полковника Ружейникова. Раскинувъ широко лаву, онъ продвигалъ за собою батарею изъ 10-15 пулеметовъ. Приблизившись къ краснымъ, онъ отходомъ наводилъ ихъ на свои пулеметы, а затѣмъ атаковалъ ближайшими сотнями. Вылеталъ онъ первымъ, не оборачиваясь, за нимъ неслась ближайшая часть лавы быстро на ходу смыкаясь и давая хорошій аллюръ...»

181

Плохенькие окончики для стрельбы с колѣна, безъ блиндажей, жидкое проволочное заграждение въ три мѣстами обвисшихъ, проволоки, отсутствие землянокъ и какихъ бы то ни было помѣщеній для жилья поблизости, несмотря на жестокой морозъ и вѣтеръ, производили мало утѣшительное впечатлѣнiе.

Однако, настроенiе офицеровъ и казаковъ поднялось, ибо казалось, кончился немонѣрно трудный отходъ, и впередъ рисовалась перспектива отдохнуть и погрѣться... «Мы были совершенно изнурены ежедневными боями днемъ и ночью, холодомъ, голодомъ и нервной напряженностью этихъ дней, когда даже я, командиръ бригады, не говоря о младшихъ офицерахъ, не имѣлъ понятiя объ общей обстановкѣ», — говоритъ генераль Фарафоновъ.

Пройдя Сальково, дивизiя ночью перешла Чонгарскiй мостъ, продуваемая пронизывающимъ до костей вѣтромъ, дошла до селенiя Озузь-Киркъ, вплотную забитого прибывшими частями. Казаки сосредоточились около костровъ, ибо въ переполненные хаты не было возможности войти.

За день дивизiя прошла болѣе 95 верстъ.

Между тѣмъ, предстояло пройти еще 20, дабы стать въ назначенную для стоянки дивизiи дер. Ажумашъ Киркъ. Лошади всѣ сплосъ лежали подъ сѣдлами; люди такъ устали, что предпочитали провести ночь на морозѣ у костровъ, и переходъ былъ отложенъ на утро.

21-го октября полкъ перешелъ въ дер. Ажумашъ Киркъ, гдѣ на всю бригаду съ батареей пришлось 5 хатъ. Несмотря на морозъ и отсутствие продовольствiя, усталость людей и лошадей была такова, что 22-го октября бригада имѣла здѣсь дневку и только 23-го перешла въ кол. Мамуть. Здѣсь расположились, хотя и въ крайней тѣсотѣ (по 20 казаковъ на хату), но подъ крышей и въ теплѣ. Всѣ офицеры полка съ командиромъ бригады размѣстились въ одной хатѣ.

Такъ закончился отходъ Донского корпуса изъ Сѣверной Таврии въ Крымъ, совершенный въ обстоятельствахъ исключительной трудности.

Отходили въ условiяхъ жестокихъ морозовъ, въ легкой не зимней одеждѣ, не защищавшей отъ пронизывающаго вѣтра, отходили въ условiяхъ боевъ, двигаясь крупными переходами, полуголодными, отдыхая по 3-4 часа и снова вступая въ бой съ появлявшимся со всѣхъ сторонъ и преграждавшимъ дорогу противникомъ, отходили, утративъ связь съ Командующимъ Армiей, въ полномъ незнанiи общей обстановки.

Четыре дня переходовъ потребовали совершенно исключительнаго нервнаго напряженiя. «Мы держались однимъ нервомъ», — справедливо отмѣчаетъ комбригъ генераль Фарафоновъ.

Это нервное напряженiе еще увеличивалось полной необезпеченностью участи раненныхъ.

Въ дневникѣ генерала Поздѣева, выбитаго изъ строя 18-го октября за раненiемъ въ бедро, съ пулей, застрявшей въ позвоночникѣ, находимъ слѣдующiй рассказъ:

...«Я, выбитъ изъ строя, выхалъ изъ Елизаветовки и взять направление

на юг, куда уходили обозы корпуса. Первый же хуторъ Рахманиновъ, куда я прибылъ, былъ забитъ повозками. На улицѣ я увидѣлъ повозку съ раненымъ въ животъ есауломъ Авидовымъ и тачанку съ ранеными еще 10-го октября Атаманцами — полковниками Андреяновымъ и Поповымъ.

Я пересѣлъ въ повозку къ есауду Авидову.

Посоветовавшись, мы, по моему настоянію, рѣшили сейчасъ же ѣхать къ желѣзной дорогѣ, дабы попасть на санитарный поѣздъ.

Отъ жителей мы узнали, что 17-го былъ оставленъ Мелитополь.

Я приказалъ гнать лошадей во-всю. При проѣздѣ Петровки показался въ сторонѣ подозрительный разъѣздъ. Мы имѣли при себѣ пулеметъ Люнса, немедленно приведенный въ готовность. Разъѣздъ, однако, насъ не тронулъ, и мы благополучно проѣхали въ Екатериновку.

Здѣсь я измѣнилъ первоначальное рѣшеніе ѣхать на ст. Акимовку и двинулся на болѣе южную ст. Утлюгъ и хорошо сдѣлалъ, ибо отъ случайно встрѣтившагося мальчишю-добровольца, бѣжавшаго изъ Акимовки, узналъ, что эта станція уже захвачена красной конницей.

Подъѣзжая къ ст. Утлюгъ, далеко съ горы я замѣтилъ, что тамъ одинъ бронепоездъ, и поэтому свернулъ еще южнѣе на Сокологорную, гдѣ мы и нашли застрявшій санитарный поѣздъ.

Со станціи Сокологорная я послалъ телеграмму генералу Абрамову, находившемуся со штабомъ на станціи Рыково, ориентировалъ его въ мѣстоположеніи Донского Коннаго корпуса и просилъ содѣйствія по продвиженію нашего санитарнаго поѣзда.

Отвѣтной телеграммой генералъ Абрамовъ благодарилъ за ориентировку и сообщалъ, что на утро, 19-го, приѣдетъ за нами свой автомобиль.

Утромъ 19-го къ Сокологорной подошла головной полкъ 1-й Донской дивизіи.

Въ обозѣ я увидѣлъ раненаго сотника Мигулина, отъ котораго я узналъ, что послѣ моего раненія начатый мною обходъ удался и завершился нашей атакой, причемъ полкомъ взято 350 плѣнныхъ, а 2-й дивизіей 11 пушекъ.

Санитарный поѣздъ все не двигался: то у машиниста не было воды, то угля, то пара. Можно было ждать появленія красныхъ съ минуты на минуту, и настроеніе раненыхъ было тревожнымъ. Я пересѣлъ было въ повозку нашего полкового обоза, какъ появился автомобиль, присланный генераломъ Абрамовымъ.

Передъ отъѣздомъ я прошелъ на станцію. Здѣсь я увидѣлъ генерала Манштейна, который, давъ машинисту полчаса на озамышленіе, преслупно ждалъ его, что если поѣздъ не тронется, онъ его поѣдетъ.

Я все же съ нашими ранеными офицерами поѣхалъ на автомобиль.

Когда мы поѣхали въ Рыково, то одновременно съ нами прибылъ и нашъ санитарный поѣздъ.

Генералъ Абрамовъ насъ любезно востѣтилъ и, накормивъ, отпросилъ въ томъ же автомобильѣ черезъ Сивашъ въ Таганашъ, гдѣ стоялъ штабъ генерала Кутелова. Переодеваясь здѣсь на этапѣ, утромъ 20-го мы санитарнымъ поѣздомъ были отправлены въ Севастополь.

Съ полкомъ на Чонгарскій полуостровъ благополучно прошелъ и обозъ 1-го разряда дивизіи, состоявшій только изъ походныхъ кухонъ, патронныхъ двуколокъ и повозокъ съ ранеными. Остальной обозъ 1-го разряда дивизіи, подъ общей командой прикомандированнаго къ Лейбъ-Казачьему полку есаула Потапова, былъ еще 15-го октября, при движеніи на М. Бѣлозерку, отдѣленъ и отправленъ на присоединеніе къ обозу 2-го разряда, комъ заправлялъ завѣдывающій хозяйствомъ полка полковникъ Воронинъ.

Громада обозовъ всѣхъ корпусовъ, двигаясь въ 6 рядовъ, подошла къ Геническу, какъ разъ во время занятія этого города конницей Буденнаго. Однако, одновременно подошли и части 3-й дивизіи генерала Гусельщикова. Красная конница, не принявъ боя, сѣшно очистила городъ и ушла на Сальково.

Полковые обозы благополучно прослѣдовали черезъ Геническъ и, пройдя 110 верстъ по Арбатской стѣнѣ, свернули черезъ Владиславоку — Царкевичи — Джанкой на присоединеніе къ полку въ Воинку.

Неудача постигла лишь строевое отдѣленіе полковой канцеляріи, двуколки коего сдѣлавали отдѣльно отъ обозовъ полка.

Эти двуколки вышли на Сальково, не подозревая о наличіи тамъ красной конницы, и были ею захвачены врасплохъ.

Спасся лишь въслѣдствіи присоединившейся къ полку старшій писарь Фоминъ, успѣвшій спрыгнуть съ канцелярской двуколки и спрятаться въ канаву.

26-го октября ночью 1-я дивизія была сѣшно двинута къ ст. Чиркъ.

2-я Донская дивизія осталась до утра на мѣстѣ, а затѣмъ догнала 1-ю.

Въ тотъ же день заболѣвшій генералъ Фарафоновъ былъ эвакуированъ въ Севастополь, а во временное командованіе бригадой вступилъ полковникъ Кононовъ.

Лейбъ-Гвардіи Казачій полкъ во временное командованіе принялъ войсковой старшина Дубенцевъ.

Общая обстановка катастрофически мѣнялась: казалось, сама природа ополчилась на насъ и небывалые въ Крыму морозы заморозили солончаковатый Сивашъ.

Красные перебросили по льду Сиваша, въ тылъ укрѣпленій Перекопа, двѣ пѣхотныхъ и одну кавалерійскую дивизіи.

Обходъ былъ соединенъ съ жестокими фронтальными атаками, велеными на много превосходящими силами, и Добровольцы, послѣ упорнаго боя, были вынуждены въ ночь на 27-е оставить Перекопскій валъ и отойти на Юшунскую позицію.

Красные не остановились, а введя въ дѣло тяжелую артиллерию и болѣе 100 легкихъ орудій, вновь атаковали Юшунь.

Добровольцы доблестно защищались, и цѣлыя горы вражескихъ труповъ выросли у разрушенныхъ проволочныхъ загражденій.

Красные безостановочно пливали все новыя и новыя части.

Добровольцы отбили 14 послѣдовательныхъ атакъ, но красные пода-

нили своей численностью, и в ночь с 28-го на 29-ое Юшуньская позиция была оставлена.

Попытка отбить ее обратно утром 29-го октября успехом не увенчалась.

Вслед за Юшуньской пала и Чонгарская линия обороны.

Входы в Крым теперь были широко открыты.

В тот же день, 29-го октября, генерал Врангель приказал войскам оторваться от противника и следовать в заране им назначенные порты для погрузки на суда и эвакуацию за границу.

Всем, желающим остаться в Крыму, была предоставлена полная свобода решения.

Вернемся к Лейбь-Казакам.

Лейбь-Казачий полк, в состав 1-й дивизии, вначале был в резерве, а вечером 28-го октября занял окопы на крайнем правом фланге Юшуньской позиции, у Карповой балки. Участок был спокойный, и попытка конницы противника переправиться через Сиванг, против участка дивизии, была легко отражена огнем Гв. Донской батареи.

Главный бой шел далеко влево против Добровольцев у Юшунь, где к 2 часам дня 29-го октября была окончательно потеряна наша главная позиция.

Полк был посажен на коней и в состав 1-й Донской дивизии должен был прикрывать отход остальных 4-х конных дивизий.

Лейбь-Казачьи эскадроны были повернуты в направлении на Юшунь, получив задачу разведать промежуток между озерами.

Выдвинувшись вперед, полк оказался лицом к лицу с значительно превосходной в силах конницей и пехотой противника и, охватываемый с флангов, под сильным артиллерийским и пулеметным огнем, стал отходить на Воинку.

Видя трудное положение полка, Лейбь-Гвардии Атаманский полк и 2-ая бригада, во главе с генералом Морозовым, уже шедшие на юг, повернули обратно и вместе с Лейбь-Казакми атаковали противника. Остановилась и 2-я Донская дивизия, в готовности оказать поддержку.

Командовавший всей конницей ген. Барбович двинул в атаку и регулярную конницу.

Растерявшийся противник, замаяс и, когда конница врубилась в его ряды, начал быстро отходить, бросая свои орудия.

Пройдя две версты и порубив большое количество красных, 1-я Донская дивизия повернула и, уже не преследуемая противником, отошла на ночлег в деревню Александровку. За день с боем сделано около 50 верст.

Потери Лейбь-Казачьяго полка в атаке под Воинкой:

убито: казаков — 2, лошадей — 3.

Тяжело контужен снарядом есаул Агафонов.

Ранены: подесаул Моргунов, хорунжий Фабрицкий и хорунжий Мокрош. Казаков — 22, лошадей — 27.

183

Ковная атака под Воникой была последней атакой Гражданской войны, почему уместно подвести итоги потерь Лейб-Гвардии Казачьяго полка:

ОБЩИЙ ПОДСЧЕТ ПОТЕРЬ Л.-ГВ. КАЗАЧЬЯГО ПОЛКА
За гражданскую войну 1918-1920 годов.

		ОФИЦЕРЫ				КАЗАКИ				ЛОШАДИ		
		убиты	ранены	эпидемия сыпн. тифа	безъ инфу. пропавшие	убиты	ранены	эпидемия сыпн. тифа	безъ инфу. пропавшие	убито	ранено	честота и пропавшие
Первая половина 1918.	Захватъ большевиками Дона и периодъ казач. возстаній.	7	3			Точныхъ		данныхъ		не имется.		
Первая треть 1919.	Очищеніе Дона отъ большевиковъ.	5	21	14	79	289	374		70	167	97	
Вторая треть 1919.	Общее наступленіе войскъ Арміи Юга Россіи.	5	13	6	85	367	385	33	47	173	130	
Третья треть 1919.	Генеральное сраженіе на Воронежскомъ направленіи и отходъ на Кубань.	1	11	9	62	242	424	56	31	75	63	
Начало 1920.	Борьба съ Кубанскими зелеными и Новороссійская эвакуація.		4	3	1	8	30	50	3	7		
Продолженіе 1920.	Борьба въ Крыму и въ Сѣв. Таврич.	2	23	4	31	169	56	10	102	246		
О Б Щ И Й И Т О Г Ъ . . .		20	72	36	2	257	1.075	1.269	143	253	668	299

Примѣчанія: 1) Въ 1919 году средней боевой составъ полка сводился къ 150 штыкамъ, 200 штыкамъ при 6-8 пулеметахъ. Въ строю обычно одновременно находилось не болѣе 10-12 офицеровъ и 350 казачковъ, при 150-175 лошадяхъ.

Въ 1920 году боевой составъ полка сводился въ среднемъ къ 15 офицерамъ и 350 казачкамъ, при таковомъ же количествѣ лошадей.

2) Въ графѣ сыпнотифозныхъ показано число заболѣвшихъ и эвакуированныхъ съ фронта въ тылъ. Количество скончавшихся не показано за отсутствіемъ точныхъ свѣдѣній.

3) Понятный списокъ убитыхъ и раненыхъ офицеровъ полка приложенъ въ началѣ книги.

Въ исполнение приказа Главнокомандующаго, конница надлежало отходить на югъ въ Мелитопольскомъ направлении, дабы прикрыть отходъ пѣхоты.

Гвардейская Казачья бригада отходила въ аррьергардъ всей конницы.

30-го октября бригада 50-верстнымъ переходомъ перешла въ дер. Бурнашъ.

31-го задача прикрытія отхода пѣхоты была завершена, и регулярная конница двинулась на погрузку въ Ялту, Кубанская дивизія — въ Феодосію, а Донскія дивизіи — въ Керчь.

Въ аррьергардѣ Донскихъ и Кубанской дивизій шли попрежнему Лейбъ-Казакъ, со взводомъ 6-й Л. Гв. Донской батареи.

Около Карасу-базара, между хвостомъ колонны главныхъ силъ и аррьергардомъ, вклинился конный отрядъ зеленыхъ, открывшій пулеметный огонь. Левой 3-й сотни Лейбъ-Казакъ, есаула Могиланскаго зеленые были отогнаны.

3-я сотня потеряла ранеными 2 казаковъ и 3 лошадей.

Эта задержка оторвала аррьергардъ отъ колонны главныхъ силъ, точный маршрутъ движенія коней не былъ извѣстенъ командовавшему аррьергардомъ войсковому старшинѣ Дубенцеву.

Пройдя Карасу-базаръ, послѣдній увидѣлъ передъ собою двѣ дороги: одна — нанесенное на карту шоссе, болѣе похожее на горную дорогу съ глинистымъ грунтомъ и плохенькими мостами; другая, не обозначенная на картѣ, — новое шоссе на Старый Крымъ. Войсковой старшина Дубенцевъ, предполагая, что дивизія выбрала вторую дорогу, двинулся по ней.

Пройдя 40 верстъ, онъ Донскихъ дивизій не обнаружилъ. Сдѣлавъ большой привалъ, онъ прошелъ еще 25 верстъ и, догнавъ остановившуюся на ночлегъ около Ст. Крыма Кубанскую дивизію генерала Фостикова, здѣсь узналъ, что Донскія дивизіи почуютъ сѣвернѣе и съ утра двинутся на Керчь, гдѣ и будутъ грузиться. Въ виду утомленности лошадей, войсковой старшина Дубенцевъ остановился на короткій ночлегъ и, передохнувъ 4 часа, въ 5 часовъ утра выступилъ на поиски своей дивизіи.

Переваливъ черезъ горы, ввиду Феодосіи, онъ наконецъ увидѣлъ Донскія дивизіи: пространство нѣсколькихъ квадратныхъ верстъ было покрыто массой двигающихся безъ дорогъ мелкихъ конныхъ группъ. То тамъ, то сямъ видѣлись значки полковыхъ и бригадныхъ командировъ. Войсковой старшина Дубенцевъ поѣхалъ являться начальнику 1-й дивизіи, ожидая получить нагоняй, однако получилъ благодарность: дорога, по коей двигалась отъ Карасу-базара колонна главныхъ силъ, оказалась непроѣжей и ей пришлось бросить все орудія. Нынѣ орудія Л. Гв. 6-й Донской батареи, пришедшія съ аррьергардомъ войскового старшины Дубенцева, представляли собою всю артиллерию Донцовъ.

Къ вечеру 2-го ноября Донскія дивизіи добрались до Керчи.

За 4 дня, по сквернымъ дорогамъ, въ условіяхъ недостатка фуража и продовольствія, было пройдено около 300 верстъ.

Особенно тяжело пришлось больнымъ, и раненымъ, кои слѣдовали при обозахъ частей.

Есаудь Могилянской отмѣчаетъ въ своемъ дневникѣ:

...«Второй день отступленія. Полкъ рысью идетъ въ арьергардѣ. Шагахъ въ 30-ти отъ дороги брошеныя какой-то частью повозки. На одной лежитъ повидимому тяжело больной или раненый. Онъ старается приподняться, но беспомощно падаетъ, продолжая махать худой рукой въ нашу сторону. Ну, что я могу сдѣлать? Всѣ наши повозки полны нашими казаками. На орудіяхъ, и то сидѣли люди. Жуткая картина...»

Къ вечеру 2-го ноября, Лейбъ-Казачій полкъ подошелъ къ Керчи и расположился въ предмѣстьи, однако, въ 12 часовъ ночи онъ былъ вызванъ въ городъ для прекращенія начавшихся тамъ грабежей.

Съ утра 3-го ноября началась погрузка частей, коею распоряжался лично самъ генералъ Абрамовъ.

Лейбъ-Казачій полкъ, поддерживавшій порядокъ, долженъ былъ грузиться послѣднимъ на еще не прибывшій пароходъ «Хараксъ».

Казачья полка были построены около пристани. Лошади были разсѣланы. Съ собою бралось лишь оружіе и самыя необходимыя вещи. Въ полку держался полный порядокъ, однако, не только казаки, но и офицеры волновались: придетъ ли во-время «Хараксъ» и не повторится ли Новороссійская трагедія?

Но вотъ изъ стоявшаго надъ моремъ тумана вынырнула носъ подошедшаго «Харакса», и быстро началась погрузка, за порядокъ коей полкъ получилъ особую благодарность генерала Абрамова.

Лазаретъ полка, какъ и находившіеся въ немъ и пожелавшіе эвакуироваться раненые, больные офицеры, казаки и солдаты, были 31-го октября погружены и вывезены непосредственно изъ Севастополя.

Лейбъ-Казачья Конвоя Главнокомандующаго были погружены съ полкомъ Конвоя въ Ялтѣ.

Въ 3 часа дня переполненный до отказа людьми пароходъ «Хараксъ» вышелъ на Керченскій рейдъ.

Генералъ Абрамовъ объѣхалъ на катерѣ всѣ погруженные пароходы, отдалъ послѣднія распоряженія и, въ ночь на 4-ое ноября, суда, въ кильватерной колоннѣ, пошли на Константинополь.

Съ грустью покидали Лейбъ-Казачья предѣлы Родной Земли, щедро орошенной кровью, пролитой ими подъ сѣнью своего полкового штандарта, увѣнчаннаго державнымъ двуглавымъ орломъ и Императорской короной.

Нынѣ и этотъ гордый штандартъ, послѣ четырехъ лѣтъ упорной, ожесточенной, жертвенной борьбы, покидалъ послѣднимъ предѣлы Россіи.

Горесть оставления Родины умбралась въ полку сознаниемъ исполненнаго до конца долга и вѣрою въ близость возрожденія Россіи.

Лейбъ-Казакамъ казалось, что отбываютъ они ненадолго, что скоро опомнятся народы російскіе и поднимутся на богоборческую большевистскую власть. Казалось имъ, что скоро понадобятся вновь руки и головы вѣрныхъ сыновъ Россіи и отъ береговъ Босфора Русская Армія вернется на Родину для отвѣтственной работы по воссозданію бывшей мощи и величія Російской Имперіи.

Сроки измѣненій въ жизни великаго государства иные, нежели размѣръ жизненнаго удѣла отдѣльнаго человѣка, и многимъ однополчанамъ привелось сложить свои головы на чужой землѣ.

Однако, наступитъ день, когда уцѣлѣвшіе Лейбъ-Казакіи будутъ имѣть радость на Родной Землѣ любоваться стройными и мощными рядами своего возрожденнаго полка.

Въ тотъ день они, на правомъ флангѣ строя, увидятъ родной штандартъ, яркое свидѣтельство исполненнаго ими полностью въ тяжелые годы воинскаго долга и твердый залогъ свѣтлаго и славнаго будущаго.

Крымская борьба закончилась утратой послѣдняго клочка родной территоріи и оставленіемъ Родины.

Армія имѣла достаточный запасъ времени и пространства, дабы благополучно завершить прекрасно подготовленную генераломъ Врангелемъ посадку на суда и эвакуацію за границу.

Главнокомандующій сдержалъ полностью свое обещаніе, данное имъ при прибытіи въ Крымъ, — вывести Армію съ честью изъ въ ту пору создававшегося почти безвыходнаго положенія.

На большее нельзя было и рассчитывать: слишкомъ велико было несоотвѣстствіе между скромными возможностями Крыма и громадными ресурсами остальной, находившейся въ распоряженіи большевиковъ, Россіи, и слишкомъ мало было времени для исправленія ошибокъ Бѣлаго движенія, сдѣланныхъ въ 1918-1919 годахъ.

На комъ же, по мнѣнію строевого офицера, лежала отвѣтственность въ прежнихъ ошибкахъ?

Одинъ, имѣлъ модный въ нѣкоторыхъ кругахъ и обладающій «бойкимъ» перомъ журналистъ (кстати сказать, въ отвѣтственные годы вооруженной борьбы съ большевиками уклонившійся отъ всякаго въ ней участія), имѣлъ спокойно сидя за рубежомъ, рѣшаетъ этотъ сложнѣйшій вопросъ необычайно просто: виновата якобы «бездарность» Главнокомандующаго.

Попутно, этотъ же журналистъ обливаетъ грязью офицеровъ старой Императорской Арміи, якобы, по его словамъ, стоявшихъ на низкой ступени культуры и умственнаго развитія.

Такъ ли обстояло дѣло въ действительности?

Высокія профессиональныя качества рядового состава русскаго кадроваго офицерства засвидѣтельствованы во многихъ научныхъ трудахъ, даже

наших бывших противников, и нуждаются в защите разве только перед подлыми нежданами в вопросе.

...«Единственная корпорация среди всех классов, сословий, профессий, проявивших общее стихийное стремление рвать от государства, выпустившего из своих рук ножни, все, что возможно в своих частных интересах — офицерство ничего не просило для себя лично...», — правильно отмечает в своих «Очерках» ген. Денкинъ.

Лишь одно травимое со всех сторон офицерство вело тяжелую борьбу на фронтъ за сохранение боеспособности своих частей.

И, наконец, в блломъ движеніи, совмѣстно съ казачествомъ, офицерство щедро и жертвенно оросило своей кровью имъ однимъ поднятое знамя государственности.

Если офицерство, представлявшее къ концу Великой войны рѣшительно все слои не оказавшейся на высотѣ положенія интеллигенціи, лишь одно проявило чувство государственности и достойной жертвенности, то объяснить это можно только духомъ уцѣлѣвшаго на фронтѣ остатка старого кадрового офицерства. Это офицерство — пресмычки тѣхъ незамѣтныхъ армейскихъ капитановъ, кои одни, в 1905 и 1906 годахъ, остановили Россію на краю большевистской пропасти.

Какъ же можно говорить о «сравнительной» некультурности этого офицерства?

Что же касается ответственности Главнокомандующаго, то представляется большою вопросомъ — могъ ли онъ не считаться и не строить расчетовъ на помощь пресловутой русской «общественности», полная оторванность коей отъ глубокихъ массъ населенія выявилась лишь процессомъ гражданской войны.

А между тѣмъ, эта общественность подъ своими жертвами партийными схемами, полными громкихъ словъ: свобода, равенство, народоправство, демократизмъ и т. д., и т. д., скрывала лишь тенденцію городской интеллигенціи своекорыстно и монополично осуществлять представительство широкихъ народныхъ рядовыхъ массъ населенія, интересы и нужды разнородныхъ слоевъ котораго ей были извѣстны весьма поверхностно.

Не отсюда ли возникла невозможность поднять и соответственно организовать на борьбу съ гибельнымъ для Россіи большевизмомъ крестьянскій слой, что въ свою очередь обусловило неуспѣхъ бѣлыхъ мобилизаций и предприняло возникновение облегчившихъ большевикамъ побѣду движеній Петлюры, Махио и зеленыхъ?

Не отсюда ли шло систематическое гашеніе духа самостоятельно поднивавшегося на борьбу казачества, приведшее къ роковому для исхода бѣлой борьбы самоотстраненію, въ концѣ 1919 и началѣ 1920 годовъ, Кубанской рядовой массы? Такимъ образомъ, если на Главнокомандующемъ и лежитъ какая-то доля вины за неуспѣхъ, то, во всякомъ случаѣ, львиная доля ответственности падаетъ на русскію интеллигенцію въ ея цѣломъ...

«Особенность и счастье русского бѣлаго движенія въ величайшей чести и безупречной доблести всѣхъ его вождей», когда-то сказалъ участникъ движенія и талантливый журналистъ Б. Суворинъ, «за что мы имъ обязаны глубочайшимъ уваженіемъ»...

Именно это чувство, сохранившееся, несмотря на повесенное пораженіе, сплотило вывезенныя въ Константинополь части Русской Арміи вокругъ послѣдняго Главнокомандующаго генерала барона Врангеля.

Базируясь на вывезенной изъ Крыма Арміи, генералъ бар. Врангель за рубежомъ приступилъ къ новой большой національной работѣ, описание которой, какъ и участіе въ ней Лейбъ-Гвардіи Казачьяго полка уже не входитъ въ рамки настоящей книги.

И. Н. Оприць.

Курбевуа.

1 мая 1939 г.

КОНЕЦЪ.

186

ПРИЛОЖЕНИЕ КЪ ГЛАВЪ XVI-A.

ИЗМѢНЕНІЯ ВЪ СПИСОЧНОМЪ СОСТАВѢ ЛЕЛѢЙ-ГВАРДИ КАЗАЧЬЯГО ПОЛКА
ВЪ ТЕЧЕНІЕ 1920-ГО ГОДА.

Зачислены въ списки полка приказами по Войску Донскому.

1.	Донской Атамань
Ген. Богаевскій	
	Африканъ Петроичъ	
2.	генералъ-лейтенантъ
баронъ Врангелъ
Петръ Николаевичъ.	въ знакъ признательности
Донского Войска
3.	Помощникъ Главнокомандующаго
генералъ-лейтенантъ
Шатиловъ
Иванъ Николаевичъ.	за нхъ дѣятельность.
4.	Генералъ-майоръ Фарафоновъ
Владимиръ Ивановичъ.	При назначеніи Ком. Гв. Каз.
бр., какъ бывшій командиръ
полка.

Зачислены въ списки полка для службы въ его рядахъ.

1.	Полковникъ Мишаревъ Александръ Андреевичъ	Изъ отставки. Коренной офицеръ и старшій командиръ полка. Занялъ должность коменданта полков. лазарета въ Севастополѣ.
2.	Есаулъ Ефремовъ Алексѣй Ивановичъ	Изъ отставки. Коренной оф. полка. Занялъ должность помощника полкового казначея.
3.	Хорунжій Упорниковъ Левъ Алексѣевичъ	Переведенъ изъ сотни конвоя Донского Атамана.
4.	Хорунжій Мигулицъ Григорій Петровичъ.	Изъ подхорунжикхъ полка.
5.	Хорунжій Прокофьевъ Николай Павловичъ	Изъ вольноопредѣл. полка.

Состояли въ прикомандированіи къ полку:

1.	Хорунжій Ярцевъ Алексѣй Васильевичъ.
2.	Штабсъ-капитанъ Романенко.
3.	Хорунжій Харламовъ Илья Ильичъ.
4.	Есаулъ Поталовъ Яковъ Ивановичъ.
5.	Хорунжій Мокровъ Андрей Дмитриевичъ.
6.	Хорунжій Тарасовъ Андрей Юльевичъ.
7.	Хорунжій Смертинъ.
8.	Сотникъ Егоровъ Алексѣй Федоровичъ — исполнялъ должность дѣлопроизводителя по хозяйств. части.
9.	Хорунжій Обуховъ Вячеславъ Васильевичъ (4 октября 1920 г. переведенъ Донскимъ Атаманомъ въ списки полка).

Выбыли из списков полка.

1. Хорунжий Поповъ Иванъ Ивановичъ	Убитъ въ бояхъ
2. Прикомандированной къ полку штабсъ-капитанъ Романенко	въ строю полка.
3. Полковникъ Мишаревъ Алекс. Андреевичъ	За смертью.
4. Войск. старш. Подполковникъ Сергій Петровичъ	Инвалидности по роду раненія.
5. Есаулъ Нарышкинъ Александръ Михайловичъ	Переводъ на службу въ Зимовую ст. въ г. Константинополь.
6. Сотникъ Чекуновъ Сергій Акимовичъ	Исключены по причинѣ не-пробытія одновременно изъ эвакуаціи за границу.
7. Хорунжий Жеребковъ Алексій Сергеевичъ	

Находились въ командировкѣ.

1. Полковникъ Андреевъ В. П.	Помощи командира полка конной Главнокомандующаго Русской Арміей.
2. Войск. старш. Рыковскій Ф. Ф.	Кромъ полусотни отъ Гвард. Каз. бр. того же полка конной
3. Подъес. Коблевъ Ю. М.	Кромъ Л. Каз. взвода той же полусотни.
4. Подъес. Лиховъ Н. Д.	Адъютантомъ Главнокомандующаго Р. А.
5. Подъес. Жеребковъ А. М.	Адъютант. Донск. Атамана.
6. Сотникъ Подиковъ Н. М.	Въ командировкѣ при Музеѣ и регалияхъ полка въ Константинополь.
7. Сотникъ Ефремовъ Н. П.	
8. Подъес. Ротовъ М. М.	Въ командировкѣ на подрывныхъ курсахъ.

Примѣчаніе. Войск. ст. Рыковскій, подъес. Жеребковъ, подъес. Ротовъ въ бытность полка на Крымскомъ фронтѣ, нѣкоторое время провели въ строю и принимали участіе въ боевой работѣ полка.

Находились внѣ строя полка, какъ не оправившіеся отъ раненій, полученныхъ въ теченіе 1919 года.

1. Полковникъ Оприца Н. Н.
2. Войсковой старшина Чеботаревъ В. С.
3. Сотникъ Чекуновъ Г. А.
4. Сотникъ Семилѣтовъ В. С.
5. Хорунжий Дубищевъ Г. А.

СПИСОКЪ ИСТОЧНИКОВЪ.

- 1) Документы полкового архива: приказы, приказанія, копія донесеній, послужные списки г. г. офицеровъ. Полковой и сотенные дневники боевых дѣйствій.
- 2) Краткая записка о дѣйствіяхъ полка въ гражданскую войну, составленная И. Оприщемъ въ 1921 году, по словеснымъ рассказамъ участниковъ-однополчанъ.
- 3) Записки, воспоминанія офицеровъ полка: В. И. Фарафоновъ, К. Р. Поддѣва, Н. В. Номикосова, Н. П. Воронина, Н. Г. Шамина, С. Н. Краснова, Ю. А. Черемшанскаго, Н. П. Ефремова, Н. Н. Ефремова, Ю. А. Могилевскаго, Г. М. Гринева, В. С. Семидѣтова, А. К. Авилова, П. П. и Н. П. Прокофьевыхъ, Н. Г. Евфимьева, А. С. Моргунова, М. М. Рогова, Ю. Н. Агафова, А. А. Грекова, Г. П. Мигулина и вахмистра-подхорунжика Колбасина.
- 4) Комментарій къ запискѣ И. Н. Оприца генераловъ П. Н. Краснова, Ф. Ф. Абрамова и В. А. Дьякова.
- 5) Сводка показаній нѣко орыхъ участниковъ-однополчанъ, произведенная по заказу полка въ 1924 году Ген. Штаба генераломъ Эрномъ.
- 6) Копія нѣкоторыхъ документовъ Донского Архива изъ Праги.
- 7) Ген. П. Н. Красновъ. «Всевеликое Войско Донское». Арх. Русск. Рев. Томъ V.
- 8) Ген. Денисовъ С. В. «Гражданская война на Югѣ Россіи», кн. 1-ая, 1921.
- 9) Полк. Добрынинъ. Борьба съ большевизмомъ на Югѣ Россіи, 1921.
- 10) Комплектъ журнала «Донская Волна» 1918-1919 г. г.
- 11) «Донская Лѣтопись». Три книги, 1923.
- 12) Макаренко. «Трагедія Казачества», 4 части, 1933 - 1938.
- 13) Ген. Врангель. «Записки», 2 тома. Бѣлое Дѣло, 1928.
- 14) Ген. Деникинъ. «Очерки Смуты», 5 томовъ, 1921-1926.
- 15) Гинсъ. «Себирь, Колчакъ, Союзники», 2 тома, 1921.
- 16) К. Н. Соколовъ. «Правленіе ген. Деникина», 1921.
- 17) «Гражданская война 1918 - 1920 г. г.», подъ ред. Бубнова, Камнева, Эйдмана и Тухачевскаго. Три тома. Изд. «Воен. Вѣстника СССР», 1928.
- 18) «Гражданская война». Матеріалы по ист. Кр. Арміи. Три тома, 1923. Изд. В. Воен. Р. Сов.
- 19) «Гражд. война. Дѣйств. на моряхъ и рѣчи. сист.», изд. Морск. Ист. Комм. 1926.
- 20) Н. Какуринъ. «Какъ сражалась революція», Госиздат, 1926.
- 21) Антоновъ-Овсѣенко. «Записки о гражд. войнѣ», 4 тома. Госиздат, 1928.
- 22) Ген. Е. И. Мартыновъ. «Армія въ Февральскомъ переворотѣ», 1927, изд. РККА.
- 23) Люшцевъ. «Очерки исторіи гр. войны», Госиздат, 1925.
- 24) Калинин. «Русская Вандея», Госиздат, 1926.
- 25) Егоровъ. «Разгромъ Деникина».
- 26) Матеріалы и труды, на кои въ текстѣ приведемъ ссылки.

О Г Л А В Л Е Н И Е,

Предисловіе	3
Списокъ с.г. офицеровъ Л.-Гв. Казачьяго полка, убитыхъ въ вооруженной борь- бѣ съ большевиками въ 1918, 1919 и 1920 г. г.	5
Списокъ с.г. офицеровъ Л.-Гв. Казачьяго полка, раненыхъ въ бояхъ съ крас- ными въ 1918, 1919 и 1920 г.г.	5
Глава I. Первая половина 1917 года	11
Глава II. Конецъ 1917 года	40
Глава III. Последний періодъ атаманства ген. Каледина и ходъ событий въ ст. Каменской	52
Глава IV. Новочеркасскъ въ январѣ и февралѣ 1918 года	71
Глава V. Ледяной походъ	91
Глава VI. Освобожденіе Новочеркасска	109
Глава VII. Атаманство генерала П. Н. Краснова	120
Глава VIII. Февраль 1919 года на Дону	147
Глава IX. Каменноугольный районъ въ мартѣ и апрѣлѣ 1919 года	166
Глава X. Общее наступленіе Донской арміи въ апрѣлѣ 1919 года	184
Глава XI. Августовское наступленіе красныхъ	201
Глава XII. Крушеніе «Московской директивы» и окончаніе неудачи 1919 года фронта Вооруженныхъ силъ Юга Россіи	230
Глава XIII. Кубань и Новороссійская эвакуація	271
Глава XIV. Первые мѣсяцы Крыма	298
Глава XV. Успѣхи Крымскаго фронта въ августѣ и сентябрѣ	314
Глава XVI. Конецъ Крымской борьбы	342
Списокъ источниковъ	365

189

Imprimerie VAL
124, Rue Compans, 124
— PARIS (XIX*) —

ГЛАВНѢЙШІЯ ОПЕЧАТКИ

188

Стр.	Напечатано	Нужно читать
3	авторитетный	авторитетный
17	декларация	декларация
26	проявивши	проявившими
56	укомплектование	укомплектование
68	образованъ	образованъ
73	Добровольской	Добровольческой
79	Подтекова	Подтелкова
92	показавшееся	показавшее
96	въ Задонье	въ Задонье
99	заняты	занятыми
102	Ново-Дмитриевскую	Ново-Дмитриевскую
103	Салы	Салы
107	Плево	Плево
126	Задонское	Задонское
131	Усть-Медвѣдичаго	Усть-Медвѣдичаго
142	разочтраваніемъ	разочтраваніе
160	на вершину	на вершину
>	Жирва	Жирва
191	сторожевое	сторожевое
264	56 тифозныхъ	424 тифозныхъ
>	424 безъ ибсти пропавшихъ	56 безъ ибсти пропавшихъ
265	Генеральнаго	Генеральнаго
266	Фабрицкй	Фабрицкй
272	отсталіише	отсталіише
273	увидѣсь	увидѣсь
281	Куб. Войска Войс. Ат. Кубинскаго	Куб. Войска Войс. Ат.
284	Генералу Дьякову	Ген. Дьякову
308	низшей	низшей
318	наполнѣнъ	наполнѣнъ
353	престолю	престолю
354	въ мѣстоположеніи	о мѣстоположеніи

